
О-31
Р.Ф.

СОЧИНЕНІЯ

П. ОВИДІЯ НАЗОНА

ВСѢ, КАКІЯ ДО НАСЪ ДОШЛИ.

ТОМЪ III-й:

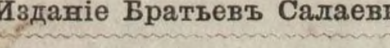
Фасты — Печальные стихи — Письма съ береговъ Понта — Отрывки.

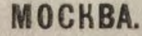
ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

АЛЕКСАНДРЪ КЛЕВАНОВЪ,

переводчикъ сочиненій Корнелія Непота, Юлія Цезаря, Саллюстія, Тита Ливія и Тацита.

3

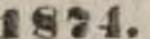

Изданіе Братьевъ Салаевыхъ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, НА САДОВОЙ, У ЯУЗСКОЙ ЧАСТИ, ВЪ ДОМѢ МЕДЫНЦЕВОЙ.

1874.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Потомственному Почетному Гражданину, Серпуховскому 1-и гильдіи Купцу

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

КОНШИНУ.

Милостивый Государь,

Николай Николаевичъ!

Этотъ томъ трудовъ моихъ приношу Вамъ, какъ и прежніе, посильнымъ выраженіемъ моей признательности за Ваше во мнѣ участіе и расположеніе; примите его также любезно, какъ и прежніе.

Вашъ покорный слуга

Александръ Клевановъ.

1874 г. Апрѣля 26 дня.
Серпуховъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА

КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ СОЧИНЕНІЙ ОВИДІЯ.

Первое мѣсто занимаютъ тутъ Фасты или Календарь, перечень празднествъ древняго религіознаго міра, изложенный въ поэтической формѣ; богатый матеріалъ ей дали разсказы миѳологическіе древнихъ, хотя безспорно за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ эпизодовъ, это произведеніе Овидія далеко ниже и по мыслямъ и изложенію *Превращеній*, Искуства любить и другихъ произведеній его лучшаго поэтическаго періода. И не удивительно, если принять въ соображеніе, что Фасты писаны Овидіемъ въ ссылкѣ, въ дикой странѣ Гетовъ и Сарматовъ, на берегу Дуная. Фасты болѣе ученое, чѣмъ поэтическое произведеніе; но они содержатъ драгоцѣнные матеріалы для исторіи всѣхъ вѣрованій вообще, представляющихъ между собою такъ много сходнаго относительно обрядовой стороны; съ большею опредѣлительностью укажемъ мы это въ своемъ мѣстѣ. *Фасты* Овидія содержатъ въ себѣ шесть книгъ и обнимаютъ шесть мѣсяцевъ первыхъ года отъ Генваря до Іюня включительно. Было ли только книгъ и написано, или ихъ больше было, но они утрачены—судить о томъ съ вѣрностью трудно; во всякомъ случаѣ Овидій предполагалъ изложить въ *Фастахъ* святыню цѣлаго года, но, вѣроятно, не успѣлъ въ томъ.—

Фасты посвящены Германику Цезарю; къ нему же обращено нѣсколько посланій Овидія изъ Понта, въ которыхъ онъ умоляетъ нестолько о прощеніи, сколько о перемѣнѣ мѣста ссылки. И тутъ нашъ поэтъ былъ несчастливъ въ выборѣ, обративъ свои мольбы къ Германику, а не къ Тиберію, о которомъ ни-

гдѣ не упоминается ни полслова, но такъ какъ Тиберій былъ всесиленъ въ послѣднее время правленія Августа и послѣ него наслѣдовалъ, а Германикъ погибъ жертвою его зависти; то бѣдный Овидій и умеръ въ ссылкѣ, тщетно взывая о пощадѣ.

Книга 1-я Фастъ. Ромулъ установилъ всего десять мѣсяцевъ, назвалъ первый *Марсовымъ* въ честь отца, второй въ честь Венеры, третій въ честь стариковъ, четвертый въ честь молодыхъ людей; слѣдующіе мѣсяцы получили названіе отъ чиселъ: Квинтилій (Іюль), Секстилій (Августъ), Сентябрь (седьмой), Октябрь (восьмой), Ноябрь (девятый) и Декабрь (десятый).—Преемникъ Ромула Нума прибавилъ два мѣсяца: Январь отъ Януса, бога начала всего, прозирающаго и въ прошедшее и въ будущее, и Февраль, посвященный тѣнямъ предковъ и поминовенію ихъ.

Первый день Января или начало новаго года у Римлянъ былъ днемъ подарковъ, дарили другъ друга сладкимъ и деньгами, сладкимъ, чтобы весь годъ прошелъ сладко, пріятно. По поводу даровъ Овидій дѣлаетъ устами Януса превосходныя разсужденія, великолѣпныя мысли, вполнѣ примѣнимыя къ нашему времени: „временемъ возрасла любовь, теперь достигшая высшей степени къ стяжанію и едвали есть куда идти ей дальше“.... „чѣмъ большимъ владѣютъ, тѣмъ большаго домогаются, снискиваютъ чтобы истратить, истраченное на перерывъ стараются снова пріобрѣсть. Высоко стоитъ значеніе денегъ: состояніе дастъ почести, состояніе—дружественныя связи; бѣднякъ вездѣ и всюду брошенъ.“ Говоря о движеніи созвѣздій, условливающихъ измѣненія времени, Овидій такъ выражается о тѣхъ которые стремились къ изученію законовъ великой природы:“ счастливые умы, которымъ первымъ заботою было—это узнать и стремились въ небесныя жилища. Ни наслажденія любви, ни вино не сломили возвышенныхъ мыслей, ни обязанности форума, ни труды военные, ни пустое честолюбіе, ни слава, прикрытая ложнымъ блескомъ; не тревожила ихъ жажда великихъ богатствъ. Придвинули къ нашимъ глазамъ отдаленныя свѣтила и эфиръ подчинили своему генію. Такъ то нужно въ небо стремиться, а не взваливать на Оссу Олимпъ и пытаться, чтобы Пеліакская вершина коснулась до звѣздъ.“

Любопытно высказанное Овидіемъ убѣжденіе, что, прежде богослуженія съ приношеніемъ кровавыхъ жертвъ, было другое

болѣе чистое:“ прежде боговъ примиряло съ человѣкомъ приношеніе муки и блестящихъ крупинокъ чистой соли.“ Первую въ жертву Церерѣ, богинѣ земледѣлія по преданіямъ древности, стали приносить свинью за то, что она наноситъ вредъ посѣяннымъ полямъ; вслѣдъ за тѣмъ стали приносить Вакху въ жертву козла за то, что онъ объѣдаетъ листъ винограда, Пріапу стали приносить въ жертву осла за то что тотъ несвоевременнымъ ревомъ помѣшалъ Пріапу насладиться нимфою Лотидою, къ которой сонной онъ подобрался и уже поднималъ съ ногъ одежду. Этотъ прелестный эпизодъ расказанный съ свойственною Овидіею граціею, напоминаетъ собою лучшія его любовныя стихотворенія перваго періода поэтической дѣятельности, но тутъ производитъ тяжелое впечатлѣніе какъ улыбка сквозь слезъ или теплый лучъ солнца, на мгновеніе блеснувшій въ холодный ноябрскій день.

Поэтъ здѣсь въ одномъ мѣстѣ говоритъ о себѣ словами матери Евандра, „не плачь, судьбу эту надобно переносить тебѣ съ твердостію. Такъ назначено свыше; тебя отправила не вина въ ссылку, но Богъ; изъ города изгнанъ ты оскорбленнымъ божествомъ, несешь ты не наказаніе за заслугу, но гнѣвъ божества.“ Превосходно заключеніе: „твердому каждая почва—отечество; какъ для рыбъ открыто море, какъ птицѣ воздухъ, такъ ему доступенъ весь кругъ земной. И не въ продолженіи цѣлаго года бушуетъ свирѣпая буря и для тебя, повѣрь мнѣ, наступитъ время весны“..... Для Овидія этой, имъ ожиданной, весны не наступило; онъ умеръ въ ссылкѣ на берегахъ Дуная. Судьба кого начнетъ разъ преслѣдовать, изъ рукъ не выпуститъ.

Вообще ни одно произведеніе Овидія не заключаетъ въ себѣ столько обращеній къ Августу, его семейству, его любимцамъ, какъ Фасты; изгнанный поэтъ самою безсовѣстною лестью старается смягчить своихъ палачей, разъигрываетъ поздно и неудачно роль придворнаго поэта и если жаль нѣжнаго поэта любви, сосланнаго среди дикихъ Сарматовъ и Гетовъ; то, по чувству человѣческаго достоинства, такъ мало цѣнимаго и признаваемаго, радуемся, что эта, конечно обстоятельствами вынужденная, подлость Овидія, его низкая угодливость, остались безъ успѣха.

До чего сердиты были Римскіе матроны (матери семействъ) и какъ ревниво отстаивали они, во что бы то не стало, свои права, видно изъ того, что въ Январскомъ календарѣ былъ особый праздникъ въ воспоминаніе того, что, когда у матронъ Сенатъ отнялъ право ѣздить на повозкахъ, то они мстили уничтоженіемъ плода въ маткѣ и дѣло кончилось тѣмъ, что поставили на своемъ—право ѣздить на повозкахъ имъ возвращено, и установленъ еще особый праздникъ.—

Вторая книга Фастъ посвящена Февралю мѣсяцу; это мѣсяцъ очищенія и поминовенія усопшихъ.—Тутъ въ началѣ есть хвалебный гимнъ, въ которомъ поэтъ сравниваетъ Августа съ Ромуломъ и во всемъ отдаетъ ему, Августу, преимущество передъ основателемъ Римскаго могущества.—Эпизодъ нимфы Каллисто, служительницы Діаны, утратившей дѣвство съ Юпитеромъ, обращенной ревнивою Юноною въ медвѣдицу, а Юпитеромъ перенесенную созвѣздіемъ на небо вмѣстѣ съ сыномъ его отъ Каллисто, собиравшимся по невѣдѣнію застрѣлить мать, встрѣченную имъ въ лѣсу. Эпизодъ о доблестной смерти трехсотъ Фабіевъ, разсказанный Овидіемъ въ угоду ему современному Фабію Максиму, одному изъ любимцевъ Августа, отъ котораго онъ ждалъ помилованія или облегченія ссылки—Эпизодъ Фавна: видя Геркулеса съ женою его Деянирою, Фавнъ влюбился въ послѣднюю; Геркулесъ съ женою ушелъ ночевать въ гротъ и тамъ шутя перемѣнился съ женою одеждами и такъ легли спать врозь, потому что собирались въ чистотѣ встрѣтить праздникъ обрѣтателя винограда! Влюбленный Фавнъ подкрался ночью и сначала къ Деянирѣ, но коснувшись львиной шкуры, которою она была одѣта, отскочилъ какъ отъ змѣи, потомъ подошелъ къ Геркулесу и ощупавъ нѣжныя покровы, прилегъ на край кровати, причемъ tumidum cornu durius inguen erat... Геркулесъ, почувствовавъ попытку поднять у него подолъ рубашки, столкнулъ дерзскаго локтемъ съ кровати.—Тотъ такъ разшибся, что едва поднялъ свои члены съ твердой земли."—Дни поминовенія умершихъ; болтливая Ютурна, изнасилованная Меркуріемъ, родитъ двухъ домашнихъ божковъ—Ларовъ.—Праздникъ въ честь живыхъ, въ честь Термина, бога рубежей—изгнаніе Тарквиніевъ вслѣдствіе насилія, нанесеннаго Лукреціи и добровольной смерти ея, не пережившей безчестіе. Прилетаетъ

ласточка (въ концѣ Февраля) предвѣстница весны. Поэтъ справедливо замѣчаетъ: „часто впрочемъ, Прокне, будешь жаловаться, что слишкомъ поспѣшила, и мужъ твой Терей будетъ радоваться, что тебѣ будетъ холодно.—

Книга третья *Фастъ* начинается обращенiемъ къ Марсу, любовное его приключенiе съ Сильвiею, матерью Ромула и Рема— начало Рима, перемѣны въ Календарѣ отъ Ромула до Цезаря— война изъ за похищенныхъ Сабинокъ и то, какъ онѣ мирятъ своихъ мужей съ отцами и братьями—Нума, при содѣйствiи вынужденномъ Пика и Фавна, вызываетъ Юпитера и умилостивляетъ его молнiи, праздникъ Юпитера маленькаго (Веiовиса)— вѣнокъ Арiадны, перенесенный на небо въ созвѣздiе Вакхомъ— праздникъ Анны Перенны—Анна, сестра Дидоны, ея бѣгство изъ Африки, приплываетъ въ Италiю, снова вѣтеръ отгоняетъ отъ берега вглубь моря, крушенiе у береговъ Италiи, свиданiе съ Энеемъ, его участiе въ ней, ревность Лавинiи, жены Энеевой, бѣгство и гибель въ водахъ Нумицiя—другая Анна—простой народъ, поссорившiйся съ патрицiями и удалявшiйся на Священную гору, нуждавшiйся тамъ въ пищѣ, кормитъ пирожками. Анна Перенна подшучиваетъ надъ Марсомъ, влюбленнымъ въ Минерву и взявшись устроить съ нею свиданiе, обманываетъ его и сама вмѣсто Минервы приходитъ на свиданiе съ нимъ.... Шутка конечно открылась.—Воспоминанiе объ убiйствѣ Цезаря—праздникъ Вакху, открывшему винодѣлiе и употребленiе меда, который ему же приносился въ жертву на хлѣбныхъ лепешкахъ — въ праздникъ Вакха давалась молодымъ людямъ *тога свободная*— праздникъ Паллады, богини женскихъ работъ—разсказъ о бѣгствѣ Гелле и Фрикса на златорунномъ баранѣ; Гелле утонула давъ свое имя Геллеспонту; баранъ сдѣлался созвѣздiемъ, а золотое руно досталось Колхидѣ.—

Фастовъ книга четвертая. Начинается обращенiемъ къ Венерѣ и Цезарю съ указанiемъ родства между ними—происхожденiе наименованiя Апрѣля отъ пѣны морской, въ которой родилась Венера, отъ того, что земля открывается и прочее.... Тутъ есть ясное указанiе, что Фасты писаны Овидiемъ въ изгнанiи. Говоря о переселенцахъ изъ Грецiи, Овидiй упоминаетъ о Солемѣ Фригiйцѣ, основателѣ Сульмона, родины Овидiя. Обращаясь къ Германику, Овидiй говоритъ: „Германикъ, прохладный Сульмонъ

—моя родина. О я несчастный, какъ далека она отъ Скифской почвы! И такъ я столь долеко? но, муза, подави жалобы; на священной лирѣ не слѣдуетъ тебѣ пѣть печальное.“—Гимнъ Венерѣ, все производящей силою любви и соединеній—соотвѣтствіе ея значенія съ наступленіемъ весны въ Апрѣлѣ—праздникъ судьбы мущинъ, въ который женщины, раздѣвшись до нага, должны были мыться на открытомъ воздухѣ подъ тѣнью мирта—появленіе плеядъ на Горизонтѣ—праздничныя дни Идейской родительницы—преданіе о рожденіи Юпитера и какъ онъ скрытъ отъ Сатурна. Происхожденіе эвнуховъ: Аттисъ даетъ обѣтъ невинности богинѣ, но лишается чистоты съ нимфою Сагаритидою, приходитъ въ изступленіе и острымъ камнемъ лишаетъ себя дѣтородныхъ частей. Примѣръ Аттиса вызвалъ подражателей и служители Цыбелы были скопцы!... Понятіе о тѣлесной чистотѣ, доведенное до изувѣрства, вызывало такія крайности при свободномъ служеніи Венерѣ, Пріапу и проч. въ то время, когда отправленіе физической потребности—совокупленіе разныхъ половъ—было принадлежностью религіи. Какія крайности находимъ въ древнемъ мірѣ! Но человѣкъ всегда человѣкъ и хорошее крайностями обращаетъ во зло и на оборотъ во злѣ, въ лишеніи, въ страданіи, самооскопленіи воображаетъ творить доброе и спасительное для себя дѣло.—Подробный разсказъ о томъ какъ мат боговъ перевезена съ Иды въ Римъ—игры Цереры, благодѣянія ея человѣчеству, похищеніе ея дочери Прозерпины Плутономъ, богомъ подземнаго царства—Церера ищетъ дочь, узнаетъ о ея участи, но мирится съ нею при посредствѣ Юпитера—праздникъ беременныхъ, когда приносилась въ жертву беременная (стельная) корова—Палиліи, пастушескій праздникъ очищенія скота; въ числѣ обрядовъ нужно было перепрыгивать черезъ три, рядомъ помѣщенныхъ, костра и кропить себя водою при помощи лавровой вѣтки.—Возвращается поэтъ ко времени построенія Рима—описываетъ смерть Рема убитаго Целеромъ противъ воли Ромула. Праздникъ общедоступныхъ дѣвушекъ, называется *виналіа*, историческое его происхожденіе—праздникъ и жертвоприношеніе ржавчинѣ, чтобы она щадила посѣянные хлѣба, а глодала бы одно желѣзо: ржавчинѣ приносили въ жертву собаку—праздникъ Весты, которымъ оканчивается Апрѣль.

Фастовъ пятая книга, мѣсяцъ Май. Происхожденіе названія этого мѣсяца отъ *величія* (majestas), отъ предковъ или вообще старшихъ возрастомъ (majores) отъ Маіи, одной изъ Плеядъ, совокупившейся съ Юпитеромъ—Амалтеина коза, питавшая Юпитера, сломала рогъ, впослѣдствіи наполненный плодами и названный рогомъ изобилія—праздникъ богини цвѣтовъ Флоры, по гречески Хлорисъ и игры въ честь ея установленныя, посвященъ былъ исключительно наслажденію прелестями жизни: «примѣромъ своимъ цвѣты учатъ наслаждаться пока цвѣтутъ, а осыпятся розы, останутся одни шипы, достойные пренебреженія». — Юнона желаетъ родить сама по себѣ безъ Юпитера и вообще содѣйствія мужескаго начала; Флора даетъ ей цвѣтокъ, отъ прикосновенія котораго она беремѣнѣетъ и родитъ Марса.— Праздникъ тѣней или правильнѣе поминовенія ихъ; замѣчательны суевѣрные обряды: желающій почтить тѣни предковъ встаетъ босой ночью, *средній палецъ соединяетъ съ большимъ* для того, чтобы легкая тѣнь не попалась ему на встрѣчу, потомъ, оросивъ руки чистою водою источника, поворачивается и взявъ въ руки черныя бобинки, бросаетъ ихъ за себя съ словами: «себя и своихъ выкупаю я этими бобами». Девять разъ говоритъ это, неоглядываясь назадъ. Поминовеніе это будто бы въ память убитаго Целеромъ Рема, установлено Ромуломъ и названо *Ремуріи*, а потомъ передѣлано въ Лемуріи. Замѣчательно, что уже въ то время было въ Римѣ повѣрье, что въ маѣ не хорошо жениться. Такъ Овидій приводитъ простонародную поговорку, что въ маѣ одни злыя женщины выходятъ за мужъ. Любопытенъ разсказъ Овидія о происхожденіи Оріона или правильнѣе Уріона; въ этомъ разсказѣ обнаруживается какъ первоначально чистыя вѣрованія древности до какого дошли безобразнаго разгула дикой фантазіи!... Изволите видѣть: Юпитеръ, Нептунъ и Меркурій прогуливались по землѣ: дѣло было къ вечеру, передъ бѣдною хижиною стоялъ владѣлецъ небольшаго поля Тріей и пригласилъ странниковъ, въ которыхъ предполагать божества былъ онъ далекъ отъ мысли. Тѣ приняли его гостепріимство; радушный старикъ ничего не жалѣлъ изъ своего скуднаго имущества, чтобы угостить достойно гостей. Тѣ, открывъ въ себѣ боговъ, велѣли ему просить чего онъ захочетъ, старикъ говоритъ, что мила ему была жена, похищенная смертью, ей онъ поклялся, послѣ ея смерти ни

съ кѣмъ не соединяться бракомъ, а онъ желалъ бы сдѣлаться отцомъ не бывъ ничьимъ мужемъ. Что же дѣлаютъ боги? Становятся кругомъ шкуры быка, имъ же принесеннаго старикомъ въ жертву и туда испражняются урцною; все это заброса́но землею, а черезъ десять мѣсяцевъ родится мальчикъ Урiонъ или Орiонъ.—Замѣчательно, что окропленiе водою, какъ очищающимъ однимъ этимъ, безъ омовенiя, средствомъ было въ древнемъ Римѣ: близко отъ Капенскихъ воротъ находилась вода Меркурiя; въ ней мочили изъ лавровыхъ сучьевъ вѣникъ и окропляли все, что должно было имѣть новыхъ хозяевъ: и сами торговцы окропляли себѣ головы и говорили: «смой ложныя клятвы прошлаго времени, смой слова обмана прошедшаго дня.... дай мнѣ барышъ, дай утѣху сдѣланнымъ барышамъ и соверши чтобы на пользу было обмануть покупателя». Такiя точно или подобныя мольбы нерѣдко дѣлаетъ въ душѣ и теперь нашъ торговецъ, ставя свѣчку или зажигая лампаду на деньги обманомъ ближняго доставшiяся. Люди всегда одни, мѣняется только маска. Касторъ и Поллуксъ дѣлаются небесными жителями; — праздникъ Вулкана очищенiя трубъ.

Шестая книга *фастъ* начинается высокою мыслью, превосходно выраженною: «дѣйствительно совершившееся пою, говоритъ Овидiй, но найдутся которые скажутъ, что это мой вымыселъ. Есть въ насъ божество; имъ волнуемые разгорячаемся; порывъ этотъ заключаетъ въ себѣ зародыши (сѣмена) священнаго смысла».... О происхожденiи названiя *Iюня* или отъ Юноны въ честь ея, или отъ имени супруги Геркулеса, или отъ молодыхъ людей, какъ Майй получилъ наименованiе отъ стариковъ—праздникъ Карны, богини затворовъ, получившей это право отъ бога Януса, воспользовавшагося ея невинностью—праздникъ Весты.— Не можемъ не привести словъ Овидiя по поводу Весты, доказывающихъ, что познанiя древнихъ о землѣ и ея природѣ были вполнѣ основательны и не много развѣ отстали отъ насъ современныхъ. Не угодно ли прислушать: «Веста она же и земля; присущъ обоимъ бодрствующiй, неугасающiй, огонь; земля и очагъ обозначаютъ свое мѣстопребыванiе. Земля, мячу подобная, неутвержденная ни на какой подставкѣ, такое тяжелое бремя виситъ въ находящемся подъ нею воздухѣ. Самая подвижность (собственно: вращательность) поддерживаетъ уравновѣшенный

шаръ; совершенное отсутствіе угловъ, которые производили бы давленіе (гнетъ) на части».... Но по понятіямъ древнихъ земля была средоточіемъ всего міра, тогда какъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, земля составляетъ незамѣтную песчинку въ массѣ существующихъ міровъ. Овидій говоритъ: «и земля представляетъ тяжесть въ серединѣ міра». Глобусъ, подобіе земнаго шара, былъ уже въ то время сдѣланъ, и о немъ упоминаетъ Овидій.

Но вообще, за исключеніемъ немногихъ свѣтлыхъ и возвышенныхъ мыслей, нѣсколькихъ съ прежнею граціею Овидія разсказанныхъ Эпизодовъ, Фасты далеко ниже другихъ произведеній Овидія: ни ладу, ни складу въ нихъ нѣтъ, постоянныя обращенія къ Цезарю—подлость безполезная—утомляютъ читателя; въ Фастахъ вообще много искуственности, натянутости это произведеніе не свободной фантазіи художника, а какъ бы заказное, ex officio кое-какъ выполненное; проблески истиннаго дарованія Овидія есть, но они утонули во множествѣ мишурныхъ украшеній, повтореній, воззваній къ Цезарю и разныхъ, не стоящихъ вниманія, мелочей.

Тристы или *печальныя пѣсни* Овидія въ художественно творческомъ отношеніи стоятъ гораздо выше Фастъ. Тяжелое производятъ они впечатлѣніе: это однообразная пѣснь ссыльнаго, вотще взывающаго о волѣ, отечествѣ, родныхъ, произволомъ властителя брошеннаго на пустынные въ то время берега Дуная. Это вопль души, заживо терзаемой всѣми лишеніями и страданіями, для человѣка чувствительными. Нѣжный поэтъ любви сосланъ среди кочующихъ, дикихъ, воинственныхъ Гетовъ и Сарматовъ, оторванъ отъ всего, что дорого человѣку не по тѣлу только, но и по духу; человѣкъ развитый, образованный лишенъ всякой умственной пищи. Страданіе двойное и такое, передъ которымъ немедленная смерть по мимо ужаса всего живущаго передъ разрушеніемъ, была бы истиннымъ благодѣяніемъ. Подслушаемъ же эти мотивы терзаемой души поэта, мотивы, которые будутъ повторяться до безконечности до тѣхъ поръ, пока произволъ безгранично будетъ господствовать надъ личностью. Если нельзя читать безъ самаго искренняго и глубокаго сочувствія грустныя пѣсни безсмертнаго поэта, то негодованіе каждаго развитаго и самостоятельнаго человѣка вызы-

ваетъ это униженіе, отреченіе собственнаго достоинства, съ какимъ Овидій говоритъ объ Августѣ, своемъ же палачѣ; такъ онъ называетъ его божествомъ, восхваляетъ его благодушіе и прочія доблести, конечно цѣль понятная—если не быть возвращеннымъ, то перемѣнить мѣсто ссылки на менѣе суровое.... Но эти фальшивыя ноты поклоненія Августу раздираютъ душу и производятъ самое непріятное впечатлѣніе. *Элегія первая*: бесѣдуетъ съ книжкою его, Овидія, стиховъ, отправляемою имъ въ Римъ; не можемъ не привести изъ нея двухъ стиховъ: «милая книжка, озирайся, робкая мыслями и довольно съ тебя, если тебя будетъ читать среднее сословіе» т. е. нелѣзь къ сильнымъ міра, оставь ихъ въ покоѣ. — Во *второй* элегіи Овидій описываетъ бурю, которую вынесъ на морѣ корабль, уносившій его въ страну изгнанія. Поэтъ страдалецъ говоритъ между прочимъ: «не смерти боюсь, но родъ смерти очень бѣдственъ; отнимите кораблекрушеніе; смерть мнѣ будетъ даромъ».—Въ *третьей* элегіи Овидій описываетъ въ высшей степени печальную, послѣднюю ночь, проведенную имъ въ Римѣ передъ отправленіемъ въ ссылку. Видно, что исполненіе приказанія Августа послѣдовало немедленно, и что поэту не дали возможности даже дать извѣстіе единственной его дочери, находившейся у береговъ Ливіи, вѣроятно, вмѣстѣ съ мужемъ, посланнымъ туда по службѣ. Сколько раздирающей грусти, невыразимаго горя въ словахъ: «жена живая отъ меня живаго на вѣки оторвана, и домъ, и нѣжные члены вѣрнаго дому.... Дайте обниму васъ, пока возможно; можетъ быть болѣе уже никогда не представится этой возможности. Каждый, который дается мнѣ часъ—въ барышахъ».... Какъ трогательно прекрасно описано прощаніе съ женою: она хотѣла сопровождать поэта въ ссылку, но должна была остаться *по расчетамъ пользы*. Въ четвертой элегіи описываетъ бурю, которая относила корабль Овидіевъ къ берегамъ запрещенной для него Италіи.—Пятая элегія обращена къ вѣрному другу, неоставившему Овидія въ постигшей его бѣдѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что обвиненіе Овидія въ безнравственности за его произведеніе «искусство любить» было только предлогомъ къ его Овидія ссылкѣ, предлогомъ, выставленнымъ для народа или общества, чтобы скрыть дѣйствительный, остававшійся государственною тайною. Овидій только намекаетъ на него, но нигдѣ не высказывается, нисколько

о сущности его. Такъ и въ этой элегіи онъ говоритъ: «необходимо, чтобы нѣкоторая доля моихъ бѣдствій умерла вмѣстѣ со мною, и я желалъ бы, чтобы она навсегда оставалась скрытою моимъ притворствомъ». Предположеніе многихъ о томъ, будто Овидія вина заключалась въ преступной связи съ дочерью Августа Юліею, которую онъ будто бы и называетъ въ своихъ стихотвореніяхъ *Коринною*—совершенно неосновательно. Овидій въ то время былъ уже не въ тѣхъ лѣтахъ, когда соблазняютъ: онъ былъ мужемъ женщины, имъ, какъ видно изъ его же произведеній, любимой, отцомъ взрослой, отданной за мужъ дочери... Время любовныхъ шалостей для него прошло; да если вѣрить Овидію самому, и признаюсь я отъ себя вѣрю, онъ былъ совсѣмъ не такъ легкомысленъ, вѣтренъ и влюбчивъ на дѣлѣ какъ высказывалъ на словахъ. И въ дѣйствительной жизни не встрѣчаемъ ли мы часто, что люди, отчаянные повѣсы на словахъ, въ дѣйствительности скромны сравнительно съ тѣми людьми, которые, избѣгая каждаго двухсмысленнаго слова въ обществѣ, по закоулкамъ и гдѣ можно втайнѣ, предаются безгранично самому необузданному и даже неестественному разврату.

Элегія шестая обращена къ женѣ, которой онъ высказываетъ подобострастную, униженія полную, нѣжность, утративъ въ бѣдѣ всякое сознаніе достоинства мужчины и мужа; но какъ трогательно читать эти слова великаго человѣка къ слабой женщинѣ: «на тебѣ, какъ на подставленной подпоркѣ, опирается моя развалина; если до сихъ поръ я еще что-нибудь—это твой даръ. Изъ этого стихотворенія узнаемъ, что жена Овидія была близка къ женѣ Августа: «продолжительною свычкою сдѣлала она, жена Цезаря, тебя себѣ подобною».

Въ седьмой элегіи говоритъ о своихъ портретахъ, что не идетъ его печальнаго изображать въ плющевомъ вѣнкѣ, какъ атрибутѣ радости; тутъ узнаемъ, что уже въ то время Римляне носили въ медальонахъ портреты людей имъ близкихъ и хорошо знакомыхъ. Еще узнаемъ отъ Овидія, что онъ—Метаморфозы и очень многія изъ своихъ произведеній, отправляясь въ ссылку, предалъ огню. Но были уже списки—Метаморфозъ въ рукахъ другихъ и такимъ образомъ это великое произведеніе сохранилось для потомства противъ воли его автора; впрочемъ, онъ мирится съ этою мыслью, и проситъ у читателя не похвалы, но

извиненія въ недостаточности отдѣлки, оканчиваетъ шестью стихами, эпиграфомъ для метаморфозъ.—*Элегія 8-я* горько упрекаетъ въ ней Овидій друга, на помощь котораго расчитывалъ, но тотъ измѣнилъ ему.—*Элегія* 9-я говоритъ о друзьяхъ и между прочимъ высказываетъ эту непреложную истину: «пока счастливъ будешь, много насчитаешь друзей; если наступитъ пасмурное для тебя время, будешь одинъ»—обращена эта элегія къ другу, проситъ о защитѣ, упоминаетъ о винѣ своей; какъ мило выражается объ *искусствѣ любить* мнимой причинѣ его ссылки: „ты знаешь, что то была шутка молодости, хвалить конечно нельзя, но все же то была шутка".—*Элегія* 10-я обращена къ кораблю, везшему Овидія до мѣста ссылки, поэтъ хвалитъ его крѣпость, его быстроту и проситъ благополучно доставить къ мѣсту назначенія.—Элегія одиннадцатая и послѣдняя первой книги излагаетъ, что всѣ элегіи этой книги писаны Овидіемъ во время переѣзда. Поэтъ самъ удивляется, что могъ еще что-нибудь произвести среди такихъ волненій и собственной души и моря. Нельзя читать безъ душевнаго содроганія объ этой борьбѣ нѣжнаго и великаго поэта съ бѣдствіями: бѣдственъ, страшенъ былъ переѣздъ, но что же хорошаго сулило и будущее? Благополучное прибытіе поэта на дикіе берега Понта (Чернаго моря) можно ли было назвать благополучнымъ для него событіемъ? Переѣздъ какъ ни былъ тяжелъ, но все же самое разнообразіе, неизбѣжное съ постоянною перемѣною мѣстности, служило поэту развлеченіемъ, не могло не дѣйствовать на его впечатлительную душу, но вотъ онъ, Овидій, прибылъ на мѣсто ссылки: онъ остался одинъ съ своими мыслями, воспоминаніями, сожалѣніями объ утраченной на вѣкъ семьѣ, о разлукѣ со всѣмъ, что человѣку бываетъ дороже жизни. Вотъ тяжкія минуты! Не дай Богъ и злѣйшему врагу.... но когда Овидій терзался душою на пустынныхъ берегахъ Дуная, Августъ благодушествовалъ въ Римѣ, убаюканный лестью придворныхъ и раболѣпствомъ черни, угождая дурнымъ инстинктамъ которой подавилъ онъ все, что было развитаго, самостоятельнаго душою въ Римскомъ государствѣ. Если бы Овидій былъ дѣятелемъ политическимъ, опаснымъ для власти Августа — преслѣдованіе его было бы понятно; но нѣжный поэтъ любви, человѣкъ мирный, думавшій только о томъ, какъ бы спокойно наслаждаться жизнью

и ея благами, произведенія котораго при всей возвышенности мыслей и прелести изложенія ничего съ политикою общаго не имѣютъ—отправленъ въ ссылку на край тогдашняго Римскаго міра!... Не былъ ли это полный разгулъ произвола, который уже не нуждался даже въ причинахъ вины, а только хотѣлъ показать, что ему все возможно.... Ссылка Овидія ложится неизгладимымъ пятномъ на памяти Августа.... умолкъ соловей Овидій и съ нимъ Римская поэзія: смерть Цицерона положила конецъ краснорѣчію форума, а ссылка Овидія, какъ примѣръ предостереженія для другихъ поэтовъ, заставила умолкнуть ихъ навсегда.... Неправда ли любопытно, что блюстителемъ строгой нравственности и карателемъ ея малѣйшихъ нарушеній является Императоръ Августъ, отнявшій жену у Тиберія Друза, ту самую Ливію, которую и Овидій восхваляетъ, конечно невольно, какъ образецъ всѣхъ супружескихъ и семейныхъ добродѣтелей.

Вторая книга *Тристъ*—печальныхъ стихотвореній—заключаетъ въ себѣ всего одну элегію, за то огромную, она содержитъ въ себѣ пятьсотъ семьдесятъ восемь стиховъ и обращена вся къ Императору Августу, у котораго онъ проситъ прощенія: „гнѣвъ твой, говоритъ поэтъ обращаясь къ Августу, справедливъ, не буду отрицать, что заслужилъ я его—не до того же стыдъ бѣжалъ отъ моего лица! Но не согрѣши я, въ чемъ же бы ты показалъ милость? Мы уже говорили—какое тяжелое, невыносимо грустное впечатлѣніе на насъ производятъ эти мольбы поэта Августу его каравшему; точно изъ подъ розокъ молетъ наказываемый, да еще хвалитъ ту руку, которая терзаетъ его до глубины души!—Но оставимъ льстивыя выраженія, коснемся выраженій поэта, которыя нѣсколько его объясняютъ его участь. Уже не разъ упоминали мы, что въ постигшемъ его гнѣвѣ Августа винитъ поэтъ *ошибку* (error) и стихотвореніе (поэму: „искусство любить“). О первой выражается поэтъ здѣсь яснѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ: „зачѣмъ я что то видѣлъ? Зачѣмъ глаза свои сдѣлалъ преступными? Зачѣмъ мнѣ неосторожному сдѣлалась извѣстна вина? Незная Актеонъ увидалъ безъ платья Діану и тѣмъ не менѣе сдѣлался добычею своихъ собакъ; относительно высшихъ существъ, и за судьбу, за случай нужно отвѣчать“.... Ясно, какъ мнѣ кажется, что Овидій сдѣлался невольно свидѣтелемъ какой либо сцены семейной Августа, вѣроятно скандаль-

ной въ высшей степени, а чтобы поэтъ молчалъ—и не вздумалъ бы пожалуй передать въ стихахъ потомству—его сослали туда, гдѣ и звуковъ Римской рѣчи раздавалось очень мало, и притомъ подъ надзоръ начальства. Какъ о снисхожденіи Августа говоритъ поэтъ о томъ, что осужденъ онъ Овидій не декретомъ сената и что его ссылка не опредѣлена приговоромъ выборныхъ судей, и что въ указѣ (эдиктѣ) Августа названъ онъ *сосланнымъ*, а не *изгнаннымъ*.... Умоляя Августа о прощеніи, Овидій домогается не возвращенія, но болѣе мягкаго и близкаго мѣста ссылки.. — За тѣмъ Овидій говоритъ о своей поэмѣ *искусство любить*, навлекшей будто-бы гнѣвъ Цезаря, а конечно со стороны хитраго Августа былъ только предлогъ, брошенный толкамъ публики, чтобы истинный, настоящій поводъ остался въ тѣни и не сдѣлался бы предметомъ общихъ разговоровъ, гласности своего рода, насколько она была возможна въ Римскомъ мірѣ.—Овидій довольно смѣло, и съ юморомъ своего рода, высказываетъ несостоятельность обвиненія его Овидія за *искусство любить*. — Когда тебѣ, Цезарь, подъ бременемъ такихъ заботъ, читать такія пустыя стихи?... Они слишкомъ вольны, слова нѣтъ, но законамъ не противны, писаны не для замужнихъ женщинъ, но для общедоступныхъ. Но ихъ опасно, вредно читать молодымъ женщинамъ? Что-же послѣ того безопасно?—Лѣтописи? Но что же ихъ скабрезнѣе? На первой же страницѣ прочтетъ, что Илія забрюхатѣла отъ Марса.... И въ храмы ходить нужно запретить имъ женщинамъ, и невиннымъ дѣвушкамъ: прійдетъ ли въ храмъ Юпитера, вспомнитъ сколь многихъ сдѣлалъ онъ матерями.... Пойдетъ въ храмъ Марса, передъ дверьми увидитъ Венеру съ нимъ соединенную.... Тутъ узнаемъ, до чего свобода разврата господствовала въ Римѣ: „суровой матери семействъ приходится видѣть стоящими голыхъ женщинъ, готовыхъ себя отдать на всѣ виды любовнаго наслажденія“.... И Весталки видятъ тѣла продажныхъ женщинъ, и хозяину послѣднихъ неставится это въ вину.... Далѣе Овидій говоритъ: „почему необузданность языка и любовныхъ образовъ вмѣнена ему одному въ вину, тогда какъ у него много есть предшественниковъ на этомъ поприщѣ, поэтовъ, нисколько не скромнѣе его въ выраженіяхъ, но ихъ всѣ читаютъ и хвалятъ? онъ перечисляетъ нѣкоторыхъ изъ этихъ поэтовъ.... Послѣ длиннаго списка Овидій выводитъ такое заключеніе: „однимъ словомъ,

изъ стольких писателей не вижу ни одного, котораго погубила бы его Муза, одинъ я нашелся.... Далѣе поэтъ говоритъ о необузданности театральныхъ мимовъ — представленій — гдѣ обманъ мужей женами на первомъ планѣ и ловкой обманщицѣ рукоплещетъ публика.... Смѣло, и не въ пользу поэту, было высказать такую правду, обратясь къ Августу: „глазами твоими, весь которыми пользуется кругъ земной, весело смотрѣлъ ты на сценическія прелюбодѣянія". Еще совершенно основательно замѣчаетъ Овидій: *Искусство любить* произведеніе молодости поэта и тогда ему въ вину не ставилось, почему теперь, когда я уже старикъ, обращается мнѣ во вредъ?... Значитъ дѣло подошло къ случаю: нуженъ былъ предлогъ и такой найденъ въ развратномъ будто бы направленіи Овидія.... Замѣчательны еще слова его: „повѣрь мнѣ, большая разница между моими стихами и нравственностью; живу я скромно, а Муза моя шутница.... Большая часть того, что я говорю въ своихъ произведеніяхъ, вымышлена и сочиненіе позволило себѣ гораздо больше сочинителя".... Весьма сомнительно, что бы эта просительно защитительная элегія дошла до Августа, но если и дошла, то не могла содѣйствовать прощенію Овидія: до того ясно обличилъ онъ несостоятельность взведеннаго на него обвиненія!

Книга третья *Тристъ*: элегія первая написана отъ книжки стихотвореній поэта прибывшей въ Римъ и ищущей тамъ гостепріимства. Какъ мило начало—не могу не привести его: „робкая книжка изгнанника прихожу я въ этотъ городъ, подай, другъ читатель, утомленной—ласковую руку; не опасайся, чтобы я случайно не была тебѣ въ стыдъ, ни одинъ въ этомъ произведеніи стихъ не учитъ любить".... Тщетно книжка ищетъ мѣста въ двухъ книгохранилищахъ Рима: судьба автора, постигла и его произведенія; труду Овидія осталась лишь возможность быть въ рукахъ частныхъ лицъ, а въ публичныхъ библіотекахъ ему мѣста не было. Вторая элегія писана подъ вліяніемъ невыразимой грусти, которая овладѣла поэтомъ по прибытіи на мѣсто ссылки: „только и хочется плакать и слезы льются такъ обильно какъ вода изъ вешняго снѣгу".... Поэтъ желаетъ и молитъ о смерти, чтобы покончились его страданія въ разлукѣ со всѣмъ, что придавало цѣну его жизни:—Третье письмо начинается тѣмъ, что больной Овидій не могъ уже писать самъ, а диктовалъ его:

прибытіе на мѣсто ссылки не могло, какъ мы видѣли, не произвести потрясающаго впечатлѣнія на Овидія: не выдержалъ его нѣжный организмъ и тяжкая болѣзнь поставила жизнь его въ опасность. Поэтъ прощается съ женою, съ жизнью и горько жалѣетъ, что умретъ на чужой сторонѣ, далеко отъ милыхъ.... Сколько нѣжности къ женѣ: „все приходитъ на мысль, говоритъ Овидій, но ты, жена, прежде всего, и въ сердцѣ моемъ ты наиболѣе занимаешь мѣста. Съ тобою отсутствующею говорю; тебя одну именуетъ мой голосъ, безъ тебя не приходитъ мнѣ ни одна ночь, ни одинъ день. И въ бреду болѣзни, говорятъ, постоянно повторялъ я твое имя". На урнѣ могильной Овидій завѣщаетъ написать эти трогательные стихи: „я поэтъ Назонъ, который здѣсь лежу, поэтъ нѣжной любви (нѣжныхъ страстей) погибъ отъ моего же дарованія!" — *Элегія четвертая* обращена къ сострадательному другу; Овидій въ ней благодаритъ за сочувствіе и проситъ не оставлять его помощью и заступничествомъ. Любопытно какъ Овидій выражается, что лучше быть дальше отъ лицъ облеченныхъ властью; онъ говоритъ: „хотя и пользу принесть могутъ намъ только одни могущественные, пусть лучше не приноситъ пользы кто можетъ и вредъ сдѣлать".... Далѣе находимъ слова, достойныя быть поговоркою: „повѣрь мнѣ: кто хорошо скрывался, хорошо жилъ и каждый долженъ оставаться внутри предѣловъ своего состоянія" Овидій дѣлаетъ такое заключеніе: „я совѣтчикъ если бы ранѣе получилъ самъ такой совѣтъ, то можетъ быть и оставался бы въ Римѣ какъ бы слѣдовало". — *Элегія пятая* къ другу, мало прежде знакомому, но при отправленіи Овидія оказавшему знаки сочувствія и расположенія. „Спросишь меня, говоритъ Овидій, что я дѣлаю? Живу крошечною надеждою,—и ты ее у меня пожалуста не отнимай, что могу смягчить опечаленное божество. — Въ шестой элегіи Овидій повторяетъ постоянно тоже другу пѣснь—ходатайствовать за его прощеніе и касается главной причины его отправленія въ ссылку въ такихъ выраженіяхъ: „нельзя въ немногихъ словахъ, да и не безопасно, высказать какимъ образомъ глаза мои сдѣлались свидѣтелями печальнаго бѣдствія (зла). Содрогается мысль какъ бы передъ раною, передъ тѣмъ временемъ и воспоминаніемъ горе становится новымъ.... Не скажу ничего кромѣ того что согрѣшилъ, но грѣхомъ этимъ недомогался никакой на-

грады; правильно и соотвѣтственно дѣлу, вину мою должно назвать глупостью". — Элегія седьмая обращена къ молодой дѣвушкѣ Периллѣ, занимавшейся поэзіею подъ руководствомъ Овидія; великолѣпныя мысли читаемъ мы тутъ: совѣтуя Периллѣ не проводить времени праздно, а посвятить себя поэзіи и литературѣ, Овидій говоритъ такія золотыя слова: „все смертное у насъ, кромѣ благихъ даровъ сердца, воображенія и ума. Вотъ я лишенъ отечества, васъ и дома, оторвано у меня все, что отнять можно было, но дарованіе мое, неразлучный мой спутникъ; я наслаждаюсь имъ. На то и Цезарь не можетъ имѣть никакаго права. Пусть положитъ онъ конецъ моей жизни незнающимъ жалости мечемъ, я погибну, но слава моя переживетъ меня". Протестъ мысли, таланта противъ грубаго насилія власти; можно за него простить Овидію вынужденное подличанье передъ Августомъ о смягченіи наказанія.—*Элегія* 8-я; въ ней Овидій жалуется, что вреденъ ему климатъ мѣста ссылки, что здоровье его разстроилось и умоляетъ Цезаря перемѣнить ему мѣсто ссылки на болѣе близкое и съ лучшимъ климатомъ. Въ элегіи девятой Овидій высказываетъ свое удивленіе, что среди Гетовъ находятся Греческія колоніи выходцевъ изъ Милета и объясняетъ происхожденіе названія города *Томи*, мѣста его ссылки, преданіемъ что Медея, настигнутая тутъ отцомъ въ бѣгствѣ изъ Колхиды съ Язономъ, чтобы задержать раздраженнаго старика, разрубила на части своего брата и раскидала его члены; пока старикъ отецъ ихъ собиралъ, она успѣла бѣжать отъ его справедливаго гнѣва. Элегія 10-я описываетъ мѣсто ссылки: Томы были на Южномъ берегу Дуная (Истра) и только воды его лѣтомъ отдѣляли отъ земель дикихъ Бессовъ и Гетовъ, сильные морозы, сопровождаемые бурями: не только замерзалъ весь Дунай отъ берега до берега, но поэтъ своими ногами ходилъ безопасно по замерзшему прилежащему морю. Тогда то воинственные дикари производятъ набѣги, и только крѣпкія стѣны тамъ защищаютъ отъ нихъ. Суровая страна, говоритъ Овидій: нѣтъ тутъ ни винограду, ни яблокъ, ни деревьевъ и на всемъ кругу земномъ она одна нашлась для моего наказанія.—Одиннадцатая элегія обращена къ негодяю, который нападалъ на изгнаннаго Овидія и чернилъ его нравственность. *Лежачаго не бьютъ*—смыслъ этой ѳлегіи. *Элегія* 12-я описываетъ наступленіе весны, конечно не той

что въ Италіи: но Истръ (Дунай) свободенъ отъ льда и прилежащее море приноситъ суда; поэтъ спѣшитъ на берегъ нѣтъ ли судна изъ родной Италіи, нѣтъ ли вѣсточки отъ милыхъ. Нѣтъ! Суда приходятъ больше изъ близкихъ мѣстностей и немногія только рѣшаются совершить дальній путь.... *Элегія* 13-я обращена поэтомъ къ наступившему дню его рожденія: съ горечью Овидій встрѣчаетъ его и вмѣсто радостнаго чувства вызываетъ онъ въ душѣ его самое печальное. — Элегія 14-я; въ ней поэтъ поручаетъ свои сочиненія, какъ дѣтей своихъ, попеченію друга, говоритъ о своемъ печальномъ положеніи, что онъ почти разучивается выражаться по Латинѣ, и боится какъ бы слова мѣстнаго языка не смѣшались бы съ родными ему. „Нѣтъ книгъ —говоритъ достойный жалости поэтъ, которые вызывали бы меня на дѣятельность и питали бы ее.... прочесть стихотвореніе нѣкому кто бы слушалъ и понималъ, уединиться нѣгдѣ“.... Если бы Назонъ жилъ въ наши времена и пришлось бы ему оставаться въ Серпуховѣ, то повторилъ бы и о немъ тоже что о Томахъ; можетъ быть сужденіе о климатѣ и удобствахъ жизни было бы скорѣе въ пользу Томъ, чѣмъ Серпухова, гдѣ нѣтъ ни одного дерева, ни общественнаго садика, ни бульварчика.

Третьей книги первая элегія объясняетъ—почему Овидій продолжалъ заниматься поэзіею и въ ссылкѣ — не славы ищу, говоритъ поэтъ, хочу забыться отъ моего горя.... Такъ и я, грустный переводчикъ Классиковъ, отъ своихъ трудовъ не только не видѣлъ никакого для себя толку но испыталъ за нихъ много непріятностей.... достаточно кажется одного—пришлось искать хлѣба въ Серпуховѣ нотаріусомъ, но это самое занятіе, которое до сихъ поръ было мнѣ во вредъ—единственное развлеченіе; пишешь и переводишь не для другихъ, а для себя, чтобы надъ чѣмъ нибудь отдохнуть душою, и не разъ написанныя мысли о настоящемъ отправляешь въ огонь, что бы не ухудшить свое и безъ того незавидное положеніе. *Элегія* 2-я, льстивая, восхваляетъ побѣды Цезаря въ Германіи и тріумфъ Друза. Конечно бѣдному поэту было не до тріумфовъ! Плохія пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки!... Да и успѣха въ этой поздней лести не было, поэтъ остался въ ссылкѣ.... Элегія третья обращена къ женѣ, исполнена невыразимой нѣжности и граціи: и вѣритъ поэтъ, и опасается.... возобновляетъ въ памяти жены воспоминанія прежняго счастливаго времени,

внушаетъ быть твердою въ несчастіи и ему неизмѣнять, и не оставлять его, и такъ покинутаго цѣлымъ свѣтомъ, сулитъ ей безсмертную славу. *Элегія* 4-я писана къ другу, который не желалъ, чтобы имя его быловыставлено: до того опасались даже друзья Назона изъ за него немилости Августа!... Овидій извиняется, что о немъ пишетъ, но говоритъ, что и Августъ не можетъ запретить, чтобы его т: е: Августа восхваляли въ стихотвореніяхъ, проситъ заступничества передъ Августомъ о перемѣнѣ мѣста ссылки, при чемъ черными красками описываетъ то, гдѣ находился.—Элегія 5-я благодарственное письмо къ другу, осыпаетъ его благословеніями за то, что онъ его не забываетъ. Элегія 6-я полна глубокой грусти, близка къ отчаянію; „все смягчаетъ время, говоритъ поэтъ—только не мои заботы". Уже два года поэтъ въ ссылкѣ, слабѣютъ силы поэта и душевныя и тѣлесныя въ безплодной борьбѣ; „одна надежда—таковы послѣднія слова этой элегіи—утѣшаетъ меня въ бѣдствіяхъ; та — что скорая смерть сдѣлаетъ ихъ непродолжительными".—*Элегія* 7-я упрекаетъ друга въ томъ, что нѣтъ отъ него писемъ; въ 8-й Овидій, высказываетъ что совершенно неожидалъ постигшаго его бѣдствія; въ 9-й грозитъ мщеніемъ слова одному измѣнившему другу. — Элегія 10-я обращена къ потомству: въ ней Овидій знакомитъ его съ своею личностью: родился онъ въ Сулмонѣ, богатомъ холодною водою, въ томъ году, когда пали оба консула Гирцій и Панза (если не ошибаемся то въ 711 году отъ построенія Рима и 44 до Рожд. Хр.) происходилъ изъ семейства, издревле принадлежавшаго къ всадническому сословію; у Овидія былъ братъ старше годомъ, родившійся въ то же число того же мѣсяца, въ какое черезъ годъ родился самъ Овидій, въ первый день изъ пяти праздничныхъ Минервѣ (то было въ половинѣ марта). Отецъ Овидія ничего не жалѣлъ для образованія сыновей: первые учители Рима были призваны: старшій братъ Овидія имѣлъ склонность къ ораторскому искусству; „Меня, говоритъ поэтъ—еще мальчика плѣняло (небесное) высокое служеніе и украдкою Муза влекла къ своему дѣлу. Часто отецъ говорилъ: „что ты пытаешь безполезное занятіе? И самъ Гомеръ не оставилъ никакого состоянія". Овидій слушался отца, хотѣлъ писать прозою, но: „сами собою слова слагались въ складные размѣры и, что я ни пробовалъ писать, все выходилъ

стихъ“. Братъ Овидія погибъ двадцати лѣтъ отъ роду.... общественная служба не по сердцу Овидія.... чуждаясь честолюбія весь посвятилъ онъ себя Музамъ.... перечисляя знакомыхъ поэтовъ, которыхъ онъ считалъ за божествъ, о Виргиліѣ говоритъ: „Виргилія видѣлъ только“. Еще разъ или два обрѣзалъ бороду Овидій, а уже читалъ стихи народу, и по всему Риму стала извѣстна вымышленная Коринна. Многое писалъ Овидій, но, строгій критикъ собственныхъ произведеній, многое предавалъ огню. Нѣжное сердце было у меня, говоритъ Овидій, запылать страстью я могъ отъ самаго ничтожнаго повода.... У Овидія (такъ и у его переводчика) было три жены: „первая —говоритъ Овидій—дана мнѣ почти отроку и недостойная и не полезная, женою моею была она самое короткое время. Ей послѣдовала жена, хотя и безупречная, но которой не суждено было оставаться долго подругою моей постели. Послѣдняя, — и она со мною оставалась до позднихъ лѣтъ, вынесла быть супругою сосланнаго мужа.“ Дочь Овидія дала ему двухъ внуковъ, но не отъ одного мужа. Отецъ Овидія прожилъ девяносто лѣтъ а умеръ, а за нимъ и жена его, мать Овидія, еще до ссылки его. Сосланъ Овидій пятидесяти лѣтъ отъ роду. И тутъ о главной причинѣ гнѣва Августа Овидій говоритъ: „слишкомъ извѣстна всѣмъ причина моего паденія, но не мнѣ говорить о ней! Далѣе Овидій благодаритъ Музу, что она одна его не покинула и помогаетъ ему высказывая горе облегчить его бремя.... Поэтъ утѣшается — и не ложно—безсмертіемъ, которое ожидаетъ его память и сочиненія во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ.

Тристовъ (печальныхъ стихотвореній) книга пятая. Элегія 1-я среди однообразныхъ мотивовъ жалобъ, нельзя не замѣтить того что поэтъ отвѣчаетъ пріятелю, совѣтовавшему ему лучше молчать: „требуешь, чтобы страдалецъ не имѣлъ права стонать? Получившему тяжкій ударъ не велишь плакать? Приведемъ еще конецъ этой элегіи: „зачѣмъ пишу—объяснилъ; зачѣмъ, спросите, посылаю стихи? Желаю быть съ вами какимъ бы то ни было образомъ“. Во второй элегіи поэтъ говоритъ, что физическія силы его окрѣпли, здоровье его тѣлесное внѣ опасности, но душа страдаетъ какъ и прежде въ разлукѣ со всѣмъ, что дорого человѣку. Поэтъ обращается съ усердною мольбою къ Августу перемѣнить мѣсто ссылки и дать болѣе безопасное, гдѣ не гро-

зили бы жизни его напоенныя ядомъ стрѣлы Гетовъ. — *Элегія* 3-я писана въ праздничный день Вакха, молитъ это божество смягчить сердце Августа и склонить къ милосердію и прощенію. Элегія 4-я, жалобы на бѣдственное положеніе и признательность другу за его неоставленіе; элегія 5-я описываетъ какъ собирается праздновать день рожденія жены: тутъ одинъ разъ въ году поэтъ снималъ одежду траурную и надѣвалъ бѣлую; въ этой элегіи Овидій проситъ жену быть твердою въ постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ; трогательно заключеніе: обратясь къ Августу умоляетъ не его пощадить, его, сознающагося что заслужилъ наказаніе, но ту, которая страдаетъ не заслуживъ никакого огорченія.—*Элегія* 6 я обращена къ другу когда то преданному, а теперь измѣнившему и проситъ оставаться вѣрнымъ. Въ элегіи 7-й Овидій описываетъ другу жизнь свою и мѣстность страны, гдѣ суждено было ему проводить жизнь. Населеніе Томъ, говоритъ Овидій, представляетъ смѣшеніе элементовъ Греческаго и Гетскаго, но преобладаетъ послѣдній, и по улицамъ и дорогамъ, почти исключительно встрѣчаются Сарматы и Геты на коняхъ. Занятіе поэзіею единственное развлеченіе Овидія: онъ говоритъ: „что же мнѣ дѣлать? Смотрю ли на мѣстность, но она непріятна; печальнѣе ея едва ли что можно найдти на земномъ кругу; люди едва достойны этого названія, они суровѣе волковъ.... Не съ кѣмъ поэту говорить по Латинѣ и уже самъ начинаетъ онъ выражаться по Сарматски: чтобы роднаго языка звуковъ не забыть, Овидій громко самъ съ собою разговаривалъ и повторялъ слова, отъ которыхъ отвыкать сталъ. Элегія 8-я обращена къ безсовѣстному, который неустыдился напасть на поэта, надъ участью котораго прослезились бы и звѣри; въ 9-й элегіи благодаритъ друга за участіе и помощь и жалѣетъ, что не можетъ назвать его по имени для благословенія потомствомъ. Десятая элегія писана, когда поэтъ провелъ уже три зимы на берегахъ Дуная; время идетъ для него медленно.... описываетъ опасности со стороны воинственныхъ дикарей, изъ которыхъ и большая часть населенія Томъ состояла: бывшіе когда-то Греки приняли и языкъ и одежду Гетовъ. Поэтъ говоритъ про себя: „я здѣсь дикарь, потому что никто меня не понимаетъ и глупые Геты смѣются надъ Латинскими словами. Въ *одиннадцатой* элегіи утѣшаетъ жену, которая жаловалась ему въ письмѣ, что

кто-то упрекнулъ ее именемъ супруги изгнанника!—Въ *двѣнадцатой* элегіи отвѣчаетъ пріятелю, совѣтовавшему заниматься литературою, что очень неудобно ему въ ссылкѣ заниматься поэзіею, но что онъ слагаетъ стихи ,какіе можетъ, и большую часть ихъ предаетъ огню. Эта элегія напоминаетъ стихи Крылова: „плохія соловью пѣсни въ когтяхъ у кошки". Въ 13-й элегіи жалуется на боли въ боку причиненныя простудою вслѣдствіе сильныхъ холодовъ зимнихъ, далѣе проситъ друга не покидать его своимъ сочувствіемъ и поддержкою. Въ 14-й элегіи, обращенной къ женѣ, говоритъ, что она одолжена ему безсмертіемъ и потому должна поддерживать честь великаго имени: „если — говоритъ между прочимъ Овидій въ справедливомъ сознаніи собственнаго достоинства—и могла бы ты казаться достойною жалости вслѣдствіе случая постигшаго мужа, нашла бы ты такихъ, которые захотѣлъ-бъ быть на твоемъ мѣстѣ".

Письма изъ Понта. Первое книги первой обращено къ *Бруту*. проситъ не отвергать его сочиненій какъ опальнаго изгнанника, потому что во всѣхъ онъ хвалитъ Августа. — Второе письмо *Максиму* Фабію: излагаетъ свое бѣдственное положеніе изгнанника: „живу я, между прочимъ говоритъ Овидій, чтобы никогда не освободиться отъ горькаго чувства и чтобы наказаніе мое было тяжеле продолжительнымъ замедленіемъ. И во снѣ страшатъ меня то стрѣлы Сарматовъ, то обманчивый призракъ во снѣ родныхъ мѣстъ и лицъ растравляетъ свѣжую рану", умоляетъ Фабія просить Августа о пощадѣ его: изъ этого письма видимъ мы, что жена Овидія была изъ роду Фабіевъ. Письмо къ *Руфину*. Овидій благодаритъ за утѣшенія, но говоритъ что горе и страданія его выше утѣшеній, не всякая болѣзнь уступаетъ лѣченію, а болѣзнь Овидія ему лучше чѣмъ кому либо другому извѣстна; какъ бы то ни было, но и самое желаніе утѣшенія есть уже большой даръ.—*Посланіе къ женѣ:* старѣетъ поэтъ, сѣдые волосы покрываютъ голову и морщины лицо, но не столько отъ дѣйствія лѣтъ, сколько отъ постоянной заботы и страданій „и относительно тебя—говоритъ поэтъ, довольно вѣроятно, что и ты, которую молодою я оставилъ удаляясь изъ города (Рима) надобно вѣрить, что ты состарилась моимъ горемъ".—Посланіе шестое къ Максиму. Поэтъ удивляется самъ себѣ, что еще занимается поэзіею.... видно правда, говоритъ онъ — народная пого-

ворка что поэты не въ своемъ умѣ.... Но что же мнѣ лучше дѣлать? Не могу я проводить время въ бездѣйствіи; смерть для меня бездѣйствіе.... Не могу я ни вино пить, ни въ шашки играть.... моими занятіями достигаю я по крайней мѣрѣ забвенія меня самого.—Письмо *Грецину*: одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Овидія Грецинъ находился въ отсутствіи, когда сослали Овидія.... Поэтъ вспоминаетъ это, касается поводы ссылки, но очень глухо: „нельзя въ короткихъ словахъ, да и не безопасно, написать какое происхожденіе согрѣшенія.... что бы то ни было —если не преступленіемъ, то виною должно же быть названо". Далѣе поэтъ высказываетъ, что живетъ *надеждою*, не покидающею человѣка и въ минуту послѣдней опасности. — Посланіе восьмое къ Мессалину — поэтъ заискиваетъ милости этого, повидимому въ то время сильнаго и властительнаго лица, и умоляетъ сказать о немъ Августу, чтобы его участь облегчили хоть перемѣною мѣста ссылки. Посланіе къ Северу по чему то считается критиками за подложное: оно не особенно важно, все таже и одна пѣснь сожалѣнія о прекрасной Италіи и скука въ пустынномъ мѣстѣ ссылки.—Посланіе десятое къ Максиму: получивъ отъ него извѣстіе о смерти Цельза, его друга, поэтъ очень о немъ жалѣетъ, такъ какъ онъ высказалъ ему при отправленіи въ ссылку свое искреннее расположеніе. Письмо одиннадцатое къ Флакку, полное тоски: поэтъ утратилъ аппетитъ, похудѣлъ и жертвою глубокой печали.

Книга вторая писемъ изъ Понта начинается письмомъ къ Германику. Вотъ то то и бѣда, что поэтъ не того, кого слѣдовало, молитъ; если бы онъ да обратился съ своими просьбами къ Тиберію, то конечно не умеръ бы въ ссылкѣ, а Германикъ и самъ погибъ жалкимъ образомъ. Овидій въ этой элегіи описываетъ тріумфъ надъ Далматами. — Второе письмо къ Мессалину—проситъ замолвить Августу слово въ его пользу, чтобы перемѣнили хоть мѣсто ссылки; замѣчательно, что поэтъ, исчисляя членовъ семейства Августова упоминаетъ Германика, Друза младшаго (старшій умеръ), но Тиберія Нерона въ этомъ спискѣ нѣтъ вовсе, вѣрно онъ былъ еще въ ссылкѣ въ Родосѣ. Третье письмо къ Максиму, сомнѣваются также, чтобы оно было Овидіево: въ немъ Овидій сѣтуетъ на то, что искренней дружбы нѣтъ и цѣнятъ ее степенью приносимой пользы, за тѣмъ про-

ситъ Максима о помощи и заступничествѣ. Въ четвертомъ письмѣ къ Аттику, тоже едва ли дѣйствительно Назоновомъ, вспоминаетъ о времени, какое съ удовольствiемъ проводилъ въ обществѣ друга. Пятое къ Солану, шестое къ Грецину, седьмое къ Аттику, восьмое къ Коттѣ и девятое къ Котису, по мнѣнiю критиковъ поддѣльныя и Овидiю не принадлежатъ: содержанiе ихъ: одна и таже пѣснь скуки, тоски по родинѣ, желанiя если не возвратиться, то перемѣнить мѣсто ссылки. Посланiе 8-е къ Коттѣ ярко бросается въ глаза подлостью: Овидiй де получилъ портреты Цезарей и Ливiи и надъ ними восхищается: называетъ ихъ богами.... Письмо къ Макру, тоже поэту, припоминаетъ братство по искусству, то—какъ они вмѣстѣ путешествовали по Сицилiи и Азiи и проситъ не забывать друга. Послѣднее второй книги письмо къ Руфу лишено всякаго значенiя.—Третья книга писемъ изъ Понта начинается первымъ письмомъ къ женѣ Назона: поэтъ жалуется на климатъ Томъ, гдѣ нѣтъ ни весны, ни винограду, ни деревьевъ и яркими красками изобразивъ дикость, пустынность мѣста, куда его сослали, упрекаетъ жену, что она слабо хлопочетъ о перемѣнѣ его участи къ лучшему: „хотѣть мало, говоритъ поэтъ своимъ выразительнымъ языкомъ, необходимо страстно желать, чтобы достигнуть желаемаго". Смотри, внушаетъ Овидiй женѣ, чтобы другiе не поставили тебѣ въ вину холодность ко мнѣ: „пусть я самъ и не буду жаловаться, если ты не на столько будешь обо мнѣ заботиться, сколько слѣдуетъ, но въ тихомолку жалобу приносить за меня станетъ моя слава; самый ударъ судьбы выставилъ еще болѣе меня на показъ и извѣстность моя болѣе прежней." Овидiй проситъ жену — молить супругу Августа опощадѣ и его о смягченiи его положенiя.—Письмо къ Коттѣ, благодаритъ его за дружественное участiе, высказываетъ, что уже выучился говорить по Сарматски и Гетски, и что одинъ старикъ туземецъ разсказалъ ему исторiю Пилада и Ореста, образцовыхъ друзей, не безъизвѣстную и въ этомъ отдаленномъ краѣ.—Посланiе Максиму: поэтъ разсказываетъ—какъ во снѣ явился къ нему божокъ любви, Купидонъ, утѣшить его; поэтъ упрекалъ его, что по его милости т. е. написавъ поэму искусство любви, попалъ въ бѣду; но Купидонъ ему отвѣтилъ: „знаешь за собою что то другое, что гораздо больше тебѣ повредило; чтобы то ни было, и не должно то горе приводить

на память, не можешь сказать ты, чтобы ты вовсе былъ чуждъ вины, хоть ты и прикрываешь ее видомъ заблужденія".—Письмо къ Руфину тоже поэту. Назонъ рекомендуетъ ему свою поэму „о тріумфѣ Германика и проситъ снисхожденія къ недостаткамъ. Письмо къ Максиму Коттѣ льститъ пріятелю, какъ первому, по краснорѣчію, будто бы оратору форума, пустаго содержанія. Въ письмѣ къ другу безъ имени упрекаетъ его, что боится быть наименованнымъ въ его, Овидія, стихотвореніяхъ, чтобы не подвергнуться гнѣву Августа. Очень хорошо седьмое письмо къ друзьямъ того смысла: я надоѣлъ ужь вамъ одною и тою-же пѣснью, жалобы мои наизусть ужь вы знаете „извините, друзья, если я отъ васъ хорошо надѣялся".... О женѣ поэтъ говоритъ: не буду и женѣ въ тягость: относительно меня она и честна, но робка и мало опытна". Поэтъ окончательно теряетъ надежду на освобожденіе и свыкается съ мыслью умереть на берегахъ Эвксина.—При восьмомъ письмѣ, къ Максиму, посылаетъ ему въ даръ колчанъ съ Скифскими стрѣлами: „это перья, это книжки здѣшняго края, замѣчаетъ поэтъ.—Письмо 9-е къ Бруту: оправдывается передъ нимъ въ однообразіи содержанія писемъ. Странно! Узнику ставятъ въ вину, что онъ поетъ жалобныя пѣсни! —Четвертая книга писемъ съ береговъ Чернаго моря; первое обращено къ Сексту Помпею, благодаритъ его за покровительство и проситъ его считать его, поэта, своею собственностью.— Второе письмо къ Северу, замѣчательно прекрасными мыслями: уже священный огонь поэзіи, говоритъ Назонъ, во мнѣ гаснетъ, писать стихотвореніе, которое читать нѣкому, все равно, что въ потьмахъ размахивать руками. Слушатель вызываетъ рвеніе: похваленное дарованіе ростетъ и слава дѣйствуетъ какъ сильная (здоровая) шпора. Третье письмо къ непостоянному другу: упрекаетъ его въ непостоянствѣ; не можемъ не привести замѣчательныхъ правдою словъ Овидія: „божественное могущество издѣвается надъ человѣческими дѣлами и съ трудомъ можно повѣрить тому, что бываетъ въ дѣйствительности. Если бы, говоритъ Овидій, кто-нибудь сказалъ мнѣ прежде": отправишься ты къ берегамъ Чернаго моря и будешь страшиться, какъ бы тебя не поразила стрѣла Гета, я того какъ больнаго разсудкомъ послалъ бы лѣчиться".... Великая правда! Всѣ театральныя перемѣны самого невѣроятнаго сценическаго представленія ничто

передъ дѣйствительностью. Если бы пишущему эти строки сказали бы, когда онъ былъ богатымъ помѣщикомъ Рязанской губерніи или когда онъ служилъ при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Валуевѣ чиновникомъ особыхъ порученій и т. д., что онъ будетъ нотаріусомъ города Серпухова, то конечно онъ смѣхомъ встрѣтилъ бы это предположеніе, какъ выходящее совершенно изъ за предѣловъ всякой вѣроятности. Такъ играетъ жизнь людьми, и сѣтовать нѣчего, могло быть и хуже. Все же мое положеніе, какъ ни скромно, какъ ни унизительно, но много лучше Овидіева: въ теченіи 19 вѣковъ нельзя же не быть и прогрессу, и берега Дуная теперь далеко не такъ непривѣтливы какъ были во времена Овидія! — Четвертое письмо къ Сексту Помпею подленькое: поэту де большяя радость, что Секста Помпей назначенъ консуломъ, а консулы при Августѣ и его преемникахъ стали въ родѣ нашихъ квартальныхъ. — Пятое письмо къ тому же и такого же придворнаго содержанія: стоитъ только изъ этого письма привести слова Овидія, что письма изъ Томъ (отъ устьевъ Дуная) приходили въ Римъ на десятой день. Скоро! очень скоро, стало быть въ Римской Имперіи отлично были устроены почты. — Письмо шестое къ Бруту: уже пять лѣтъ поэтъ въ ссылкѣ, несчастіе его преслѣдуетъ: Фабій Максимъ хотѣлъ говорить Августу о смягченіи участи Овидія, и погибъ „я полагаю—говоритъ поэтъ, что я поводомъ твоей смерти. Начиналъ Августъ прощать винѣ, въ которую попалъ я черезъ обманъ, но одновременно покинулъ и надежды наши и землю. Седьмое письмо къ Весталису, присланному давать судъ и расправу мѣстнымъ жителямъ: сущность письма та: что, убѣдился ты собственнымъ опытомъ, хорошъ край! Нѣчего сказать хорошъ! Письмо 8-е къ зятю Овидія Суиллію, проситъ его замолвить за него словечко у Цезаря Германика. Удивительное дѣло! Правилъ ужъ Тиберій, а Овидій все пристаетъ къ Германику, котораго Тиберій ненавидѣлъ какъ опаснаго соперника и наконецъ погубилъ!—Девятое письмо къ Грецину, привѣтствуетъ его съ званіемъ консула: замѣчательно то, что поэтъ говоритъ объ отношеніяхъ жителей Томъ къ нему: они полюбили его, дали ему право гражданства, освободивъ впрочемъ отъ всѣхъ повинностей и платежей“. Письмо десятое къ Альбиновану, начинается словами: „вотъ уже шестое провожу лѣто на Бистонскомъ бе-

регу“; оно какъ и одиннадцатое—къ Галліону—полно жалобъ и ужь о надеждѣ возвращенія нѣтъ вовсе упоминанія. Въ двенадцатомъ письмѣ къ Тутикану проситъ его помочь, а какъ? самъ не знаетъ „молю, поищи самъ, въ какомъ отношеніи можно мнѣ оказать помощь.—Письмо 13-е къ Кару: Овидій дѣлается Гетскимъ поэтомъ. Стыдно, а все же написалъ я книжку Гетическимъ языкомъ и слова дикарей расположилъ плавнымъ размѣромъ книжка въ похвалу Цезарей заслужила одобреніе Гетовъ и одинъ изъ нихъ сказалъ: „если ты такъ пишешь о Цезарѣ слѣдовало бы тебя возвратить подъ власть Цезарей“.—Въ четырнадцатомъ письмѣ къ Тутикану говоритъ, что людей, жителей Томъ, любитъ, но край ненавидитъ. Пятнадцатое письмо къ Сексту Помпею: выраженіе глубокаго почтенія и совершенной преданности, какъ и нынѣ пишутъ въ письмахъ. Шестнадцатое и послѣднее письмо обращено къ Завистнику и имѣетъ тотъ смыслъ, что лежачаго не бьютъ“.... Это послѣдній голосъ поэта изъ Томъ, вѣроятно онъ скоро померъ.

„Утѣшеніе Ливія въ смерти Друза“ многіе критики приписываютъ не Овидію: оно полно гнусной лести и не дѣлаетъ чести Овидію даже, если оно его.—За тѣмъ слѣдуютъ два произведенія Овидія: *Ибисъ*, гдѣ поэтъ предаетъ всевозможнымъ проклятіямъ какого то врага своего, котораго наименовать не хотѣлъ; слова проклятія и брани какъ то не идутъ Овидію. Гораздо больше намъ нравится отрывокъ *орѣшникъ*, гдѣ орѣшникъ, ростущій при большой дорогѣ, жалуется на обиды прохожихъ; много сходства этотъ орѣшникъ представляетъ съ участью какъ самого поэта Назона, такъ и всѣхъ людей, преслѣдуемыхъ судьбою. Затѣмъ прости, читатель, если такой найдется и снисходительно смотри на недостатки перевода.

Александръ Клевановъ.

1874 года, Апрѣля 26 дня.
Серпуховъ.

КАЛЕНДАРЬ КЪ ФАСТАМЪ.

ЯНВАРЬ.

Числа наши.	Римскія.
1 число.	День Календъ Январскихъ, праздникъ Яна, Юноны Юпитера и Эскулапа.
2 —	Четвертый передъ нонами.
3 —	Третій передъ Нонами, заходитъ Ракъ.
4 —	Второй передъ нонами.
5 —	День Нонъ. Лира восходитъ.
6 —	Восьмой передъ Идами.
7 —	Седьмой передъ Идами.
8 —	Шестой передъ Идами. Праздникъ Яна, Агоналіи.
9 —	Пятой передъ Идами, середина зимы.
10 —	Четвертый передъ Идами.
11 —	Третій передъ Идами, праздникъ Карменты и Ютурны.
12 —	Второй передъ Идами.
13 —	Иды, праздникъ Юпитеру, возвращены провинціи народу Римскому.
14 —	Девятнадцатый день Календъ Февральскихъ, Цезарь названъ Августомъ.
15 —	18-й (XVIII) день Календъ—жертвоприношеніе Карменты. Праздникъ Порримы и Постверты.
16 —	17-й день Календъ, праздникъ Согласія.
17 —	16 день Календъ.
18 —	15 день Календъ.
19 —	14 день Календъ.
20 —	13 день Календъ.
21 —	12 день Календъ.
22 —	11 день Календъ.
23 —	10 день Календъ.
24 —	9 день Календъ, заходитъ Лира.

25 число. 8 день Календъ, грудь Льва скрывается.
26 — 7 день Календъ.
27 — 6 день Календъ, праздникъ Кастора и Поллукса.
28 — 5 день Календъ.
29 — 4 день Календъ.
30 — 3 день Календъ, праздникъ Мира.
31 — 2 день Календъ.

ФЕВРАЛЬ.

1 — Первый день Календъ Февральскихъ, построеніе храма Карментѣ, празднуется Азилъ.
2 — Четвертый день Нонъ. Лира совсѣмъ скрывается.
3 — Третій день Нонъ. Заходитъ Дельфинъ.
4 — Второй день Нонъ.
5 — Первый день Нонъ. Августъ получаетъ прозваніе отца отечества. Водоносъ идетъ къ заходу.
6 — Восьмой Идъ.
7 — Седьмой Идъ, первый день поминовенія усопшихъ.
8 — Шестой Идъ.
9 — Пятой Идъ. Начало весны.
10 — Четвертый Идъ.
11 — Третій Идъ, восходъ Боотеса и праздникъ Фавна.
12 — Второй Идъ.
13 — Иды. Праздникъ Юпитера и Фавна, неблагополучный день гибели Фабіевъ.
14 — 16 день Календъ Марса.
15 — 15 день Кал. Еще Фавна.
16 — 14 день Календъ.
17 — 13 день Календъ. Праздникъ Квирина, дураковъ и печи.
18 — 12 день Календъ. Поминовеніе усопшихъ.
19 — 11 день Кал. Каристія, мужчинъ.
20 — 10 день. Кал. Термина.
21 — 9 день Календъ.
22 — 8 день Календъ—бѣгство Тарквинія гордаго.
23 — 7 день Календъ.

24 число. 6 день Календъ.
25 — 5 день Календъ.
26 — 4 день Календъ.
27 — 3 день Календъ. Эквиріи на Марсовомъ полѣ.
28 — 2 день Календъ.

МАРТЪ.

1 — Календы Мартовскіе. Праздникъ Марса и Юноны—носятъ анциліи—день неблагопріятный бракосочетаніямъ.
2 — Шестой Нонъ.
3 — Пятой Нонъ.
4 — Четвертый Нонъ.
5 — Третій Нонъ—праздникъ Весты.
6 — Второй Нонъ—праздникъ Веіовиса.
7 — Ноны.
8 — Восьмой день Идъ.
9 — Седьмой день Идъ.
10 — Шестой день Идъ.
11 — Пятый Идъ.
12 — Четвертый Идъ.
13 — Третій Идъ.
14 — Второй Идъ. Другія Эквиріи происходятъ около Тибра.
15 — Иды, праздникъ Анны Перенны. Юлій Цезарь убитъ въ Капитоліѣ.
16 — 17 день Календъ Апрѣля.
17 — 16 день Календъ—праздникъ Вакха, дается тога освобожденія—праздникъ Ларовъ.
18 — 15 день Календъ.
19 — 14 день Календъ. Квинкватріи Палладѣ.
20 — 13 день Кал.
21 — 12 день Кал.
22 — 11 день Календъ.
23 — 10 день Календъ и послѣдній Квинкватровъ.
24 — 9 день Календъ.
25 — 8 день Календъ, весеннее равноденствіе.
26 — 7 день Календъ.
27 — 6 день Календъ.

28 число. 5 день Календъ — праздникъ Яна, Согласія, Мира и Спасенія.
29 — 4 день Календъ.
30 — 3 день Календъ.
31 — 2 день Календъ—праздникъ заходящей Луны, храмъ на горѣ Авентинѣ.

АПРѢЛЬ.

1 — Апрѣльскія Календы. Праздникъ Венеры и счастія мужчинъ.
2 — Четвертый Нонъ.
3 — Третій Нонъ. Дѣвочки моются подъ сѣнью миртовыхъ деревьевъ.
4 — Второй Нонъ — Гебѣ и Матери боговъ совершаются Мегалензскія игры.
5 — Ноны, праздникъ Общественнаго счастія.
6 — Восьмой Идъ.
7 — Седьмой Идъ—праздникъ игръ Церериныхъ.
8 — Шестое Идъ.
9 — Пятое Идъ.
10 — Четвертое Идъ.
11 — Третье Идъ.
12 — Второе Идъ.
13 — Иды—праздникъ Юпитера побѣдителя.
14 — 18 день Календъ Мая.
15 — 17 день Кал. Жертва приносится землѣ.
16 — 16 день Кал.
17 — 15 день Календъ.
18 — 14 день Календъ. Эквиріи, сожженіе лисицъ.
19 — 13 день Календъ—праздникъ Палисъ. Построеніе Рима.
20 — 12 день Календъ.
21 — 11 день Календъ—праздникъ Венеры и Веналіи.
22 — 10 день Календъ.
23 — 9 день Календъ.
24 — 8 день Календъ.
25 — 7 день Календъ.
26 — 6 день Календъ, праздникъ ржавчины.

27 число. 5 день Календъ.
28 — 4 день Календъ. Праздникъ Флоры и Весты.
29 — 3 день Календъ.
30 — 2 день Календъ.

МАЙ.

1 — Календы—жертвенникъ Ларамъ.
2 — Шестой Нонъ—конецъ праздниковъ Флоры.
3 — Пятый Нонъ.
4 — Четвертый Нонъ.
5 — Третій Нонъ.
6 — Второй Нонъ.
7 — Ноны.
8 — Восьмой Идъ—празднуются Лемуріи, не хорошо сочетаться бракомъ.
9 — Седьмой Идъ.
10 — Шестой Идъ, праздникъ Марса Бисультора (двойнаго Мстителя).
11 — Пятой Идъ.
12 — Четвертой Идъ.
13 — Третій Идъ.
14 — Второй Идъ. Начало лѣта.
15 — Чучелы бросаютъ въ Тибръ—праздникъ Меркурія.
16 — 17 день Календъ Іюньскихъ.
17 — 16 день Кал. Агоніа Іюня.
18 — 15 день Кал.
19 — 14 день Кал., очищеніе Вулканово.
20 — 13 день Кал.
21 — 12 день Кал., праздники освобожденія отъ Тарквиніевъ.
22 — 11 день Кал.
23 — 10 день Кал. Праздникъ общественнаго счастія.
24 — 9 день Календъ.
25 — 8 день Календъ.
26 — 7 день Календъ.
27 — 6 день Календъ.
28 — 5 день Календъ.

29 число. 4 день Календъ.
30 — 3 день Календъ.
31 — 2 день Календъ.

ІЮНЬ.

1 — Календы Іюньскія—праздникъ Карны, Юноны, Монеты. Марса и непогоды.
2 — 4 Нонъ.
3 — 3 Нонъ, праздникъ Беллоны.
4 — 2 Нонъ, посвященіе храма Геркулеса.
5 — Ноны, праздникъ троименнаго бога Вѣрнаго Святаго Полуотца. До Идъ неблагополучно вступать въ бракъ.
6 — 8 день Идъ—игры Тибра.
7 — 7 день Идъ.
8 — 7 день Идъ—праздникъ Весты, надѣваютъ вѣнки наословъ—жертвенникъ Пріапа.
9 — 5 день Идъ.
10 — 4 день Идъ—Матраліи, храмъ Фортуны и Сервій.
11 — Третій Идъ.
12 — Второй Идъ.
13 — Иды — храмъ непобѣдимому Юпитеру, совершаются меньшія Квинкватріи.
14 — 18 день Календъ Іюльскихъ.
15 — 17 день Календъ.
16 — 16 день Календъ—дуетъ зефиръ благопріятный плывущимъ.
17 — 15 день Календъ—праздникъ Паллады на высотахъ Авентина.
18 — 14 Календъ.
19 — 13 Календъ—празднуется побѣда надъ Вольсками и Эквами.
20 — 12 Календъ, храмъ Суманскому Юпитеру.
21 — 11 Календъ, праздникъ Эскулапа.
22 — 10 Календъ.
23 — 9 Календъ. Фламиній пораженъ.
24 — 8 Календъ, Сифаксъ побѣжденъ, убитъ Аздрубалъ. Праздникъ крѣпкаго счастія, солнцестояніе.

25 число. 7 Календъ—праздникъ Ларовъ и Юпитера **Статора.**
26 — 6 Календъ, поворотъ солнца на зиму.
27 — 5 Календъ Лавръ.
28 — 4 Календъ, построенъ храмъ Квирину.
29 — 3 Календъ.
30 — 2 Календъ. Праздникъ Піеридъ.

ФАСТЫ.

(КАЛЕНДАРЬ.)

КНИГА ПЕРВАЯ.

Стану пѣть распредѣленіе времени по Латинскому году, знаки (созвѣздія) опускающіеся подъ землю и выходящіе оттуда. Цезарь Германикъ, прими миролюбивымъ (благосклоннымъ) лицомъ это дѣло (твореніе) и направь путь робкаго корабля: не уклонясь отъ незначительной чести моего усердія, явись благопріятнымъ къ посвященному тебѣ приношенію. Узнаешь тутъ святыню, извлеченную изъ старинныхъ лѣтописей и какою заслугою (достопримѣчательнымъ событіемъ) каждый намѣченъ день. Найдешь тутъ и домашніе вамъ праздники: часто придется тебѣ читать объ отцѣ, часто о дѣдѣ: и то, что принадлежитъ имъ какъ обозначающее, расписанный календарь — послужитъ наградою тебѣ и брату твоему Друзу. Военные подвиги Цезаря пусть поютъ другіе, а я (буду пѣть) жертвенники Цезаря и дни, которые прибавилъ онъ къ священнымъ. Одобри благосклонно мою попытку идти впередъ хваля твоихъ, и изъ моего сердца удали робкія опасенія; окажи мнѣ тебя милостивымъ; придашь силъ на пѣснопѣніе; воображеніе или будетъ дѣйствовать или падетъ (смотря) по твоему лицу. Страница, которой придется вынесть сужденіе ученаго принца, содрогается, какъ бы посланная для прочтенія Кларійскому богу. Каково краснорѣчіе выработаннаго слова почувствовали мы тогда, когда оружіе мира поднялъ онъ

за трепетавшихъ подсудимыхъ. Знаемъ, и когда обратишь стремленіе къ нашему искусству, какія рѣки потекутъ твоего воображенія (таланта). Если возможно и прилично, то поэтъ управляй браздами поэта, чтобы подъ твоимъ покровительствомъ счастливо прошелъ весь годъ. Строитель города когда распредѣлялъ времена, постановилъ, чтобы въ его году было два раза пять мѣсяцевъ. Но ясно, что ты, Ромулъ, лучше зналъ военное дѣло, чѣмъ теченіе созвѣздій и главнѣйшею заботою твоею было побѣждать сосѣдей. Впрочемъ, Цезарь, есть и основаніе, которое побудило его; имѣетъ онъ что сказать въ оправданіе своей ошибки. Сколько времени достаточно, чтобы изъ чрева матери вышелъ ребенокъ, столько, постановилъ онъ, достаточно времени для года. Черезъ столько же же мѣсяцевъ послѣ смерти мужа жена сохраняетъ въ опустѣвшемъ домѣ знаки печали (трауръ). Вотъ это то имѣла въ соображеніи забота одѣтаго въ трабею Квирина, когда онъ грубымъ населеніямъ давалъ годичныя права (условія). Первый мѣсяцъ былъ Марсовъ, второй Веnеринъ: эта начальница рода, тотъ отецъ самого, третій отъ стариковъ, четвертый отъ наименованія молодыхъ людей; а толпа послѣдовавшихъ означена числами. А Нума не обошелъ ни Яна, ни дѣдовскихъ тѣней и къ стариннымъ мѣсяцамъ приложилъ два. А чтобы ты не оставался въ невѣдѣніи (правъ) назначенія различныхъ дней, не каждый Люциферъ имѣетъ одну и туже обязанность. Тотъ будетъ неблагополучнымъ, въ который не произносятся три слова, благополучнымъ тотъ, въ который можно дѣйствовать по закону. И не думай чтобы всему дню постоянно оставалось его назначеніе; утромъ неблагополучный, потомъ уже становится благополучнымъ. Какъ только предложены богамъ внутренности жертвъ, дозволено все говорить и почтенный (удостоенный почести) преторъ имѣетъ слово свободнымъ. Есть также, когда установлено заключать народъ въ ограду, есть, который постоянно возвращается отъ девятаго круга (лика луны). Авзонійскія Календы заняты служеніемъ Юнонѣ, а въ Иды падаетъ большой бѣлый ягненокъ жертвою Юпитеру. Ноны лишены охраны божества; вслѣдъ за всѣми ими — берегись ошибиться, — наступаетъ черный день. Такое предвѣстіе условлено случившимся: такъ какъ въ эти дни Римъ понесъ потери по случаю несчастныхъ событій на войнѣ. Это, повторяющееся во всѣ фасты сказано мною

разъ навсегда, чтобы не былъ я вынуждаемъ прерывать послѣдовательность предмета.

Вотъ тебѣ, `Германикъ, благополучный пусть предвозвѣститъ годъ Янусъ, который является въ моемъ первомъ стихотвореніи. Янъ двуголовый, молчаливое начало текущаго года, одинъ изъ небожителей, который видитъ свою спину; явись помощникомъ правителямъ, трудами которыхъ плодородная земля наслаждается спокойствіемъ и море остается спокойнымъ. Благопріятнымъ явись старѣйшинамъ (соб. отцамъ, сенаторамъ) и народу Квирина, отвори твоимъ мановеніемъ свѣтлые храмы. Благополучный свѣтъ восходитъ, молитесь въ душѣ и языкомъ, теперь въ хорошій (счастливый) день нужно произносить счастливыя слова. Пусть слухъ далекъ будетъ отъ споровъ и прочь исчезнутъ тотчасъ же слова брани; завистливый языкъ отложи твое дѣло. Ты видишь какъ (свѣтится) озаренъ эфиръ благовонными огнями, и произведеніе Киликіи (шафранъ) трещитъ на зажженныхъ алтаряхъ? Пламя съ своимъ блескомъ отражается на золотѣ храмовъ и трепещущій свѣтъ проникаетъ до вершины храма. Въ нетронутыхъ одеждахъ отправляются въ Тарпейскія твердыни и народъ самъ одноцвѣтенъ съ своимъ праздникомъ (неловко выражено: народъ какъ бы беретъ на себя праздничное, симпатизирующее празднику выраженіе). Уже впереди идутъ новые пуки, новая порфира блещетъ и новое бремя чувствуетъ красивая (видная) слоновая кость (курульное кресло изъ слоновой кости). Молодые быки, еще не испытавшіе работы, вскормленные травою полей Фалискскихъ подставляютъ ударамъ шеи. Юпитеръ когда, изъ своего высокаго убѣжища, взираетъ на весь кругъ земной, не видитъ ничего кромѣ Римскаго (Римлянамъ подвластнаго). Привѣтствую тебя, радостный день, и лучшимъ возвращаться будешь ты постоянно, достойный быть чтимъ отъ народа обладающаго вселенною. Но Янусъ о двухъ видахъ какимъ божествомъ назову я тебя? Соотвѣтствующаго тебѣ не имѣетъ Грецiя никакого божества: открой вмѣстѣ причину — почему изъ небожителей ты одинъ видишь и то, что находится сзади и то что спереди. Когда я взявъ дощечки, соображалъ это въ умѣ, свѣтлѣе показалось мнѣ чѣмъ прежде было въ домѣ. Тогда священный Янусъ, достойный удивленія своимъ двойственнымъ видомъ, вдругъ представилъ глазамъ моимъ свой двойной ликъ. Испугался я, почувствовалъ, что

отъ страху поднялись дыбомъ волосы и холодъ вдругъ проникъ въ грудь мою. Тотъ (Янусъ) держа въ правой рукѣ палку, а въ лѣвой ключъ, стариннымъ (прежнимъ) голосомъ произнесъ такія слова: научись, отложивъ страхъ, готовый на труды, поэтъ дней, чему желаешь и запомни умомъ твоимъ мои звуки. Меня древніе звали Хаосомъ — существую я искони — обрати же вниманіе, сколь давняго времени событія буду воспѣвать. Этотъ прозрачный воздухъ и остающіяся три тѣла (стихіи) — огонь, воды, земля были свалены въ одну кучу. Какъ только разъ борьбою стихій отдѣлился каждый предметъ и разрѣшившаяся масса удалилась по новымъ жилищамъ: огонь унесся кверху; ближайшее мѣсто занялъ воздухъ; на срединѣ почвы водворились земля и море. Тогда то я бывъ кускомъ и безъ образа масса, принялъ наружность и члены достойные божества. Да и теперь еще остались небольшой слѣдъ смѣшанной (хаотической) нѣкогда формы и между прочимъ то, что одно и тоже виднѣется у меня и спереди и сзади. Прими, какая и другая причина вида, предмета твоего изслѣдованія; вмѣстѣ съ нею узнаешь ты и мои обязанности (мое назначеніе). Все, что ты гдѣ либо видишь — небо, море, облака, земли, все это моею отпирается и запирается рукою. Мнѣ одному принадлежитъ стража обширнаго міра, и право поворачивать крюки дверные, все (нераздѣльно) мое. Когда заблагоразсудится выпустить Миръ изъ тихаго (смирнаго) жилища, свободно ходитъ онъ по безконечнымъ дорогамъ (путямъ). Весь кругъ земной покроется гибельною (смертоносною) кровью, если крѣпкія задвижки не сдержутъ запертыхъ войнъ. Съ кроткими горами (часами) стерегу я двери неба; самъ Юпитеръ идетъ и возвращается моею услугою. Оттого-то и зовутъ меня Янусомъ; когда мнѣ священнослужитель предлагаетъ (на жертвенникъ) хлѣбную лепешку и муку смѣшанную съ солью, то улыбнешься ты отъ наименованій; то уста священнослужителя зовутъ меня Патулціемъ, то Клузіемъ. Знай же, что то грубая древность такъ съумѣла тѣмъ и другимъ наименованіемъ означить различные виды. Я разсказалъ тебѣ о моей силѣ; теперь узнай причину наружности; но ее уже ты до нѣкоторой степени замѣчаешь. Каждая дверь имѣетъ двѣ лицевыхъ стороны и туда и сюда: одна обращена къ народу, а другая къ Ларамъ (домашнимъ божкамъ), и какъ вашъ привратникъ, сидящій подлѣ порога у начала жилища, ви-

дитъ—кто входитъ и выходитъ, такъ я, привратникъ небеснаго жилища, смотрю впередъ разомъ и на Еойскую (восточную) и на Гесперійскую (западную) стороны. Ты видишь уста Гекаты обращенными на три стороны, чтобы она караулила мѣста гдѣ пересѣкаются три дороги; и мнѣ, чтобы не терять времени оборачивая затылокъ, не трогаясь тѣломъ можно видѣть на обѣ стороны.—Сказалъ, и на лицѣ выражалось, что въ случаѣ еслибы я сталъ его распрашивать больше, не сталъ бы онъ дѣлать мнѣ въ томъ затрудненіе. Взялъ я смѣлость и, не приведенный въ ужасъ, я выразилъ признательность богу; смотря въ землю, произнесъ я немного словъ: „скажи, пожалуйста, почему новый годъ начинается холодами, а не лучше ли было бы начинать его весною? Все тогда цвѣтетъ; время вступаетъ тогда въ свой новый возрастъ; новая почка разбукаетъ на переполненной сокомъ виноградной лозѣ; дерево одѣвается только что образовавшимися листьями. Всходитъ и изъ сѣмянъ сверхъ почвы поднимается трава; теплый воздухъ оглашается стройнымъ (согласнымъ) пѣніемъ птицъ; на лугахъ играетъ и рѣзвится скотъ. Ласково тогда солнце выходитъ до тѣхъ поръ скрывавшаяся ласточка и свою желтую работу (гнѣздо изъ глины) начинаетъ подъ высокою стрѣхою. Тогда доступно обработанное поле и обновляется оно плугомъ; тутъ то бы основательно (по праву) слѣдовало бы дать названіе новому году. Вопросъ свой изложилъ я многословно; онъ послѣ непродолжительнаго замедленія, свои слова изложилъ такъ въ двухъ стихахъ: кратчайшій день есть первый новаго и послѣдній прежняго (стараго) солнца; начало вмѣстѣ и одно берутъ и Фебъ и новый годъ". Послѣ того выразилъ я свое удивленіе — почему и первый день года не свободенъ отъ судебныхъ разбирательствъ Янусъ сказалъ: узнай же причину; только что родившееся время передалъ я веденію дѣлъ, чтобы весь годъ отъ такого предвѣстія не былъ празднымъ, а по этой причинѣ каждый продолжаетъ свои обычныя занятія, и не болѣе какъ и всегда доказываетъ свою дѣятельность. Вслѣдъ затѣмъ я спросилъ· „почему; Янусъ, хотя бы я умилостивлялъ другія божества, тебѣ первому, несу ладанъ и вино?" — А потому, чтобы ты черезъ меня, караулящаго порогъ, могъ бы имѣть доступъ къ какимъ бы ты ни захотѣлъ божествамъ. — А почему въ твои Календы произносятъ слова веселыя и попеременно то даемъ, то принимаемъ мольбы?

Тогда богъ, опершись на палку, которую носилъ въ правой рукѣ, сказалъ: въ началѣ каждаго дѣла имѣютъ обыкновенно мѣсто предзнаменованія, и авгуръ прежде всего обращаетъ вниманіе на увидѣнную птицу. Храмы отверсты и слухъ божествъ и ни одинъ языкъ не начинаетъ не тщетныхъ (напрасныхъ) молитвъ; все сказанное имѣетъ вѣсъ. Пересталъ говорить Янъ, и не долго молчалъ я, но словами моими коснулся послѣднихъ его словъ: „что значитъ, спросилъ я — что тутъ даютъ (дарятъ) пальмы (финики), морщинистыя смоквы и чистый медъ въ бѣлоснѣжномъ кувшинѣ“.— Предвѣстіе, отвѣчалъ онъ, причина, чтобы тотъ вкусъ сопровождалъ и дѣла, и чтобы начатый годъ совершилъ сладкій (пріятный) путь. Вижу я—почему дарятъ сладкое, но присоедини причину зачѣмъ присоединяютъ деньги; пусть же ни одно обстоятельство относительно твоего праздника не ускользнетъ отъ меня. Засмѣялся Янусъ и сказалъ: „о какъ тебя вводитъ въ заблужденіе твое время, тебя, который считаешь медъ слаже полученнаго денежнаго подарка? А я, и въ то время когда еще царствовалъ Сатурнъ, съ трудомъ встрѣчалъ кого либо, чьей душѣ не было бы слаже всего пріобрѣтеніе. Временемъ усиливалась, и теперь достигла высшей степени, жадность къ деньгамъ; едва ли ужъ осталось куда идти еще впередъ въ этомъ отношеніи. Теперь богатства значатъ гораздо больше, чѣмъ въ года прежняго времени; пока народъ бѣдный, пока Римъ былъ вновѣ; пока небольшая хижина вмѣщала рожденнаго отъ Марса Квирина, и рѣчной камышъ давалъ скудную постель. Юпитеръ едва помѣщался во весь ростъ въ тѣсной храминѣ, и молнія въ правой рукѣ Юпитера была изъ глины. Листьями (зеленью) украшали (храмы) Капитолій, какъ теперь драгоцѣнными каменьями, и самъ сенаторъ пасъ своихъ овецъ. Не стыдились мирный принимать покой на соломѣ и сѣно подкладывать подъ голову. Консулъ давалъ народу судъ и расправу только что оставивъ плугъ, и полоски легкаго серебра ставились въ осужденіе; но послѣ того какъ судьба возвысила главу этой мѣстности и своимъ челомъ поднялся Римъ до высоко-живущихъ боговъ, возрасли и богатства и неистовая страсть къ пріобрѣтенію ихъ и чѣмъ имѣютъ больше, тѣмъ большаго желаютъ. Ищутъ (добиваются) чтобы тратить, а истраченное стараются наперерывъ преобрѣсть снова, и самая эта смѣна служитъ пищею порокамъ. Такъ тѣ, у

которыхъ раздулся животъ отъ принятой воды, чѣмъ больше пьютъ, тѣмъ сильнѣйшую чувствуютъ жажду. Деньги теперь въ цѣнѣ; состояніе даетъ почести, состояніе даетъ дружескія связи; бѣдный вездѣ покинутъ. Впрочемъ ты спрашиваешь—почему полезно предзнаменованіе денежнаго подарка, и почему старинная мѣдь нравится нашимъ рукамъ. Мѣдь давали встарину; теперь лучшее предзнаменованіе въ золотѣ, и древняя монета, будучи побѣждена, уступаетъ новой. Да и намъ нравятся золотые храмы, хотя и старинные мы одобряемъ, но это величіе прилично божеству. Хвалимъ старинные года, но пользуемся нашими; впрочемъ тотъ и другой обычай одинаково достоинъ быть въ почетѣ.—„Окончилъ свои внушенія. Тутъ я снова обращаюсь, какъ и прежде, самъ къ носящему ключъ богу съ словами: многое я узналъ, но почему на мѣди (мѣдной монетѣ) одна сторона изображаетъ корабль, а другая фигуру о двухъ головахъ?"—Янусъ отвѣтилъ: „меня могъ бы ты узнать въ двойномъ изображеніи, если бы старинную работу не изгладило время. Относительно корабля причина осталась: на кораблѣ прибылъ въ Тускскую рѣку носящій косу богъ, проблуждавъ прежде весь кругъ земной. Помню, что въ этой землѣ былъ принятъ Сатурнъ; изъ небесныхъ владѣній прогнанъ онъ былъ Юпитеромъ. Вслѣдствіе этого долго народу оставалось имя Сатурнова, и земля названа Лаціумъ оттого, что тутъ скрывался богъ (latente Deo). Доброе (хорошее) потомство сохранило корму на мѣди, свидѣтельствуя о прибытіи бога, искавшаго гостепріимства. Я самъ жилъ въ мѣстности, которую ласковая вода обильнаго пескомъ Тибра омываетъ съ лѣвой стороны. Здѣсь, гдѣ теперь Римъ, зеленѣлъ нетронутый топоромъ лѣсъ и мѣсто, гдѣ теперь такая громада служило пастбищемъ немногимъ быкамъ. Моимъ убѣжищемъ былъ холмъ; его то время уважительное назвало моимъ именемъ, и слыветъ онъ Яникульскимъ. Царствовалъ я въ то время, когда земля выносила пребываніе боговъ, и высшія силы сообщались съ жившими тутъ людьми. Преступленія смертныхъ еще не обратили въ бѣгство справедливость, и послѣдняя изъ высшихъ силъ покинула она землю. Вмѣсто страха народомъ управлялъ стыдъ безъ насилія; не было труда оказывать судъ и расправу праведнымъ; ничего у меня общаго съ войною; я оберегалъ миръ и двери; показывая ключъ онъ сказалъ: и вотъ какое оружіе ношу".—Сомкнулъ уста богъ;

тогда я такъ разрѣшаю свои; моимъ голосомъ вызывалъ я слова бога". Когда столько Янусовъ, почему священный стоишь въ одномъ томъ, гдѣ имѣешь храмъ, примыкающій къ двумъ площадямъ"? — Янусъ, поглаживая рукою спускавшуюся до груди бороду, тотчасъ разсказалъ о войнѣ эболійскаго Тація, какъ легкомысленная караульщица, плѣненная нарукавниками (браслетами) Сабинянъ, указала Тацію путь къ вершинѣ крѣпости. Оттуда какъ и теперь, по которому спускаетесь (сходите по лѣстницѣ) былъ крутой скатъ въ долину и къ форуму (общественной площади). Уже достигали (непріятели) дверей, съ которыхъ злоумышлявшая Сатурнова дочь сняла наложенныя задвижки. Вступить въ борьбу съ такимъ (сильнымъ) божествомъ посовѣстился я, но самъ прибѣгъ къ хитрости и изобрѣтательности моего искусства; отворилъ я источники водъ, избыткомъ которыхъ я богатъ и вдругъ выбросилъ воды, которыхъ никто не ожидалъ; а прежде подбросилъ я сѣры въ холодныя жилы, чтобы кипящая влажность преградила путь Тацію. Когда, по прогнаніи Сабинцевъ, польза этого явленія была замѣчена, и уже безопасному мѣсту возвращенъ видъ какой былъ, поставленъ мнѣ жертвенникъ въ связи съ маленькою часовнею; тамъ-то сгараютъ въ пламени (жертвеннаго огня) кучи пирожковъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ въ зернѣ. — Почему же въ мирное время ты скрываешься, а при движеніи оружія отворяешься? Немедля объяснена мнѣ причина того, что я спрашивалъ: чтобы населенію, отправившемуся на войну, открыто было возвращеніе, снимается задвижка съ двери и отворяется она совсѣмъ. Въ миръ затворяю двери, чтобы онъ куда не удалился и божествомъ Цезаря долго буду я запертъ. Сказалъ, и поднявъ глаза, смотрящіе въ разныя стороны, окинулъ взоромъ все что гдѣ ни было на земномъ кругу. Вездѣ царствовалъ миръ и поводъ къ твоему, Германикъ, тріумфу, Рейнъ передалъ уже тебѣ рабствующія воды. Янусъ, сдѣлай вѣчными миръ и служителей мира и условь, чтобы виновникъ не покинулъ своего дѣла. Впрочемъ—и это возможно было узнать мнѣ изъ самихъ фастъ—священныхъ дневниковъ—сенаторы въ этотъ день освятили два храма. Приняла рожденнаго отъ Феба нимфою Коронидою островъ, котораго сжимаетъ потокъ раздѣлясь на два рукава. Юпитеръ тутъ участникомъ; одно мѣсто приняло того и другаго; и съ храмомъ великаго дѣда соединенъ храмъ внука.

Кто же запретитъ — описать и звѣзды, какъ каждая восходитъ и заходитъ? Это была долею моего обѣщанія. Счастливы умы, которымъ первымъ пришла забота ознакомиться съ этимъ и подняться до высшихъ жилищъ. Довольно вѣроятно, что они одновременно возвысились головою надъ человѣческими недостатками и мѣстами жительства. Возвышенныя стремленья не сломлены ни любовными наслажденьями, ни виномъ, ни обязанностями гражданскими, ни военными трудами. Не легкомысленное честолюбіе и слава, окруженная суетнымъ сіяніемъ, но жажда великихъ дѣлъ ихъ тревожила. Приблизили къ глазамъ звѣзды, находившіяся въ далекомъ отъ земли разстояніи, и эфирныя пространства подвластны стали ихъ уму. Такъ стремятся въ небо, а не такъ, чтобы Оссу понесъ на себѣ Олимпъ, и Пеліокская вершина достигла бы высоко находящихся звѣздъ. Мы съ своей стороны и измѣримъ небо подъ руководствомъ тѣхъ, и расположимъ дни по соотвѣтствующимъ знакамъ. Такимъ образомъ когда наступитъ третья ночь грядущихъ Нонъ и земля смочится упавшею съ неба росою, тщетно стали бы искать ногъ на восемь частей раздѣленныхъ Рака, быстро скрылся онъ въ западныя воды. Наступили ли Ноны — тебѣ подадутъ знакъ ниспосланные изъ черныхъ облаковъ дожди, при восходѣ Лиры. Прибавь четыре дня къ наступившимъ по порядку Нонамъ; нужно умилостивлять Януса Агональнымъ днемъ. Причиною наименованія можешь быть ты служитель (алтаря) съ подобранною кверху одеждою, ты, отъ ударовъ котораго падаетъ жертва небожителямъ, ты, который собираясь теплою кровью окрасить ножи, постоянно спрашиваешь: дѣлать ли? (agone?) и приступаешь къ дѣлу не прежде какъ получивъ приказаніе. Нѣкоторые полагаютъ, что день получилъ наименованіе *агональнаго* отъ гоньбы (actu) потому что животныя не сами идутъ, но ихъ гонятъ (agantur.) Другіе полагаютъ, что старинные люди называли праздникъ этотъ Агналіа и пусть одна буква будетъ уничтожена въ надлежащемъ мѣстѣ. Или, такъ какъ жертвенное животное страшится ножей, заранѣе видѣнныхъ имъ въ водѣ, то день этотъ означенъ страхомъ животнаго. Есть и такіе, которые полагаютъ, что день этотъ получилъ греческое наименованіе отъ игръ, обыкновенно происходившихъ въ прежнемъ вѣкѣ (въ вѣкѣ нашихъ предковъ.) Старинное слово называло скотъ Агоніа, и по моему сужденію

послѣдняя причина есть настоящая (дѣйствительная.) И такъ какъ она теперь достовѣрна, то царь священнодѣйствій долженъ умилостивлять божества супругомъ носящей шерсть овцы. Жертва (victima) называется которая падаетъ отъ правой руки побѣдительницы (victrice), а названіе *гостіи* получаетъ по усмиреніи непріятелей (hostibus domitis.) Прежде то, что имѣло силу умилостивлять боговъ къ людямъ было: мука и блестящія крупинки чистой соли. Еще корабль чужестранца, водимый по морскимъ волнамъ, не привозилъ мирру, выступающую слезами на корѣ. Евфратъ не присылалъ еще ладану, а Индія благовонной мази (costum) и не было извѣстны нити краснаго шафрана (crocum). Дымомъ курился жертвенникъ, довольствуясь Сабинскими травами: горѣлъ и лавръ съ немалымъ трескомъ, а если кто могъ присоединить фіалки къ вѣнкамъ, сдѣланнымъ изъ луговыхъ цвѣтовъ, тотъ былъ богатъ. Тотъ ножъ, который теперь открываетъ внутренности пораженнаго быка, не имѣлъ никакого дѣла при совершеніи священнодѣйствій. Первая Церера обрадовалась крови жадной свиньи убійствомъ заслуженнымъ отмстившей за свои плоды (произведенія); такъ какъ она посѣвы съ наступившею весною полные нѣжныхъ соковъ, нашла вырытыми рыломъ покрытой щетиною свиньи. Свинья понесла наказаніе; приведенный въ ужасъ ея примѣромъ ты, козелъ, долженъ былъ бы воздержаться отъ виноградной лозы. Кто то увидавъ, какъ онъ тискалъ зубами виноградные листья, сказалъ, не скрывая свою скорбь, такія слова: грызи, козелъ, виноградную лозу, а впрочемъ изъ нея же, когда будешь стоять у жертвенника, все же найдется что можно будетъ возлить на твои рога. За словами послѣдовало вѣрное исполненіе: за причиненный вредъ тебѣ, Вакхъ, выданный непріятель окропляется по рогамъ вылитымъ виномъ. Вина повредила свиньѣ; вина же повредила и козѣ; но чѣмъ заслужили вы быки и смирныя овцы? Плакалъ Аристей, что пчелы умерщвленныя въ ульѣ оставили недовершенными начатые соты. Лазоревая родительница утѣшила съ трудомъ горевавшаго и къ своимъ словамъ прибавила, какъ послѣднее изреченіе: останови, мальчикъ, слезы; Протей поможетъ твоей потерѣ. и дастъ тебѣ средство возвратить (пополнить) утраченныхъ тобою, впрочемъ какъ бы онъ необманулъ тебя, измѣняя образы, прочными веревками стяни обѣ руки. Достигъ до волшебника молодой человѣкъ разрѣшенныя

сномъ связываетъ схваченныя руки морскаго старика. То своимъ искусствомъ принимая другія формы, измѣняетъ наружность; потомъ, усмиренный оковами, возвращается въ свои члены, и поднявъ лазоревой ликъ съ бородою, по которой текла вода, сказалъ: „ты спрашиваешь — какимъ искусствомъ пополнить убыль твоихъ пчелъ? Зарой въ землю тѣло зарѣзаннаго быка; то, что ты отъ меня просишь, онъ зарытый тебѣ дастъ. Пастухъ исполнилъ приказанное: кипятъ рои изъ согнившаго быка; одна умерщвленная душа даетъ жизнь тысячамъ. Требуетъ судьба овцу: глупенькая срывала посвященныя вѣтви, которыя имѣла обыкновеніе набожная старуха приносить сельскимъ божествамъ. Что же остается въ безопасности, если на жертвенникѣ оставляетъ жизнь—приносящее шерсть животное и обработывающіе поле быки. Персъ умилостивляетъ конемъ Гиперіона, опоясаннаго лучами, чтобы быстраго бога почтить не лѣнивою жертвою. Лань, разъ принесенная въ жертву за дѣвственницу тройной Діанѣ, падаетъ и теперь, хотя уже нѣтъ никакой дѣвственницы. Я видѣлъ, что Сапеи приносятъ въ жертву Тривіѣ внутренности собакъ; съ ними и тѣ, которые живутъ по близости твоихъ о Гемъ, снѣговъ. Оселъ приносится въ жертву крѣпко стоящему сторожу деревни. Стыдно объяснять причину, но она пригодна (соотвѣтствуетъ) такому богу. Ты, Греція, прославляла праздники носящаго плющъ Вакха, которые приходятъ въ обычное время съ третьимъ зимнимъ самимъ краткимъ днемъ. На нихъ явились и божества, чтившія Ліея и всѣ, кто не былъ прочь повеселиться и пошутить: паны, молодежь сатировъ, склонная къ любовному наслажденію и богини, которыя живутъ въ рѣкахъ и отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Прибылъ и старичекъ Силенъ, кривляясь на ослѣ, и тотъ, который краснымъ дѣтороднымъ членомъ страшитъ птицъ. Они, найдя въ рощѣ мѣсто удобное для ихъ пиршества, возлегли на ложахъ, одѣтыхъ травою. Вина давалъ Вакхъ, каждый самъ себѣ изготовилъ вѣнокъ; щедро бѣжалъ ручеекъ; водою нужною для примѣшиванья къ вину. Наяды тутъ были: однѣ съ распущенными волосами нетронутыми гребенкою; волосы другихъ были расположены искусною рукою. Та служитъ собравъ рубашку выше икръ ноги, у другой раскрывшись рубашка обнажала грудь; у той выставилось плечико; та волочитъ платье по травѣ; нѣжныя ноги обходятся безо всякой обуви.

Оттого то однѣ вызываютъ въ сатирахъ тихое пламя (страсти), а другія въ тебѣ, который виски носишь связанные сосною. И ты Силенъ, неутолимо похотливый, горишь желаніемъ; твое сладострастіе не даетъ тебѣ быть старикомъ. А красный Пріапъ, украшеніе и охрана садовъ, плѣнился изо всѣхъ Лотидою. Ее желаетъ, къ ней стремится, о ней одной вздыхаетъ, подаетъ знаки кивками и упрашиваетъ жестами. Но хорошенькія важничаютъ и надменность сопровождаетъ красоту; съ насмѣшкою на лицѣ выражаетъ она ему пренебреженіе. Наступила ночь, вино клонило ко сну; въ разныхъ мѣстахъ лежали тѣла побѣжденныхъ сонливостью. Лотисъ, утомясь отъ игры, опочила на землѣ, покрытой травою, послѣднею, подъ вѣтвями клена. Поднялся влюбленный; сдерживая дыханіе, украдкою тихими шагами на пальцахъ ногъ пробирается. Когда коснулся уединеннаго ложа бѣлоснѣжной нимфы опасается, какъ бы самое дыханіе не подало о немъ голоса. Уже наклонился онъ тѣломъ на сосѣдственной травѣ: а та (нимфа) была погружена въ глубокій сонъ. Радуется, и отъ ногъ ея приподнявъ покровы, началъ идти счастливымъ (благопріятнымъ) путемъ къ исполненію своихъ желаній. Вотъ оселъ, привезшій Силена, заревѣлъ и своимъ хриплымъ голосомъ испустилъ несвоевременные звуки. Испуганная нимфа вскочила, оттолкнула руками Пріапа и убѣжавъ своими криками огласила всю рощу; а богъ, уже слишкомъ готовый похабною частью (дѣтороднымъ членомъ), при свѣтѣ луны сталъ для всѣхъ предметомъ смѣха. Виновникъ крика былъ наказанъ за него смертью, и съ тѣхъ поръ онъ жертва, пріятная Геллеспонтіакскому богу. — Нетронутыми бывали вы птицы, утѣха полей, привыкшія въ лѣсахъ и безвредное племя; вы, которыя дѣлаете гнѣзда, перьями прикрываете (нагрѣваете) яица и складкіе издаете звуки легкимъ ртомъ. Но это ничего не помогаетъ, такъ какъ вамъ ставятъ въ вину вашъ языкъ, и боги полагаютъ будто бы вы открываете ихъ мысли. И впрочемъ это неложно; такъ какъ вы птицы, по мѣрѣ своего приближенія къ богамъ, даете то крыльями (полетомъ) то голосомъ правдивыя замѣчанія. Долго безопаснымъ было поколѣніе птицъ; наконецъ и оно сдѣлалось предметомъ рѣзни: полюбились богамъ внутренности ихъ обличителей. Такимъ образомъ не разъ подруга, уведенная отъ своего мужа, бѣлая голубка, варится въ нагрѣтой печи. И не помогло гусямъ то, что

они защитили Капитолій, а все таки гусь даетъ своего печень въ твои чаши, о прекрасная Инахова дочь. Богинѣ ночи приносится въ жертву украшенная гребнемъ птица, та, которая бодрствующимъ голосомъ возвѣщаетъ теплый день. Между тѣмъ надъ Дельфійскимъ моремъ восходитъ свѣтлая звѣзда и поднимаетъ ликъ изъ отеческихъ водъ. Наступившій вслѣдъ затѣмъ день обозначаетъ самую середину зимы, и какая останется половина будетъ равна той, которая миновала. Ближайшею взглянетъ Аврора, покинувъ Титона на священнодѣйствіе, первосвященникомъ совершаемое Аркадійской богинѣ. И тебя, Турнова сестра, свѣтъ дня приметъ въ томъ же храмѣ, здѣсь, гдѣ дѣвственною водою окропляютъ кругомъ поле (Марсово). Гдѣ буду искать причинъ и обычая этихъ священнодѣйствій? Кто дастъ направленіе моимъ парусамъ середи моря? Сама внуши ты, которая имѣешь наименованіе отъ стихотворенія и будь благопріятна намѣренію, чтобы не ошибиться относительно твоей почести. Получивъ происхожденіе прежде луны, земля — если о ней ей самой повѣрить, имѣетъ наименованіе отъ великаго Аркада. Здѣсь былъ Евандръ, который знаменитый съ обѣихъ сторонъ, впрочемъ, именитѣе былъ кровью матери. А та, какъ только душою захватила эфирныхъ огней, правдивыми устами произносила стихи полные божества. Она сказала, что ей и сыну предстоятъ тревоги и сверхъ того многое, что временемъ пріобрѣло довѣріе. Дѣйствительно молодой человѣкъ, съ матерью слишкомъ правдивою вынужденный бѣжать, оставилъ Аркадію и Парразійскаго лара (домашняго божка). Ему плачущему родительница сказала: сынокъ, какъ слѣдуетъ мужчинѣ, удержи слезы; судьбу эту необходимо тебѣ перенесть. Такъ было назначено судьбою: и тебя не вина твоя вынудила бѣжать, но богъ; изгнанъ ты изъ города оскорбленнымъ богомъ; терпишь ты не наказаніе за вину (заслуженное) но гнѣвъ божества. Чего-нибудь стоитъ при большихъ бѣдствіяхъ сознавать отсутствіе вины. Какъ каждому есть сознаніе своихъ мыслей, такъ каждый въ сердцѣ предчувствуетъ за совершенное имъ или надежду или опасеніе. И впрочемъ, не печалься, такъ какъ будто бы ты первый такое терпѣлъ; такая же буря сокрушила великихъ людей. Тоже потерпѣлъ Кадмъ; прогнанный нѣкогда отъ береговъ Тирійскихъ, изгнанникомъ остановился онъ на Аонійской землѣ. Тоже понесъ (потерпѣлъ) Тидей, тоже Па-

газейскій Язонъ и много другихъ еще, но исчислять ихъ нужно было бы много времени. Для смѣлаго всякая почва отечество, какъ рыбамъ море, какъ птицамъ воздухъ, такъ ему открыто все въ пространномъ кругѣ земномъ. И суровыя непогоды не свирѣпствуютъ въ теченіи цѣлаго года и для тебя, повѣрь мнѣ, наступитъ время весны. Евандръ, мысли котораго получили больше увѣренности отъ словъ родительницы, кораблемъ разсѣкаетъ воды и отправляется въ Гесперію. Уже онъ, по внушенію опытной, свѣдущей Карменты, ввелъ судно въ рѣку и шелъ по Тускскимъ водамъ противъ ихъ теченія. Видитъ она ту сторону рѣки, къ которой примыкаютъ мелкія мѣста Теренція и въ уединенныхъ мѣстахъ разсѣянныя хижины. И какъ была, стояла передъ кормою съ распущенными волосами, сердито удержала руку правившаго путемъ и протягивая свои руки вдаль на правую сторону берега, сосновый полъ ударила три раза въ безумномъ изступленіи и съ трудомъ удержана она рукою Евандра отъ скачка, такъ спѣшила она поскорѣе на землю. Она говорила: привѣтствую васъ, боги мѣстности, къ которой мы стремимся, и ты земля, которая дашь небу новыя божества, рѣки и источники, которыми пользуется гостепріимная земля, нимфы рощъ и хоры наядъ. Пусть и я и сынъ мой увидятъ васъ при благопріятствующихъ птицахъ, и пусть коснемся мы этого берега счастливою (благопріятною) ногою. Неужели я въ заблужденіи? Или эти холмы станутъ громадными стѣнами? Не отъ этой ли земли законы получать будетъ вся земля? Этимъ холмамъ обѣщанъ когда-то весь кругъ земной. Кто повѣритъ, что эту мѣстность ждетъ такая будущность? И уже Дарданійскія суда касаются этихъ береговъ, и тутъ причиною новой войны будетъ женщина. Милый внукъ, Палла, зачѣмъ надѣваешь на себя гибельное вооруженіе? Надѣнь; падешь отъ руки не простаго мстителя. А ты, Троя, побѣжденная, побѣдишь и ниспровергнутая возстанешь; развалины твои своимъ паденіемъ подавятъ жилища твоихъ враговъ. Побѣдоносное пламя жги Нептуновъ Пергамъ и теперь прахъ этотъ не выше ли всего на земномъ кругу? Уже набожный Эней уноситъ святыню и, такую же святыню—родителя; Веста, прими Иліакскихъ боговъ. Наступитъ время, когда одинъ и тотъ же будетъ охранять и васъ и земной кругъ и будутъ совершаться священнодѣйствія при посредствѣ самого бога; у

Августовъ останется попеченіе объ отечествѣ; этому дому суждено держать бразды правленія. Затѣмъ внукъ рожденный отъ бога, хотя бы и сталъ самъ отказываться, отеческое бремя понесетъ небеснымъ умомъ. И какъ меня, когда-то будутъ чтить постоянно на жертвенникахъ, такъ Юлія Августа будетъ новымъ божествомъ. Такими изреченіями, когда она спустилась до нашихъ лѣтъ, пророческій языкъ остановился среди звуковъ. Выйдя изъ корабля, изгнанникъ сталъ на травѣ Лаціума. Счастливъ, кому то мѣсто было ссылкою! Долго не медлили; воздвиглись уже новыя жилища, и въ горахъ Авзоніи другаго больше Аркадца не было. Вотъ герой, вооруженный палицею, измѣривъ путь длиннаго земнаго круга, пригоняетъ туда Эритеидскихъ быковъ и между тѣмъ, какъ ему даетъ гостепріимство Тегеевъ домъ, блуждаютъ по широкимъ полямъ, никѣмъ не сторожимые быки. Было рано: пробудясь отъ сна, Тиринтійскій герой замѣтилъ, что изъ числа быковъ недостаетъ двухъ. Ища не находитъ онъ никакихъ слѣдовъ тайной кражи: Какусъ утащилъ въ пещеру животныхъ задомъ, Какусъ, Авентинскаго лѣса страхъ и безславіе, не пустое зло сосѣдямъ и пришлецамъ. У этого человѣка свирѣпая наружность; силы соотвѣтствовавшія тѣлу, тѣло громадное; отцомъ этого чудовища былъ Мульциберъ. Жилищемъ ему служила пещера, огромная впадинами (помѣщеніемъ) скрытая; ее и дикіе звѣри могли найдти только съ трудомъ. Надъ дверьми висятъ прибитыя головы и руки и скользкая отъ человѣческихъ костей бѣлѣетъ земля. Дурно укарауливъ часть быковъ, уже удалялся рожденный отъ Юпитера, какъ украденные осиплымъ голосомъ издали (испустили) мычаніе. Тогда сказалъ: принимаю отзывъ обратно и послѣдовавъ за голосомъ, мститель прибылъ черезъ лѣса къ нечестивому вертепу (пещерѣ). Тотъ преградилъ входъ сдѣлавъ завалъ изъ отломка горы; громаду эту едва ли привели бы въ движеніе двѣ пары быковъ. Усиливается онъ плечами, а и небо опиралось на нихъ, и огромную массу старается ниспровергнуть двигая ее. Когда онъ ее сбросилъ, гулъ устрашилъ самый эфиръ и отъ упавшей тяжести подалась книзу мягкая почва. Сначала Какусъ завязалъ рукопашный бой и отчаянно защищаетъ свое дѣло каменьями и кольями; когда онъ не могъ ими ничего сдѣлать, несостоятельный силою прибѣгаетъ къ искусству отцовскому, и извергаетъ пламя зву-

чащимъ ртомъ. Каждый разъ, какъ онъ его выдыхаетъ, подумалъ бы ты, что дуетъ Тифой и что огонь Этны бросаетъ быстрыя молніи. Захватываетъ его Алкидъ и поднявъ палицу о трехъ узлахъ (сукахъ) три или четыре раза ударилъ прямо въ лицо Какуса. Тотъ упалъ и вмѣстѣ съ кровью извергаетъ смѣшанные пары и умирая, широкою грудью поражаетъ землю. Изъ тѣхъ быковъ одного побѣдитель приноситъ въ въ жертву тебѣ Юпитеръ; призываетъ Евандра и земледѣльцовъ, поставилъ себѣ жертвенникъ, который называютъ величайшимъ. Здѣсь, гдѣ часть города имѣетъ наименованіе отъ быка и не молчитъ мать Евандра, что близко время, когда земля уже довольно пользовалась своимъ Геркулесомъ, а счастливая прорицательница, какъ жила пріятнѣйшею богамъ, такъ богинею владѣетъ этимъ днемъ въ мѣсяцѣ Януса. Въ Иды въ храмѣ священнаго Юпитера цѣломудренный священнослужитель кладетъ въ огонь кости вырѣзаннаго (холощенаго) барана. Возвращены всѣ провинціи нашему народу и твой дѣдъ названъ именемъ Августа. Посмотри, родовитая, на расположенныя по заламъ восковыя изображенія; ни одному человѣку не пришлось на долю столько заслугъ. Африка зоветъ побѣдителемъ надъ собою; другое свидѣтельствуетъ, что Исаврскія силы или Критъ усмирены. Этого дѣлаютъ надмѣннымъ Нумиды, а этого Мессана; тотъ привлекъ на себя вниманіе Нумантинскимъ городомъ и смерть и имя (славу) Друзу доставила Германія.—О я несчастный! Какъ кратковременна была та доблесть! Если бы Цезарь принималъ наименованіе отъ побѣжденныхъ, то пришлось бы ему имѣть столько названій, сколько обширный кругъ земли имѣетъ числомъ племенъ. Нѣкоторые прославились однимъ подвигомъ или отнятаго ожерелья, или ставится въ заслугу вспомогательный воронъ. Великій Помпей, твое имя есть дѣло твоихъ дѣлъ, но кто тебя побѣдилъ, именемъ былъ больше, и нѣтъ уже степени выше наименованія Фабіевъ. Семейство это, по своимъ заслугамъ, наименовано: „величайшимъ“. Но впрочемъ, всѣхъ прославляютъ человѣческими почестями, а этотъ имѣетъ общее наименованіе съ верховнымъ Юпитеромъ. Отцы зовутъ святыню *августѣйшею* (ростущею), *августѣйшими* зовутъ храмы, по обряду освященные рукою священнослужителей. И *авгурство* по своему началу въ связи съ этимъ словомъ и все, что Юпитеръ приращаетъ (auget) своимъ содѣйствіемъ

Пусть приращаетъ власть нашего вождя, приращаетъ лѣтъ; пусть дубовый вѣнокъ прикрываетъ и ваши двери и пусть при благопріятномъ предзнаменованіи божественныхъ авспицій, тѣмъ же, что и отецъ, приметъ бремя земнаго круга. Когда Титонъ въ третій разъ взглянетъ на наступившіе Иды, пусть совершаются священнодѣйствія, относящіяся до Парразійской богини.

Прежде Авзонокъ, матерей семействъ, возили на колесницахъ (carpenta) и какъ полагаю, онѣ получили названіе отъ матери Евандра. Но вотъ отняли эту почесть; каждая женщина положила не обновлять никакимъ потомствомъ неблагодарныхъ мужей, и чтобы не родить неосторожная (самонадѣянная) слѣпымъ (глухимъ) ударомъ вытрясала (выколачивала) изъ внутренностей росшее бремя. Говорятъ, что сенаторы наказали жестокія начинанія женъ, но возвратили отнятое имъ право. И теперь одновременно двойное священнодѣйствіе Тегейской родительницы повелѣваютъ совершать за мальчиковъ и дѣвочекъ. Все кожаное не слѣдуетъ вносить въ то святилище, чтобы лишенное жизни не оскверняло чистыхъ алтарей. Если кто любитъ древніе обряды, пусть присутствуетъ при совершеніи мольбы; услышишь имена прежде тебѣ неизвѣстныя, умилостивляютъ тутъ Порриму, Постверту; сестры ли онѣ твои, нимфа Меналисъ или спутницы бѣгства. Одна говорятъ пѣла то, что прежде бывало, а другая то, что имѣло наступить когда-нибудь въ послѣдствіи. Ближайшій (непосредственно за тѣмъ слѣдующій) блестящій свѣтъ дня помѣстилъ тебя въ бѣлоснѣжномъ храмѣ, тамъ, гдѣ поднимаются высоко ступени громадной Монеты (храмъ Юноны Монеты?) Теперь ты, Согласіе (Конкордія) не взглянешь ли благосклонно на толпу Латинянъ? Теперь тебя возстановили посвященныя руки. Встарину далъ обѣтъ Фурій, усмиритель Этрусскаго народа, и ранѣе исполнилъ вѣрно данный имъ обѣтъ. Поводъ то, что чернь, взявъ оружіе, оставила сенаторовъ и самъ Римъ сталъ страшиться собственныхъ силъ. Недавній поводъ лучше: Германія съ распущенными волосами протягиваетъ съ мольбою руки твоимъ, достоуважаемый вождь, счастіемъ; оттуда принесъ ты дары побѣжденнаго народа и устроилъ храмы богинѣ, которую чтишь самъ. Ихъ снабдила и нужными предметами и жертвенникомъ родительница, которая одна нашлась достойною постели великаго Юпитера. Когда это минуетъ, ты, Фебъ, оставивъ Козерога, бѣжишь черезъ

знаки юноши, носящаго воду. Затѣмъ, когда седьмой разъ взойдя опустится въ воды, на всемъ полюсѣ нигдѣ уже не будетъ блистать Лира. Отъ этого свѣтила съ наступленіемъ ночи огонь, который блистаетъ въ серединѣ груди Льва, погрузится въ воду Три или четыре раза просмотрѣлъ я *фасты* (святцы) обозначающіе время, но дня посѣвовъ не нашелъ ни одного, когда мнѣ муза, а она поняла, сказала: „день этотъ назначается; зачѣмъ ищешь въ Фастахъ непостоянныхъ (переходящихъ) праздниковъ и если день этого священнодѣйствія неизвѣстенъ, то время извѣстно во всякомъ случаѣ“: когда поле проростаетъ брошенными сѣменами, а вы быки, украшенные вѣнками, стоите у полныхъ яслей, пока труды ваши возвратятся съ теплою весною. Житель деревни вѣшаетъ выслужившійся плугъ на колъ; холодная земля опасается всякой раны. Поселянинъ, дай отдохновеніе землѣ, окончивъ посѣвъ, дай отдыхъ людямъ, которые обрабатывали землю. Деревня пусть совершаетъ празднество: жители, совершайте обрядъ очищенія деревни и дайте ежегодныя приношенія сельскимъ алтарямъ. Умилостивляйте матерей произведеній—Землю и Цереру ихъ же мукою и внутренностями беременной свиньи. Церера и Земля исполняютъ общую обязанность: та производитъ плоды, а эта даетъ мѣсто, соучастницы работъ, которыми исправлена старина и дубовый жёлудь побѣжденъ пищею болѣе полезною—безчисленными произведеніями насыщайте жадныхъ поселенцевъ, чтобы они получили награду, достойную ихъ почитанія. Вы давайте постоянное приращеніе нѣжнымъ росточкамъ и новая трава пусть не пострадаетъ отъ холодныхъ снѣговъ. Когда сѣемъ, открывайте небо вѣтрамъ при ясной погодѣ; а когда сѣмя будетъ уже спрятано, окропите его эфирною водою. Предусмотрите, чтобы дары Цереры не сдѣлались добычею готовой на расхищеніе стаи опасныхъ имъ птицъ. И вы, муравьи, пощадите скрытыя зерна: послѣ жатвы добыча вамъ будетъ въ большемъ избыткѣ. Между тѣмъ, пусть растетъ хлѣбъ чуждымъ противной ржавчины и не блѣднѣя (желтѣя) отъ дурной погоды и пусть не гибнетъ зачахнувъ, и слишкомъ разросшись не погибнетъ отъ избытка собственныхъ богатствъ. Пусть свободныя будутъ поля отъ куколя, вреднаго глазамъ, и пусть не выходитъ на обработанной землѣ пустой (дикій) овесъ. Пусть нива возвращаетъ съ громаднымъ барышомъ посѣвы пшеницы, полбу (не

муку ли?) которая два раза подвергается огню и ячмень. Поселяне, этого я за васъ желаю, этого вы желаете себѣ; та и другая богиня пусть исполнятъ ваши мольбы. Долго войны занимали людей; мечъ былъ удобнѣе (ловчѣе) плуга; быкъ-пахарь уступалъ коню. Сохи оставались безъ дѣла; мотыки обращены въ копья и шлемы дѣлали изъ тяжелой бороны. Благодареніе богамъ и твоему дому; скованные цѣпями уже давно лежатъ войны подъ нашими ногами. Подъ ярмо пусть идетъ быкъ, а сѣмя подъ вспаханную землю: миръ питаетъ Цереру; воспитанница мира Церера. А на шестой день, предшествующій наступающимъ календамъ, освящены храмы Ледейскимъ божествамъ. Его — братья изъ племени боговъ устроили братьямъ божествамъ около Ютурнскаго озера. Самое стихотвореніе приводитъ насъ къ жертвеннику мира; то будетъ день отъ конца мѣсяца второй. Ты, миръ, являешься съ волосами, украшенными Актіакскими листьями и оставайся милостивымъ ко всему земному кругу. Пока нѣтъ непріятелей, нѣтъ и повода къ тріумфу, и такая слава вождямъ будетъ значительнѣе войны (военной). Пусть воинъ носитъ оружіе, которымъ отражаетъ оружіе, а звукъ суровый трубъ пусть раздается только при торжественныхъ процессіяхъ. Пусть и ближайшія и самыя отдаленныя мѣста земнаго круга приходятъ въ ужасъ передъ потомками Энея, а если какая страна будетъ мало опасаться Рима, пусть любитъ его. Служители алтаря, сыпьте ладанъ на огни мира, и пусть пораженною падаетъ жертва съ бѣлымъ челомъ, и чтобы домъ, который доставляетъ миръ, съ миромъ остается вѣченъ, молите боговъ благосклонныхъ къ набожнымъ обѣтамъ, но уже довершена первая часть моего труда, и вмѣстѣ съ своимъ мѣсяцемъ книжка имѣетъ конецъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Янусъ имѣетъ конецъ; съ стихотвореніемъ растетъ и годъ, какъ съ этого времени идетъ другой мѣсяцъ, такъ пойдетъ (начнется) другая книжка. Теперь въ первый разъ элегическіе стихи отправляйтесь на большихъ парусахъ; я помню, что недавно были вы дѣломъ малымъ. Самъ я имѣлъ въ любви легкими слугами, когда первая молодость играла свойственными ей мотивами. Тотъ же пою я святыню и времена, обозначенныя Фастами; повѣрилъ ли бы кто, что оттуда можетъ быть дорога сюда. Это моя служба; носилъ, какое могъ оружіе, и моя правая рука не праздна отъ всякаго занятія. Если я не вращаю сильною рукою копій, если я не бременю спины воинственнаго коня, не покрываюсь шлемомъ, не подпоясываюсь мечомъ; каждый можетъ ловко обращаться съ этимъ оружіемъ. А я усерднымъ сердцемъ преслѣдую твои, Цезарь, наименованія и шествую по твоимъ отличіямъ. А потому явись, ласковымъ лицомъ взгляни немного на мои приношенія, если только есть у тебя свободное время отъ усмиренія непріятеля. Римскіе сенаторы называли *феврýа* искупительную церемонію, и теперь весьма многіе знаки даютъ слову вѣру. Первосвященники просятъ отъ царя и фламина шерсть, а ей на старинномъ языкѣ было названіе *феврýа*, и средства очистительныя, какія беретъ ликторъ въ извѣстныхъ домахъ, зерна хлѣба, жареныя съ мукою, называются также. Тоже названіе вѣтви, которая, отрубленная отъ чистаго дерева, цѣломудреннымъ (чистымъ) листомъ покрываетъ виски священнослужителямъ. Самъ я видѣлъ, какъ Фламиника требовала *феврýа*; на требованіе феврýа данъ сосновый прутъ. Однимъ словомъ, у нашихъ предковъ, не стригшихъ волосъ,—все,

чѣмъ мы очищаемъ наши сердца, имѣло это названіе. А мѣсяцъ отъ того названъ, потому что Луперки рѣзанною кожею всю почву очищаютъ и это считается очищеніемъ или потому, что время чисто по умилостивленіи гробовъ, тогда, когда миновали похоронные дни. Наши старики были того убѣжденія, что очищенія могутъ уничтожить всякое нечестіе и причину зла. Греція была началомъ обычая: она полагаетъ, что сдѣлавшіе зло могутъ бывъ очищены (избавиться) отъ нечестія своихъ поступковъ. Пелей—Акторида, а самого Пелея въ убійствѣ Фока—Акастъ очистилъ Гемонійскими водами. Довѣрчивый Эгей оказалъ Фазидкѣ незаслуженную помощь, Фазидкѣ, пріѣхавшей черезъ воздушное пространство на взнузданныхъ драконахъ. Амфіараидесъ сказалъ Навпактскому Ахелою: разрѣши отъ злодѣянія и тотъ разрѣшилъ отъ злодѣянія. Ахъ, слишкомъ легковѣрны вы, которые полагаете что печальную вину убійства можете уничтожить принятіемъ рѣчной воды. Впрочемъ, чтобы ты не заблуждался не зная стариннаго порядка, мѣсяцъ Януса, какъ теперь первый, такъ и прежде былъ, а который слѣдуетъ за Янусомъ былъ послѣдній стариннаго года и ты, Терминъ, былъ концомъ священнодѣйствій. Первый мѣсяцъ Януса потому что дверь первая, а тотъ, который былъ посвященъ преисподнимъ тѣнямъ былъ конечнымъ. Впослѣдствіи — такъ вѣрятъ (полагаютъ)—децемвиры соединили времена, раздѣленныя длиннымъ промежуткомъ. Въ началѣ мѣсяца Спасительница (Юнона), какъ говорятъ, получила приращеніе новаго храма, сопредѣльнаго съ Фригійскою матерью. Теперь, спросишь, гдѣ находятся храмы богини, освященные въ эти календы? Исчезли отъ долгаго времени. А чтобы и прочіе храмы, упавъ, не обратились въ развалины, приняла мѣры предусмотрительная заботливость посвященнаго вождя. При немъ не ощущается храмами никакой старости и недостаточно ему одолжать людей, одолжаетъ тотъ и боговъ. Храмовъ строитель, храмовъ священный обновитель, пусть будетъ, желаю, высшимъ силамъ взаимна забота о тебѣ. Пусть небожители дадутъ тебѣ столько же лѣтъ, сколько ты небеснымъ и пусть за твой домъ остаются на сторожѣ. Въ то время также посѣщается толпою роща сосѣдняго Азила тамъ, гдѣ пришлецъ Тибръ стремится къ водамъ моря. У святилища Нумы, у громовержца Капитолійскаго, и въ высшемъ убѣжищѣ Юпитера приносится въ жертву двузубая (овца). Часто Австръ, прикрытый обла-

ками, вызываетъ сильные дожди, или земля скрывается подъ упавшимъ снѣгомъ. Ближайшій затѣмъ Титанъ, собираясь отходить въ воды, когда съ пурпурныхъ коней снимаетъ алмазное иго, тутъ кто-нибудь, поднявъ къ звѣздамъ лицо, скажетъ: „гдѣ теперь Лира, которая вчера блистала?“ И между тѣмъ, какъ ищетъ Лиру, замѣтитъ, что и спина середины Льва вдругъ опустится въ прозрачныя воды. Дельфинъ, котораго ты видѣлъ недавно испещреннаго звѣздами, въ послѣдующую ночь убѣжитъ отъ глазъ твоихъ, былъ ли то счастливый доносчикъ въ тайныхъ любовныхъ дѣлахъ твоего повелителя съ Лесбоскою, или несъ онъ лиру. Какое море не знало и какая страна Аріона? Стихами задерживалъ онъ текучія воды. Часто волкъ, преслѣдовавшій ягненка, удержанъ этимъ голосомъ, часто останавливалась молодая овца бѣгущая отъ кровожаднаго волка. Часто собаки и зайцы лежали подъ одною тѣнью и лань стояла на скалѣ подлѣ львицы, болтливая ворона прекращала свои споры съ птицею Паллады и голубка мирилась съ ястребомъ. Говорятъ, что часто Цинтія отъ звуковъ твоихъ, голосистый Аріонъ, приходила въ удивленіе, какъ бы отъ братниныхъ. Имя Аріоново наполнило Сицилійскіе города и берегъ Авзоніи былъ плѣненъ лирическими звуками. Оттуда, возвращаясь домой, Аріонъ сѣлъ на корабль и такимъ образомъ везъ богатства, снисканныя искусствомъ. Можетъ быть ты, несчастный, опасался вѣтровъ и воды, а тебѣ море было безопаснѣе твоего корабля. Вотъ управлявшій кораблемъ сталъ съ обнаженнымъ мечомъ и прочая толпа, за одно съ нимъ дѣйствовавшая, вооружась. Мореходъ, что тебѣ до меча, правь сомнительнымъ (нерѣшительнымъ) судномъ; не это оружіе должны держать твои руки. Тотъ свободный отъ страха, сказалъ: „не отмаливаюсь отъ смерти, но пусть только будетъ дозволено, взявъ лиру, повторить немногое“. Даютъ позволеніе и издѣваются надъ отсрочкою; беретъ тотъ вѣнокъ, который могъ бы и къ твоимъ, Фебъ, идти волосамъ, надѣлъ мантію два раза окрашенную Тирійскимъ багрецомъ; тронутыя пальцами струны издали свойственные имъ звуки плачевнаго тона, какой испускаетъ лебедь пораженный стрѣлою въ крѣпкую голову. Тотчасъ же, какъ былъ убранный (украшенный) соскочилъ въ середину водъ; брызгами разступившихся лазоревыхъ водъ орошено судно. Потомъ — болѣе чѣмъ сколько можно повѣрить,—но сохранилось это въ па-

мяти — дельфины съ изогнутою спиною подняли на себя новое (несвойственное имъ) бремя. Тотъ (Аріонъ) усѣвшись держитъ гитару, поетъ и это съ него плата за перевозъ; пѣснями смиряетъ онъ воды моря. Боги видятъ дѣло благочестивое. Юпитеръ принялъ Дельфина въ звѣзды и повелѣлъ ему имѣть ихъ девять. Теперь желалъ бы я имѣть тысячи звуковъ и то, чтобы мнѣ присуще было твое, Меонидъ, дарованіе, которымъ ты сохранилъ память Ахилла, между тѣмъ, какъ поемъ перемежающимися стихами священныя Ноны, величайшая почесть отсюда готовится *фастамъ*. Недостаточно воображеніе, тѣснитъ что-то превышающее силы; этотъ день нужно мнѣ пѣть особеннымъ голосомъ. Зачѣмъ хотѣлъ я безразсудный столько вѣсу придать элегическимъ стихамъ? Дѣло это было бы героическаго размѣра. Священный отецъ отечества, имя это дали тебѣ чернь, сенатъ; его же дали и мы всадники, но самое дѣло дало прежде; поздно уже получилъ ты настоящее (справедливое) наименованіе, а уже давно былъ отцемъ земнаго круга. Тоже значеніе имѣешь ты на землѣ какое Юпитеръ въ верхнемъ эфирѣ; ты отецъ людей, а тотъ боговъ. Ромулъ уступи, этотъ сдѣлалъ оберегая великими твои стѣны, а ты давалъ ихъ перескочить Рему. Тебя почувствовали Тацій, маленькіе Куры и Ценина, а при этомъ вождѣ римскими сдѣлались обѣ стороны солнца (и восходъ и закатъ). Ты имѣлъ не знаю какой-то клочекъ побѣжденной земли, а Цезарю принадлежитъ все, что находится подъ высокимъ Юпитеромъ. Ты похищалъ, а этотъ повелѣваетъ, чтобы подъ его управленіемъ чисты (цѣломудренны) были жены; ты принималъ въ рощи, а онъ удаляетъ злодѣевъ. Насиліе тебѣ пріятно было; при Цезарѣ цвѣтутъ законы; ты имѣлъ наименованіе господина, а этотъ перваго изъ всѣхъ. Тебя обвиняетъ Ремъ, а тотъ далъ прощеніе непріятелямъ; небеснымъ (небожителемъ) сдѣлалъ тебя отецъ, а тотъ отца. Уже Идейскій мальчикъ выдается до половины живота и смѣшанную съ нектаромъ льетъ прозрачную воду. Тутъ пусть радуется тотъ, кто обыкновенно приходилъ въ содроганіе отъ Борея, болѣе нѣжное дуновеніе приходитъ отъ зефировъ. Пятый поднялъ отъ морскихъ водъ блестящее свѣтило Люциферъ и идутъ времена первой (только-что наступающей) весны. Впрочемъ не ошибись, остаются тебѣ холода, остаются и удаляясь зима оставитъ великіе знаки. Съ наступленіемъ третьей ночи

увидишь, что караульщикъ медвѣдицы высунулъ (двойныя) обѣ ноги. Среди Гамадріадъ у Діаны опытной въ стрѣльбѣ, Каллисто была одна изъ участницъ священнаго хора. Она коснувшись лука богини сказала: „лукъ, до котораго касаюсь, будь свидѣтелемъ моей дѣвственности (невинности)“. Цинтія похвалила и сказала: „соблюдай свято данное слово; будешь мнѣ первая (главная) изъ моихъ сопутницъ (моей свиты)“. Соблюла бы она данное слово, не будь красива собою, остереглась отъ смертныхъ (людей): отъ Юпитера имѣетъ вину. Поохотясь надъ тысячею звѣрей Фебе возвращалась изъ лѣсовъ, а солнце уже обозначило половину или больше дня, какъ коснулась рощи мрачной густыми дубьями, посерединѣ находился глубокій источникъ холодной воды. „Въ этомъ лѣсу — сказала она — мы, Тегейская дѣвственница, искупаемся“. Покраснѣла она, услыхавъ обманчивое слово *дѣвственницы;* сказала (Діана) и нимфамъ: нимфы снимаютъ покровы; а этой (Каллисто) стыдно и она неловко обнаруживаетъ медленность. Сняла рубашку: когда открылся вздувшійся животъ, предана она обнаруженіемъ своего бремени. Ей богиня сказала: клятвопреступница, Ликаонова дочь, оставь общество дѣвицъ и не скверни чистыхъ (цѣломудренныхъ) водъ. Десять разъ луна наполнила рогами новый кругъ и та, которую считали дѣвственницею стала матерью. Оскорбленная выходитъ изъ себя Юнона и измѣняетъ наружность дѣвушки. Что дѣлаешь ты? Неохотною грудью вытерпѣла она Юпитера. Увидавъ свою соперницу подъ гнусною наружностью звѣря, Юнона сказала: пусть теперь идетъ въ ея объятія Юпитеръ. Грозная медвѣдица блуждала по дикимъ (невоздѣланнымъ) горамъ, она, которая недавно была предметъ достойный любви для верховнаго Юпитера. Мальчикъ украдкою зачатый, уже провелъ (прожилъ) три люстра (пятилѣтія), когда мать попалась навстрѣчу своему сыну. Та впрочемъ, какъ будто бы признавъ, остановилась внѣ себя и застонала; стонъ былъ ей, матери, вмѣсто словъ. Не зная мальчикъ пронзилъ бы ее острымъ дротикомъ, не будь они оба восхищены въ небесныя жилища. Сверкаютъ близкія, родственныя, созвѣздія: первое то, которое называемъ Арктонъ; Артофилаксъ (караульщикъ Арктоса) имѣетъ видъ преслѣдующаго тылъ. Все еще сердится Сатурнова дочь и проситъ сѣдую Тетисъ, чтобы Арктосъ прикосновеніемъ водъ не омывалъ Меналію. Въ Иды дымятся алтари сельскаго Фавна, здѣсь, гдѣ

островъ дѣлитъ расходящіяся на двое воды. Это былъ тотъ день, въ который на Веіентскихъ поляхъ пали триста шесть Фабіевъ. Одно семейство приняло на себя силы и бремя города: руки родныхъ другъ другу берутъ оружіе; предметъ ихъ занятія. Благородный воинъ выходитъ изъ однихъ и тѣхъ же лагерей; изъ нихъ каждый былъ способенъ явиться вождемъ. Путь къ Карментскимъ воротамъ, ближайшій къ Янусу, остающемуся вправо: не ходи ими кто бы ты ни былъ; это дурной знакъ. Молва говоритъ, что въ эти ворота вышли триста Фабіевъ; но ворота не виноваты, а все-таки это дурное предзнаменованіе. Какъ только поспѣшными (скорыми) шагами достигли стремительной Кремеры, она текла мутная, полная зимнихъ водъ—Лагерь располагаютъ на мѣстѣ, а сами, извлекши мечи, сильно и храбро идутъ черезъ Тирренскій строй не иначе какъ когда изъ Ливійскихъ скалъ львы бросаются на стада, разсѣянныя по широкимъ полямъ. Разбѣжались непріятели, принявъ безчестныя раны втылъ: земля окрасилась тусклою кровью; такъ вторично, такъ часто падаютъ; когда не удавалось побѣдить открыто, готовятъ засады и слѣпое (изподтишка) оружіе. Поле было; края поля замыкали холмы и лѣса, удобный пріютъ, живущихъ въ горахъ, звѣрей. Посерединѣ покидаютъ немногихъ, и изрѣдка стада, остальная толпа скрылась, найдя пріютъ въ кустарникахъ. Вотъ какъ потокъ, получившій приращеніе отъ дождевыхъ водъ или отъ снѣга, который, побѣжденный зефиромъ вдругъ потечетъ, по посѣвамъ и дорогамъ, несется и не какъ прежде ему было свойственно, стѣсняетъ (ограничиваетъ) свои воды, замкнувъ ихъ краями береговъ, такъ Фабіи наполняютъ долину широко разбѣжавшись: которыхъ видятъ, поражаютъ и другаго опасенія нѣтъ. Куда стремишься благородное семейство? Плохо довѣряться непріятелю! Простодушное благородство, берегись коварнаго оружія. Доблесть гибнетъ отъ коварства: въ открытыя со всѣхъ сторонъ поля выбѣгаютъ непріятели и отовсюду окружаютъ Фабіевъ. Что могутъ сдѣлать немногіе храбрецы противъ столькихъ тысячъ и какъ имъ поступить при столь бѣдственныхъ обстоятельствахъ? Какъ кабанъ, гонимый далеко изъ Лаврентійскихъ лѣсовъ, молніеносным рыломъ разбрасываетъ быстрыхъ собакъ, но вслѣдъ затѣмъ исамъ гибнетъ, такъ гибнутъ и Фабіи, но не неотмщенными:- попеременно они то даютъ, то принимаютъ раны. Одинъ день

выслалъ на войну всѣхъ Фабіевъ; одинъ день погубилъ отправившихся на войну; но чтобы остались сѣмена этого Геркулесова рода, достовѣрно, что о томъ озаботились сами боги. Изъ племени Фабіевъ остался одинъ еще не возмужавшій мальчикъ и на войнѣ немогшій приносить пользу; это конечно затѣмъ, чтобы, ты Максимъ, могъ когда нибудь родиться, ты который медленностью правилъ (возстановилъ) дѣла государства.

Занимаютъ мѣсто въ рядъ три созвѣздія: Воронъ, Змѣя и посрединѣ лежащая между обоими Чаша. Въ Иды они скрываются; восходятъ въ слѣдующую ночь: я стану пѣть теперь, зачѣмъ эти три созвѣздія собщены вмѣстѣ. Случилось что Фебъ готовилъ обычное ежегодное празднество Юпитеру; нашъ разсказъ не сдѣлаетъ большой задержки. Онъ сказалъ: отправляйся моя птица какъ бы что не замедлило совершенія набожныхъ священнодѣйствій и принеси чистой (свѣжей) воды изъ живаго источника. Воронъ искривленными (загнутыми) ногами поднимаетъ позлащенную чашу и поднявшись высоко, перелетаетъ воздушный путь. Стояло еще фиговое дерево, густо покрытое жесткими плодами; пробуетъ его носомъ: не удобно (легко) было сорвать. Говоритъ, что, забывъ о полученномъ приказаніи, онъ сѣлъ подъ деревомъ, пока съ теченіемъ времени плоды не сдѣлались слаже. Тутъ насытясь схватилъ въ черные когти длинную змѣю, вернулся къ хозяину и разсказываетъ ему придуманную ложь: „вотъ онъ (змѣй) былъ причиною моего промедленія, захвативъ живыя воды; онъ не допускалъ меня до источника и исполненія моихъ обязанностей. Фебъ ему отвѣчалъ: къ винѣ присоединяешь ты ложь и смѣешь словами обманывать проникающаго въ судьбы бога. Пусть же тебѣ пока на деревѣ останется полная сока смоква, не придется пить холодной воды ни изъ какого источника. Сказалъ и какъ вѣчный памятникъ древняго событія—змѣя, птица и чаша, созвѣздія вмѣстѣ соединенныя, блистаютъ. Третья послѣ Идъ Заря видитъ голыхъ Луперковъ и наступаютъ праздники двурогаго Фавна. Скажите, Піериды, какое происхожденіе праздниковъ; откуда взятые достигли они домовъ Лаціума. Разсказываютъ, что старинные Аркадійцы чтили бога Пана: онъ всего больше находился въ горахъ Аркадіи. Свидѣтелемъ будетъ Фолое, свидѣтелями Стимфалидскія воды и Ладонъ, несущійся въ море быстрымъ теченіемъ, опоясанныя соснами вершины Нонакрин-

ской рощи, высокая Цилленне и Парразійскіе снѣга. Панъ былъ оберегатель рогатаго скота, Панъ—божествомъ коней; ему же приносили дары за безопасность овецъ. Евандръ перенесъ съ собою лѣсныя божества, и тутъ гдѣ теперь городъ, тогда было только мѣсто города. Съ тѣхъ поръ чтили мы и, привезенную отъ Пеласговъ святыню, Діальскій фламинъ совершаетъ до сихъ поръ по старинному обычаю. Почему же они бѣгутъ и почему если въ обычаѣ бѣжать, стремятся обнаженнымъ тѣломъ, скинувъ одежды — спросишь ты. Самъ быстрый богъ любитъ бѣгать по высокимъ горамъ и выгоняетъ онъ вдругъ дикихъ звѣрей. Самъ богъ голый повелѣваетъ и служителямъ идти голымъ, и платье не довольно удобно для бѣга. Прежде рожденія Юпитера, какъ разсказываютъ, землею владѣли Аркадійцы, и племя это было старѣе луны. Образъ жизни вели они въ родѣ звѣрей, и еще никакимъ опытомъ не былъ онъ улучшенъ. Люди были еще грубы и чужды искусствъ. Вмѣсто жилищъ были лѣса, вмѣсто плодовъ травы, питьемъ служила вода, зачерпнутая обѣими руками: ни одинъ волъ не задыхался тяжело подъ искривленнымъ плугомъ; земля поселенца не была подчинена ничьей власти. Вовсе не знали еще употребленія коня; каждый самъ собою управлялъ овца ходила одѣтая нетронутою своею шерстью. Окрѣпли на воздухѣ и ходили голые тѣломъ, тѣломъ, привыкшимъ переносить тяжкіе дожди и сильные вѣтры. И теперь открытые памятники древняго обычая и свидѣтельствуютъ о старинномъ избыткѣ силъ. Но почему въ особенности Фавнъ избѣгаетъ покрововъ, передаютъ разсказъ, полный древняго комизма. Случилось что шелъ молодой Тиринтіецъ вмѣстѣ съ своею подругою: Фавнъ увидалъ ихъ обоихъ съ высокой горы, увидалъ и воспламенился. „Горныя божества, сказалъ онъ, нѣтъ у меня ничего съ вами; это будетъ моя страсть. Шла Меонисъ съ разбросанными по плечамъ надушенными волосами, а на груди блистало у ней золотое украшеніе. Позолоченный зонтикъ отражалъ жгучіе лучи солнца, его, впрочемъ поддерживали руки Геркулеса. Уже достигъ онъ рощи Вакха, виноградниковъ Тмола, а Гесперъ, покрытый росою, выступалъ на своемъ темномъ конѣ. Входитъ въ пещеру, убранную ноздреватымъ камнемъ и природною (живою) пемзою; на первомъ рубежѣ былъ говорливый родникъ. И между тѣмъ какъ служители приготовляютъ пиршество и вино для

питья, та украшаетъ Алцида своими нарядами. Даетъ тонкую рубашку, окрашенную Гетулійскимъ багрецомъ, даетъ тонкій поясъ, которымъ только что была стянута; но поясъ не охватываетъ живота, распускаетъ складки (стяжки) рубашекъ, чтобы имѣть возможность высунуть огромныя руки, оторвалъ застежки, прилаженныя не на такія руки; небольшія перевязи стягивали громадныя ноги. Сама беретъ тяжелую палицу, кожу льва и оружіе, меньшихъ размѣровъ стрѣлы, спрятанныя въ его колчанѣ. Такъ окончивъ ужинъ, предаются тѣломъ сну и легли порознь на поставленныхъ подлѣ постеляхъ. Причина: набожно готовили священное приношеніе обрѣтателю винограда, и хотѣли его совершить въ чистотѣ, какъ только наступитъ день. Была уже середина ночи, но на что не дерзаетъ безсовѣстная любовь? Во мракѣ ночи приходитъ Фавнъ къ покрытой росою пещерѣ и когда увидалъ, сопровождавшихъ Геркулеса отягченныхъ сномъ и виномъ, возъимѣлъ надежду, что и господами овладѣло тоже усыпленіе, входитъ, и туда и сюда блуждаетъ дерзкій (соблазнитель) развратникъ, выставивъ впередъ руки, онъ ощупываетъ предметы, и потомъ уже слѣдуетъ самъ. Достигъ онъ предмета желаній разосланной постели и былъ бы счастливъ удовольствовавшись тѣмъ, что ему прежде попалось, но ощупавъ косматую гриву желтаго льва, оробѣлъ и удержалъ руку. Пораженный страхомъ, возвращается; такъ часто путникъ увидавъ змѣю, смущенный, относитъ назадъ ногу. Затѣмъ прикоснулся до нѣжныхъ покрововъ постели, находившейся рядомъ и вводится въ заблужденіе обманчивыми признаками; взобрался и прилегъ на край постели къ нему ближайшій; дѣтородный членъ былъ у него тверже жесткаго рога; между тѣмъ онъ приподнимаетъ рубашку съ нижняго конца; жесткія ляшки косматились густыми волосами. Въ отвѣтъ на дальнѣйшія попытки Тиринтійскій герой толкнулъ его локтемъ и тотъ упалъ съ постели наземь. Раздался гулъ: Меонисъ зоветъ спутниковъ и требуетъ огня, когда внесены были огни, обнаружилось случившееся. Тотъ стонетъ тяжело, свалясь съ высокаго ложа и еле-еле поднимаетъ члены съ твердой почвы. Смѣются и Альцидесъ и всѣ кто видѣли лежащаго, Лидійская красавица смѣется съ своего обожателя. Божокъ, одеждою введенный въ заблужденіе, не любитъ одеждъ обманывающихъ глаза и призываетъ къ своему служенію голыхъ. Къ чуж-

дой причинѣ прибавь, моя муза, и Латинскую, и пусть нашъ конь стремится по своей (родной ему) пыли. Рогоногому (копытчатому) Фавну зарѣзана по обычаю коза, пришла толпа, призванная на скудное пиршество, и между тѣмъ жрецы приготовляютъ члены жертвы на ивовыхъ вертелахъ, а солнце занимало уже середину пути, Ромулъ, братъ его и молодежь пастухи—свои обнаженныя тѣла на полѣ предавали солнцу, нарукавниками, дротиками и тяжестью брошеннаго камня упражняли они руки, играя, пастухъ съ вершины бугра сказалъ: „Ромулъ, разбойники угоняютъ твоихъ быковъ въ глухія (непроходимыя) мѣста, вырви у нихъ". Долго было бы вооружаться: тотъ и другой выходятъ съ разныхъ сторонъ; добыча отбита шедшимъ навстрѣчу Ремомъ. Какъ только возвратился, стащилъ шипящее мясо съ вертеловъ и сказалъ: "это во всякомъ случаѣ съѣстъ только одинъ побѣдитель". Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ, а Фабіи вмѣстѣ съ нимъ. Тутъ приходитъ Ромулъ съ безуспѣшнаго (напраснаго) похода, огорчился онъ, что могли побѣдить Фабіи и Ремъ, а не его Квинктиліи. Слава совершеннаго остается: отложивъ покровы, бѣгутъ и то что хорошо (удачно) случилось, остается въ памяти славою. Можетъ быть спросишь — почему это мѣсто Луперкаль, и какой поводъ означаетъ день такимъ названіемъ. Весталка Илія родила отъ небеснаго сѣмени, когда правилъ царствомъ ея дядя по отцу. Тотъ приказываетъ унесть мальчиковъ и предать смерти въ рѣкѣ. Что дѣлаешь? Одинъ изъ нихъ будетъ Ромулъ. Противъ воли служители исполняютъ плачевное приказаніе, впрочемъ плачутъ, а несутъ близнецовъ въ повелѣнное мѣсто. Альбула — а ее Тиберинъ утонувъ сдѣлалъ Тибромъ — случайно переполнилась отъ зимнихъ водъ. Тутъ, гдѣ теперь площадь, увидалъ бы ты блуждающими челноки, а также и тамъ гдѣ лежатъ твои углубленія, громадный циркъ. Когда пришли сюда и далеко идти уже не было имъ возможности, изъ нихъ то одинъ, то другой говоритъ: „ахъ, какъ они другъ на друга похожи! Какъ красивъ тотъ и другой; впрочемъ изъ нихъ вотъ этотъ имѣетъ болѣе силъ. Если родъ обличается лицомъ и не вводитъ въ заблужденіе образъ, подозрѣваю, что въ васъ есть какое-нибудь божество; но будь кто нибудь изъ боговъ виновникомъ вашего происхожденія, во время такой крайней опасности, оказалъ бы помощь; оказала бы помощь во всякомъ случаѣ мать, не имѣй

сама въ ней нужды, она въ одинъ и тотъ же день ставшая и матерью и бездѣтною. Вмѣстѣ рожденныя, обреченныя на гибель вмѣстѣ, вмѣстѣ отправляйтесь въ воду тѣла“. Пересталъ и сложилъ на землю съ груди. Одновременно закричали оба: подумалъ бы ты что они понимаютъ, а тѣ возвращаются въ свои жилища съ влажными щеками. Подняла на верхъ вода пустой внутри желобокъ; увы, маленькая дощечка влечетъ сколь великую судьбу! Желобокъ завязъ мало по малу въ илѣ, причаливъ къ густымъ лѣсамъ, гдѣ уже обмелѣла рѣка. Удивительно: только что родившая волчица пришла къ брошеннымъ близнецамъ. Кто бы повѣрилъ, что звѣрь не сдѣлалъ вреда мальчикамъ, мало того что не сдѣлалъ вреда, но и пользу сдѣлалъ; и волчица вскармливаетъ, которыхъ стерпѣли отдать на гибель родныя руки. Остановилась, ласково вертитъ хвостомъ передъ вскормленниками и лижетъ языкомъ тѣла обоихъ. Узнала бы ты, что отъ Марса они родились: безо всякаго страха берутся за соски и питаются содѣйствіемъ молока, не для нихъ назначеннаго. Волчица дала имя мѣсту, а самое мѣсто Луперкамъ. Великую награду получаетъ кормилица за данное молоко. Да что же запрещаетъ думать, что Луперки названы отъ Аркадской горы? Лицейскій Фавнъ имѣетъ храмы въ Аркадіи.

Замужняя женщина, чего ждешь? Ни могущественными травами, ни молитвами, ни волшебными напѣвами не достигнешь ты того, чтобы сдѣлаться матерью. Терпѣливо прими побои отъ оплодотворяющей правой руки, и тогда тесть получитъ желанное ему наименованіе дѣда. Былъ тотъ день, когда по жестокости судебъ молодыя женщины производили на свѣтъ только рѣдко плоды своего живота. Ромулъ возглашалъ: что мнѣ пользы въ похищеніи Сабинокъ? — это въ то время когда онъ держалъ скипетръ; если мой несправедливый поступокъ условилъ не усиленіе, но войну, полезнѣе было бы не имѣть молодыхъ женъ. Подъ Есквилійскою горою была роща имени великой Юноны, нетронутая топоромъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Придя туда одновременно и жены и мужья съ мольбою опустились на колѣни, какъ вдругъ затрепетали вершины пришедшаго въ движеніе лѣса, и къ удивленію всѣхъ раздался голосъ богини по ея рощѣ; она говорила: „матери Итальянки, пусть влѣзетъ на васъ косматый козелъ“. Изумилась толпа, устрашенная обоюднымъ (двусмысленнымъ) изреченіемъ. Былъ

авгуръ (гадатель), имя его забыто въ длинной послѣдовательности годовъ, недавно прибылъ онъ изгнанникомъ изъ Этруской земли. Тотъ рѣжетъ козла и, по его приказанію, жены подставляли свои спины ремнямъ, вырѣзаннымъ изъ кожи. Луна снова принимала новые рога, десятымъ оборотомъ, вдругъ мужчина сдѣлался отцомъ, а жена матерью. Благодарность Луцинѣ; дала тебѣ эти наименованія роща или потому что ты, богиня, для насъ открываешь дневной свѣтъ. Снисходительная Луцина, умоляю пощади беременныхъ молодыхъ женщинъ, бережно выпусти изъ чрева созрѣвшую тяжесть.

Но вотъ взойдетъ день, и ты перестань вѣрить вѣтрамъ; утратило довѣріе—дуновеніе этого времени. Непостоянны движенія воздуха и въ теченіи шести дней настежъ отворена дверь Эолова убѣжища. Уже опустился легкій водоносъ съ наклонеиною урною, ближайшая ты, Рыба, прими эфирныхъ коней. Припоминаютъ то, что ты и братъ твой — сверкаете вы соединенными знаками, поддерживали на спинѣ двухъ боговъ. Нѣкогда Діоне, убѣгая отъ страшнаго Тифона тогда, когда Юпитеръ взялъ оружіе за небо, пришла къ Евфрату, въ сопровожденіи маленькаго Купидона, и сѣла на краю Палестинской воды. Тополи и камышъ покрывали вершины береговъ, а ивнякъ подавалъ надежду, что и эти (Діоне съ Купидономъ) могутъ тутъ укрыться. Между тѣмъ какъ они прячутся, лѣсъ загудѣлъ отъ вѣтра; та отъ страху блѣднѣетъ и думаетъ, что вотъ—вотъ достигаютъ ее руки непріятеля. Прижимая къ груди сына, она говоритъ: „спѣшите на выручку, нимфы, и обоимъ божествамъ окажите помощь". Не медля бросилась; приняли ее рыбы двояшки и за это, какъ ты видишь теперь — въ награду явились созвѣздіями. Вслѣдствіе этого-то робкіе Сирійцы считаютъ запрещеннымъ рыбу подавать на столъ, или вообще дѣлать ей какое либо насиліе — Слѣдующій день не занятъ, но третій посвѣщенъ Квирину; тотъ кто имѣетъ это названіе, прежде былъ Ромуломъ. Потому ли, что копье у древнихъ Сабинянъ называлось quris, воинственный богъ отъ оружія попалъ въ звѣзды, или Квирины дали свое имя царю или потому, что онъ присоединилъ къ Риму Куры. — А отецъ, могучій оружіемъ, когда увидалъ новыя стѣны и многія войны довершены Ромуловою рукою, сказалъ: Юпитеръ; Римъ могучъ и богатъ силами, не нуждается онъ болѣе въ службѣ моей крови

Возврати отцу сына: хотя погибъ одинъ и тотъ, который мнѣ остается, пусть будетъ за меня, за Рема, одинъ будетъ, котораго ты возьмешь въ лазурь неба; ты мнѣ сказалъ, пусть же оправдаются на дѣлѣ слова Юпитера. Юпитеръ кивнулъ головою въ знакъ согласія: отъ мановенія затрепеталъ тотъ и другой полюсъ, и тягость неба почувствовалъ Атласъ. Есть мѣстность; древніе прозвали Карпеевымъ болотомъ; случилось, что ты, Ромулъ, давалъ тамъ своимъ судъ и расправу. Исчезло солнце и нашедшія облака скрыли небо, и тяжелый дождь ниспалъ, проливая воду. Тутъ гремитъ громъ, тутъ ѳѳиръ перерѣзывается брошенными огнями (молніями). Всѣ бѣжали; царь стремился къ звѣздамъ на отцовскихъ коняхъ. Поднялся плачъ, на сенаторовъ взведено преступленіе мнимаго убійства и можетъ быть убѣжденіе въ томъ осталось бы въ душахъ, но Юлій Прокулъ шелъ изъ длинной Альбы; блистала луна и не нужно было ѳакела; вдругъ отъ внезапнаго сотрясенія загремѣли облака налѣво, отступилъ тотъ назадъ и волосы стали дыбомъ. Прекрасенъ, огромнѣе человѣка, украшенный трабеею, Ромулъ показался на серединѣ дороги; тутъ же сказалъ онъ: „не допусти плакать Квириновъ и пусть не оскорбляютъ они моего божества своими слезами. Пусть несутъ ладанъ и набожною толпою ищутъ милости новаго Квирина, пусть чтутъ отцовское искусство и военное дѣло". Повелѣлъ и исчезъ изъ глазъ въ тонкій воздухъ. Созываетъ этотъ населеніе и повторяетъ повелѣнныя слова. Воздвигаются храмы божеству и храмъ прозванъ отъ его имени; съ возвращеніемъ извѣстныхъ дней обновляются отцовскіе празднества. — А почему этотъ-же день называется праздникомъ глупыхъ, узнай; тому причина незначительная, но основательная (годная). Старинная земля не имѣла знающихъ дѣло поселенцевъ; суровыя войны утомляли дѣятельныхъ мужчинъ. Болѣе похвалы (чести) было въ мечѣ, чѣмъ въ изогнутомъ плугѣ; пренебреженное поле приносило немногое хозяину. Впрочемъ старики бросали (сѣяли) хлѣбныя зерна, жали хлѣбъ и первинки сжатаго приносили Церерѣ. Наученные опытомъ стали сушить на огнѣ и по собственной винѣ терпѣли много убытку: то сметали черную золу вмѣсто хлѣбныхъ зернъ, то самые дома охватывалъ огонь. Богинею сдѣлалась печь: обрадовавшись печи, поселенцы молятъ ее, чтобы та умѣрила приносимую ею пользу. Великій Куріонъ теперь назна-

чаетъ *Форнакалія* словами, закономъ установленными и совершаетъ непостоянное священнодѣйствіе, и на форумѣ кругомъ висятъ множество дощечекъ, и каждая курія отмѣчается особымъ знакомъ. Глупая часть населенія не знаетъ — какая его курія, но совершаетъ упомянутый праздникъ въ извѣстный день. Есть честь и могиламъ; отцевъ умилостивляйте души, и небольшіе дары несите на угасшіе костры. Тѣни требуютъ немногаго: набожность принимается за богатый даръ; глубоко находящійся Стиксъ имѣетъ боговъ не жадныхъ. Достаточно чтобы черепица была покрыта брошенными вѣнками, разбросаны плоды и небольшое количество соли, хлѣбъ намоченный въ водѣ и настой фіалокъ; все это пусть заключаетъ глиняный сосудъ, найденный по серединѣ дороги. Не запрещаю и большаго, но и этимъ тѣнь можетъ быть умилостивлена; присоедини мольбы и набожныя слова поставленнымъ очагамъ. Этотъ обычай въ твои, праведный Латинъ, земли принесъ Эней, годный виновникъ набожности. Онъ приносилъ ежегодные дары генію отца; отъ него научились народы новымъ обрядамъ. Когда то, ведя продолжительныя войны смертоноснымъ оружіемъ, забыли поминовенія родныхъ. Не осталось безъ наказанія и говорятъ, что отъ такого предзнаменованія Римъ нагрѣлся отъ подгородныхъ костровъ. Что меня касается, то я съ трудомъ вѣрю: разсказывали, будто вышли изъ могилъ предки и выражали свои жалобы во время молчаливой ночи; по улицамъ города и по полямъ Лаціума, будто бы выли души безъ образа неясною толпою, но наступаетъ конецъ чудесъ и поминкамъ. Однако пока они совершаются, оставайтесь незанятыми, молодыя женщины; сосновый факелъ пусть ждетъ чистыхъ (неоскверненныхъ) дней и пусть тебѣ, которая покажешься зрѣлою страстной (нетерпѣливой) матери, пусть не убираетъ загнутое копье дѣвственныхъ волосъ. Скрой твои, Гименей, свѣтильники и унеси ихъ отъ плачевныхъ огней; печальныя гробницы имѣютъ другіе факелы. Пусть также и божества храмовъ скроются за запертыя двери, жертвенники пусть будутъ свободны отъ ѳиміама, и алтари стоятъ безъ огней. Теперь блуждаютъ тонкія души и тѣла преданныя погребенію; теперь тѣни насыщаются поставленною имъ пищею. Впрочемъ это не дальше того, какъ въ мѣсяцѣ останется люциферовъ (дней) столько, сколько въ моихъ стихахъ стопъ.

Этотъ день, потому что несутъ (ferunt) должное, назвали *Фераліа*; послѣдній то день для умилостивленія тѣней. Вотъ сидитъ многолѣтняя старуха въ серединѣ молодыхъ женщинъ, совершаетъ священные обряды Молчаливой — а впрочемъ сама не молчитъ, тремя пальцами кладетъ три зерна ладану подъ порогомъ, гдѣ маленькая мышка сдѣлала себѣ сокровенный путь. Потомъ наговоренныя нити связываетъ съ темнымъ свинцомъ и вертитъ во рту семь темныхъ бобинокъ, намазанную смолою и проколотую мѣдною иглою покрытую голову сардинки жаритъ на огнѣ, возливаетъ и вино, а что осталось вина, выпиваетъ или сама или ея пріятельницы, но больше сама. „Языки непріятелей и враждебныя побѣдили уста", говоритъ удаляясь и пьяною выходитъ старуха. Можетъ быть спросишь у меня — что это за нѣмая богиня? Научись тому, что узналъ я черезъ древнихъ стариковъ. Юпитеръ, плѣненный неумѣренною любовью къ Ютурнѣ, сносилъ многое, чего и не приходилось бы терпѣть столь великому богу. Она то скрывалась по лѣсамъ въ орѣшникѣ, то прыгала въ родныя ей воды. Юпитеръ сзываетъ всѣхъ нимфъ сколько ты, Лаціумъ, ни заключалъ ихъ въ себѣ, и когда собрались онѣ, то онъ среди ихъ произнесъ такія слова: не доброжелательствуетъ сама себѣ, уклоняется отъ того что ей полезно, ваша сестра — сплотить свои члены съ верховнымъ божествомъ. Порадѣйте намъ обоимъ и то, что мнѣ доставитъ величайшее наслажденіе, принесетъ вашей сестрѣ великую пользу; когда она станетъ бѣжать, вы ее остановите на краю берега, чтобы она не погрузила свое тѣло въ рѣчную воду. Такъ онъ сказалъ; склонили (въ знакъ согласія) головы всѣ Тиберинскія нимфы и тѣ, которыя чтутъ твои, божественная Илія, опочивальни. Случайно была наяда по имени Лара: ей старинное имя было, первый слогъ повторенный два раза, дано ей по ея недостатку. Часто говорила ей Альмо: дочь, сдерживай языкъ, а она все не удерживала его. Она, какъ только коснулась болотъ Ютурны, сказала: бѣги отъ береговъ, и передаетъ ей сказанное Юпитеромъ. Она даже къ Юнонѣ пошла, сжалившись надъ женою, сказала: мужъ твой любитъ наяду Ютурну. Разсердился Юпитеръ и вырвалъ у ней языкъ, которымъ она пользовалась нескромно, позвалъ Меркурія и сказалъ: веди ее къ тѣнямъ: мѣсто это приличное молчаливымъ; нимфа ты и будешь, да только

адскаго болота. Юпитеровы приказанія исполняются: принимаетъ роща идущихъ: говорятъ, что нимфа понравилась тогда провожавшему ее богу; готовитъ онъ насиліе, та молитъ выраженіемъ лица вмѣста словъ и тщетно усиливается говорить нѣмыми устами: становится беременною и рожаетъ близнецовъ, которые блюдутъ перекрестки, и постоянно бодрствуютъ въ нашихъ храмахъ. Ближайшій затѣмъ день, милые другъ другу родные, прозвали Caristia и родственная толпа идетъ на общее пиршество. Это значитъ, что отъ могилъ и близкихъ, которые погибли, пріятно обратить глаза прямо на живыхъ, послѣ стольких утратъ взглянуть на то, что осталось кровнаго и перечесть степени родства. Пусть придутъ невинные (чуждые злыхъ умышленій), пусть далеко будетъ отсюда, далеко нечестивый братъ и мать, неумолимая къ своему порожденію, тотъ кому отецъ слишкомъ живучь, тотъ, который считаетъ года матери, свекровь, которая тѣснитъ ненавистную ей невѣстку. Пусть отсутствуютъ братья, потомки Тантала, жена Язона и та, которая дала поселянамъ жареныя сѣмена; и сестра, Прокне и Терей, къ обѣимъ несправедливый и каждый, кто преступленіемъ увеличиваетъ свои богатства. Добрые, богамъ племени приносите ѳиміамъ: говорятъ, что въ особенности въ этотъ день согласіе благосклонно присутствуетъ. Приносите яствы, чтобы какъ залогъ благодарной почести, напитало посланное блюдо опоясанныхъ Ларовъ. И когда влажная ночь будетъ клонить къ сладкому сну, вы, которыя собираетесь молиться, берите вино щедрою рукою и говорите: „пусть будетъ хорошо намъ, отечеству, хорошо тебѣ отецъ, ты превосходнѣйшій Цезарь, и при каждомъ священномъ словѣ возливая вино.

Когда ночь пройдетъ, пусть съ обычною почестью празднуется богу, который своимъ указаніемъ отдѣляетъ поля. Терминъ, камень ли то или пень зарытый въ полѣ древними, во всякомъ (случаѣ) видѣ и въ тебѣ есть что-то божественное. Тебя два владѣльца съ разныхъ сторонъ украшаютъ вѣнками; приносятъ тебѣ по двѣ гирлянды и по два пирожка. Дѣлаютъ жертвенникъ: сюда огонь приноситъ въ мелкой глиняной посудинѣ сама деревенская поселянка, взявъ его съ теплаго очага. Старикъ колетъ дрова, разрубленныя складываетъ высоко и усиливается воткнуть сучья въ твердую землю. Между тѣмъ какъ сухою корою разводитъ первое пламя, стоитъ мальчикъ

и держитъ руками широкую корзинку. Затѣмъ, когда три раза бросилъ плоды въ середину пламени, маленькая дѣвочка подаетъ надрѣзанные соты. Вино держатъ другіе: поодиначкѣ льютъ ихъ въ огонь, смотрятъ и чистая (одѣтая въ бѣлое) толпа благопріятствуетъ словами. Общій Терминъ (рубежъ) окропляется кровью зарѣзанной овцы; не жалуется онъ, если ему приносятъ и сосущаго мать поросенка. Сходятся простодушные сосѣди и отдаютъ честь пиршеству и, священный Терминъ, поютъ тебѣ хвалы. Ты разграничиваешь народы, города и необъятныя царства; безъ тебя каждое поле было бы предметомъ тяжбы. Тебѣ недоступны никакія ухаживанія, тебя нельзя подкупить никакимъ золотомъ; оправдывая довѣріе, хранишь ты въ законныхъ предѣлахъ поля. Если-бы ты прежде означалъ Тиреатидскую землю, триста тѣлъ не были-бы преданы смерти и не прочли бы имя Отріадеса на сложенномъ въ кучу оружіи. О сколько крови онъ далъ отечеству! Что же когда вновь созидался Капитолій? Конечно вся толпа боговъ уступила Юпитеру и дала мѣсто. Терминъ, какъ припоминаютъ старики, придя остановился въ храмѣ и владѣетъ храмомъ, вмѣстѣ съ великимъ Юпитеромъ, да теперь, чтобы онъ не видалъ надъ собою ничего кромѣ звѣздъ, кровля храма имѣетъ небольшое отверстіе. Терминъ, послѣ этого отнята у тебя свобода передвиженія, и на какомъ поставленъ мѣстѣ, тамъ и остаешься; не дѣлай никакихъ уступокъ на просьбы сосѣда, чтобы не показалось, будто ты человѣка предпочитаешь Юпитеру, и какъ бы ни стали задѣвать тебя плугами и боронами, возглашай: твое поле это, а то его". Есть дорога, которая ведетъ въ поля населеніе Лаврентское, владѣнія, нѣкогда царство, предметъ домогательства Дарданскаго вождя. Тамъ шестой отъ города камень видитъ совершаемое тебѣ, Терминъ, жертвоприношеніе внутренностями, покрытой шерстью овцы. Другимъ племенамъ дана земля съ извѣстными рубежами, а пространство Римскаго города и земнаго круга одно и тоже.

Теперь нужно мнѣ говорить о бѣгствѣ царя; отъ него получилъ наименованіе шестой отъ конца мѣсяца день. Тарквиній послѣдній владѣлъ царствомъ Римскаго народа, человѣкъ несправедливый, но на войнѣ храбрый. Онъ одни города бралъ, а другіе разрушалъ и позорнымъ искусствомъ сдѣлалъ Габіи своими. Изъ трехъ самый младшій, явное отродіе Надменнаго, пришелъ въ тишинѣ

ночи въ середину непріятелей. Обнажили мечи: умертвите, говоритъ онъ, безоружнаго. Пусть подвергнутся этому братья, отецъ Тарквиній, онъ, который мою спину истерзалъ жестокими побоями (чтобы имѣть возможность сказать это, онъ дѣйствительно вынесъ побои). Была луна; смотрятъ на молодаго человѣка, мечи прячутъ въ ножны и открывъ платье, видятъ спину съ слѣдами побоевъ, даже плачутъ и, просятъ съ ними заодно весть войну. Коварный далъ свое согласіе ничего не подозрѣвавшимъ людямъ, и, уже могущественный, пославъ пріятеля, приглашаетъ отца, указать ему путь чтобы предать Габіи; тутъ находился садъ, гдѣ вырощены были заботливо самыя пахучія растенія; земля тамъ пересѣкалась ручейкомъ тихо журчавшей воды. Тамъ Тарквиній принялъ скрытыя порученія сына, и палочкою сбивалъ верхушки лилій. Сынъ сказалъ: понимаю то, что мнѣ приказываетъ родитель. Немедля истребилъ онъ вельможъ въ Габинскомъ городѣ, преданы стѣны, потерявшія своихъ вождей. Вотъ — злое предзнаменованіе глазамъ—выходитъ изъ середины алтарей змѣя и изъ погасшихъ огней вытащила жертвенное мясо. Спрашиваютъ совѣта Феба; оракулъ далъ такой отвѣтъ: кто первый дастъ поцѣлуи матери, будетъ побѣдителемъ. Легковѣрная толпа не поняла бога, и каждый спѣшитъ поцѣловать свою мать. Брутъ былъ умный подражатель глупости, чтобы, жестокій гордецъ, быть безопаснымъ отъ твоихъ злыхъ умысловъ. Онъ легъ ничкомъ и поцѣловалъ мать землю, а всѣ подумали, что онъ упалъ ушибя ногу. Между тѣмъ Ардея окружена Римскими значками и выноситъ продолжительное замедленіе осадою. Пока есть время свободное и враги опасаются завязать битву, въ лагеряхъ забавляются; воины предаются праздности. Молодой Тарквиній угощаетъ товарищей кушаньями и виномъ и, ими сдѣланный царемъ, говоритъ имъ: пока насъ озабоченныхъ Ардея задерживаетъ медленною войною и не даетъ отнесть назадъ оружіе къ домашнимъ богамъ, исполняетъ ли свой долгъ брачная постель? Для жёнъ нашихъ предметъ ли мы взаимныхъ заботъ? Каждый хвалитъ свою: усердіемъ растетъ споръ; языки и сердце разгораются подъ вліяніемъ большаго количества выпитаго вина. Всталъ тотъ, кому Коллація дала знаменитое имя: не нужно словъ – говоритъ онъ, а повѣримъ дѣйствительности. Еще много остается ночи: сядемъ на коней и отправимся въ городъ. Сказанное понравилось: узды надѣваютъ на коней. Перенесли своихъ хозяевъ; прямо стре-

мятся они въ царскія палаты; въ дверяхъ не было никакого сторожа. Находятъ, что невѣстка царя, съ шеею убранною вѣнками, проводитъ время передъ поставленнымъ виномъ. Оттуда ускоренными шагами идутъ къ Лукреціи; она пряла, передъ постелью были корзинки и мягкая шерсть. При скупомъ свѣтѣ служанки пряли урочную работу; среди ихъ она сама говоритъ тонкимъ голоскомъ: нужно послать господину, спѣшите же, дѣвушки, спѣшите, какъ можно скорѣе нужно намъ нашими руками сдѣлать верхнее платье. Но что же вы слышали вы обыкновенно слышите многое — сколько ли еще, говорятъ, остается войны? Все же ты, Ардея, падешь побѣжденною, безсовѣстная, сопротивляешься ты лучшимъ людямъ и вынуждаешь нашихъ мужей находиться въ отсутствіи. Лишь бы они возвратились назадъ, а мой, человѣкъ отчаянный, и извлекши мечъ бросается повсюду. Чувства оставляютъ и умираю каждый разъ, какъ образъ сражающагося приходитъ мнѣ на мысль, и грудь сжимается ледянымъ холодомъ. Кончила слезами и опустила натянутую нить (пряжи), а лицо склонила на грудь. Это самое шло къ ней; стыдливую украшали слезы и наружность достойно соотвѣтствовала душѣ. Отложи страхъ, пришелъ — говоритъ мужъ; та ожила и сладкою ношею повисла на шеѣ мужа. Между тѣмъ, молодымъ царевичемъ овладѣлъ неистовый огонь, увлекаемый слѣпою любовью, онъ безумствуетъ. Плѣняетъ наружность, бѣлоснѣжный цвѣтъ, русые волосы и никакимъ искусствомъ не условленная прелесть. Плѣняютъ слова и голосъ, и самая невозможность соблазнить и чѣмъ меньше надежды, тѣмъ сильнѣе разгорается въ немъ страсть. Уже пропѣлъ предвѣстникъ разсвѣта, пѣтухъ, когда молодые люди были на обратномъ пути въ лагерь; но того пораженныя чувства волнуются воображеніемъ; припоминая ее, онъ увлекается все болѣе и болѣе: такъ сидѣла она, такъ была одѣта, такъ пряла веретеномъ, такъ небрежно были по шеѣ раскинуты волосы. Такое было выраженіе лица, такія были ея слова, такая пріятность, такая наружность, такой цвѣтъ лица былъ, такъ обыкновенно стихаетъ волненіе послѣ сильнаго порыва вѣтра, но впрочемъ отъ вѣтра, который былъ, вздымается вода. Такъ хотя и не было въ глазахъ прельстившей его наружности — любовь, внушенная видѣнною красотою, оставалась. Пылаетъ и подстрекаемый раздраженіемъ несправедливой любви, приготовляетъ насиліе и грозу не заслужившей того брачной постели. Ис-

ходъ сомнителенъ: дерзну же на послѣднее, и посмотрю — есть ли богъ или случай, который помогаетъ смѣлымъ. Смѣлостью взяли мы и Габіи. Сказавъ такъ, опоясалъ бокъ мечомъ и сжалъ спину коню. Отворилась обитая мѣдью дверь Коллаціи передъ молодымъ человѣкомъ, когда солнце собиралось уже скрыть свой ликъ. Врагъ, подъ видомъ гостя, входитъ внутрь дома Коллатина, ласково принятъ; узы крови его соединяли. Какъ много заблужденія доступно душѣ; несчастная, не зная сущности дѣла готовитъ пиръ своимъ врагамъ. Отужиналъ; время сна требуетъ свое, была ночь и во всемъ домѣ не было огня, всталъ. извлекъ изъ ноженъ позолоченный мечъ и пришелъ въ твою, стыдливая жена, спальню; прилегши на постель, онъ сказалъ: Лукреція, со мною желѣзо, зовутъ меня — сыномъ царя и Тарквиніемъ. Та ничего: ни голоса, ни силъ говорить, во всей груди нѣтъ ни одной мысли, но трепещетъ какъ маленькая овечка, когда захваченная въ оставленномъ сараѣ лежитъ подъ враждебнымъ волкомъ. Что ей дѣлать? Бороться? но развѣ женщина одолѣетъ въ борьбѣ? кричать?—но въ правой, грозящей смертью рукѣ, находится мечъ? Но грудь сдерживаетъ положенная рука, грудь, въ первый разъ терпѣвшая прикосновеніе чужой руки. Влюбленный врагъ пристаетъ съ мольбами, подкупомъ, угрозами, но безъ дѣйствія остаются мольбы, подкупъ, угрозы. Ничего ты не сдѣлаешь, сказалъ, исторгну вмѣсто вины жизнь и соблазнитель будетъ свидѣтелемъ нарушенія супружеской вѣрности, убью раба, съ которымъ ты будто бы была захвачена. Покорилась побѣжденная женщина, опасаясь за честь. Но чему ты радуешься побѣдитель? побѣда эта тебя погубитъ; сколько эта одна ночь стоила твоей власти царской! Уже день взошелъ, сидитъ она съ распущенными волосами, какъ бываетъ обыкновенно у матери, когда она провожаетъ сына къ костру, вызываетъ старика отца изъ лагерей съ вѣрнымъ супругомъ; тотъ и другой приходятъ, отложивъ медленность. Увидавъ ея положеніе, спрашиваютъ, что за причина горя, кого собирается провожать въ могилу или какою она поражена бѣдою? Долго та молчитъ и пораженная стыдомъ скрываетъ одеждою лицо: текутъ слезы какъ непрерывная вода. Отецъ и мать утѣшаютъ ее въ слезахъ и умоляютъ открыться; плача они поражены какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ. Три раза пыталась говорить и три раза останавливалась (удерживалась): дерзнувъ въ четвертый разъ, и тутъ не подняла даже своихъ глазъ.

И этимъ тоже Тарквинію будемъ мы одолжены? Выскажу такъ— она стала говорить — несчастная мое посрамленіе, и что можетъ разсказываетъ: оставалось послѣднее; заплакала и щеки женщины покрылись краскою стыда. Прощаютъ вынужденный проступокъ родитель и мужъ. Вы мнѣ даете, сказала она, прощеніе, но я сама себѣ въ немъ отказываю; не медля вонзаетъ она себѣ въ грудь скрытое желѣзо и, облитая кровью, падаетъ къ ногамъ отца. Да и тутъ, уже умирая, чтобы не упасть не честно, озирается: и падая озабочена она этою мыслью. Вотъ надъ тѣломъ, общею утратою, забывъ о приличіи, лежатъ мужъ и отецъ. Тутъ-то является Брутъ, и проявленіемъ истиннаго духа оставляетъ во лжи данныя ему наименованія, выхватываетъ изъ полудышавшаго тѣла оружіе и держа ножъ, съ котораго капала благородная кровь, грознымъ голосомъ произнесъ безстрашные звуки: клянусь я этою (храброю) мужественною и цѣломудренною кровью и твоими тѣнями, которыя для меня будутъ божествомъ, Тарквиній изгнанникомъ поплатится со всѣмъ родомъ; довольно доблести скрываться такъ долго подъ личиною. Та лежа на эти слова заморгала глазами потухшими (безъ свѣта), и потрясши волосами, повидимому одобрила сказанное. Несутъ въ печальной процессіи женщину мужественнаго духа; ее провожаютъ слезы и ненависть къ виновнику смерти. Зіяетъ отверстая рана: Брутъ крикомъ (возбуждаетъ) вызываетъ Квиритовъ, и излагаетъ нечестивыя дѣянія царя. Тарквиній съ дѣтьми бѣжитъ; консулъ принимаетъ ежегодныя права: день тотъ былъ послѣдній царскаго владычества. Ошибаемся ли мы, или приходитъ предшественница весны ласточка, и опасается какъ бы не наступила снова вернувшись зима? Впрочемъ, Прокне, не разъ будешь ты жаловаться, что слишкомъ поспѣшила, и мужъ Терей будетъ радоваться твоимъ страданіямъ отъ холода. Уже только двѣ ночи остаются отъ втораго мѣсяца, и Марсъ запрегши колесницу погоняетъ своихъ коней. Основательно данное сохранилось названіе Еквиріи и богъ самъ взираетъ на своемъ полѣ *). По праву являешься Градивъ; твое время требуетъ мѣста; вотъ наступаетъ мѣсяцъ обозначенный твоимъ именемъ. Достигли пристани и книга окончилась вмѣстѣ съ мѣсяцемъ; пусть съ этого времени мой челнокъ плыветъ въ другой водѣ.

*) Т. е. Марсъ, на Марсовомъ полѣ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Воинственный Марсъ, вотъ являешься и ты отложивъ на время щитъ и копье; снявъ шлемъ, распусти твои блестящіе (лоснящіеся) волосы. Можетъ быть спросишь самъ: какое дѣло поэту съ Марсомъ? Отъ тебя мѣсяцъ, который я теперь пою, имѣетъ наименованіе. Самъ видишь, что войны, не знающія жалости совершаются руками Минервы, а тѣмъ не менѣе развѣ не имѣетъ она свободнаго времени заниматься свободными (благородными) искусствами. По примѣру Паллады найди время отложить копье: и безоружный найдешь, что дѣлать. И тогда былъ ты бе оруженъ когда тебя плѣнила Римская жрица, чтобы ты этому городу далъ достойныя сѣмена. Сильвія весталка — кто запрещаетъ начать оттуда? — рано утромъ пошла за водою, чтобы мыть священные предметы. Пришла по тропинкѣ къ легкому склону берега, опускаетъ глиняную урну, стоявшую на волосахъ головы. Пока сидѣла, тѣнистыя ивы, пѣвчія птицы условили сонъ, а также и легкій ропотъ воды. Сладкое успокоеніе украдкою овладѣло утомленными (побѣжденными) глазенками и упала отъ подбородка ослабѣвшая рука. Марсъ видитъ ее, увидавъ пожелалъ, овладѣлъ желанною, и свою продѣлку скрылъ помощью божества. Сонъ оставляетъ, лежитъ она беременная, и уже внутри ея въ маткѣ находился ты, основатель Римскаго города. Встала, чувствуя какую то слабость, и не понимаетъ почему встаетъ, ощущая слабость и опершись на дерево испускаетъ такіе звуки: молю — пусть будетъ полезно и благопріятно то, что я видѣла въ образѣ сна или яснѣе (отчетливѣе) сна это было. Находилась я при огняхъ Иліакскихъ, когда шерстяная повязка, спавъ съ волосъ, упала передъ священными очагами. Оттуда поднимаются одновременно—

и чудно было видѣть — двѣ пальмы; изъ нихъ одна была больше; сѣнью тяжелыхъ вѣтвей покрыла она весь земной кругъ, а косматою верхушкою достигла она самихъ созвѣздій. Вотъ занесъ мой дядя на нихъ желѣзо: ужаснулась я отъ такого умысла и сердце содрогнулось трепетомъ ужаса. Марсова птица, дятелъ и волчица сражаются за деревьевъ близнецовъ, и черезъ нихъ та и другая пальма была безопасна. Сказала, и нетвердыми силами подняла кувшинъ, и наполнила его, припоминая видѣнное. Между тѣмъ росъ Ремъ, росъ Квиринъ и животъ раздулся отъ небеснаго бремени. Къ тому, чтобы годъ окончился, совершивъ свой срокъ службы (собственно: выслуженное теченіе) оставились блестящему богу только два знака. Сильвія становится матерью: говорятъ, что изображеніе Весты прикрыло глаза дѣвственными руками. Вѣрно то, что содрогнулся жертвенникъ, когда рожала его служительница и устрашенное пламя скрылось въ свой пепелъ. Когда узналъ это Амулій—пренебрежитель справедливаго—побѣдителемъ отнялъ онъ всю власть и богатства у брата, повелѣваетъ погрузить въ воду близнецовъ: вода отбѣжала отъ преступленія и дѣти покинуты на сухой почвѣ. Кто не знаетъ, что дѣти возрасли отъ звѣринаго молока, и что дятелъ не разъ приносилъ пищу брошеннымъ? Не умолчу и о тебѣ, Ларенція, вскормившая такой родъ и о твоихъ услугахъ, бѣдный Фавстулъ. Ваша честь придетъ, когда буду говорить о *Ларенталіа;* пріятный геніямъ декабрь ихъ заключаетъ. Марсовы дѣти достигли восьмнадцатилѣтняго возраста, и уже начинала показываться новая борода русыхъ волосъ. Всѣмъ (поселенцамъ) земледѣльцамъ и правителямъ стадъ крупнаго рогатаго скота, Иліадскіе братья оказывали судъ и расправу по просьбѣ тѣхъ. Часто приходятъ домой обрадованные кровью разбойниковъ, и отогнанныхъ было быковъ пригоняютъ назадъ въ ихъ поля. Когда узнали свой родъ, то отецъ имъ открытый увеличиваетъ смѣлость; стыдно имъ имѣть извѣстность въ маленькихъ хижинахъ. Амулій палъ пронзенный Ромуловымъ мечомъ, и царство возвращено долговѣчному дѣду. Воздвигаются стѣны, хотя онѣ и были малы, но не на пользу Рему ихъ перескочить. Уже, гдѣ недавно были лѣса и прибѣжище стадъ, находился городъ, когда отецъ вѣчнаго города сказалъ: „Повелитель военнаго дѣла, отъ крови котораго, какъ вѣрятъ я родился, а чтобы вѣрили представлю я несомнительные залоги — отъ тебя

ведемъ начало Римскому году: первый мѣсяцъ пусть будетъ отъ отцовскаго имени". — За этими словами слѣдуетъ исполненіе: отъ имени отца даетъ названіе мѣсяцу; говорятъ, что такая набожность была пріятна божеству. И впрочемъ тѣ, что были прежде насъ, чтили Марса преимущественно передо всѣми; воинственная толпа слѣдовала въ этомъ своимъ влеченіямъ. Цекропиды—Палладу, Миноіевъ Критъ—Діану, Вулкана чтитъ Гипсипилеева земля, Юнону—Спарта и Пелопидовы Мицены—сосною убранную голову Фавна Меналійскія края. Марсъ былъ для Лаціума предметомъ почтенія, потому что завѣдуетъ оружіемъ; оружіе доставляло суровому народу и честь и состояніе (имущество) и если случайно есть тебѣ время, взгляни на чужеземные Фасты и въ нихъ найдешь мѣсяцъ отъ имени Марса, третій для Албанцевъ, онъ былъ пятый Фалискамъ;—шестой у твоихъ Герникская земля народовъ. А у Арициновъ и во временникахъ Албанскихъ достовѣрно извѣстно, что высокія стѣны воздвигнуты рукою Телегона. Лавренты имѣютъ его пятымъ, десятымъ—грубые (суровые) Эквиколы, а жители Куръ отъ трехъ первымъ. И тебѣ, Пелигнскій воинъ, съ твоими Сабинскими прадѣдами онъ приличенъ; тому и другому народу этотъ богъ четвертымъ. Ромулъ чтобы по крайней мѣрѣ порядкомъ побѣдить всѣхъ прочихъ, первое время далъ виновнику крови и тѣ, что жили въ старину, не имѣли столько Календъ, сколько мы теперь; тотъ годъ былъ меньше двумя мѣсяцами. Греція, ты не передала еще побѣдителямъ побѣжденныхъ искусствъ, родъ краснорѣчивый, но не храбрый. А тотъ, кто хорошо сражался, зналъ искусство Римлянъ, кто могъ бросать дротики, былъ краснорѣчивъ. Кто зналъ тогда о существованіи Гіадъ или Плеіадъ Атлантейскихъ или о томъ, что подъ осью земли два полюса, что два Арктоса: къ Кинозурской пусть стремятся Сидонцы, а Гелицу пусть замѣчаетъ Греческое судно. Знаки, которые братъ проходитъ въ продолженіи длиннаго года, а ихъ же проходятъ въ одинъ мѣсяцъ кони сестры. Свободно бѣжали, не наблюдаемыя цѣлый годъ, созвѣздія, но во всякомъ случаѣ всѣ были убѣждены въ существованіи боговъ. Не движущіеся небесные знаки трогали они, но свои (военные значки) а потерять ихъ было великимъ преступленіемъ; эти были изъ сѣна, но въ такомъ же почетѣ было сѣно, въ какомъ ты, Римъ, видишь—имѣются твои орлы. Длинный шестъ несъ повѣшенные

манипли (узелки) и оттого-то воинъ имѣетъ прозванiе *манипларисъ*; такимъ образомъ умы несвѣдущіе, чуждые разсудительности, проводили *люстры* (пятилѣтія), въ которыхъ не доставало десяти мѣсяцевъ. Былъ годъ, когда луна наполняла десятый кругъ: это число было въ то время въ большой чести, потому ли, что столько пальцевъ, которыми мы обыкновенно считаемъ или потому, что женщина родитъ на десятомъ мѣсяцѣ или потому, что увеличивая числа достигаютъ десяти, а потомъ новымъ промежуткомъ берутся сначала, потому-то Ромулъ сто десять сенаторовъ отдѣлилъ на кружки, установилъ десять гастатовъ, столько же *принцепсъ*, столько же *пиланусъ* заключалъ людей и каждый кто служилъ на конѣ, имѣя къ тому право. Онъ же столько же частей далъ Тиціензамъ, тѣмъ, которыхъ зовутъ Рамнесъ и Люцерамъ; такимъ образомъ привычныя числа сохранилъ въ годѣ; въ теченіи этого времени печальная жена оплакиваетъ мужа. А чтобы ты не сомнѣвался въ томъ, что и прежде календы Марса были первые, обрати вниманіе на эти признаки: съ фламиновъ снимается лавръ, который они сохраняли цѣлый годъ, и въ почетѣ новыя вѣтви. Тутъ дверь царя зеленѣетъ поставленнымъ деревомъ Феба; тоже дѣлается передъ твоими дверьми, старинная Курія, чтобы и Веста блистала прикрытая свѣжимъ листомъ, падаетъ побѣлѣвшій (сѣдовласый) лавръ отъ Иліакскихъ очаговъ. Присоедини то, что говорятъ о возникновеніи новаго огня въ сокровенномъ храмѣ; вновь разведенный огонь беретъ (заимствуетъ) свѣжія силы. И немалое у меня убѣжденіе, что отсюда начинались прежніе годы, въ этомъ мѣсяцѣ начали чтить Анну Перенну. Припоминаютъ, что съ этого времени въ старину вступали въ отправленіе должностей до начала войны съ тобою, коварный Карѳагенянинъ. Наконецъ пятымъ отъ него былъ Квинтилисъ и отсюда получилъ начало: каждый отъ числа имѣетъ наименованіе. Первый Помпилій, приведенный въ Римъ отъ полей богатыхъ маслиною (оливками), замѣтилъ, что не достаетъ двухъ мѣсяцевъ—научился ли онъ этому у Самосца, который былъ того убѣжденія, что мы возраждаемся (въ другомъ образѣ) или по внушенію своей Егеріи. Но впрочемъ, въ счисленіи времени все еще были ошибки, пока при многихъ заботахъ Цезаря заняла его и эта. Онъ богъ, виновникъ такого потомства, не считалъ этого предметомъ ниже (недостойнымъ) своего вниманія. Заранѣе хотѣлъ онъ познако-

миться съ обѣщаннымъ ему небомъ и богомъ не гостемъ войдти въ невѣдомое жилище. Передаютъ, что онъ остановки (промедленія) солнца, которыми оно возвращается въ свои знаки, расположилъ точными разграниченіями. Онъ присоединилъ шестьдесятъ дней къ тремъ стамъ пяти и четвертую часть полнаго дня. Это — предѣлъ (образъ) года; на пятилѣтіе присоединяется день, который проходитъ (тратится, расходуется) годами. Если можно поэтамъ слышать тайныя внушенія боговъ, а молва признаетъ за ними это право навѣрное ты, Градивъ, пригодный занятіямъ мужчинъ, скажи мнѣ — почему женщины чтутъ твой праздникъ? — Меня — тамъ сказалъ мнѣ Марсъ отложивъ шлемъ, а въ правой рукѣ оставалось метательное копье — бога полезнаго оружіемъ, тутъ въ первый разъ призываютъ къ занятіямъ мирнымъ, направляю шаги въ новый лагерь. И не раскаяваюсь въ начинаніи; нравится заняться и въ этомъ отношеніи и пусть Минерва не подумаетъ, будто бы она одна имѣетъ въ томъ силу. Научись, трудолюбивый поэтъ Латинскихъ дней, чего ты просишь и замѣть сказанное памятливою грудью. Малъ былъ Римъ, если захочешь припомнить первыя его начала, но надежда этого (теперешняго) была въ томъ маломъ. Уже стояли стѣны, тѣсныя будущему населенію, но казавшіяся слишкомъ обширными (просторными) жившимъ въ нихъ. Если спросишь, каковъ былъ царскій дворецъ моего сына, взгляни на жилище изъ камыша и соломы. Римлянинъ наслаждался сладкимъ сномъ на соломѣ и впрочемъ съ этого-то ложа достигъ звѣздъ. Уже Римлянинъ имѣлъ извѣстность за предѣлами жилищъ, но не было у него жены, не было вовсе тестя. Богатые сосѣди съ пренебреженіемъ смотрѣли на бѣдныхъ зятьевъ, и плохо вѣрили будто бы я виновникъ (родоначальникъ) крови. Въ упрекъ ставили имъ, что живутъ на скотныхъ дворахъ и пасутъ быковъ; а землею владѣютъ немногими десятинами необработанной почвы. Съ равнымъ себѣ сходится (совокупляются) каждая птица, каждый звѣрь и змѣй имѣетъ себѣ подобную, отъ которой производитъ на свѣтъ. Самымъ отдаленнымъ народамъ даютъ права брачныя, а не нашлось ни одной, которая захотѣла бы выйдти за мужъ за римлянина. Я сказалъ: перестань просить, оружіе дастъ тебѣ то, чего ты домогаешься. Готовь праздникъ Конзу; прочее, что совершилось въ тотъ день, когда станетъ пѣть свою святыню, раз-

скажетъ тебѣ онъ самъ, Конзъ. Разгнѣвались Куры и тѣ, которыхъ коснулось одно и тоже горе; тутъ въ первый разъ тесть обратилъ оружіе на зятя; уже похищенныя безъ милосердія имѣли имя матерей и какъ ни близко жили враги, но промедленіемъ затянулась родственная война. Собираются жены въ сказанный храмъ Юноны и тамъ, среди молодыхъ женщинъ, жена моего сына такъ начала говорить: „одновременно похищенныя, такъ какъ мы имѣемъ это общее, долѣе медлить не можемъ, если хотимъ быть набожными. Стоятъ войска, но выбирайте же, за какую сторону станемъ мы молить боговъ: съ одной стороны мужъ, съ другой отецъ держатъ оружіе. Вникните — лучше ли захотимъ быть вдовами или сиротами; дамъ вамъ совѣтъ рѣшительный и благочестивый. Дала совѣтъ: послушались, распускаютъ волосы и печальныя тѣла одѣваютъ похоронною одеждою; уже стояли ряды воиновъ, готовые желѣзу и смерти; уже труба должна была дать знакъ къ битвѣ, когда похищенныя приходятъ въ середину между мужей и отцовъ и на груди несутъ дѣтей, милый залогъ. Когда онѣ съ распущенными волосами достигли середины поля, опустились на землю подогнувъ колѣна и внуки съ ласковымъ лепетомъ, какъ будто бы они понимали, протягивали къ дѣдамъ свои крошечныя рученки, а кто былъ въ состояніи называлъ дѣдушку, котораго тутъ только увидалъ, а кто едва могъ, вынужденъ былъ имѣть къ тому силы. У воиновъ пали оружіе и смѣлость, отбросивъ мечи тестья даютъ зятьямъ и принимаютъ отъ нихъ руки; обнимаютъ дочерей съ похвалами; на щитѣ несетъ дѣда внукъ; всего пріятнѣе было такое употребленіе щита. А потому-то праздновать первый день моихъ календъ Эбалидскія матери считаютъ обязанностью не маловажною или потому, что дерзнувъ броситься къ обнаженнымъ мечамъ, окончили Марсовы войны своими слезами или потому, что отъ меня счастливо (къ благополучію) сдѣлалась матерью Илія, матери приняли обычай чтить мои священнодѣйствія и мой день? Какъ, что зима, прикрытая морозомъ, тутъ наконецъ падаетъ и грѣющимъ солнцемъ побѣжденныя гибнутъ снѣга? Деревьямъ возвращаются холодомъ срѣзанные листья, и влажная почка раздувается изъ нѣжной виноградной лозы и роскошная трава, долго скрывавшаяся, находитъ себѣ просторъ, въ которомъ можетъ подняться въ воздушное пространство. Теперь поле плодородно: теперь часъ раз-

веденія скота, теперь птица на вѣтви готовитъ себѣ пріютъ и домъ. Матери Лаціума основательно чтутъ время плодородія: произведеніе на свѣтъ это ихъ служба и желаніе. Присоедини, что Римлянинъ оберегалъ караулами царя тамъ, гдѣ теперь холмъ называемый Эсквилійскимъ. Тамъ молодыми женщинами Латинянками воздвигнутъ общественный храмъ Юноны въ этотъ день. Чего я медлю и обременяю твою грудь (память) разными причинами; то, что просишь, вотъ выступаетъ передъ твоими глазами. Мать любитъ замужнихъ женщинъ; матерей толпа меня навѣщаетъ усердно; ко мнѣ въ особенности идетъ эта столь набожная причина. Несите богинѣ цвѣты; пріятны этой богинѣ цвѣтущія растенія; нѣжными цвѣтами окружайте голову, говорите: ты, Люцина (свѣтоносная) дала намъ видѣть свѣтъ дня; говорите: являйся по призыву родящей. Впрочемъ та, которая беременна, пусть молится, распустивъ волосы, чтобы та дала бы ей разрѣшиться отъ тяжести легко (нѣжно).

А кто же мнѣ теперь скажетъ, почему Саліи носятъ небесное оружіе Марса и воспѣваютъ Мармурія? Внуши же мнѣ нимфа, приставленная къ рощѣ и озеру Діаны, нимфа, жена Нумы, прихожу къ твоимъ дѣяніямъ. Въ Арицинской долинѣ есть озеро, опоясанное густымъ лѣсомъ, священное изстари вѣрованіемъ въ него. Здѣсь скрывается Ипполитъ, растерзанный взбѣсившимися лошадьми, и съ тѣхъ поръ въ ту рощу не въѣзжаютъ на коняхъ. Висятъ повязки закрывающія длинные стволы, и много табличекъ (благодарственныхъ дощечекъ) виситъ заслужившей богинѣ. Часто, достигнувъ предмета своихъ желаній, надѣвъ на голову вѣнокъ, женщина несетъ отъ города свѣтящійся факелъ. Царствами владѣютъ и сильные рукою и (робкіе) мастера бѣжатъ; каждый въ послѣдствіи гибнетъ своимъ примѣромъ. Съ неяснымъ шепотомъ течетъ по камешкамъ ручеекъ, оттуда пей часто, но маленькими глотками. Это Эгерія доставляетъ воду, божество пріятное Каменамъ: она была женою Нумы и его совѣтницею. Сначала слишкомъ готовыхъ къ войнѣ Квиритовъ смягчить заблагоразсудилъ правомъ и опасеніемъ божествъ. Затѣмъ даны законы, чтобы не былъ постоянно правъ тотъ, кто сильнѣе; началось почитаніе святыни чисто переданной. Суровость нравовъ исчезла; право стало могущественнѣе оружія и стыдно было гражданину вступать въ рукопашный бой съ гражданиномъ и тотъ,

что недавно былъ немилосердъ, мѣняется увидавъ жертвенникъ, приноситъ на огни алтарей вино, соль и хлѣбъ. Вотъ родитель боговъ разсѣваетъ по облакамъ пламя красныхъ огней и осушаетъ эфиръ пролитіемъ рѣки. Еще ни разу такъ часто не сверкали брошенные огни, царь робѣетъ и сердцами народа овладѣваетъ страхъ. Ему богиня: не слишкомъ пугайся; молніи эти доступны умилостивленію, сказала и гнѣвъ раздраженнаго Юпитера стихаетъ. Но могутъ передать способъ умилостивленія Пикъ и Фавнъ, и тотъ и другой божество Римской почвы; и не безъ насилія выдадутъ; поймайте ихъ и заключите въ оковы. При этомъ она даетъ ему наставленіе, какъ ихъ поймать. Къ подошвѣ Авентинскаго холма подходилъ лѣсъ, черный тѣнью дубовъ; при одномъ его видѣ ты сказалъ бы: тутъ живетъ божество; по серединѣ дернъ и жила постоянной текущей воды текла, прикрытая зеленымъ мохомъ; оттуда почти только одинъ Фавнъ и Пикъ пили воду. Туда пришелъ царь Нума и принесъ въ жертву источнику овцу; онъ разставилъ полныя чаши пахучаго вина, а самъ спрятался съ своими въ пещерѣ. Лѣсные божки приходятъ, какъ обыкновенно къ знакомому ручью; засохшее горло отмачиваютъ большимъ количествомъ вина. За питьемъ слѣдуетъ отдохновеніе; Нума выходитъ изъ подъ холоднаго грота и въ тѣсныя оковы заключаетъ усыпленныя руки. Когда удалился сонъ, они употребляютъ всѣ усилія, чтобы разорвать оковы, но чѣмъ больше стараются, тѣмъ крѣпче онѣ ихъ сжимаютъ. Тогда Нума: божки лѣсовъ, простите то, что мы сдѣлали; знайте, что далеко отъ меня мысль сдѣлать какое-либо зло, а вы, мнѣ только укажите — какимъ способомъ можно умилостивлять молнію? Такъ сказалъ Нума. Ему отвѣчалъ, потрясая рогами, Фавнъ: великаго ты просишь и того, чему научиться черезъ то, что я знаю, какъ божокъ, вовсе не слѣдуетъ; вѣдь наша власть, какъ божковъ имѣетъ предѣлы; божки мы полевые и живемъ на высокихъ горахъ, а Юпитеръ, какъ хочетъ, распоряжается своимъ оружіемъ. Его никакъ ты не сможешь самъ по себѣ снести съ неба, но можетъ быть, будешь въ состояніи употребивъ въ дѣло нашу помощь. Сказалъ это Фавнъ; одинаково же мнѣніе Пика. Онъ говоритъ: сними же по крайней мѣрѣ съ насъ оковы; Юпитеръ сюда придетъ, внизъ сведенный съ облаковъ могучимъ искусствомъ; свидѣтелемъ обѣщанія пусть будетъ мнѣ Стиксъ. Что

они стали дѣлать выпущенные изъ оковъ, какіе стихи произносили и какимъ искусствомъ влекли Юпитера съ высшихъ жилищъ, не слѣдуетъ знать человѣку: мы поемъ дозволенное и то, что можно высказать благочестивымъ устамъ поэта. Вызываютъ тебя, Юпитеръ, съ неба и оттого-то послѣдующія поколѣнія чтутъ тебя и называютъ *Елиціемъ* (вызваннымъ). Вѣрно то, что затрепетали верхушки Авентинскаго лѣса и опустилась земля, давимая тяжестью Юпитера. Сердце царя содрогнулось; изо всего тѣла удалилась кровь, и косматые стали дыбомъ волосы. Когда вернулось сознаніе, сказалъ: „царь и отецъ высокихъ боговъ, дай вѣрное умилостивленіе молніи, если я твоихъ алтарей касался чистыми руками, то дай то, чего ищу (домогаюсь), если набожный языкъ проситъ“. Кивнулъ головою на мольбу, но отдаленными околичностями скрываетъ истину и звуками, наводящими сомнѣніе, привелъ въ ужасъ человѣка. Юпитеръ говоритъ: отруби голову — „Царь:“ повинуюсь, отрублю я луковицу, вырванную изъ моихъ садовъ. Юпитеръ прибавилъ: „человѣка“. — Да, верхушку волосъ. Тотъ требуетъ душу; ему Нума говоритъ: да, рыбью. Засмѣялся: ну пусть, сказалъ онъ, ими достанешь мое оружіе, о человѣкъ, котораго не слѣдуетъ прогонять и съ бесѣды боговъ; но тебѣ, когда завтрешній Цинтій выставитъ весь свой кругъ, дамъ вѣрный залогъ власти. Сказалъ и съ оглушительнымъ громомъ понесся по эфиру, приведенному въ движеніе, и покинулъ молившагося къ нему Нуму. Тотъ вернулся веселый и передаетъ памяти Квиритовъ то, что случилось: поздно и съ трудомъ стали вѣрить словамъ. Онъ сказалъ: „во всякомъ случаѣ намъ повѣрятъ, если за словами послѣдуетъ исполненіе; пусть же всѣ, кто тутъ налицо, слышатъ, что будетъ завтра. Когда Цинтій выставитъ изъ за земли весь кругъ, Юпитеръ дастъ вѣрный залогъ владычества. Расходятся въ сомнѣніи и кажется имъ позднимъ (долгимъ) исполненіе обѣщанія; ихъ вѣра зависитъ отъ наступающаго дня. Земля была мягка и окроплена раннею росою; народъ стоитъ передъ порогомъ своего царя. Вышелъ и сѣлъ на срединѣ своего кленоваго трона; безчисленные стоятъ кругомъ и молчатъ люди. Поднялся только чуть Фебъ верхнимъ краемъ, озабоченные умы робѣютъ надеждою и опасеніемъ. Сталъ, и бѣлоснѣжнымъ покровомъ (опутавъ) скрывъ голову, поднялъ онъ уже хорошо извѣстныя богамъ руки и сталъ

такъ говоритъ: наступило время обѣщаннаго дара и Юпитеръ, окажи обѣщанную вѣру словомъ. Между тѣмъ какъ говоритъ, солнце уже весь обнаружило кругъ и тяжкій гулъ раздался отъ эфирной оси. Три раза загремѣлъ богъ безъ облака, пустилъ три молніи: вѣрьте говорящему; удивительное, но совершившееся высказываю. Небо стало въ срединѣ разступаться: опустила внизъ толпа съ своимъ вождемъ глаза, вотъ щитъ, вращаемый медленно тихимъ дуновеніемъ, упалъ; отъ народа крикъ поднялся до звѣздъ. Поднялъ съ земли даръ онъ, принеся прежде въ жертву телушку, которая шеи своей вовсе не отдавала еще подъ гнетъ ярма; его зовутъ *Анциле*, потому что онъ, со всѣхъ сторонъ обсѣченъ и на сколько можно замѣтить глазами, нѣтъ вовсе угловъ. Тутъ, помня, что жребій власти заключается въ немъ, берется за планъ содержавшій немало хитрости. Онъ отдаетъ приказаніе изготовить много щитовъ точно такой же рѣзной формы и вида, чтобы, кто замыслилъ бы коварный умыселъ, легко могъ быть введенъ видомъ въ заблужденіе. Мармурій — трудно сказать—болѣе ли строгой нравственности, или искусникъ въ своемъ кузнечномъ мастерствѣ, окончилъ дѣло. Ему Нума (великодушный) щедрый, сказалъ: „проси награды за случившееся, если извѣстна вѣрность моего слова, то не будешь просить понапрасну“. Уже онъ далъ Саліямъ, отъ прыганія (saltu) ведутъ наименованіе — оружіе и слова, которыя нужно было пѣть извѣстнымъ голосомъ (тономъ). Тутъ Мармурій сказалъ: наградою пусть дастся мнѣ слава и пусть имя мое звучитъ въ концѣ стихотворенія. Затѣмъ жрецы выплачиваютъ награду обѣщанную старинному труду и зовутъ Мармурія. Если ты которая желаешь выдти замужъ, какъбы вы ни спѣшили обое, отложи; маленькая отсрочка представляетъ большую выгоду. Оружіе вызываетъ борьбу; борьба (сраженіе) чужда супругамъ; когда оружіе было бы спрятано, пригоднѣе (лучше) будетъ предзнаменованіе; въ эти дни священная супруга Діала въ шапкѣ должна имѣть нечесаные волосы.

Когда третья въ мѣсяцѣ ночь, появясь, приведетъ въ движеніе свои огни, изъ двойныхъ рыбъ одна спрячется. Ихъ двѣ; эта всего ближе къ Австру, а та къ Аквилонамъ; и та и другая получаетъ наименованіе отъ вѣтра.

Когда Титонова супруга съ шафранными щеками начнетъ опускать росу и выведетъ время пятаго дня—Арктофилаксъ ли то,

или лѣнивый Боотесъ погрузится въ воду и избѣжитъ твоихъ взглядовъ; но не избѣжитъ Виндемиторъ (собиратель винограда). Сдѣлаемъ небольшую остановку, чтобы научить поводу появленія (начала) этого созвѣздія. Разсказываютъ, что на Исмарійскихъ холмахъ (горныхъ вершинахъ) Вакхъ любилъ нестриженнаго Ампелоса, родившагося отъ сатира и нимфы. Передалъ ему виноградную лозу, висѣвшую съ вѣтвей илима (вяза), и теперь онаноситъ названіе отъ имени мальчика. Пока онъ самонадѣянный собираетъ на вѣтви разноцвѣтныя кисти, упалъ; утраченнаго Либеръ восхитилъ въ число звѣздъ.

Когда шестой Фебъ взбирается изъ океана на крутой Олимпъ и стремится по эфиру на крылатыхъ коняхъ, каждый, кто присутствуетъ, чти святыню сѣдой Весты, чаши съ виномъ и ѳиміамъ клади на Илакскіе алтари. Къ безчисленнымъ титуламъ Цезаря присоединилась почесть первосвященства, которую онъ предпочелъ заслужить. Вѣчные огни пусть блюдетъ божество вѣчнаго цезаря; видишь ты соединенными залоги владычества. Изъ пепла старой Трои достойнѣйшая добыча; ею важный Энеасъ былъ безопасенъ отъ непріятеля. Происшедшій отъ Энея священнослужитель трогаетъ родственныя божества; Веста оберегай родную тебѣ голову. Хорошо живите огни, которые тотъ лелѣетъ священною рукою; молю, чтобы вы жили не угасая и пламя и вождь.

Одна замѣтка Нонамъ Марса; то, что какъ полагаютъ, во время ихъ освященъ храмъ Веіова передъ двумя рощами, когда Ромулъ высокою каменною оградою окружилъ рощу, сказалъ: каждый кто сюда прибѣжишь, будешь безопасенъ. О какъ Римъ выросъ изъ ничтожнаго начала. Какъ чуждо зависти было старинное населеніе! Впрочемъ чтобы тебѣ незнающему не препятствовали новость наименованія, научись, кто этотъ богъ и отчего такъ названъ. Это еще юный Юпитеръ, взгляни на юношеское лицо, потомъ взгляни на руку; не держитъ вовсе молніи, взятой Юпитеромъ послѣ того какъ гиганты дерзнули приступать къ небу; въ первое время былъ безоружнымъ. Пылала Осса новыми огнями и Пеліонъ, который выше Оссы, и Олимпъ, утвержденный въ прочной почвѣ. Вмѣстѣ стоитъ и коза; разсказываютъ, что пасли ее Критскія нимфы; та (коза) дала молоко младенцу Юпитеру. Теперь зовусь къ имени недоросшимъ хлѣбомъ и плохою (малою) пищею называютъ поселенцы хлѣбъ, неудачно (дурно) выросшій.

Если такова сила (значеніе) слова, то почему же мнѣ не догадываться, что храмъ Веіовиса есть храмъ Юпитера еще небольшаго. Да вотъ взгляни когда звѣзды испестрятъ лазоревое небо: увидишь шею Горгонскаго коня. Вѣрятъ будто бы онъ, изъ беременной головы убитой Медузы, выскочилъ съ гривою, окропленною кровью. Ему устремившемуся выше облаковъ и пониже звѣздъ, небо было вмѣсто земли, а крыло вмѣсто ноги. Уже принялъ онъ новую узду негодующимъ ртомъ, когда легкое копыто пробило Аонійскія воды; теперь наслаждается небомъ, къ которому прежде стремился на крыльяхъ, и блестящій сверкаетъ пятнадцатью звѣздами.

Вслѣдъ затѣмъ съ наступающею ночью увидишь *вѣнокъ* виною Тезея сдѣлалось Гнозка богинею. Уже нарушившаго клятву вѣрности она хорошо замѣнила Вакхомъ, она, которая дала нить путеводительную неблагодарному мужу. Жеребіемъ постели радуясь, говорила: чего плакала я деревенщина? Вѣроломство его обратилось мнѣ на пользу. Между тѣмъ Либеръ съ расчесанными волосами, побѣдилъ Индовъ и богатый вернулся отъ восточнаго міра. Между плѣненныхъ дѣвицъ красивой наружности слишкомъ пріятна была Вакху дочь царя. Плакала любящая супруга и, прогуливаясь по изгибу берега, произносила такія слова, а волосы ея были нечесаны и въ безпорядкѣ: вотъ опять волны внимайте подобнымъ (какъ и прежде) жалобамъ; вотъ опять песокъ прими мои слезы. Говорила я, припоминаю, клятвопреступный и коварный Тезей,—тотъ удалился; туже вину имѣетъ Вакхъ. И теперь я буду кричать, чтобы ни одна женщина не вѣрила мужчинѣ; дѣло мое возобновилось только подъ измѣненнымъ именемъ. О, если-бы мой жеребій шелъ такъ, какъ сперва началъ и въ настоящее время уже я вовсе не существовала бы. Зачѣмъ ты, Либеръ, спасъ меня, которой приходилось гибнуть на одинокихъ пескахъ? Могла бы я разомъ покончить со всѣми страданіями. Вакхъ легкомысленный, подвижнѣе твоихъ листьевъ, которые опоясываютъ твои виски, Вакхъ, котораго я узнала цѣною моихъ слезъ. Дерзнулъ ты, приведя передъ мои глаза развратницу (соперницу), посягнуть на такъ хорошо устроенную постель. Увы! Гдѣ обѣщанная вѣрность? Гдѣ то, въ (чемъ) ты столько разъ клялся. О я несчастная, сколько разъ я говорю эти слова. Ты винилъ Тезея, самъ называлъ его обманщикомъ, а самъ по соб-

ственному приговору согрѣшилъ еще хуже (гнуснѣе). Пусть этого никто не знаетъ, пусть я буду (сгарать) терзаться страданіями, молча; пусть не подумаютъ, что я достойна (заслужила) быть столько разъ обманутою. Въ особенности желала бы я скрыть отъ Тезея: пусть не радуется, что ты соучастникъ его вины, но полагаю, мнѣ смуглой предпочтена бѣлая тѣломъ соблазнительница; пусть тотъ цвѣтъ достанется врагамъ нашимъ! Но что же въ томъ толку? Самимъ недостаткомъ она тебѣ еще милѣе. Что дѣлаешь? Оскверняетъ она твои объятія. Вакхъ, исполни данное тобою слово и ни одну не предпочитай любви супруги, привыкла постоянно любить мужа. Прельстили мать рога красиваго быка, меня—твои; но эта любовь въ честь, а та въ стыдъ. Пусть не повредитъ мнѣ то, что я люблю, и для тебя, Вакхъ, не было во вредъ, что самъ ты высказалъ мнѣ твою пламенную страсть. И неудивительно дѣлаешь, что меня сжигаешь: говорятъ, что ты родился въ огнѣ и исхищенъ изъ огня отцовскою рукою, а я та, которой ты имѣлъ обыкновеніе обѣщать небо; увы мнѣ, вмѣсто неба какіе подарки получаю! Сказала, уже давно слышалъ слова жалующейся Либеръ, такъ какъ онъ случайно слѣдовалъ сзади. Хватаетъ въ объятія, слезы высушиваетъ поцѣлуями и говоритъ: одновременно устремимся мы къ верхнимъ слоямъ неба. Ты, со мною соединенная постелью, примешь наименованіе со мною общее, и тебѣ измѣненной будетъ имя Либера. Сдѣлаю, что пусть съ тобою будутъ памятники твоей короны (твоего вѣнка); ее Вулканъ далъ Венерѣ, а та тебѣ. Сказанное исполняетъ и драгоцѣнные камни превращаетъ въ девять огней и та золотая теперь сверкаетъ девятью звѣздами.

Когда шесть разъ подниметъ свой ликъ и столько же разъ опуститъ въ воды тотъ, кто на стремительной оси везетъ багровый пурпурный день, другія Еквиріи будешь смотрѣть на покрытомъ дерномъ полѣ, которое Тибръ тѣснитъ въ бокъ (берегъ) изгибающимися водами; но если случится, что оно (поле) будетъ занято разлившеюся водою, пыльный Цэлій приметъ коней.

Въ Иды веселый праздникъ Анны Перенны, недалеко отъ твоихъ береговъ, пришлецъ Тибръ. Приходитъ толпа, и, въ разныхъ мѣстахъ раскинувшись по зеленой травѣ, пьетъ, и каждый возлегаетъ съ себѣ равною. Часть остается подъ открытымъ небомъ, немногіе ставятъ палатки; найдутся и такіе, которые изъ

сучьевъ дѣлаютъ листвяной домъ; нѣкоторые ставятъ себѣ камышъ (тростникъ) вмѣсто твердыхъ колоннъ, а сверху накладываютъ растянутыя тоги. Впрочемъ грѣются солнцемъ и виномъ, молятъ о столькихъ годахъ, сколько принимаютъ чашъ и пьютъ по счету (числу). Найдешь тамъ кто выпьетъ года Нестора, а та сдѣлалась Сивиллою своими чашами (т. е. числомъ своихъ чашъ). Тамъ и поютъ то, что выучили въ театрахъ и подбрасываютъ легко руками въ тактъ своихъ словъ, водятъ поставивъ грубую чашу хороводы, и наряженная подруга прыгаетъ распустивъ волосы. Когда возвращаются, шатаются и представляютъ зрѣлище толпѣ (народу); встрѣчаясь толпою люди называютъ ихъ счастливыми. Недавно поспѣшилъ я туда; мнѣ показалась процессія достойною описанія; пьяная старуха влекла пьянаго старика, но что это за богиня — такъ какъ разнообразны и ошибочны о томъ толки — ни одного разсказа предположилъ я не скрывать. Достойная жалости Дидона сгарала пылкою (огненною) страстью къ Энею; сгорѣла на кострѣ устроенномъ на ея гибель; убранъ прахъ, и на мраморѣ могилы было это коротенькое стихотвореніе, которое она умирая оставила. „Эней доставилъ и поводъ къ смерти и мечъ, а Дидона пала сама, употребивъ въ дѣло свою руку". Тотчасъ же Нумиды дѣлаютъ нашествіе на беззащитное царство, и Мавръ Ярба овладѣлъ захваченнымъ домомъ; припоминая, что онъ былъ пренебреженъ, онъ говорилъ: вотъ я, кому она столько разъ отказала, пользуюсь брачными покоями Елиссы. Разбѣжались уроженцы Тира, куда кого погнало заблужденіе, какъ когда-то нерѣшительныя пчелы блуждаютъ потерявъ царя. Въ третій разъ принялъ токъ жатву для очищенія зерна, и въ третій разъ новое вино отправилось для броженія въ глубокіе чаны. Выгоняютъ Анну изъ дому, со слезами оставляетъ она жилище сестры, а прежде отдаетъ долгъ своей родной (сестрѣ). Мягкій прахъ принимаетъ мази (благовонія) смѣшанныя съ слезами и, отрѣзанные отъ верхушки головы, принимаютъ волосы. Три раза сказала: прощай, три раза поднеся къ устамъ прахъ, прижала его и, ей казалось, что она цѣлуетъ сестру. Доставъ судно и сопутниковъ бѣгства, идетъ ровными шагами, озираясь на стѣны, милое дѣло сестры. Плодоносна Мелите, островъ сосѣдній пустынной (безплодной) Козирѣ: его омываетъ вода Ливійскаго залива. Туда стремится, полагаясь на старинное гостепріимство царя, пріятелемъ

ей былъ богатый сокровищами царь Баттъ. Когда тотъ узналъ объ участи той и другой сестры, сказалъ: какъ ни мала эта земля, пусть будетъ твоя, и до конца соблюлъ бы онъ обязанности гостепріимства, но опасался великихъ силъ (богатствъ) Пигмаліона. Два раза солнце прошло свои знаки;. третій шелъ годъ и изгнанницамъ приходится искать новой земли. Вотъ явился братъ и преслѣдуетъ войною; царь, возненавидѣвшій оружіе, говоритъ мы неспособны къ войнѣ, а ты бѣги невредимо (пока въ безопасности). Приказанное исполняетъ: вѣтру и водамъ ввѣряетъ судно; братъ былъ неумолимъ, суровѣе каждаго моря. Вблизи обильныхъ рыбою потоковъ каменистаго Кратиса находится небольшое поле; мѣстное населеніе называютъ его Камере. Туда былъ бѣгъ, и судно было оттуда не далѣе, какъ на разстояніи девяти полетовъ пращи. Сначала падаютъ паруса и чуть колышатся отъ едва замѣтнаго дуновенія. Корабельщикъ сказалъ: разрѣжьте воды веслами. Между тѣмъ, какъ готовятся убрать (подвязать) паруса изъ измятой холстины, изогнутая корма поражена стремительнымъ Нотомъ и уносится въ открытое море, при тщетномъ сопротивленіи хозяина; скрылась изъ глазъ бывшая въ виду земля. Хлещутъ кругомъ волны, море выворачивается изъ дна пучинъ своихъ, и судно зачерпываетъ сѣдыхъ изъ пѣны водъ. Искусство побѣждено вѣтромъ, и уже правитель судна не руль употребляетъ въ дѣло, а мольбы и обѣты и онъ требуетъ помощи. Изгнанная Финикійка перебрасывается разсвирѣпѣвшими волнами и прикрываетъ глаза влажнымъ отъ воды платьемъ. Тутъ въ первый разъ сестра назвала Дидону счастливою и не ее одну, но каждую, которая тѣломъ своимъ нашла пріютъ на какой бы то ни было землѣ. Сильнымъ необъятно порывомъ вѣтра прибито судно къ Лаврентскому берегу и, высадивъ всѣхъ, захлебнувшись потонуло въ водахъ. Набожный Эней уже пріумножился царствомъ и дочерью Латина и перемѣшалъ оба народа. На берегу, полученномъ въ приданое, въ сопровожденіи одного Ахата, между тѣмъ какъ босыми ногами совершаетъ уединенную прогулку, видитъ блуждающую; сначала не вѣритъ онъ, чтобы это была Анна, да и зачѣмъ зашла бы она на поля Лаціума. Пока такъ размышляетъ съ собою Эней, Ахатесъ восклицаетъ: это Анна. При этомъ названіи подняла она свое лицо. Куда бѣжать? Что дѣлать? Какихъ искать проваловъ земли? Пе-

редъ глазами была печальная судьба бѣдной сестры. Понялъ это и съ трепещущею заговорилъ Цитерскій герой, впрочемъ проливаетъ слезы, когда ему напомнили о смерти твоей, Елисса? Анна, клянусь этой землею, которая, какъ ты имѣла обыкновеніе слышать прежде когда-то, дается болѣе благопріятною судьбою, клянусь богами сопутниками, въ этомъ мѣстѣ недавно помѣщенными, что они часто пеняли меня за мою медленность. И впрочемъ то не было опасеніе смерти; далеко отъ меня была эта робость; увы мнѣ, она была тверже (смѣлѣе) чѣмъ можно было повѣрить. Не разсказывай мнѣ; видѣлъ я раны недостойныя той груди (она ихъ не заслужила), когда дерзнулъ посѣтить жилища Тартара. А ты, разсужденіе ли тебя пригнало къ нашимъ берегамъ, богъ ли, раздѣли удобства моего владычества. Я помню, что много тебѣ обязанъ, кое-что и Елиссѣ; дорога ты мнѣ собственнымъ (правомъ) именемъ, и именемъ сестры. Такъ говорившему—да и другой надежды ей не оставалось,—повѣрила и изложила (разсказала) свои странствованія. И когда вошла въ домъ, облеченная въ Тирійскіе уборы, началъ Эней; остальная толпа молчитъ: ее почему вручаю тебѣ, супруга Лавинія, есть у меня набожная (благочестивая) причина: потерпѣвъ кораблекрушеніе, истратилъ (израсходовалъ) я ея богатства. Происходя изъ Тира, владѣла царствомъ на берегу Ливіи и умоляю люби ее, какъ слѣдуетъ милую сестру. Все обѣщаетъ и ложную рану молча скрыла въ мысляхъ и трепеща притворилась. Видя, что въ ея глазахъ явно несутъ много даровъ, полагаетъ, что тайно послано также много. Впрочемъ, самой не уяснилось, какъ дѣйствовать: ненавидитъ съ неистовствомъ, готовитъ засаду (коварный умыселъ) и желаетъ умереть отомщенною. Была ночь; увидала будто бы передъ постелью сестры стоитъ Дидона облитая кровью, съ волосами въ безпорядкѣ и говоритъ: „бѣги не колеблись, бѣги изъ этого печальнаго (грустнаго) жилища“ къ словамъ дуновеніе вѣтра привело въ движеніе жалобно дверь. Вскочила и быстро бросилась въ окно, находившееся не высоко надъ землею: смѣлою сдѣлалъ самый страхъ. Куда влечетъ ее испугъ, одѣтая подпоясанной рубашкою бѣжитъ, какъ испуганная лань услыхавъ волковъ. Вѣрятъ, что носящій рога Нумицій принялъ ее въ страстныя воды, и скрылъ въ своихъ омутахъ. Между тѣмъ громкими криками ищутъ по полямъ Сидонку; видны слѣды и оттиски ногъ.

Пришли къ берегамъ: слѣды находились у береговъ; потокъ, сознавая свою вину, удержалъ молчаливыя воды. Показалось, что она сама проговорила: я нимфа мирнаго (ласковаго) Нумиція, скрываясь въ неизсякаемой водѣ, слыву Анна неизсякаемая (Перенна). Тотчасъ же веселые принимаютъ пищу въ тѣхъ поляхъ, гдѣ блуждали, и прославляютъ большимъ количествомъ вина себя и день. Есть для которыхъ это луна, такъ какъ она мѣсяцами наполняетъ годъ; нѣкоторымъ Ѳемида, часть думаютъ, что это корова Инахова дочь. Найдешь и такихъ, которые назовутъ тебѣ нимфою Атлантидою и скажутъ будто бы ты, Анна, давала Юпитеру первую пищу. И это преданіе, которое приведу, достигло до моего слуха, и оно не противорѣчитъ истинному убѣжденію. Старинная чернь, не обезопасенная еще никакими трибунами, бѣжала и находилась на вершинѣ Священной горы; уже пища, которую она взяла съ собою, истощилась, и съ нею жизненныя средства, пригодныя человѣческому употребленію. Была одна Анна, происходившая изъ подгородныхъ Бовиллъ, старушка бѣдная, но чрезвычайно старательная; она легкою митрою прикрывъ сѣдые волосы, лѣпила трепещущею (дрожащею) рукою деревенскія лепешки и такъ обыкновенно рано утромъ раздѣляла народу дымящіяся; такое щедрое угощеніе было пріятно народу. Когда водворился дома миръ, поставили статую Переннѣ за то, что та имъ оказала помощь. Теперь остается мнѣ сказать, почему молодыя дѣвушки поютъ похабныя пѣсни; онѣ сходятся вмѣстѣ и поютъ разныя позорные стихи. Недавно она сдѣлалась богинею; пришелъ Градивъ къ Аннѣ и, отведя ее въ сторону, сказалъ такія слова: ты будешь чтима въ моемъ мѣсяцѣ; я соединилъ мое время съ твоимъ, зависитъ большая надежда отъ твоей услуги. Носящій оружіе, схваченный любовью къ носящей оружіе Минервѣ, пылаю и эту рану питаю долгое время. Сдѣлай, чтобы мы подобные боги соединились усердіемъ въ одно; эта доля слѣдуетъ тебѣ, ласковая старуха. Сказалъ; та надъ богомъ тѣшится пустымъ обѣщаніемъ и безразсудную надежду продолжаетъ, какъ можно долѣе, нерѣшительнымъ промедленіемъ. Когда онъ часто приставалъ, сказала: исполнила я твое порученіе; съ трудомъ согласилась та, уступая просьбамъ. Радуется влюбленный и готовитъ спальню; отведена туда Анна скрывая лицо, какъ новобрачная. Марсъ собирался цѣловать, вдругъ увидалъ Анну;

сначала стыдъ, потомъ гнѣвъ овладѣли обманутымъ богомъ; новая богиня издѣвается надъ любовникомъ дорогой Минервы; не было дѣла, которое было бы пріятнѣе Венерѣ. Оттого-то поются старинныя шутки и позорныя (похабныя) изреченія. Нравится ей (этой богинѣ) то, что она обманула великаго бога. Хотѣлъ бы я пропустить (проминовать) мечи, вонзенные въ властителя, когда такъ проговорила Веста отъ цѣломудренныхъ алтарей: не колеблись привести на память; мой былъ онъ служитель; святотатственныя руки оружіемъ посягнули на меня; сама восхитила человѣка и оставила бездушными образы; то, что пало желѣзомъ была тѣнь Цезаря. Онъ, конечно, помѣщенный на небѣ блюдетъ преддверіе Юпитера и владѣетъ храмомъ посвященнымъ, на большой площади. Тѣ же, которые дерзнули на преступленіе, вопреки волѣ боговъ, осквернили голову первосвященника, лежатъ жертвами заслуженной смерти; свидѣтелями будьте Филиппы и тѣ изъ бѣлѣющихъ костей, которыхъ сдѣлалась свѣтлою (блестящею) земля. Первымъ дѣломъ, долгомъ, цѣлью усилій Цезаря было оружіемъ отомстить за родителя.

Когда наступающая затѣмъ Аврора подниметъ нѣжныя травы, виденъ будетъ Скорпіонъ первою его стороною. Третій день послѣ Идъ, есть главный праздникъ Вакха. Вакхъ, благопріятствуй поэту, пока пою твой праздникъ; не стану упоминать о Семелѣ; если бы къ ней Юпитеръ не принесъ собою молній, былъ бы ты бѣдный безоружный. Не стану разсказывать и того, какъ ты младенецъ, чтобы могъ родиться въ надлежащее время, бремя матери доношено въ тѣлѣ отца. Долго разсказывать о Ситонахъ и Скиѳскихъ тріумфахъ и объ усмиреніи твоихъ народовъ, носитель ладона Индъ, и о тебѣ умолчу несчастная (плохая) добыча Ѳивской матери и фуріями гонимый, Ликургъ, на твое колѣно. Теперь хочу говорить о появившихся вдругъ рыбахъ и Тирренскихъ чудовищахъ, но это не этого стихотворенія дѣло. Содержаніе этого произведенія — излагать причины, почему разводитель винограда зоветъ народы на свои лепешки (пирожки). Прежде твоего, Либеръ, появленія жертвенники были безъ почести и находима была трава на холодныхъ (остывшихъ) алтаряхъ. Припоминаютъ, какъ ты, покоривъ Гангъ и весь востокъ, отложилъ первинки великому Юпитеру. Ты первый далъ киннамонъ, и добычу войны благовонія, и жареныя внутренности отъ быка, до-

ставшагося побѣдителю. Отъ имени виновника получили наименованіе и возліянія (libamina) и лепешки (liba), оттого-то часть ихъ приносится священнымъ алтарямъ. Лепешки (liba) приносятъ богу, такъ какъ онъ радуется сладкимъ сокамъ и говорятъ, что Вакхъ нашелъ медъ. Шелъ отъ богатаго песком Гебра въ сопровожденіи сатировъ—нашъ разсказъ не заключаетъ неблагодарныхъ шутокъ (забавъ)—уже достигли они Родопа и богатой цвѣтами Пангеи; загремѣли носящія мѣдь руки провожатыхъ. Вотъ стекаются новыя птицы, гонимыя звукомъ и въ какомъ направленіи раздается звукъ мѣдныхъ инструментовъ, слѣдуютъ пчелы; собираетъ блуждающихъ и въ пустое дерево запираетъ Либеръ и имѣетъ награду найденнаго меда. Какъ только сатиры и легкомысленный старикъ попробовали вкуса, искали по всей рощѣ желтыхъ сотовъ; слышитъ въ выѣденномъ (выдолбленномъ) илимѣ жужжаніе роя, видитъ и воскъ; старикъ скрылъ отъ другихъ и какъ лѣнивый сидѣлъ на широкой спинѣ осла, придвигаетъ къ илиму и корѣ скрывавшей пустоту. Сталъ самъ упершись въ стволъ, богатый сучьями и жадно ищетъ медъ скрытый въ дуплѣ. Тысячи шмелей собираются и вонзаютъ жало въ обнаженную маковку и испестрили верхъ лица. Тотъ падаетъ черезъ голову; его бьетъ копытомъ оселъ, призываетъ крикомъ своихъ и проситъ о помощи. Сбѣгаются сатиры, издѣваются надъ распухлымъ лицомъ родителя; тотъ хромаетъ, такъ какъ ушибъ колѣно. Смѣется и самъ богъ, показываетъ, что нужно помазать иломъ; онъ повинуется внушеніямъ и мажетъ лицо грязью. Отецъ наслаждается медомъ; налитый на горячую лепешку чистый медъ справедливо приносимъ тому, кто его обрѣлъ. Почему подаетъ ихъ (лепешки) женщина — причина не ясна; тотъ (Вакхъ) тирсомъ вызываетъ женскіе хороводы. Почему старуха это дѣлаетъ, спросишь? Возрастъ этотъ склоннѣе къ вину и любитъ дары тяжело обремененной лозы. Почему опоясана плющемъ? Плющъ всего милѣе Вакху; почему же это такъ не будетъ промедленія высказать. Нимфы Низіадки, когда ребенокъ искалъ мачихи, этотъ листъ, говорятъ, приложили къ новой колыбели. Остается, чтобы я открылъ (нашелъ) почему свободная тога дается мальчикамъ въ твой день, свѣтлый, блестящій Вакхъ. Можетъ быть потому, что ты постоянно кажешься ребенкомъ и молодымъ человѣкомъ и возрастъ твой средній, между тѣмъ и

другимъ, а можетъ быть потому, что тебѣ, какъ отцу, отцы свои залоги дѣтей поручаютъ заботѣ и твоему божественному покровительству или потому, что ты Либеръ, черезъ тебя берется свободная одежда и путь жизни болѣе свободной. Или можетъ быть потому, что такъ какъ старинные люди усерднѣе занимались воздѣлываніемъ полей и сенаторъ самъ производилъ работы на отеческомъ полѣ, и консулъ принималъ пуки отъ изогнутаго плуга, не ставилось въ вину имѣть жесткія руки и сельское населеніе приходило на игры въ городъ, но богамъ, а не усерднымъ занятіямъ оказывалась та почесть. Въ свой день воздѣлыватель виноградной лозы имѣлъ игры, которыя теперь имѣетъ самъ съ богинею носящею факелы. Такимъ образомъ, чтобы многолюдство было въ состоянія прославлять воспитанника (ученика), заблагоразсудилось назначить именно этотъ день, а не другой, чтобы дать тогу. Отецъ, поверни сюда кроткую голову и умилостивленные рога и дай моему воображенію попутные паруса. Отправляются къ Аргеямъ, а кто они — своя страница скажетъ — въ этотъ, если я припоминаю, и въ прошлый день. Созвѣздіе коршуна (ястреба) склоняется мало по малу къ Ликаоновой Арктонъ; оно показывается на глаза въ эту ночь. Что дало птицѣ, если хочешь знать, небо: Сатурнъ прогнанъ былъ Юпитеромъ изъ царствъ; раздраженный возбуждаетъ сильныхъ Титановъ къ оружію и требуетъ помощи, какая была должна судьбами. Рожденный матерью землею, дивное чудовище — быкъ заднею частью своею былъ змѣй. Его — тройною стѣною заключилъ въ мѣстахъ мрачнаго свѣта насильственный Стиксъ, по внушенію трехъ паркъ. Опредѣленіе судебъ было — кто представилъ бы для сожженія на огнѣ внутренности быка — будетъ въ состояніи побѣдить вѣчныхъ боговъ. Убиваетъ его Бріарей сдѣланною изъ стали сѣкирою, и вотъ-вотъ уже готовъ былъ предать огню внутренности,—Юпитеръ отдаетъ приказаніе птицамъ расхитить; принесъ ему коршунъ и за свои заслуги попалъ въ звѣзды.

Одинъ день въ серединѣ и совершаются священнодѣйствія Минервѣ; наименованія имѣютъ отъ пяти соединенныхъ — примыкающихъ — дней. Первый день свободенъ отъ крови; запрещено сходиться съ желѣзомъ въ рукахъ; причина та, что въ этотъ день родилась Минерва. Другой, и за нимъ три празднуются на

усыпанной пескомъ аренѣ (сценѣ). Теперь мальчики и нѣжныя дѣвочки умоляйте Палладу; кто хорошо умилостивитъ Палладу, будетъ ученый. Умилостививъ Палладу, пусть научатся дѣвушки дѣлать мягкою шерсть и полныя веретена распускать. Чти ее, кто выводитъ пятна изъ попорченныхъ одеждъ, чти ее, кто готовитъ мѣдные котлы для шерсти. Она же учитъ пробѣгать челнокомъ по проведеннымъ нитямъ и рѣдкую основу дѣлаетъ частою, при помощи гребня (берда) и никто не въ состоянiи сдѣлать хорошо перевязи для подошвы противъ воли Паллады, пусть будетъ онъ ученѣе Тихiя, и хотя бы онъ, состязаясь въ работѣ рукъ съ древнимъ Епеемъ, оставался первый; если Паллада на него сердита, будетъ какъ безрукой; да и вы, которые прогоняете болѣзни Фебеевымъ (Аполлона) искусствомъ, небольшiе подарки отъ васъ приносите богинѣ. И вы, учителя, толпа лищенная жалованья, не пренебрегайте богинею; она привлечетъ къ вамъ новыхъ учениковъ, и тотъ кто приводишь въ движенiе небо и цвѣтами пламенишь (расписываешь) картину, и ты, который дѣлаешь ученою рукою мягкiе камни. Это богиня—тысячи трудовъ; вѣрно то, что она богиня стихотворства и, если заслуживаю, пусть будетъ дружелюбною моимъ занятiямъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ гора Цэлiй отъ вершины спускается въ равнину, тамъ гдѣ дорога еще не совсѣмъ ровна, но почти ровна, тамъ можешь видѣть небольшой храмъ плѣненной Минервы; его богиня начала имѣть со дня своего рожденiя. Причина названiя подъ сомнѣнiемъ; капитальнымъ зовемъ мы смѣтливый талантъ, а эта богиня изобрѣтательности. Не потому ли, что разсказываютъ, будто бы она съ своимъ щитомъ выскочила безъ матери изъ маковки отцовской головы или потому, что она пришла къ намъ плѣнная по усмиренiи Фалисковъ, и это самое передаетъ намъ старинная надпись, или потому, что имѣетъ законъ, который повелѣваетъ казнить смертью (головою) за воровство сдѣланное въ томъ мѣстѣ. Отъ какой бы причины ни имѣла бы ты, Паллада, наименованiе, постоянно имѣй эгиду за нашихъ начальниковъ. Послѣднiй день изъ пяти напоминаетъ очищать звонкiя трубы и приносить жертвы сильной (храброй) богинѣ. Теперь можешь ты, поднявъ къ солнцу лицо, говорить: оно вчера подавило руно Фриксовой овцы. Сѣменами жареными коварствомъ преступной мачихи, трава не подняла какъ-то обыкновенно

своихъ зеленыхъ порослей. Посылаютъ къ треножнику кто вѣрнымъ бы указаніемъ (отвѣтомъ) судьбы принесъ бы извѣстіе, какую помощь обитатель Дельфъ окажетъ безплодной землѣ. Но и тотъ (кто былъ посланъ), подкупленный, принесъ извѣстіе, что за посѣвы жребій требуетъ смерти Геллесъ и молодаго Фрикса. Отказывавшагося царя, граждане, время и Ино побудили стерпѣть (выдержать) нечестивое приказаніе. И сестра и Фриксъ, перевязанные по вискамъ лентами, стоятъ вмѣстѣ передъ жертвенникомъ; оплакиваютъ постигающую ихъ вмѣстѣ гибель. Увидала ихъ случайно, вися на воздухѣ мать и, поражаетъ удивленную грудь обнаженною рукою, спрыгиваетъ, сопровождаемая густыми облаками, въ городъ, происходившій отъ дракона и оттуда исторгаетъ своихъ дѣтей, а чтобы они имѣли возможность поскорѣе бѣжать, передается имъ баранъ блиставшій золотомъ; онъ везетъ обоихъ черезъ обширныя моря. Говорятъ, что женщина слабою лѣвою рукою держалась за рогъ, когда отъ себя дала наименованіе водѣ. Почти вмѣстѣ погибъ братъ между тѣмъ какъ желалъ помочь упавшей и выставляетъ, на сколько можетъ, протянутыя впередъ руки. Оплакиваетъ, какъ утраченную подругу общей (двойной) опасности, не зная, что она сопряжена съ лазоревымъ богомъ. Достигнувъ берега телецъ дѣлается созвѣздіемъ; а его золотая шерсть достигла въ Колхидскія жилища. Когда наступающая заря вышлетъ впередъ трехъ Люциферовъ, то получишь ты дни временемъ равные ночи. Затѣмъ когда пастухъ четыре раза запретъ насыщенныхъ (сытыхъ) козловъ, травы побѣлѣютъ четыре раза отъ свѣжей росы. Нужно чтить Януса и съ нимъ снисходительное согласіе и будетъ спасеніе Рима и жертвенника мира. Луна управляетъ мѣсяцами, и времена этого мѣсяца поканчиваетъ луна, которую чтутъ на вершинѣ Авентина.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Роскошная мать двояшекъ Страстей (любовныхъ) благопріятствуй поэту; къ поэту она обратила свое лицо и сказала: что тебѣ до меня? Конечно ты воспѣвалъ болѣе важное; не имѣешь ли ты старой раны въ мягкой груди? — Знаешь, богиня — отвѣчалъ я, о ранѣ—улыбнулась, и эфиръ тотчасъ же съ той стороны сталъ чистымъ. Раненный или здоровый — покидалъ ли я твои значки? Ты постоянно содержаніе для моего труда. Что было прилично, я безъ преступленія проводилъ въ игрѣ первые годы; теперь болѣе обширный кругъ открывается для нашихъ коней. Времена съ причинами, разысканныя въ древнихъ лѣтописяхъ, и знаки, скрывшіеся подъ землю, и восходящіе пою. Приходимъ къ четвертому мѣсяцу, въ которомъ тебя наиболѣе чтутъ; ты знаешь, Венера, что и поэтъ и мѣсяцъ твои. Она, тронутая слегка, прикоснулась миртомъ Цитеры къ моимъ вискамъ и сказала: „окончи же начатый трудъ". Почувствовалъ я это, и вдругъ открылись поводы дней; пока возможно и дуетъ вѣтеръ, пусть идетъ корабль. Впрочемъ если какая либо часть (доля) Фастъ святцевъ должна касаться, то ты Цезарь, имѣешь въ апрѣлѣ чего держаться т: е: на что обратить вниманіе. Этотъ мѣсяцъ къ тебѣ сошелъ великимъ происхожденіемъ, и усыновленнымъ благородствомъ становится твой. Это видѣлъ отецъ Иліадесъ (Иловъ сынъ). когда писалъ длинный годъ, и самъ припомнилъ своихъ виновниковъ, и какъ суровому Марсу далъ первый по порядку жребій за то, что онъ былъ ближайшею причиною его рожденія, такъ относительно Венеры, многими колѣнами (племенами) въ родѣ оказавшейся захотѣлъ, чтобы она имѣла мѣсто другаго мѣсяца: разыскивая начало своего рода и прошедшіе вѣка, пришелъ

до родственныхъ боговъ. Кто не знаетъ, что Дарданосъ родился отъ Електры, Атлантовой дочери, и того что Електра лежала вмѣстѣ съ Юпитеромъ? Дардана-Ерихтоній; Тросъ родился отъ того, а самъ дѣлаетъ Ассарака, Ассаракъ—Каписа, послѣдній Анхиза; съ нимъ имѣть общее наименованіе родительницы не побрезгала (пренебрегла) Венера. Такимъ образомъ произошелъ Эней, набожность котораго прошла испытаніе черезъ огонь; святыню и отца, другую святыню, вынесъ на плечахъ. Приходимъ къ счастливому когда-то имени Юла, вслѣдствіе котораго домъ Юліевъ касается предковъ Тевкровъ. Отсюда Постумъ; онъ, такъ какъ получилъ начало во глубинѣ лѣсовъ, въ Ларенскомъ племени прозванъ Сильвіемъ; онъ-то тебѣ, Латинъ, отецъ; Альба слѣдуетъ за Латиномъ; ближайшій Епитосъ къ твоимъ, Альба, отличіямъ; тотъ далъ имя взятой Трои повторенное и онъ же сдѣлался твоимъ, Калпетъ, дѣдомъ и когда послѣ него Тиберинъ получилъ отеческое владѣніе, говорятъ, потонулъ въ пучинѣ (омутахъ) Тускской воды, впрочемъ онъ видѣлъ уже рожденіе Агриппы и внука Ремула; говорятъ, что въ Ремула была брошена молнія. Послѣ этихъ приходитъ Авентинъ; оттого-то получила наименованіе мѣстность и гора. Послѣ него царство вручено Прокѣ, за нимъ послѣдовалъ Нумиторъ, братъ суроваго Амула, отъ Нумитора родились Илія съ Лавзомъ. Отъ дядинаго меча палъ Лавзъ; Илія понравилась Марсу и тебя родила Квиринъ съ близнецомъ твоимъ Ремомъ. Тотъ постоянно называлъ своими родителями Венеру и Марса и заслужилъ его словамъ оказать вѣроятіе. А чтобы не могли не знать послѣдовавшіе внуки, а потому назначилъ рядомъ время богамъ рода; но догадываюсь, что мѣсяцъ Венеры обозначенъ Греческимъ словомъ; богиня названа отъ пѣны моря и Италійская земля была великою Греціею. Евандръ пришелъ съ флотомъ, полнымъ своихъ, пришелъ и Альцидесъ; и тотъ и другой родъ Греческій. Пришлецъ, носящій палицу, пасъ стадо на Авентинскихъ пастбищахъ, и вода Альбулы служила питьемъ такому богу. И Нариційскій вождь также; существуютъ свидѣтели Лестригоны и берегъ, который и теперь имѣетъ наименованіе Цирцеи. Уже стояли стѣны Телегона и стѣны влажнаго Тибура, поставленныя руками жителей Аргоса. Пришелъ Атридесъ Галезъ, гонимый судьбою; земля Фалискская, въ томъ убѣжденіи что отъ него получила названіе. Присоедини Антенора

совѣтника мира съ Троянцами и, Аппулъ Давнъ, твоего зятя Энидеса. Поздній (послѣ всѣхъ) и послѣ Антенора отъ Иліакскаго пламени, принесъ Эней въ наши мѣста боговъ. Его былъ Солемъ сопутникъ, изгнанникъ отъ Фригійской Иды, отъ котораго стѣны Сульмоны имѣютъ наименованіе, прохладнаго Сульмона, нашего, Германикъ, отечества. О я несчастный! Какъ далеко оно отъ Скиѳской почвы! И такъ я столь далеко! Но удержи, муза, жалобы, не приходится тебѣ пѣть печальное на священной лирѣ. Куда не бросается зависть? Есть которые хотѣли бы у тебя, Венера, отнять почесть мѣсяца и недоброжелательствуютъ (завидуютъ). Дѣйствительно, такъ какъ весна все въ то время открываетъ, падаетъ усиленная (плотная) суровость стужи, раскрывается земля обильная зародышами, то приводятъ на память будто апрѣль названъ отъ открытаго времени, его роскошная Венера присвоиваетъ себѣ набросивъ руку. Она конечно достойнѣйшая управляетъ цѣлымъ земнымъ кругомъ; она владѣетъ царствомъ не меньшимъ ни одного бога, предписываетъ законы небу, землѣ, роднымъ (родившимъ ее) водамъ и своимъ вліяніемъ она содержитъ (поддерживаетъ) каждый родъ. Она произвела всѣхъ боговъ, исчислять ихъ было бы слишкомъ долго; она дала поводъ (причину, начало) посѣвамъ и деревьямъ; она умы грубыхъ людей соединила въ одно и научила каждаго соединяться съ равною ему. Что творитъ весь родъ птицъ, какъ не пріятное наслажденіе? Не совокуплялись бы животныя, еслибы отсутствовала легкая любовь. Съ самцомъ драчливый баранъ состязуется (борется) рогомъ, но онъ же щадитъ оскорбить (повредить) чело любимой овцы. Быкъ слѣдуетъ за коровою оставивъ свое звѣрство, быкъ, котораго трепещутъ всѣ ущелья и вся роща. Таже сила хранитъ все, что только живетъ подъ моремъ и безчисленными рыбами наполняетъ воды. Первая совлекла съ человѣка суровыя (дикія) привычки; отъ нея пришли убранства и забота о своей чистотѣ. Говорятъ, что первый любовникъ—стихи, плодъ безсонной ночи, пѣлъ у запертыхъ дверей, получивъ отказъ въ ночи; появился даръ слова, чтобы уговорить суровую дѣвушку, и за свое дѣло каждый былъ краснорѣчивымъ. Тысяча тронуты этими искусствами; стараніемъ понравиться открыто многое, что прежде было неизвѣстнымъ. И кто-нибудь дерзнетъ лишить Венеру почести (заслуги) втораго мѣсяца? Пусть далеко бу-

детъ отъ насъ такое безуміе. Какъ! Вездѣ могущественная, пріумноженная частыми (многопосѣщаемыми) храмами, впрочемъ въ нашемъ городѣ богиня имѣетъ большее право (большую власть). За твою Римлянинъ Трою, Венера носила оружіе и стонала, пораненная копьемъ въ лѣвую руку. Троянскимъ судьею побѣдила двухъ небожительницъ; ахъ, не хотѣлъ бы я припоминать побѣжденныхъ этимъ богинь. О ней говорили какъ о невѣсткѣ Ассарака конечно для того, чтобы когда-то, Великій Цезарь могъ имѣть Юлійскихъ предковъ (дѣдовъ). И времени, болѣе приспособленнаго Венерѣ, какъ весна не было никакого; весною блистаютъ (сверкаютъ) земли, весною разступается почва; тутъ растенія, пробивши землю, поднимаютъ верхушки; тутъ виноградная лоза изъ подъ разбукшей коры пускаетъ почки, и красавица Венера достойна красиваго времени, и какъ привыкла слѣдуетъ за своимъ Марсомъ. Весною внушаетъ изгибистымъ кормамъ идти по материнскимъ водамъ и уже не бояться угрозъ зимы. Латинскія матери и невѣстки по обычаю чтите вы богиню, а также и тѣ, которымъ чужды повязки и длинное платье; золотыя ожерелья снимайте съ мраморной шеи, снимайте богатства; вся богиня должна быть вымыта; золотыя ожерелья возвратите высушенной шеѣ; теперь нужно приносить другіе цвѣты, свѣжую (новую) розу. И вамъ также она приказываетъ вымыться подъ зеленымъ миртомъ, и причина, почему приказываетъ, научитесь, есть вѣрная. Голая сушила она (Венера) на берегу волосы орошенные водою; сатиры, дерзкая толпа, увидали богиню, замѣтила и прикрыла тѣло свое попавшимся миртомъ. Безопасна была дѣломъ и вамъ приказываетъ припоминать это. Научитесь же теперь почему приносите ѳиміамъ счастію мужчинъ въ томъ мѣстѣ, которое влажно отъ теплой воды. То мѣсто принимаетъ всѣхъ по снятіи одеждъ и виденъ каждый недостатокъ голаго тѣла. Чтобы это прикрыть и отъ мужчинъ скрыть — доставляетъ Счастіе мужчинъ и это оно исполняетъ умоленное небольшимъ количествомъ ѳиміама, и пусть не надоѣстъ принимать макъ стертый съ бѣлоснѣжнымъ молокомъ и медъ разжиженный изъ выдавленныхъ сотовъ. Когда Венера въ первый разъ приведена къ страстному мужу, она это пила; съ того времени сдѣлалась замужнею. Словами мольбы ее умилостивляйте; при ней остаются и красота, и нравственность, и

добрая слава. Въ Римѣ стыдливость прадѣдовъ пала съ временемъ; старинные люди вы совѣтовались съ Кумейскою старухою. Повелѣваетъ устроить храмы Венеры; когда они сдѣланы были по порядку, вслѣдствіе этого Венера имѣетъ наименованіе измѣняющей, (обращающей) сердца. Постоянно, красивѣйшая, озирайся на потомковъ Энея снисходительнымъ (ласковымъ, милостивымъ) лицомъ и, божественная, оберегай столько твоихъ невѣстокъ. Пока говорю: внушающій опасеніе остріемъ поднятаго хвоста скорпіонъ ниспадаетъ въ зеленыя воды.

Когда ночь пройдетъ и небо начнетъ только что краснѣть, а птицы, тронутыя росою поднимутъ свой ропотъ; полусгорѣвшій факелъ путникъ бодрствовавшій всю ночь отложитъ, а поселянинъ отправится на обычную работу, плеіады начинаютъ облегчать отцовскія плеча ихъ называютъ семь, но обыкновенно ихъ только шесть, или потому что шесть изъ нихъ отсюда попали въ объятія боговъ: говорятъ, Стеропе лежала вмѣстѣ съ Марсомъ, съ Нептуномъ Гальціоне и ты красивая Целена, а съ Юпитеромъ Маія, Електра и Тайгета, седьмая Меропе вышла замужъ за тебя Сизифъ смертный; сожалѣетъ она и одна скрывается, стыдясь ею совершеннаго или потому, что Электра не вынесла смотрѣть на развалины Трои и глаза заслонила рукою.

Оставь небо три раза повернуться на постоянной оси, пусть Титанъ три раза впряжетъ и три раза выпряжетъ коней: тотчасъ загудитъ Берецинтская труба съ загнутымъ рогомъ, и наступятъ праздники Идейской родительницы, пойдутъ полумужчины и станутъ бить въ пустые барабаны, и мѣдь поражаемая мѣдью, будетъ издавать звукъ, а самое понесуть, сидящую на мягкой шеѣ провожатыхъ и по серединѣ улицъ станутъ завывать. Звукъ раздается со сцены, зовутъ игры: смотрите Квирины и полный ябедъ (процессовъ) форумъ свободенъ отъ своихъ состязаній. Мнѣ хочется многое спросить, но меня приводитъ въ содроганіе рѣзкій звукъ мѣди, и лотосъ искривленный издающій, ужасающій звукъ. Дай, богиня Цибелова, спросить твоихъ ученыхъ внучекъ; услышала, и приказала имъ присутствовать при моемъ занятіи (заботѣ). Откройте же, вскормленницы Геликона, помня о вамъ порученномъ — почему великая богиня тѣшится постояннымъ звукомъ; такъ я — а на то Эрато (Цитереевъ мѣсяцъ ей достался, такъ какъ она имѣетъ наименованіе нѣжной любви) Сатурну высказано судьбою: лучшій изъ царей, сынъ

твой лишитъ тебя скипетровъ; тотъ изъ опасенія пожираетъ своихъ дѣтей какъ только они родились; и принявъ (собственно: погрузивъ), во внутренностяхъ держитъ. Часто Рея жаловалась, что она столько разъ плодородна, но никогда матерью, и самое плодородіе для нея источникъ горя. Родился Юпитеръ; древности вѣрятъ, за великаго свидѣтеля принятую вѣру берегись трогать. Въ платьѣ скрытый камень усѣлся въ небесной внутренности такъ родитель долженъ былъ быть обманутъ судьбою. Уже давно звучитъ отголосками Иде, чтобы безопасной ребенокъ могъ кричать дѣтскимъ голосомъ. Одни бьютъ въ щиты палками, другіе поражаютъ пустые внутри шлемы; таково занятіе Куретовъ и Корибантовъ. Обстоятельство это скрылось отъ отца, въ подражаніе тому что прежде совершалось, сопровождающіе богиню приводятъ въ движеніе мѣдь и натянутыя грубыя кожи; вмѣсто шлема бьютъ въ цимбалы, вмѣсто щитовъ въ барабаны; флейта даетъ Фригійскіе, какъ давала прежде, звуки. Перестала, я началъ: зачѣмъ, эта суровая порода львы даютъ непривыкшія гривы изогнутымъ ярмамъ? Я пересталъ, она начала; полагаютъ, что она смягчила ихъ дикость и доказала это своею колесницею; а почему голова украшена вѣнками изъ башень? Не она ли дала башни Фригійскимъ городамъ? Кивнулъ головою въ знакъ согласія: откуда пришло, сказалъ я, стремленіе отрѣзать свои члены? Какъ я замолчалъ, Піерисъ начала говорить: Аттисъ, Фригійскій мальчикъ красивый лицомъ, въ лѣсахъ плѣнилъ богиню, увѣнчанную башнями, цѣломудренною любовью; его хотѣла она соблюсть для себя, оберегать свои храмы, и сказала: пожелай быть постоянно мальчикомъ (ребенкомъ), тотъ завѣрилъ, что исполнитъ приказаніе, и сказалъ: если солгу то пусть то любовное наслажденіе, которымъ нарушу данное слово, будетъ послѣднимъ, обманулъ, и на нимфѣ Сагоратидской пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ; вслѣдствіе этого раздраженіе богини потребовало наказанія; наяду подрубила ранами сдѣланными на деревѣ; та погибла; жребій наяды было дерево. Тотъ (Атисъ) приходитъ въ безумство и въ убѣжденіи, что обрушивается кровля, изъ спальни выбѣжалъ и бѣгомъ устремился на вершину Диндима; то кричитъ: поднимай факелы, то: удали побои, часто клянется, что вотъ богини Палестины. Онъ истерзалъ даже тѣло острымъ камнемъ; въ нечистой пыли влачились его длинные волосы; голосъ былъ: „заслужилъ“

заслуженное плачу кровью возмездіе. Ахъ, пусть погибнуть части, которыя мнѣ повредили, ахъ, пусть погибнутъ, еще говорилъ, онъ; отхватываетъ всю массу (бремя) дѣтороднаго члена и вдругъ не осталось у него никакихъ признаковъ мужа. Съ тѣхъ поръ это безумство вошло въ примѣръ, и изнѣженные служители отрѣзаютъ позорные члены разбросавъ волосы. Такъ Аонійская Камена краснорѣчивымъ голосомъ изложила причину неистовства, которую я хотѣлъ узнать. Умоляю, вождь труда, скажи: пришла ли она откуда нибудь вслѣдствіе просьбы, или постоянно была въ нашемъ городѣ? Мать любила постоянно (всегда) Диндимонъ, Цибеле, Иду, пріятную родниками, и Иліакскія богатства. Когда Эней перенесъ Трою въ Италійскія поля, то богиня почти послѣдовала за судами несшими святыню, но понимала, что судьба еще не требуетъ ея божества для Лаціума и остановилась (осталась) въ привычныхъ мѣстахъ. Послѣ когда могучій средствами (богатствами) Римъ уже пять вѣковъ видѣлъ, и поднялъ голову надъ усмиреннымъ земнымъ кругомъ, священнослужитель посмотрѣлъ въ начертанныя судьбою слова Евбейскаго стихотворенія; а то что онъ увидалъ, говорятъ, было таково: мать отсутствуетъ, повелѣваю, Римлянинъ, разыщи мать: когда придетъ, нужно принять цѣломудренною рукою. Сенаторы вслѣдствіе двусмысленности неяснаго отвѣта судебъ, блуждаютъ (остаются въ недоумѣніи), какой нѣтъ родительницы и въ какомъ искать ее мѣстѣ Совѣтуются съ Пэаномъ; тотъ сказалъ: призовите мать божествъ, ее нужно найдти на Идейской вершинѣ. Посланы первые (познатности) люди, въ то время скипетръ Фригіи держалъ Атталъ; тотъ Авзонійцамъ посланнымъ отказываетъ въ предметѣ ихъ просьбы. Чудное стану пѣть; задрожала земля долгимъ (продолжительнымъ) ропотомъ, гуломъ (содроганіемъ) и богиня такъ проговорила изъ своего убѣжища: сама я хотѣла чтобы меня искали, пусть не будетъ замедленія; отсылай желающую. Римъ—мѣсто достойное, чтобы туда идти всякому божеству. Тотъ оробѣвъ отъ ужаснаго голоса, сказалъ: отправляйся въ путь, наша будешь; Римъ обновился въ Фригійскихъ предкахъ. Тотчасъ безчисленные топоры рубятъ тѣ сосны, которыя употребилъ въ дѣло набожный Фригіянинъ во время своего бѣгства. Тысячи рукъ соединяются и выдолбленное, судно расписанное яркими красками, принимаетъ небесную мать. Та въ полной безопасности несется

по водамъ своего сына, достигаетъ длинныхъ заливовъ Фриксовой сестры, минуетъ стремительный Ретей и Сигейскіе берега, Тенедосъ и старинныя богатства Эстіона. Оставивъ сзади Лесбосъ встрѣчаютъ Циклады и мѣста, гдѣ вода бьется о Каристійскія мели, минуетъ и Икарій, гдѣ Икаръ потерялъ упавшія крылья и далъ наименованіе обширному пространству водъ. Потомъ влѣво оставляетъ Критъ, а вправо Пелопеевы воды и стремится къ Цитерѣ, посвященной Венерѣ; оттуда входитъ въ море Тринакрійское, гдѣ имѣютъ обыкновеніе опускать въ воду раскаленное желѣзо Бронтесъ, Стеропесъ и Акмонидесъ, касается Африканскаго моря. Сардойское царство видитъ съ лѣвой стороны веселъ и достигаетъ Авзоніи, вотъ уже касается устьевъ, которыми Тиберинъ дѣлится у моря, расходясь по болѣе широкому полю. Всѣ всадники и важный сенатъ, перемѣшанный съ чернью, вышли навстрѣчу къ берегамъ Тускской рѣки. Выходятъ разомъ матери, дочери, невѣстки и тѣ, которыя чтутъ непорочностью (дѣвствомъ) священные алтари. Натянутою веревкою мужчины утомляютъ свои усердныя (старательныя) руки; едва преодолѣваетъ, текущія навстрѣчу воды, корабль странникъ. Долго земля была суха; засуха сожгла травы, засѣло судно врѣзавшись въ иловатую мель. Кто ни присутствовалъ при дѣлѣ трудятся болѣе чѣмъ сколько слѣдовало на его часть, и звучнымъ голосомъ помогаетъ сильнымъ рукамъ; но корабль остается на мѣстѣ, какъ постоянный островъ; пораженные чудеснымъ явленіемъ стоятъ и робѣютъ мужчины. Клавдія Квинта вела родъ отъ древняго Клауза и наружность соотвѣтствовала благородству. Она была честна (цѣломудренна) но ее такою не считали; несправедливый слухъ ей повредилъ и она признана была виновною въ ложномъ преступленіи. Вредила забота о наружности, то, что она выходила съ разнообразно убранными волосами и языкъ слишкомъ поворотливый (болтливый) въ отношеніи къ строгимъ старикамъ. Сознавая въ совѣсти свою чистоту, она смѣялась надъ вымысломъ молвы, но на дурное большинство изъ насъ куда какъ легковѣрно. Когда она вышла изъ толпы цѣломудренныхъ (строгой нравственности) матерей семействъ, и руками зачерпнула чистую воду рѣки, три раза оросила голову, три раза подняла вверхъ руки. Тѣ, которые на нее смотрятъ, думаютъ что она лишилась разсудка. Опустясь на колѣно, обратила къ об-

разу богини лицо и съ распущенными волосами испустила такіе звуки: ты, роскошная и плодородная родительница боговъ, прими, подъ извѣстнымъ условіемъ, мольбы твоей поклонницы. Говорятъ, будто быя не цѣломудренна; если ты осудишь, сознаюсь что я заслужила, смертью смою вину, побѣжденная судьею богинею, но, если отсутствуетъ вина, ты на дѣлѣ представишь залогъ моей жизни и чистая послѣдуешь за чистыми руками. Сказала и небольшимъ усиліемъ потянула веревку; чудное выскажу я, но доказанное видѣвшими свидѣтелями: богиня двинулась, тронута, слѣдуетъ за ведущей и тѣмъ ей дѣлаетъ похвалу; какъ доказательство радости несется къ звѣздамъ звукъ; приходятъ къ изгибу рѣки; прежніе назвали устьями Тиберина то мѣсто, гдѣ отъ него отдѣляется лѣвый рукавъ. Ночь наступила; привязываютъ веревку къ дубовому пню и, напитавъ пищею тѣло, предались легкому сну. Наступилъ день; отъ дубоваго пня отвязываютъ веревку, но прежде, устроивъ алтарь, приносятъ куреніе; передъ кормою убранною вѣнками рѣжутъ телку безъ порока, незнавшую ни работы, ни брачнаго соединенія. Есть мѣсто, гдѣ вливается въ Тибръ скользящій (стремительный) Альмо и меньшій потокъ теряетъ названіе отъ большей рѣки. Тамъ сѣдой священнослужитель въ красномъ (пурпурномъ) платьѣ омылъ водами Альмона—повелительницу и святыню. Завываютъ провожатые и неистово надувается труба и мягкія руки поражаютъ бычачьи спины (кожи). Выступаетъ Клавдія; лицо ея блистаетъ свѣтло радостью; наконецъ то по свидѣтельству богини убѣдились въ ея чистотѣ (стыдливости). Сама она, сидя на телегѣ, ввезена въ Капенскія ворота; запряженные быки осыпаны свѣжими цвѣтами. Назика принялъ; тогда явился строителемъ храма, теперь Августъ, а прежде былъ Метеллъ. Тутъ остановилась Эрато, дѣлается остановка; такъ стану спрашивать остальное. Скажи, говорю, почему малымъ приношеніемъ ищетъ богатствъ? Снесъ народъ мѣдь, изъ которой Метеллъ сдѣлалъ храмъ; съ тѣхъ поръ остался обычай денежнаго приношенія (милостыни). Спрашиваю, почему поочередно принимаютъ участіе въ пиршествѣ тутъ въ собенности, и во множествѣ посѣщаютъ званыя пиршества. Потому, сказала она, что Берецинтія хорошо измѣнила мѣстопребываніе, добиваются того же хорошаго предзнаменованія, измѣняя мѣстопребываніе.—Продолжалъ я спрашивать: почему Мегалезіа были первыми играми въ нашемъ городѣ?

Тогда богиня — она поняла, сказала: та (Цибела) родила боговъ, уступили родительницѣ; мать имѣетъ начало (первинку) данной (оказанной) помощи. Почему называемъ мы Галлами тѣхъ, которые себя вырѣзали, когда такъ далеко разстояніе Фригійской земли отъ Галльской? Она отвѣчала: между зеленою Цибеле и высокими Целенѣми идетъ рѣка, по названію Галлъ, съ водою безумія. Кто оттуда пьетъ — неистовствуетъ; далеко оттуда уйдите, кому забота о здравомъ разсудкѣ кто оттуда пьетъ, приходитъ въ неистовство. Нестыдно, сказалъ я, ставить травяной *моретъ* *) на столѣ госпожи? Или можетъ быть на то есть своя причина? Она отвѣчала: припоминаютъ, что старинные люди питались чистымъ молокомъ и травами, какія производила земля сама собою. Бѣлый творогъ мѣшается съ раздавленною травою, чтобы богиня старинная питалась старинною пищею. На другой день, когда на небѣ, съ появленіемъ звѣздъ, заблеститъ Паллантіасъ и луна поднимется на бѣлоснѣжныхъ коняхъ, кто скажетъ, что въ этотъ день на Квиринскомъ холмѣ освященъ храмъ общественному счастію, тотъ скажетъ правду.

Третій день припоминаю, день игръ; когда я смотрѣлъ, то одинъ старичекъ, сидѣвшій подлѣ меня рядомъ, сказалъ: это день, въ который Цезарь на Ливійскихъ берегахъ поразилъ коварное войско заносчиваго Юбы. Вождемъ мнѣ былъ Цезарь, при которомъ службою въ качествѣ трибуна горжусь; ему посвящено было мое служеніе. Это мѣсто снискалъ я военною службою, а ты миромъ пользуясь почестью между десятью сановниками (децемвирами). Болѣе собирались мы было говорить, но разлучилъ насъ дождь полившійся вдругъ; качающіяся Вѣсы приводили въ движеніе небесныя воды. Но еще прежде, какъ послѣдній день положитъ конецъ зрѣлищамъ, носящій мечъ Оріонъ потонулъ въ морѣ.

Когда, ближайшая за тѣмъ, заря взглянетъ на Римъ побѣдоносный и звѣзда, обращенная въ бѣгство, дастъ мѣсто Фебу, циркъ будетъ наполненъ многолюдною процессіею и большимъ числомъ боговъ; быстрые, какъ вѣтеръ, кони будутъ домогаться первой лавровой вѣтки. Это—игры Цереры; нѣтъ надобности въ показаніи причины: самъ собою ясенъ даръ богини и ея заслуга. Первымъ изъ смертныхъ хлѣбомъ (питаніемъ) были зеле-

*) Moretum — простое деревенское кушанье изъ чесноку, руты, уксусу, масла и проч.

ныя травы, которыя производила земля безъ чьихъ либо хлопотъ: то срывали траву съ живаго дерна, то для пирществъ служили нѣжныя верхушки деревьевъ. Впослѣдствіи родился желудь; хорошо уже было, когда нашли желудь и твердый дубъ представлялъ роскошную пищу. Церера первая — человѣку, призвавъ его къ лучшему питанію, замѣнила желуди пищею болѣе полезною; она заставила быковъ подставлять шею ярму; тутъ въ первый разъ взрытая земля увидѣла солнце. Мѣдь была въ цѣнѣ; стальная масса скрывалась, увы, какъ бы слѣдовало ей навсегда быть скрытою. Миру радуется Церера, и вы желаете, поселяне, постояннаго мира и постояннаго правителя. Приносите въ честь богини хлѣбъ, и прыгающую соль, и на старинные алтари зерна ладану, а если ладану не будетъ, то зажигайте намазанные факелы; доброй Церерѣ нравится немногое, лишь бы чистое было. Подпоясанные кверху служители удалите ножи отъ быка; быкъ пусть пашетъ, а приносите въ жертву (недѣятельную) лѣнивую свинью. Пригодная ярму шея не должна быть поражаема топоромъ, пусть живетъ и часто работаетъ на твердой почвѣ. Требуетъ самое мѣсто, чтобы изложить похищеніе дѣвицы; болѣе ты самъ припомнишь, въ немногихъ словахъ нужно тебѣ сообщить свѣдѣніе. Земля Тринакрисъ выбѣгаетъ далеко въ море тремя мысами; наименованіе получила отъ положенія мѣста. Пріятное Цитерѣ жилище; многими тамъ владѣетъ городами, въ числѣ которыхъ находится и плодоносная Генна съ воздѣланною почвою. Студеная Аретуза позвала матерей небожителей и свѣтлорусая богиня прибыла на священное пиршество. Дочь, какъ была сопровождаема привычными дѣвушками, скиталась по своимъ лугамъ обнаженными (босыми) ногами. Внизу горной долины есть мѣстность, влажная многимъ орошеніемъ отъ воды падающей сверху. Тамъ было столько цвѣтовъ, сколько ихъ есть въ природѣ и испещренная земля блистала самыми разнообразными цвѣтами, какъ только увидала, сказала: подруги идите сюда и со мною вмѣстѣ ваши пазухи наполните цвѣтами. Пустая (ничего не значущая) добыча плѣняетъ дѣвичьи души и труда не замѣчаютъ въ усердной работѣ. Та наполняетъ корзинки сплетенныя изъ гибкаго тростника, та наполняетъ подолъ и широкую пазуху рубашки; та собираетъ ноготки, у той попеченіе о фіалкахъ, та подрѣзаетъ ногтемъ вершины маку; этихъ плѣня-

етъ гіацинтъ, тѣхъ задерживаетъ амарантъ, однѣ любятъ тимъ, другія казію (ягодки лавруши), нѣкоторыя донникъ; болѣе всего собираютъ розу; да много тутъ цвѣтовъ не имѣющихъ имени; сама собираетъ нѣжные (тонкіе) крокосы и бѣлыя лиліи. Въ желаніи рвать, мало по малу, зашли далѣе чѣмъ бы слѣдовало и случилось такъ, что за госпожею не послѣдовала ни одна подруга. Видитъ ее и видѣнную ее дядя поспѣшно хватаетъ и несетъ на лазоревыхъ коняхъ въ свое царство. Она̑ конечно кричала: Іо, дражайшая мать, меня уносятъ и сама терзаетъ свою грудь. Между тѣмъ открывается Дію дорога; такъ какъ дневной свѣтъ едва сносятъ непривыкшіе кони. А хороводъ сверстницъ, наполнивъ цвѣтами корзинки, кричатъ: Персефоне, иди къ твоимъ дарамъ. Такъ какъ она молчитъ на призывъ, то наполняютъ горы завыванiями и поражаютъ печальными руками обнаженныя груди. Церера удивлена плачемъ; только что пришла въ Генну и не медля сказала: о я несчастная, дочь моя, гдѣ ты? Потерявъ разсудокъ бросается такою, какими, какъ мы обыкновенно слышимъ, ходятъ Фракійскія Мэнады съ распущенными волосами. Какъ ревётъ мать о теленкѣ, оторванномъ отъ сосцовъ и ищетъ своего порожденія по всей рощѣ, такъ богиня не удерживаетъ воплей и несется быстрымъ бѣгомъ, начиная съ твоихъ полей, Генна. Тамъ нашла она слѣды дѣвичьей пятки и видѣла землю, вынесшую давленіе ей извѣстной тяжести. Можетъ быть этотъ день былъ бы послѣднимъ (блужданія) скитанія, если бы свиньи не уничтожили отысканныхъ слѣдовъ. Уже минуетъ бѣгомъ Леонтинцевъ и рѣку Аменанскую и твои берега, травоносный Ацисъ, минуетъ Ціане и родникъ медленнаго Анапа и тебя, Гела, къ которой нѣтъ доступа за водоворотами, оставила Ортигію, Мегарею, Пантагіену и мѣсто, гдѣ море принимаетъ Симетейскія воды, гроты Циклоповъ, выжженные, поставленными печами и мѣсто, которое имѣетъ наименованіе изогнутой косы, Гимеру, и Дидиму, Акрагантъ, и Тавроменонъ, Меласъ — веселое пастбище священныхъ быковъ. Оттуда посѣтила она Камеринасъ, Тапсонъ и Гелорію, Темпе и насколько простирается постоянно открытый Зефиру Эриксъ, уже осмотрѣла Пелоріаду, Лилибей и Пахиносъ, первые рога своей земли. Куда ни ступаетъ, всѣ мѣста наполняетъ жалостными воплями, какъ когда птица оплакиваетъ утраченнаго Итиса, и поочередно кричитъ, то Персефоне, то дочь,

кричитъ, и то и другое имя повторяетъ перемѣняя. Но ни Персефоне Цереры, ни дочь матери не слышитъ, и то и другое имя повторяемое исчезаетъ безслѣдно. Одинъ звукъ голоса былъ — пастуха ли видѣла или обработывавшаго землю: не направила ли сюда шаговъ какая либо дѣвушка? Уже одинъ цвѣтъ присущъ предметамъ и мракомъ покрывается все; уже бдительныя замолкли собаки. Высокая Этна лежитъ на устахъ обширнаго Тифоея, котораго горящимъ дыханіемъ пылаетъ земля. Тамъ зажигаетъ двойную сосну вмѣсто свѣтильника, потому-то при священнодѣйствіи и теперь приносится факелъ. Есть пещера, шероховатая свойствомъ оглоданной (водами) пемзы, мѣстность, куда ни человѣкъ не заходилъ, ни звѣрь; куда, какъ только пришла, запрягаетъ въ колесницу взнузданныхъ змѣй и сухая блуждаетъ по морскимъ водамъ. Ускользнула и отъ Сиртовъ и отъ тебя Занклеева Харибдисъ и васъ, Низеевы собаки, чудовища потерпѣвшія крушеніе, Адріатику широко простирающуюся и Коринѳъ о двухъ моряхъ, такъ пришла къ твоимъ пристанямъ, Аттическая земля. Тутъ въ первый разъ сидѣла въ высшей степени печальная на холодномъ камнѣ; его и теперь потомки Кекропса именуютъ (печальнымъ) грустнымъ, подъ открытымъ небомъ провела безъ движенія много дней, перенося и свѣтъ луны и дождевую воду. Своя судьба есть каждой мѣстности; гдѣ теперь Цереринъ Елевзисъ, говорятъ, было помѣстье старика Целея. Несетъ онъ домой жёлуди, ягоды стрясенныя съ кустовъ и сухія дрова чтобы зажечь печку; маленькая дѣвочка сгоняла со скалы двухъ козочекъ и нѣжный (маленькій) сынокъ больной лежалъ въ пеленкахъ. Мать сказала дѣвушка, богиня тронута именемъ матери: что дѣлаешь никѣмъ не провожаемая въ одинакихъ (пустынныхъ) горахъ? Остановился и старичекъ, хотя тяжела ему ноша и молитъ, чтобы вошла подъ кровлю его простенькаго домика. Та (богиня) отказывается; она приняла видъ старухи, волосы сжала (сдавила) митрою. Когда тотъ настаивалъ, она ему такъ отвѣчала: иди, невредимо, ты все таки отецъ, а у меня похищена дочь, увы, насколько жребій твой лучше моего, сказала, и точно слеза — а божества слезъ не проливаютъ—упала свѣтлая капля на теплую грудь. Плачутъ (одновременно) вмѣстѣ нѣжные сердцемъ и старикъ и дѣвица; изъ нихъ старикъ проговорилъ такія слова: такъ тебѣ пусть невредима будетъ дочь, которую, какъ жалуешься, у

тебя похитили, встань и не пренебрегай кровлею маленькой хижины. Ему богиня: ну веди же, сказала, узналъ ты чѣмъ могъ меня принудить, встаетъ съ камня и слѣдуетъ за старикомъ. Ведущій разсказываетъ своей сопутницѣ — какъ боленъ у него сынъ, какъ лишился сна и постоянно бодрствуетъ отъ страданій. Та, собираясь войдти въ скромное жилище, срываетъ успокоивающій макъ съ сельской почвы, пока срываетъ, говорятъ, забывшись попробовала языкомъ и неблагоразумно положила конецъ продолжительному голоду и такъ какъ она отложила постъ въ концѣ ночи, то посвящаемые (въ ея таинства) принимаютъ пищу не прежде когда увидятъ звѣзды. Когда переступила порогъ, увидала все полнымъ плача; уже никакой надежды на спасеніе не было относительно мальчика. Привѣтствовавъ мать — а ее звали Метанирой, она удостоила поцѣловать уста мальчика своими. Блѣдность исчезла, внезапныя силы появились въ тѣлѣ; таково оживляющее дѣйствіе небесныхъ устъ. Весь домъ исполнился радости т: е: мать, отецъ и дочь; трое они составляли весь домъ. Тотчасъ же устроиваютъ пиршество (угощеніе) изъ створоженнаго жидкаго молока, изъ яблоковъ, изъ золотыхъ медовъ въ нѣжныхъ сотахъ. Воздерживается роскошная Церера, а тебѣ мальчикъ, чтобы условить сонъ даетъ выпить маку съ теплымъ молокомъ. Была середина ночи и вездѣ господствовалъ тихій сонъ; она Триптолема подняла на свое лоно и три раза погладила его рукою, сказала три стихотворенія, стихотворенія которыя нельзя повторять смертнымъ звукомъ (голосомъ); въ печкѣ въ горящую залу зарыла тѣло мальчика, чтобы огонь очистилъ земли бремя. Глупо отъ сна пробудилась нѣжная мать и внѣ себя кричитъ: что дѣлаешь и члены изъ огня извлекаетъ. Ей сказала богиня: далекая сама отъ мысли о томъ, совершила ты преступленіе; мои дары сдѣлались тщетными, вслѣдствіе опасеній матери; онъ во всякомъ случаѣ останется смертнымъ, но первый будетъ пахать и сѣять и получать отъ земли награду за ея воздѣлываніе, сказала и выходя привлекла облако, на драконовъ переходитъ и осью, носимою птицами, поднимается кверху Церера, оставила Суніонъ, открытый вѣтрамъ, и Пирей, безопасный уединеніемъ, и берегъ, который лежитъ на правую сторону. Затѣмъ входитъ въ Эгейское море и тамъ обозрѣваетъ всѣ Циклады, стремительное Іонійское море и касается Икарійскаго и

по городамъ Азіи стремится въ длинный Геллеспонтъ и высоко поднявшись, въ разныхъ направленіяхъ, странствуетъ по воздуху. То смотритъ внизъ на собирающихъ ладанъ Арабовъ, то Индовъ, съ одной стороны находится подъ нею Ливія, съ другой Мерое и сухая земля (засохшая степь, пустыня Сахары), то идетъ къ Гесперіямъ, къ Рейну, Родану и По, къ тебѣ Тибръ, будущій родитель могучей воды. Но куда увлекся? (Нѣтъ средствъ) Необъятно исчислять земли пройденныя Церерою въ странствованіи; Церера не миновала ни одного мѣста на земномъ кругу, блуждаетъ и на небѣ; къ знакамъ ближайшимъ къ холодному полюсу, защищеннымъ (невредимымъ) отъ влажнаго моря, обращается съ такою рѣчью: Парразидскія созвѣздія, вы можете знать все, такъ какъ никогда не погружаетесь вы въ воды моря, покажите мою дочь Персефону несчастной матери. Сказала, а ей Гелице отвѣчаетъ такими словами: „ночь свободна отъ преступленія; посовѣтуйся съ солнцемъ относительно похищенной дѣвицы, а оно на обширномъ пространствѣ видитъ событія дня“. Когда Церера пришла къ солнцу: „не хлопочи о пустякахъ, та, кого ты ищешь женою брата Юпитерова, владѣетъ третьимъ царствомъ“. Долго она сама съ собою высказывала жалобы и такъ стала говорить Громовержцу, а на лицѣ выражалась величайшая печаль: если ты помнишь отъ кого у меня родилась Прозерпина, то забота о ней на половину должна быть твоею; обходила я весь кругъ земной и узнала только обиду мнѣ сдѣланную, а похититель владѣетъ наградою за совершенное; но и Персефоне не заслужила мужа разбойника и не такимъ образомъ должна была я пріобрѣсть себѣ зятя. Что худшаго въ случаѣ если бы побѣдилъ Гигесъ и я была бы плѣнною, могла бы я потерпѣть какъ теперь, когда ты держишь скипетръ неба; но пусть сноситъ безнаказанно; мы вынесемъ это не отмщенныя, пусть только возвратитъ и прежде сдѣланное загладитъ послѣдующимъ. Юпитеръ ее успокоиваетъ и совершенное извиняетъ (оправдываетъ) любовью; для насъ этотъ зять — говоритъ онъ не въ стыдъ; я самъ не знатнѣе его; дворецъ мой стоитъ на небѣ, другой владѣетъ водами, а третій пустымъ хаосомъ; но если (случайно) можетъ быть твое расположеніе духа неизмѣняемо и рѣшилась ты разъ навсегда разорвать связь соединенной постели; то и это попытаемся, если только она соблюдала постъ, если же нѣтъ, то останется женою об-

ладателя подземнаго царства. Получивъ приказаніе носитель кадуцея отправляется въ Тартаръ, взявъ крылья; быстрѣе чѣмъ надѣялись, возвращается и передаетъ то, что вѣрно видѣлъ. Похищенная нарушила постъ тремя зернами, которыя Карѳагенское яблоко скрываетъ подъ тягучею корою. Неменѣе огорчилась печальная мать какъ еслибы только что похищена была у ней дочь; съ трудомъ оправилась она послѣ долгаго промежутка времени и сказала: теперь и я не могу жить на небѣ, повели чтобы и меня приняла Тенарійская долина и сдѣлала бы такъ, еслибы Юпитеръ не уговорился съ нею, чтобы та (дочь ея) шесть мѣсяцевъ проводила на небѣ. Тогда только оправилась Церера и лицомъ и раположеніемъ духа (мыслями), и надѣла на свои волосы вѣнокъ изъ колосьевъ, обильная жатва появилась на покинутыхъ поляхъ и гумно едва вмѣстило собранныя богатства. Бѣлое прилично Церерѣ, бѣлыя одежды во время Цереровыхъ праздниествъ берите; теперь не нужно употреблять темныхъ покрововъ.

Апрѣльскія Иды принадлежатъ Юпитеру, прозваніемъ побѣдителю; въ этотъ день данъ (посвященъ) ему этотъ храмъ. Въ этотъ же, если не ошибаюсь, день Свобода начала имѣть свое убѣжище. На слѣдующій день ты, мореходъ, стремись въ безопасныя пристани; вѣтеръ съ запада будетъ смѣшанъ съ градомъ. Пусть такъ было и будетъ, но и при такомъ градѣ Цезарь своимъ походомъ сокрушилъ Мутиненскія войска. Когда послѣ Идъ Венеры наступитъ третій день, первосвященники умилостивляйте *Форда* священною коровою. Форда—это корова съ бременемъ, плодоносная, такъ названная потому, что понесла плодъ; полагаютъ что и самый плодъ получилъ оттого названіе. Теперь животныя беременны; земля тяжела сѣменами теперь; жертва полная (беременная) приносится полной землѣ. Часть падаетъ въ укрѣпленіи Юпитера; Курія принимаетъ тридцать коровъ и, орошенная обильно кровью, становится мокрою. А когда изъ внутренностей служители исторгнутъ телятъ и вырѣзанное мясо положатъ на дымящіеся очаги, огнемъ сжигаетъ телятъ дѣвственница старшая возрастомъ для того, чтобы этотъ прахъ служилъ для очищенія народа въ день Палисъ. Въ царствованіе Нумы, когда произведенія не соотвѣтствовали труду, безполезными оставались желанія (обѣты) обманутаго земледѣльца; то лѣто было сухое при холодныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ, то нивы покрывались изъ лиш-

не роскошною растительностью, при избыткѣ воды; часто Церера обманывала хозяина въ первыхъ началахъ растительности и легкая (солома) овесъ стоялъ на вспаханной почвѣ; животныя прежде срока производили на свѣтъ уродливыя созданія и ягненокъ, при своемъ рожденіи, нерѣдко причинялъ смерть овцѣ. Старинный и долго ничьимъ топоромъ нетронутый, лѣсъ стоялъ покинутый священнымъ Мэналійскому богу. Въ молчаливыя ночи давалъ онъ спокойнымъ духомъ отвѣты; здѣсь царь Нума принесъ въ жертву близнятъ овецъ. Первая пала Фавну; вторая пала спокойному сну. Растилаютъ на твердой почвѣ ту и другую овчину; два раза небритая голова орошается водою источниковъ, два раза сжалъ свои виски листьями бука. Прочь любовное наслажденіе; запрещено животную пищу подавать на столы и на пальцахъ не носятъ вовсе колецъ. Покрытый грубою одеждою опускаетъ тѣло на новыя овчины, а словами своими почтилъ бога. Между тѣмъ наступаетъ ночь, которой мирное чело убрано макомъ и съ собою влечетъ черные сны. Явился Фавнъ и, грубою ногою попирая овечьи шкуры съ правой стороны постели, сказалъ такія слова: царь, тебѣ нужно умилостивить землю смертью двухъ быковъ, пусть одна умерщвленная душа дастъ священнодѣйствіямъ двѣ. Ужасомъ нарушенъ (стрясенъ) покой; Нума припоминаетъ видѣнное и самъ съ собою обдумываетъ двусмысленности и темныя (слѣпыя) предсказанія. Встрѣтила скитающагося по рощѣ въ высшей степени милая супруга и сказала: тебѣ нужна жертва беременной коровы. Приносятъ въ жертву беременную корову; болѣе счастливый годъ послѣдовалъ: земля и животныя приносятъ плоды. Нѣкогда жительница Цитеры повелѣла этому дню идти поспѣшнѣе и ускорила бѣгъ воздушныхъ (эѳирныхъ) коней, чтобы честь владычества, какъ можно скорѣе на слѣдующій же день, счастливая (удачная) война доставила Августу, тогда молодому человѣку.

Но уже четвертый Люциферъ озирается тебѣ на минувшія Иды; въ эту ночь Гіадесъ стремятся къ Доридѣ; когда третій день взойдетъ послѣ удаленія Гіадъ, циркъ будетъ имѣть коней выпущенныхъ изъ затворовъ. Теперь мнѣ нужно научить причинѣ, почему пущенныя лисицы носятъ на своихъ спинахъ привязанными зажженные факелы. Холодная Карсеолисъ, гдѣ почва неспособна производить масличныя деревья, но нивы весьма пригодны для жатвъ. Этою доро-

гою ѣхалъ я разъ въ землю Пелигновъ мнѣ родную; невелика она, но постоянно влажна постоянными водами. Стариннаго пріятеля въ хорошо знакомый домъ я вошелъ, Фебъ уже снялъ ярмо съ выслуживших свою службу коней. Онъ мнѣ разсказывалъ многое, а между прочимъ и то, чѣмъ я могъ обогатить теперешнее сочиненіе. Въ этомъ полѣ — тутъ онъ указалъ на поле — имѣла бережливая поселянка небольшое полечко съ суровымъ мужемъ. Тотъ обработывалъ свою почву, употреблялъ ли онъ плугъ, или изогнутую косу или кирку о двухъ зубцахъ, а она, то подметала свой домикъ, стоявшій на столбахъ, то давала яйца, чтобы ихъ согрѣвали крылья матери, то собираетъ зеленыя мальвы, то бѣлые грибы, или пріятнымъ огнемъ нагрѣваетъ свой очагъ и впрочемъ упражняетъ руки постоянно тканьемъ и противъ угрозъ холода готовитъ оружіе; у него былъ сынъ рѣзвый мальчикъ перваго возраста; онъ имѣлъ два года сверхъ двухъ люстровъ (десятилѣтіе). Онъ поймалъ лисицу подъ ивами на краю долины, унесла она много птицъ изъ ихъ стада; плѣнницу обернулъ соломою и сѣномъ и приложилъ огнемъ: та побѣжала изъ зажегшихъ ея рукъ; гдѣ бѣжала, сожигала поля одѣтыя жатвою; вредному огню придавало силы дуновеніе вѣтерка. Сдѣланное прошло (миновало). Памятники остаются и теперь, законъ запрещаетъ оставлять въ живыхъ Карсоланскую лисицу и чтобы эта порода животныхъ несла наказаніе, горитъ въ день праздниковъ Цереры и какимъ способомъ лисица губила жатву, сама гибнетъ.

Когда на другой день придетъ чтобы видѣть открытыя земли, свѣтлая мать Мемнона на розовыхъ коняхъ, отъ водителя покрытаго шерстью стада, предавшаго Геллу, удаляется солнце: вышедшему—готова—является большая жертва. Корова ли это или быкъ — не тотчасъ можно узнать, первая часть видна, а задняя скрыта. Впрочемъ знакъ этотъ, быкъ ли или это (женщина) самка противъ воли Юноны, имѣетъ награду (даръ) любви. Ночь ушла, поднялась Аврора; зовутъ меня Палиліи, не тщетно (напрасно) зовутъ, если благопріятна роскошная Палесъ; роскошная Палесъ, благоволи къ поющему пастушьи священнодѣйствія, если твой праздникъ преслѣдую набожнымъ усердіемъ. Вѣрно то, что я неразъ несъ полною рукою пепелъ отъ теленка, стволы растенія бобовъ, чистыя *февруа* (искупительныя приношенія). Вѣрно то, что я перескакивалъ черезъ огонь, разложенный по порядку въ

трехъ мѣстахъ, и лавровая вѣтка бросала росою воду. Богиня тронута, благоволитъ труду: выходитъ изъ верфей корабль; уже твои паруса имѣютъ свои вѣтры. Ступай, населеніе, проси куреніе отъ дѣвичьяго жертвенника; Веста дастъ; Весты даромъ будешь чистъ. Очистительнымъ куреніемъ будетъ кровь коня и пепелъ теленка, третій предметъ — очищенный стволъ жесткаго боба. Пастухъ—сытыхъ овецъ, при первомъ наступленіи вечерней зари, очищай; прежде пусть вода ороситъ, а прутъ подмететъ землю. Листьями и воткнутыми сучьями пусть украсятся овечьи сараи, и длинная гирлянда покроетъ убранныя двери. Лазоревый дымъ поднимается отъ чистой сѣры и, тронутая дымящеюся сѣрою, блеетъ овца. Жги мужскую маслину, смолянистый факелъ и Сабинскія травы, и надожженный лавръ пусть трещитъ на серединѣ жертвенниковъ; лепешка изъ проса пусть слѣдуетъ въ просяной корзинкѣ; сельская богиня радуется преимущественно этою пищею. Присоедини сюда жертвенное мясо и парное молоко; разрѣзавъ жертвенное мясо, теплымъ молокомъ умилостивляй живущую въ лѣсу Палесъ. Позаботься, говори, о скотѣ одновременно и о смотрителяхъ скота; пусть отъ моихъ стойловъ убѣжитъ всякая бѣда отраженною. Пасъ ли я на священныхъ мѣстахъ, или сидѣлъ подъ священнымъ деревомъ, и овца не зная того срывала кормъ на могилахъ, входилъ ли я въ запрещенную рощу, обращены ли въ бѣгство нимфы моими глазами и божество полу-козелъ, или мой серпъ очистилъ, густо покрытую листьями, вѣтку лѣснаго дерева для того, чтобы корзинку листьевъ принесть больной овцѣ, дай прощеніе винѣ и да не будетъ поставлено въ вину — стаду, пока пройдетъ градъ—дать пріютъ въ сельскомъ храмѣ, и пусть не будетъ во вредъ возмутить воду въ озерахъ; простите, нимфы, что движеніе копытъ сдѣлало воду мутною. Ты, богиня, за насъ умилостивляй источники и божества источниковъ, ты божества, разсѣянныя по всей рощѣ. Пусть не видимъ мы ни дріадъ, ни купанья Діаны, ни Фавна, когда середи дня тяжелою ,поступью ходитъ онъ по полямъ. Прогони далеко болѣзни, пусть будутъ здоровы и люди и стада и бодрствующія собаки, толпа предусмотрительная (зоркая), и чтобы я не меньше числомъ прогонялъ, какъ сколько ихъ утромъ было, и чтобы я не плакалъ, принося назадъ шкуру отнятую у волка. Пусть будетъ далеко несносный голодъ; пусть въ избыткѣ бу-

дутъ и листья и травы и вода, какъ для омовенія членовъ, такъ и для питья; пусть я сжимаю полные соски, пусть мои сыры доставляютъ мнѣ деньги, и рѣдко сплетенный хворостъ пусть даетъ путь жидкой сывороткѣ. Пусть будетъ похотливъ баранъ, воспринятыя сѣмена пусть выводитъ на свѣтъ его подруга, и въ моихъ стойлахъ пусть будетъ много ягнятъ; пусть ростетъ шерсть, безвредная для молодыхъ дѣвушекъ, мягкая и всего болѣе пригодная ихъ нѣжнымъ ручкамъ. О чемъ молю, пусть то осуществится, а мы сдѣлаемъ къ году большія лепешки госпожѣ (повелительницѣ) пастуховъ Палѣ. Ими должна быть умилостивляема богиня; это ты, обратясь къ востоку, произнеси три раза и въ живой росѣ омой руки; тогда ты можешь, взявъ чашку деревянную вмѣсто сосуда, пить бѣлоснѣжное молоко и красный сокъ вина и вслѣдъ затѣмъ, черезъ зажженныя кучи трескучей соломы, переправь быстрой ногой дѣятельные члены. Обычай я изложилъ, остается изложить происхожденіе обычая. Множество ихъ наводитъ сомнѣніе и задерживаетъ наше начинаніе. Все очищаетъ ѣдкій (пожирающій) огонь, очищаетъ металлы отъ чуждыхъ имъ частей, и вслѣдствіе этого онъ же очищаетъ овецъ и съ стерегущимъ. Или потому, что противуположныя сѣмена (зародыши) всѣхъ предметовъ — огонь и вода суть два божества, между собою вѣчно несогласныя (борющіяся), соединили стихіи отцы (сенаторы) и сочли удобнымъ — очищать тѣло огнемъ и пролитою водою, или потому, что въ нихъ причина жизни; ихъ утрачиваетъ изгнанникъ; ими становится молодая жена. Не считаютъ ли эти оба обстоятельства за великое? Съ трудомъ я конечно вѣрю, но есть которые убѣждены, что это напоминаетъ Фаэтонта, и чрезмѣрный разливъ водъ Девкаліона. Нѣкоторые говорятъ, что когда пастухи камнемъ били о камень, вдругъ выскочила искра; первая конечно погибла, а вторая принята на солому; это пламя подало поводъ къ Палиліямъ. Или не скорѣе ли этотъ обычай условила набожность (благочестіе) Энея; ему, побѣжденному, огонь далъ безвредный путь. Но это ближе къ истинѣ, когда построенъ Римъ, повелѣно было перенесть ларовъ подъ новый кровъ: перемѣнявшіе жилище, подложили огонь подъ сельскую кровлю и хижину, которую оставляли. Черезъ огонь привѣтствовали скотъ, привѣтствовали поселенцевъ, и это совершается и теперь еще въ день твоего рожденія, Римъ. Самое мѣ-

сто даетъ поводъ поэту, приходитъ начало города; великій Квиринъ присутствуй при разсказѣ о совершенномъ тобою. Уже п..-платился казнью братъ Нумитора, и все населеніе пастуховъ было подъ начальствомъ близнецовъ вождей. Собрать въ одно мѣсто поселянъ (сельскихъ жителей) и воздвигнуть стѣны,—положили тотъ и другой, только не рѣшено еще — которому ставить (воздвигать) стѣны. Никакой нѣтъ нужды, сказалъ Ромулъ, въ какомъ либо состязаніи. Велико довѣріе къ птицамъ: попытаемся птицъ. Одобрили предметъ; одинъ входитъ на утесъ покрытаго лѣсомъ Палатинскаго холма, другой рано утромъ всходитъ на вершину Авентина. Ремъ видитъ шесть птицъ, а этотъ (Ромулъ) видитъ по порядку два раза шесть птицъ; вѣрно соблюли договоръ и распоряженіе надъ городомъ имѣетъ Ромулъ. Выбираютъ удобный день, въ который стѣны провесть плугомъ. Подходили священные обряды Палесъ; съ этихъ поръ затѣвается дѣло. Вырываютъ ровъ до твердаго грунта; на дно его бросаютъ плоды и землю взятую съ сосѣдней почвы. Ровъ наполняется землею и надъ наполненнымъ воздвигается жертвенникъ, и новый алтарь трескается отъ зажженнаго огня. Вслѣдъ затѣмъ налегши на плугъ обозначаетъ стѣны бороздою, бѣлая корова несла ярмо вмѣстѣ съ бѣлоснѣжнымъ быкомъ. Таковы были слова царя: воздвигающему городъ, будьте присущи Юпитеръ, и родитель Марсъ, и мать Веста и всѣ боги, которыхъ призывать набожно, заверните сюда. Подъ вашимъ покровительствомъ пусть растетъ это мое твореніе. Пусть ему (городу) будетъ долгій и долгій вѣкъ, пусть достанется ему господство надо всею землею; подъ его властью пусть будетъ и восходъ и заходъ дня. Онъ такъ молился; громомъ съ лѣвой стороны далъ благопріятное предзнаменованіе Юпитеръ и отъ лѣваго полюса брошены молніи. Обрадованные гаданіемъ, бросаютъ основанія граждане и новая стѣна возникла въ короткое время. Торопитъ это дѣло Целеръ, котораго Ромулъ самъ призвалъ и сказалъ: „пусть будетъ это, твоя, Целеръ, забота и пусть никто не переходитъ стѣнъ и плугомъ сдѣланнаго рва; кто на это дерзнетъ, того предавай смерти. Ремъ, не зная этого, началъ презирать низкія стѣны и говорить: такъ ими-то твой народъ будетъ безопасенъ? И не медля перескочилъ; Целеръ хватилъ дерзкаго лопаткою и тотъ, облитый кровью, упалъ на твердую землю. Когда царь объ этомъ

узналъ слезы, внутри произшедшія, проглотилъ и въ груди заключилъ полученную имъ рану. Оплакивать явно не хочетъ, а подаетъ примѣръ твердости; онъ сказалъ: пусть такъ же врагъ перейдетъ мои стѣны. Впрочемъ совершаетъ похороны; уже не можетъ удержаться отъ слезъ и обнаружилось тутъ скрытое нѣжное чувство. Даетъ онъ послѣдній поцѣлуй положенному на погребальныя носилки и говоритъ: „братъ отнятый противъ воли, прости.“ Онъ помазалъ члены назначенные горѣть; сдѣлали тоже что онъ Фавстулъ и Акка, распустившая въ печали волосы. Тогда оплакивали юношу тѣ, которые еще не были Квиритами; послѣднее пламя подложено облитому слезами костру. Начинается городъ — кто бы могъ тогда въ этомъ кому либо повѣрить? городъ, которому суждено было побѣдоносною пятою наступить на всѣ земли. Правь же ты все и будь всегда подъ властью великаго Цезаря; часто даже имѣй многихъ этого названія и каждый разъ какъ будешь стоять высоко надъ усмиреннымъ (покорнымъ) земнымъ кругомъ, то все пусть будетъ ниже твоихъ плечъ.

Палесъ я описалъ, теперь опишу Виналія; впрочемъ между тѣми и другими въ серединѣ есть еще одинъ день. Общедоступныя дѣвушки прославляйте божества Венеры; частое любовное наслажденіе пригодно извлекающимъ изъ него выгоду. Принося ѳиміамъ, просите красоты, благосклонности народа, просите ласкъ (обольщеній), выраженій приличныхъ игрѣ. Повелительницѣ приносите вмѣстѣ съ ея миртомъ пріятный ей крессъ и гирлянды, гдѣ тростникъ переплетенъ съ розами. Теперь слѣдуетъ посѣщать храмы, ближайшіе къ Коллинскимъ воротамъ: храмы эти получаютъ наименованіе отъ Сицилійскаго холма и когда Сиракузы Аретузовы Клавдій взялъ оружіемъ и тебя, Эриксъ, захватилъ войною, Венера перенесена по стихотворному изреченію живучей Сивиллы, и предпочла быть чтимою въ городѣ своего рода (колѣна, семейства). Спросите вы почему праздникъ Венеры называется Виналія и почему этомъ день Юпитера? Война возникла о томъ. Турнъ или Эней будутъ зятемъ Аматы Лаціума; Турнъ приглашаетъ себѣ на помощь силы Тосканы. Знаменитъ былъ Мезенцій и наводилъ страхъ, когда брался за оружіе; сильный конницею, пѣхотою былъ еще больше силенъ. Рутулы и Турнъ пытаются присоединить его къ своей стиронѣ; противъ этого такъ говоритъ Тусксій вождь: доблесть моя стоитъ

мнѣ не дешево, свидѣтельствуютъ то раны и оружіе, которое часто орошалъ моею кровью. Ты, который просишь помощи, раздѣли со мною невеликія награды, но изъ твоихъ кадокъ первое какое только поспѣетъ вино. Нѣтъ никакой задержки дѣлу; ваше дѣло дать, наше побѣдить. Какъ бы желалъ Эней, чтобы въ этомъ мнѣ было отказано. Рутулы согласились, Мезентій облекается въ оружіе, Эней также и съ такими словами обращается къ Юпитеру: „Тирренскому царю обѣщанъ сборъ винограда у непріятеля, а тебѣ, Юпитеръ, будутъ принесены первые плоды отъ виноградниковъ Лаціума“. Лучшій обѣтъ имѣетъ силу; падаетъ громадный Мезентій и негодующею грудью поражаетъ землю. Наступила осень, запачканная раздавленнымъ виноградомъ; прозванъ день этотъ — Виналія; Юпитеръ его присвоиваетъ и радуется, что онъ находится въ числѣ его праздниковъ.

Когда Апрѣль будетъ имѣть остальныхъ шесть дней, въ самой серединѣ своего теченія будетъ время весны; тщетно сталъ бы ты искать животнаго Геллы, дочери Атамаса; знаки (созвѣздія) даютъ дожди и восходитъ собака. Когда въ этотъ день возвращался я изъ Номента въ Римъ, встрѣтилась мнѣ на серединѣ дороги блестящая процессія. Фламинъ шелъ въ рощу древней Робигины для того, чтобы принесть въ жертву на огнѣ мясо собаки и мясо овцы. Тотчасъ же я подошелъ, чтобы не быть незнакомымъ съ священнымъ обрядомъ. Твой, Квиринъ, Фламинъ произнесъ такія слова: суровая Робиго, пощади Цереровы травы; и пусть легкая вершина колеблется надъ вершиною земли. Ты позволь рости посѣвамъ, воспитаннымъ (вскормленнымъ) созвѣздіями благопріятнаго неба, пока они будутъ годны для серповъ Сила твоя нелегка: какой ты (ржавчина) намѣтила хлѣбъ, тотъ печальный поселянинъ считаетъ потеряннымъ. И хлѣбу не на столько вредятъ вѣтры и дожди, и не такъ онъ блѣднѣетъ тронутый мраморнымъ морозомъ, на сколько если Титанъ нагрѣетъ влажныя вершины; тогда есть мѣсто, грозная богиня, твоему гнѣву. Пощади, умоляю, и твои грубыя руки удержи отъ жатвъ, не вреди воздѣланнымъ полямъ: достаточно имѣть возможность вредить; не нѣжныя жатвы, но твердое стирай желѣзо и прежде губи то что, можетъ губить другихъ. Полезнѣе порть мечи и наносящее вредъ оружіе; нѣтъ никакой въ немъ нужды; міръ теперь остается въ бездѣйствіи. А пусть сельскія орудія: соха,

твердый двузубецъ и согнутой плугъ блестятъ: пусть ржавчина оскверняетъ оружіе и пусть кто нибудь, пытаясь вытащить мечъ изъ ноженъ, почувствуетъ, что онъ тамъ задержанъ вслѣдствіе долговременной остановки. А ты не трогай даровъ Цереры и пусть постоянно поселянинъ будетъ въ состояніи исполнить свои обѣты о томъ, чтобы тебя не было. Произнесъ, съ правой стороны были: полотенце изъ грубой шерсти съ чашею вина, и курильница ладону. На алтарь положилъ онъ вино и ладанъ, внутренности овцы и позорные члены — самъ видѣлъ—безстыдной собаки. Тутъ мнѣ сказалъ: спросишь — почему святынѣ дается новая жертва? Когда я спросилъ, Фламинъ отвѣчалъ: узнай же причину. Есть собака, Икарійскою называютъ, когда двигается это созвѣздіе, земля горитъ отъ жару и жатва ускоряется. Вмѣсто небесной собаки эта собака возлагается на жертвенникъ и за что погибаетъ, ничего не имѣетъ кромѣ имени.

Когда Титанія, покинувъ брата Фригійца Ассарака, три раза подняла въ верхъ свое свѣтило громаднаго круга, пришла богиня украшенная тысячею вѣнковъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ; на сценѣ имѣютъ мѣсто болѣе вольныя шутки. Священный праздникъ Флоры переходитъ и на майскія календы; тогда я снова его коснусь, а теперь торопитъ меня болѣе важное дѣло. Веста уноситъ день; Веста принята на родственномъ порогѣ; такъ постановили сенаторы вслѣдствіе полученнаго приказанія. Фебъ имѣетъ часть, Вестѣ уступилъ другую; что остается отъ нихъ, третій самъ (Цезарь) занимаетъ. Стойте лавры Палатина и убранный дубомъ пусть стоитъ домъ: онъ одинъ содержитъ трехъ вѣчныхъ боговъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Спросите вы меня — откуда по моему мнѣнію дано наименованіе мѣсяцу Маю? Причина этого не достаточно уяснена мнѣ самому. Подобно тому какъ стоитъ путникъ, не зная куда ему идти, видя со всѣхъ сторонъ дороги, такъ мнѣ въ виду возможности представить нѣсколько причинъ, куда стремиться не знаю; самый избытокъ вредитъ. Говорите же вы, которые владѣете источниками Аганиппидской Гиппокрены, пріятными знаками Медузова коня. Разошлись во мнѣніяхъ богини, изъ нихъ Полигимнія начала первая — другія молчатъ и въ умѣ запоминаютъ сказанное: послѣ хаоса, какъ только въ первый разъ даны три тѣла міру и на новые виды раздѣлилось все сотворенное, земля опустилась внизъ своею тяжестью и увлекла море, а небо легкость подняла на самый верхъ. Да и солнце съ звѣздами, неудержанное никакою тяжестью и вы, кони Луны, выскочили вверхъ, но ни земля долго небу, ни прочія созвѣздія не уступали Фебу; всякая почесть была равна. Часто на престолѣ тобою, Сатурнъ, занятомъ, дерзалъ садиться какой-нибудь богъ изъ самихъ простыхъ и рядомъ съ океаномъ занималъ мѣсто какой-нибудь богъ пришлецъ, а Ѳетидѣ часто оставалось самое послѣднее мѣсто, пока честь и приличное уваженіе съ ласковымъ лицомъ положили тѣла на законныя постели. Онъ нихъ родилось величіе которое всѣмъ управляетъ міромъ, и въ какой день рождена на свѣтъ была уже велика. И не медля усѣлась высоко на серединѣ Олимпа золотая, блистательная багровою (пурпурною) одеждою. Сѣли съ нею вмѣстѣ стыдъ и опасеніе: ты бы увидалъ что всякое божество устроило поклоненіе себѣ соотвѣтственно ему (величію). Тотчасъ проникло въ умы почтеніе къ почестямъ; достойнымъ

оказывается достойное и не себѣ каждый нравится. Это положеніе дѣлъ оставалось на небѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ пока, по волѣ судебъ, свалился сверху старѣйшій богъ. Земля произвела дикихъ сыновъ, громадныхъ чудовищъ, гигантовъ, которые дерзнули идти на жилище Юпитера. Тысячи рукъ она (земля) имъ дала и вмѣсто ногъ змѣй, и сказала: беритесь за оружіе противъ великихъ боговъ. Тѣ пытались взваливать горы до вершины созвѣздій и войною тревожили великаго Юпитера. Тотъ, бросивъ молніи съ вершины неба, воздвигнутыя громады обрушилъ на ихъ виновниковъ. Величіе хорошо защищенное этимъ оружіемъ боговъ остается, и съ того времени пребываетъ твердымъ. Сидитъ оно подлѣ Юпитера; оно вѣрнѣйшій стражъ Юпитера и даетъ, безъ насилія Юпитера, скипетръ, наводящій ужасъ. Пришло и на землю; чтили его Ромулъ и Нума, потомъ другіе, каждый въ свое время. Оно заставляетъ чтить набожнымъ уваженіемъ отцовъ и матерей; оно слѣдуетъ сопутникомъ мальчикамъ и дѣвицамъ; оно придаетъ значеніе даннымъ пукамъ и курульному, изъ слоновой кости, креслу; оно высокое (гордое) торжествуетъ на увѣнчанныхъ коняхъ. Окончила говорить Полигимнія; сказанное одобрили Кліо и Талія, хорошо знающая играть на изогнутой лирѣ. Вслѣдъ затѣмъ продолжала Уранія, а всѣ хранили молчаніе и не было возможности слышать никакого звука голоса кромѣ ея: когда-то было великое уваженіе къ сѣдой головѣ и свою цѣну имѣла морщина старца. Воины полныя отваги и Марсово дѣло совершали молодые люди и стояли на караулѣ за своихъ боговъ; а та (старость), меньшая силами и безполезная къ ношенію оружія, часто оказывала помощь отечеству обдуманностью (совѣтомъ) и сенатъ былъ доступенъ, открытъ, только послѣ долгихъ лѣтъ жизни; даже мирное наименованіе сената было заимствовано отъ лѣтъ. Судъ и расправу народу оказывалъ старѣйшій и опредѣленными законами означенъ возрастъ, съ котораго искать почести. Въ серединѣ молодыхъ людей, не вызывая ихъ негодованія, шелъ онъ и съ правой стороны, если одинъ былъ сопутникъ. Кто бы дерзнулъ говорить передъ старикомъ слова, достойныя краски стыда? Продолжительная старость давала право строгаго приговора. Ромулъ это видѣлъ и отборныхъ людей по уму назвалъ сенаторами; имъ поручено главное управленіе новаго города. Вслѣдствіе этого, мнѣ кажется, что

предки свое (maiores) наименованіе дали Маю, и въ этомъ случаѣ имѣли въ виду свой возрастъ. И Нумиторъ могъ сказать: дай, Ромулъ, этотъ мѣсяцъ старикамъ и внукъ уважилъ дѣда, и не безосновательнымъ ручательствомъ предположенія служитъ то, что преемникомъ почести этого мѣста служитъ Іюнь, названный отъ имени молодыхъ людей. Тогда такъ, убравъ плющомъ небрежно распущенные волосы, первая этого хора (музъ) начала Калліопея: нѣкогда Океанъ взялъ замужъ Титанку Ѳетиду, Океанъ, который обходитъ все пространство земель влажными водами. Затѣмъ рожденная отъ Плеіона соединяется съ несущимъ на себѣ небо Атласомъ, какъ есть молва, и родитъ Плеіадъ. Изъ нихъ Маіа, какъ говорятъ, красотою превосходила сестеръ и лежала вмѣстѣ съ верховнымъ Юпитеромъ. Она, рожденная на вершинѣ, покрытой кипарисами Цилленесъ того, кто легко окриленною ногою несется по воздушному пространству. Его чтутъ Аркадцы, стремительный Ладонъ и громадный Мэналосъ, чтутъ обрядами; земля, которую считаютъ старѣе Луны. Изгнанникъ Евандръ пришелъ изъ Аркадскихъ полей въ поля Лаціума и принесъ взятыхъ съ собою боговъ. Здѣсь, гдѣ теперь находится Римъ, глава земнаго круга, были деревья, травы, немногія животныя и изрѣдка хижины. По прибытіи туда его мать, предузнавшая будущее, сказала: остановитесь здѣсь, это поле будетъ мѣсто владычества. И матери и прорицательницѣ повинуется Нонакрійскій герой и гостемъ остановился на чуждой землѣ. Многимъ священнымъ обрядамъ, но первымъ двурогаго Фавна и бога съ крыльями у ногъ обучилъ эти народы. Полукозелъ ты, Фавнъ, чтимъ подпоясанными Луперками, когда очищаютъ наполненныя народомъ улицы рѣзанными кожами (ремнями); а ты материнскимъ именемъ одарилъ мѣсяцъ, ты, пригодный для воровъ, изобрѣтатель изогнутой лиры. И это не первое выраженіе нѣжности твоихъ родственныхъ чувствъ: полагаютъ, что ты далъ семь струнъ лирѣ — числа Плеіадъ. И она перестала; она похвалена голосомъ сестеръ. Что я стану дѣлать? И та и другая сторона имѣетъ много послѣдователей. Пусть милость Піеридъ намъ всѣмъ одинакова будетъ. Благосклонность Піеридъ пусть намъ равномѣрно будетъ присуща, и ни одна мною пусть не будетъ ни больше, ни меньше хвалима.

Отъ Юпитера пусть начнется дѣло: въ первую же ночь прійдется мнѣ видѣть звѣзду, которая служила Юпитеру въ

колыбели. Родится дождливый знакъ Оленійской козы; она наградою за данное молоко имѣетъ небо. Наяда Амалтея, знаменитая Критскою Идою, говорятъ, скрыла въ лѣсахъ Юпитера; у ней была красивая мать двухъ козловъ, видная среди Диктейскихъ стадъ воздушными и назадъ загнутыми рогами и сосцами, какіе могла имѣть кормилица Юпитера. Она давала молоко Юпитеру, но изломила о дерево рогъ и обезображена была половинною частью своего украшенія. Его подняла нимфа и обвязавъ свѣжими травами, наполнивъ яблоками, понесла къ устамъ Юпитера. Тотъ, когда получилъ владычество надъ небомъ и сѣлъ на отеческій престолъ, и ничего не стало больше непобѣдимаго Юпитера, кормилицу и плодоносный ея рогъ сдѣлалъ созвѣздіемъ, оно и понынѣ имѣетъ наименованіе госпожи (повелительницы). Майскія Календы видѣли воздвигнутымъ жертвенникъ хранителямъ ларамъ и маленькія изображенія (статуи) божковъ. Относительно ихъ обѣтъ далъ Курій, но многое разрушила древность и длинная старость вредитъ камню; но причина прозванія и даннаго имъ та, что глазами своими они охраняютъ все безопаснымъ. Стоятъ они также за насъ и предсѣдаютъ стѣнамъ города, они на лицо и оказываютъ помощь. А передъ ногами стояла собака, сдѣланная изъ того же камня: какая причина того, что она стояла вмѣстѣ съ ларомъ? И тотъ и другая охраняютъ домъ, и тотъ и другая вѣрны хозяину; перекрестки нравятся божку, перекрестки нравятся собакѣ. Прогоняютъ воровъ и ларъ Діанова стая; бодрствуютъ лары, бордствуютъ и собаки. Искалъ я двойные знаки божковъ близнецовъ, поврежденные продолжительностью теченія лѣтъ. Городъ имѣетъ тысячу ларовъ и генія вождя, который передавалъ ихъ и улицы чтятъ три божества. Куда я заношусь? Мнѣ мѣсяцъ Августъ даетъ право излагать это въ стихахъ; между тѣмъ нужно пѣть богиню добрую (Ѣona). Есть природная скала; мѣсту сущность дѣла дала наименованіе: называютъ камнемъ, но это — порядочная часть горы. На ней-то Ремъ стоялъ понапрасну въ то время, когда брату подали первый знакъ вы, Палатинскія птицы. Отцы (сенаторы) поставили тамъ храмъ, враждебный глазамъ мужчинъ, на слегка покатомъ склонѣ холма. Освятила его наслѣдница стараго имени Клавзовъ, дѣвичьимъ тѣломъ не испытавшая (вынесшая) ни одного мужчины. Ливія возобновила, чтобы не отстать отъ подражанія мужу

и во всѣхъ отношеніяхъ слѣдовать его примѣру.

На другой день, когда дочь Гиперіона розовый свѣтильникъ подниметъ на утреннихъ коняхъ, холодный Аргестесъ наклонитъ верхи колосьевъ и бѣлые паруса будутъ распущены на Калабрскихъ водахъ; но какъ только темный сумракъ наведетъ ночь, никакая часть Гіадовъ изо всего ихъ стада не скрывается. Блистаетъ чело быка, свѣтящееся семью огнями; ихъ морякъ Грекъ называетъ Гіадами отъ дождя. По мнѣнію однихъ они вскормили Бахуса, а другіе ихъ считаютъ внучками Ѳетиды и старика Океана. Атласъ еще не стоялъ, обремененный на плечахъ Олимпомъ, когда родился, красотою привлекъ общее вниманіе, Гіасъ. Его родила Этра, дочь Океана зрѣлыми (своевременными) потугами и нимфъ, но Гіасъ родился первымъ. Пока только что пробился пушокъ, наводитъ ужасъ на робкихъ оленей и ему желанная (пріятная) добыча заяцъ; а послѣ того, какъ доблесть возрасла съ годами, осмѣлился идти на кабановъ и искать лицомъ къ лицу встрѣчи съ косматыми гривою львицами и между тѣмъ, какъ отыскиваетъ берлоги родившей львицы и ея дѣтенышей, самъ сдѣлался облитою кровью добычею Ливійской львицы. Мать оплакивала Гіаса и печальныя сестры, а также и Атласъ, которому приходилось подставить голову подъ полюсъ; но нѣжное чувство сестеръ превзошло чувство родителей; оно дало имъ небо; имена доставилъ Гіасъ. Мать цвѣтовъ явись съ тѣмъ, чтобы прославлять тебя шуточными (веселыми) играми. Въ предшествующемъ мѣсяцѣ отложилъ я твою долю. Начинаешься Апрѣлемъ, а переходишь на время Мая: одинъ отъ тебя бѣжитъ, а когда прійдетъ, другой имѣетъ. Такъ какъ предѣлы мѣсяцевъ твои и тебѣ уступаютъ, сходятся и тотъ и другой на похвалы тебѣ. Циркъ открывается въ Маѣ, и тутъ-то на театрахъ состязаются о пальмовой вѣткѣ, и пусть это стихотвореніе идетъ наравнѣ съ играми цирка. Сама научи, кто ты такая, а людей мнѣнія ошибочны, всего лучше ты сама объяснишь причину твоего наименованія. Такъ сказалъ я, и богиня такъ отвѣчала на мою просьбу: пока говоритъ, падаютъ изъ устъ вешнія розы. Была Хлорисъ, теперь меня зовутъ Флорою: греческое слово испорчено латинскимъ звукомъ имени. Я была Хлорисъ, нимфа счастливаго поля, гдѣ, какъ слышишь, прежде жили счастливо люди. Какова была моя красота, тяжело разсказывать скромной, но она,

эта красота, доставила матери зятя бога. Была весна; я блуждала. Увидалъ Зефиръ; я уходила; онъ преслѣдуетъ, бѣгу; но онъ былъ крѣпче и Борей далъ брату все право похищенія, Борей, дерзнувшій принесть домой награду Ерехтееву (дочь Ерехтея); впрочемъ, онъ старается загладить насиліе, давъ мнѣ имя жены, и по поводу моей брачной постели мнѣ жаловаться нечего. Весною всегда наслаждаюсь, постоянно годъ самый благополучный; дерево имѣетъ листья, а земля постоянно обильна травою. У меня есть плодовитый садъ на поляхъ, полученныхъ въ приданое, ласково дыханіе вѣтра; прозрачная вода ключемъ бѣжитъ; его (садъ) мой мужъ наполнилъ благороднымъ цвѣткомъ и сказалъ: ты богиня, имѣешь власть надъ цвѣтами. Не разъ хотѣла я исчислить, раздѣливъ ихъ цвѣта, и не могла; ихъ изобиліе выше исчисленія. Какъ только въ первый разъ стрясутъ листья капли росы, и разнообразные стволы нагрѣлись лучами, сходятся горы, одѣтыя въ росписанныя платья, и наши дары собираютъ въ легкія корзинки; тотчасъ же вслѣдъ за ними хватаютъ ихъ Хариты, плетутъ вѣнки и гирлянды долженствующія украшать небесные волосы; я первая разсѣяла новыя (небывалыя) сѣмена между необъятными народами, а прежде земля была одного цвѣта. Я первая сдѣлала цвѣтокъ изъ Терапнейской крови и жалоба остается написанною на его листѣ. И ты, Нарциссъ, имѣешь извѣстность въ хорошо воздѣланныхъ садахъ несчастный тѣмъ, что не могъ быть собою и другимъ вмѣстѣ. Зачѣмъ я буду говорить о Крокосѣ или Аттисѣ и о рожденномъ Цинирою; изъ раны ихъ черезъ меня возникаетъ почесть? Да и Марсъ, если не знаешь, нашимъ же рожденъ искусствомъ, молю только, какъ можно, чтобы Юпитеръ этого еще не зналъ. Святая Юнона, когда Минерва родилась безъ матери, огорчилась тѣмъ, что Юпитеръ не нуждался въ ея пособіи; шла, чтобы пожаловаться Океану на поступки мужа; утомленная труднымъ путемъ, остановилась у нашихъ дверей. Какъ только я увидала, сказала: что тебя, Сатурнова дочь, принесло? Та объясняетъ, въ какое стремится (отправляется) мѣсто, присоединила и поводъ. Утѣшала я ее дружественными словами, а та отвѣчала: мою заботу нельзя облегчить словами. Если Юпитеръ пренебрегъ употребить въ дѣло свою жену и одинъ присвоилъ себѣ то и другое (отца и матери) наименованіе. Зачѣмъ же я буду отчаяваться сдѣлаться матерью безъ мужа и родить,

лишь бы чистою (безъ прикосновенія другаго мужчины?) Всѣ врачебныя средства, какія только есть на широкомъ пространствѣ земель и морей, и всѣ закоулки Тартара изслѣдую. Еще раздавался звукъ словъ; лицо мое выражало сомнѣніе. Нимфа, сказала она — мнѣ кажется, что ты не знаю что-то, а можешь для меня сдѣлать. Три раза хотѣла обѣщать помощь, три раза удержанъ языкъ, гнѣвъ Юпитера былъ поводомъ великаго опасенія. Она сказала: умоляю, окажи помощь, виновникъ останется неизвѣстнымъ, и призываетъ въ свидѣтели божество Стигійской воды. То, что ты просишь, сказала я, дастъ мнѣ цвѣтокъ, присланный мнѣ съ Оленійскихъ полей: онъ всего одинъ въ моихъ садахъ. Тотъ, кто давалъ, сказалъ мнѣ: прикоснись имъ до безплодной телицы, будетъ матерью; прикоснулась я и не медля сдѣлалась матерью. Тотчасъ сорвала я рукою, остававшійся (на стеблѣ) цвѣтокъ, и она зачала брюхомъ, какъ только онъ до него коснулся. Уже беременная входитъ она во Ѳракію и на лѣвый берегъ Пропонтиды, задушевное ея желаніе исполнилось и родился Марсъ. Онъ, помня, что черезъ меня родился, сказалъ: и ты будешь имѣть мѣсто въ Ромуловомъ городѣ. Можетъ быть сочтешь ты, что моя власть простирается только на нѣжные вѣнки; моя божественная сила простирается и на поля: если хорошо зацвѣтутъ виноградныя лозы, то будетъ Вакхъ (вино), если хорошо зацвѣтутъ масличныя деревья, то годъ будетъ самый благополучный и плоды имѣютъ урожай отъ теперешняго времени. Если попорченъ цвѣтъ, гибнутъ полевой горошекъ и бобы и гибнетъ твоя, пришлецъ Нилъ, чечевица. Да и вина, съ трудомъ собранныя въ огромные погреба цвѣтутъ, и паръ покрываетъ верха кадушекъ. Медъ—это мой даръ; легкокрылыхъ (пчелъ), которыя дадутъ медъ, зову я къ ѳіалкѣ, цитизу и бѣловатому тиму, и мы тоже дѣлаемъ тогда, когда въ кипящихъ силами молодости годахъ предается духъ излишествамъ и самое тѣло зеленѣетъ и цвѣтетъ. На такія слова я удивлялся молча, а она сказала: за тобою еще право разузнать, если желаешь о чемъ-нибудь спросить. Скажите же, богиня, спросилъ я, какое начало игръ?—Едва я успѣлъ хорошенько кончить, она мнѣ отвѣчала: еще другія орудія (средства) роскоши не были въ силѣ; богатъ былъ тотъ, кто имѣлъ или много скота, или много земли. Оттого то самое выраженіе locuples (богатый мѣстомъ), оттого и

то pecuпіа (деньги), но уже каждый готовилъ себѣ богатства отъ запрещеннаго. Въ обычай вошло народа пасти по лѣсамъ скотину, и это долго дозволено было и никакого за это не было наказанія. Народъ ни въ комъ не нуждался для охраны своего общественнаго достоянія, и пасти на своемъ участкѣ считалось за недѣятельнаго (лѣнтяя). О такомъ своеволіи донесено эдилямъ народнымъ Публиціямъ, а прежде у людей не доставало духу сдѣлать это. Народъ взялся за дѣло; виновные понесли штрафъ; взыскателямъ поставили въ похвалу заботу ихъ объ общественномъ добрѣ. Штрафъ отчасти данъ мнѣ и въ знакъ великаго расположенія побѣдители установили новыя игры, частью штрафа разровняли склонъ, который былъ тогда крутою скалою, а теперь полезный путь, и называютъ Публиціевымъ. Я полагалъ, что эти зрѣлища установлены ежегодные. Она отвѣтила отрицательно и къ сказанному прибавила другія слова: и насъ трогаетъ почетъ; пріятны намъ праздники и жертвенники и мы, небожители, всѣ не чужды честолюбія. Нерѣдко кто-нибудь согрѣшивъ прогнѣвлялъ боговъ, но жертва, принесенная за проступокъ, ихъ умилостивляла. Не разъ видѣла я Юпитера, когда уже онъ хотѣлъ бросить свои молніи, что онъ вслѣдствіе принесеннаго ѳиміама удерживалъ руку. Но если нами пренебрегаютъ, то за оскорбленіемъ слѣдуетъ великое наказаніе и раздраженіе превышаетъ настоящую мѣру. Посмотри на Ѳестіада (Мелеагра, внука Ѳестія), заочно сгорѣлъ онъ огнемъ, а причина была та ,что Фебеи жертвенникъ оставался безъ огня. Посмотри на потомка (внука) Тантала; таже богиня держала паруса; она дѣвица, но два раза отмстила за пренебреженные алтари. Несчастный Гипполитъ, хотѣлъ бы ты тогда чтить Діону, когда терзали (разрывали) испуганные кони; но много времени потребовало бы исчислять случаи, гдѣ послѣдствіемъ забывчивости былъ вредъ и меня пропустили (обошли) римскіе сенаторы. Что же было мнѣ дѣлать? Чѣмъ явно высказать мою скорбь? Какого требовать наказанія за пятно, мнѣ нанесенное? Я печальная забыла о моихъ обязанностяхъ; не заботилась я о поляхъ и обильный плодовитый садъ потерялъ всякую цѣну въ моихъ глазахъ. Лиліи опали; увидалъ бы ты засыхавшими фіалки и завяли стволы багроваго шафрана. Часто мнѣ говорилъ Зеѳиръ: сама не порть твоихъ даровъ (твоего приданаго), но оно мнѣ сдѣлалось постылымъ.

Цвѣли масличныя деревья, неумѣренные вѣтры ихъ попортили; цвѣли жатвы, плоды Цереры повреждены градомъ. Оставалась надежда на виноградную лозу; небо потемнѣло отъ австровъ т. е. облаковъ, нагнанныхъ Австромъ (южнымъ вѣтромъ) и листья оббиты вдругъ хлынувшимъ ливнемъ: не хотѣла я быть, да и никогда не была жестока въ раздраженіи, но я только не заботилась отразить эти невзгоды. Собрались сенаторы и если хорошъ въ этомъ году будетъ цвѣтъ, то они даютъ въ обѣтъ нашимъ божествамъ ежегодный праздникъ. Благосклонно приняла я обѣтъ; консулъ Ленасъ съ консуломъ Постуміемъ совершилъ для меня игры. Пытался было спросить — почему въ этихъ играхъ бываетъ больше рѣзвости (разгула) и шутки повольнѣе, но мнѣ пришло въ голову, что это божество не строгое и что богиня приноситъ дары, свойственные наслажденію; вся голову убираютъ сплетенными вѣнками и столъ покрытъ набросанными роскошными розами. Пьяный гость прыгаетъ съ волосами, убранными липою, и безо всякой осторожности вертится подъ вліяніемъ вина. Пьяный пьетъ у суроваго порога красивой подруги; напомаженные волосы убраны нѣжными вѣнками. Ничего серьезнаго не совершается съ украшеннымъ вѣнками лбомъ и убранные цвѣтами не пьютъ чистой воды. Пока ты, Ахелой, не былъ смѣшанъ съ виноградным сокомъ, то не было вовсе охоты брать розы. Вакхъ любилъ цвѣты; что вѣнокъ нравился Вакху, то можно видѣть изъ Аріаднинаго созвѣздія. Флорѣ прилична веселая сцена: повѣрьте мнѣ, не принадлежитъ она къ числу богинь, носящихъ котурнъ. Зачѣмъ толпа продажныхъ женщинъ празднуетъ торжественно эти игры, то не трудно добраться до причины. Флора не изъ строгихъ, не изъ тѣхъ, которые берутъ на себя многое, желаетъ, чтобы ея священнодѣйствія были доступны и толпѣ простаго народа; Флора внушаетъ пользоваться возрастомъ, пока онъ цвѣтущій, и презирать иглы, когда осыпались розы. Но почему когда во время Цереалій даются бѣлыя одежды Флорѣ, прилично чтить ее въ разноцвѣтныхъ одеждахъ? Не потому ли, что жатва бѣлѣетъ поспѣвшими колосьями, а разнообразные оттѣнки находятся во всѣхъ цвѣтахъ? Кивнула въ знакъ согласія головою и изъ зашевелившихся волосъ выпали цвѣты, такъ какъ обыкновенно падаетъ роза, бросаемая на столы. Оставались свѣтильники: причина ихъ была мнѣ неизвѣстна, но мои заблужде-

нія уничтожила она такъ: или потому, что поля горятъ багровыми красками цвѣтовъ — сообразили, что моему дню приличны свѣтильники или потому, что и цвѣтъ и пламя ярко блистаютъ, блескъ того и другого равно привлекаютъ къ себѣ глаза, или потому, что ночная вольность прилична нашимъ наслажденіямъ, и третья причина приходитъ отъ дѣйствительности. Есть, кромѣ того, коротенькое — о чемъ мнѣ остается спросить — если возможно, сказалъ я. Отвѣтила она: возможно; зачѣмъ для тебя обходятъ сѣтью вмѣсто Ливійскихъ львицъ, мирныхъ козъ и робкихъ зайцевъ? На это она отвѣтила, что ей достались не лѣса, а сады и поля, недоступныя воинственнымъ звѣрямъ. Покончила все и удалилась въ тонкій воздухъ; осталось благовоніе; могъ бы ты узнать, что тутъ находилась богиня. Чтобы поэтическое произведеніе Назона процвѣтало во всякомъ вѣкѣ, молю, осыпь твоими дарами мою грудь.

Въ послѣднюю передъ четвертою ночь полумужчина Хиронъ, тѣломъ соединенный съ свѣтлошерстнымъ конемъ, выводитъ свое созвѣздіе. Пеліонъ, гора Гемоніи, обращенъ къ Австрамъ (на Югъ), верхъ ея зеленѣетъ сосною; остальное занято дубами. Филлиридесъ (сынъ Филлиры) ее эту гору занималъ; стоятъ пещеры изъ стариннаго (древняго (камня) и они приводятъ на память, что жилъ праведный старикъ. О немъ вѣрятъ, что онъ когда-то руки, собиравшіяся предать Гектора смерти, задержалъ звуками лиры; пришелъ Альцидъ, совершивъ часть своихъ трудовъ, и почти послѣднее приказаніе исполнить оставалось этому человѣку. Могъ бы ты видѣть вмѣстѣ сошедшимися случайно двухъ, опредѣленныхъ судьбою для гибели Трои: тутъ былъ еще мальчикомъ сынъ Эаковъ и тутъ же сынъ Юпитера. Филиреевъ герой принимаетъ гостепріимно молодаго человѣка, и спрашиваетъ его о причинѣ прихода и тотъ ее объясняетъ. Между тѣмъ видитъ онъ палицу и кожу льва и говоритъ: и человѣкъ ты достойный такого вооруженія и вооруженіе достойно такого человѣка, и Ахилловы не удержались руки, чтобы не прикоснуться къ грозно-косматой шкурѣ. Между тѣмъ, какъ старикъ перебираетъ стрѣлы, напитанныя ядомъ, одна упала и вонзилась въ лѣвую ногу. Застоналъ Хиронъ и вынулъ желѣзо изъ тѣла; завопили Альцидесъ и Гемонійскій мальчикъ; а самъ между тѣмъ собираетъ травы, приготовленныя на Пагазейскихъ холмахъ, и разными средствами старается залѣчить рану; но ѣд-

кій ядъ пересиливалъ лѣченіе, проникъ онъ въ глубь костей и все тѣло стало имъ заражено. Кровь Центавра, смѣшанная съ кровью Лернейской Ехидны, не давала нисколько времени для помощи. Стоялъ, какъ бы передъ отцомъ, обливаясь слезами Ахиллесъ; такъ слѣдовало ему оплакивать только Пелея, если бы тотъ умиралъ. Часто руки больнаго сжималъ въ дружественныхъ рукахъ; учитель получаетъ награды за внушенныя имъ правила нравственности. Часто давалъ ему поцѣлуи и часто говорилъ лежавшему: живи, молю и не покидай меня, милый отецъ. Девятый день наступилъ когда тѣло твое, праведнѣйшій Хиронъ, окружено два раза семью звѣздами. За нимъ пожелала бы слѣдовать изогнутая Лира, но теперь еще не удобна дорога: пригоднымъ временемъ будетъ третья ночь. На небѣ, когда мы скажемъ что завтра наступитъ день Нонъ, нужно замѣтить Скорпіона на небѣ къ серединѣ.

Затѣмъ когда Гесперъ покажетъ три раза свой красивый ликъ, три раза побѣжденныя созвѣздія уступятъ мѣсто Фебу, будетъ обрядъ стариннаго священнодѣйствія — ночныя Лемуріи; онѣ принесутъ жертвы подземнымъ молчаливымъ тѣнямъ. Годъ былъ короче и еще не знали набожныхъ *Февруа* (поминаній) и ты, Янъ о двухъ образахъ, не былъ еще во главѣ мѣсяцевъ. Впрочемъ уже несли дары праху отжившихъ, и внукъ чтилъ урну, гдѣ положенъ прахъ его дѣда. Былъ мѣсяцъ Май, названный отъ имени предковъ (majorum), и онъ понынѣ имѣетъ долю прежняго обычая. Когда уже середина ночи и она доставляетъ сну тишину, замолкли вы и собаки и разныя птицы, тотъ, помня старинный обрядъ и робѣя передъ богами, встаетъ; обѣ ноги не имѣютъ никакихъ перевязокъ (никакой обуви), дѣлаетъ знакъ пальцами соединивъ средній съ большимъ, какъ бы легкая тѣнь не попалась навстрѣчу ему молчаливому и когда омоетъ три раза чистыя руки водою изъ источника, поворачивается и прежде принимаетъ черные бобы и бросаетъ ихъ за себя назадъ и, пока бросаетъ, говоритъ: это я бросаю, этими выкупаю меня и моихъ бобами. Это два раза говоритъ и не озирается назадъ, полагаютъ, что тѣнь ихъ поднимаетъ и слѣдуетъ назади такъ что ее никто не видитъ. Снова прикасается къ водѣ, стучитъ въ Темезейскую мѣдь и проситъ, чтобы тѣнь вышла изъ его жилищъ. Когда скажетъ девять разъ: тѣни выйдите отеческія, озирается назадъ, и полага-

етъ что чисто (правильно) совершилъ священный обрядъ. Откуда названъ день, и какое начало (происхожденіе) наименованія, отъ меня ускользнуло: необходимо искать отъ имени какого-нибудь бога. Внуши рожденный Плеіадою, внушающій уваженіе могучею тростью, часто видѣлъ ты царственное жилище Стигійскаго Юпитера. Пришелъ молимый носитель Кадуцея: узнай причину наименованія: причину я узналъ отъ самого бога. Когда Ромулъ скрылъ въ могилѣ тѣнь брата и отданъ послѣдній долгъ быстрому къ его несчастію Рему, несчастный Фавстулъ и Акка, съ распущенными волосами, сожженныя кости орошали своими слезами. Оттуда возвращаются домой, при наступленіи сумерокъ печальные, и, какъ были, легли на жесткой постели. Привидѣлась окровавленная тѣнь Рема, что она стала подлѣ постели и произнесла такія слова, чуть слышнымъ шепотомъ: вотъ я половина и другаю часть вашего желанія (обѣта), посмотрите каковъ я, а недавно каковъ я былъ, я который недавно, если бы только имѣлъ я птицъ царствовать повелѣвающихъ, въ моемъ народѣ могъ бы я быть величайшимъ. Теперь ускользнувшая изъ пламени костра и пустая тѣнь—вотъ образъ, который остался отъ того Рема. Увы! Гдѣ мой отецъ Марсъ? Если только вы говорили правду и онъ далъ брошеннымъ сосцы звѣриные, того кого сохранила Львица, того погубила дерзкая рука гражданина; во сколько раза снисходительнѣе (нѣжнѣе) львица! Жестокій Целеръ, о если бы ты испустилъ немилосердую душу ранами и какъ я пошелъ бы въ землю, облитый кровью, не хотѣлъ этого братъ: въ немъ одинаково родственное чувство; что могъ, далъ слезы онъ моимъ тѣнямъ. Его вы просите слезами, вашимъ хлѣбомъ (пищею), чтобы праздничною почестью означилъ торжественный день. Его дававшаго это порученіе желаютъ обнять, протягиваютъ объятія, но скользкая тѣнь избѣжала хватавшихъ рукъ. Когда образъ, убѣгая увелъ съ собою и сонъ, къ царю тотъ и другой несутъ (слова) брата. Ромулъ послушался и назвалъ Ремурія тотъ день, въ которой отдается долгъ (положеннымъ) схороненнымъ дѣдамъ (предкамъ). Съ теченіемъ времени грубая буква замѣнена болѣе мягкою, буква первая изо всего наименованія. Вслѣдъ затѣмъ души осужденныхъ на вѣчное молчаніе названы Лемуресъ; таковъ смыслъ слова, таково (сила) значеніе звука. Впрочемъ люди въ старину запирали храмы въ тѣ дни, какъ и теперь ви-

димъ мы ихъ запертыми въ Феральное время (праздникъ всѣхъ мертвыхъ въ Февралѣ). Это время не годится для брака ни вдовѣ, ни дѣвушкѣ: какая выходила замужъ была недолговѣчна. По этой-то причинѣ, если тебя трогаютъ (имѣютъ для тебя значеніе) пословицы, простой народъ говоритъ, что злыя женщины выходятъ замужъ въ Маѣ. Впрочемъ эти три праздника почти въ одно и тоже время, но не сряду, слѣдуютъ день за днемъ.

Если среди ихъ (этихъ праздниковъ) станешь искать Оріона Бэота, то ошибешься; нужно мнѣ воспѣть причину знака. Юпитеръ и братъ его, который царствуетъ на широкомъ морѣ, и Меркурій отправились дружно вмѣстѣ въ путь. Было время, когда относятъ домой перевороченный ярмомъ плугъ и усердный ягненокъ пьетъ молоко наѣвшейся овцы. Случайно старикъ Гиріей, воздѣлыватель тѣснаго полечка, увидалъ ихъ, стоя передъ свой маленькой хижиною. Такъ онъ сказалъ: длиненъ путь и немного времени остается; дверь наша отворена для гостей. Словамъ соотвѣтствовало и выраженіе лица, и вторично проситъ. Внимаютъ обѣщаніямъ (привѣту) и скрываютъ что они боги, входятъ подъ кровъ старика, обезображенный чернымъ дымомъ; чуть замѣтнымъ огнемъ горѣли еще вчерашнія дрова. Самъ, опустясь на колѣно, старается дуновеніемъ раздуть пламя, приноситъ расколотую лучину и колетъ ее еще: стоятъ два горшка, въ томъ что поменьше бобы, въ другомъ зелень; дымятся тотъ и другой, давимый своею крышкою и, пока приходится ждать, дрожащею рукою наливаетъ краснѣющее вино; морской богъ принимаетъ первую чашу. Какъ только выпилъ: дай, сказалъ, пусть теперь по порядку выпьетъ Юпитеръ; услыхавъ имя Юпитера поблѣднѣлъ хозяинъ, когда пришелъ въ себя, зарѣзалъ воздѣлывателя бѣднаго поля и въ большомъ огнѣ сжарилъ быка и спрятанное вино, которое когда-то мальчикомъ разводилъ въ первые годы, почерпнулъ изъ закоптѣвшей кадки. И не медля: прикрывъ полотномъ рѣчной тростникъ и безъ того не на высокихъ возлегли постеляхъ. Тогда-то заблистали столы и кушаньями и поставленнымъ Ліеемъ (виномъ); изъ красной земли (глины) чаша и стаканы изъ буковаго дерева. Раздались слова Юпитера: къ чему есть стремленіе, пожелай, все получишь. — Послышались слова тихаго (смирнаго) старика: была у меня милая жена, въ заботахъ первой молодости узнанная; теперь, спросите вы,

гдѣ она? Прикрываетъ ее урна. Призвавъ васъ въ свидѣтели, клялся я ей: ты одна будешь пользоваться моимъ сожительствомъ, и сказалъ, и соблюдаю, но желаніе у меня нѣсколько другое: желаю быть отцомъ, не бывши супругомъ. Всѣ соизволили на то; всѣ стали кругомъ кожи быка.... то, что было дальше, стыдно высказать. Потомъ мокрую кожу прикрыли набросанною землею; уже десять мѣсяцевъ и вотъ родился мальчикъ; его Гиріей, потому что онъ такъ рожденъ, называетъ Уріономъ; первая буква утратила старинный звукъ. Выросъ громадный; Делоска (Діана) взяла его (товарищемъ) сопутникомъ; онъ богини сторожъ, онъ богини провожатый. Неосторожныя слова вызываютъ гнѣвъ боговъ; онъ (Оріонъ) сказалъ: нѣтъ ни одного звѣря, котораго бы я не могъ побѣдить. Земля напустила Скорпіона: тотъ бросился загнутое жало вонзить въ богиню, родившую близнецовъ. Воспрепятствовалъ Оріонъ; Латона присоединила его къ блистающимъ звѣздамъ и сказала: получи награду заслуженную тобою.

Но почему Оріонъ и прочія созвѣздія свѣту (міру) уступить спѣшатъ и ночь сокращаетъ путь? Зачѣмъ быстрѣе обыкновеннаго солнце поднимаетъ изъ моря (бѣлый) блестящій день, а Люциферъ идетъ впереди? Ошибаюсь я или оружіе звучитъ; не ошибаемся; звучитъ оружіе. Марсъ идетъ и приходя даетъ воинственные знаки. Мститель самъ сошелъ съ неба на свои почести и храмы можно видѣть на Августовой площади. И богъ великъ, и зданіе; въ городѣ своего сына Марсъ долженъ былъ имѣть не иное жилище. Эти храмы достойны гигантовыхъ трофеевъ; отсюда прилично Градиву возбуждать безжалостныя войны или если кто безбожный насъ задираетъ отъ страны Востока, или если кого приходится усмирить тамъ, гдѣ заходитъ солнце. Взираетъ могучій оружіемъ на вершину всего зданія и одобряетъ то, что самый верхъ принадлежитъ непобѣдимымъ богамъ. Видитъ на дверяхъ оружіе разнообразнаго вида, и военныя силы земель побѣжденныя его воинами. Отсюда видитъ онъ Энея, отягченнаго священнымъ бременемъ и столько предковъ знаменитаго рода Юліевъ. Отсюда видитъ сына Иліи на плечахъ несущаго вооруженія вождя и надписи о ихъ знаменитыхъ дѣлахъ подъ разставленными героями (знаменитыми людьми). Видитъ и храмъ, украшенный именемъ Цезаря и зданіе, по прочтеніи имени Цезаря, кажется ему

больше (значительнѣе). Далъ обѣтъ воздвигнуть его молодой человѣкъ тогда, когда онъ взялся набожно (благочестиво) за оружіе, и будущій повелитель долженъ былъ начать (такимъ) столь великимъ, поступкомъ. Онъ, протягивая руки, когда съ одной стороны стояло войско (справедливаго) праведнаго дѣла, съ другой заговорщики, произнесъ такія слова: „если мнѣ виновникъ войны отецъ и священнослужитель Весты и готовлюсь отомстить за то и другое божество, Марсъ, явись и насыть преступною кровью желѣзо, и пусть твоя милость (благосклонность) будетъ за лучшее дѣло. Получишь храмъ и, если я останусь побѣдителемъ, будешь наименованъ мстителемъ; радостный возвращается онъ, разбивъ врага и недостаточно, что Марсъ заслужилъ разъ свое прозваніе, преслѣдуетъ значки, удержанные рукою Парфа. Народъ этотъ былъ безопасенъ и полями, и конями и стрѣлами и недоступенъ кругомъ отекающими рѣками. Духу (смѣлости) народу прибавила смерть Крассовъ, когда погибли воины и вмѣстѣ вождь и значки. Парѳъ захватилъ Римскіе значки, честь войны и врагъ былъ носителемъ Римскаго орла и этотъ (стыдъ) позоръ оставался бы и понынѣ, если бы крѣпкимъ оружіемъ Цезарь не защитилъ (силъ) богатствъ Авзоніи. Онъ изгладилъ старинное пятно и позоръ отдаленнаго вѣка; назадъ взятые значки узнаютъ своихъ. Что тебѣ, Парѳъ, принесло пользы бросать за спину обычныя стрѣлы, что мѣстность, что умѣніе обращаться съ быстрымъ (стремительнымъ) конемъ? Приносишь назадъ орловъ, Парфъ и побѣжденные протягиваешь луки; уже нѣтъ у тебя вовсе залоговъ нашего стыда. По установленному обряду данъ богу два раза мстителю храмъ, и наименованіе и заслуженная почесть исполнила должное по обѣту. Квириты, обычныя (ежегодныя, торжественныя) въ циркѣ совершайте игры; сцена театра показалась неприличною для храбраго бога. Увидишь ты всѣ Плеіады и всю толпу сестеръ, когда только одна ночь останется передъ Идами. Тутъ-то для меня ужъ безъ сомнѣнія начинается лѣто и теплой весны оканчивается время.

Предшествующая Идамъ ночь показываетъ какъ быкъ поднимаетъ рыло усѣянное звѣздами; при появленіи этого созвѣздія извѣстенъ разсказъ: Юпитеръ, въ видѣ быка, подставилъ свою спину Тирійской дѣвушкѣ и на лбу носилъ ложные (вымышленные) рога. Она правою рукою держалась за гриву, а лѣвою придерживала

одежду и самая робость придавала ей новую прелесть. Вѣтеръ наполняетъ пазуху, вѣтеръ развѣваетъ свѣтло-русые волосы; Сидонка, такъ, въ такомъ видѣ, заслуживала ты быть принятою Юпитеромъ; часто приподнимала она свои дѣвичьи ножки отъ волнъ моря и опасалась прикосновенія подпрыгивавшей воды. Часто смѣтливый богъ опускалъ спину до водъ, чтобы та крѣпче держалась за его шею. Когда коснулись берега, то Юпитеръ уже стоялъ безо всякихъ роговъ, и изъ быка обратился въ бога. Быкъ взошелъ на небо; тебя, Сидонка, наполняетъ Юпитеръ и третья часть земли имѣетъ твое имя. Другіе говорили, что это созвѣздіе есть Фарійская телица: изъ женщины сдѣлалась она коровою, изъ коровы богинею. Въ это же время дѣва (весталка) обыкновенно бросаетъ съ деревяннаго моста изображенія старинныхъ людей, сдѣланныя изъ тростника. Тотъ кто полагаетъ, будто бы предавали смерти стариковъ, имѣвшихъ болѣе шестидесяти лѣтъ отъ роду, взводитъ на нашихъ предковъ обвиненіе въ преступленіи. Старинное преданіе таково: тогда, когда земля названа Сатурновою, таково было изреченіе прорицателя бога: народы, старику носящему косу, обрекши, два тѣла бросайте, чтобы ихъ приняли Этрусскія воды, пока на эти поля пришелъ Тиринтій, печальное жертвоприношеніе совершалось ежедневно по Левкадскому образцу. Онъ (Тиринтіецъ) бросилъ въ воду Квиритовъ, сдѣланныхъ изъ соломы и, по примѣру Геркулеса, бросаютъ (ложныя) мнимыя тѣла. Нѣкоторые думаютъ будто бы для того, чтобы одни молодые люди подавали голоса, бросали съ мостовъ слабыхъ стариковъ. Тибръ, научи правдѣ; берега твои старѣе города; начало священнаго обряда ты можешь хорошо знать. Тибръ поднялъ голову, увѣнчанную камышомъ, изъ середины русла и раздвинулъ осиплые уста для такихъ звуковъ: на этихъ мѣстахъ, видѣлъ я, не было стѣнъ, но пустынныя травы, по тому и другому берегу паслись вразсыпную быки и я, Тибръ, котораго теперь всѣ племена и знаютъ и боятся, въ то время былъ предметомъ пренебреженія для скота. Часто упоминаютъ тебѣ имя Аркадца Евандра: онъ, пришлецъ, веслами тревожилъ мои воды. Пришелъ и Альцидесъ, въ сопровожденіи толпы Ахейцевъ; Альбула, если припомню, мнѣ въ то время было названіе. Принялъ гостепріимно молодаго человѣка Паллантійскій герой и наконецъ Какусу досталось заслуженное наказаніе. Побѣдитель

ушелъ и съ собою утащилъ быковъ, Еритеидскую добычу, а спутники отказываются идти дальше. Большая часть ихъ пришла, оставивъ Аргосъ; на этихъ холмахъ оставляютъ и свои надежды и домашнихъ боговъ. Впрочемъ не разъ волнуетъ ихъ сладкая любовь къ отечеству и кто-нибудь умирая (даетъ) произноситъ такое коротенькое порученіе: бросьте меня въ Тибръ, чтобы, влекомый водами Тибра, я, хоть въ видѣ пустаго праха, достигъ бы Инахова берега. Не нравится наслѣднику забота порученнаго погребенія и умершій гость скрытъ въ Авзонской землѣ, а въ Тибръ бросаютъ вмѣсто хозяина изображеніе изъ лозы, чтобы оно по отдаленнымъ водамъ достигло Греческихъ жилищъ". До сихъ поръ (говорилъ Тибръ), но когда вошелъ онъ подъ гротъ прикрытый камнемъ, съ котораго лилась вода, вы, легкія воды, удержали бѣгъ. Знаменитый внукъ Атласа явись, ты, котораго когда-то въ горахъ Аркадіи одна Плеяда родила Юпитеру. Въ дѣлѣ мира и оружія для боговъ верхнихъ и нижнихъ посредникъ ты, который крылатой ногою пролагаешь себѣ путь, ты, который тѣшишься звукомъ лиры и лоснящеюся палестрою, черезъ тебя выучились люди говорить обработанно и развязался имъ языкъ. Тебѣ сенаторы во время Идъ поставили храмъ, смотрящій на циркъ (обращенный къ цирку), съ того-то времени этотъ день тебѣ праздничный. Тебя тотъ, котораго занятіе продавать товары, принеся ладонъ, молитъ, чтобы ты далъ (послалъ) ему барышъ. Есть вода Меркурія сосѣдняя съ Капенскими воротами; если вы расположены вѣрить людямъ опытнымъ, то знайте, что эта вода имѣетъ божественную силу. Сюда приходитъ купецъ опоясанный по туникамъ и чистый окуренною урною, которую принесетъ, черпать воду. Ею намачиваютъ лавровую вѣтвь и окропляютъ все, что будетъ имѣть новыхъ хозяевъ. Окропляетъ и самъ свои волосы лавромъ, съ котораго росою падаютъ капли, и совершаетъ мольбы устами привыкшими къ обману. Онъ говоритъ: смой клятвопреступленія минувшаго времени, смой слова обмана (коварства) предшествовавшаго дня, тебя ли я бралъ въ свидѣтели и во лжи призывалъ великое божество Юпитера, съ тѣмъ впрочемъ чтобы оно того и не слыхало, или я умышленно обманулъ какого-нибудь другаго бога или богиню, то пусть быстрые (порывистые) вѣтры унесутъ нечестивыя слова и пусть съ наступленіемъ дня исчез-

нутъ мои клятвопреступленія, и пусть небожители не обращаютъ вниманія, если я буду говорить. Дай мнѣ только барыши, пошли мнѣ радость отъ полученія барыша и сдѣлай такъ, чтобы мнѣ было на пользу обмануть покупателя. Меркурій съ высоты смѣется надъ требующимъ таковое, вспоминая, что и онъ укралъ Ортигійскихъ быковъ.

А мнѣ открой, умоляю, просящему на столько лучшаго — въ близнецы съ какого времени отправляется Фебъ—когда увидишь, отвѣчалъ онъ, что столько дней осталось отъ мѣсяца, сколько совершено Геркулесомъ подвиговъ.—Скажи, я спросилъ, о причинѣ этого созвѣздія. Причину изложилъ богъ краснорѣчивыми устами: унесли похитивъ Фебу и Фебы сестру Тиндариды братья, одинъ всадникъ, а другой борецъ. Войну готовятъ; домогаются своихъ и братъ и Идасъ; тотъ и другой условились быть зятьями Левциппа. Этихъ побуждаетъ любовь — требовать назадъ, а тѣхъ не желать ихъ возвращенія и обѣ стороны ведутъ борьбу изъ одинаковой (одинаково справедливой) причины. Эболиды могли уйдти бѣгствомъ отъ преслѣдующихъ, но показалось позорнымъ одержать побѣду быстрымъ бѣгствомъ. Мѣсто свободно отъ деревьевъ, поле удобно для битвы. Остановились тамъ; мѣсто называется Афидна. Касторъ, пронзенный въ грудь Линцеевымъ мечомъ, неожиданно раненный повалился на землю. Мстителемъ является Поллуксъ и пронзаетъ Линцея копьемъ тамъ гдѣ продолженіе шеи смыкается съ плечами. Шелъ на него Идасъ и съ трудомъ отбитъ огнемъ Юпитера, впрочемъ говорятъ, и молнія не выбила изъ правой руки его оружіе. Уже тебѣ, Поллуксъ, открывалось высокое небо, когда ты произнесъ: „отецъ, услышь мои слова; небо, которое ты мнѣ даешь одному раздѣли двумъ; половина для меня будетъ дороже всего дара". Сказалъ и смѣняясь съ братомъ по очередно исправляютъ караулъ; то и другое созвѣздіе полезно озабоченному судну. Пусть возвратится къ Яну, кто станетъ спрашивать — что такое Агонія? А этотъ праздникъ помѣщенъ въ святцахъ въ это самое время. Въ ночь послѣдующую за днемъ выходитъ Еригонейская собака; причина появленія созвѣздія сообщена въ другомъ мѣстѣ.

Ближайшій затѣмъ день Вулкана; его называютъ: очищеніе трубъ; совершается обрядъ очищенія трубъ, имъ (Вулканомъ) сдѣланныхъ. Затѣмъ мѣсто четыремъ замѣткамъ; если ихъ въ порядкѣ

прочесть, то будетъ или обычай священнодѣйствій или бѣгство царя. И тебя не прохожу мимо—общественное счастіе могущественнаго народа, которому храмъ данъ на другой день. Его когда приметъ богатая водами Амфитрита, увидишь пріятный Юпитеру носъ темножелтой птицы, наступающая Аврора унесетъ изъ глазъ Боота, и въ послѣдующій затѣмъ день покажется звѣзда Гіанта.

КНИГА ШЕСТАЯ.

И этотъ мѣсяцъ имѣетъ разнообразныя причины къ наименованію; изложу всѣ, а какія тебѣ понравятся, можешь самъ выбрать. Я буду пѣть то, что случилось дѣйствительно, но найдутся такіе, которые будутъ говорить, что я выдумалъ и того убѣжденія, что ни одинъ смертный не видалъ божествъ. Богъ въ насъ: подъ его вліяніемъ приходимъ мы въ воодушевленіе, это стремленіе имѣетъ зародышъ священной духовной силы. Мнѣ преимущественно приличествуетъ видѣть лицо боговъ или потому что я поэтъ, или потому что пою священное. Есть роща изъ частыхъ деревьевъ, мѣсто удаленное ото всякаго звука, если бы не раздавалось журчаніе воды. Тутъ я изслѣдовалъ каково происхожденіе начавшагося мѣсяца и былъ озабоченъ его наименованіемъ. Вотъ увидалъ я богинь не тѣхъ, которыхъ видѣлъ преподаватель искусства пахать, когда слѣдовалъ за Аскрейскими овцами и не тѣхъ между которыми дѣлалъ сравненіе Пріамовъ сынъ, въ горныхъ долинахъ богатой водою Иды; но изъ тѣхъ впрочемъ одна была: изъ тѣхъ была одна, сестра своего мужа; она была, я призналъ, которая стоитъ въ твердынѣ Юпитера. Пришелъ я въ ужасъ и въ молчаніи блѣдностью обнаруживалъ состояніе моего духа. Тутъ богиня сама же уничтожила тотъ страхъ, который навела и сказала: о поэтъ, творецъ Римскаго года, дерзнувшій великое излагать въ ничтожныхъ размѣрахъ, ты сдѣлалъ себѣ право видѣть небесное божество, когда заблагоразсудилъ стихами изложить (описать) ихъ праздники. Впрочемъ чтобы ты не оставался въ невѣдѣніи и не раздѣлилъ бы заблужденія простаго народа, Юній—Іюнь—имѣетъ наименованіе отъ моего. Что нибудь да значитъ выйти замужъ за Юпитера, быть его

сестрою, и я колеблюсь кѣмъ болѣе гордиться — братомъ или мужемъ. Если смотрѣть на родъ (происхожденіе), то я первая сдѣлала Сатурна отцемъ; судьбою была я у него первая. Отъ моего отца Римъ когда-то прозванъ Сатурновымъ, послѣ неба эта земля была къ нему всѣхъ ближе (роднѣе). Если имѣетъ какую-нибудь цѣну брачная постель, то я зовусь женою Громовержца, и храмъ мой соединенъ съ храмомъ Юпитера Тарпейскаго. Могла же любовница дать наименованіе мѣсяцу Маю, а только относительно меня почесть эта будетъ вызывать зависть? Зачѣмъ же зовутъ меня царицею и первою изъ богинь, зачѣмъ моей правой рукѣ дается золотой скипетръ? Но вѣдь дни составляютъ мѣсяцы и отъ нихъ зовутъ меня Люцина (отъ luces), а ни отъ одного мѣсяца не получу я наименованія. Тогда стану я раскаяваться, что вѣрно отложила гнѣвъ на родъ Электры на Дарданійскій домъ. Двойная причина гнѣва: о похищенномъ Ганимедѣ скорбѣла и моя красота, по сужденію Идейца, признана побѣжденною. Приходится мнѣ пожалѣть, что я не лелѣю твердынь Карѳагена; когда въ томъ мѣстѣ мои колесницы и оружіе. Приходится мнѣ жалѣть, что я Спарту, Аргосъ, мои Микены и старинный Самосъ подчинила Лаціуму. Присоедини старика Тація, чтителей Юноны Фалисковъ, и я допустила ихъ подчиниться Римлянамъ; но нѣтъ, не буду жалѣть и нѣтъ никакого народа мнѣ милѣе; здѣсь чтутъ меня, здѣсь я съ моимъ Юпитеромъ имѣю храмы. Самъ мнѣ Марсъ сказалъ: ввѣряю тебѣ эти стѣны; ты будешь могуча въ городѣ внука. Вѣрное исполненіе слѣдуетъ за сказаннымъ; насъ прославляютъ на сотнѣ жертвенниковъ и не легче (незначительнѣе) чьей либо оказана мнѣ почесть мѣсяца. Впрочемъ такую почесть намъ оказываетъ не одинъ только Римъ; подгородные (жители) приносятъ намъ туже готовность (служить). Посмотри какіе имѣютъ Фасты богатая лѣсомъ Ариція, населеніе Лавренса и мой Ланувій. Есть тамъ мѣсяцъ Юноновъ; взгляни на Тибуръ и на священныя стѣны Пренестинской богини; прочтешь время Юноново, и не Ромулъ ихъ основалъ, но Римъ былъ нашего внука. Окончила Юнона; оглянулись назадъ, стояла жена Геркулеса и на лицѣ выражалась печаль. Она сказала: я, если бы мать мнѣ велѣла вовсе убраться съ неба, не останусь тамъ противъ воли матери, и теперь не стану я спорить о наименованіи этого (мѣсяца) времени, ласкаюсь, и беру на себя

роль почти просительницы; лучше мольбою желала бы я достигнуть признанія моего права, и можетъ быть ты самъ будешь расположенъ въ пользу моего дѣла. Золотая мать владѣетъ въ Капитоліѣ общимъ храмомъ и какъ ей и довлѣетъ занимаетъ съ Юпитеромъ самый верхъ, а мнѣ вся честь досталась происхожденіемъ мѣсяца; единственная, какой добиваюсь, почесть. Что же важнаго—если вы Римляне и памятливое потомство названію мѣсяца дадите имя жены Геркулеса. Да и самая это земля сколько нибудь у меня въ долгу во имя великаго супруга; сюда пригналъ онъ захваченныхъ быковъ; здѣсь плохо защищенный пламенемъ и отеческимъ даромъ Какусъ окрасилъ кровью Авентинскую земля. Меня зоветъ болѣе близкое. Ромулъ распредѣлилъ свой народъ по возрасту, раздѣливъ его на днѣ части; одна готовѣе давать совѣтъ, а другая сражаться; одинъ возрастъ внушаетъ войну, и другой ее ведетъ. Такъ онъ опредѣлилъ и одно и тоже замѣчаніе раздѣлило и мѣсяцы. Іюнь — мѣсяцъ молодыхъ людей (juvenum), а предшествующій ему — стариковъ. Сказала и въ усердіи спорить дошли бы до перебранки; самое раздраженіе было бы прикрыто нѣжностью чувствъ. Пришло Согласіе съ длинными волосами, въ которые вплетенъ Аполлоновъ лавръ, божество и трудъ ласковаго вождя. Когда она разсказала, что Тацій и храбрый Квиринъ соединили вмѣстѣ оба царства съ ихъ населеніями и приняты подъ общій ларъ и зятья и тестья, то отъ соединенія ихъ Іюнь имѣетъ свое названіе. Вотъ три разныхъ причины я изложилъ, а вы простите богини; разрѣшить это дѣло принадлежитъ не моему сужденію; идите отъ меня равныя; за приговоръ о красотѣ палъ Пергамъ; двѣ-то повредятъ больше чѣмъ сколько поможетъ одна.

Первый день дается тебѣ Карна; ты богиня затворовъ. Она отворяетъ своею силою запертое и запираетъ отворенное. Откуда имѣетъ она данный ей силы, молва о томъ не ясна отъ старости, но изъ нашего стихотворенія ты вѣрно узнаешь. Тиберину прилежитъ роща стариннаго Гелерна; первосвященники и теперь несутъ туда святыню. Оттуда родилась нимфа, прежніе ее назвали Гране, тщетно многими часто просимая женихами. Она имѣла обыкновеніе слѣдовать по полямъ и дротиками выгонять звѣрей, и въ глубокой долинѣ растягивать узловатыя сѣти. У ней не было колчана, но полагали, что она сестра Фебы и не

была тебѣ, Феба, въ стыдъ. Если ей кто-нибудь изъ молодыхъ людей высказывалъ слова любви, то она тотчасъ же издавала такіе звуки: эти мѣста имѣютъ много свѣта, а со свѣтомъ стыда, но если ты поведешь въ болѣе уединенную пещеру, то я послѣдую. Легковѣрный входитъ въ пещеру, а та, достигнувъ кустарниковъ, скрывалась и ни въ какомъ мѣстѣ не могла быть найдена. Видѣлъ ее Янусъ; плѣнясь страстью къ видѣнной, съ нѣжными словами обратился къ суровой. Нимфа приказываетъ искать по обыкновенію грота поуединеннѣе и будто бы слѣдуетъ за нимъ, но когда онъ пошелъ впередъ, она его оставила, глупенькая, вѣдь Янусъ видитъ все, что за его спиною дѣлается, ничего ты не сдѣлала, вѣдь видитъ онъ куда ты спряталась. Ничего ты не сдѣлала — вѣдь правду я сказалъ — тебя, скрывшуюся подъ скалою, захватываетъ въ объятія, и овладѣвъ тобою, говоритъ: пусть будетъ тебѣ за то, что ты полежишь со мною, право затвора; такую награду получи за отложенное дѣвство. Такъ сказалъ — палочку, которою она могла бы прогонять печальный отъ дверей вредъ — эта палочка была бѣлая — далъ. Есть печальныя птицы, не тѣ, которыя отнимали пищу Финея въ его глазахъ, но родъ свой ведутъ отъ нихъ, большая голова, глаза неподвижные, клювъ приспособленный къ хищничеству; въ крыльяхъ есть сѣдина, на когтяхъ есть крючки, ночью летаютъ, ищутъ дѣтей лишенныхъ кормилицы и повреждаютъ (портятъ) тѣла, похитивъ ихъ изъ колыбелей. Говорятъ, что онѣ терзаютъ своими клювами внутренности сосущихъ и выпивъ кровь наполняютъ свой зобъ. Имъ названіе стриги, но причина этого наименованія та, что они шипятъ (strident) въ ужасную ночь. Родятся ли онѣ такъ птицы или дѣлаются стихотвореніемъ и Марсійская старуха воображаетъ, что ея траурные напѣвы превратились въ птицъ; онѣ пришли въ спальню Проки; тамъ находился Прока, родившійся всего пять дней тому назадъ, свѣжая добыча для птицъ. Несчастный ребенокъ кричитъ и проситъ помощи; прибѣжала кормилица, приведенная въ ужасъ голосомъ своего питомца; она нашла его щеки, разрѣзанныя твердыми когтями. Что дѣлать? Цвѣтъ лица былъ, какой обыкновенно бываетъ позднимъ листьямъ, которыхъ повредила только что наступившая зима. Пришла къ Гренѣ и говоритъ въ чемъ дѣло. Та ей отвѣчаетъ: отложи страхъ; твой питомецъ будетъ

безопасенъ. Пришла къ колыбели; плакали отецъ и мать: остановите ваши слезы, я помогу — сказала она. Тотчасъ же три раза (по порядку) одинъ за другимъ коснулась она до дверей вишневою вѣткою; ею же три раза дотронулась до порога. Водою окропила входъ, а вода имѣла цѣлебную силу; держа въ рукѣ сырыя внутренности двумѣсячнаго поросенка говоритъ такъ: птицы ночи, пощадите члены ребенка; за маленькаго маленькая жертва падаетъ: за сердце — сердце, молю за жилы возьмите жилы; эту душу вамъ вмѣсто лучшей даемъ. Такъ когда помолилась, ставитъ разрубленное на воздухъ и всѣмъ, которые присутствуютъ при священнодѣйствіи, не велитъ на нихъ смотрѣть, и бѣлая палочка Януса изъ колючаго тростника тутъ же положена, тамъ гдѣ черезъ небольшое окошко проникалъ свѣтъ въ опочивальню. Послѣ этого, какъ разсказываютъ, и птицы не смѣли дѣлать насилія колыбели, и ребенку вернулся тотъ же цвѣтъ какой былъ прежде. Но спросишь — почему въ эти календы вкушаютъ жиръ и почему смѣшиваютъ бобы съ теплою мукою? Это богиня старая и питается пищею какою прежде имѣла обыкновеніе и не ищетъ сластолюбиво изысканныхъ кушаньевъ. Для народа того времени рыба плавала не страшась коварства и устрицы въ своихъ раковинахъ были безопасны и Лаціумъ еще не зналъ ни той птицы, которую доставляетъ богатая Іонія, ни той, которая радуется крови Пигмеевъ и кромѣ перьевъ ничего не нравилось въ павлинѣ и земля не посылала прежде захваченныхъ животныхъ. Свинья была въ цѣнѣ; убитою свиньею чтили праздники. Земля производила только бобы и жесткія хлѣбныя зерна. Кто то и другое смѣшанное вмѣстѣ поѣстъ на шестыя календы, у того, говорятъ, внутренности не могутъ быть повреждены. Припоминаютъ и то, что на вершинѣ крѣпости храмъ Юнонѣ Монетѣ воздвигнутъ вслѣдствіе твоего, Камиллъ, обѣта. Онъ — храмъ — находился передъ домомъ Манлія, который когда-то отъ Капитолійскаго Юпитера отразилъ Галловъ военныя силы. Какъ хорошо (честно), великіе боги, въ томъ сраженіи палъ бы защитникъ твоего, Юпитеръ, престола! Остался живъ, чтобы пасть осужденнымъ въ преступленіи домогательства на царство; такое ему отличіе готовила продолжительная старость. Тотъ же день праздничный Марсу; его (храмъ) видитъ внѣ города Капенскія ворота пристроеннымъ къ кры-

тому пути. И относительно тебя, погода, Темпестасъ, сознаемся, что ты заслужила храмъ, когда флотъ почти поглощенъ Корсиканскими водами. Эти памятники людей открытые (въ виду), если спросите про звѣзды, тогда восходитъ птица великаго Юпитера съ внутрь загнутыми ногами.

Слѣдующій затѣмъ день вызываетъ Гіады, рога бычачьяго лба и земля влажна обиліемъ воды. А когда два раза покажется Фебъ и повторитъ свой восходъ и два раза жатва сдѣлается влажною отъ опустившейся росы, этотъ день, говорятъ, посвященъ Беллонѣ во время войны съ Этрусками и она постоянно остается благопріятною для Лаціума. Строитель (виновникъ) храма Аппій, тотъ, который, отказавъ Пирру въ мирѣ — многое видѣлъ духомъ, а зрѣнія былъ лишенъ. Отъ храма открывается небольшая площадка, которая касается верха цирка; тамъ есть небольшая, но очень заслуживающая быть замѣченною, колонна. Обыкновенно оттуда бываетъ рукою бросаемо копье, предвѣстникъ войны, когда заблагоразсудятъ взяться за оружіе противъ царей и народовъ. Другая часть цирка безопасна подъ карауломъ Геркулеса; богъ получилъ этотъ даръ вслѣдствіе Евбейскаго стиха. Время дара — Люциферъ (день) предшествующій Нонамъ; если ищешь (заслугъ) надписей, Силла одобрилъ твореніе (зданіе). Спросилъ я — отнесу ли Ноны къ Санку или Фидію или къ тебѣ, отецъ Семо. Санкъ мнѣ сказалъ: кому бы то изъ нихъ ни далъ, я буду имѣть заслуги; я ношу трое именъ; такъ захотѣли жители Куръ (Курésъ). Такимъ образомъ его одарили храмомъ старинные Сабинцы и воздвигли его на высотахъ Квиринала. Есть у меня дочь, которая молю, чтобы пережила мои годы и я буду всегда счастливъ пока она жива и здорова. Когда я хотѣлъ отдавать ее зятю, я розыскивалъ какое время удобно для брака и какого нужно остерегаться. Тутъ мнѣ указали на Іюньскія Иды послѣ священнодѣйствій, какъ полезныя и выходящимъ замужъ, и мужчинамъ. Первая часть ихъ (Идъ) оказалось чуждою (неблагопріятною) для бракосочетанія и мнѣ такъ сказала священная супруга Діальскаго (фламина): пока успокоенный очищеніемъ Иліакской Весты несетъ въ море Тибръ свои желтыя воды, не расчесываю я себѣ остриженныхъ волосъ буковымъ гребнемъ и не дозволяется мнѣ подстригать ногти чѣмъ-нибудь желѣзнымъ; ни прикасаться до мужчины, хотя онъ служитель Юпитера, хоть онъ мнѣ данъ постояннымъ

закономъ. Да и ты не спѣши; лучше твоя дочь выйдетъ замужъ когда огненная Веста заблистаетъ на очищенной почвѣ. — Говорятъ, что третья луна (ночь) послѣ Нонъ удаляетъ Ликаона и Медвѣдица уже не имѣетъ опасенія сзади. Въ это время, припоминаю, я видѣлъ игры на твоемъ дернѣ, Поле, и узналъ, что это твои, скользящій Тибръ. Праздникъ для тѣхъ, которые тянутъ мокрыя сѣти и прикрываютъ изогнутую мѣдь маленькою пищею (притравою). Мысль также имѣетъ божественную почесть и мы видимъ храмъ Мысли, обѣщанный изъ опасенія войны съ тобою, коварный Карѳагенянинъ. Карѳагенянинъ, ты возобновилъ войну и вслѣдствіе смерти консула всѣ пораженные устрашились рукъ Мавровъ. Надежду—страхъ изгналъ когда сенатъ далъ обѣтъ мысли и тотчасъ она лучшая пришла. Тотъ день, который наступаетъ черезъ шесть дней послѣ Идъ, видѣлъ исполненіе обѣта даннаго богинѣ.

Веста, благоволи; теперь разрѣшаю уста для твоей похвалы, если только мнѣ дозволено явиться на твои священнодѣйствія. Я весь предался молитвѣ, почувствовалъ присутствіе высшей силы и веселая почва заблистала багровымъ свѣтомъ. Конечно, я не видалъ тебя богиня — пусть будутъ далеки отъ меня вымыслы поэтовъ, да, тебѣ не слѣдуетъ показываться на глаза мужчинѣ; но то, чего я не зналъ и относительно чего находился въ заблужденіи, узналъ я безъ чьихъ либо наставленій. Припоминаютъ, что Римъ уже сорокъ разъ совершалъ Палиліи, когда сторожъ пламени, богиня, принята въ свой храмъ. Дѣло царя мирнаго, а Сабинская земля не произвела ни одного человѣка, который бы въ мысляхъ такъ чтилъ божество; строенія, которыя ты видишь крытыми теперь мѣдью, въ то время увидалъ бы ты крытыми соломою. То небольшое мѣсто, которое теперь поддерживаетъ храмъ Весты въ то время было великимъ храмомъ нестриженаго Нумы. Впрочемъ, видъ храмъ, какой нынѣ остается, говорятъ былъ прежде и основательная причина есть одобрить этотъ видъ. Веста тоже, что земля; неугасаемый огонь принадлежитъ и той другой; земля и очагъ означаютъ свое мѣстопребываніе. Земля похожая на шаръ, не утвержденная ни на какой основѣ, имѣя подъ собою воздухъ, виситъ столь тяжелое бремя. Само вращеніе поддерживаетъ уравновѣшенный шаръ и нѣтъ никакого угла, который производилъ бы давленіе на стороны, и такъ какъ онъ помѣщенъ въ самой

серединѣ существующаго и не касается больше или меньше ни одной стороны. Не будь она круглая, была бы ближе къ одной части, и міръ не имѣлъ бы въ серединѣ себя такую тяжесть — землю. Въ Сиракузскомъ замкѣ стоитъ шаръ, повѣшенный въ запертомъ (замкнутомъ) воздухѣ, изображеніе въ маломъ видѣ необъятнаго міра и земля на сколько отстоитъ отъ того, что вверху на столько же и отъ того, что внизу, а чтобы этого достигнуть условливаетъ круглая форма. Таковъ же видъ храма; ни одинъ уголъ въ немъ не выдается, отъ небеснаго дождя защищаетъ куполъ. Почему, спросишь, богинѣ служатъ дѣвственныя жрицы? И въ этомъ отношеніи я найду свои причины. Припоминаютъ, что Юнона и Церера сѣменемъ Сатурна произведены изъ Опы (Опсъ), третьею была Веста. Та и другая вышла замужъ, какъ говорятъ; та и другая родила; изъ трехъ одна, не вынося, оказала сопротивленіе мужчинѣ. Что же удивительнаго, если невинной пріятны невинныя исполнительницы, и если она допускаетъ до своей святыни только чистыя руки. Да и ты разумѣй подъ Вестою не иное что, какъ живое пламя, а ты видишь, что отъ огня не происходятъ никакіе предметы, а потому основательно дѣвою можно назвать ту, которая никакихъ сѣмянъ не выпускаетъ и не принимаетъ, и имѣетъ такихъ же подругъ дѣвства. Глупый долго я былъ того убѣжденія, что есть изображеніе Весты, но скоро узналъ, что нѣтъ ничего подъ загнутымъ куполомъ. Неугасимый огонь скрывается въ томъ храмѣ, но никакого подобія (изображенія) не имѣютъ ни Веста, ни огонь. Земля утверждена своею силою; силою отъ того, что стоитъ (vistando) названа Вестою; подобная же причина можетъ быть и Греческаго наименованія, а очагъ (focus) отъ пламени и оттого, что все грѣетъ названъ онъ, впрочемъ, прежде былъ въ началѣ строенія. Отсюда такъ же, какъ полагаю, получило названіе и преддверіе (vestibulum). Вслѣдствіе этого въ мольбѣ обращаемся къ Вестѣ словами: ты, которая первое мѣсто занимаешь. Въ старину былъ обычай — сидѣть передъ очагами на длинныхъ скамейкахъ; вѣрили, что тутъ же за столами присутствовали боги. Да и теперь, когда совершаются священнодѣйствія старинной Вакуны, стоятъ и сидятъ передъ Вакунальными очагами. И на эти года перешло кое-что изъ древняго обычая: несетъ чистое блюдо назначенную Вестѣ пищу. Вотъ хлѣбы висятъ съ убранныхъ вѣнками ослицъ и цвѣтущія гирлянды прикрываютъ гру-

бые (шероховатые) жерновные камни. Прежде на печахъ только жарили хлѣбныя зерна поселяне и есть священнодѣйствія богинѣ очага. Вложенный въ пепелъ хлѣбъ сама печь готовила и разбитая черепица была разсыпана по теплой почвѣ. Вслѣдствіе этого очагъ сторожитъ хлѣбникъ и госпожу (повелительницу) очаговъ и ноздреватые жернова, которые ворочаетъ ослица. Миновать ли мнѣ или разсказать про твой позоръ, краснолицый Пріапъ? Это разсказъ, полный обильнаго юмора: башни носящая Цибеле съ лбомъ, вѣнкомъ украшеннымъ, созываетъ вѣчныхъ боговъ на свой праздникъ, созываетъ сатировъ и сельскія божества нимфъ, явился и Силенъ, хотя его никто не звалъ. И недозволительно, да и долго было бы разсказывать про пиршество боговъ; ночь проведена въ бодрствованіи и много вина выпито. Одни смѣло прогуливаются по горнымъ долинамъ густо заросшей Иды, другіе лежатъ и лелѣютъ члены на мягкой травѣ. Тѣ играютъ; этими овладѣлъ сонъ; другіе, сплетясь руками, быстрыми ногами по три раза поражаютъ землю. Веста лежитъ и безо всякаго опасенія наслаждается тихимъ успокоеніемъ, такъ какъ слегла головою упершись въ дернъ, а красный сторожъ садовъ подкарауливаетъ нимфъ и богинь и блуждаетъ то туда идя, то оттуда возвращаясь. Увидалъ и Весту; подъ сомнѣніемъ счелъ ли онъ ее за нимфу или зналъ, что это Веста, но самъ увѣрялъ будто бы онъ ее не узналъ. Возымѣлъ позорную надежду, пробуетъ подойти потихоньку: сдерживая біеніе сердца, подкрадывается неслышными шагами. Случилось, что старикъ Силенъ осла, на которомъ пріѣхалъ, оставилъ у береговъ медленно журчащей воды. Отправлялся уже, чтобы начинать богъ длиннаго Геллеспонта, когда тотъ заревѣлъ своимъ дикимъ голосомъ совсѣмъ не ко времени. Устрашенная такимъ грубымъ голосомъ встаетъ богиня; слетается все множество (вся толпа), тотъ убѣгаетъ отъ непріязненныхъ рукъ. Лампсакосъ имѣетъ обыкновеніе это животное приносить въ жертву Пріапу; кстати (за дѣло) кладемъ мы въ огонь члены осла доносчика, а его ты, памятливая богиня, украшаешь ожерельями изъ хлѣба. Остановилась работа; затихли праздные жернова. Названіемъ, чѣмъ цѣною, болѣе извѣстный въ храмѣ Громовержца скажу, что значитъ алтарь (жертвенникъ) хлѣбника Юпитера. Весь Капитолій былъ тѣснимъ неумолимыми Галлами; уже продолжительная осада причинила голодъ.

Юпитеръ, призвавъ небожителей къ своему царственному престолу: начинай, сказалъ Марсу. Тотчасъ онъ излагаетъ: можетъ ли быть неизвѣстно,—какова судьба моихъ, и эта скорбь души не имѣетъ словъ для выраженія. Впрочемъ, если ты желаешь, чтобы я изложилъ вкратцѣ бѣдствіе соединенное съ позоромъ: Римъ лежитъ подъ властью непріятеля, жителя Альпъ. Таково-то владычество надъ міромъ, которое ты обѣщалъ Юпитеръ? Его-то ты хотѣлъ возложить на земли. Уже поразилъ онъ силы подгородныхъ жителей и Этрусковъ; надежда была въ ходу, теперь она выгнана изъ своихъ жилищъ. Мы видѣли, какъ пали старики въ покрытыхъ мѣдью преддверіяхъ, украшенные расписанною одеждою. Мы видѣли, какъ перенесены были залоги Иліонской Весты изъ прежняго мѣстопребыванія: полагаютъ разумѣется, что есть же (существуютъ) какіе-нибудь боги. Но если только обратятъ вниманіе, что твердыня, гдѣ вы живете и столько вашихъ жилищъ тѣснимы осадою, то убѣдятся, что нѣтъ никакой пользы въ заботѣ о богахъ и что по пустому гибнетъ ладанъ, принесенный заботливою рукою. О если бы открылось мѣсто для битвы, пусть возмутъ оружіе и падутъ, если не будутъ въ состояніи побѣдить; теперь, опасаясь недостатка въ пищѣ и смерти трусовъ, толпа дикарей тѣснитъ, заперши ихъ на ихъ горе. Тогда Венера и Квиринъ, красивый жезломъ и царственною одеждою, и Веста много говорили за не чужой имъ Лаціумъ. Юпитеръ отвѣчалъ: общая забота за эти стѣны и побѣжденная Галлія поплатится; ты только сдѣлай, чтобы при недостаткѣ припасовъ сочли будто бы они въ избыткѣ и, Веста, не покидай твоего мѣстопребыванія. Что только есть твердаго хлѣбнаго зерна, пусть пустая внутри машина измелетъ и, смягченное руками, пусть снова затвердѣетъ въ огнѣ очага. Приказалъ, и дѣва Сатурнова одобрила (подтвердила) приказанія брата; время было середины ночи. Уже трудъ далъ вождямъ сонъ, пеняетъ ихъ Юпитеръ и священными устами учитъ, чего онъ хочетъ: встаньте и съ вершины твердынь бросьте въ середину непріятелей то изъ нужнаго вамъ, что потерять всего менѣе вы бы желали. Удаляется сонъ и затрудняемые новою (неслыханною) двусмысленностью, чтобы это было такое, что потерять они менѣе всего желали бы, а что необходимо имъ потерять. Вотъ показалась Церера; бросаютъ

дары Цереры; брошенные они издаютъ звукъ о шлемы и длинные щиты. Непріятель утратилъ надежду побѣдить голодомъ; когда отразили непріятеля поставили бѣлый (блестящій) алтарь Юпитеру хлѣбнику. Случайно возвращался съ праздника Весты тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Новая улица примыкаетъ къ Римскому форуму. Тамъ я увидалъ почтенную Римлянку (матрону) шедшую босою ногою; я пораженъ былъ удивленіемъ и молча пріостановилъ шаги. Поняла это старуха, находившаяся тутъ же по сосѣдству и, приказавъ сѣсть стала говорить, тряся головою, дребезжащимъ голосомъ: мѣсто, гдѣ теперь форумъ, занимало влажное болото; ровъ былъ наполненъ водою отъ избытка рѣчной. То было Курціево озеро, гдѣ теперь стоятъ на сушѣ алтари и гдѣ теперь твердая (прочная) земля, было прежде озеро. Тамъ, гдѣ теперь по Велабрской улицѣ обыкновенно ведутъ въ циркъ торжественныя процессіи, прежде не было ничего, кромѣ ивняку и ломкаго тростника. Часто гуляка, возвращаясь черезъ подгородныя воды, поетъ и пьяныя слова бросаетъ къ морякамъ (матросамъ). Еще богъ, отведя рѣку, не принялъ наименованія соотвѣтствующаго его различнымъ фигурамъ. Здѣсь тоже роща была густая отъ тростника и камыша и болото, по которому невозможно было идти обутою ногою; болота исчезли и берега теперь удерживаютъ свои воды; теперь земля суха, но обычай тотъ остался. Изложила причину: прощай, отличная старуха — сказалъ я, сколько тебѣ остается вѣка, пусть будетъ тебѣ пріятенъ. Прочее я ужъ давно узналъ въ дѣтскіе годы, а впрочемъ потому не должно быть пройдено молчаніемъ. Только что воздвигъ новыя стѣны Дардановъ потомокъ Илусъ; онъ имѣлъ еще (богатыя) большія сокровища Азіи. Полагаютъ, что небесный знакъ оружіеносящей Минервы спрыгнулъ на холмы Іліонскаго города. Забота была видѣть; увидалъ я храмъ и мѣсто; это остается ему (Иліону); Римъ владѣетъ Палладою. Совѣтуются съ Сминтейскимъ (Аполлономъ), скрытый въ темной рощѣ произнесъ такіе звуки незнающими лжи устами: эѳирную храните богиню; сохраните и городъ, вмѣстѣ съ собою въ другое мѣсто перенесешь и власть. Хранитъ Илъ и держитъ ее запертою въ высокомъ замкѣ; забота перешла къ наслѣднику Лаомедонту. При Пріамѣ мало ее берегли, такъ сама желала съ тѣхъ поръ,

какъ твоя красота признана побѣжденною приговоромъ Париса. Адрастовъ ли потомокъ, Улиссъ ли столь способный къ мошенничеству, набожный ли Эней похитили ее, но была къ тому возможность. Виновникъ неизвѣстенъ, но собственность то Рима; охраняетъ Веста, которая все видитъ при неугасаемомъ огнѣ. Увы, какъ великъ былъ страхъ сенаторовъ въ то время, когда Веста запылала, и почти задавлена своимъ же обрушившимся убѣжищемъ. Священный огонь охваченъ былъ преступнымъ огнемъ, и позорный пламень соединился съ чистымъ (священнымъ). Пораженныя плакали, распустивъ волосы, служительницы (жрицы); самый страхъ отнялъ силы у тѣла. Выбѣгаетъ на середину Метеллъ и говоритъ громкимъ голосомъ: помогите, нѣтъ толку въ слезахъ. Залогъ судебъ берите дѣвственными руками, обѣты тутъ не помогутъ, гдѣ нужно дѣйствовать руками. О я несчастный, и вы еще колеблетесь, говоритъ; видѣлъ, что колеблются и что оробѣвъ, онѣ подогнули колѣна и распростерлись по землѣ. Почерпнулъ воды и, поднявъ руки, сказалъ: прости святыня; я, мужчина, войду туда, куда не слѣдуетъ мужчинѣ. Если это преступленіе, то вся масса наказанія за совершенное обрушится на меня, но Римъ пусть будетъ спасенъ цѣною моей головы. Сказалъ и бросился впередъ; дѣйствіе его одобрила схваченная богиня, и по милости своего первосвященника осталась безопасною. Теперь при Цезарѣ хорошо сверкай священное пламя; огонь на Иліонскихъ очагахъ теперь будетъ и есть и скажутъ, что ни одна жрица при этомъ вождѣ не осквернила своихъ повязокъ и не будетъ живая зарыта въ землю. Такъ погибаетъ осквернившая себя и ее скрываютъ въ ту же землю, которую оскорбила; земля и Веста — это одно и тоже божество. Тогда Брутъ пріобрѣлъ себѣ прозваніе отъ Каллаикскаго непріятеля и кровью окрасилъ Испанскую землю. Конечно, иногда перемѣшивается печальное съ веселымъ, чтобы народъ слишкомъ не предавался всею душою празднику. Крассъ у Евфрата утратилъ орловъ, сына и своихъ и послѣдній самъ преданъ смерти. Пареъ, чему радуешься? Сказала богиня; отошли назадъ знаки; найдется мститель, который отплатитъ за смерть Красса. Какъ только вѣнки изъ фіалокъ будутъ сняты съ длинноухихъ ословъ и плоды Цереры станутъ тереть шероховатые камни, морякъ сидя на кормѣ, говоритъ: увидимъ Дельфина, когда влажная ночь наступитъ

прогнавъ день; уже, Фригіецъ Титанъ, жалуешься ты, что покинутъ женою, и неусыпный (бодрствующій) Люциферъ вышелъ изъ Эойскихъ водъ.

Идите, добрыя матери; Матраліи—вашъ праздникъ, Ѳиванской богинѣ несите желтыя (золотистыя) лепешки (пирожки). Къ мостамъ и великому цирку примыкаетъ площадка, которая имѣетъ наименованіе отъ поставленнаго быка. Говорятъ, что въ этотъ день носившія скипетръ руки Сервія дали священный храмъ Матутѣ родительницѣ. Что это была бы за богиня, зачѣмъ она служанокъ удаляетъ отъ порога храма—а она удаляетъ; она требуетъ жареныхъ пирожковъ, Вакхъ, плющомъ опутавшій носящіе виноградныя кисти волосы, если только это жилище твое, направь путь корабля. Сгорѣла Семеле вслѣдствіе послушанія Юпитера; Ино приняла тебя мальчикъ, и старательная воспитываетъ съ величайшею заботливостью. Разсердилась Юнона, что та, и по исчезновеніи соперницы, воспитываетъ родившагося, а та кровь была сестрина. Вслѣдствіе этого Атамасъ гонимъ фуріями и ложными образами (представленіями) и ты, маленькій Леархъ, падаешь отеческою рукою. Печальная мать схоронила Леархову тѣнь и совершила все должное на возбуждающемъ жалость кострѣ. Она же, какъ у ней были растрепаны печально волосы, выскочила и тебя, Мелицерта, выхватила изъ колыбели. Есть земля, съузившаяся въ небольшое пространство; она отражаетъ два моря и одна земля поражаема двумя водами. Сюда пришла безумная, сжавъ сына въ объятіяхъ и вмѣстѣ съ нимъ бросается въ глубь моря съ высокой горы. Принимаетъ ихъ, непотерпѣвшихъ никакого вреда, Панопе и сто сестеръ, и спокойнымъ движеніемъ несутъ черезъ свои владѣнія. Еще не Левкотое, еще тотъ мальчикъ не Палемонъ—коснулись устьевъ Тибра, богатаго водоворотами. Была роща; не рѣшено называть или ее Семелиною или Стимулиною; говорятъ, что жили тамъ Авзонійскія Мэнады. У нихъ Ино спрашиваетъ: что онѣ за племя? Слышитъ, что онѣ Аркадцы, и что Евандръ владѣетъ мѣстными скипетромъ. Дочь Сатурнова, скрывъ въ себѣ богиню, коварно возбуждаетъ Вакханокъ Лаціума вымышленными (лживыми) звуками: о, слишкомъ легковѣрныя, о всею охваченные душою, эта гостья пришла непріязненная нашимъ хороводамъ. Коварствомъ домогается она и приготовляется узнать обряды священнодѣйствія. У ней

есть залогъ, которымъ она можетъ поплатиться въ наказаніе Едва только вполнѣ окончила, наполняютъ воемъ воздухъ Тіадесъ съ разсыпанными по шеямъ волосами, набрасываютъ руки и усиливаются отнять мальчика; какихъ не знаетъ до сихъ поръ, призываютъ та боговъ: боги и люди мѣста, помогите несчастной матери; крики поражаютъ сосѣдніе утесы Авентина. Этей пригналъ къ берегу Иберскихъ коровъ, услыхалъ и поспѣшно на голосъ ускоряетъ путь. Съ прибытіемъ Геркулеса тѣ, которыя только что готовились сдѣлать насиліе, позорно обратили спины и предались робкому (женщинамъ свойственному) бѣгству. Чего ты ищешь здѣсь—онъ ее узналъ—тетка по матери Вакха или одно и тоже божество тѣснитъ насъ обоихъ? Частью ему сообщила, частью умолчала вслѣдствіе присутствія ребенка; стыдно ей, что она въ неистовствѣ бросилась на преступленіе. Молва сама по себѣ быстрая пролетаетъ на ускоренныхъ крыльяхъ и имя твое, Ино, часто повторяется устами. Говорили, будто ты гостьею вошла подъ вѣрный кровъ Карменты, и тамъ отложила продолжительный голодъ. Говорятъ, что Тегейская жрица на скорую руку сдѣлавъ пирожки, подала ихъ испеченные на внезапно разведенномъ огнѣ. И теперь также во время праздниковъ Матралій нравится ей (богинѣ) приношеніе пирожковъ; деревенское усердіе было пріятнѣе искусства. Теперь—говоритъ—о пророчица, открой мнѣ будущую судьбу и, умоляю, присоедини это на сколько возможно къ сказанному тобою гостепріимству. Не много было времени; прорицательница беретъ (принимаетъ) небо и божества, и всею грудью принимаетъ своего бога. Едва ты ее могъ вдругъ узнать, на столько святѣе и на столько больше того сдѣлалась, какъ только что была. Веселое я стану пѣть: радуйся Ино, твои окончились страданія и ты постоянно будешь помощницею этого народа. Будешь божествомъ моря; море будетъ имѣть и твоего сына; въ вашихъ водахъ примете другое наименованіе: у Грековъ ты будешь Левкотея, а у нашихъ называться Матутою; твоему сыну будетъ все право на пристани. Кого мы Портуномъ, своимъ языкомъ назоветъ Палемономъ, идите, молю, и тотъ и другая будьте благосклонны для нашей мѣстности. Они кивнули головами въ знакъ согласія: обѣщано вѣрное исполненіе: составили труды; имена перемѣнили: онъ богъ, она богиня. Спросите: зачѣмъ запрещаетъ она подхо-

дить служанкамъ?—Ненавидитъ ихъ; начало ненависти, если позволитъ сама, стану пѣть. Одна изъ твоихъ служанокъ, Каднова дочь, привыкла часто идти подъ объятія твоего мужа. Безсовѣстный Атамасъ ее тайно любилъ; отъ нея онъ узналъ, что поселянамъ даютъ поджареныя сѣмена. Она сама отказывается, что она это дѣлала, но молва приняла (это за вѣрное); вотъ почему ненавистны тебѣ руки служанокъ. Впрочемъ пусть набожная (благочестивая) мать не молится ей за своихъ дѣтей; сама она по видимому была не очень счастливою родительницею; лучше будете ввѣрять ей дѣтей другихъ, такъ какъ она была полезнѣе Вакху, чѣмъ своимъ дѣтямъ. О ней-то припоминаютъ будто бы она сказала: куда спѣшишь Рутилій, въ мой день ты консулъ падешь отъ врага Марса. Исходъ послѣдовалъ за словами и рѣка Толенъ текла водами смѣшанными съ багровою кровью. Наступилъ слѣдующій затѣмъ годъ; убитый въ тотъ же день Дидій удвоилъ силы вражескія. Тотъ же день Фортуна твой и виновникъ и мѣсто, но кто это скрывается подъ набросанными одеждами. Сервій, это навѣрное извѣстно, но о причинѣ почему онъ скрывается — мнѣнія различныя и у меня въ мысляхъ на этотъ счетъ сомнѣніе. Между тѣмъ, какъ богиня робко сознается въ тайной любовной связи; стыдно небожительницѣ, что она лежала вмѣстѣ съ мужчиною. Запылала она, охваченная сильною страстью къ царю, и имъ однимъ ослѣпленная, для него одного нарушила дѣвство. Ночью она имѣла обыкновеніе входить въ домъ черезъ маленькое окошко, вслѣдствіе того дверь называется Фенестеллою. Теперь стыдно и покровомъ прикрываетъ любимое лицо и голова царя прикрыта множествомъ одеждъ. Или не болѣе ли справедливо то, что послѣ похоронъ Туллія, простой народъ былъ встревоженъ смертью ласковаго повелителя? Не было никакой мѣры: плачъ увеличивался при видѣ его образа, пока его не скрыли наложенными одеждами. Третью причину изложить въ стихахъ мнѣ нужно болѣе мѣста; впрочемъ погоню далѣе сдержанныхъ коней. Туллія, совершивъ бракъ цѣною преступленія, обыкновенно такими словами подстрекала мужа: что пользы что мы равны (стоимъ другъ друга), ты убійствомъ моей сестры, а я убійствомъ твоего брата, если нравится благочестивая жизнь. Жить должны были бы и мой мужъ и твоя жена, если мы не дерзнемъ совершить еще боль-

шее дѣло. Отдаю тебѣ, если только ты мужчина, въ приданое и голову (жизнь) и царство отца; иди, домогайся имущества, доставшагося тебѣ въ приданое. Преступленіе есть дѣло царское: бери царство умертвивъ тестя и кровью отцовскою окрась наши руки. Подстрекаемый такими словами онъ, частный человѣкъ, сѣлъ на высокій престолъ: народъ пораженный бросается къ оружію. Вслѣдствіе этого кровь и убійство, слабый (безсильный) побѣжденъ возрастъ и гордый зять получилъ скипетръ отнятый у тестя. Самъ убитый подъ Эсквиліями, гдѣ былъ его царскій дворецъ, палъ облитый кровью на жестокую твердую почву. Дочь на повозкѣ отправляясь въ отцовскій домъ, надменная и сердитая, совершала путь по улицамъ. Увидавъ тѣло, возница (кучеръ) проливая слезы остановился; напала она на него такими словами: поѣдешь ли далѣе или ждешь горькой отплаты за нѣжность твоихъ чувствъ? Ступай же, говорю тебѣ, черезъ самое лицо колесами, какъ бы ни было тебѣ неохотно. Нѣтъ сомнѣнія относительно вѣрности этого факта: самое урочище прозвано преступнымъ и событіе это заклеймено вѣчнымъ пятномъ. Послѣ того дерзнула она коснуться храма и памятника родителя; высказываю я конечно удивительное, но впрочемъ то что дѣйствительно было. Было изображеніе Туллія сидѣвшаго на престолѣ, говорятъ оно глаза покрыло рукою и слышался голосъ: скройте мое лицо, чтобы мои глаза не видѣли преступной дочери. Принесли одежды и покрыли его; трогать ихъ запрещаетъ Фортуна и такъ она говорила сама изъ своего храма. Въ этотъ день, въ который первый разъ покажется Сервій съ открытымъ лицомъ будетъ первымъ брошеннаго (оставленнаго) стыда. Берегитесь, Римскія женщины, прикасаться до запретныхъ одеждъ, достаточно торжественнымъ голосомъ мнѣ изложить просьбу и пусть голова царя, бывшаго въ нашемъ городѣ седьмымъ, будетъ покрыта постоянно Римскою одеждою. Сгорѣлъ этотъ храмъ, но впрочемъ ту статую пощадилъ огонь; самъ Мульциберъ (Вулканъ) оказалъ помощь сыну. Отецъ Туллія былъ Вулканъ, а мать Окрезія Корникуланка, прекрасная лицомъ. Ей Танаквилъ, приготовивъ по обыкновенію жертвоприношеніе, повелѣла лить вино на украшенный алтарь, здѣсь изъ пепла показался, а можетъ быть и дѣйствительно онъ былъ — мужской дѣтородный членъ. Получивъ приказаніе, плѣнная даетъ ему пріютъ гдѣ слѣ-

дуетъ: зачатый такимъ образомъ Сервій имѣетъ сѣмена своего потомства отъ неба. Знакъ подалъ родитель тогда, когда блестящимъ (сверкающимъ) огнемъ коснулся головы и на волосахъ показался огненный конусъ. Да и тебѣ Согласіе, Ливія посвятила великолѣпный храмъ, согласіе, которое она всегда соблюдала относительно любимаго мужа. Научись впрочемъ, наступающее поколѣніе, гдѣ теперь портикъ Ливій, находился кровъ необъятнаго дома. Труда надъ этимъ домомъ было больше чѣмъ надъ цѣлымъ городомъ, мѣсто онъ занималъ обширнѣе того, которое обнесено стѣнами многихъ городовъ. Это зданіе сравнено съ землею, не отъ обвиненія въ посягательствѣ на царскій престолъ, но потому что незнающая мѣры роскошь показалась вредною. Цезарь наслѣдникъ дозволилъ ниспровергнуть такую громаду и снесъ утрату такихъ богатствъ. Такъ исполняется цензура, и такъ-то приготовляются примѣры, когда исполнитель закона самъ исполняетъ то, что внушаетъ другимъ. Нѣтъ ничего замѣчательнаго, что могъ бы ты высказать относительно наступающаго дня, въ Иды данъ храмъ Юпитеру непобѣдимому; уже получаю повелѣніе разсказать про Квинкватры меньшія. Зачѣмъ странствуя по всему городу ходятъ трубачи? Теперь, бѣлокурая Минерва, явись къ моимъ начинаніямъ. Зачѣмъ странствуя по городу ходятъ вездѣ игроки на флейтахъ? Что значатъ эти маски, эти длинные плащи? Тамъ я сказалъ, а Тритонія, положивъ копье, отвѣтила такъ (хочу я изложить дѣло не затрогивая ученой богини). Во времена старинныхъ дѣдовъ въ большомъ употребленіи была флейта и игроки на флейтахъ были постоянно въ большой чести. Звуки флейты раздавались во храмахъ, раздавались во время игръ и даже во время печальныхъ похоронъ. Сладокъ (пріятенъ) былъ трудъ наградою; послѣдовало время, которое вдругъ сокрушило силы Греческаго искусства. Присоедини, что Эдилъ повелѣлъ, чтобы не болѣе десяти музыкантовъ провожали похороны. Изгнанные музыканты перемѣнили городъ и удалились въ Тибуръ; нѣкоторое время Тибуръ былъ мѣстомъ ихъ ссылки. На изогнутой сценѣ чувствуется недостатокъ во флейтѣ, чувствуется онъ же у жертвенниковъ и жалобные звуки флейты не провожаютъ въ послѣднее убѣжище. Служилъ кто-то въ Тибурѣ достойный какого бы то ни было положенія, но долгое время былъ свободенъ. Въ своей

деревнѣ готовитъ онъ пищу, созываетъ толпу мызыкантовъ; она собирается на праздничное пиршество. Была ночь: и зрѣніе и мысли плавали въ винѣ, когда явился гонецъ и сказалъ слова заранѣе ему внушенныя. Онъ говорилъ такъ: что медлишь закончить пиръ? Вотъ уже идетъ виновникъ твоего наказанія (т. е. твой хозяинъ). Не медля гости привели въ движеніе свои члены невѣрно ворочивавшіеся отъ большаго количества вина; ноги не знаютъ—идти ли имъ или подкоситься (упасть). Господинъ сказалъ: уходите; медливнихъ велѣлъ посадить на повозку; надъ повозкою былъ широкій навѣсъ изъ вѣтвей. Время, движеніе и вино погрузили ихъ въ сонъ и пьяная толпа полагаетъ что она возвращается въ Тибуръ. Ужъ черезъ Эсквиліи вошла въ Римскій городъ и утромъ телѣги были на серединѣ форума (площади). Плавтій, чтобы они могли видомъ и числомъ обмануть сенатъ, повелѣваетъ лица покрыть масками, примѣшиваетъ другихъ и чтобы и флейтисты могли увеличить (собраніе) число, приказываетъ идти въ длинныхъ платьяхъ. Такъ могли хорошо прикрыться возвращенные, чтобы случайно какъ не замѣтили, что они возвратились противъ (вопреки) повелѣнія его товарища. Дѣло это понравилось и дозволено новымъ обрядомъ пользоваться во время Идъ и пѣть веселыя слова на старинные мотивы.—Когда она это мнѣ передала, сказалъ я: остается мнѣ научиться, почему день этотъ названъ Квинкватрусъ. Марсъ — сказала она — совершаетъ подъ этимъ именемъ мой праздникъ и эта также толпа находится подъ моимъ изобрѣтеніемъ. Я первая, надѣлавъ дырочки изрѣдка въ буковой палочкѣ, достигла того чтобы длинная флейта давала разные звуки. Голосъ (тонъ) понравился, а прозрачныя воды отражали образъ; я видѣла, что дѣвичьи надулись щеки. Не на столько дорожу я искусствомъ: прощай, моя флейта, я сказала, и отброшенную принялъ берегъ на свой дернъ. Найдя ее сатиръ сначала дивился, но не знаетъ употребленія и понялъ, что надутая она испускаетъ звукъ и то пальцами, то выпускаетъ воздухъ, то задерживаетъ его и уже между нимфъ онъ былъ гордъ искусствомъ. Вызываетъ и Феба; Фебъ побѣдилъ и повѣсилъ его; отъ обрѣзанной кожи отдѣлились его члены. Я изобрѣтательница и виновница этого стихотворенія, это то и есть, почему это искусство чтитъ наши дни. Наступитъ третій день, въ который ты, Додонская Тіена, будешь сто-

ять видною на челѣ Агенорова быка. Это есть тотъ день, въ который ты, Тибръ, то, отъ чего очищена Веста, выпускаешь въ море Этрускими водами. Если какая вѣра вѣтрамъ, зефиру ввѣряйте паруса, мореходы; завтра онъ придетъ благопріятный вашимъ водамъ.

А отецъ Геліадовъ когда окунетъ лучи въ воды и яркая звѣзда опояшетъ двойной полюсъ, подниметъ съ земли потомокъ Гиріея сильныя руки, въ слѣдующую затѣмъ ночь будетъ виденъ Дельфинъ. Разумѣется эта земля Альгида видѣла на твоихъ поляхъ когда-то Вольсковъ и Эквовъ обращенныхъ въ бѣгство. Вслѣдствіе этого ты, Тубертъ Постумъ, прославившійся подгороднымъ тріумфомъ, ѣхалъ побѣдителемъ на бѣлоснѣжныхъ коняхъ. Уже шесть и столько же еще дней отъ мѣсяца остается; впрочемъ ты къ этому числу прибавь одинъ день Солнце ушло изъ близнецовъ и знаки Рака краснѣютъ; начинается поклоненіе Палладѣ на Авентинскомъ замкѣ. Уже твоя Лаомедонъ, поднимается кормилица и поднявшись прогоняетъ ночь; съ луговъ бѣжитъ (исчезаетъ) бѣлая роса. Говорятъ, что Сумману, кто бы онъ ни былъ, возвращаются храмы тогда, когда ты, Пирръ, внушалъ ужасъ Римлянамъ. Когда и ее Галатея приметъ въ отеческія воды и земля будетъ полна обезпеченнаго покоя, поднимается съ земли молодой человѣкъ дѣдовскими пораженный стрѣлами, и протягиваетъ руки связанный двойною змѣею. Извѣстна любовь Федры, извѣстно оскорбленіе Тезея, довѣрчивый обрекъ онъ своего сына. Не безнаказанно благочестивый молодой человѣкъ стремился въ Трезену; быкъ разрѣзалъ грудью встрѣчныя воды. Испуганные пришли въ ужасъ кони и, тщетно удерживаемые по скаламъ и твердымъ камнямъ, влекутъ господина. Выпалъ изъ колесницы Гипполитъ и задержанный возжами тащился тѣломъ, которое терзалось по членамъ и испустилъ душу къ большому негодованію Діаны. Нѣтъ никакого повода къ скорби — сказалъ Коронидесъ. Благочестивому юношѣ возвращу я жизнь безъ ранъ и печальная судьба уступитъ моему искусству; тотчасъ беретъ онъ травы изъ ящичковъ слоновой кости; еще прежде (ранѣе) принесли они пользу тѣнямъ Главка, тогда когда авгуръ сошелъ на замѣченныя имъ травы и змѣй воспользовался помощью данною отъ змѣя. До груди три раза коснулся, три раза произнесъ спасительныя слова; тотъ

приподнялъ голову опустившуюся на землю; его скрываетъ роща и глубь твоего, Диктинна, лѣса; то Вирбій въ Арицинскомъ лѣсу, но Лахезисъ и Клото скорбятъ, одна въ томъ что ихъ овладѣваютъ нитями; другая, что умаляются права его владычества. Юпитеръ, опасаясь примѣра, направилъ молнію въ того, кто оказалъ пособіе слишкомъ большимъ искусствомъ. Ты, Фебъ, жаловался. Богъ онъ; умилостивъ родителя; изъ за тебя дѣлаетъ самъ, что запрещаетъ дѣлать. Впрочемъ, какъ бы я ни хотѣлъ чтобы ты, Цезарь, спѣшилъ побѣждать, но не захочу чтобы ты двинулъ ручки, если запрещаетъ гаданіе по птицамъ. Пусть будутъ тебѣ свидѣтелями Фламиній и Тразименскіе берега, что справедливые боги много дѣлаютъ внушеній черезъ птицъ. Если ты станешь вникать въ тѣ отдаленныя времена, когда опрометчивость была причиною большаго вреда (урона), два раза четвертый (восьмой) отъ конца мѣсяца тотъ день. Слѣдующій затѣмъ день лучше; Масинисса побѣдилъ Сифакса и Аздрубалъ палъ самъ своимъ оружіемъ. Время уходитъ и мы старѣемъ молчаливыми годами и бѣгутъ дни неудержимо. Какъ скоро пришли дни почета Крѣпкой Фортуны, послѣ семи дней окончится іюнь. Идите, Квириты, прославьте веселые богиню крѣпкую; она имѣетъ на берегу Тибра храмъ приношеніе царя, спѣшите одни пѣшкомъ, а другіе въ быстрой ладьѣ и пусть не будетъ стыдно пьяными оттуда возвратиться домой. Простой народъ чтитъ ее потому что кто поставилъ, говорятъ, былъ изъ простаго народа, и принялъ скипетръ изъ низкаго (мѣста) сословія (происхожденія). Приличествуетъ и рабамъ потому, что Туллій, происшедшій отъ рабы, поставилъ близкій храмъ сомнительной богинѣ. Вотъ пьяный возвращаясь изъ подгородняго зданія, кто-нибудь такія слова бросаетъ къ звѣздамъ: поясъ твой теперь скрывается и завтра можетъ быть будетъ скрытъ, но съ того времени, Оріонъ, будетъ мнѣ виденъ. А если бы не былъ пьянъ, то сказалъ бы что въ этотъ же день наступитъ поворотъ солнца. Когда наступитъ слѣдующій день, онъ будетъ тотъ, въ который лары получили храмъ тотъ, гдѣ ученою (знающею) рукою дѣлается много вѣнковъ. Тоже время—храма Статоръ имѣетъ, а его когда-то Ромулъ воздвигъ противъ Палатинскаго холма. Изъ мѣсяца остается столько дней, сколько именъ Паркамъ, когда данъ храмъ твоей, Квиринъ, трабеѣ.

Завтра начало Іюльскихъ календъ; Піериды, довершите мои начинанія, скажите, Піериды, кто васъ присоединилъ къ тому, кому побѣжденная мачиха неохотно руки. Такъ я, а Кліо такъ: видишь памятники знаменитаго Филиппа, оттуда ведетъ свой родъ цѣломудренная Марція, Марція, имя произведенное отъ Анкуса жертвоприносителя, наружность ея соотвѣтствовала знатности рода. Въ ней красота соотвѣтствуетъ также и душѣ; и родъ, и наружность и дарованія — одинаковы. И не считай позорнымъ что мы такъ хвалимъ наружность; хвалимъ въ этомъ отношеніи и великихъ богинь. Когда-то за нимъ замужемъ была тетка по матери Цезаря. О честь, о священная женщина достойная такого жилища! Такъ пѣла Кліо; ученыя подтвердили сестры, кивнулъ головою и Альцидесъ, ударивъ по струнамъ лиры.

ГРУСТНЫЯ ПѢСНИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Элегія 1-я.

Маленькая (и не завидую) безъ меня ты книжка пойдешь въ городъ, увы мнѣ, куда твоему господину (хозяину) идти не дозволено, иди, но неубранная, какъ прилично тѣмъ кто въ изгнаніи; несчастная имѣй наружность соотвѣтствующую этому времени. И пусть не покрываютъ тебя соки багровой травы; цвѣтъ этотъ не свойственъ горю; пусть заголовокъ не будетъ отмѣченъ сурикомъ, ни бумага кедромъ и на бѣломъ челѣ не носи черныхъ роговъ (украшеній). Пусть эти снаряды украшаютъ счастливыя книжки, тебѣ же слѣдуетъ имѣть въ памяти постоянно мою судьбу, и двойная передняя страница пусть не будетъ чищена ломкою пемзою и чтобы ты казалась косматая точно съ растрепанными волосами. Не стыдись и пятенъ, кто ихъ увидитъ пойметъ, что они образовались отъ моихъ слезъ. Ступай, моя книжка, и моими словами — (отъ меня) привѣтствуй милыя мѣста, конечно коснулся бы я ихъ ногою на сколько возможно. Если кто-нибудь тамъ изъ народа, не забывъ меня, спроситъ случайно, что я тамъ дѣлаю? Скажи что я живу, но на вопросъ: благополучно ли, отвѣчай отрицательно; самое то, что сохраняю еще жизнь, считаю даромъ бога. А если онъ больше будетъ спрашивать, то ты молчи, дай себя читать, какъ бы не высказать случайно того, что не нужно. Тотчасъ же читатель, получивъ вну-

шеніе, припомнитъ мои прегрѣшенія и въ устахъ народа прослыву я общеизвѣстнымъ преступникомъ. Пожалуйста берегись защищаться какъ бы тебя не терзали словами. Неправое (плохое) дѣло отъ защиты становится еще худшимъ. Можетъ быть найдешь ты кого-нибудь кто вздохнетъ о томъ, что нѣтъ меня и эти стихи прочтетъ не сухими щеками (т. е. со слезами) и молча самъ въ себѣ — чтобы кто злой не услышалъ, выскажетъ пожеланіе, чтобы наказаніе мое было уменьшено умилостивленнымъ Цезаремъ. Да и я съ своей стороны буду молиться, чтобы онъ кто бы ни былъ не былъ несчастнымъ, тотъ кто желаетъ чтобы умилостивились боги къ тому кто страдаетъ. И пусть сбудется то чего желаетъ; пусть гнѣвъ оставитъ государя и получу возможность умереть въ отеческихъ жилищахъ (мѣстахъ). Исполняя порученное, книжка, можетъ быть навлечешь ты осужденіе и скажутъ, что ты ниже похвалы, ниже того, что можно ждать отъ моего дарованія. Обязанность судьи — вникать и въ сущность дѣла и въ обстоятельства времени, когда что совершилось; если примутъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ ты писана, то будешь безопасна. Произведенія поэзіи появляются какъ плодъ чистаго, ничѣмъ не озабоченнаго духа, но жизнь моя подернута мракомъ внезапныхъ бѣдствій. Поэтическія произведенія требуютъ уединенія и свободнаго времени для пишущаго, а я жертва моря, вѣтровъ и суровой зимы. Поэзіи чуждъ всякій страхъ, но я потерянный (растерявшись) каждую минуту жду что вотъ-вотъ мечъ вонзится въ мое горло. И тому что теперь я дѣлаю подивится справедливый судья и съ величайшимъ снисхожденіемъ прочтетъ то, что написано. Поставь на мое мѣсто Мэонида (Гомера) и окружи его столькими случайностями, среди такихъ бѣдъ угаснетъ каждое воображеніе. Наконецъ, книжка, отправляясь, имѣй постоянно въ памяти, что тебѣ нечего заботиться о славѣ и пусть не будетъ тебѣ стыдно если ты, бывъ прочтена, не понравишься. Не до такой степени благопріятствуетъ намъ съ тобою судьба, чтобы тебѣ возможно было бы обращать вниманіе на похвалу. Пока невредимъ я былъ, не былъ я равнодушенъ къ похвалѣ и чести и страстно, пылко, стремился я снискать себѣ имя. Теперь же довольно и того, если я ненавижу мои же собственныя произведенія, и занятіе которое было во вредъ; моимъ же умомъ (воображеніемъ, талантомъ) я приго-

товилъ себѣ бѣдствіе. Иди же хоть ты, тебѣ можно, иди за меня, взгляни на Римъ. О если бы сдѣлали боги, чтобы я могъ быть теперь моею книжкою. Не думай впрочемъ что прибывъ чужою въ великій городъ, можешь ты явиться туда, не бывъ узнана народомъ. Не будь у тебя заглавія, ты будешь узнана по самому цвѣту; пожелала бы ты имѣть возможность скрыть, что ты — мое произведеніе. Впрочемъ войди тайкомъ и пусть тебя не оскорбятъ мои стихотворенія; нѣтъ ужъ къ нимъ той милости, какая когда-то была въ избыткѣ. Если найдется кто либо, кто сочтетъ, что тебя читать не нужно потому, что ты моя и отброситъ отъ груди своей, скажи: взгляни на заглавіе, я не преподаватель любви; то сочиненіе уже подверглось наказанію какое заслужило. Можетъ быть ты ждешь—посылая тебя, повелю ли я тебѣ войдти въ высокія палаты и домъ Цезаря. Пусть простятъ меня августѣйшія мѣста и боги тѣхъ мѣстъ; на эту голову пала молнія съ той твердыни. Помню я, что въ тѣхъ краяхъ обитаютъ высшія существа, самыя благія, но опасаюсь боговъ, которые сдѣлали мнѣ вредъ. При малѣйшемъ шелестѣ крыльевъ робѣетъ голубка, раненная твоими, ястребъ, когтями и не смѣетъ отходить далеко отъ скотнаго двора ягнёнокъ, вырванный изъ зубовъ жаднаго волка. Сталъ бы избѣгать неба Фаэтонъ, останься онъ живъ, не захотѣлъ бы онъ и дотрогиваться до коней которыхъ безразсудно пожелалъ. Да и я признаюсь, что опасаюсь оружія Юпитера, которое почувствовалъ и, каждый разъ когда гремитъ, полагаю, что враждебный огонь стремится на меня. И каждый изъ Аргосскаго флота, кто убѣжалъ отъ Цефареи, постоянно поворачиваетъ паруса отъ Евбейскихъ водъ и моя ладья, разъ вынесшая страшную бурю, ужасается коснуться того мѣста, гдѣ она пострадала. А потому, милая книжка, съ робкою оглянись кругомъ мыслью, и достаточно тебѣ быть предметомъ чтенія для среднихъ классовъ народа. Въ своемъ стремленіи подняться слишкомъ высоко на слабыхъ крыльяхъ, Икаръ далъ имя Икаровымъ водамъ. Впрочемъ трудно тебѣ сказать — прійдется ли тебѣ употребить тамъ въ дѣло весла или дуновеніе вѣтра; обстоятельства и мѣсто дадутъ тебѣ совѣтъ какъ дѣйствовать. Если представится возможность быть ему врученною незанятому, если все увидишь мирнымъ (спокойнымъ), если раздраженіе сломило свои силы, если найдется кто-нибудь, кто тебя не рѣшающуюся

и опасающуюся подойдти, вручитъ, и впрочемъ прежде скажетъ немного словъ, иди. Въ благопріятный день ты сама счастливѣе своего господина, пусть достигнешь туда и облегчишь мое бѣдствіе, а его или никто, или тотъ, кто мнѣ рану нанесъ, одинъ можетъ и уничтожить Ахилловымъ способомъ. Только берегись какъ бы не повредить въ желаніи сдѣлать пользу, такъ какъ страхъ въ душѣ моей перевѣшиваетъ надежду. Берегись какъ бы утихшее, снова не разыгралось раздраженіе, и какъ бы ты не сдѣлалась другимъ поводомъ къ наказанію. Однако когда будешь принята въ наше святилище и достигнешь твоего жилища — изогнутаго ящика, увидишь тамъ положенныхъ по порядку братьевъ; къ жизни ихъ призвало одно и тоже стремленія (занятіе). Остальная толпа покажетъ явно открытыя заглавія, и свои названія открыто несетъ на челѣ. Увидишь трехъ вдали скрывающимися въ самой темной части; они-то учатъ тому, что каждому извѣстно — любить; ихъ ты или бѣги и, если достаточно будешь имѣть голоса, назови пожалуйста Эдиподами и Телегонами и внушаю, если только тебѣ есть какая-нибудь забота о родителѣ, не любить ни одной изъ нихъ, какъ бы она ни внушала сама *любить*. Есть еще пятнадцать книгъ объ измѣненіи видовъ (формъ). Стихотворное произведеніе, недавно исторгнутое изъ моихъ похоронъ; поручаю тебѣ сказать имъ, что среди превращенныхъ тѣлъ можно помѣстить и изображеніе судьбы моей, такъ какъ она сдѣлалась вдругъ совершенно не похожею на прежнюю; теперь достойная быть оплаканною, она когда-то веселою была. Имѣлъ я тебѣ, если хочешь знать, больше дать порученій, но опасаюсь какъ бы это не условило поздняго промедленія. Если бы тебѣ, книжка, пришлось несть съ собою все, что мнѣ приходитъ на мысль, сдѣлалась бы ты слишкомъ большимъ грузомъ для того, кому прійдется тебя несть. Путь длиненъ; спѣши, а мнѣ приходится жить на краю земнаго круга, въ землѣ, отдаленной отъ моей земли.

Элегія 2-я

Боги моря и неба (что же и остается кромѣ молитвъ?) пощадите разорвать члены потрясеннаго судна и умоляю — не дѣйствуйте за одно съ гнѣвомъ великаго Цезаря: часто, когда одинъ богъ тѣснитъ, другой оказываетъ помощь. Мульциберъ противъ

Трои, за Трою стоялъ Аполлонъ, для Тевкровъ благосклонною была Венера, Паллада была къ нимъ немилостива. Дочь Сатурнова ненавидѣла Энея, болѣе склонная къ Турну, впрочемъ, тотъ божествомъ Венеры былъ безопасенъ. Часто жестокій Нептунъ подыскивался подъ осторожнаго Улисса, но не разъ и Минерва вырывала его у своего дяди. И относительно меня, какъ ни далекъ я отъ тѣхъ—кто не велитъ, если одинъ богъ раздраженъ, явиться на помощь другому? Я бѣдный даромъ теряю слова, которыя не принесутъ пользы; самый ротъ говорящаго орошаютъ тяжелыя воды. Ужасный Нотъ уноситъ сказанное мною, и не допускаетъ мольбамъ идти до тѣхъ боговъ, къ которымъ онѣ посылаются. Такимъ образомъ для того, чтобы я страдалъ не въ одномъ отношеніи, одни и тѣже вѣтры уносятъ не знаю куда, и паруса и (наши обѣты) мои мольбы. О я несчастный! Какія громады катятся водъ! Такъ и думаешь, вотъ-вотъ онѣ коснутся вершинами звѣздъ. Что за глубокія открываются долины когда разступится море; подумаешь, что вотъ-вотъ проникнутъ онѣ до глубины тартара; куда ни посмотрю нѣтъ ничего кромѣ моря и воздуха: то разсвирѣпѣвшее волнами, этотъ—грозный тучами. Между тѣмъ и другимъ трепещутъ громаднымъ вихремъ (водоворотомъ) вѣтры; вода моря не знаетъ — которому повиноваться господину: то Евръ беретъ силы отъ багроваго восхода, то является Зефиръ, посланный позднимъ вечеромъ; то неистовствуетъ льдистый Борей отъ сухаго Арктоса, то Нотъ прямо несется съ борьбою (сраженіемъ) на челѣ. Правитель судна не знаетъ, что дѣлать; онъ не находитъ — чего бѣжать и куда стремиться; самое искусство цѣпенѣетъ въ виду бѣдствій со всѣхъ сторонъ. Ясно, что погибаемъ и никакой надежды на спасеніе; пока говорю, вода залила мое лицо. Пусть подавитъ дыханіе стремленіе водъ и тщетно молящимъ ртомъ приму носящія смерть воды, а набожная (любящая) супруга скорбитъ объ одномъ томъ, что я въ изгнаніи; только это одно бѣдствіе мое знаетъ и оплакиваетъ, не знаетъ, что тѣло мое перебрасывается необъятнымъ моремъ, не знаетъ, что оно жертвою вѣтровъ, что ему угрожаетъ гибель. О какъ хорошо, что я не допустилъ ее войдти на судно, чтобы мнѣ бѣдному не пришлось вытерпѣть смерть вдвойнѣ; а теперь пусть я хоть и погибну, такъ какъ она свободна отъ опасности, во всякомъ случаѣ половинною

частью буду невредимъ. Увы мнѣ! Какимъ быстрымъ пламенемъ озарились тучи! Какой громъ раздался отъ эфирной оси! И доски боковъ корабля не легче поражаются водами, какъ стѣны, которыя сокрушаетъ тяжелый грузъ баллиста (осаднаго орудія). Волна, которая теперь идетъ, превышаетъ всѣ другія послѣ девятой она, но одиннадцатой предшествуетъ. Не смерти страшусь, но достоинъ жалости родъ смерти. Лишь бы не кораблекрушеніемъ, смерть для меня будетъ даромъ. Что-нибудь да значитъ, по волѣ ли судебъ или отъ меча пасть и умирая сложить тѣло на привычную землю, надѣяться погребенія, поручивъ его своимъ, а не быть пищею для морскихъ рыбъ. Вообразите, что я достоинъ такой смерти; но не одинъ я тутъ плыву; зачѣмъ мое наказаніе увлекаетъ за собою и невинныхъ? О небожители, зеленые боги которымъ море забота, та и другая толпа положите же конецъ вашимъ угрозамъ! Хотя снисходительнѣйшій гнѣвъ Цезаря далъ жизнь допустите, чтобы я несчастный понесъ ее въ повелѣнныя мѣста. Если вы хотите меня погубить потому что я заслужилъ наказаніе, вина моя, по сужденію самого Цезаря (не заслуживаетъ смерти), меньше (маловажнѣе) смерти. Если бы Цезарь хотѣлъ уже послать меня къ Стигійскимъ водамъ, то при этомъ не нуждался бы въ вашемъ содѣйствіи. Полная воля ему въ отношеніи меня, только не завиствуетъ онъ моей крови и что далъ когда захочетъ, самъ возьметъ назадъ. Только вы — а о васъ я навѣрное предполагаю, что вы никакимъ преступленіемъ (съ моей стороны) не оскорблены—боги, умоляю, довольны будьте моими бѣдствіями. И впрочемъ, если бы всѣ захотѣли спасти (несчастнаго) жалкаго, голова, которая погибла, не можетъ уже быть невредимою. Пусть море стихнетъ, пусть воспользуюсь вѣтрами по пути несущими, пусть вы меня пощадите, не меньше ли я буду изгнанникомъ. Я разсѣкаю море, не жадный безъ конца къ пріобрѣтенію богатствъ для того, чтобы мѣнять товары и стремлюсь я не въ Аѳины, куда ѣхалъ когда-то съ цѣлью учиться, не въ города Азіи, мѣста видѣнныя прежде; не для того, чтобы принесенный волнами къ славному городу Александра, видѣть твои прелести, веселый Нилъ. Кто могъ бы повѣрить тому, что я желаю вѣтровъ благопріятныхъ? Сарматская та земля, куда несутся мои обѣты. Вынужденъ я коснуться съ лѣвой стороны дикихъ береговъ Понта и я жалуюсь, что мое бѣгство отъ отече-

Элегія 5-я.

О ты мой товарищъ, котораго всегда буду имѣть въ памяти прежде всѣхъ, ты кому въ особенности мой жребій казался его собственнымъ ты, который какъ я припомню, первый меня, пораженнаго бѣдою, имѣлъ смѣлость поддержать твоею бесѣдою, ты мнѣ далъ благосклонный совѣтъ оставаться въ живыхъ, когда въ несчастномъ сердцѣ поселилось желаніе смерти. Ты хорошо знаешь къ кому обращена рѣчь моя—вмѣсто имени пусть будутъ признаки, твоя собственная заслуга не введетъ тебя, другъ мой, въ заблужденіе. Это навсегда останется у меня напечатлѣннымъ во глубинѣ сердца (собственно: мозжечковъ), и я постоянно останусь должникомъ за такое расположеніе. Прежде этотъ духъ оставитъ меня, чтобы разойтись въ пустомъ воздушномъ пространствѣ, и оставитъ кости на догорѣвшемъ (тепломъ) кострѣ, чѣмъ въ душу мою проникнетъ забвеніе твоихъ услугъ, и долговременное нѣжное чувство угаснетъ развѣ только въ тотъ день. Пусть будутъ благосклонны къ тебѣ боги, и пусть они дадутъ тебѣ судьбу — ни въ чемъ не нуждаться — и совсѣмъ отличную отъ моей. Впрочемъ будь это судно постоянно погоняемо дружественнымъ вѣтромъ, можетъ быть эта вѣрность оставалась бы неизвѣстною. Пиритой не на столько почувствовалъ бы дружбу Тезея, если бы живой не посѣтилъ адскія воды. А чтобы Фокей былъ предметомъ истинной любви, сдѣлали то твои, печальный Орестъ, фуріи. Еслибы Евріалъ не попалъ въ руки Рутуловъ непріятелей, не было бы ни какой славы Низу, Гиртакову сыну. И дѣйствительно, какъ блестящее (желтое) золото испытывается во огнѣ, такъ вѣрность узнается во времена трудныя (бѣдственныя). Пока помогаетъ счастіе, улыбаясь веселымъ лицомъ, всѣ слѣдуютъ за нетронутыми (неповрежденными) средствами; но разъ только раздался громъ, бѣгутъ, никто не знаетъ того, кто недавно былъ окруженъ толпами пріятелей. Видѣлъ я это прежде въ примѣрахъ другихъ, теперь собственною бѣдою узналъ, что все это правда; изъ столькихъ недавно пріятелей остались вы только двое или трое; прочіе шли толпою за счастіемъ, а не за мною. Тѣмъ болѣе немногіе помогите въ моихъ разстроенныхъ (страждущихъ) дѣлахъ и мнѣ, въ моемъ кораблекрушеніи, дайте безопасные берега и, ложнымъ страхомъ, не слишкомъ трепещите,

опасаясь, чтобы вашимъ участіемъ не оскорбилось божество. Часто хвалилъ онъ вѣрность даже во враждебномъ лагерѣ; ее Цезарь любитъ въ своихъ, одобряетъ въ непріятелѣ. Дѣло мое лучше, не враждебному благопріятствовалъ я оружію, но заслужилъ эту ссылку простодушіемъ. Умоляю, внимательно слѣди за постигшею меня случайностью, не можетъ ли быть чѣмъ-нибудь уменьшено раздраженіе божества. Если же кто пожелалъ бы знать все, что меня постигло, большаго желаетъ онъ чѣмъ сколько допускаетъ то сущность дѣла. Столько несчастій потерпѣлъ, сколько въ эфирѣ звѣздъ блеститъ, сколько атомовъ (маленькихъ тѣлъ) заключается въ сухой пыли. Многое перенесъ я превышающее вѣроятіе и то, чему никто не повѣрилъ бы, хоть это дѣйствительно случилось. Необходимо чтобы нѣкоторая доля умерла со мною и, я желалъ бы, чтобы она навсегда осталась въ тайнѣ скрытая мною. Если бы у меня былъ голосъ недоступный усталости и грудь потверже той что имѣю, и много было бы у меня ртовъ и много языковъ, то и тутъ не могъ бы я все охватить словами, такъ какъ обиліе предмета истощило бы мои силы. Ученые поэты вмѣсто несчастій Нериційскаго вождя описывайте мои; я перенесъ больше бѣдствій чѣмъ Нерицій (Улиссъ). Тотъ на короткомъ пространствѣ блуждалъ многіе годы между Дулихійскихъ и Иліакскихъ жилищъ, а меня, измѣрившаго моря отдаленныя столькими созвѣздіями, жребій перенесъ въ заливы Гетскіе и Сарматскіе. Тотъ имѣлъ вѣрную свиту и вѣрныхъ товарищей, меня бѣглеца оставили мои провожатые; онъ веселымъ побѣдителемъ стремился въ свое отечество, а я изъ отечества бѣгу побѣжденнымъ и изгнанникомъ, и родина моя не Дулихій, или Итака, или Самосъ, — которыхъ оставить наказаніе (бѣда) не велико, но Римъ, который, съ семи холмовъ, озираетъ весь кругъ земной, мѣстопребываніе власти и боговъ. Тѣло у него было крѣпкое, пріученное переносить труды, а у меня силы слабыя и изнѣженныя благородствомъ. Тотъ обращался постоянно съ суровымъ (не знающимъ жалости) оружіемъ, а я привыкъ къ занятіямъ разслабляющимъ (разнѣживающимъ) душу. Меня подавилъ богъ и никто не облегчалъ моихъ страданій, а тому (Улиссу) оказывала помощь воинственная богиня. И между тѣмъ какъ менѣе Юпитера тотъ, кто царствуетъ на вздымающихся водахъ, того тѣснитъ раздраженіе Нептуна,

а меня Юпитера. Присоедини и то, что большая часть страданій Улисса вымышлена, а въ исторіи моихъ бѣдствій нѣтъ ничего придуманнаго. Наконецъ онъ все таки коснулся пенатовъ, къ которымъ стремился, и долго желанныхъ полей все же достигъ, а мнѣ навсегда нужно лишиться отечества, если только не смягчится раздраженіе оскорбленнаго божества.

Элегія 6-я.

Не столько Лидія была мила Кларосскому поэту, не столько Баттисъ была любима своимъ Коосцемъ, на сколько ты, жена, находишься неотступно въ моемъ сердцѣ, жена, достойная мужа не лучшаго, но менѣе несчастнаго. Я, развалина, опираюсь на тебя, какъ на подложенную подставку; если я и теперь еще что-нибудь, то все это твоимъ даромъ (по твоей милости). Ты дѣлаешь, что я не нищій и не обобранъ тѣми, которые домогались овладѣть досками отъ моего крушенія оставшимися и, какъ хищный волкъ подстрекаемый голодомъ и жадный до крови, подстерегаетъ оставшуюся безъ надзора овчарню, или какъ ненасытный ястребъ оглядываетъ тѣло, не удается ли ему увидать его гдѣ прикрытое землею, такъ не знаю какой-то негодяй, самыми гнусными средствами, овладѣлъ бы моимъ состояніемъ, если бы ты допустила. Его твоя доблесть удалила черезъ сильныхъ друзей, и невозможно выразить имъ достаточно благодарности. Вотъ ты одобрена какимъ вѣрнымъ, хотя и несчастнымъ, свидѣтелемъ, если только этотъ свидѣтель имѣетъ какой-нибудь вѣсъ. И не превосходитъ тебя честностью жена Гектора или Лаодомія, послѣдовавшая за умершимъ мужемъ. Достанься тебѣ судьбою Меонійскій поэтъ, Пенелопа извѣстностью уступила бы тебѣ (была бы вторая послѣ тебя). Сама ли ты себѣ этимъ одолжена, сдѣлавшись чувствительною женщиною безо всякой наставницы, и добрая нравственность появилась въ тебѣ вмѣстѣ съ рожденіемъ или государыня женщина, предметъ твоего обожанія во всѣ годы, учитъ тебя быть примѣромъ доброй жены, и, долгою свычкою, она сдѣлала тебя на себя похожею, если только дозволено великое примѣнять къ малому. Увы мнѣ, что мои стихи имѣютъ не великія силы, и что голосъ мой не въ состояніи подняться въ уровень твоихъ заслугъ. Если и во мнѣ было, что-

нибудь прежде свѣжей (крѣпкой) силы, все пало уничтоженное долговременными бѣдствіями, первое имѣла бы мѣсто между священными героидами (женами и дочерьми героевъ), первая была бы ты на виду добрыми качествами твоей души. На сколько впрочемъ мои похвалы будутъ имѣть силы, моими стихами будешь ты жить во все время.

Элегія 7-я.

Если кто имѣешь похожій образъ моего лица, то сними съ моихъ волосъ плющъ, Вакховы вѣнки; этотъ признакъ счастія свойственъ веселымъ поэтамъ; такой вѣнокъ неприличенъ моимъ вискамъ. Хотя ты скрываешь, но понимаешь, отличнѣйшій человѣкъ, что я тебѣ говорю, тебѣ, который меня носишь постоянно на твоемъ пальцѣ, и мое изображеніе, обдѣлавъ въ блестящее золото, милое тебѣ лицо сосланнаго, на сколько можешь, видишь и, каждый разъ какъ ты на него смотришь, можетъ быть приходитъ тебѣ на мысль сказать: какъ теперь далеко отъ меня находится пріятель Назонъ! Пріятна мнѣ твоя любовь, но мои стихотворенія гораздо болѣе мой образъ: что ни посылаю, каково бы ни было, читай: стихи описывающіе измѣненныя формы (образы) людей, несчастное произведеніе прерванное ссылкою. Ихъ я горестный удаляясь, какъ очень многое моего—самъ своею рукою положилъ въ огонь; такъ разсказываютъ, Тестіасъ сожгла своего сына подъ образомъ полѣна и лучше матери была сестра; такъ я не заслужившія того книжки положилъ, мои внутренности, на всепожирающій костеръ или потому, что я возненавидѣлъ музъ, какъ то, что навлекло мнѣ обвиненіе или потому, что стихотвореніе было еще недовершенное и необдѣланное. Но такъ какъ они не совершенно уничтожены, а существуютъ, то полагаю, что они написаны во многихъ экземплярахъ. Теперь молю, чтобы они сохранили существованіе и не чуждое дѣятельности свободное время читающаго занимали и напоминали бы обо мнѣ, и впрочемъ ихъ никто терпѣливо не можетъ читать, если будетъ не знать, что имъ не достаетъ окончательной отдѣлки; работа эта унесена изъ средины наковальни. Окончательной пилы не было при моихъ сочиненіяхъ. Вмѣсто похвалы ищу прощенія; достаточная для меня похвала, если я тебѣ, читатель, не наведу скуки. Вотъ тебѣ шесть стиховъ для

того, чтобы ты ихъ, если заблагоразсудишь, помѣстилъ въ самомъ заголовкѣ книжки: каждый, кто коснешься до свертковъ лишенныхъ своего родителя, хоть имъ, по крайней мѣрѣ, дай мѣсто въ вашемъ городѣ, и чтобы ты больше былъ расположенъ — (знай) не имъ самимъ изданы они, но какъ бы выхвачены (исторгнуты) изъ похоронъ своего господина, а потому на сколько будетъ представлять недостатковъ неотдѣланное стихотворное произведеніе, исправилъ бы я, если бы представлялась возможность.

Элегія 8-я.

Отъ глубокаго моря потекутъ назадъ къ источникамъ рѣки; солнце, поворотивъ коней, побѣжитъ назадъ; земля произведетъ звѣзды; небо будетъ разсѣкаться плугомъ; вода произведетъ пламя и огонь дастъ отъ себя воду; все будетъ совершаться на перекоръ законамъ природы, ни одна часть міра не будетъ оставаться вѣрна назначенному ей пути. Случится все то, возможность быть чему я отрицалъ, и нѣтъ ничего чему бы возможно было не вѣрить. Вотъ что я предсказываю, потому что я обманутъ тѣмъ, о которомъ полагалъ, что онъ мнѣ бѣдствующему окажетъ помощь. Такъ до того тобою, обманщикъ, овладѣло забвеніе меня, такъ велико было тебѣ опасеніе навѣстить огорченнаго, ни взглянуть, ни утѣшить падшаго не могъ ты, жестокій, ни быть въ числѣ провожавшихъ мой выносъ. То святое и почтенное наименованіе дружбы, лежитъ у тебя подъ ногами, какъ презрѣнный предметъ. Чтобы значило тебѣ—навѣстить пріятеля, подавленнаго громаднымъ бѣдствіемъ и утѣшить его долею твоего участія (бесѣды), и если хоть не слезу уронить, по поводу постигшаго меня несчастія, то хоть сказать нѣсколько словъ притворной скорби? Или хоть, по крайней мѣрѣ, что дѣлаютъ незнакомые — сказать прощай, будь здоровъ, и высказать такимъ образомъ голосъ народа и то, что у всѣхъ на языкѣ; наконецъ посмотрѣть въ послѣдній день, пока еще представляется возможность, на печальное лицо, которое никогда болѣе не придется видѣть, принять слово, которое болѣе не придется уже сказать во всю жизнь: будь здоровъ (прощай) и такимъ же на него отвѣтить. А поступили такъ и другіе, не соединенные со мною никакими отношеніями (пріязни) дружбы, видѣлъ я и ихъ слезы, какъ признакъ расположенія. Какъ! Развѣ

я не соединенъ съ тобою жизнью вмѣстѣ, важными отношеніями времени и долговременною къ тебѣ любовью? Какъ! Развѣ не знаешь ты и столько моихъ шалостей и серьезныхъ дѣлъ, а я также не зналъ ли и твоихъ шалостей и серьезныхъ дѣлъ. Какъ! Хоть бы ты мнѣ былъ знакомъ въ одномъ Римѣ, а не былъ бы столько разъ принятъ во всякомъ родѣ мѣстности. Неужели все это пошло тщетно на морскіе вѣтры, неужели все это потонувъ въ водахъ Леты уносится ими. Я полагаю, что ты родился не въ мирномъ городѣ Квирина, городѣ, въ который нога моя не будетъ имѣть больше доступа, но на скалахъ мрачнаго Понта, какія онъ тутъ представляетъ и на дикихъ горныхъ высотахъ Скиѳіи и Сарматіи; сердце твое окружено жилами изъ камня и суровая грудь заключаетъ въ себѣ сѣмена желѣза и та кормилица, которыя дала тебѣ полные соски тянуть нѣжнымъ ртомъ— была тигрица. Если бы ты не считалъ мои бѣдствія менѣе чѣмъ чужими, я не обвинялъ бы тебя въ жестокосердіи; но такъ какъ присоединяется къ бѣдствіямъ, назначеннымъ судьбою, и то, что первыя времена должны быть лишены своихъ размѣровъ—сдѣлай такъ, чтобы я не помнилъ этого прегрѣшенія и тѣми же устами, какими жалуюсь, высказалъ бы тебѣ похвалу.

Элегія 9-я.

Пусть будетъ тебѣ дано достигнуть цѣли жизни не подвергнувшись оскорбленіямъ, тебѣ, который не враждебный (непріязненный) читаешь это твореніе и если бы за тебя могли имѣть силу мои обѣты, обѣты, которые не могли за меня тронуть безжалостныхъ боговъ. Пока будешь счастливъ, много насчитаешь друзей, если наступитъ время сумрачное, одинъ будешь. Посмотри, какъ къ чистой (бѣлой) крышѣ слетаются голубки, а мрачная башня не принимаетъ никакихъ птицъ. Никогда не тянутся муравьи къ пустымъ житницамъ, ни одинъ пріятель не пойдетъ туда, гдѣ утрачено богатство и какъ тѣнь, неразлучная спутница идущихъ подъ лучами солнца, когда скрывается оно подавленное облаками, сама бѣжитъ, такъ (легкоповоротливая) толпа слѣдуетъ за сіяніемъ (свѣтомъ, блескомъ) счастія, и какъ только оно скроется въ нашедшемъ облакѣ, удаляется. Молю, чтобы это навсегда могло казаться тебѣ ложнымъ, но должно признать-

ся, что это оправдалось на дѣлѣ тѣмъ, что случилось со мною. Пока я былъ невредимъ, извѣстный, хотя и не честолюбивый домъ имѣлъ толпы (посѣтителей) сколько достаточно было; но какъ только я понесъ ударъ (толчокъ) всѣ испугались паденія и осторожные дружно обратили тылъ для бѣгства. И не удивляюсь, если они опасаются молній, дыханіемъ которыхъ видятъ пораженнымъ то, что вблизи. Но впрочемъ другъ, оставшійся вѣрнымъ и въ трудныхъ обстоятельствахъ заслуживаетъ одобреніе Цезаря, даже въ отношеніи самого ненавистнаго непріятеля, и не въ привычкахъ его сердиться и нѣтъ другаго снисходительнѣе къ тому, чтобы кто любилъ и въ несчастіи того, кого любилъ и прежде. О товарищѣ Арголидскомъ, послѣ того какъ узналъ Орестъ, разсказываютъ, Пилада одобрилъ самъ Тоасъ. Вѣрность, какая соединяла Акторида съ великимъ Ахилломъ, обыкновенно заслуживала похвалу и изъ устъ Гектора. То, что набожный (благочестивый) Тезей шелъ и къ тѣнямъ—товаришемъ друга, говорятъ, огорчило жилища тартара. Когда разсказали тебѣ, Турнъ, о вѣрности Евріала и Низа, то — и это вѣроятно — слезами оросились его щеки. Есть сострадапіе къ несчастнымъ, которое даже въ непріятелѣ заслуживаетъ одобреніе. Увы! Какъ на немногихъ дѣйствуютъ эти мои слова! Таково положеніе, такова теперь судьба дѣло моихъ, что не должно быть полагаемо никакой мѣры; но хоть сердце мое и въ величайшей печали отъ постигшаго меня случая, прояснилось отъ твоего успѣха. Я уже тогда видѣлъ, что это тебѣ, мой дорогой, прійдетъ, когда это судно неслось еще меньшимъ дуновеніемъ. Если есть какая-нибудь цѣна (награда) за добрые нравы, за жизнь, чуждую пятна, никого не прійдется считать выше. Если кто приподнялъ голову черезъ изящныя искусства, каждое дѣло становится хорошимъ (правымъ), когда ты говоришь. Всѣмъ этимъ тронутый, (подвинутый) я тотчасъ же сказалъ тебѣ самому: для твоихъ дарованій другъ мой предстоитъ большая (обширная) сцена. Открыли мнѣ это не внутренности овцы, не языкъ и перья береженной птицы, но предузналъ я разсудкомъ и соображеніемъ то, что случится; это было мнѣ въ мѣсто искусства гаданія и я это замѣтилъ. Такъ какъ это исполнилось, то я всѣ мыслью привѣтствую и тебя и себя въ томъ, что твои дарованія не остались скрытыми (въ тѣни). О если бы мое по-

стоянно скрывалось въ самомъ глубокомъ мракѣ; было мнѣ полезно, если бы мои занятія остались во тьмѣ. И какъ тебѣ, краснорѣчивый, на пользу серьезное искусство, такъ совсѣмъ протовоположное было мнѣ во вредъ; впрочемъ моя жизнь тебѣ извѣстна, ты знаешь, что чужда была того искусства нравственность его творца. Ты знаешь, что это стихотвореніе—старинная забава моей молодости и хоть хвалить не за что, но вѣдь это только шутка. Такимъ образомъ если мою вину невозможно защищать ни какимъ (цвѣтомъ) способомъ, такъ полагаю можно ее объяснить, извинить. На сколько можешь, смягчай ее, и не оставляй дѣла твоего друга, какою поступью началъ, тою же благополучно иди.

Элегія 10-я.

Мой корабль находится—молю чтобы и оставался, подъ охраною бѣлокурой Минервы, и названіе получилъ отъ нарисованнаго шлема. Паруса ли нужны, хорошо бѣжитъ при малѣйшемъ дуновеніи; нужны ли весла — греблею продолжаетъ путь. Не довольствуется онъ побѣждать сопутниковъ скорымъ (быстрымъ) бѣгомъ, настигаетъ вышедшія когда бы то ни было прежде суда, выноситъ дѣйствія волнъ, выдерживаетъ высоко поднимающееся море и не устаетъ поражаемый суровыми водами. Онъ этотъ корабль, съ которымъ я впервое познакомился въ Коринѳскихъ Ценхрахъ, остается вѣрнымъ вождемъ и товарищемъ торопливаго бѣгства. Среди стольких случайностей и море, взволнованное неумѣренными вѣтрами, онъ, корабль, былъ безопасенъ именемъ Паллады. Да и теперь умоляю пусть безопасный разсѣкаетъ устья обширнаго Понта и пусть войдетъ въ воды, къ которымъ стремится, Гетскаго берега. Корабль какъ только привелъ меня въ море Эолійской Геллы и тонкою линіею (бороздою) совершилъ длинный путь, повернулъ бѣгъ влѣво и отъ Гекторова города, мы пришли къ твоимъ, Имбрійская земля пристанямъ. Оттуда съ легкимъ вѣтромъ достигнувъ Зеринтійскихъ береговъ, утомленное судно коснулось Ѳракійскаго Самоса. Уже не большой скачокъ оттуда тому, кто стремился бы въ Темпиру; до этого мѣста сопровождало оно своего господина; по Бистонскимъ полямъ заблагоразсудилось мнѣ идти пѣшкомъ, а оно, судно, вернулось въ воды Геллеспонта, и отправилось въ Дарданію, ося-

щую имя ея виновника и къ тебѣ, Лампсакъ, безопасный сельскимъ божествомъ и тамъ, гдѣ тѣсными водами несчастно везенной дѣвушки, проливъ морской отдѣляетъ городъ Сестосъ отъ Абидоса, оттуда къ Кизику, стоящему на берегахъ Пропонтіады, Кизику — благородному дѣлу Гемонскаго племени, тамъ, гдѣ Византійскіе берега (держатъ) владѣютъ устьемъ моря, это мѣсто есть (обширная) просторная дверь двойнаго моря. Молю, чтобы онъ (корабль) преодолѣлъ всѣ затрудненія и, гонимый дыханіемъ Австра, бодро прошелъ непостоянныя Ціанеи, Тинніакскіе заливы и отъ нихъ, черезъ городъ Аполлона, направилъ путь подъ высокія стѣны Анхіала; затѣмъ минуетъ Месембріакскія пристани, Одессъ и твердыни, прозванныя твоимъ, Вакхъ, именемъ и тѣ, которыя, какъ припоминаютъ, поставлены бѣглецами, происходившими отъ стѣнъ Алкатои, оставившими тутъ своихъ домашнихъ божковъ. Отъ нихъ пусть невредимымъ достигнетъ города Милетида, куда меня занесъ гнѣвъ оскорбленнаго бога; если его достигнетъ, падетъ ярочка заслужившей Минервѣ; большая жертва не соотвѣтствуетъ моимъ средствамъ. Да и вы, братья Тиндаровы сыновья, которыхъ чтитъ этотъ островъ, молю васъ, будьте благосклоннымъ божествомъ двойной дорогѣ: одинъ корабль готовится идти черезъ высокія Симплегады, а другой, пересѣчь Бистонскія воды. Сдѣлайте вы такъ чтобы вѣтры, между тѣмъ какъ мы стремимся въ разныя мѣста, были благопріятны на столько же одному, на сколько другому судну.

Элегія 11-я.

Каждое письмо, какое только прочтешь ты во всей книжкѣ, сочинено мною во время полнаго заботъ пути. Вотъ это пишущимъ среди водъ видѣла меня Адрія (Адріатическое море), когда я дрожалъ отъ холодовъ Декабрскихъ или послѣ того, какъ бѣгомъ обошли мы Истмъ, о двухъ моряхъ, и взялъ я другой корабль для моего бѣгства. Я полагаю какъ поражены были удивленіемъ Эгейскія Циклады, что я сочиняю стихи среди дикаго ропота моря; самъ я теперь удивляюсь, что при такихъ волненіяхъ духа и моря, мой умъ не совершенно палъ. Какъ назвать такое занятіе—безчувственностью ли, или безумствомъ, но въ этомъ занятіи оправляется (свѣжѣетъ) умъ мой. Часто я, неу-

вѣренный въ моей жизни, былъ перебрасываемъ дождливыми Козлами, часто море бывало грознымъ созвѣздіемъ Стеропы, затемнялъ день сторожъ Эримантидской медвѣдицы или Австеръ заливалъ Гіадъ поздними водами. Не разъ море было частью внутри, а я все таки хотя трепещущею и какіе-нибудь, а все выводилъ стихи. Да и теперь визжатъ канаты, туго натянутые Аквилономъ и, въ видѣ холмовъ, поднимается изгибами вода. Самъ Кормчій (рулевой) поднявъ къ звѣздамъ руки, забывъ искусство, призываетъ молитвами помощь. Куда ни взгляну, нѣтъ другихъ образовъ кромѣ смерти, а ее я боюсь сомнѣніями ума и, оробѣвъ, молюсь. Пристани достигну, но самая пристань для меня предметъ ужаса; непріязненная земля внушаетъ больше опасеній чѣмъ вода. Одновременно страдаю я отъ злыхъ умысловъ и людей и моря, двойной страхъ наводятъ съ одной стороны мечъ, съ другой вода. Опасаюсь какъ бы тотъ не надѣялся (видѣть) добычу въ моей крови, а эта (вода) не захотѣла бы присвоить себѣ честь моей смерти. Налѣво живущіе дикари готовы постоянно на добычу, которой алчутъ; кровь, убійство и война — вотъ ихъ постоянныя занятія и какъ ни взволновано море зимними бурями, но сердце ихъ (дикарей) грознѣе самаго моря. Тѣмъ болѣе ты, безпристрастный читатель, долженъ извинить эти произведенія, если они ниже твоей надежды. Это пишу я не въ саду моемъ какъ когда-то и не ты, привычная постелька, вмѣщаешь мое тѣло. Я перебрасываюсь при свѣтѣ зимняго дня неукротимою пучиною, и самую бумагу поражаютъ лазоревыя воды. Безчестная ведетъ борьбу зима, негодуетъ, что я осмѣливаюсь писать, между тѣмъ какъ она не щадитъ суровыхъ угрозъ. Пусть зима побѣдитъ человѣка; но въ одно и тоже время, молю, пусть она покончитъ такъ же съ собою, какъ я съ этимъ стихотвореніемъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Что мнѣ общаго съ вами, несчастная забота, книжки—мнѣ, который жалкій гибну самъ черезъ свою умственную дѣятельность? Зачѣмъ опять стремлюсь я къ музамъ, только что осужденнымъ къ нимъ моей винѣ? Или разъ заслужить наказаніе мало? Мои стихи надѣлали, что меня неблагополучнымъ предвѣстіемъ хотѣли узнать и мужчины и женщины. Стихи надѣлали, что наконецъ таки Цезарь меня и мои нравы отмѣтилъ уже давно за ненавистное искусство (любить). Отними у меня занятіе и обвиненія жизни уничтожишь. Стихамъ обязанъ я мнѣніемъ, будто бы я вредный человѣкъ. Такую-то принялъ я награду за жизнь трудовъ и бодрствованія; моему же дарованію обязанъ я наказаніемъ. Будь во мнѣ сколько нибудь здраваго смысла, то по справедливости возненавидѣлъ бы я ученыхъ сестеръ, божества гибельныя для меня ихъ поклонника. А теперь — такое безуміе сопровождаетъ мою болѣзнь—помня о скалахъ, опять направляю къ нимъ ноги. Такъ побѣжденный гладіаторъ возвращается опять на арену, и потерпѣвшее крушеніе судно стремится вновь по бурнымъ водамъ; но можетъ быть мнѣ, какъ тому, кто нѣкогда владѣлъ Тевтрантійскимъ царствомъ, одинъ и тотъ же предметъ, который нанесъ рану—ее и исцѣлитъ и муза, ею же вызванный гнѣвъ, сама успокоитъ; не разъ стихами умилостивляли великихъ боговъ. Вѣдь самъ Цезарь повелѣлъ, чтобы Авзонки и матери семействъ и молодыя женщины говорили стихи носящей башни богинѣ Описъ. Повелѣлъ говорить и Фебу въ то время когда совершилъ игры, которыя видитъ только разъ одно по-

колѣніе (одинъ вѣкъ). Молю, чтобы этими примѣрами гнѣвъ твой, добрѣйшій Цезарь, смягчился отъ моего дарованія. Конечно онъ справедливъ и не стану, отрицать что я его заслужилъ — не до такой степени бѣжитъ стыдъ отъ моего лица; но если бы я не согрѣшилъ, въ чемъ же бы ты могъ показать твое снисхожденіе? моя судьба представила тебѣ матеріалъ для прощенія. Если каждый разъ, какъ грѣшатъ люди, Юпитеръ будетъ бросать свои молніи, то въ короткое время станетъ безоружнымъ; теперь когда онъ погремѣлъ и навелъ страхъ на кругъ земной, возвращаетъ чистый воздухъ розогнавъ воды. А потому-то основательно называется онъ родитель и правитель боговъ, основательно просторный міръ ничего больше Юпитера не имѣетъ. Ты съ своей стороны, такъ какъ тебя называютъ правителемъ и отцомъ отечества, пользуйся обычаемъ бога имя носящаго тоже. Такъ ты и дѣлаешь: и никто никогда съ большею какъ ты умѣренностью, не смогъ сдержать бразды власти. Ты часто давалъ прощеніе побѣжденной сторонѣ, прощеніе, въ которомъ она, будь побѣдительницею, отказала бы тебѣ. Видѣлъ я осыпанными богатствомъ и почестями многихъ изъ тѣхъ, которые взялись за оружіе на твою голову и день положилъ конецъ войнѣ, положилъ конецъ и раздраженію войны; та и другая сторона вмѣстѣ понесли дары въ храмы; и какъ твой воинъ радуется, что побѣдилъ непріятеля, такъ непріятель имѣетъ основаніе радоваться даже и побѣжденный. Дѣло мое лучше; о мнѣ не скажутъ, чтобы я служилъ во враждебномъ лагерѣ, или слѣдовалъ за силами непріятелей. Моремъ, землями, третьими божествами, клянусь тобою на лицо находящимся видимымъ божествомъ, что душа эта всегда была расположена къ тебѣ, величайшій мужъ и я, чѣмъ только былъ въ состояніи, мыслями былъ постоянно твоимъ. Молилъ я, чтобы ты позднѣе отправился къ небеснымъ созвѣздіямъ, и самую долю составлялъ я толпы, просившей о томъ же. Набожно ѳиміамъ приносилъ за тебя и со всѣми одинъ, я и самъ присоединялъ мои пожеланія къ общественнымъ. Что же мнѣ упоминать, что самыя тѣ книги, за которыя меня винятъ, въ тысячѣ мѣстахъ, полны твоимъ именемъ. Взгляни на болѣе значительное произведеніе, теперь еще оставленное пока безъ конца, о тѣлахъ превращенныхъ въ невѣроятные образы, найдешь похвалу твоему имени и тамъ, найдешь много залоговъ моего

душевнаго къ тебѣ расположенія. И слава твоя не становится больше отъ стихотвореній, да и нѣтъ ей возможности увеличиться еще, и быть больше. Выше стоитъ только слава Юпитера. Впрочемъ и тому пріятно когда излагаютъ его дѣянія и онъ предметомъ стихотворенія, и когда припоминаютъ сраженія, войны съ гигантами, то можно повѣрить, что онъ радуется своимъ похваламъ. Тебя прославляютъ другіе, какими слѣдуетъ устами и болѣе плодовитымъ талантомъ поютъ твои похвалы. Но впрочемъ, милость бога снискиваютъ—какъ пролитіемъ крови ста быковъ, такъ и почестью малѣйшаго ладона. А немилосердъ (дикъ) и намъ слишкомъ жестокъ непріятель—тотъ, кто тебѣ читалъ утѣхи (прелести) мои съ цѣлью, чтобы стихи нашихъ книгъ, написанные въ честь твою, не могли бы найдти въ тебѣ болѣе снисходительнаго судью. Но когда ты на меня сердишься, кто же можетъ быть моимъ пріятелемъ? въ то время чуть-чуть и я самъ себѣ не сдѣлался врагомъ. Когда потрясенный домъ начинаетъ обрушиваться, то вся тяжесть упираетъ въ части, наклонившіяся къ паденію, и какъ только случай сдѣлаетъ щель, то все лопается и составныя части, увлеченныя своею тяжестью, обрушиваются. Такимъ образомъ ненависть людей пріобрѣлъ я стихотвореніемъ и толпа, на сколько должно было, послѣдовала за выраженіемъ твоего лица. А припоминаю, одобрялъ ты жизнь мою и нравственность, меня, которому ты далъ коня ѣхавшаго мимо. Если же это не приноситъ пользы и честному никакой славы не воздается, хоть бы никакого обвиненія я не снискалъ. Не къ дурному ввѣрена мнѣ была судьба подсудимыхъ и тяжба, которую слѣдовало разсматривать ста мужамъ. Да и частныя дѣла разбиралъ я судьею, не заслуживъ обвиненія; вѣрность (справедливость, честность) мою сознала и побѣжденная сторона. О я несчастный! Могъ бы, если бы не повредило мнѣ то, что случилось подъ конецъ, не разъ быть безопаснымъ черезъ твой приговоръ. Послѣднее—меня губитъ, и одна буря топитъ въ глубинѣ моря оставшееся столько разъ судно, и мнѣ нанесла вредъ не малая доля пучины, но обрушились на мою голову всѣ ея стремленія и цѣлый океанъ. Зачѣмъ видѣлъ я что-нибудь? Зачѣмъ провинилось мое зрѣніе? Зачѣмъ мнѣ неосторожному пришлось узнать мою вину? Не зная Актеонъ узналъ безъ одеждъ Діану, тѣмъ не менѣе сдѣлался онъ добычею своихъ собакъ. Понятно,

что даже относительно высшихъ существъ, за судьбу должно отвѣчать и случаемъ нельзя оправдываться въ оскорбленіи божества. И дѣйствительно въ тотъ день, когда меня увлекло несчастное (неблагополучное) заблужденіе погибъ небольшой, но не запятнанный домъ, маленькій конечно, но пусть въ вѣкѣ отцовъ именуется онъ славнымъ, и ни одному не уступитъ въ благородствѣ; хоть онъ не отмѣченъ ни богатствами, ни бѣдностью; всадникъ ни тѣмъ, ни другимъ не обращаетъ особеннаго вниманія. Пусть будетъ мой домъ малъ и цензомъ, и происхожденіемъ; во всякомъ случаѣ не останется въ неизвѣстности моимъ дарованіемъ и хоть кажется, что я ужъ слишкомъ по юношески имъ пользовался, но великое имя несу отъ цѣлаго земнаго круга. Толпа ученыхъ знаетъ Назона, и осмѣливается причислить къ людямъ не дюжиннымъ. Такимъ образомъ этотъ домъ, пріятный музамъ, палъ отъ одного, но немаловажнаго обвиненія и впрочемъ палъ такъ, что можетъ подняться если только перезрѣетъ гнѣвъ Цезаря. И при этомъ случаѣ, такого его снисхожденіе въ самомъ наказаніи, что раздраженіе его было легче (снисходительнѣе) моихъ опасеній. Дана жизнь, и по сю сторону смерти остановился гнѣвъ, о государь, умѣренно пользующійся твоими силами. Сверхъ того присоединяется—ты его не отнялъ—отеческое достояніе какъ будто мало было даровать жизнь, не осудилъ ты мои дѣйствія декретомъ сената, и моя ссылка не послѣдовала вслѣдствіе приговора отборныхъ судей. Грустными обругавъ словами — такъ достойно государя—самъ ты отмстилъ какъ прилично за свои обиды. Присоедини и то, что твой указъ какъ ни суровъ и грозенъ онъ — впрочемъ въ наименованіи наказанія былъ снисходителенъ, такъ какъ я названъ тамъ удаленнымъ, а не сосланнымъ, и умѣренными словами выражена моя участь; но для человѣка здравомыслящаго и понимающаго хорошо вещи, конечно нѣтъ тяжелѣе наказанія, какъ навлечь на себя гнѣвъ такого лица. Но вѣдь иногда обыкновенно бываетъ способно къ умилостивленію божество, не рѣдко случается, что свѣтлый день наступаетъ прогнавъ облака. Видѣлъ я тотъ илимъ обремененнымъ виноградными лозами, который былъ тронутъ суровою молніею Юпитера. Хоть бы ты самъ запрещалъ надѣяться, будемъ надѣяться; только это одно вѣдь и можетъ случиться вопреки твоего запрещенія. Сильная надежда овладѣваетъ мною, когда припомню

тебя, милосерднѣйшій государь, когда соображу то, что со мною случилось. И точно такъ же какъ когда море взволнуютъ вѣтры, не все въ одной силѣ волненіе, не въ равной степени неистовство, но волны то стихаютъ и пережидая молчатъ—подумаешь, что онѣ и силу отложили свою, такъ и мои опасенія и приходятъ и уходятъ и разнообразятся, подаютъ надежду умилостивить тебя, то отказываютъ въ ней. А потому небожителями, которые тебѣ даютъ и дадутъ длинныя времена, если только любятъ имя Римское; отечествомъ, которое тобою родителемъ спокойно и безопасно; его (отечества) и въ народѣ часть я былъ. Такъ и тебѣ пусть оказывается (отдается) должная любовь, которую постоянно заслужилъ и поступками и расположеніемъ, любовь признательнаго города. Пусть съ тобою довершитъ годы брачнаго союза Ливія, которая достойна была имѣть супруга не инаго какъ тебя. Не будь ее, тебѣ прилична была бы холостая жизнь и не нашлось бы ни одной, которой мужемъ могъ бы ты быть. Пусть при тебѣ невредимомъ, будетъ невредимъ и сынъ, и когда нибудь пусть правитъ этимъ государствомъ старцемъ, вмѣстѣ съ старѣйшимъ себя, и какъ твои и исполняютъ внуки, созвѣздіе юношей, идутъ по стопамъ твоимъ и своего родителя; такъ побѣда привычная постоянно къ твоимъ лагерямъ, теперь также пусть тебѣ служитъ и сопровождаетъ знакомые ей значки, пусть облетаетъ Авзонійскаго вождя привычными крыльями и кладетъ лавровый вѣнокъ на свѣтлые (блестящіе) волосы; черезъ кого войны ведешь, котораго нынѣ тѣломъ сражаешься, кому даешь великое благословеніе и твоихъ боговъ, половиною тебя ты присутствуешь, и видишь городъ—половиною ты далеко и ведешь суровыя войны. Онъ тебѣ такъ пусть возвратится побѣдителемъ отъ побѣжденнаго врага и, сидя высоко, пусть блистаетъ на увѣнчанныхъ коняхъ. Пощади, молю, скрой твою молнію, неумолимое оружіе, увы, оружіе, слишкомъ хорошо извѣстное бѣдному мнѣ. Пощади, отецъ отечества и, не забывая этого имени, не уничтожай надежду, что я могу когда-нибудь тебя умилостивить. Умоляю не о томъ, чтобы возвратиться—хотя довольно вѣроятно что великіе бога часто давали больше того, чего у нихъ просили. Если ты, вслѣдствіе моей просьбы, дашь болѣе мягкое мѣсто ссылки и болѣе близкое, то великая доля моего наказанія будетъ уже облегчена. Переношу самое крайнее, выброшен-

ный въ середину враговъ, и ни одинъ изгнанникъ не находится далѣе отъ отечества; одинъ я посланъ къ устьямъ—на семь рукавовъ дѣлящагося, Истра, давитъ меня ледяная ось Парразійской Дѣвы. Языги и Колхи, Метерейская толпа, Геты едва могутъ быть удержаны серединою водъ Дуная и между тѣмъ какъ есть другіе, сосланные тобою по болѣе важной причинѣ, никому не назначено земли, болѣе отдаленной какъ мнѣ. Далѣе ея нѣтъ ничего, развѣ только холодъ и непріятель и вода моря, которая застываетъ, скрѣпленная морозомъ. До сихъ поръ только лѣвая часть Евксина Римская; ближайшія затѣмъ мѣста занимаютъ Бастарны и Савроматы. Это—послѣдняя земля подъ законами Авзоніи, и едва прикрѣплена она къ краю твоего владычества. Вслѣдствіе того-то усердно умоляю, сошли меня въ безопасное мѣсто, чтобы и миръ не былъ отнятъ у меня вмѣстѣ съ отечествомъ, чтобы мнѣ не опасаться народовъ, отъ которыхъ не вполнѣ достаточно защищаетъ Истръ и чтобы я, твой гражданинъ, не могъ сдѣлаться жертвою непріятеля. Не прилично было бы чтобы кто-нибудь, рожденный отъ Латинской крови, сталъ бы терпѣть при благополучныхъ Цезаряхъ непріятельскія оковы. Двѣ вины меня погубили: стихотвореніе и проступокъ; о виновности послѣдняго мнѣ должно хранить молчаніе, не стою я того, Цезарь, чтобы обновлять твою рану; слишкомъ уже много и того, если разъ я былъ для тебя причиною огорченія. Остается другая часть вины: задѣтый гнуснымъ обвиненіемъ, я уличаюсь какъ преподаватель самой позорной безнравственности. Итакъ прилично, чтобы иногда и небесныя сердца впадали въ ошибку и много есть предметовъ, которые ниже того, чтобы тобою быть замѣченными и какъ Юпитеру, взирающему вмѣстѣ на боговъ и высь неба, нѣтъ времени заниматься мелочами, отъ тебя когда ты озираешь такъ висящій земной кругъ, ускользаютъ заботы о всемъ что ниже тебя. Неужели ты, властитель имперіи, оставивъ свой постъ, станешь читать стихи, писанные неравнымъ размѣромъ? Не таково бремя Римскаго имени тѣснитъ тебя, и не такую легкую тяжесть несешь ты на твоихъ плечахъ, чтобы ты, существо высшее занялся бы непристойными шутками, и сталъ бы тревожить твое зрѣніе произведеніями моего досуга (праздности). Тебѣ нужно то усмирять Паннонію, то берега Иллиріи, то силы Ретовъ и Ѳраковъ внушаютъ опасенія, то Арманинъ проситъ

мира, то Парѳскій всадникъ выставляетъ впередъ лукъ и значки, захваченные рукою. Теперь, въ твоемъ потомствѣ, Германія чувствуетъ тебя молодымъ человѣкомъ, и Цезарь ведетъ войны за великаго Цезаря, однимъ словомъ, чтобы въ столь большомъ тѣлѣ (государства) какого еще никогда не существовало, не было ни одной стороны власти (владычества), въ которой обнаруживалась бы слабость. Утомляетъ тебя попеченіе и о городѣ и объ охранѣ твоихъ законовъ и нравовъ, которыми ты желаешь, чтобы всѣ походили на тебя. Одному тебѣ нѣтъ того досуга, который ты доставляешь народамъ и ведешь незнающія отдохновенія войны со многими. Удивляюсь я, какъ при этомъ бремени стольких дѣлъ когда-нибудь пришло на мысль взять въ руки мою болтовню? Но если ты и нашелъ когда нибудь свободное время, то желалъ бы больше всего, чтобы ты ничего преступнаго не прочелъ въ моемъ Искусствѣ. Сознаюсь, что оно писано не для серьезнаго чела и недостойно быть читано столь великимъ государемъ, а все же нѣтъ ничего тамъ противнаго распоряженіямъ законовъ, и это наставленіе не молодымъ Римскимъ женщинамъ. Для кого я писалъ, чтобы тебѣ не было сомнѣнія, одна изъ трехъ книжекъ заключаетъ такіе четыре стиха: „будьте далеко тонкія повязки, отличительный признакъ стыдливости и длинное платье, которое покрываешь середину ногъ. Ничего не поемъ мы кромѣ законнаго и дозволенныхъ шалостей и въ моемъ стихотвореніи не будетъ никакого преступленія“. Ну развѣ я не удалилъ сурово отъ этого искусства всѣхъ, до которыхъ касаться запрещаетъ стола (длинное платье) и надѣтая повязка? Но и матрона можетъ воспользоваться чуждыми искусствами и имѣетъ, что ее увлечетъ, хотя бы ее и не учить. Пусть же послѣ того она ничего не читаетъ; отъ каждаго поэтическаго произведенія можетъ сдѣлаться свѣдущѣе для проступка. Она (если только ей нравится вредное) за что бы ни взялась, нравственности своей дала бы порочное направленіе. Возьметъ лѣтописи — ничего нѣтъ ихъ грубѣе! — тамъ прочтетъ какимъ образомъ Илія сдѣлалась матерью. Возьметъ ли она то произведеніе, гдѣ первою родоначальница потомства Энеева, спроситъ какимъ образомъ роскошная Венера стала родоначальницею потомковъ Энея? Могъ бы я прослѣдить и далѣе, будь только возможность выражаться послѣдовательно, что всякій родъ стихотворнаго произведенія можетъ

быть вреденъ для нравственности, а все же невозможно за то осуждать каждую книгу; нѣтъ ничего, чтобы не могло вмѣстѣ и принести пользу и вредъ. Что полезнѣе огня? Но кто готовится поджечь строеніе, беретъ огонь въ смѣлыя руки. Врачебное искусство, спасая здоровье, иногда и губитъ его; оно учитъ вмѣстѣ какая трава полезна, а какая вредна. Мечомъ подпоясывается и разбойникъ и осторожный путешественникъ: тотъ, чтобы посягать на безопасность другихъ, а этотъ, чтобы защищать себя. Наука краснорѣчія изучается, чтобы защищать дѣло правды; иногда же оно покровительствуетъ виновнымъ и не заслужившихъ тѣснитъ. Такъ и мое стихотвореніе, если его прочесть съ правильнымъ пониманіемъ, легко обнаружитъ, что оно никому не могло причинить вреда, а кто видитъ въ немъ только порочную сторону—заблуждается, и слишкомъ много силы приписываетъ моимъ сочиненіямъ. Но пусть въ этомъ и признался бы: игры также могутъ представлять разсадникъ распутства: повели же вовсе уничтожить театры; какъ часто многимъ подали поводъ грѣшить, когда Марсова арена открываетъ (распростираетъ) свою твердую почву. Пусть уничтожится циркъ, не безопасна его разнузданность, тамъ дѣвушкѣ приходится сидѣть рядомъ съ незнакомымъ мужчиною. Зачѣмъ это открыты портики, когда нѣкоторыя женщины тамъ прогуливаются и ждутъ, чтобы къ нимъ подошелъ обожатель. Есть ли мѣсто болѣе храмовъ внушающее уваженіе? Но пусть и ихъ избѣгаетъ та, которая изобрѣтательна на свои продѣлки. Будетъ ли она стоять въ храмѣ Юпитера, на мысль ей придетъ въ храмѣ Юпитера, какъ многихъ сдѣлалъ матерями этотъ богъ; если она отправится на поклоненіе въ ближайшій храмъ Юноны, вспомнитъ, какъ богиня огорчаема была множествомъ соперницъ. Увидавъ Палладу спроситъ, зачѣмъ она дѣвою понесла Ерихтонія, рожденнаго отъ преступленія. Прійдетъ въ храмъ великаго Марса, тобою воздвигнутый, то передъ дверьми стоитъ Венера, сплетшись объятіями съ героемъ-мстителемъ. Сидя въ храмѣ Изиды, спроситъ: почему ее Сатурнова дочь искала по Іонійскому и Боспорскому морямъ. Относительно Венеры припомнитъ Антиза; относительно луны Латмійскаго героя, относительно Цереры — Іазіона. Испортить мысли, склонныя къ дурному, можетъ все, а между тѣмъ оно стоитъ безопасно и твердо на своихъ мѣстахъ. Первая страни-

ца удаляетъ благородныхъ женщинъ отъ искусства, писаннаго для однѣхъ продажныхъ дѣвушекъ, и каждая жрица, которая врывается куда идти нельзя, тотчасъ становится подсудимою въ запрещенномъ преступленіи. И впрочемъ, не преступленіе — излагать изнѣженные стихи, и честныя женщины могутъ читать о томъ, чего имъ дѣлать не слѣдуетъ. Часто почтенная римская дама съ суровымъ взглядомъ видитъ голыхъ женщинъ, стоящихъ готовыми на всякій родъ любовнаго наслажденія. Глаза весталокъ видятъ тѣла, продажныхъ женщинъ, но хозяину обстоятельство это не послужило поводомъ къ наказанію. А почему же слишкомъ глаза колетъ сладострастіе моей музы? И почему именно моя книга должна внушать кому-нибудь любить? Сознаваться должно только въ проступкѣ и въ явной винѣ; относительно же моего образа мыслей и дарованія я только раскаяваюсь. Зачѣмъ не предпочелъ я потревожить еще разъ Трою, павшую отъ Аргосскаго оружія? Зачѣмъ молчалъ я о Ѳивахъ, и о взаимныхъ ранахъ братьевъ, и о семи воротахъ, изъ которыхъ каждыя имѣли своего начальника? Да и со стороны воинственнаго Рима не было бы недостатка въ матеріалѣ и набожный трудъ — излагать дѣянія отчизны. Наконецъ когда ты, Цезарь, наполнишь все заслугами, и мнѣ нужно было бы пѣть одну изъ многихъ частей и, какъ глаза привлекаютъ блестящіе лучи солнца, увлекли бы такъ духъ мой твои дѣянія. Безъ вины меня обвиняютъ; я пашу маленькое поле, а то было бы дѣломъ великой плодовитости. И та ладья, которая дерзаетъ играть на маленькомъ озерѣ, оттого не должна еще ввѣрять себя морю. Можетъ быть и потому я еще колебался, что меня хватаетъ только на болѣе легкіе размѣры и на мотивы не громкіе; но если бы мнѣ повелѣлъ описать усмиреніе исполиновъ огнемъ Юпитера, то тяжесть бремени покажетъ мою слабость въ попыткѣ. Обильному дарованію можно излагать громадныя дѣла Цезаря, чтобы содержаніе не было выше силъ. И впрочемъ я дерзнулъ, но казалось мнѣ неприличнымъ и боялся я, какъ бы не оскорбить твои силы. Я опять принялся за легкую работу, юношескія стихотворенія и притворною любовью (страстью) волновалъ мою грудь. Я съ своей стороны и не захотѣлъ бы, но меня увлекала моя судьба, и на мою казнь былъ самъ изобрѣтательнымъ. Увы мнѣ, зачѣмъ я учился, зачѣмъ меня учили родители, зачѣмъ какая либо буква напечатлѣлась въ моемъ зрѣніи? Разнуз-

данность моего языка сдѣлала меня тебѣ ненавистнымъ за искусство, съ какимъ, какъ полагали, я затронулъ запрещенныя постели, но не у меня учителя выучились шалить молодыя женщины; никто не можетъ учить тому, что самъ мало знаетъ. Описывалъ я наслажденія въ изнѣженныхъ (сладостныхъ) стихахъ, но имя мое не подало повода ни къ одной сплетнѣ, и даже, изъ среды самаго простаго народа, не найдется ни одного мужа, который могъ бы предполагать, что по моей винѣ сдѣлался отцомъ. Повѣрь мнѣ — моя нравственность далека отъ моихъ пѣсенъ, жизнь моя стыдлива, только муза моя шутлива; большая часть моихъ трудовъ лжива и вымышлена, позволила себѣ больше своего сочинителя. Книга не есть еще зеркало души, но, въ честномъ желаніи нравиться, она излагаетъ многое, что приспособлено только для удовольствія слуха. Акцій былъ бы злодѣй, а Теренцій лизоблюдъ, были бы сами драчунами тѣ, которые воспѣваютъ незнающія состраданія войны. Наконецъ не одинъ я избралъ предметомъ сочиненія нѣжную страсть, но только одинъ я поплатился за то, что дерзнулъ пѣть любовь. Что же иное какъ не любовь, соединенную съ чрезмѣрнымъ употребленіемъ вина, учитъ Теосская муза старика лирика? Чему учила Лесбосская Саффо какъ не любить, дѣвушекъ? Впрочемъ безопасна осталась и Саффо, безопаснымъ остался и тотъ (Анакреонъ). Да и тебѣ, сынъ Баттовъ, не повредило то, что ты не разъ высказывалъ читателю про свои наслажденія. Нѣтъ ни одного разсказа пріятнаго Менандра безъ любви, а эти разсказы — обычное чтеніе молодыхъ людей и невинныхъ дѣвушекъ. Да и героиня Иліады кто же какъ не позорная нарушительница супружеской вѣрности, о которой шла вооруженная борьба между любовникомъ и мужемъ? Въ ней же (Иліадѣ) на первомъ планѣ что же иное какъ не страсть къ Хризеидѣ и то, какъ дѣвушка, бывъ увлечена силою, подала поводъ къ раздраженію вождей? А Одиссея что иное какъ не женщина, которая, въ отсутствіи мужа, становится предметомъ домогательства многихъ жениховъ? Да кто же иной какъ не Меонидесъ (Гомеръ) разсказываетъ, какъ Венера и Марсъ, захваченные на позорномъ ложѣ, сплелись тѣлами? Откуда если не изъ показанію великаго Гомера могли мы узнать, что обѣ богини запылали страстью къ гостю? Всякій родъ сочиненія важностью побѣждаетъ трагедія, но и она постоянно имѣетъ предме-

томъ содержанія любовь. Такъ что же мы видимъ въ Ипполитѣ какъ не страсть ослѣпленной мачихи? Кинаце получила извѣстность любовью своего брата? Какъ! Развѣ не похотью побуждаемый Тиндаровъ сынъ, (съ плечомъ) изъ слоновой кости, повезъ Пизею на Фригійскихъ коняхъ? Чтобы мать желѣзо омочила въ крови (своихъ же) дѣтей условило горе, вслѣдствіе оскорбленной (пренебреженной) любви. Страсть обратила внезапно въ птицъ любовницу царя и мать, которая и понынѣ оплакиваетъ своего Итиса. Если бы преступный братъ не любилъ Эропу, то не читали бы мы, что кони солнца повернули назадъ, и трагическимъ котурнамъ не было бы дѣла до безбожной Сциллы, не заставь ее любовь срѣзать отеческій волосъ. Ты, который читаешь про Електру и лишившагося разсудка Ореста, читаешь преступленіе Ореста и Тиндаровой дочери. Что же мнѣ упоминать о суровомъ усмирителѣ Химеры, котораго чуть-чуть не предала смерти обманщица хозяйка (оказавшая ему гостепріимство)? Что же мнѣ говорить о Герміонѣ? Что о тебѣ, Схенеева дѣва и о тебѣ, Фэбасъ, предметъ любви Миценскаго вождя? О тебѣ Даная, о Данаевой невѣсткѣ и матери Ліея? О Гемонѣ и о томъ какъ соединились двѣ ночи, о зятѣ Пеліаса, о Тезеѣ, о томъ, кто первый изъ Пеласговъ коснулся судномъ Илiонской почвы? Присоедини сюда Іолу, родительницу Пирра, жену Геркулеса Гиласа, и Иліи мальчикъ (Ромулъ). Недостаетъ у меня времени если я буду излагать трагическія страсти, и съ трудомъ моя книга могла бы вмѣстить одни имена. И трагедія спускалась до пошлаго (похабнаго) смѣха, и въ ней не мало выраженій гдѣ стыдъ забытъ. Не было во вредъ сочинителю то, что онъ, представивъ Ахиллеса изнѣженнымъ, его великіе подвиги надломилъ своими размѣрами. Аристидесъ соединилъ съ своимъ именемъ Милезійскія шалости (проступки) и за то Аристидесъ не изгнанъ изъ своего города, да и Евбій, сложившій грязную исторію, гдѣ описалъ какъ портятъ матери свои зародыши и тотъ, кто недавно сочинилъ Сибаритскіе разсказы — не были сосланы, а также и тѣ, которые о своихъ солежаніяхъ (съ женщинами) не умалчивали. И всѣ эти произведенія находятся вмѣстѣ съ памятниками ученыхъ мужей и, вслѣдствіе щедрости правителей, они доступны для употребленія всѣхъ. И не иностранныя только книги могутъ мнѣ послужить защитою, и Рим-

скія заключаютъ въ себѣ много шутливаго. И если Енній, своимъ важнымъ голосомъ, воспѣлъ Марса, Енній, великій дарованіемъ, но грубый изложеніемъ, и если Лукрецій объяснялъ причины всепожирающаго огня, и вдохновеннымъ голосомъ высказалъ тройную причину всего существующаго; такъ рѣзвый Катуллъ не разъ воспѣвалъ свою женщину (любовницу) которой далъ ложное имя Лесбіи. Не довольствуясь ею, сознавался во многихъ страстяхъ и прямо высказывалъ свои преступныя связи. Подобная и въ томъ же родѣ необузданность маленькаго Кальва, который на разные мотивы открылъ свои шалости. Зачѣмъ буду я упоминать о стихахъ Тицида, Меммія, которые вещи, съ которыми соединенъ стыдъ, называли прямо ихъ именами и не стыдились. Имъ товарищъ Цинна и еще безстыднѣе Цинны Ансеръ, и легкое произведеніе Корнифиція и такое же Катона и тѣ книги, въ которыхъ читали, недавно подъ вымышленнымъ именемъ Периллы, твои, Метелла, похожденія, а теперь читаютъ подъ настоящимъ. Да и тотъ, который повелъ Аргосъ въ Фазійскія воды, не могъ умолчать о своихъ тайныхъ любовныхъ наслажденіяхъ. Не менѣе бозсовѣстны стихи Гортензія и Сервія; кто бы усумнился послѣдовать за такими именами? Сизенна перевелъ Аристида и не принесло ему вреда въ исторію (вставить) помѣстить шуточные, позорные разсказы и Галлу было поставлено въ вину не то, что онъ прославлялъ Ликориду, но то, что онъ, испивая слишкомъ много, былъ невоздержанъ на языкъ. Тибуллъ полагаетъ, что трудно вѣрить клятвамъ любовницы, когда она о себѣ точно также съ клятвою отрицаетъ мужу; сознается онъ, что наконецъ научилъ обманывать сторожа, но что принятое отъ него же въ науку обратилось противъ него, что не разъ онъ, какъ будто бы разсматривая достоинство колецъ и камней своей повелительницы, случайно бралъ ее за руку; онъ же излагаетъ что не разъ онъ высказывался пальцами и кивками головы и тайные знаки выводилъ на кругѣ стола; онъ же научаетъ отъ какихъ соковъ исчезаетъ съ тѣла синета, обыкновенно происходящая отъш слишкомъ страстныхъ поцѣлуевъ. Наконецъ онъ проситъ слишкомъ довѣрчиваго мужа, чтобы онъ его берегъ для того, чтобы жена грѣшила меньше. Знаетъ на кого лаетъ собака когда онъ одинъ прогуливается? Почему столько разъ онъ харкаетъ передъ за-

пертыми дверьми? Много подаетъ онъ наставленій въ такихъ (любовныхъ) шалостяхъ; онъ прямо учитъ какимъ искусствомъ жены могутъ обманывать мужей. И это ему (Тибуллу) не было поставлено въ вину, его читаютъ, онъ нравится; когда ты сдѣлался государемъ, онъ уже пользовался извѣстностью. Такія же внушенными правила найдешь ты въ нѣжномъ Проперціѣ и впрочемъ не отмѣченъ онъ вовсе знакомъ осужденія. Вотъ были мои предшественники (соб: вотъ кому я послѣдовалъ), а чувство чести не дозволяетъ здѣсь привесть знаменитыя имена живыхъ. Признаюсь, ни какъ не опасался, чтобы тамъ, гдѣ столько судовъ прошли безвредно, одно лишь мое потерпѣло крушеніе, а прочія остались всѣ невредимы. Нашлись люди, которые писали объ искусствѣ играть въ шашки (кости); у нашихъ дѣдовъ считалось это преступленіемъ немаловажнымъ. Какое имѣютъ значеніе кости какимъ ударомъ можешь наибольшее число задѣть, а избѣжать убыточныхъ собакъ; *тессера* какія имѣетъ числа; *) позвавъ дистантъ (не ясно: это терминъ игры), куда слѣдуетъ бросать, куда давать (принимать) брошенныя, какъ разноцвѣтные воины должны идти прямою дорогою, такъ какъ попавшійся въ середину двухъ непріятелей гибнетъ, чтобы игрокъ лучше умѣлъ преслѣдовать и отзывать назадъ переднюю шашку, и чтобы она для безопасности бѣгства не (шла) двигалась безъ провожатыхъ.—Вотъ лежитъ маленькая дощечка, снабженная тремя камешками; тутъ побѣдитъ тотъ, у котораго всѣ три будутъ стоять кряду. Есть и другія игры, но всѣхъ ихъ я излагать не буду, а въ нихъ обыкновенно гибнетъ наше время, вещь дорогая. Вотъ одинъ поетъ о разныхъ видахъ бросанія шаровъ, этотъ преподаетъ искусство плаванія, а тотъ игры въ кубари; другой постарался изложить искусство краситься; а еще одинъ преподалъ правила пиршествъ и гостепріимства. Тотъ показываетъ земли, изъ какой лѣпятъ чаши и учитъ какая посуда способна для жидкаго вина. Такими играми забавляются въ дымномъ мѣсяцѣ Декабрѣ, и никому не было во вредъ избрать такіе предметы для сочиненія. Этимъ то и я, введенный въ заб-

---

*) Tali—косточки, которыя съ четырехъ сторонъ были намѣчены, а съ двухъ другихъ круглы и не намѣчены. Tesserae, тессеры, косточки со всѣхъ шести сторонъ намѣченныя.

луждение, сочинилъ стихи веселаго содержанія, но мои шутки постигло печальное наказаніе. Наконецъ не вижу я изъ столькихъ писателей одного, котораго погубила бы его муза: нашелся я. Что же если бы я написалъ *мимы*, исполненныя самыхъ непристойныхъ шутокъ, гдѣ постоянно на первомъ планѣ вымыселъ преступной любви, гдѣ выступаетъ тщательно убранный (разодѣтый) соблазнитель и хитрая жена обманываетъ глупаго мужа. На это смотритъ дѣвица невѣста, мать семейства, мужъ и молодые люди, и при этомъ присутствуетъ большая часть сената. И недостаточно, что слухъ оскверняется преступными словами: привыкаютъ глаза выносить многое, что полно стыда. Когда влюбленная жена какою-нибудь новою удачною выдумкою обманула мужа, хлопаютъ и съ большою благосклонностью (публики) дается пальмовая вѣтвь. И что меньше приноситъ пользы, сцена выгодна поэту, и такія преступныя произведенія не малою цѣною покупаетъ преторъ. Августъ, обрати вниманіе на издержки твоихъ игръ, ты прочтешь, что многое такое куплено тобою за большія деньги. На нихъ ты смотрѣлъ, часто давалъ смотрѣть, до того твое величіе вездѣ соединено съ привѣтливостью Твоими глазами, которыми пользуется весь земной кругъ, снисходительный, ты видѣлъ сценическія прелюбодѣянія. Если только дозволено писать мимы, гдѣ подражаніе всему что есть позорнѣйшаго, то содержаніе изложеннаго мною заслуживаетъ гораздо меньшаго наказанія. Или родъ этого сочиненія дѣлаютъ безопаснымъ подмостки и *мимамъ* (балетчикамъ) позволяетъ сцена говорить все, что имъ только вздумается? И мои поэмы не разъ въ видѣ танцевъ являлись передъ народомъ, не разъ даже останавливали на себѣ твои глаза. И конечно если въ вашихъ жилищахъ блистаютъ старинныя тѣла, нарисованныя рукою искуснаго художника, то найдется тамъ же въ какомъ-нибудь мѣстѣ небольшая картинка, гдѣ изображены лежанія вмѣстѣ и разнообразныя фигуры (виды) любовнаго наслажденія. И какъ сидитъ Теламоній (Аяксъ, сынъ Теламоновъ), на лицѣ котораго изображается гнѣвъ и мать варварка (жестокая) имѣетъ передъ глазами преступленіе, такъ влажная Венера сушитъ пальцами мокрые волосы и видно, что они только что покрыты были материнскими водами. Нѣкоторые выражаютъ звуками войны, снабженныя окровавленнымъ оружіемъ, одни воспѣваютъ дѣянія твои,

другіе — твоего рода. Завистливая природа сдавила меня въ тѣсномъ пространствѣ и дала воображенію малыя (ничтожныя) силы, и впрочемъ тотъ счастливый авторъ твой Энеиды и *героя и его оружіе* положилъ на Тирійское ложе и ни одна часть изъ всего его произведенія не читается столько, какъ исторія любви нестрасть Филлиды и нѣжной Амариллисъ. Да и мы также, уже прежде погрѣшили: не первую вину постигло первое (новое) наказаніе; я издалъ уже стихотворенія, когда столько разъ я основательно (по праву) спокойный проѣзжалъ мимо тебя, отмѣчавшаго проступки всадникомъ. Воображалъ ли я то, чтобы тѣ сочиненія, о которыхъ я, легкомысленный, не преполагалъ, чтобы они мнѣ, молодому человѣку, могли бы повредить, обратились бы во вредъ теперь старику? Позднѣе возмездіе постигло старинную книжку и наказаніе послѣдовало, очень долго послѣ совершенія поступка, его заслужившаго, но чтобы ты не вообразилъ всѣ мои сочиненія развратными (безнравственными), часто давалъ я паруса побольше размѣромъ моему кораблю. Для шести *фастовъ* (календарей) написалъ я столько же книжекъ, и каждая книжка имѣетъ конецъ съ своимъ мѣсяцемъ, и это сочиненіе, недавно писанное подъ твоимъ, Цезарь, именемъ и тебѣ посвященное, прервала моя судьба. И я далъ трагическимъ котурнамъ царственное (о царяхъ) сочиненіе и тутъ выраженія, соотвѣтствующія важности котурна. Я же изложилъ, хотя начатой трудъ неполучилъ окончательной отдѣлки, какъ тѣла были обращены въ новые виды. О если бы ты немного хоть отозвалъ свой духъ отъ раздраженія и повелѣлъ бы тебѣ, когда будешь не занятъ, прочесть тебѣ хоть немного оттуда, не многое, именно то, гдѣ я, начавъ сочиненіе отъ творенія міра, довелъ его до твоего, Цезарь, времени. Ты увидалъ бы, сколько чувства самъ ты внушилъ мнѣ, и съ какимъ душевнымъ усердіемъ пѣлъ я тебя и твоихъ. Никого не оскорбилъ я колкимъ стихомъ и мои стихи не обвинитъ никто. Простодушный избѣгалъ я остротъ, приправленныхъ желчью; ни одна буква не отравлена ядовитою шуткою и въ столькихъ тысячахъ народа, и въ столькихъ тысячахъ стиховъ, мною сочиненныхъ, моя Каллiопе (муза) не оскорбила никого кромѣ меня самого, потому-то, какъ я догадываюсь, ни одинъ Квиритъ не радовался моему горю, но многіе сострадали и мнѣ невѣроятно, что нѣкоторые будто бы тѣшились надъ пав-

шимъ, если только есть какая либо признательность за мое простодушіе (честность). Молю, чтобы этими и другими выраженіями можно было умилостивить твое божественное величіе, отецъ, забота и спасеніе твоего отечества не съ тѣмъ, чтобы я возвратился въ Авзонію, развѣ можетъ быть когда-нибудь послѣ, когда ты будешь побѣжденъ долгимъ временемъ наказанія, но молю о мѣстѣ ссылки болѣе безопасномъ, гдѣ я буду хоть немного попокойнѣе, и пусть наказаніе мнѣ будетъ соразмѣрно моему проступку.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Элегія 1-я.

Я книга изгнанника, посланная въ этотъ городъ, прихожу робко, дай, читатель другъ—утомленной, ласковую руку и не бойся, чтобы какъ-нибудь случайно не ввела я тебя въ стыдъ; на этихъ страницахъ ни одинъ стихъ не учитъ любить и судьба, постигшая моего господина, не такова, чтобы онъ несчастный могъ бы ее прикрыть (скрасить) какими-либо шуточками. Да и то твореніе, что когда-то такъ неблагополучно спустилъ въ порѣ ранней молодости (въ зеленомъ возрастѣ) уже осуждаетъ и ненавидитъ, увы, слишкомъ поздно. Взгляни, что я несу (заключаю въ себѣ), тутъ не увидишь ты ничего, кромѣ печальнаго и самый стихъ соотвѣтствуетъ своему размѣру, а что стихи, хромая, присѣдаютъ на каждомъ второмъ стихѣ, можетъ быть это отъ самаго устройства ногъ, а можетъ быть отъ дальней дороги. Если я не пожелтѣла отъ кедра и не вычищена пемзою, то потому, что я краснѣла бы заниматься моею наружностью болѣе моего господина, а что буквы пятнами представляютъ постигшія ихъ помарки, то самъ поэтъ своими слезами попортилъ (повредилъ) свой трудъ. Если что случайно покажется сказаннымъ не по-латинѣ, то вѣдь варварская та земля, въ которой писалъ. Скажите, читатели, если только вамъ не въ тягость—куда мнѣ идти и я книжка гостьею въ городѣ, въ чье пойду жилище? Когда я это чуть слышно пролепетала трепещущимъ языкомъ, едва нашелся одинъ, который бы мнѣ указалъ путь. Пусть боги пошлютъ тебѣ то, чего они не дали моему родителю — имѣть возможность жить покойно въ своемъ отечествѣ! Веди же, я слѣдую за тобою, хотя я чуть передвигаю ноги, утомленная странствова-

ніемъ по морю и сушѣ изъ отдаленной земли. Послушался и ведя говоритъ: „вотъ форумъ Цезаря", вотъ улица, которая имѣетъ названіе отъ священнодѣйствія (a sacris); вотъ мѣсто Весты, гдѣ хранится богиня и огонь, вотъ маленькій дворецъ древняго Нумы. Оттуда повернувъ вправо сказалъ: вотъ ворота Палація, вотъ Статоръ, вотъ въ этомъ мѣстѣ Римъ построенъ въ первый разъ. Пока я удивляюсь каждому предмету порознь, вижу блестящимъ оружіемъ замѣтный входъ и жилище достойное бога. Тутъ я спросила: не Юпитера ли это домъ? А предполагать мнѣ это въ мысляхъ представлялъ основаніе дубовый вѣнокъ. Какъ только я узнала кто хозяинъ, сказала: не ошибаюсь я и это дѣйствительно жилище великаго Юпитера. Почему впрочемъ дверь прикрыта помѣщеннымъ тамъ лавромъ и густое дерево опоясываетъ августѣйшія двери или потому, что этотъ домъ заслужилъ постоянные тріумфы или потому, что онъ постоянно любимъ Левкадскимъ богомъ? Потому ли, что онъ самъ праздничный или потому, что все дѣлаетъ праздничнымъ или это знакъ того мира, который онъ даетъ землямъ, и какъ лавръ постоянно зеленѣетъ и листъ не слетаетъ съ его одряхлѣвшаго чела, такъ и этотъ домъ, имѣетъ вѣчное украшеніе и причина помѣщеннаго вѣнка изложена въ надписи, гдѣ говорится, что его помощью (силами) сохранены граждане. Присоедини, лучшій отецъ, одного къ спасеннымъ, который лежитъ далеко, будучи изгнанъ на край свѣта и въ этомъ наказаніи сознается, что заслужилъ, а причиною не преступленіе, но его ошибка (заблужденіе). О я несчастная, со страхомъ взираю на мѣсто и на могучаго, и мои буквы содрогаются отъ робкаго опасенія. Видишь ты, какъ бумага блѣднѣетъ утратившимъ кровь цвѣтомъ, видишь, какъ дрожитъ то та, то другая нога. Молю, чтобы когда-нибудь это жилище, смягчась для моего родителя, могъ онъ видѣть при тѣхъ же самыхъ хозяевахъ. Оттуда съ такою же робостью вхожу вслѣдъ за своимъ путеводителемъ по высокимъ ступенькамъ къ свѣтлому храму нестриженнаго бога, тамъ, гдѣ стоятъ статуи дочерей Бела (Данаидъ) и жестокосердый отецъ съ обнаженнымъ мечомъ и гдѣ все, что древними и новыми (людьми) задумано въ мысляхъ, открыто для взоровъ читателя; искалъ я братьевъ, разумѣется, исключая тѣхъ, которыхъ желалъ бы родитель никогда на свѣтъ не производить. Тщетно я ихъ искалъ и хранитель, поставленный начальникомъ

въ этомъ священномъ мѣстѣ, приказалъ мнѣ удалиться. Иду я въ другой храмъ, соединенный съ сосѣднимъ театромъ, но и туда не слѣдовало ногамъ моимъ имѣть доступъ и Свобода не дозволила мнѣ коснуться чертоговъ, которые первые открылись для ученыхъ книжекъ. На потомство несчастнаго автора вліяетъ судьба его и мы, его дѣти, должны выносить тоже изгнаніе, что и онъ. Можетъ быть и для насъ будетъ онъ когда-нибудь не такъ суровъ, и самою продолжительностью времени и къ нему смягчится Цезарь. Умоляю васъ боги, и тебя конечно Цезарь — а что же мнѣ просить толпу, будь ты, божественный, величайшій, благосклоненъ къ моему обѣту. Между тѣмъ, такъ какъ для меня заперто общественное помѣщеніе, пусть будетъ дозволено укрыться въ частномъ мѣстечкѣ и пусть вы, если только это терпимо, плебейскія (простаго народа) руки, возьмете мои стихотворенія.

Элегія 2-я.

Такъ было въ судьбахъ моихъ назначено — видѣть Скиѳію и землю, которая лежитъ подъ Ликаонійской осью? Ни вы Піериды, ни Латоновы дѣти, ученая толпа; не помогли вашему священнослужителю. И нѣтъ мнѣ пользы въ томъ, что я игралъ безъ дѣйствительнаго преступленія и что муза моя болѣе расположена къ шуткамъ (шалостямъ) чѣмъ жизнь моя, но перенесшаго множество опасностей на морѣ и на сушѣ, принялъ къ себѣ Понтъ, тѣснимый (сжимаемый) постояннымъ холодомъ и я, который бѣгалъ отъ дѣлъ и рожденъ на спокойное бездѣйствіе, прежде изнѣженный и (неспособный) не выносившій труда, теперь терплю самое крайнее; не могли меня погубить ни море, лишенное пристаней, ни различныя странствованія. Достало и силъ души для бѣдствій; тѣло отъ нея принимаетъ силы и переноситъ то, что повидимому перенесть невозможно (выше силъ). Впрочемъ, между тѣмъ, какъ я нерѣшительный перебрасываемъ былъ и водами и вѣтрами, самое утомленіе заставляло забывать заботу и боль сердца. И путь оконченъ и смѣнилось покоемъ постоянное передвиженіе, коснулся я земли моей казни. Теперь ничего не остается болѣе, какъ плакать, и изъ глазъ моихъ катится потокъ не менѣе того, какой течетъ отъ таянія вешнихъ снѣговъ. Приходитъ на мысль Римъ и домъ, тоска по мѣстамъ

и по тому, что еще осталось моего въ утраченномъ городѣ. Увы мнѣ, что я столько разъ стучался въ дверь моей гробницы, но что ни въ одно время она не отворилась. Зачѣмъ я избѣжалъ столькихъ мечей и ни одна морская буря, столько разъ грозившая, не потопила несчастную голову. Боги, которыхъ испытывая слишкомъ постоянными въ ихъ несправедливости, соучастники гнѣва, питаемаго однимъ богомъ, умоляю подстрекните поутихшую судьбу и запретите, чтобы заперты были двери моей гибели.

Элегія 3-я.

Если можетъ случиться, что ты удивишься, почему письмо писано пальцами другаго, боленъ былъ, боленъ въ отдаленномъ краю невѣдомаго міра и я былъ почти не увѣренъ въ своемъ спасеніи. Каково же, какъ полагаешь ты, было у меня на душѣ, у меня, лежавшаго въ суровой сторонѣ между Савроматовъ и Гетовъ? Не выношу я климата, не могу привыкнуть къ здѣшней водѣ и самая земля, не знаю почему, не нравится. И домъ не довольно удобенъ, и пища здѣсь для больнаго не совсѣмъ полезная, нѣтъ никого кто бы Аполлоновымъ искусствомъ могъ помочь страданію. Нѣтъ друга, который бы утѣшилъ, который бы разсказомъ своимъ заставилъ забыться среди медленно текущаго времени. Ослабѣвъ силами и души и тѣла, лежу я среди народовъ и мѣстъ самыхъ отдаленныхъ, и мнѣ страждущему приходитъ на мысль все мое, что далеко. Но среди всѣхъ воспоминаній первое и самое сильное принадлежитъ тебѣ, жена; ты занимаешь самое большое мѣсто въ груди моей, съ тобою говорю отсутствующею, тебя одну именуетъ мой голосъ, безъ тебя не приходитъ мнѣ ни одна ночь, ни одинъ день. Говорятъ даже что я, забывшись въ бреду безпамятства, устами безсознательными повторялъ твое имя. Когда я уже слабѣлъ и языкъ, прилипшій къ нёбу, едва могъ ворочаться, когда вливали на него по каплямъ вина, но если бы кто пришелъ сказать, что моя повелительница (здѣсь) прибыла, то я всталъ бы и надежда видѣть тебя, придала бы мнѣ силы и бодрость. Такимъ образомъ я тутъ въ сомнѣніи — буду ли живъ, а ты можетъ быть тамъ, ничего не зная обо мнѣ, проводишь весело время, нѣтъ не проводишь, говорю съ увѣренностью; для меня ясно, что ты, моя дорогая, мо-

жена проводить безъ меня время только грустно. Но если судьба моя совершила сколько ей должно было лѣтъ, и мнѣ такъ скоро приходитъ конецъ жизни, что значило бы для васъ, великіе боги, сжалиться надъ осужденнымъ на гибель и допустить, чтобы я схороненъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ отеческой землѣ или отложивъ наказаніе до времени смерти, или ускоривъ смерть предупредить ссылку. Ничего не утративъ, былъ бы я счастливъ тогда утратить жизнь, а теперь мнѣ сохранена жизнь для того, чтобы я утратилъ ее изгнанникомъ. Не для того ли умру я такъ далеко на незнакомыхъ берегахъ, чтобы судьба моя была еще печальнѣе самою мѣстностью? Тѣло мое не будетъ изнемогать на привычномъ ложѣ? И когда я буду положенъ, не будетъ никого кто бы меня оплакалъ? И слезы моей повелительницы, падая на лицо мое, не дадутъ немного отрады душѣ моей? Не выскажу я моей послѣдней воли? И съ послѣднимъ воплемъ дружественная рука не сомкнетъ потухающіе глаза? Но безъ погребенія эта голова, безъ почести гробницы неоплаканною будетъ покрыта чуждою (дикарей) землею. А ты, какъ услышишь, смутясь совершенно духомъ, оробѣвшею рукою будешь поражать въ вѣрную грудь? Тщетно протягивая руки въ эту сторону, будешь возглашать уже пустое имя супруга. Впрочемъ, пощади терзать щеки и рвать волосы; не тутъ въ первый разъ у тебя, свѣтъ мой, я буду отнятъ; знай, что я погибъ съ той минуты, какъ утратилъ отечество, тогда смерть была и прежде и тяжело теперь, если случайно можешь, но не можешь, наилучшая супруга, радуйся, что смерть положила конецъ столькимъ моимъ бѣдствіямъ. На сколько можешь, уменьшай бѣдствіе, перенося его крѣпкимъ сердцемъ, ты уже давно имѣешь сердце не нечувствительное на страданія, вѣрнѣе испытанное въ дѣлѣ страданій. И о если бы душа моя погибла вмѣстѣ съ тѣломъ и ни одна доля моя не ушла бы отъ пожирающаго костра; такъ какъ если чуждый смерти духъ улетитъ высоко въ пустой воздухъ и слова Самосскаго старика справедливы, Римская тѣнь будетъ скитаться среди Сарматскихъ и навсегда останется гостить среди суровыхъ призраковъ, впрочемъ, сдѣлай такъ, чтобы хоть кости были въ небольшой урнѣ, такимъ образомъ я хоть умершій не буду изгнанникомъ. И никто этого не запрещаетъ. Сестра Ѳивянка убитаго брата схоронила въ могилу, какъ ни запрещалъ царь; ихъ (кости) смѣшай съ

листьями и порошкомъ амома, и поставь скрытый въ подгородней почвѣ, и стихи, которые пусть читаетъ торопливыми глазами путникъ, большими знаками вырѣжь на мраморѣ могилы: „тутъ лежу я, поэтъ нѣжной любви, я, поэтъ Назонъ, погибшій жертвою своего таланта." А тебѣ, идущему мимо, кто бы ни любилъ, пусть не будетъ тяжело сказать: кости Назона пусть лежатъ спокойно. Этого достаточно въ надписи, а болѣе значительнымъ и долговременнымъ памятникомъ обо мнѣ останутся мои книжки и я увѣренъ, что онѣ, хотя мнѣ и сдѣлали вредъ, но своему автору дадутъ извѣстность и долгое время (жизни). А ты отшедшему неси похоронные дары и дай вѣнки, увлаженные твоими слезами. Хотя огонь и обратитъ тѣло въ прахъ, грустный пепелъ почувствуетъ печальную услугу. Хотѣлъ бы я больше писать, но голосъ ослабѣлъ, говоря; пересохшій языкъ отказываетъ въ силахъ диктовать. Прими сказанное, можетъ быть въ послѣдній разъ моими устами то, чего не имѣетъ самъ тотъ, кто посылаетъ: будь здоровъ.

Элегія 4-я.

О ты конечно мнѣ всегда милый, но во время трудное узнанный, послѣ того, какъ сокрушились дѣла мои. Если ты сколько-нибудь вѣришь наученному опытомъ другу, живи для себя и далеко бѣги отъ великихъ именъ, живи для себя на сколько можешь блистательною жизнью; грозная молнія направляется отъ высокой твердыни. И хоть дѣйствительно одни могущественные люди могутъ принесть намъ пользу, пусть лучше не приноситъ пользы если кто и имѣетъ возможность и повредить. Низко спущенный рей избѣгаетъ зимнихъ бурь, и широкіе паруса болѣе маленькихъ внушаютъ опасеній. Не видишь ли ты, какъ легкая кора плаваетъ сверхъ воды, между тѣмъ, какъ она топитъ связанныя вмѣстѣ сѣти, тяжкое бремя? Если бы я, который теперь предостерегаю, самъ объ этомъ былъ прежде предостереженъ, то можетъ быть я находился бы въ томъ городѣ гдѣ слѣдуетъ. Пока я жилъ съ тобою, пока меня погоняло легкое дуновеніе, эта моя ладья бѣжала по тихимъ водамъ. Кто падаетъ на ровномъ мѣстѣ — а это самое едва ли случается такъ падаетъ, что дотронувшись до земли можетъ встать, а бѣдный Ельпеноръ, свалившись съ высокаго жилища, явился навстрѣчу своему царю безсильною тѣнью. Что значило, что Дедалъ

благополучно махалъ крыльями, а Икаръ означилъ своимъ именемъ необъятное пространство водъ? А именно то, что послѣдній поднялся слишкомъ высоко, а тотъ летѣлъ пониже; а и у того и у другаго крылья одинаково были не свои. Повѣрь мнѣ, кто хорошо укрылся, тотъ хорошо (благополучно) жилъ, и каждый долженъ оставаться, не переходя предѣловъ назначеннаго ему судьбою положенія. Евмедесъ не былъ бы одинокъ, (не осиротѣлъ бы), если бы глупому сыну его не полюбились Ахилловы кони и не видалъ бы сына въ пламени, а дочерей въ деревьяхъ, если бы родитель Меропсъ принялъ Фаэтонта; да и ты постоянно берегись слишкомъ высокаго, помня рѣшеніе, стягивай свои паруса. Достоинъ ты не споткнувшись ногою пройти поле жизни и наслаждаться лучшею судьбою, а мои пожеланія въ томъ за тебя заслужилъ ты кроткимъ состраданіемъ и вѣрностью, какую сохранялъ ты ко мнѣ во все время. Я видѣлъ, что ты съ такимъ лицомъ оплакивалъ постигшую меня судьбу, какое по всей вѣроятности я самъ имѣлъ въ то время. Видѣлъ я твои слезы, падавшими ко мнѣ на лицо, и въ одно время глоталъ я ихъ и твои вѣрныя слова. Да и теперь усердно защищаешь ты удаленнаго друга и стараешься смягчить бѣдствіе, которое едва ли въ какомъ либо отношеніи смягчимо. Живи, не возбуждая зависти (недоброжелательства) и безъ славы изнѣженно проводи года; дружбу своди съ тебѣ равными, твоего Назона имя — оно одно еще ускользнуло отъ преслѣдованія — люби; остальное все во власти Скиѳскаго Понта. Меня держитъ земля, ближайшая къ звѣздамъ Еримантидской Медвѣдицы, земля, опустошенная сжимающимъ морозомъ. Далѣе остаются Боспоръ и Танаисъ, болота Скиѳіи и немногія наименованія едва ли достаточно извѣстной мѣстности; далѣе нѣтъ ничего кромѣ необитаемаго холода. Увы! Какъ близокъ отъ меня край земли! А отечество далеко, далеко обожаемая супруга и все, что мнѣ послѣ нихъ двухъ было еще тамъ милаго. Впрочемъ все это отсутствуетъ такъ, что я только тѣломъ не могу коснуться, но все доступно зрѣнію души (все вижу въ мысляхъ). Передъ глазами вращаются домъ, городъ и видъ мѣстности и смѣняются событія, каждое въ своемъ мѣстѣ; образъ супруги передъ глазами такъ живо, какъ будто бы она тутъ находилась: она мою судьбу отягощаетъ, она же облегчаетъ. Отягощаетъ тѣмъ что отсутствуетъ, облегчаетъ тѣмъ, что оказываетъ любовь и

твердо переноситъ возложенное бремя. И вы, друзья, крѣпко (неизгладимо) остаетесь въ сердцѣ моемъ и желалъ бы я каждаго назвать по имени, но благоразумный страхъ сдерживаетъ усердіе и какъ я полагаю, вы сами не хотите быть помѣщенными въ мое стихотвореніе. Прежде вы желали этого и вмѣсто самого пріятнаго почета было — читать ваши имена въ нашихъ стихахъ. А такъ какъ это теперь не чуждо опасности, то я съ каждымъ поговорю во глубинѣ сердца и не буду ни для кого поводомъ къ страху, и не выдастъ скрывающихся друзей мой стихъ своимъ указаніемъ. Если кто любилъ тайно, пустъ любитъ, впрочемъ знайте, что, какъ я ни нахожусь далеко въ отсутствіи, но вы постоянно находитесь въ моей памяти и, на сколько кто изъ васъ можетъ, чѣмъ нибудь смягчайте наше зло и не отказывайте въ вѣрной рукѣ отвергнутому. Такъ вамъ пустъ остается благопріятнымъ счастіе, и пусть никогда вы, пораженные подобнымъ жребіемъ, не просите помощи.

Элегія 5-я.

У меня съ тобою отношенія дружбы были не велики и таковы, что ты ихъ могъ вовсе безъ труда скрыть, если бы не скрѣпилъ болѣе тѣсными связями, и если бы случайно продолжалъ мой карабль идти своимъ вѣтромъ. Но когда я палъ, и всѣ бѣжали отъ страха паденія и къ моей дружбѣ обратили тылъ, дерзнулъ ты коснуться тѣла, огнемъ Юпитера пораженнаго, и вступить на порогъ дома оплаканнаго, и ты, недавній знакомой, не испытанный долговременнымъ опытомъ (обращеніемъ), оказываешь мнѣ тоже, что едва двое или трое изъ старинныхъ друзей для меня дѣлаютъ. Видѣлъ я смущенное лицо и видѣнное замѣтилъ, лицо взмокло отъ слезъ и блѣднѣе моего, я видѣлъ слезы, падавшія при каждомъ словѣ; ртомъ своимъ—слезы, ушами — слова я глоталъ, принялъ руки, повисшія на печальной шеѣ и поцѣлуи, смѣшанные съ всхлипываніями. Да и въ отсутствіи я защищаемъ твоими, дорогой, силами, — ты знаешь, что слово „дорогой“ здѣсь дѣйствительно у мѣста и кромѣ того много признаковъ явнаго благорасположенія, какъ я увѣренъ, не изгладятся никогда изъ груди моей. Боги пусть тебѣ дадутъ быть въ силахъ, всегда защищать твоихъ, и помогать имъ въ болѣе благопріят-

ныхъ случаяхъ. Если впрочемъ спросишь — а довольно вѣроятно, что ты объ этомъ спросишь — что я, погибшій, между тѣмъ дѣлаю въ этихъ мѣстахъ, влекусь малою надеждою, которую ты у меня не отнимай, что можно смягчить печальную силу божества, опрометчиво ли я этого надѣюсь или возможно будетъ этого достигнуть, ты, молю, доказывай мнѣ, что то, чего я желаю, возможно—и какое есть тебѣ краснорѣчіе языка, употреби на, то чтобы доказать, что обѣтъ мой можетъ имѣть силу. Чѣмъ кто значительнѣе, тѣмъ его гнѣвъ доступнѣе умилостивленію, и великодушный смыслъ доступенъ легко измѣненію. Для великодушнаго льва достаточно сразить своего врага, и борьба имѣетъ конецъ какъ только палъ непріятель, а волкъ и гнусные медвѣди не оставляютъ и умирающихъ, а равно и каждый звѣрь меньшей знатности. У Трои кого имѣемъ мы больше крѣпкаго Ахилла? И тотъ не вынесъ слезъ Дарданскаго старика. Какова была кротость Эматійскаго вождя—доказываютъ Поросъ и торжественная церемонія похоронъ — (Дарія). Не буду упоминать о раздраженіяхъ людей, обращенныхъ на болѣе снисходительное, зятемъ Юноны сдѣлался тотъ, кто прежде былъ врагомъ. Наконецъ не могу надѣяться никакого спасенія, между тѣмъ какъ поводъ моего наказанія вовсе не кровавый. Не искалъ я ниспровергнуть все, и не домогался головы Цезаря, головы вмѣстѣ съ тѣмъ и земнаго шара. Ничего я не сказалъ и не проговорился дерзкій языкъ, не вырвались у меня при избыткѣ вина непристойныя слова. Плачусь я за то, что видѣли преступленіе глаза, сами того не зная, и мой грѣхъ тотъ, что я имѣлъ зрѣніе. Конечно я не былъ бы въ состояніи оправдываться совсѣмъ отъ вины, но долю моей вины условило заблужденіе. А потому остается надежда, что онъ самъ соблаговолитъ смягчить наказаніе перемѣною мѣста. О если бы это принесъ бѣлый Люциферъ, предвѣстникъ блестящаго солнца, припустивъ (пришпоривъ) коня.

Элегія 6-я.

Союзъ нашей дружбы и не желаешь ты, мой дражайшій, да если бы случайно и пожелалъ, не можешь скрыть. Пока было дозволено, дороже тебя мнѣ никого не было, да и во всемъ городѣ не находилось никого, тѣснѣе связаннаго дружбою. И эта

любовь была до того ясна народу, что она была почти извѣстнѣе чѣмъ ты, чѣмъ я, и какова была прямота души твоей по отношенію къ дорогимъ друзьямъ, извѣстно и тому человѣку, котораго ты такъ чтишь. Ничего ты не скрывалъ такъ, чтобы я не былъ того соучастникомъ, и многое давалъ ты скрывать въ моемъ сердцѣ и ты былъ одинъ, кому я разсказывалъ все, что имѣлъ тайнаго, исключая того, что меня погубило. А если бы ты это зналъ, то и теперь невредимымъ пользовался бы пріятелемъ, и твоимъ, другъ мой, совѣтомъ, я былъ бы спасенъ, но конечно меня къ моей казни влекла судьба; она то преграждала каждый путь существенной пользы. Былъ ли бы я въ состояніи, принявъ мѣры предосторожности, избѣжать этого бѣдствія или никакая предусмотрительность не могла бы побѣдить судьбы, во всякомъ случаѣ ты, со мною соединенный долговременнымъ знакомствомъ (обращеніемъ), почти главная доля моей тоски, будь памятливъ, и если тебѣ привязанность придаетъ какія нибудь силы, прошу, ты ихъ испытай за меня, чтобы оскорбленнаго божества смягчился гнѣвъ и наказаніе мое было уменьшено перемѣною мѣста и притомъ такъ, если нѣтъ никакого преступленія въ сердцѣ моемъ, и начало моей вины нужно приписать заблужденію. И не легко и не безопасно высказать, вслѣдствіе какой случайности, зрѣніе мое сдѣлалось соучастникомъ печальнаго зла. Мысль отвращается съ ужасомъ отъ того времени, какъ бы отъ своей раны и воспоминаніемъ самая скорбь становится новою и то, что можетъ до такой степени принесть стыдъ, должно быть скрыто во мракѣ глубокой ночи. А потому не выскажу ничего, кромѣ того, что сдѣлалъ проступокъ, но совершая его, я не имѣлъ въ виду никакой своей личной пользы. Вину мою должно назвать глупостью, если тому, что случилось, хочешь дать справедливое названіе. Ели же это не такъ, то отыщи мнѣ мѣсто ссылки другое, гдѣ бы я находился далѣе, а эта земля пусть будетъ мнѣ подгороднею.

Элегія 7-я.

Ступай привѣтствовать Периллу письмо, на скоро написанное, вѣрно передающее мои слова. Ты найдешъ ее или вмѣстѣ съ матерью, или среди книгъ и твоихъ Піеридъ (Музъ). Чтобы ни дѣлала, узнавъ, что ты пришло, оставитъ и не медля спро-

ситъ—зачѣмъ пришло и что я дѣлаю? Скажи, что я живу, но такъ что не хотѣлъ бы живымъ быть и что мои несчастія не смягчились отъ столь долгаго промежутка времени; но что я впрочемъ вернулся къ музамъ, хотя онѣ мнѣ причинили вредъ и пригодныя слова пригоняю попеременно то въ тотъ, то въ другой размѣръ. Ты также скажи—все ли ты еще держишься крѣпко за общія занятія и, несогласно съ обычаемъ отцовъ, продолжаешь слагать ученыя стихотворенія? Тебѣ дала природа вмѣстѣ съ красотою нравъ стыдливый, рѣдкія дарованія, и воображеніе. Я первый отвелъ тебя къ водамъ Пегазейскимъ, чтобы не погибла бѣдственно жила плодотворной воды. Первый замѣтилъ я твое дарованіе въ нѣжныхъ дѣвическихъ годахъ, и явно былъ твоимъ и путеводителемъ и вождемъ въ этомъ случаѣ. А потому, если у тебя въ груди остается тотъ же пылъ, твои творенія уступятъ развѣ одной Лесбоской пѣвицѣ; но опасаюсь какъ бы постигшая меня участь, не охладила твой жаръ, и какъ бы грудь твоя не сдѣлалась недѣятельною послѣ того, что случилось со мною. Пока было возможно, часто я твое читалъ мнѣ, а мое тебѣ, часто я былъ твоимъ то судьею, то учителемъ, или я открывалъ мой слухъ для только что сдѣланныхъ стихотвореній, или когда ты переставала, я уже былъ причиною что ты краснѣла, можетъ быть вслѣдствіе примѣра, такъ какъ мнѣ мои сочиненія причинили вредъ, опасаешься ты, какъ бы и тебя не постигла таже, что меня, участь. Перилла, отложи опасеніе, лишь бы твои сочиненія не совращали женщину съ истиннаго пути и не преподавали бы ей науку любви. А потому, ученѣйшая, удали причины лѣности (бездѣйствія), возвратись къ занятію изящными искусствами и твоимъ священнодѣйствіямъ (твоему священному служенію). Эта красивая наружность испортится въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ, и старческія морщины будутъ на многолѣтнемъ челѣ. Вредная старость наложитъ свою руку на красоту, она, которая подходитъ шагами не дающими никакого звука и когда кто нибудь скажетъ: была она красива, тебѣ будетъ горько и ты будешь жаловаться, что зеркало твое лжетъ, средства твои не велики, между тѣмъ какъ ты достойна большихъ; но вообрази что они равняются самимъ громаднымъ состояніямъ, во всякомъ случаѣ счастіе даетъ ихъ кому захочетъ и отнимаетъ, и вдругъ становится Иромъ тотъ, кто недавно былъ

Крезомъ. Что же мнѣ еще вдаваться въ подробности? Ничего не имѣемъ не смертнаго, исключая дорований ума и воображенія. Вотъ я лишенъ отечества, васъ и дома и пусть бы у меня было отнято все, что только можно отнять, но дарованья мои со мною, меня сопровождаютъ и я ими пользуюсь. Цезарь въ этомъ не могъ имѣть никакого права (нисколько власти). И пусть незнающимъ жалости мечомъ покончитъ эту жизнь, но слава меня переживетъ. И пока только побѣдоносный Марсовъ Римъ, съ своихъ холмовъ, будетъ взирать на усмиренный кругъ земной. — Ты съ своей стороны, которой остается болѣе счастливое употребленіе занятій, бѣги какъ только можешь отъ неминуемыхъ костровъ.

Элегія 8-я.

Теперь я желалъ бы войти на колесницу Триптолема, который бросилъ грубое сѣмя въ невѣдомую землю; теперь желалъ бы я взнуздать драконовъ Медеи, которыхъ она имѣла, когда бѣжала изъ твоей, Коринѳъ, крѣпости. Теперь желалъ бы я взять съ тѣмъ чтобы ихъ широко раскинуть, крылья или твои Персей или твои Дедалъ, чтобы по нѣжному воздуху, который разступится передъ моимъ полетомъ, увидать вдругъ сладкую почву отечества, наружность оставленнаго дома, помнящихъ товарищей и въ особенности милое лицо моей супруги. Безразсудный, зачѣмъ желаешь вотще дѣтскими пожеланіями того, что тебѣ не приноситъ и не принесетъ никакой день? Но если только разъ ты этого желаешь, то поклонись божеству Августа и обычно помолись тому богу, котораго власть ты на себѣ почувствовалъ. Онъ можетъ передать тебѣ крылья и быструю колесницу; пусть только дозволитъ возвращеніе, тотчасъ будешь птицею. Если я стану объ этомъ молить — о большемъ же я молить не въ состояніи изъ робости, какъ бы мои обѣты не показались недостаточно скромными. Можетъ быть онъ, когда-нибудь насердившись досыта, доступенъ будетъ просьбѣ, да и то произнесенной озабоченнымъ умомъ. А между тѣмъ, и это менѣе значительно, а мнѣ будетъ вмѣсто щедраго дара — пусть онъ повелитъ мнѣ идти куда нибудь изъ этихъ мѣстъ. Не по мнѣ тутъ и небо, и воды, и земля, и воздухъ, и мое тѣло жертвою постояннаго изнуренія. Вредно ли и заразительно дѣйствуетъ на члены болѣзненное

состояніе духа, или можетъ быть причина болѣзни въ самой странѣ; какъ только коснулся Понта, тревожитъ (не даетъ покою) безсонница; кожу чуть прикрываетъ исхудалая кожа, не нравится пища устамъ. Члены мои покрываетъ тотъ цвѣтъ, какой свойственъ листьямъ осенью сраженнымъ первымъ холодомъ, поврежденнымъ недавнею зимою, ничто не подкрѣпляетъ мои силы и никогда не оставляетъ причина жалостнаго горя. И мыслью я такъ же мало здоровъ какъ и тѣломъ, та и другая часть страдаютъ одинаково и въ двухъ отношеніяхъ терплю я невзгоду. Неотступно передъ глазами какъ бы одѣтое въ плоть тѣло, образъ судьбы моей стоитъ для прочтенія. Видя мѣстность, нравы людей, наружность и звуки, припоминая то, что я теперь и чѣмъ былъ, такая овладѣваетъ любовь къ смерти, что жалуюсь на гнѣвъ, Цезаря зачѣмъ онъ за свое оскорбленіе не отмститъ мечомъ. А такъ какъ разъ уже примѣнилъ онъ свою вражду гражданственно (умѣренно), пусть же ссылка моя будетъ легче перемѣною мѣста.

Элегія 9-я

И здѣсь даже — кто бы повѣрилъ? — находятся греческіе города среди имени не человѣческаго варварства? И сюда пришли поселенцы, присланные изъ Милета и у Гетовъ поставили Греческіе дома, но вѣрно извѣстно, что названіе этого мѣста старинное, и древнѣе построенія города, произошло отъ убіенія Абсирта; на кораблѣ, который будучи устроенъ заботою воинственной (драчливой) Минервы, первый бѣжалъ по неиспытаннымъ дотолѣ водамъ. Говорятъ, что нечестивая Медея, убѣгая отъ покинутаго родителя, пристала на веслахъ къ этимъ берегамъ. Корабль издали съ высокаго холма увидалъ караульщикъ и сказалъ: „узнаю паруса, Колхидскій хозяинъ идетъ“. Между тѣмъ какъ суетятся Миніи, между тѣмъ какъ отвязываютъ веревку отъ насыпи, между тѣмъ какъ вытаскиваемый якорь слѣдуетъ за быстрыми руками, Колхидка, сознавая, что заслужила, ударила себя въ грудь; смѣло совершила она нечестивою рукою множество преступленій и много еще съ тою же смѣлостью должна была совершить и, хотя она сохраняетъ непомѣрную смѣлость замысловъ, блѣдность покрыла испуганное лицо дѣвы и когда она увидала приближающіеся паруса: насъ захватили и отца

нужно задержать какимъ-нибудь коварствомъ, между тѣмъ какъ она ищетъ, какъ поступить, между тѣмъ какъ во всѣ стороны обращаетъ лицо, случайно зрѣніе ея остановилось на братѣ и когда она замѣтила его присутствіе, сказала: побѣда наша, онъ своею смертью будетъ для меня причиною спасенія. Тотчасъ незнавшаго и не опасавшагося ничего подобнаго, острымъ мечомъ пронзила бокъ невиннаго и такимъ образомъ растерзала, а растерзанные члены разбросала по полямъ такъ, чтобы ихъ пришлось находить во многихъ мѣстахъ, а чтобы отецъ не оставался въ невѣдѣніи, выставила на высокой скалѣ поблѣднѣвшія руки и окровавленную голову, чтобы родителя задержать новымъ горемъ, и чтобы замедлился его печальный путь, пока онъ будетъ подбирать члены погубленнаго. А потому-то это мѣсто прозвано Томы, такъ какъ, говорятъ, на немъ сестра разрубила члены своего брата.

Элегія 10-я.

Если кто-нибудь и теперь еще помнитъ тамъ объ отнятомъ Назонѣ, и сохраняется еще безъ меня въ городѣ (Римѣ) мое имя, тотъ пусть знаетъ, что я живу въ самой серединѣ дикарей, находясь по близости звѣздъ никогда не прикасающихся къ морю. Савроматы, народъ дикій, Бессы и Геты окружаютъ меня, имена сколь недостойныя моего дарованія. Впрочемъ, пока воздухъ тепелъ, защищаетъ насъ середина Истра; онъ прозрачный своими водами отражаетъ войны. Но когда печальная зима выставитъ свое безобразное лицо и земля побѣлѣетъ, какъ бы мраморная отъ мороза, когда разыграется Борей и снѣгъ набросанный подъ Арктосомъ, тогда ясно, что эти народы находятся подъ гнетомъ трепещущей оси, лежитъ снѣгъ и упавшій ни солнце, ни дожди не разрѣшатъ, Борей ему (снѣгу) придаетъ твердость и дѣлаетъ его прочнымъ (постояннымъ). Такимъ образомъ еще прежній не растаялъ, а уже приходитъ другой и двухлѣтній снѣгъ остается во многихъ мѣстахъ и, такова сила приведеннаго въ движеніе Аквилона, что высокія башни равняетъ съ землею и уноситъ сорванныя крыши; отъ холода защищаются они кожами и грубо сшитыми штанами защищаютъ себя отъ холода, и изо всего тѣла остается наружи лицо. Часто волосы, будучи приведены въ движеніе, издаютъ звукъ отъ висящаго на нихъ льда и

борода, побѣлѣвъ, блеститъ отъ покрывшаго ее инея, и вынутое изъ чаши вино затвердѣвъ, сохраняетъ ея форму и вино уже не пьютъ, но глотаютъ кусками. Говорить ли, какъ берега, уступая холоду, сростаются и изъ озера выкапываютъ воду въ ломкомъ видѣ. Самъ Истръ, который не уже рѣки, производящій папирусъ, сливается съ обширнымъ моремъ многими устьями, но отъ продолжающихся вѣтровъ, его лазоревыя воды замерзаютъ и онъ ползетъ (пробирается) въ море покрытыми водами и тамъ, гдѣ ходили суда, теперь доступенъ путь ногами, и копыто коня поражаетъ воды сжатыя холодомъ, и по новымъ мостамъ, раскинувшимся надъ текущими внизу водами, Сарматскіе волы влекутъ грубо сдѣланныя повозки. Съ трудомъ бы я повѣрилъ—но такъ какъ нѣтъ никакой награды за ложь, то свидѣтель (очевидецъ) вполнѣ можетъ разсчитывать на довѣріе—видѣли мы, какъ огромное море затвердѣло льдомъ и скользкій черепъ сдавилъ недвижныя воды. И недовольно видѣть, я самъ попиралъ ногами затвердѣвшее море и самый верхъ водъ былъ подъ ногою, ее не намочивъ. Если бы тебѣ, Леандръ, море было когда-нибудь таково, не была бы смерть твоя преступленіемъ тѣсныхъ (на тѣсномъ пространствѣ) водъ. Тогда невозможно и дельфинамъ подняться въ воздухъ надъ поверхностью моря; суровая зима останавливаетъ (сдавливаетъ) ихъ попытки и, сколько бы Борей ни (звучалъ) шумѣлъ раскинутыми крыльями, волнъ никакихъ не будетъ на застывшихъ пучинахъ. Окованныя льдомъ суда будутъ стоять на льду, какъ на мраморѣ и весло не будетъ въ состояніи разсѣкать оконченѣвшія воды. Видѣли, какъ во льду оставались захваченныя рыбы и часть изъ нихъ даже и тутъ жива оставалась. Такимъ образомъ когда свирѣпая сила, мѣры не знающаго Борея, свяжетъ или морскія воды или воды разлившейся рѣки, тотчасъ же черезъ Истръ, котораго поверхность дѣлается ровною отъ сухихъ (изсушающихъ) Аквилоновъ, дикарь непріятель дѣлаетъ набѣгъ на быстромъ конѣ, врагъ, могучій конемъ и далеко летящею стрѣлою на широкое пространство опустошаетъ сосѣднюю почву. Иные разбѣгаются, никто не защищаетъ полей и (богатства) имущества расхищаются никѣмъ не оберегаемыя, богатства сельскія не велики: скотъ и скрипящія повозки и все достояніе, какимъ владѣетъ бѣдный поселянинъ. Однихъ взятыхъ въ плѣнъ—съ руками, связанными за спиною, гонятъ озирающихся вотще на свою деревню и ларовъ

(домашнихъ божковъ), другіе падаютъ бѣдственно пронзенные стрѣлами съ крючкомъ, а быстрое (метательное) желѣзо омочено въ жидкій ядъ, и что не могутъ съ собою унесть или увесть, губятъ и враждебное пламя сожигаетъ невинныя жилища. Да и тогда, когда миръ, трепещутъ отъ страха войны и никто, нажимая плугъ, не пашетъ землю: или видитъ это мѣсто непріятеля или опасается и тогда, когда не видитъ; впустѣ покинутою остается земля отъ суроваго положенія. Не скрывается тутъ ни виноградная кисть подъ прелестною тѣнью и, приведенный въ броженіе, виноградный сокъ не образуетъ глубокихъ озеръ. Этотъ край не производитъ плодовъ, и Аконтій не имѣлъ бы тутъ на чемъ писать слова для прочтенія своей повелительницѣ. Увидалъ бы тутъ поля, обнаженныя безъ листьевъ, безъ деревьевъ, мѣста, которыя никогда не посѣтилъ бы благополучный человѣкъ! Такимъ образомъ при необъятномъ пространствѣ, по которому разстилается міръ, эта земля отыскалась для моего наказанія!

Элегія 11-я.

Если есть безсовѣстный, который тѣшится постигшимъ меня случаемъ и жадный крови обвиняетъ меня до конца, родился ты изъ скалъ, вскормленъ звѣринымъ молокомъ и грудь твоя, скажу, заключаетъ дикій камень. Какой далѣе остается еще шагъ, на которой могло бы еще подвинуть тебя раздраженіе и чего въ твоихъ глазахъ не достаетъ для моихъ бѣдствій? Видитъ меня земля дикарей, не гостепріимные берега (Понта) моря и Мэналійская медвѣдица съ твоимъ Бореемъ. Съ суровыми жителями нѣтъ у меня никакого общенія языкомъ; всѣ мѣста исполнены тревожныхъ опасеній. И какъ пугливый олень, захваченный жадными медвѣдями, и какъ робѣетъ ягненокъ, котораго окружили горные волки, такъ я, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ воинственными народами, прихожу въ ужасъ, потому что непріятель почти давитъ меня въ бокъ. И пусть было бы малымъ наказаніемъ то, что я лишенъ милой супруги, отечества, всего мнѣ дорогаго (моихъ залоговъ), пусть не переносилъ бы я никакихъ бѣдъ, кромѣ одного лишь гнѣва Цезаря. Развѣ мало для меня бѣды въ одномъ гнѣвѣ Цезаря? И впрочемъ, находится же человѣкъ незажившую рану ворочать, и свое краснорѣчіе изощрять въ нападкахъ на мою нравственность. Въ дѣлѣ легкомъ каждому мо-

жно быть краснорѣчивымъ; потрясенное сокрушить достаточно самой незначительной силы. Доблесть подрывать твердыни и стѣны, которыя стоятъ; только трусы тѣснятъ (давятъ) то, что упало. Не то я, что былъ. Зачѣмъ пустую тѣснишь тѣнь? Зачѣмъ на мой пепелъ и гробницу бросаешь каменьями? Гекторъ былъ тогда, когда сражался на войнѣ, и онъ же, влекомый Гемонскимъ конемъ уже не былъ Гекторъ. Помни, что и я не тотъ, какимъ зналъ ты меня прежде; только одно подобіе (одна тѣнь) осталась отъ того (прежняго) человѣка. Жестокій, зачѣмъ горькими словами нападаешь на (преслѣдуешь) призракъ? Умоляю, пощади тревожить мои посмертные остатки. Считай все, въ чемъ меня обвиняютъ, за дѣйствительное; пусть въ томъ не будетъ ничего, чтобы ты могъ скорѣе счесть за заблужденіе, чѣмъ за преступленіе. Вотъ—удовлетвори твое сердце (насыть твою грудь), я сосланный поплатился за это наказаніемъ, тяжка самая ссылка, тяжко мѣсто ссылки. Даже палачу судьба моя можетъ показаться достойною слезъ, по твоему только мнѣнію она еще мало погрязла. Злѣе ты печальнаго Бузириса, злѣе того, который медленнымъ огнемъ жегъ мнимаго (притворнаго, искусственнаго) быка, того который какъ говорятъ, быка подарилъ Сицилійскому тиранну и свое искусство выхвалилъ словами. Въ этомъ приношеніи, царь, есть польза и важнѣе изображенія. Вотъ видишь ты въ этомъ быкѣ правый бокъ открывается. Туда-то тебѣ нужно бросать кого ты погубить хочешь, тотчасъ же заперши жги медленно въ угольяхъ, замычитъ и то будетъ голосъ настоящаго быка. За такое изобрѣтеніе, чтобы даръ отплатить даромъ, дай, молю, награду, достойную моего изобрѣтенія (выдумки). Онъ сказалъ, а Фаларисъ отвѣчалъ: чудный изобрѣтатель средства казни, самъ твоимъ присутствіемъ наполни твое же твореніе, сдѣлай опытъ съ твоимъ произведеніемъ. И не замедлилъ это сдѣлать, жестоко сжигаемый огнемъ имъ же показаннымъ, дрожащими устами испустилъ жалобные звуки. Что мнѣ среди Скиѳіи и Гетовъ съ Сицилійцами, къ тебѣ кто бы ты ни былъ, моя жалоба возвращается и чтобы жажду ты могъ моею утолить кровью, какія бы ты ни захотѣлъ наслажденія, ощущай ихъ жаднымъ сердцемъ. Отправляясь въ ссылку, столько терпѣлъ я бѣдствій на землѣ, столько на морѣ, что я думаю и ты, услыхавъ, могъ бы сострадать. Вѣрь мнѣ, если бы со мною сравнить Улисса, то гнѣвъ Нептуна меньше, чѣмъ

гнѣвъ Юпитера. А потому кто бы ты ни былъ, не желай растравлять рану и отъ тяжкой раны отними грубыя руки и чтобы забвеніе уменьшило извѣстность моей вины, допусти, чтобы судьба заживила мою рану: помня о человѣческомъ жребіи, который однихъ возвышаетъ, а другихъ давитъ, самъ берегись непостоянства счастія и такъ какъ—чего я не считалъ никогда возможнымъ, тебѣ о моихъ дѣлахъ величайшая забота, опасаться тебѣ нечего: моя судьба и такъ самая жалкая, все зло влечетъ за собою гнѣвъ Цезаря, а чтобы тебѣ это уяснилось болѣе и чтобы ты не полагалъ, что я выдумываю, хотѣлъ бы я, чтобы ты на себѣ испыталъ мое наказаніе.

Элегія 12-я.

Уже зефиры (теплые вѣтры) уменьшаютъ холодъ и съ окончаніемъ года показалась Меотійская зима длиннѣе прежнихъ. Тотъ, кто неблагополучно донесъ, взваливъ ее себѣ на плеча Геллу, дѣлаетъ время дня равнымъ ночи. Уже собираютъ фіалки мальчики и веселыя дѣвочки, фіалки, которыя никѣмъ не сѣянныя производитъ деревенская почва, луга опушаются цвѣтами разныхъ оттѣнковъ и болтливая птица празднуетъ весну неопытнымъ горломъ и ласточка, чтобы отложить вину дурной (злой) матери, подъ стрѣлами устраиваетъ колыбель и небольшое жилище, трава, которая скрывалась заваленная глыбами пашни Церериной, поднимаетъ нѣжныя верхушки изъ нагрѣтой почвы. И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть виноградъ, изъ лозы показывается почка, но виноградная лоза далеко отъ Гетическихъ береговъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть деревья, на деревѣ наливается сокомъ вѣтвь, но деревья находятся далеко отъ Гетическихъ предѣловъ. Теперь тамъ (въ Римѣ) отдохновеніе: по порядку совершаются игры однѣ за другими и удаляются болтливыя словопренія обильнаго рѣчами форума. Теперь-то въ дѣлѣ лошади, теперь-то играютъ легкимъ оружіемъ, теперь-то кидаютъ шары и въ быстромъ кругѣ вертится кубарь, теперь-то молодые люди, облившись текучимъ деревяннымъ масломъ, утомленные члены моютъ въ дѣвичьей водѣ*). Сценическія представленія въ полномъ разгарѣ, раз-

*) Этотъ источникъ находился въ 8 миляхъ отъ Рима и названъ такъ потому, что молодая дѣвушка показала его воинамъ, а Агриппа воду изъ него провелъ водопроводомъ на Марсово поле (Плиній кн. XXI, 3, Діонъ Кассій кн. LIV. 14).

горается усердіе разныхъ партій и раздаются звуки въ трехъ театрахъ предъ тремя форумами *). О четыре, и сосчитать нельзя сколько, разъ счастливъ тотъ, которому можно наслаждаться безъ запрета городомъ. А я только внимаю таянію снѣговъ отъ весенняго снѣга и тому, какъ съ трудомъ выкапываютъ воду изъ затвердѣвшаго озера. Море уже не сжато болѣе льдомъ и не гонитъ, черезъ Истръ какъ прежде, Савроматъ воловщикъ скрыпящія повозки. Начнутъ можетъ быть приплывать сюда какія нибудь суда и гостемъ появится на берегу Понта корма корабля. Торопливо прибѣгу къ корабельщику и, сказавъ привѣтствіе, спрошу: зачѣмъ прибылъ, въ какія мѣста и изъ какихъ? Удивительно если онъ не изъ сосѣдней страны безопасно разсѣкаетъ только близъ лежащія воды. Только изрѣдка морякъ изъ Италіи проходитъ это море, рѣдко появляется въ этихъ мѣстностяхъ лишенныхъ пристаней, пусть только знаетъ онъ говорить по гречески или по латинѣ, конечно послѣдній мнѣ будетъ пріятнѣе. Бываетъ и то, что кто—нибудь отъ устья пролива и водъ длинной Пропонтиды направляетъ сюда паруса съ вѣрнымъ Нотомъ. Кто бы впрочемъ онъ ни былъ можетъ донесть слухъ памятливымъ голосомъ, и служить долею и ступенью славы (молвы) онъ можетъ. Онъ, молю, могъ бы разсказать объ услышанныхъ тріумфахъ Цезаря и объ обѣтахъ возданныхъ Юпитеру Лаціума, о томъ, что ты Германія, возобновляющая войну, сложила наконецъ печальную голову подъ ноги вождя. Кто бы мнѣ принесъ эти извѣстія, которыхъ видѣть я къ моему горю не буду, тотъ вполнѣ будетъ гостемъ въ моемъ домѣ. Увы мнѣ! Ужели домъ Назона въ Скиѳскомъ краю? Уже вмѣсто лара (домашняго божка) наказаніе даетъ мнѣ свое мѣсто. Да сдѣлаютъ боги, чтобы Цезарь захотѣлъ основать здѣсь не домъ и постоянное жилище мнѣ, но лишь перепутье моего наказанія!

Элегія 13-я.

Вотъ совершенно лишній — да и что пользы было родиться? — въ свое время (является) приходитъ мой день рожденія. Жестокій, зачѣмъ приходишь ты къ жалостнымъ годамъ изгнанника? Ты долженъ былъ бы положить имъ конецъ. Будь

*) Три театра: Помпеевъ, Марцелловъ и Баттеевъ.

тебѣ какая либо забота обо мнѣ или какой—нибудь стыдъ, ты не слѣдовалъ бы за мною далѣе моего отечества, и въ какомъ мѣстѣ въ первый разъ сдѣлался я тебѣ неблагополучно извѣстенъ ребенкомъ, тамъ ты попытался бы быть для меня послѣднимъ и покинувъ меня, какъ то сдѣлали надо мною пріятели, ты, съ своей стороны, сказалъ бы, печальный, въ городѣ: будь здоровъ (прощай). Что же тебѣ общаго съ Понтомъ? Развѣ и тебя также гнѣвъ Цезаря послалъ въ отдаленный край холоднаго пояса (земнаго круга)? Конечно разсчитываешь ты на обычно оказываемую тебѣ почесть: на то, что съ моихъ плечъ будетъ спускаться бѣлая одежда. Курящійся жертвенникъ будетъ опоясанъ цвѣтущими вѣнками и блестящія зерна праздничнаго ѳиміама будутъ трепетать на огнѣ, за тебя стану приносить пирожки, означающіе время рожденія, и изъ моихъ устъ, предвѣщающихъ доброе, раздадутся слова благопріятной молитвы. Не въ такомъ я теперь положеніи и не такое для меня время, чтобы я могъ радоваться твоему прибытію. Погребальный приличенъ мнѣ жертвенникъ, опоясанный печальнымъ кипарисомъ, и зажженное пламя готовыхъ костровъ, и нѣтъ охоты дѣлать приношенія нисколько не умилостивляющія боговъ; да и при такихъ бѣдахъ на умъ не приходятъ слова благословенія и молитвы Впрочемъ, если для меня остается чего нибудь просить въ этотъ день, то молю, чтобы ты никогда болѣе не возвращался въ эти мѣста, пока меня держитъ въ себѣ часть земли почти самая крайняя (отдаленная), Понтъ, вовсе обманчиво названный Евксиномъ (т. е. гостепріимнымъ).

Элегія 14-я.

Святой поклонникъ и представитель ученыхъ мужей, постоянный другъ моего дарованія, что дѣлаешь? И теперь принимаешь ты мѣры, какъ бы я не весь находился въ отсутствіи? Принимаешь ты къ себѣ всѣ стихи, конечно исключая однихъ искусствъ, которыя повредили ихъ автору. Во всякомъ случаѣ прошу тебя, усерднаго до новыхъ поэтовъ, на сколько можешь, сохрани мое имя въ городѣ. Мнѣ назначена ссылка, но не назначена ссылка моимъ книжкамъ, книжкамъ, которыя не заслужили переносить наказаніе, постигшее ихъ господина. Не разъ

отецъ бѣглецомъ живетъ въ ссылкѣ на чуждыхъ берегахъ, а въ городѣ дозволено быть дѣтямъ изгнанника. По примѣру Паллады, мои стихи сочинены мною безъ помощи матери; это мой родъ и племя; его тебѣ поручаю и пусть они тебѣ будутъ тѣмъ болѣе дороги (тѣмъ болѣе о нихъ заботься), что они сироты безъ отца. Есть у меня трое дѣтей, постигнутыхъ заразою моего бѣдствія, всѣ же остальныя будутъ явно предметомъ твоей заботы Есть у меня пятнадцать книгъ измѣненныхъ видовъ, стихи эти исторгнуты изъ похоронъ ихъ господина. Это твореніе могло бы-не погибни я прежде — болѣе вѣрную имѣть извѣстность, отъ окончательной отдѣлки; теперь невыправленнымъ попало въ уста народа. Если впрочемъ, что нибудь мое есть въ устахъ народа и это, не знаю что, нашимъ приложи книжкамъ, что тебѣ приходитъ присланнымъ изъ отдаленнаго края земли. И это кто станетъ читать, если кто-нибудь прочтетъ—пусть приметъ въ соображеніе—въ какое время и въ какомъ мѣстѣ сочинено. Снисходителенъ будетъ къ сочиненіямъ тотъ, кто узнаетъ, что время ихъ составленія—ссылка, а мѣсто — страна дикарей. Подивится еще, что я, при столькихъ бѣдствіяхъ, могъ найдти достаточно силы, печальною рукою писать что либо. Несчастія сломили мои дарованія, и прежде его источникъ былъ необильный и жила малая, да и то, что было, при недостаткѣ упражненія исчезло, и погибло изсохши отъ долговременнаго бездѣйствія. Нѣтъ здѣсь въ избыткѣ книгъ, которыя меня приглашали бы и давали пищу; вмѣсто книгъ звучатъ луки и оружія. Въ этой землѣ, если стану читать мои стихотворенія, никого не найдется котораго слухъ и понятіе могли бы мнѣ служить, и нѣтъ мѣста куда бы я уединился. Караулы стѣнъ и запертыя ворота удаляютъ враждебныхъ Гетовъ, часто ищу какое—нибудь слово, имя и мѣсто, и нѣтъ отъ кого могъ бы я узнать повѣрнѣе, часто при усиліи что нибудь сказать — позорно и признаться,—не нахожу словъ и разучился я говорить, почти оглушенъ я звуками Ѳракійскими и Скиѳскими и мнѣ кажется, что я уже могу писать Гетическими выраженіями. Повѣрь мнѣ, опасаюсь, какъ бы они не примѣшались къ Латинскимъ, какъ бы ты въ моихъ сочиненіяхъ не прочелъ Понтійскихъ словъ. А потому, какова бы она ни была, удостой извиненія книжку, и пріими въ оправданіе условія моего жеребья.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Елегія 1-я.

Если бы и были, а непремѣнно будутъ, какіе либо недостатки въ нашнхъ книжкахъ, то ты, читатель, извини ихъ тѣмъ временемъ, въ какое онѣ писаны. Я былъ изгнанникомъ и искалъ отдохновенія (успокоенія) а не славы, чтобы мысли не слишкомъ напряженно были заняты моими бѣдами. Потому то поетъ цѣпями скованный землекопъ, когда совершаетъ свою трудную работу при грубыхъ (необработанныхъ) напѣвахъ, поетъ и съ усиліемъ наклонясь надъ тинистымъ (пескомъ) песчанымъ берегомъ кто тащитъ медленно судно противъ теченія рѣки и тотъ, кто прижимая равномѣрно къ груди медленныя (упругія) весла, подъ тактъ ударяя руками, разсѣкаетъ воды, когда утомленный пастухъ, опираясь на палку, присѣлъ на камнѣ, пѣснью на свирѣли тѣшитъ овецъ. Вмѣстѣ поющей, вмѣстѣ (влекущей) тянущей данную урокомъ пряжу служанки работа совершается для нея незамѣтно; она сама себя обманываетъ. Говорятъ печальный Ахиллесъ, когда у него уведена была Бризеида, свою грусть смягчалъ звуками Гемонійской лиры. Когда Орфей увлекалъ пѣніемъ лѣса и твердые камни, онъ былъ печаленъ, вслѣдствіе два раза утраченной жены. Да и меня, когда я стремлюсь въ назначенныя мнѣ, повелѣніемъ мѣста Понта утѣшаетъ муза: одна она продолжаетъ быть неотступнымъ товарищемъ ссылки, одна не боится ни злыхъ замысловъ людей, ни меча воина, ни моря, ни вѣтровъ, ни дикарей. Знаетъ также, когда погибалъ, какое меня увлекло заблужденіе, и что въ сдѣланномъ мною—вина, но не преступленіе. Но теперь ты же сама загладь то, что было мнѣ

во вредъ, когда ты обвинена была за одно со мною въ взведенномъ на меня преступленіи. Я бы конечно и не захотѣлъ когда либо дотрогиваться руками до святыни Піеридъ, такъ какъ имъ суждено было причинить мнѣ вредъ, но теперь что я стану дѣлать? Крѣпко меня держитъ самая сила сестеръ и я безумный, стихотвореніемъ обиженный, сочиненіе стиховъ люблю. Такъ новый (неизвѣстный) лотосъ, будучи испытанъ Дулихійскимъ нёбомъ—тому, кому повредилъ, былъ пріятенъ вкусомъ. Понимаетъ любящій почти всегда свои страданія, однако крѣпко держится за нихъ и неотступно преслѣдуетъ причину своей вины и меня утѣшаютъ, хотя и повредили, книжки и оружіе, причинившее мнѣ вредъ, люблю. Можетъ быть такое усердіе можетъ показаться безразсудствомъ. Не допускаетъ оно имѣть постоянно въ памяти образъ моихъ несчастій и заставляетъ забывать постигшую меня теперь случайность, и какъ раненная Вакханка не чувствуетъ боли, пока внѣ себя завываетъ на Едонскихъ высотахъ, такъ когда согрѣвается моя грудь, тронутая зеленымъ тирсомъ, тогда тотъ духъ выше человѣческихъ бѣдствій, не понимаетъ онъ ни ссылки, ни береговъ Скиѳскаго моря, ни того, что имѣетъ противъ него раздраженныхъ божествъ. И какъ будто бы я выпилъ чашу приводящей въ усыпленіе Леты, такъ у меня притупляется сознаніе несчастныхъ моихъ обстоятельствъ. А потому основательно чту я богинь, мои страданія смягчающихъ, вѣрныхъ товарищей полной тревоги высылки изъ Геликона, удостоившихъ слѣдовать за мною частью моремъ, частью по землѣ, то на суднѣ, то пѣшкомъ. Молю, пусть хоть онѣ по крайней мѣрѣ будутъ ко мнѣ снисходительны; всѣ же остальные боги дѣйствуютъ за одно съ великимъ Цезаремъ и на меня насылаютъ столько бѣдъ, сколько имѣетъ морской берегъ песку, море — рыбъ, а рыба яицъ. Прежде сочтешь ты весною цвѣты, во время зноя колосья, осенью—яблоки, въ холода снѣга, чѣмъ бѣды, какія терплю перебрасываемый по цѣлому земному кругу, пока бѣдный стремлюсь къ лѣвому берегу Евксинскаго Понта. И впрочемъ когда и достигъ, не легче моя бѣдственная участь, и сюда враждебная судьба преслѣдовала меня по пятамъ и здѣсь узнаю нить (пряжу) моего рожденія, нить, которая для меня сдѣлана изъ черной шерсти. И пусть не буду я разсказывать ни враждебныхъ замысловъ, ни опасностей для жизни, изложу дѣйствительное, но

и то тяжелѣе вѣроятія. Какъ бѣдственно жить среди Бессовъ и Гетовъ тому, кто постоянно былъ въ устахъ народа. Какъ бѣдственно находить защиту для жизни въ воротахъ и стѣнахъ и едва быть безопаснымъ только крѣпкою мѣстностью. И молодымъ человѣкомъ бѣжалъ я суровыхъ состязаній войны и рука моя не дотрогивалась до оружія иначе какъ играя, а теперь состарѣвшись подставляю бокъ мечу, лѣвую руку щиту и сѣдину мою шлему. Когда съ сторожевой башни караульный подаетъ знакъ тревоги, дрожащею рукою тотчасъ же надѣваю вооруженіе. Непріятель, имѣя луки и стрѣлы, напитанныя ядомъ, суровый объѣзжаетъ стѣны на тяжело дышущемъ конѣ и какъ хищный волкъ уноситъ и влечетъ по лѣсамъ и нивамъ животное, которое не успѣло скрыться въ овчарню, такъ и дикарь непріятель, если захватитъ въ полѣ кого-нибудь не успѣвшаго еще скрыться за ограду воротъ, угоняетъ и плѣнный, или слѣдуетъ, принявъ наброшенную на шею веревку, или гибнетъ отъ стрѣлы напитанной ядомъ. Тутъ-то нахожусь я, новый житель полнаго тревогъ мѣстопребыванія и впрочемъ, при такихъ бѣдствіяхъ, гостья моя Муза выноситъ возвращаться къ размѣрамъ и древнимъ священнодѣйствіямъ, но и нѣтъ никого кому бы могъ прочесть мои стихотворенія, никого кто бы своимъ слухомъ могъ бы внять Латинскимъ словамъ. Самъ себѣ — что же иначе дѣлать?—читаю пишу и мои выраженія не должны опасаться меня же судьи (моего же приговора). Впрочемъ я часто говорилъ: для кого теперь я забочусь и тружусь? Развѣ мои сочиненія будутъ читать Савроматы и Геты? Часто когда я писалъ лились у меня слезы и буквы дѣлались влажными отъ моихъ рыданій, сердце мое чувствуетъ старыя раны, какъ бы новыя и на грудь дождемъ падаетъ печальная вода. Когда смѣняются чередомъ воспоминанія о томъ, что я былъ и что теперь, о томъ, куда занесъ меня случай и откуда—часто, безразсудная рука, раздраженная противъ занятій причинившихъ вредъ, бросала мои стихотворенія въ горящую печь. А потому это, хотя за то что не многое уцѣлѣло изъ многаго, прочти ты кто бы ни былъ, извиняя недостатки. Да и ты Римъ, для меня недоступный (запретный), позаботься благосклонно объ этомъ стихотворномъ произведеніи, хотя оно не лучше судьбы моей.

Элегія 2-я.

Можетъ быть уже и ты, дикая Германія, какъ и весь кругъ земной, склонивъ колѣно, покорилась Цезарямъ, можетъ быть высокія палаты покрываются гирляндами цвѣтовъ, трещитъ ладонъ на огнѣ, помрачая свѣтъ дневной, и бѣлоснѣжное жертвенное животное, пораженное въ шею поднятымъ къ верху топоромъ смачиваетъ багровою кровью почву и дары, обѣщанныя храмамъ дружественныхъ боговъ, воздать готовятся побѣдители Цезари и тотъ и другой и тѣ молодые люди, которые растутъ подъ именемъ Цезаревымъ, чтобы этотъ домъ навсегда владѣлъ землею и Ливія съ добрыми невѣстками за сохраненіе невредимымъ сына даетъ (и будетъ часто давать) приношенія заслужившимъ богамъ, а также матери семействъ и тѣ, которыя въ чистотѣ и невинности постоянными, чуждыми обвиненій, дѣвственницами хранятъ огни. Пусть радуется любящій (набожный) благочестивый народъ, съ нимъ сенатъ и сословіе всадниковъ, котораго недавно составлялъ и я малую часть. Мнѣ, далекому изгнаннику, общія всѣмъ радости чужды (ускользаютъ) и чуть слышною молва приходитъ въ такую даль. Такимъ образомъ весь народъ будетъ въ состояніи смотрѣть на торжества (тріумфы), прочтетъ имена городовъ и титулы ихъ начальниковъ, увидитъ царей плѣнными, несущими веревки на своихъ шеяхъ, идущихъ впереди украшенныхъ вѣнками коней, увидитъ выраженія лицъ, однихъ примѣненными къ обстоятельствамъ времени, другихъ грозными и совершенно забывшими о себѣ. Одни будутъ распрашивать о причинахъ, дѣлахъ и наименованіяхъ, другіе будутъ отвѣчать, какъ бы ни мало знали сами. Этотъ, который гордо блистаетъ на Сидонской порфирѣ, былъ главнымъ начальникомъ войны, а этотъ вторымъ послѣ него. Этотъ, который теперь устремилъ въ землю жалостные глаза, не таковъ былъ видомъ, когда носилъ оружіе; тотъ свирѣпый, котораго глаза пылаютъ и теперь огнемъ вражды, самъ былъ совѣтникомъ на битву и убѣждалъ къ ней. Онъ, коварный, нашихъ окружилъ въ предательской мѣстности, онъ, котораго лицо закрываютъ распущенные въ безпорядкѣ длинные волосы. А тотъ, который идетъ за нимъ не разъ приносилъ самъ въ жертву божеству, отвращавшемуся отъ такихъ жертвъ, плѣнныхъ непріятелей. Это озеро, эти горы, эти

крѣпостцы—а ихъ было столько—это множество рѣкъ были мѣстомъ свирѣпаго побоища, были наводнены кровью. Друзъ когда-то заслужилъ себѣ прозванія въ этихъ земляхъ и была добрая отрасль, достойная родителя. Вотъ съ сломленными рогами, плохо защищенный зеленою порослью, Рейнъ будетъ оскверненъ кровью своихъ. Вотъ несутъ Германію съ растрепанными волосами, и сидитъ печальная у ногъ непобѣдимаго вождя, подставляя надменную шею Римскому топору, несетъ оковы тою рукою, которою несла оружіе. Выше всего ты, Цезарь, на колесницѣ будешь ѣхать побѣдителемъ, одѣтый въ порфиру; какъ слѣдуетъ по обычаю, мимо взоровъ твоего народа; куда ни направишь путь, тебѣ будутъ рукоплескать руки твоихъ и со всѣхъ сторонъ бросаемые цвѣты покроютъ тебѣ путь. Виски украсишь Фебовымъ лавромъ и воины громкимъ голосомъ будутъ возглашать: Іо, Іо, торжествуй. Самъ увидишь не рѣдко, что четвернею впряженные кони будутъ останавливаться не разъ отъ шума, хлопанія въ ладоши и говора поющихъ. Оттуда отправишься въ крѣпость въ храмы, благосклонные къ обѣтамъ, и обѣтный лавръ принесенъ будетъ заслужившему его Юпитеру. Это я удаленный увижу воображеніемъ на сколько смогу; оно замѣняетъ для меня утраченное мѣсто; оно разгуливаетъ свободно по необъятному пространству земель, быстрымъ полетомъ достигаетъ оно и въ небо; оно низводитъ глаза мои въ середину города и не допускаетъ ихъ быть не причастными такому благополучію. Найдетъ мысль, откуда смотрѣть на колесницу изъ слоновой кости, такъ во всякомъ случаѣ буду въ отечествѣ на короткое время. А счастливый народъ будетъ пользоваться дѣйствительнымъ зрѣлищемъ, и присутствующая тамъ толпа будетъ радоваться съ своимъ вождемъ. А мнѣ только воображающему и далеко отброшенному, однимъ слухомъ прійдется пользоваться этимъ. Мнѣ, посланному на край свѣта далеко отъ Лаціума, едва ли найдется кто бы разсказалъ мнѣ, жаждущему слушать, да и тотъ уже разскажетъ про поздній старинный тріумфъ, не все же я буду радоваться когда услышу. Наступитъ тотъ день, когда я забуду и свое горе, и дѣло общее будетъ выше частнаго.

Элегія 3-я.

Большой и по меньше звѣри (медвѣдицы), изъ коихъ одинъ даетъ направленіе Греческимъ, другой Сидонскимъ кораблямъ, тотъ и другой сухіе вы, которыя все видите, будучи помѣщены на верху оси и не погружаетесь заходя въ воды моря и кругъ вашъ, опоясывающій своими охватами эѳирную твердыню, выдается надъ землею, до которой не прикасается. Молю, взгляните на тѣ стѣны, которыя, какъ говорятъ, нѣкогда такъ неблагополучно перескочилъ Ремъ, сынъ Иліи, обратите ваши свѣтлые взоры къ моей повелительницѣ и донесите мнѣ—помнитъ ли она обо мнѣ или нѣтъ? Увы мнѣ! Зачѣмъ я спрашиваю то, что слишкомъ ясно, зачѣмъ падаетъ во мнѣ надежда, перемѣшанная съ невѣрнымъ опасеніемъ? Повѣрь тому, что есть, чего желаешь и перестань опасаться того, что обезпечено отъ подозрѣній и пусть будетъ въ тебѣ твердое убѣжденіе въ несомнѣнной вѣрности и что не могутъ высказать тебѣ пламенныя свѣтила, ты скажи самъ себѣ голосомъ не знающимъ обмана: помнитъ о тебѣ та, забота о которой для тебя самая главная и что только можетъ—одно имя твое съ собою имѣетъ, къ твоему изображенію, какъ бы къ самому на лицо присутствующему припала и тебя, отдѣленная громаднымъ пространствомъ, если только въ живыхъ, любитъ. Но когда пораженная горемъ мысль предастся праведной скорби отъ вспомнившей груди удаляется ли тихій сонъ? Тогда приходятъ заботы, когда тебя трогаетъ (волнуетъ) мѣсто и постель, не дозволяя забыть обо мнѣ. Приходятъ волненія и ночь кажется необъятною (безъ конца); съ боку на бокъ переворачиваешься, пока кости заболятъ отъ утомленія. Я съ своей стороны не сомнѣваюсь, что это и прочее бываетъ, и что твоя любовь даетъ знаки цѣломудренной скорби. И мучишься ты не меньше, какъ когда Ѳивянка видѣла окровавленнаго Гектора влекомымъ Ѳессалійскою осью. Остаюсь въ нерѣшительности — о чемъ мнѣ самому молить? И не могу выразить, въ какомъ бы состояніи духа желалъ бы я, чтобы ты находилась. Печальна ты? Прихожу въ негодованіе, что я для тебя поводъ къ (горю) страданію? Нѣтъ; боюсь какъ бы ты не была достойна потерять мужа. Но ты, добрѣйшая жена, скорби о твоей потерѣ и проводи время въ горѣ отъ постигшихъ меня бѣдствій. Оплакивай постигшую меня случайность; есть нѣкото-

рое наслажденіе плакать: выливается и утоляется слезами горе, и о если бы пришлось тебѣ оплакивать не жизнь, но смерть мою: смерть моя оставила бы тебя одинокою! Духъ этотъ черезъ тебя вышелъ бы въ ему родной воздухъ; слезы нѣжнаго чувства окропили бы грудь мою и пальцы твои сомкнули бы глаза мои, въ послѣдній день взирающіе на знакомое небо, и прахъ лежалъ бы помѣщеннымъ въ могилѣ дѣдовъ и тѣло хранила бы земля, которой коснулся я при рожденіи. Наконецъ я, какъ жилъ, пусть бы и померъ безъ обвиненія, теперь жизнь моя сдѣлалась позорною, моимъ наказаніемъ. О я несчастный, если ты, когда тебя называютъ женою изгнанника, отворачиваешь лицо и лицо покрываетъ вдругъ краска лица! О я несчастный, если тебѣ кажется постыднымъ, что ты вышла за меня замужъ! О я несчастный, если тебѣ уже стыдно быть моею! Гдѣ то время, когда ты имѣла обыкновеніе гордиться тѣмъ, что ты жена моя, и не старалась скрыть имя мужа. Гдѣ это время, въ которое ты, если только не желаешь чтобы я это высказалъ, помню, что тебѣ нравилось и называться и быть моею. И какъ свойственно женщинѣ честной, всякимъ даромъ тебѣ нравился; любовь твоя и расположеніе преувеличивали много дѣйствительность (прибавляли многое къ дѣйствительному) и я казался тебѣ столь великимъ, что не было другаго человѣка, котораго бы ты предпочла или котораго ты предпочла бы имѣть своимъ. Да и теперь не стыдись, что ты жена моя, и не горе твое вслѣдствіе этого должно отсутствовать, а долженъ отсутствовать стыдъ *(горевать—горюй и не стыдись горя—смыслъ тотъ)* когда вдругъ палъ отъ внезапнаго удара дерзкій (надменный) Капаней, развѣ прочтешь ты, что Евадне стало стыдно за мужа и тебя самого, Фаэтонъ, хотя царь міра усмирилъ огнями огни, не ставили въ вину твоимъ и Семеле не сдѣлалась чужою Кадму родителю за то, что честолюбивая погибла отъ своихъ просьбъ и тебѣ, потому что я пораженъ неумолимыми огнями Юпитера, пусть на нѣжнемъ лицѣ не выступаетъ яркій румянецъ стыда; но поднимайся болѣе на заботу обереженія меня и будь для меня примѣромъ доброй жены, наполни печальное содержаніе твоими добродѣтелями; путь славы труденъ и идетъ по пропастямъ. Гектора кто бы зналъ, будь Троя счастлива? Вслѣдствіе общественныхъ бѣдствій открытъ путь доблести. Искусство твое, Тифисъ, лежитъ, если нѣтъ на

морѣ волнъ; если люди здоровы, безъ дѣла лежитъ, твое, Фебъ, искусство. Добродѣтель, дотолѣ скрытая и остающаяся неизвѣстною при благопріятныхъ обстоятельствахъ, обнаруживается и обличается бѣдствіями. Тебѣ моя судьба вмѣсто почетнаго наименованія, и твоя любовь имѣетъ возможность высоко поднять голову, пользуйся временемъ, на даръ котораго ты теперь полагаешься, вотъ широкое поле открылось для похвалы тебѣ!

Элегія 4-я.

О ты, именитый заслугами предковъ, благородствомъ характера оставляешь далеко позади знатность рода. Въ душѣ твоей образъ наслѣдственной честности (прямоты), но честность эта не лишена своей собственной энергіи. У тебя такой даръ краснорѣчія на отечественномъ языкѣ, какому превосходнѣйшаго не было образцовъ на форумахъ Лаціума. Чего я всего меньше желалъ, а я тебя назвалъ вмѣсто имени выставивъ твои примѣты, прости же это твоимъ похваламъ. Ничѣмъ я не провинился, тебя самого выдаютъ (открываютъ) твои добрыя качества; если ты кажешься тѣмъ, что есть, то вина моя разрѣшена и впрочемъ не думай, чтобы тое вниманіе (желаніе угодить) сдѣланное моимъ стихотвореніямъ, могло бы причинить тебѣ вредъ при столь справедливомъ государѣ. Онъ самъ отецъ отечества; кто болѣе гражданинъ, какъ не онъ? Онъ терпитъ же, что и его имя часто читаютъ въ нашемъ стихотвореніи и не можетъ препятствовать Цезарь потому, что это дѣло общественное и это наша же доля изъ общаго блага. Юпитеръ даетъ полную волю воображенію поэтовъ надъ своимъ божествомъ и дозволяетъ себя прославлять чьими бы то ни было устами. Дѣло твое безопасно примѣромъ двухъ высшихъ существъ, изъ нихъ одного видимъ, а въ другаго вѣримъ. Хотя бы я и не долженъ былъ, а все же я эту вину любилъ бы; не было твоего участія въ томъ, что я писалъ. И не ново то оскорбленіе, что я съ тобою говорю, съ тобою съ кѣмъ я, будучи еще невредимъ, говорилъ часто, какъ съ моимъ пріятелемъ. А чтобы ты еще меньше опасался обвиненія въ дружбѣ со мною, можно взвалить вину, если она есть, на другаго. Не можешь ты скрыть того, что твой отецъ былъ предметомъ моего уваженія съ самыхъ первыхъ лѣтъ; мои дарованія,

ты можешь это припомнить—онъ одобрялъ болѣе даже чѣмъ сколько я, по собственному сужденію, стоилъ и нѣкоторые стихи мои произносилъ онъ тѣми устами, въ которыхъ была доля древняго благородства. А потому, если для меня открытъ былъ тотъ домъ, то не ты обманутъ, но ранѣе (прежде) тебя виновникъ твоей жизни. И впрочемъ повѣрь мнѣ, обмана тутъ не было, но во всѣхъ дѣйствіяхъ, отними только послѣднее, нужно защищать жизнь мою. Да и относительно этой вины, которая меня погубила, ты самъ не скажешь, что она преступленіе, если только тебѣ станетъ извѣстна послѣдовательность (послѣдовательный ходъ этой бѣды). Мнѣ повредилъ или страхъ или заблужденіе, заблужденіе прежде: ахъ, дозволь мнѣ не приводить себѣ на память мою печальную судьбу и дотрогиваясь до еще не зажившей раны, разведить ее; ей едва ли принесетъ пользу (само) даже спокойствіе. Такимъ образомъ пусть по справедливости плачусь я наказаніемъ, но во всякомъ случаѣ моему проступку чужда была преступная мысль злонамѣренности. Поняло это и божество *) и вслѣдствіе этого и свѣта (зрѣнія, жизни) я не лишенъ и не владѣетъ другой отнятымъ у меня состояніемъ. Можетъ быть, лишь бы только онъ (Августъ) остался живъ, положитъ когда-нибудь конецъ и этой ссылкѣ, когда отъ времени смягчится раздраженіе. Теперь молю, чтобы онъ отсюда повелѣлъ идти въ другое мѣсто, если только желаніе мое не чуждо стыда, полнаго почтенія. Я желаю мѣста ссылки болѣе (скромнаго) мягкаго и немного поближе, и вмѣстѣ подальше отъ незнающаго жалости непріятеля. Какъ велико въ Августѣ милосердіе! Если бы этого кто-нибудь просилъ бы за меня, можетъ быть онъ и далъ бы. Холодныя меня удерживаютъ берега Евксинскаго порта, древними названъ онъ былъ Аксеносъ, такъ какъ и море волнуемо неумѣренными вѣтрами и корабль пришельца не находитъ спокойныхъ пристаней. Кругомъ находятся народы, которые добычу снискиваютъ кровію и землѣ можно довѣрять еще меньше чѣмъ водѣ, и даже ее больше, чѣмъ воды, должно опасаться. Тѣ, о которыхъ слышишь, что они тѣшатся пролитіемъ крови людей, почти

---

*) Это Овидій такъ называетъ Августа, его же сославшаго! Позоръ этой подлости—боготворить злодѣя—конечно всею тяжестью долженъ пасть на того, кто вынудилъ своимъ насиліемъ, а не на несчастную жертву, желавшую гнусною, но пріятною хоть облегчить свою участь перемѣною мѣста ссылки.

подъ осью того же созвѣздія лежатъ и не далеко отъ насъ то мѣсто, гдѣ Таврическій жертвенникъ богини, носящей колчанъ, напитался кровью отъ безжалостнаго убійства. Здѣсь были прежде, какъ припоминаютъ, владѣнія царя Тоанта, не враждебныя злодѣямъ и не предметъ желанія для добрыхъ. Здѣсь Пелопеева дѣва за подставленную лань почтила священнодѣйствія, какія бы они ни были, своей богини; когда прибылъ туда—не рѣшено благочестивый ли или преступный Орестъ, выгнанный своими фуріями и товарищъ его Фокей, примѣръ истинной любви, въ двухъ тѣлахъ были у нихъ одни мысли; тотчасъ ихъ связанныхъ ведутъ къ жертвеннику Тривіи, который, облитый кровью, стоялъ передъ двойными дверями. Впрочемъ смерть не устрашила ни того ни другаго, но каждый скорбѣлъ о гибели товарища. Уже жрица стояла съ извлеченнымъ мечомъ; повязка дикарей обвивала греческіе волосы, когда, обмѣнявшись словами, Ифигенія узнала брата и вмѣсто того, чтобы нанесть ему смерть, приняла въ свои объятія. Съ радостью она—изображеніе богини, возненавидѣвшей жестокіе обряды, перенесла изъ тѣхъ мѣстъ въ лучшія; такимъ образомъ эта страна — послѣдній край великаго міра, отъ котораго бѣжали и боги и люди, мнѣ близка и подлѣ моей земли близко печальныя священнодѣйствія, если только Назону можно назвать своею землю дикарей. О если бы вѣтры, которыми унесенъ Орестъ, отнесли и мои паруса, когда умилостивится божество.

Элегія 5-я.

О ты первый, по моему выбору, изъ числа любимыхъ пріятелей, единственный жертвенникъ нашедшійся для моей судьбы; отъ бесѣдъ твоихъ ожила эта уже умиравшая душа, какъ пламя обыкновенно сильнѣе вспыхиваетъ отъ подлитаго масла, ты не страшился открыть вѣрную пристань и прибѣжище судну, пораженному молніею; твоимъ состояніемъ не почувствовалъ бы я нужды, если бы даже отнялъ Цезарь у меня отцовское имущество. Между тѣмъ какъ меня, забытаго (павшаго въ забвеніе) уноситъ стремленіе этого времени, увы, имя твое почти у меня ускользнуло изъ головы (изъ памяти)! Впрочемъ ты узнаешь! Тронутый страстью къ похвалѣ, ты желалъ бы имѣть возможность сказать открыто: это я. Конечно я, если бы ты позволилъ, за-

хотѣлъ бы отдать тебѣ должную почесть, и рѣдкую твою вѣрность предать извѣстности (славѣ). Опасаюсь, какъ бы не повредить тебѣ признательнымъ стихотвореніемъ и чтобы не повредила почесть несвоевременнаго наименованія. Но что возможно и безопасно, радуйся въ сердцѣ твоемъ, что я помню о тебѣ, а ты помнилъ о мнѣ и, какъ дѣлаешь, спѣшишь веслами для поданія помощи, пока болѣе ласковый вѣтерокъ подуетъ отъ милостиваго божества и оберегай голову, которую сохранить не можетъ никто, если не приподниметъ изъ воды Стигійской тотъ же кто ее погрузилъ и тебя что рѣдко, постоянно оказывай готовымъ на всякій даръ (всякое приношеніе) неуклонной дружбы. Тогда (въ такомъ случаѣ) пусть твоя судьба имѣетъ постоянный успѣхъ, тогда пусть ты самъ не нуждаешься въ чьей либо помощи, а помогаешь другимъ, пусть тогда твоя жена постоянною добротою сравняется съ мужемъ, и пусть рѣдко будетъ ссора на вашей свадебной постели, и пусть братъ одной крови съ тобою любитъ тебя также нѣжно какъ любилъ Касторъ. Такъ пусть будетъ походить на тебя молодой человѣкъ, сынъ, и пусть каждый узнаетъ въ немъ, по его нравственности, твоего сына, такъ пусть дочь твоя сдѣлаетъ тебя тестемъ при посредствѣ брачнаго факеля, и не замедлитъ дать тебѣ названіе дѣда, тебѣ еще молодому.

Элегія 6-я.

Отъ времени быкъ становится терпѣливымъ къ обработывающему землю плугу, и самъ подставляетъ шею надѣвать изогнутое ярмо. Отъ времени становится послушнымъ и гордый конь движенію гибкихъ возжей; отъ времени усмиряется раздраженіе Пуническихъ (Карѳагенскихъ) львовъ и свирѣпость духа уже не остается та, что была прежде и огромный звѣрь Индіи, послушный велѣніямъ вожака, уступаетъ дѣйствію времени и подчиняется рабству. Время дѣлаетъ то, что виноградная лоза букнетъ растягивая кисти (грозды съ ягодами), и едва вмѣщаютъ зерна виноградный сокъ, который внутри имѣютъ. Время въ сѣмена выводитъ побѣлѣвшіе колосья и дѣлаетъ, что яблоки становятся не терпки вкусомъ. Оно (время) дѣлаетъ тонкимъ зубъ землю рѣжущаго плуга, оно стираетъ жесткіе камни, стираетъ самую сталь (булатъ); оно же усмиряетъ мало по малу

жестокое раздраженіе, оно уменьшаетъ плачъ и смягчаетъ печальное сердце. Такимъ образомъ теченіе времени, идущее молчаливою поступью, можетъ все смягчить кромѣ моихъ заботъ. Съ тѣхъ поръ какъ я лишенъ отечества два раза гумно наполнялось хлѣбомъ; два раза виноградныя кисти трескались, сдавленныя обнаженною ногою. И, впрочемъ, теченіемъ долгаго времени, не стяжалъ я успокоенія и мысль моя сохраняетъ свѣжимъ чувство скорби. Такъ и устарѣвшие волы бѣгутъ отъ изогнутаго плуга, и усмиренный конь не разъ возстаетъ противъ узды. Теперешнее бѣдствіе еще горестнѣе прежняго: пусть оно было бы и одинаково, оно ростетъ и увеличивается самою продолжительностью, и мое несчастіе не было мнѣ такъ извѣстно, какъ стало теперь, но еще тяжело стало оно, чѣмъ извѣстнѣе (чѣмъ болѣе я съ нимъ) ознакомился. Не маловажно также — силы принесть свѣжія и не быть уже заранѣе измученнымъ бѣдствіями времени. Крѣпче на желтой (желтымъ пескомъ усыпанной) аренѣ новый (свѣжій) борецъ чѣмъ тотъ, чьи руки уже утомились отъ долгаго времени (употребленія). Лучше цѣлый (невредимый) гладіаторъ въ блестящемъ оружіи, чѣмъ тотъ, чье оружіе стало краснымъ омоченное его собственною кровью. Только что сдѣланный корабль хорошо переноситъ порывистыя бури, и, самою малою непогодою, разрушается старый. Да и мы, что несемъ, сносили терпѣливѣе прежде, и бѣдствіе умножилось отъ долгаго времени. Повѣрьте, я слабѣю и, на сколько могу дѣлать заключеніе по моему тѣлу, немного времени остается мнѣ страдать. Нѣтъ уже силъ и цвѣтъ лица не тотъ, какой обыкновенно былъ прежде, едва прикрываетъ кости тонкая кожа. Но душа еще болѣе страдаетъ чѣмъ больное тѣло; она погружена въ созерцаніе своего безконечнаго несчастія. Далеко отъ меня видъ города, далеко моя забота, пріятели, далеко жена, которой дороже мнѣ нѣтъ ничего. Здѣсь населеніе Скиѳское, здѣсь толпы Гетовъ въ штанахъ; такъ терзаютъ меня всѣ бѣдствія, которыя вижу и которыхъ не вижу. Впрочемъ одна надежда утѣшаетъ меня въ нихъ, что эти бѣдствія не будутъ продолжительны вслѣдствіе моей смерти.

Элегія 7-я.

Два раза послѣ холодовъ ледяной зимы солнце меня посѣтило, и два раза оно совершило путь дотронувшись до Рыбы. Въ теченіи столь долгаго времени, почему твоя рука не могла услужить мнѣ хоть немногими строчками? Зачѣмъ твоя привязанность (стихла) исчезла, между тѣмъ, какъ пишутъ и тѣ, съ которыми я и не имѣлъ частаго обращенія? Зачѣмъ, каждый разъ снимая завязки съ бумаги, надѣялся я видѣть твое имя? Пусть боги сдѣлаютъ, чтобы часто письмо было писано твоею рукою, но изъ многихъ ни одно мнѣ не отдано въ руки. О чемъ молюсь ясно, что такъ и было. Повѣрю прежде, что лицо Медузы было опоясано полными змѣй волосами Горгоны, что подъ брюхомъ дѣвы дѣйствительно находились собаки, что существуетъ химера, которая пламенемъ раздѣляетъ львицу отъ жестокаго (немилосердаго) дракона, что четвероногіе соединены съ людьми грудь съ грудью, что былъ человѣкъ тройственный (о трехъ видахъ), что была собака о трехъ головахъ (Церберъ), что существовали Сфинксы, Гарпіи, змѣиноногіе Гиганты, сторукій Гигесъ и полубыкъ мужчина. Этому всему повѣрю я прежде чѣмъ тому, что ты, самый дорогой, перемѣнясь, оставилъ (отложилъ) заботу обо мнѣ. Между мною и тобою лежатъ безчисленныя горы, дороги, рѣки и поля и моря не мало. Отъ тысячи причинъ случиться можетъ, что письма, будучи часто посылаемы тобою, вовсе не приходятъ въ наши руки. Впрочемъ, эту тысячу случаевъ побѣди частыми письмами, чтобы не приходилось мнѣ постоянно извинять тебя, другъ.

Элегія 8-я.

Уже виски мои походятъ на перья лебедя и сѣдая, бѣлая старость окрашиваетъ черные волосы, уже подходятъ лѣта слабости и возрастъ недѣятельности и уже мнѣ, нетвердому, тяжело себя носить. Теперь-то слѣдовало мнѣ, положивъ конецъ трудамъ, чуждому всѣхъ тревожныхъ опасеній, наслаждаться спокойствіемъ, которое всегда плѣняло мою мысль, и тихо предаться моимъ любимымъ занятіямъ, прославлять маленькій домъ, старинные пенаты и деревню отцовъ, лишенную теперь хозяина, на груди моей повелительницы, среди милыхъ внуковъ, безопасному соста-

риться въ моемъ отечествѣ. Такъ я когда-то питалъ себя надеждою, что пройдутъ мои года, такъ я заслуживалъ окончить мою жизнь. Не такъ заблагоразсудилось богамъ; они меня, гонявъ по землѣ и морю, выкинули на мѣстахъ Сарматскихъ. Расшатанные (потрясенные) корабли вводятъ въ изогнутыя (овальныя) верфи, какъ бы они не остались неосторожно среди водъ. Чтобы не упасть и обезчестить много полученныхъ пальмъ (овыхъ вѣтвей) ослабѣвшій конь щиплетъ траву въ лугахъ; воинъ, когда выслуживъ свои годы, уже не довольно полезенъ, кладетъ оружіе, которое носилъ у старинныхъ Ларовъ. Точно такъ теперь, когда лѣнивая старость уменьшаетъ силы, было время ужъ и меня подарить тростью заслуги, было время, — мнѣ не дышать чуждымъ воздухомъ, не жить подъ чуждымъ небомъ и томящую жажду утолять Гетическимъ источникомъ, то свободному отъ занятій удаляться въ сады, которыя я имѣлъ, то снова наслаждаться видомъ людей и городомъ, такъ когда-то душою не предвидѣвшею будущаго, желалъ я имѣть возможность жить смирно (спокойно) старикомъ. Возстала противъ того судьба: она сначала давъ мнѣ время счастливое, потомъ обрушилась всею тяжестью; уже десять пятилѣтій (люстровъ) провелъ я безъ всякаго пятна, но теперь нахожусь подъ гнетомъ болѣе худшей моей части и не далеко отъ предѣловъ (рубежа), котораго повидимому я уже касался, тяжелое паденіе постигло мою колесницу. Такимъ образомъ, я безумный, вынудилъ противъ меня быть строгимъ того, милосерднѣе кого не заключалъ въ себѣ необъятный кругъ земной; но самое милосердіе побѣждено моимъ проступкомъ. Теперь приходится проводить жизнь далеко отъ отечества, подъ Бореевою осью, гдѣ лежитъ печальная земля Евксинскаго моря. Если бы мнѣ это сказали Дельфы и сама Додона (Додонскій оракулъ), то мнѣ показалось бы, что пустое толкуютъ эти оба мѣста. Нѣтъ ничего столь крѣпкаго, хотя бы привязывала (прикрѣпляла) самая сталь, что пребывало бы прочнѣе стремительнаго огня Юпитера. Нѣтъ ничего столь высокаго, чтобы устремлялось превыше всѣхъ опасностей, чтобы не было ниже божества и не было бы ему подчинено. И дѣйствительно, хотя прегрѣшеніемъ навлечена часть (доля) бѣдствій, но болѣе пагубы дало (причинило) раздраженіе божества; а вы будьте предупреждены тѣмъ, что случилось со мною, служить вѣрно равняющемуся съ богами мужу.

Элегія 9-я.

Если возможно и стерпишь—имя и дѣло умолчу—и твои дѣйствія будутъ преданы водамъ Леты, мое снисхожденіе будетъ побѣждено поздними слезами; сдѣлай только, чтобы мнѣ ясно было твое сожалѣніе (раскаяніе), сдѣлай только, чтобы ты себя осудилъ и желалъ бы изгладить, если бы ты могъ, Тизифонскія (достойныя Тизифоны) времена твоей жизни. Если же нѣтъ и въ твоей груди пылаетъ негодованіе ко мнѣ, пусть несчастная скорбь надѣнетъ вынужденное вооруженіе. Пусть я и буду отправленъ, какъ это и есть, на край міра, мое раздраженіе и туда протянетъ свои руки. Всѣ, если не знаешь, Цезарь права мнѣ оставилъ и единственное наказаніе, что долженъ лишиться моего отечества; и (возвращенія) отечества, былъ бы онъ только невредимъ, жду отъ него; нерѣдко дубъ, обожженный молніею Юпитера, зеленѣетъ (пускаетъ зеленые вѣтви). Наконецъ, пусть мнѣ не будетъ никакой возможности отмщенія, Піериды (Музы) дадутъ и силы и оружіе. Пусть бы я жилъ далеко отброшеннымъ на Скифскихъ берегахъ, и ближе всѣхъ къ глазамъ моимъ сухія (непогружающіяся въ воду) созвѣздія. Похвала моя пронесется среди необъятныхъ народовъ, и жалобы мои будутъ извѣстны по всему пространству земли. Все, что я скажу, пройдетъ отъ Востока до Запада, и свидѣтелемъ Гесперійскаго (вечерняго) голоса будетъ Еоусъ (Заря). Я буду услышанъ по ту сторону земли, по ту сторону широкихъ водъ, и громко раздастся звукъ моего вопля. О твоей винѣ будутъ знать не только твои вѣка (близкіе къ тебѣ), но преступленіе твое навсегда будетъ извѣстно потомству. Уже стремлюсь къ битвѣ, но еще роговъ не бралъ и не захотѣлъ бы имѣть какой-нибудь поводъ брать ихъ. Циркъ еще бездѣйствуетъ; впрочемъ ярый быкъ разсыпаетъ песокъ и уже непріязненною ногою поражаетъ землю. И это также болѣе, чѣмъ я желалъ. Пой, Муза, отбой, пока возможно ему скрывать свое имя.

Элегія 10-я.

Узнай, потомство обо мнѣ, кто былъ тотъ пѣвецъ нѣжной любви, котораго ты читаешь. Родина моя Сульмо, крайне богатый холодными (студеными, ключевыми) водами, отстоящій отъ

КНИГА ПЯТАЯ.

Элегія 1-я.

Ты, кто принимаешь во мнѣ участіе и эту книжку съ Гетическаго берега, присоедини къ четыремъ прежнимъ. И эта будетъ такова, какова судьба поэта; во всемъ стихотвореніи не найдешь ничего веселаго. Какъ плачевно мое положеніе, такъ плачевно и стихотвореніе; сочиненіе соотвѣтствуетъ моему содержанію. Невредимый и веселый, высказывалъ я веселыя и свойственныя молодости шутки, а теперь мнѣ досадно, что я ихъ сочинялъ. Теперь когда я палъ, излагаю въ пѣсняхъ, постигшую меня случайность, и самъ я даю предметъ (содержаніе) моими пѣснями. И какъ по разсказамъ Каистрова птица *), лежа на берегу, оплакиваетъ голосомъ свою (грядущую) смерть, такъ и я стараюсь, чтобы мои похороны не были беззвучны (не прошли въ тишинѣ). Того, кто сталъ бы искать наслажденія и пѣсней шутливыхъ (рѣзвыхъ) предупреждаю, чтобы никогда не читалъ этихъ сочиненій. Ему пригоднѣе Галлъ, Проперцій съ ласковыми устами, пригоднѣе будетъ Тибуллъ, очаровательный дарованіемъ. О еслибы и я не находился въ томъ же числѣ; увы мнѣ! Зачѣмъ муза моя когда — нибудь шутила! Но я поплатился за то, наказанъ, и пѣвецъ Любви, снабженной колчаномъ, живетъ на берегахъ Скиѳскаго Истра. Что остается, я товарищей поворотилъ на общественныя стихотворенія и приказалъ имъ помнить мое имя. Если впрочемъ кто нибудь изъ васъ будетъ допытываться, откуда я беру такъ много горестнаго, много горя и перенесъ я. Сочи-

*) Каистровою птицею звали лебедя, потому что ихъ много водилось на берегахъ Каистра, небольшой рѣчки подлѣ Ефеза въ Малой Азіи.

няю я не воображенiемъ или искусствомъ, но содержанiе неистощимо само собственными бѣдствiями. И какая (сколь малая) часть судьбы моей выражается въ стихотворенiи? Счастливъ, кто переноситъ то, что въ состоянiи счесть. Сколько прутьевъ въ лѣсу, сколько въ желтомъ Тибрѣ песку, сколько Марсово поле заключаетъ мягкой травы, столько бѣдствiй перенесъ я: исцѣленiя отъ нихъ и успокоенiя нѣтъ другаго, какъ въ занятiи и препровожденiи времени Пiеридами. Ты скажешь: какой тебѣ, Назонъ, предѣлъ слезливаго стихотворенiя? Тотъ же, который положитъ конецъ моей судьбѣ. Она обильнымъ источникомъ представляетъ мнѣ на что жаловаться, и то слова не мои, но моей судьбы. Но если ты мнѣ возвратишь отечество и съ нимъ дорогую жену пусть будетъ лицо веселое, пусть буду тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, Если въ отношенiи ко мнѣ смягчится гнѣвъ непобѣдимаго Цезаря, то я представлю тебѣ стихотворенiя полныя веселости, но перо мое не будетъ уже шутить какъ шутило прежде; достаточно, что оно потѣшилось уже разъ моею бѣдою. Стану пѣть то что одобритъ онъ самъ (Цезарь), лишь бы только часть наказанiя для меня облегчили, лишь бы мнѣ избѣгнуть суровыхъ дикарей Гетовъ. Между тѣмъ что же станутъ дѣлать наши книжки если, не печальное? эта флейта прилична моимъ похоронамъ. Но скажешь, ты могъ бы лучше переносить бѣду въ молчанiи и не высказываясь, скрыть постигшую тебя случайность. Это ты требуешь, чтобы стенанiя, вопли не слѣдовали за пыткою (мученiями), это ты запрещаешь плакать по полученiи (принятiи) тяжелой раны. Самъ Фаларисъ позволялъ въ Перилловомъ мѣдномъ произведенiи издавать вопли и высказывать жалобы голосомъ (ртомъ) быка. Между тѣмъ, какъ слезами Прiама не обидѣлся же Ахиллъ, ты, жесточе врага, запрещаешь мнѣ плакать. Когда Латоновы дѣти дѣлали Нiобе сиротою (одинокою), они во всякомъ случаѣ не приказывали ей имѣть щеки сухими. Есть что-то роковое (судьбою назначенное) въ томъ, что бѣдствiе смягчается словами (т. е. высказанное становится меньше, легче); это сдѣлало говорливыми Прокну и Гальцiону. Это было, почему Пэантiй въ ледяномъ гротѣ, своимъ голосомъ утомилъ Лемносскiе камни. Душитъ сдержанное горе и кипитъ (бродитъ) внутри, и тѣмъ вынуждено расти силами. Итакъ лучше прости или уничтожь всѣ книжки, если тебѣ читатель вредно (противно) то, что

мнѣ полезно. Но никому не могутъ повредить и мои сочиненія ни для кого гибельны не были кромѣ ихъ автора; признаюсь, что плохи (книжки, мои сочиненія); никто же вынуждаетъ тебя брать плохое или кто запрещаетъ, если ты взялъ и ошибся, отложить въ сторону? Да я и самъ ихъ не исправлю, но пусть же читаютъ ихъ, помня, въ какомъ мѣстѣ они писаны; они не грубѣе мѣстности, гдѣ увидали свѣтъ и Римъ не долженъ меня ставить въ сравненіе своими поэтами, а среди Сарматовъ я еще богатъ воображеніемъ (дарованіями). Наконецъ не ищу я вовсе славы и похвалы, которая обыкновенно поощряетъ развитіе дарованія. Не желаю я, чтобы мысль моя приступилась среди постоянныхъ заботъ, а они врываются и идутъ ко мнѣ, хотя имъ не велю. Вотъ я сообщилъ—зачѣмъ пишу; спросите зачѣмъ посылаю эти книжки? съ вами хочу быть какимъ бы то ни было образомъ.

Элегія 2-я.

Неужели какъ изъ Понта приходитъ новое письмо, блѣднѣешь и ты его развязываешь заботливою рукою? Отложи страхъ я здоровъ и тѣло мое, прежде не переносившее трудовъ и слабое, теперь удовлетворяетъ и окрѣпло мучимое, самимъ употребленіемъ или, можетъ быть, оттого, что мнѣ нѣтъ болѣе ни времени, ни возможности быть празднымъ; впрочемъ больная мысль (умственная дѣятельность) лежитъ и не получаетъ отъ времени силъ; душевныя страданія какія были, такія и остались, и раны, которыя, какъ я полагалъ, заживутъ отъ времени и промедленія, причиняютъ боль такую, какъ бы только что получены были. Ясно, что обильная годами старость приноситъ пользу немногимъ, а при большихъ несчастіяхъ горе растетъ отъ времени. Почти въ теченіи всѣхъ десяти лѣтъ Пэантій питалъ ядоносную язву, нанесенную раздувшимся змѣемъ. Телефъ, пожираемый постоянною изнурительною болѣзнью, погибъ бы, если-бы таже правая рука, которая повредила, не оказала бы помощи и мою рану—если я не совершилъ никакого преступленія, желаю, чтобы тотъ же, кто нанесъ сдѣланную имъ и облегчилъ, пусть онъ, удовлетворясь наконецъ моею долею скорби, хоть немного убавитъ воды изъ полнаго моря. Какъ бы много ни убавлялъ онъ, а все много останется скорбнаго и часть моего наказанія будетъ вмѣсто

цѣлаго. Сколько на берегу раковинъ, сколько на веселомъ кустѣ розъ цвѣтовъ, сколько зеренъ заключается въ приносящемъ сонъ макѣ, сколько дикихъ звѣрей питаетъ лѣсъ, сколько рыбъ плаваетъ въ водѣ, сколько птицъ поражаетъ крыльями нѣжный воздухъ, столькихъ бѣдствій подъ гнетомъ я нахожусь. Если бы я попытался охватить (исчислить) ихъ всѣ, это равнялось бы попыткѣ измѣрить Икарову воду. Пусть бы я умолчалъ о случайностяхъ пути, о горькихъ опасностяхъ моря, о рукахъ, протягивавшихся на мою гибель, меня теперь держитъ страна дикарей на краю необъятнаго круга земнаго, и мѣсто окружено неумолимыми врагами. Пусть буду я отправленъ отсюда — а вина моя вѣдь не та, что стоитъ крови (жизни), будь тебѣ обо мнѣ такая забота, какой быть слѣдовало. Тотъ богъ, на которомъ такъ хорошо опирается могущество Рима, часто побѣдителемъ былъ милосердъ къ своему врагу. Зачѣмъ колеблешься и опасаешься вѣрнаго? Подойди и проси; на всемъ пространствѣ громаднаго земнаго круга нѣтъ ничего милосерднѣе Цезаря. О я несчастный, что стану я дѣлать, если и самые близкіе меня покидаютъ и ты изъ сломаннаго ярма вытаскиваешь шею? Куда мнѣ дѣться? Гдѣ искать утѣшенія, когда все мое и вокругъ меня обрушилось? Уже ни одинъ якорь не сдерживаетъ мое судно. Пусть увидитъ, и я самъ какъ ни ненавистенъ, прибѣгу къ священному жертвеннику; не отвергаетъ (не отталкиваетъ) онъ ничьихъ рукъ. Вотъ я заочно съ мольбою прибѣгну къ божеству, которое у меня постоянно передъ глазами, если только довлѣетъ (прилично) человѣку говорить съ Юпитеромъ: Властитель государства, ты, о которомъ вѣрно—что, пока ты невредимъ, всѣ боги имѣютъ заботу объ Авзонскомъ племени. О честь, о ты отраженіе отечества черезъ тебя цвѣтущаго? О ты человѣкъ неменьшій того самаго земнаго круга, которымъ правишь! Пусть ты живешь на землѣ, пусть эфиръ о тебѣ толкуетъ, пусть поздно отправляешься ты къ обѣщаннымъ тебѣ звѣздамъ. Молю пощади и малѣйшую отъ твоей молніи часть отними; будетъ достаточно наказанія и въ томъ, что еще останется. Конечно гнѣвъ твой умѣренъ, ты далъ мнѣ жизнь, не лишилъ ты меня ни правъ гражданина, ни самаго имени, и мое состояніе не передано другимъ, и въ выраженіяхъ твоего указа не называюсь я изгнанникомъ. Всего этого я боялся, потому что, казалось, заслужилъ, но твое раздраженіе сни-

сходительнѣе моего проступка. Сосланному повелѣлъ ты увидать мѣста Понта и бѣгущимъ (бѣглымъ) судномъ разсѣчь Скиѳскія волны. Получивъ приказаніе, прибылъ я къ безобразнымъ берегамъ моря; земля эта лежитъ подъ ледяною осью; но меня не такъ мучитъ (небо), климатъ никогда не чуждый холода, и земли постоянно скрѣпленныя бѣловатымъ морозомъ, и не то, что языкъ дикарей чуждъ звуковъ Латинскихъ и не то, что греческое выраженіе должно уступить Гетическому, какъ то, что опоясанный сосѣднимъ Марсомъ, я имъ тѣснимъ отовсюду и чуть защищаетъ отъ непріятеля небольшая стѣна. Конечно бываетъ иногда и мирное время, но увѣренности (обезпеченности) въ томъ никакой, такъ что это мѣсто то страдаетъ отъ войны, то ее опасается. Лишь бы мнѣ его (это мѣсто) перемѣнить, а тамъ пусть меня хоть пожретъ Занклеева Харибдисъ и пошлетъ своими водами къ Стиксу, терпѣливо перенесу я стремительное (всепожирающее) пламя Этны или пусть брошенъ буду въ глубокую пучину Левкадскаго бога. Чего домогаюсь, то наказаніе и не отказываюсь я (быть несчастнымъ) бѣдствовать, но молю, чтобы я могъ съ большею безопасностью быть несчастнымъ.

Элегія 3-я.

Если только время не вводитъ меня въ заблужденіе, то это тотъ день, въ который поэты имѣютъ обыкновеніе тебя, Вакхъ, прославлять и, за твоимъ же виномъ, высказываютъ тебѣ хвалу. Изъ нихъ я припоминаю, пока моя судьба это допускала, я нерѣдко былъ не ненавистною (непротивною) тебѣ частью, я котораго теперь удаленнаго подъ звѣзды Еримантидской Медвѣдицы, держитъ Сарматскій край, смежный съ суровыми Гетами и я, который прежде проводилъ жизнь роскошную, и отъ трудовъ свободную, въ любимыхъ занятіяхъ среди хора Піеридъ теперь, далеко отъ отечества, слышу вокругъ себя только звукъ Гетическаго оружія, много прежде потерпѣвъ на морѣ и на сушѣ, случай ли это для меня условилъ или раздраженіе боговъ, или сумрачна была парка при моемъ рожденіи. Впрочемъ долженъ былъ бы ты одного изъ священныхъ служителей плюща поддержать твоею высшею силою. Или, что не споютъ сестры повелительницы судебъ, все это перестаетъ быть въ зависимости (волѣ)

божества? Самъ ты заслугами твоими достигъ эфирныхъ высотъ и не легкимъ трудомъ проложилъ себѣ туда путь, и жизнь проводилъ ты не въ отечествѣ, но пришелъ до обильнаго снѣгомъ Стримона и чтущаго Марса Гета, до Персиды и Гангеса широко катящаго воды, и другихъ рѣкъ, которыми утоляетъ свою жажду разноцвѣтный Индъ. Такой законъ, плетя нить твоей судьбы, Парки два раза пропѣли тебѣ, два раза рожденному. Да и меня если только прилично послѣдовать примѣрамъ боговъ, желѣзный и трудный жребій жизни (давитъ) гнететъ. Паденіе мое нелегче того, котораго, за высокомѣрныя слова, Юпитеръ огнемъ отбросилъ отъ Ѳивъ. Какъ только услыхалъ ты, что молніею пораженъ поэтъ, могъ бы ты сострадать, вспомнивъ о матери и могъ бы ты, окинувъ взоромъ поэтовъ собравшихся на священнодѣйствіе тебѣ, сказать: не знаю, кого-то изъ моихъ поклонниковъ тутъ недостаетъ. Подай же, добрый Либеръ, помощь; тогда пусть двойная виноградная лоза отягчаетъ вязъ, и пусть виноградная кисть будетъ полна, заключающагося въ ней, сока, пусть тебя съ Вакханками веселая молодежь сатировъ окружаетъ съ громкими неумолкаемыми криками, пусть будутъ попираемы кости Ликурга, такъ не къ добру вооружившагося сѣкирою, и пусть не будетъ не свободна отъ наказанія нечестивая тѣнь Пентея, пусть блеститъ, на вѣки затмѣвая сосѣднія созвѣздія, на небѣ Кретійская корона твоей супруги. Сюда являйся и, красивѣйшій, облегчи то, что постигло меня и помни, что я одинъ изъ числа твоихъ. У боговъ есть между собою соотношенія; пытайся, Вакхъ, умилостивить Цезарево божество твоимъ; да и вы, поэты, благочестивая толпа, соучастники моихъ занятій, каждый, взявъ вино, молите о томъ же и кто-нибудь изъ васъ, произнеся имя Назона, поставитъ бокалъ, примѣшавъ туда слезы, вспомнитъ обо мнѣ, окинувъ всѣхъ глазами, и скажетъ: гдѣ Назонъ недавно еще соучастникъ нашего хора? Пусть будетъ такъ, если я моимъ чистосердечіемъ заслужилъ ваше расположеніе—и если ни чье сочиненіе не оскорблено моимъ сужденіемъ, если когда достойно чту сочиненія древнихъ мужей, я того мнѣнія, что и позднѣйшія немаловажнѣе тѣхъ; пусть вы слагаете сочиненія при благословеніи Аполлона а имя мое, что одно возможно, имѣете посреди васъ.

Элегія 4-я.

Съ Евксинскихъ береговъ прихожу—письмо Назона; утомилось я дальнимъ странствованіемъ по морю и по сушѣ. Со слезами онъ мнѣ сказалъ: ты, а тебѣ возможно, взгляни на Римъ, на сколько жребій твой лучше моего. Со слезами онъ и писалъ меня и перстень, которымъ меня запечатывалъ, приложилъ прежде чѣмъ къ устамъ, къ мокрымъ щекамъ своимъ. Если кто пожелалъ бы узнать причину печали — требуетъ онъ, чтобы ему показали солнце: не видитъ онъ листьевъ въ лѣсахъ, ни нѣжной травы на открытыхъ лугахъ, ни рѣкъ полныхъ водами. Станетъ ли удивляться, что Пріамъ скорбитъ о повлеченномъ Гекторѣ, что Филоктетъ, укушенный змѣею, вздыхаетъ (вопитъ)? О если бы боги сдѣлали его положеніе такимъ, чтобы не было достойнаго повода къ печали. Впрочемъ переноситъ, какъ и долженъ, терпѣливо горькую участь и не сбрасываетъ узды, по обычаю неукротимаго коня, и надѣется, что не вѣчнымъ будетъ раздраженіе божества, сознавая, что въ его винѣ нѣтъ преступленія. Часто высказываетъ—какое милосердіе божества и въ примѣръ его обыкновенно приводитъ и себя дѣйствительно: что владѣетъ отцовскимъ достояніемъ, наименованіемъ гражданина, наконецъ тѣмъ, что остался въ живыхъ, всѣмъ обязанъ божеству, а тебя о, если только ты въ чемъ-нибудь мнѣ вѣришь, онъ дороже всѣхъ постоянно имѣетъ во всемъ сердцѣ, тебя называетъ Менетіадомъ, тебя тѣмъ кто былъ провожатымъ Ореста, тебя зоветъ Эгидомъ и своимъ Евріаломъ. И не болѣе тоскуетъ онъ по отчизнѣ и томъ, утрату чего вмѣстѣ съ отечествомъ онъ болѣе всего чувствуетъ, какъ о лицѣ и глазахъ твоихъ, о пріятнѣйшій того меду, который въ восковыхъ ячейкахъ кладетъ Аттическая пчела; даже часто съ (печалью) грустью воспоминаетъ о томъ времени, которое, что не предупреждено смертью, онъ жалѣетъ и между тѣмъ какъ другіе бѣжали заразы внезапнаго бѣдствія и не хотѣли переступить порогъ молніею пораженнаго жилища—онъ помнитъ, что ты съ немногими оставался вѣренъ, если только кто-нибудь назоветъ немногими двухъ или трехъ. Хотя пораженный такимъ ударомъ, онъ все чувствовалъ и то, что его несчастія причинили тебѣ столько же горя, сколько ему самому. Онъ припоминаетъ обыкновенно слова твои, наружност

и вопли; когда ты плакалъ, его грудь сдѣлалась влажною, какую ты ему оказалъ помощь, какъ утѣшалъ друга, между тѣмъ какъ ты самъ нуждался въ утѣшеніи. Все это, увѣряетъ онъ, будетъ помнить и будетъ воздавать за это нѣжнымъ чувствомъ признательности, будетъ ли онъ видѣть свѣтъ дневной, или покроется землею. Онъ имѣлъ обыкновеніе давать клятву своею и твоею головою, и я знаю, что послѣдняя дорога ему столько же, сколько твоя собственная. Пусть выразится полная благодарность столькимъ и такъ значительнымъ дѣйствіямъ (поступкамъ), и не допуститъ онъ, чтобы твои волы пахали морской берегъ (песокъ). Только пожалуйста защищай ссыльнаго; о чемъ тотъ, кто хорошо знаетъ, не проситъ, само (письмо) прошу.

Элегія 5-я.

Годичный день рожденія повелительницы требуетъ привычной почести: отправляйтесь руки къ набожному священнодѣйствію. Такъ нѣкогда, можетъ быть, сынъ Лаертовъ, герой, проводилъ день праздничный своей супруги на краю земли. Пусть присутствуетъ благопріятствующій языкъ, забывъ долговременныя бѣдствія; я полагаю — ужъ онъ разучился говорить слова благословенія. И пусть я возмусь за одежду, которую разъ беру въ цѣлый годъ, бѣлую одежду, которой цвѣтъ такъ не соотвѣтствуетъ моей судьбѣ; пусть воздвигнется зеленый жертвенникъ изъ травянистаго дерна, и сплетенный вѣнокъ прикроетъ теплый очагъ. Дай мнѣ ладанъ, мальчикъ, производящій жирный (роскошный) огонь и вино, которое зашипитъ налитое на набожное пламя. Ты, лучшій день рожденія, хотя я далеко нахожусь, желаю, свѣтлый, сюда прійди и вовсе не похожій на мой. И если какое либо бѣдствіе угрожало моей повелительницѣ, пусть она моими страданіями отдѣлается навсегда отъ всякаго горя и корабль, недавно болѣе чѣмъ потрясенный грозною бурею, сколько остается моря, пусть безвредно пройдетъ. Пусть она наслаждается домомъ, дочерью, отечествомъ; пусть будетъ довольно мнѣ одному всего этого лишиться. На сколько она несчастлива въ дорогомъ мужѣ, остальная доля жизни пусть будетъ свободна отъ облака печали: пусть будетъ жива и любитъ мужа, такъ какъ къ этому вынуждается, отсутствующая, и совершитъ годы своей жизни, но

продолжительные. Присоединилъ бы я и свои, но опасаюсь, какъ бы заразительное прикосновенiе судьбы моей не испортило и ея собственныхъ. Человѣку нѣтъ ничего вѣрнаго. Кто могъ бы считать возможнымъ, чтобы мнѣ пришлось совершать это священнодѣйствiе среди Гетовъ? Взгляни, какъ и вѣтерокъ—дымъ поднимающiйся отъ ладана, несетъ въ правую сторону, къ мѣстамъ Итальянскимъ. Такимъ образомъ есть чувство даже въ парахъ, выгоняемыхъ огнемъ; прочее почти ускользаетъ отъ моего соображенiя. Съ умысломъ, когда совершается на жертвенникѣ общее священнодѣйствiе братьямъ, которые погибли одинъ отъ руки другого — само съ собою въ раздорѣ, какъ бы отъ нихъ самихъ получивъ такое наставленiе, мрачное пламя дѣлится на двѣ части. Помню — когда-то я говорилъ, что не можетъ это быть и, по моему сужденiю, Баттiадесъ былъ лживъ. Всему теперь вѣрю, когда ты, не глупый паръ, получивъ внушенiе, оборачиваешь спину отъ Арктоса и стремишься въ Авзонiю. Такъ это тотъ день, который если бы не появился, ни одного праздничнаго мнѣ бѣдному не пришлось бы прожить. День этотъ произвелъ нравы, равные тѣмъ героинямъ, которымъ былъ отцомъ Эетiонъ и Икарiй. Родилась въ этотъ день стыдливость, нравственность, честность и вѣрность, но не радость, а трудъ, заботы, судьба не соотвѣтствующая нравамъ, и основательная жалоба на почти осиротѣвшую постель. Понятно, что честность, испытанная при несчастныхъ обстоятельствахъ, по времени представляетъ матерiалъ (содержанiе) для (печальной) грустной похвалы. Если бы крѣпкiй (неутомимый) Улиссъ не видалъ ничего (непрiязненнаго) враждебнаго, счастлива была бы Пенелопа, но безъ похвалы. Если бы побѣдитель мужъ проникъ въ въ Ехiонiйскiя твердыни, можетъ быть Евадне едва была бы извѣстна въ своей землѣ. Между тѣмъ, какъ отъ Пелiя родилось столько дочерей, почему знаменита одна? Потому что она одна была замужемъ за бѣдствующимъ человѣкомъ. Сдѣлай, чтобы другой прежде коснулся Илiонскихъ песковъ, ничего не было бы въ Лаодамiи, чтобы о ней излагать. И твоя,—а я лучше бы хотѣлъ этого—нѣжная любовь лучше пусть оставалась бы неизвѣстною, если бы вѣтры, какимъ слѣдуетъ, наполнили мои паруса. Впрочемъ, боги и Цезарь, который присоединится къ лику боговъ, но когда-нибудь—когда года твоей жизни сравняются числомъ съ днями Пилосскаго старика,—не меня, который созна-

юсь, что заслужилъ наказаніе, но ее пощадите, ее, которая, не заслуживъ никакой скорби, находится въ горѣ.

Элегія 6-я.

И ты, когда-то вѣрная опора въ моихъ обстоятельствахъ, ты, который былъ для меня прибѣжище и пристань; ты бросаешь дѣло, только что взятое на себя, твоего (пріятеля) друга и благочестивое бремя услуги такъ скоро съ себя слагаешь? Признаюсь, что я бремя (въ тягость); но не слѣдовало брать ее, если ты въ самое трудное время намѣревался ее сложить. Въ серединѣ большихъ волнъ ты, Палинуръ, покидаешь корабль? не убѣгай, и пусть вѣрность твоя не будетъ меньше искусства. Развѣ Ахиллесовыхъ коней, среди битвъ, жалости не знающихъ, легкомысленно оставилъ вѣрный Автомедонтъ? Развѣ Подалирій, разъ принявъ на свои руки больнаго, не оказалъ ему обѣщаннаго содѣйствія медицинскаго искусства? Гостя лучше (менѣе позора) не принять, чѣмъ принявъ выгнать? Какой сдѣлался доступенъ жертвенникъ, пусть будетъ твердъ моей правой рукѣ. Сначала ничего не оберегалъ ты кромѣ меня самого, а теперь одновременно сбереги и меня, и хорошее о тебѣ мнѣніе, если только впрочемъ во мнѣ нѣтъ какой-либо новой вины, и можетъ быть взводимыя на меня обвиненія измѣнили твою вѣрность. Пусть же это дыханіе, которое неблагополучно перевожу Скиѳскимъ воздухомъ, оставитъ прежде — и я этого желаю — мои члены, чѣмъ сердце твое будетъ поражено моимъ проступкомъ, и покажусь я тебѣ хуже чѣмъ заслуживаю. Не до того тѣснимы мы всѣ несправедливостью судьбы, чтобы на мой умъ произвели впечатлѣніе самыя долговременныя бѣдствія. Представь впрочемъ, что произвели: сколько разъ, полагаешь ты, рожденный Агамемномъ сказалъ, противъ Пилада, дерзкія слова? И не далеко отъ правды, если даже и ударилъ друга; тѣмъ не менѣе пребылъ онъ въ своихъ обязанностяхъ (дружественныхъ отношеніяхъ). Только это одно общее у счастливыхъ съ бѣдствующими, что тѣмъ и другимъ оказывается снисходительность. Уступаютъ (даютъ мѣсто) и слѣпымъ и тѣмъ, которые претекстою заслуживаютъ уваженіе и тогда, когда повелительно трость приказываетъ дать мѣсто. Если меня не щадишь, то долженъ оказать пощаду судьбѣ моей; относительно меня не можетъ имѣть мѣста ничье

раздраженіе. Выбери изъ моихъ страданій самое малое, и оно будетъ больше чѣмъ ты полагаешь. Какъ много камыша въ мокрыхъ рвахъ, на обильной цвѣтами, Гиблѣ, какъ много кормится пчелъ, какъ много муравьевъ обыкновенно тоненькою стежкою несутъ найденныя зерна въ подземныя житницы, такъ велика толпа бѣдствій густо (плотно) меня обстоящихъ, повѣрь мнѣ; моя жалоба далеко ниже (не выражаетъ) дѣйствительности. Кто не довольствуется этимъ, понесетъ песокъ на морской берегъ, на жатву колосья, и въ море станетъ лить воду. А потому (укроти) удержи несвоевременныя опасенія, и мои паруса не покинь на серединѣ моря.

Элегія 7-я.

Письмо, которое читаешь, приходитъ къ тебѣ изъ той земли, гдѣ широкій Истръ соединяется съ водами моря. Если ты пользуешься жизнью и вожделѣннымъ здоровьемъ, то остается одна веселая сторона моей (жизни) судьбы. Конечно ты, мой дорогой, спросишь, что я дѣлаю, хотя это ты могъ бы знать и тогда если бы я молчалъ: Я бѣдствую, вотъ вкратцѣ тебѣ все изложеніе моего горя: каждый, кто оскорбитъ Цезаря и останется живъ не можетъ не быть несчастнымъ. Но тебѣ забота узнать, что за населеніе Томитанскаго края, и среди какихъ живу я нравовъ? Хотя населеніе составляетъ смѣсь Грековъ и Гетовъ; но болѣе всего заимствуетъ здѣшній край отъ худо усмиренныхъ Гетовъ. По дорогамъ встрѣтишь ты ѣдущими на коняхъ болѣе Сарматовъ и Гетовъ и изъ нихъ нѣтъ ни одного, который не несъ бы колчана, лука и стрѣлъ, омоченныхъ въ печень змѣи. Голосъ суровый, лицо дикое, вполнѣ (настоящій) образъ воина (Марса); ни волосы, ни борода не подсѣкаются ни чьею рукою. Правая рука не лѣнива наносить раны, вонзая ножъ, который къ боку прикрѣпленнымъ (привязаннымъ) каждый дикарь имѣетъ. Увы, среди такихъ-то людей живетъ забывшій о нѣжныхъ страстяхъ, ихъ видитъ, ихъ слышитъ твой, о другъ мой, пѣвецъ! И о если бы хоть живъ былъ, а не умеръ бы среди нихъ! Хоть бы тѣнь моя была далека отъ ненавистныхъ мѣстъ. А что пишешь ты, мой другъ, что мои стихотворныя произведенія изображены были пляскою на полномъ театрѣ, и что моимъ стихамъ рукоплескали; я съ своей стороны, тебѣ это самому хорошо из-

вѣстно, ничего не сдѣлалъ для театровъ и муза моя не домогается (не честолюбива до) рукоплесканій. А впрочемъ не непріятно все, что не даетъ забыть меня и имя сосланнаго вызываетъ на уста, хоть иногда припоминая — какой они мнѣ вредъ сдѣлали—обрекаю гибели мои стихи и моихъ Піеридъ. Хоть я ихъ хорошо (вполнѣ) проклялъ, но безъ нихъ быть не могу, и гонюсь за стрѣлами, которыя въ крови отъ нанесенныхъ мнѣ ранъ. Такъ и Греческое судно, только что поврежденное Евбейскими волнами, смѣетъ бѣжать по Кафарейской водѣ. И впрочемъ я бодрствую (провожу ночи безъ сна, занимаюсь) не затѣмъ, чтобы меня хвалили и не заботясь о будущей извѣстности—гораздо полезнѣе, если бы я остался во мракѣ. Занятіями я развлекаю душу, въ нихъ забываю страданія; пытаюсь въ словахъ излить всю скорбь мою. Что же больше дѣлать, мнѣ покинутому на пустынныхъ берегахъ, и гдѣ лучше могу я пытаться найти помощь въ моемъ горѣ? Смотрю ли я на мѣсто; оно не привлекательно и печальнѣе его нѣтъ на всемъ земномъ кругу. На людей ли? Но они едва достойны этого названія; суровой жестокости въ нихъ больше, чѣмъ въ волкахъ: не боятся законовъ, но насилію уступаетъ правда и побѣжденное право лежитъ подъ мечомъ, всегда готовымъ на бой Кожами и широкими штанами плохо защищаются они отъ холода; лица у нихъ страшны будучи покрыты длинными волосами. У немногихъ остаются слѣды Греческаго языка, да и тотъ сдѣлался уже дикимъ отъ Гетическихъ звуковъ. Во всемъ этомъ народѣ одного не найдешь, который могъ бы случайно выразить по Латинѣ выраженія самыя простыя (обыкновенныя, обиходныя). Даже я, поэтъ Римскій (простите музы), вынужденъ весьма многое выражать по обычаю Сарматовъ. Стыдно, а сознаюсь; уже долговременною отвычкою едва мнѣ самому приходятъ на мысль (память) Латинскія выраженія. Не сомнѣваюсь, что и въ этой книжкѣ найдется не мало варварскаго (дикаго, чужаго, не латинскаго); вина въ томъ не человѣка, но мѣстности.. Впрочемъ, чтобы не утратить общенія Авзонійскаго языка и чтобы голосъ мой не онѣмѣлъ для родныхъ звуковъ, самъ говорю съ собою, повторяю слова, отъ которыхъ отвыкъ и опять стремлюсь къ печальнымъ знаменамъ моего занятія. Такъ провожу время и умственную дѣятельность, и самъ себя увожу и устраняю отъ созерцанія моихъ бѣдствій. Въ стихахъ ищу забвенія бѣдствен-

ныхъ (печальныхъ) обстоятельствъ, и довольно съ меня, если занятіемъ снискиваю я эту награду.

Элегія 8-я.

Не до такой степени упалъ я, хоть отброшенный, чтобы я былъ ниже тебя даже, ниже котораго ничего быть не можетъ. Безсовѣстный, какое обстоятельство придало тебѣ духу противъ меня? Зачѣмъ нападаешь на случайность, которую можешь самъ стерпѣть? Бѣды мои не дѣлаютъ тебя снисходительнымъ и жалостливымъ къ лежащему, бѣды, надъ которыми могли бы прослезиться звѣри? Не опасаешься ты божества судьбы, стоящей на сомнительномъ (невѣрномъ) неопредѣленномъ кругу, (колесѣ) и богини, ненавидящей надменныя слова? Требуетъ—увы! мстительница Рамнузія достойной казни, зачѣмъ ты, наступивъ ногою, попираешь мою судьбу? Видѣлъ я того, кто смѣялся надъ потерпѣвшими крушеніе, что онъ утонулъ въ морѣ, и сказалъ: никогда еще вода не была справедливѣе. Тотъ, кто когда-то отказывалъ нуждающимся въ пищѣ, теперь самъ кормится хлѣбомъ милостыни. Невѣрными (шаткими) шагами блуждаетъ непостоянное счастіе, и вѣрно и упорно не останавливается ни на какомъ мѣстѣ; то остается веселымъ, то принимаетъ суровое выраженіе и на столько постоянно въ самой своей подвижности. И я вѣдь цвѣлъ, но цвѣтъ тотъ былъ не проченъ; огонь мой, какъ отъ соломы, былъ кратковременный. Не тѣшься же ты всею душою въ злой радости; не совсѣмъ утрачена мною надежда умилостивить божество, какъ потому, что я согрѣшилъ, а преступнымъ не былъ, и если вина не чужда стыда, во всякомъ случаѣ не заслуживаетъ негодованія, такъ и потому, что громадный кругъ земной, отъ восхода солнца до его заката, не имѣетъ ничего милосерднѣе того, кому повинуется. Понятно, что тотъ, котораго никто не превзойдетъ въ силѣ, имѣетъ сердце нѣжное (доступное) къ робкимъ мольбамъ. По примѣру боговъ, къ лику которыхъ присоединяется и онъ, съ прощеніемъ наказанія буду я просить и о многомъ другомъ. Если сочтешь во весь годъ солнце и туманы, найдешь, что чаще бываютъ свѣтлые дни, а потому, чтобы ты не слишкомъ радовался моему паденію, будь увѣренъ въ возможности мнѣ когда-нибудь и встать. Очень можетъ случиться, что государь умилостивится и ты, къ величай-

шему своему прискорбію, увидишь лицо мои среди города, а тебя сосланнымъ увижу я по болѣе важному дѣлу; вотъ это желаніе у меня непосредственно слѣдуетъ за первымъ.

Элегія 9-я.

О если бы ты позволилъ въ моихъ стихотвореніяхъ упомянуть твое имя, какъ часто находился бы ты тамъ помѣщеннымъ; одного тебя сталъ бы я воспѣвать, помня о твоей заслугѣ, и въ книжкахъ моихъ не прибавлялось бы ни одной страницы безъ тебя (гдѣ бы тебя не было). Во всемъ городѣ знали бы сколько я тебѣ одолженъ, если только меня изгнанника читаютъ въ утраченномъ городѣ. О твоей кротости узнаетъ и теперешній и болѣе поздній вѣкъ, если только мои сочиненія перенесутъ (выдержатъ) дѣйствіе времени. Не перестанетъ тебя благословлять ученый читатель, такая почесть останется тебѣ за сохраненіе поэта. Цезаря есть первый даръ, что я сохранилъ дыханіе, а послѣ великихъ боговъ признательность нужно выразить тебѣ. Тотъ далъ жизнь; ты (защищаешь) оберегаешь данную имъ и дѣлаешь, что я могу пользоваться принятымъ даромъ. Между тѣмъ, какъ большая часть пришла въ ужасъ отъ случившагося со мною, а нѣкоторые захотѣли показать, будто бы они оробѣли, смотрѣли на мое кораблекрушеніе съ высокаго холма и не подали, плывшему по суровому (незнающему жалости) морю, руки, полумертваго ты одинъ воззвалъ отъ Стигійскихъ водъ, и то самое, что я могу быть памятливымъ, твое. Пусть боги съ Цезаремъ оказываютъ себя тебѣ постоянно благопріятными (пріязненными), желаніе мое не могло бы выразиться полнѣе. Вотъ это-то мой трудъ изложилъ бы въ обработанныхъ книжкахъ, если бы ты допустилъ—для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ. Да и теперь муза моя едва удерживается, чтобы тебя не назвать противъ твоей воли, хотя получила приказаніе оставаться спокойною и какъ собаку, настигшую слѣды робкаго оленя, рвущуюся, тщетно удерживаетъ крѣпкая привязь, и какъ ретивый конь бьетъ въ двери своей темницы, еще не отворенной, то ногою, то лбомъ, такъ моя Талія, по данному слову связанная и запертая, желаетъ пройдти черезъ заглавіе запрещеннаго имени. Впрочемъ, чтобы не повредила тебѣ услуга помнящаго (памятливаго) друга, буду повиноваться — пожалуйста не бойся!—твоимъ приказані-

ямъ. А я не послушался бы, если бы ты не полагалъ, что я помню. Буду признателенъ, и этому не препятствуетъ твой голосъ и пока — и пусть будетъ это не долго! — буду видѣть свѣтъ солнца, будетъ служить этотъ духъ твоей услугѣ.

Элегія 10-я.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы находимся въ Понтѣ, три раза холодомъ удержанъ Истръ; три раза твердою сдѣлалась вода Евксинсинскаго моря. А мнѣ кажется, что я отъ отечества уже столько лѣтъ, сколько подъ стѣнами Дарданской Трои были враждебные Греки. Подумалъ—бы, что стоитъ, до того время идетъ медленно и годъ лѣнивыми шагами совершаетъ путь и мнѣ солнцестояніе ничего не убавляетъ отъ ночей, и зима не дѣлаетъ для меня короткими дней, какъ будто относительно меня самый ходъ природы измѣнился, и вмѣстѣ съ моими заботами все стало продолжительнымъ (длиннымъ). Общее всѣмъ время совершаетъ ли обычное теченіе и болѣе ли трудно время моей жизни? Меня, котораго держитъ берегъ ложно названный Евксиномъ (гостепріимнымъ), и по истинѣ лѣвая (неблагополучная) земля Скиѳскаго моря. Кругомъ безчисленные народы грозятъ неумолимою войною, народы, которые считаютъ для себя позоромъ жить не грабежемъ (не награбленнымъ). Внѣ, нѣтъ ничего безопаснаго; этотъ холмъ защищенъ съ трудомъ небольшими стѣнами и свойствомъ мѣстности. Когда всего менѣе ждалъ бы, налетаетъ густымъ облакомъ, точно птицы, непріятель и гонитъ добычу прежде, чѣмъ успѣешь его хорошенько увидать. Часто, на серединѣ улицъ внутри стѣнъ, при запертыхъ воротахъ подбирали мы вредоносныя (гибельныя) стрѣлы. А потому-то рѣдко найдется кто дерзнулъ бы обработывать поле, да и тотъ одною рукою пашетъ, а въ другой держитъ стрѣлы. Подъ шлемомъ пастухъ поетъ на дудкахъ (трубочкахъ) скрѣпленныхъ смолою, и вмѣсто волковъ робкія овцы опасаются войны (военныхъ дѣйствій). Съ трудомъ находимъ защиту въ укрѣпленіяхъ, и впрочемъ даже внутри наводитъ опасеніе толпа дикарей, смѣшанная съ Греками, такъ какъ вмѣстѣ съ нами безо всякой разницы живетъ дикарь, и даже занимаетъ большую часть жилищъ. Хоть бы они и не внушали тебѣ страха, но ненавистенъ былъ бы тебѣ самый видъ ихъ, покрытыхъ шкурами, а по вискамъ длинными волосами. Да и тѣхъ,

о которыхъ думаютъ, что они родомъ изъ Греческаго города вмѣсто отечественной (родной) одежды, покрываютъ Персидскія штаны. Они выражаютъ другъ другу мысли общимъ языкомъ: а мнѣ для того, чтобы выразить мысли, нужно прибѣгать къ знакамъ. Я здѣсь дикаремъ, такъ какъ меня никто не понимаетъ, и глупо надменные Геты осмѣиваютъ Латинскія слова. Явно при мнѣ они совершенно безопасно говорятъ обо мнѣ дурно, можетъ быть ставятъ мнѣ въ упрекъ самую ссылку и чтобы ни сдѣлалось—случится ли мнѣ при разговорѣ съ ними сдѣлать утвердительный или отрицательный знакъ—все понимаютъ противъ меня (къ моему вреду). Присоедини, что безжалостнымъ мечомъ выражается право беззаконія, и на самой срединѣ площади не разъ наносятся раны. О жестокая (безжалостная) Лахезисъ, которая мнѣ, родившемуся подъ столь тяжкимъ созвѣздіемъ, не дала болѣе короткой нити жизни! Друзья мои—то, что я лишенъ лицезрѣть отечество и васъ и что я жалуюсь, что нахожусь здѣсь въ Скиѳскихъ предѣлахъ—то и другое наказаніе тяжко; впрочемъ заслужилъ я лишиться города Рима, но можетъ быть не заслужилъ находиться въ такомъ мѣстѣ. Что я говорю, о безумный, даже самую жизнь потерять заслужилъ я, оскорбивъ божество Цезаря.

Элегія 11-я.

Ты жаловалась въ твоемъ письмѣ, что кто-то съ бранью назвалъ тебя женою изгнанника. Прискорбно мнѣ то было, не столько потому, что судьба моя плохо слышитъ —я привыкъ уже съ твердостью переносить мое несчастіе— а потому, что я поводъ къ стыду для того, кому меньше всего желалъ бы; тебѣ пришлось краснѣть отъ моего же несчастія. Переноси же и крѣпись: гораздо болѣе тяжкое перенесла ты, когда гнѣвъ государя отнялъ меня у тебя. Впрочемъ ошибается тотъ, по чьему сужденію называюсь я изгнанникомъ; снисходительное наказаніе послѣдовало за моею виною. Величайшее для меня наказаніе то, что я его оскорбилъ; лучше желалъ бы я, чтобы прежде наступилъ для меня смертный часъ. Потрясено впрочемъ наше, но не сломано, и не сокрушено волнами, судно и хоть оно лишено пристани, но во всякомъ случаѣ сохранилось отъ водъ, не отнялъ онъ у меня ни жизни, ни богатствъ (состоянія) ни права граж-

данина— а я заслужилъ моимъ проступкомъ потерять все это, но такъ какъ этотъ проступокъ сопровождаемъ злымъ умысломъ не былъ, ничего не повелѣлъ, кромѣ оставить мнѣ отеческіе очаги, какъ другимъ, число которыхъ обнять невозможно, такъ и мнѣ милостиво было божество Цезаря. Самъ относительно меня употребляетъ имя сосланнаго, а не изгнанника: безопасно дѣло мое имъ судьею. А потому основательно, Цезарь, мои стихотворенія, какія бы они ни были, на сколько во мнѣ силъ, воспѣваютъ твою, Цезарь, похвалу. Основательно умоляю я боговъ, чтобы они заперли еще тебѣ доступъ въ небо, и пожелали бы тебѣ оставаться долго безъ нихъ (не въ ихъ сонмѣ). Желаетъ того же народъ; но какъ въ море бѣгутъ и широкія рѣки и небольшіе ручьи, не богатые водою, а ты, чьи уста называютъ меня изгнанникомъ, пощади обременять (дѣлать еще болѣе тяжкою) мою участь ложнымъ наименованіемъ.

Элегія 12-я.

Пишешь ты, чтобы изученіемъ дѣлалъ болѣе пріятнымъ (сносным) плачевное время (моей ссылки), чтобы чувство мое не заглохло въ печальномъ бездѣйствіи. Трудно то, что ты внушаешь другъ мой, потому что сочинять стихотворенія есть дѣло веселое, и оно требуетъ спокойствія духа. Моя же судьба жертвою враждебныхъ бурь, и ничего не можетъ быть печальнѣе моего жребія. Требуешь ты, чтобы Пріамъ игралъ на похоронахъ дѣтей, и чтобы осиротѣвшая Ніобе водила праздничные хороводы. Повидимому чѣмъ же — слезами или ученіемъ долженъ заниматься я, которому одному повелѣно уйдти къ отдаленнымъ Гетамъ? Хотя бы ты далъ, чтобы сердце мое имѣло бы такую же сильную опору, какая была по преданію у обвиненнаго Анитомъ т. е. Сократа. Мудрость, не выдержавъ, падетъ отъ бремени столь тяжелаго; гнѣвъ бога превышаетъ силы людей. Тотъ старикъ, названный отъ Аполлона мудрымъ, не имѣлъ бы силы при такихъ обстоятельствахъ написать какое либо сочиненіе. Пусть бы постигло меня забвеніе отечества, забвеніе васъ, пусть могло бы утратиться всякое чувство (сознаніе) случившагося, но самый страхъ запрещаетъ заниматься спокойно обязанностями; нахожусь я въ мѣстѣ, опоясанномъ безчисленнымъ непріятелемъ. Присоедини, что (дарованіе) воображеніе, ослабленное долго-

временнымъ бездѣйствіемъ, коснѣетъ и много меньше того, какое было прежде. И плодородное поле, если не обновляется тщательно плугомъ, не будетъ заключать на себѣ ничего, кромѣ колючихъ травъ. Кто долгое время стоялъ, побѣжитъ плохо, и послѣднимъ прійдетъ въ числѣ коней, выпущенныхъ изъ затворовъ. Обращается въ нѣжную (мягкую) гнилость и зіяетъ множествомъ щелей лодка, которая долго находилась внѣ обычныхъ ей водъ. И относительно меня я отчаяваюсь, хоть малъ я былъ прежде, чтобы я былъ въ состояніи сдѣлаться такимъ же какимъ былъ. Притупляетъ дарованіе долговременное терпѣніе бѣдствій, и нѣтъ уже большей части прежней силы. Впрочемъ часто я, какъ и теперь, бралъ дощечку, и пытался я слова втиснуть въ привычные размѣры; но или вовсе не писалъ я стихотвореній или они выходили, какія видишь, достойныя времени (обстоятельствъ) своего господина, достойныя (мѣстности) мѣста. Наконецъ слава придаетъ духу не малыя силы, и любовь къ похвалѣ дѣлаетъ мысль нашу обильною. Когда-то увлекалъ меня блескъ имени и славы, пока попутный вѣтеръ погонялъ мои паруса. Не дотого мнѣ теперь хорошо, чтобы заботиться о славѣ; будь возможность, я лучше бы пожелалъ не быть никому извѣстнымъ. Не потому ли, что первыя мои стихотворенія имѣли сначала хорошій успѣхъ, совѣтуешь ты писать, чтобы я самъ сопровождалъ свои успѣхи? Не обидьтесь—прошу позволенія это сказать,—девять сестеръ, а вы то и главная причина моей ссылки—и какъ художникъ, сдѣлавшій мѣднаго быка, поплатился справедливо за свое дѣло, такъ я нашелъ наказаніе въ своемъ же искусствѣ. Не слѣдовало бы мнѣ болѣе ничего имѣть общаго со стихами, но заслуженно я (по дѣламъ), потерпѣвъ крушеніе, избѣгалъ бы вовсе моря. А полагаю, если я безразсудный, удержалъ бы (сохранилъ-бы) пагубное (роковое) мое занятіе, не здѣсь ли самое мѣсто соединяетъ всѣ условія къ стихотворству? Нѣтъ здѣсь ни одной книги, нѣтъ никого кто оказалъ бы мнѣ благосклонно вниманіе—послушать, и кто бы могъ понять то что, выражаютъ мои слова? Вся мѣстность полна здѣсь варварства и звѣрскихъ голосовъ; все полно опасеній Гетическихъ звуковъ. Мнѣ кажется, что я уже самъ разучился по Латинѣ; уже выучился я говорить по Гетски и Сарматски. И впрочемъ—признаться тебѣ правду—моя муза не можетъ удержаться отъ желанія писать какіе—нибудь стихи.

Пишу я и написанныя книжки истребляю огнемъ; небольшая кучка пепла исходъ моихъ занятій. Не могу и желаю не выводить никакихъ стиховъ и вслѣдъ затѣмъ то, надъ чѣмъ я трудился, лежитъ въ огнѣ и только какая-нибудь часть, исторгнутая изъ огня случаемъ или хитростью—произведеній (плодовъ) моего воображенія достигаетъ васъ. О если бы такъ мое искусство (любить), погубившее своего преподавателя, не опасавшагося ничего подобнаго, было обращено въ пепелъ!

Элегія 13-я.

Этотъ привѣтъ посылаетъ тебѣ твой Назонъ изъ края Гетовъ, если только можетъ послать привѣтъ (благополучія) здоровья, кто его не имѣетъ самъ. Больной духомъ заразилъ я отъ него и тѣло, чтобы никакая часть меня не была свободна отъ (мученія) страданій; уже много дней мучусь я болями въ боку; можетъ быть надѣлала это зима неумѣренною стужею. Впрочемъ если ты здоровъ, и я какою-нибудь частью здоровъ, такъ какъ моя развалина опирается на плечахъ твоихъ. Ты далъ мнѣ громадные залоги, и эту голову защищалъ на всѣ лады (способы). Грѣшишь ты тѣмъ, что твое письмо рѣдко меня утѣшаетъ и, не отказываясь со мною бесѣдовать, ты дѣлаешь дѣло доброе. Молю—это одно исправь, и если ты это одно исправишь, то на отличномъ тѣлѣ твоемъ не будетъ уже никакого недостатка. Болѣе я винилъ бы тебя, не будь возможности для письма не достигнуть меня, хотя бы оно и было отправлено. О пусть боги совершили бы, чтобы жалоба моя была неосновательна, и чтобы я ложно сдѣлалъ заключеніе о томъ, будто бы ты не помнишь обо мнѣ. Довольно ясно то, о чемъ я молю, не слѣдъ мнѣ думать, чтобы твердыня твоего сердца была доступна перемѣнѣ. Прежде перестанетъ рость у холоднаго Понта бѣловатая полынь, прежде Тринакрійская (Сицилійская) Гибла будетъ лишена пріятнаго тмина, чѣмъ кто-нибудь уличитъ тебя, что ты не помнишь друга: не до того черна еще нить моей судьбы! Впрочемъ ты, чтобы имѣть возможность опровергнуть обвиненіе въ измѣнѣ, берегись казаться не такимъ, каковъ ты есть, и какъ мы имѣли обыкновеніе въ разговорахъ проводить долгое время, и только конецъ дня прекращалъ нашу бесѣду, такъ теперь пусть письмо несетъ и приноситъ въ отвѣтъ наши выраженія, пусть бумага и руки исполняютъ обязанности языка. А чтобы не обнаружить

въ томъ слишкомъ большаго сомнѣнія, пусть будетъ достаточно объ этомъ предупредить тебя въ немногихъ стихахъ. Прими слово, какимъ обыкновенно оканчивается письмо и—пусть участь твоя будетъ далеко отъ моей — будь здоровъ.

Элегія 14-я.

Сколько тебѣ дали памятниковъ (наши) мои книжки, ты видишь супруга моя, ты, которая для меня дороже меня самого. Пусть судьба и многое отниметъ у писателя, а ты все таки будешь извѣстна моимъ талантомъ; и пока меня будутъ читать, со мною одновременно будутъ читать твою славу, и вся не сможешь уйти на печальные костры, и между тѣмъ какъ ты можешь показаться достойною сожалѣнія тѣмъ, что постигло твоего мужа, нашла бы ты такихъ, которые захотѣли бы занять твое мѣсто, которые тебя, между тѣмъ, какъ ты дѣлишь часть моихъ страданій, называютъ счастливою и тебѣ завидуютъ. Если бы я далъ тебѣ богатства, то не болѣе я бы далъ тебѣ; тѣнь богача не понесетъ своихъ сокровищъ въ послѣднее убѣжище. Тебѣ же я подарилъ честь вѣчной (постоянной) извѣстности и ты имѣешь тотъ даръ, больше котораго быть не можетъ. Присоедини, что такъ какъ ты одна охрана моихъ дѣлъ (обстоятельствъ), къ тебѣ приходитъ бремя не малой чести. Никогда, голосъ мой не остается нѣмъ для тебя, и ты должна гордиться мнѣніемъ о тебѣ твоего мужа. Дѣйствуй же такъ, чтобы никто не могъ назвать его преждевременнымъ и одновременно храни и меня—и нѣжную вѣрность, а твоя, пока я былъ цѣлъ (невредимъ) оставалась безъ позорнаго обвиненія, и похвалу получила безукоризненная честность. Такою же она осталась и теперь послѣ моего паденія; твоя добродѣтель совершаетъ тутъ великій подвигъ. Быть добродѣтельною легко, когда удалено все, что препятствуетъ и жена не имѣетъ ничего, чтобы препятствовало ея обязанностямъ: когда раздался громъ божества, не скрываться отъ непогоды—вотъ то и любовь, то супружеская преданность. Рѣдкая во всякомъ случаѣ добродѣтель, которою не управляетъ счастіе, которая остается твердою ногою, когда та бѣжитъ. Но если есть, которая сама себѣ предметомъ награды, къ которой стремится и остается несокрушимою и при невеселыхъ обстоятельствахъ (чтобы время счесть), если время примешь въ соображеніе, не будетъ умолчано ни въ какой вѣкъ, и дивуются мѣста,

на сколько открытъ путь земнаго круга. Развѣ не видишь ты, какъ остается хвалимою въ долгомъ вѣкѣ—имя неизгладимое, Пенелопова вѣрность? Развѣ не замѣчаешь ты, какъ воспѣваютъ супругу Адмета и Гектора и Ифіасъ, которая осмѣлилась идти на зажженный костеръ, какъ жива славою Филацеева супруга, которой мужъ быстрою ногою поспѣшилъ стать первый на Иліонскую почву? Нѣтъ тебѣ надобности умереть за меня, но нужно любить и оставаться вѣрною: тебѣ славу стяжать не трудно. И не полагай, что я тебѣ внушаю такъ какъ, будто бы ты не исполняла того; распускаемъ паруса, хотя судно и двигается впередъ греблею. Кто внушаетъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуешь, тотъ внушеніемъ хвалитъ и одобряетъ твое поведеніе своимъ убѣжденіемъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПОНТА.

1-е. Бруту:

Назонъ, уже не новый житель Томитанской земли, посылаетъ тебѣ это твореніе съ Гетическихъ береговъ. Если тебѣ есть время, Брутъ, пріими гостепріимно эти строки и лишь бы гдѣ-нибудь, а все равно гдѣ, скрой ихъ. Не дерзаютъ онѣ являться среди общественныхъ памятниковъ, дабы виновникъ ихъ существованія не преградилъ имъ путь. Ахъ, сколько разъ говорилъ я: вѣрно то, что вы ничему постыдному не учите, ступайте, цѣломудреннымъ стихамъ открыто то мѣсто, а все же они туда не идутъ, но считаютъ себя безопаснѣе подъ кровлею частнаго жилища. Спросишь, гдѣ могъ бы ты ихъ помѣстить никого не оскорбивъ? Гдѣ стояли *искусства* (любить), то мѣсто у тебя свободно. Зачѣмъ пришли, можетъ быть спросишь вслѣдствіе самой новизны? Прими чтобы то ни было, лишь бы не было то про любовь. Найдешь—хотя ихъ заглавіе не вызываетъ сожалѣнія—что по содержанію они не менѣе печальны тѣхъ, которыя я прежде доставилъ. Содержаніе тоже, заглавіе только другое и письмо научаетъ кому оно послано, не скрывая имени. Не желаете вы этого, но не въ состояніи и воспрепятствовать, и услужливая муза приходитъ къ вамъ противъ воли. Чтобы это ни было, присоедини къ моимъ; ничто не препятствуетъ произведеніямъ изгнанника, законамъ не противнымъ, пользоваться городомъ (Римомъ). Нѣчего тебѣ опасаться; Антонія читаются сочиненія и готовы постоянно полки для сочиненій ученаго Брута. Не до того

безуменъ я, чтобы ставить мое имя наравнѣ съ такими и я впрочемъ не поднималъ неумолимаго оружія противъ боговъ; наконецъ ни въ одной изъ моихъ книгъ нѣтъ недостатка въ почести Цезарю, въ которой онъ конечно не нуждается. Если обо мнѣ сомнѣваешься, допусти похвалы боговъ и прими мое стихотвореніе, уничтоживъ (мое) имя. Въ войнѣ оказываетъ пособіе вѣтвь миротворной маслины: принесетъ ли пользу, что ихъ сочинитель не имѣетъ нисколько мира? Когда на шеѣ Энеевой повисъ его родитель, говорятъ, само пламя дало дорогу мужу. Книга несетъ потомка Энеева, и не всякій путь будетъ ей открытъ? А вѣдь отецъ отечества этотъ, а тотъ былъ самого. Есть ли кто-нибудь столь смѣлый, чтобы вынудилъ сойти съ порога Фаросца, который держитъ въ рукѣ звучную *систру* (Египетскій бубенъ) передъ матерью боговъ? Когда флейтистъ играетъ на изогнутомъ рогѣ, кто откажетъ дать мелкую мѣдную монету? Знаемъ, что ничего подобнаго не повелѣвала Діана, но—чѣмъ жить—долженъ же имѣть ея служитель. Сами божества высшею силою дѣйствуютъ на духъ нашъ, и ничего нѣтъ постыднаго быть жертвою такого легковѣрія. Вотъ я вмѣсто систра (бубна) и Фригійской буковой дудки съ дырочками несу священныя имена рода Юловъ. Пророчествую и внушаю, дайте мѣсто несущему святыню: оно нужно не мнѣ, но великому божеству. И потому, что я или заслужилъ или почувствовалъ гнѣвъ государя, не думайте, что онъ не желаетъ отъ меня быть чтимымъ. Я видѣлъ признававшагося, что онъ оскорбилъ божество Изиды, облеченной въ льняные покровы, сидѣвшимъ передъ ея алтаремъ. Другой, лишенный зрѣнія за подобную тому вину, кричалъ громко, середи дороги, что заслужилъ это наказаніе. Небожителямъ нравятся такого рода восхваленія и свидѣтельства тѣхъ, которые показываютъ, какъ велика ихъ сила. Часто облегчаютъ наказаніе, возвращаютъ утраченное зрѣніе, когда видятъ, что тѣ вполнѣ раскаяваются въ согрѣшеніи. Жаль мнѣ, жаль — если только есть какое-либо довѣріе къ несчастнымъ, жаль мнѣ совершеннаго мною и я самъ терзаюсь тѣмъ, что совершилъ. Горька мнѣ ссылка, но еще болѣе вина моя и легче переносить наказаніе чѣмъ заслужить его. Пусть боги и будутъ ко мнѣ снисходительны, и тотъ, который ихъ еще ближе (открытѣе), наказаніе можетъ быть уничтожено, а вина останется навсегда. Конечно

смерть, когда придетъ, сдѣлаетъ навѣрное, что не буду изгнанникомъ, но чтобы я не былъ виновенъ, и смерть не можетъ того сдѣлать. А потому ничего нѣтъ удивительнаго, если мысль моя, сдѣлавшись талою, распускается какъ снѣгъ, обращающійся въ воду, какъ корабль, изъѣденный скрытыми червями, какъ соленая морская влага долбитъ скалы морскаго берега. Какъ шероховатая ржавчина грызетъ положенное желѣзо, какъ спрятанная книга изъѣдается молью, такъ грудь моя имѣетъ постоянныя угрызенія заботъ, которыя безъ конца ее изъѣдаютъ (терзаютъ) и не прежде эти побужденія оставятъ мысль, какъ съ жизнью и и тотъ, кто скорбитъ, покончится прежде чѣмъ его скорбь. Если мнѣ повѣрятъ въ томъ высшія силы, въ полной власти которыхъ я состою, можетъ быть буду я признанъ достойнымъ хоть малой (небольшой) помощи и перемѣнятъ мѣсто ссылки моей на другое, свободное отъ Скиѳскаго лука; если я болѣе этого стану молить, то буду съ мѣднымъ лбомъ.

Посланіе 2-е, Максиму.

Максимъ, ты, который исполняешь мѣру такого наименованія и удвояешь родъ благородствомъ духа, ты—для возможности кому родиться, хотя и пали триста, но не всѣхъ Фабіевъ унесъ одинъ день, можетъ быть спросишь отъ кого послано это письмо и пожелаешь ты узнать повѣрнѣе, что за человѣкъ хочетъ поговорить съ тобою. Увы мнѣ! Что я стану дѣлать? Опасаюсь, какъ бы, прочитавъ имя, ты не сталъ бы и остальное читать въ сердитомъ расположеніи духа. И если это кто-нибудь увидалъ бы, я дерзну признаться, что я писалъ къ тебѣ и плакалъ надъ собственнымъ несчастіемъ. Увидитъ, что я дерзну сознаться, что писалъ къ тебѣ и высказалъ мѣру моей же вины, я, который сознавалъ, что я былъ достоинъ болѣе тяжкаго наказанія, несу такое, болѣе котораго врядъ ли и можетъ быть еще. Вращаюсь посреди враговъ и опасностей, какъ будто бы съ отечествомъ утратилъ я и миръ, враговъ, которые, чтобы удвоить боль нанесенную раною, всѣ стрѣлы мочутъ въ печени змѣй. Ими всадникъ снабженный—приведенныя въ ужасъ, стѣны озираетъ на подобіе волка, обходящаго запертыхъ овецъ. И легкій лукъ, разъ натянутый лошадиною жилою, остается навсегда съ

этою неразрѣшимою скрѣпою. На крышахъ вонзившіяся стрѣлы торчатъ какъ будто бы частоколъ, и съ трудомъ позднія (поздно запертыя) ворота отстраняютъ силу оружія. Присоедини наружность мѣстности, которую не дѣлаетъ веселою видъ какого либо кустарника (зелени) или дерева; присоедини и то, что недѣятельная зима безпрерывно смѣняется одна другою. Тутъ-то меня—ведущаго борьбу съ холодомъ, съ стрѣлами, съ моимъ рокомъ, четвертая томитъ зима. Конца нѣтъ слезамъ, развѣ когда онѣмѣніе (безчувственность) остановитъ ихъ и грудь закоченѣетъ, какъ бы охваченная смертью. Счастлива Ніобея, хотя она и видѣла столько утратъ, но, сдѣлавшись камнемъ, утратила (чувство) сознаніе бѣдствій. И вы также счастливы, чьи уста, призывавшія брата, тополь покрылъ новою корою. А я тотъ, кому нѣтъ доступа ни въ какое дерево, я тотъ, кто пожелалъ бы напрасно быть камнемъ. Хотя бы сама Медуза явилась навстрѣчу глазамъ моимъ, сама Медуза утратила бы свою силу. Живу, чтобы не терять ни на одну минуту горькаго чувства, и мое наказаніе самою продолжительностью становится тяжеле. Такъ неистощимая и постоянно возраждающаяся печень Тиція не гибнетъ для того, чтобы онъ могъ часто (много разъ) умирать. Но я полагаю, что когда (отдохновеніе) успокоеніе и, общедоступное средство противъ заботы, сонъ явится, наступитъ ночь, чуждая обычныхъ бѣдствій. Страшатъ меня сновидѣнія, подражающія случаямъ дѣйствительнымъ, и чувства мои бодрствуютъ къ моему вреду. То видится мнѣ будто я уклоняюсь отъ Сарматскихъ стрѣлъ, то вдаю плѣнныя руки въ суровыя оковы, то вводитъ меня въ заблужденіе подобіе лучшаго сна—вижу я оставленный кровъ моей отчизны, и я то съ вами, друзья, которыхъ я чтилъ, то съ милою супругою многое говорю; такъ когда минуетъ это кратковременное и не настоящее наслажденіе, положеніе мое становится хуже отъ воспоминанія о прежнемъ счастіи. Такимъ образомъ—день ли видитъ эту несчастную, достойную жалости, голову, приходятъ ли въ движеніе кони обильной росами ночи, грудь моя таетъ отъ постоянныхъ заботъ, такъ же, какъ растопляется новый (свѣжій) воскъ, передъ придвинутымъ (поднесеннымъ) огнемъ. Часто молю о смерти, и я же самъ отъ нея отмаливаюсь, чтобы кости мои не покрыла Сарматская почва. Когда на мысль приходитъ—каково милосердіе Августа—вѣрю въ возможность по-

терпѣвшему крушеніе найти берега болѣе ласковые. Когда вижу какъ упоренъ мой рокъ (какъ упорно преслѣдуетъ меня злая судьба) терзаюсь, и падаетъ легкая надежда, побѣжденная великимъ страхомъ и впрочемъ ничего другаго не надѣюсь я и ни о чемъ не молю, какъ о возможности удалиться изъ этой мѣстности, перемѣнивъ ее хотя на худшую. Вотъ что или вовсе ничего, что за меня скромно попытаться можетъ ваша милость, сохраняя стыдъ.

Прими на себя Максимъ, краснорѣчіе Римскаго языка, милостивую защиту труднаго дѣла. Сознаюсь, что оно даже дурно, но сдѣлается хорошимъ, если ты возьмешь его на себя, произнеси только слова за, достойное жалости, изгнаніе. А Цезарь не знаетъ, хотя богу и все извѣстно, каковы условія этой столь отдаленной мѣстности; эта забота слишкомъ маловажна для небеснаго сердца. Нѣтъ ему времени разыскивать, въ какомъ краю находятся Томиты, мѣста, едва извѣстныя сосѣду Гету или что дѣлаютъ Савроматы, что добрые Язиги и Таврическая земля дорогая, Орестеевой богинѣ, и какія другія племена, когда холодомъ закоченѣетъ Истръ, на быстрыхъ коняхъ скачутъ по твердой спинѣ рѣки. Большая часть людей и о тебѣ не заботятся, красавецъ Римъ—и не боятся оружія Авзонскаго воина. Придаютъ смѣлости, духу, имъ луки и полные колчаны и конь, приспособленный (пріученный) къ какимъ бы то ни было длиннымъ переѣздамъ, и то, что они выучились переносить долго холодъ и жажду и то, что непріятель, который погнался бы за ними, не имѣлъ бы вовсе воды. Гнѣвъ милосердаго божества не отправилъ бы меня въ эту землю, будь она ему достаточно извѣстна. Не радуется онъ тому, чтобы тѣснимъ былъ непріятелемъ я ли или кто либо изъ Римлянъ, а менѣе всего я, кому онъ самъ даровалъ жизнь. Не захотѣлъ онъ, а могъ бы, малѣйшимъ кивкомъ головы, меня погубить; вовсе не было какой-либо нужды на мою гибель въ Гетахъ. Но ничего не узналъ онъ сдѣланнаго мною, что заслуживало бы смерть, и можетъ быть онъ теперь раздраженъ противъ меня менѣе, чѣмъ былъ. Да и тогда не сдѣлалъ онъ ничего кромѣ, что я самъ вынудилъ сдѣлать и раздраженіе его даже почти не соотвѣтствовало тому что я заслужилъ. И такъ пусть боги, изъ которыхъ онъ милосерднѣе всѣхъ сдѣлаютъ, чтобы тучная (роскошная) земля не произвела

ничего больше Цезаря и пусть не долго принадлежитъ ему забота объ общественныхъ дѣлахъ, и пусть она переходитъ изъ рукъ въ руки этого рода. А ты передъ столь снисходительнымъ, каковымъ я и самъ испыталъ его въ отношеніи ко мнѣ, судьею, разрѣши уста за мои слезы. Проси не того, чтобы хорошо было, но чтобы, дурно, а безопаснѣе, и чтобы мѣсто моей ссылки было далеко отъ неумолимаго (незнающаго жалости) непріятеля. И пусть жизнь, дарованную присущимъ божествомъ, не отнимаетъ грязный Гетъ извлеченнымъ мечомъ. Наконецъ, если и умереть мнѣ прійдется, то пусть кости мои улягутся въ почвѣ болѣе мирной, и пусть не бременитъ ихъ Скиѳская земля и пусть плохо уложенный, какъ и достойно изгнанника, прахъ не поражаетъ копыто Бистонійскаго коня, и пусть, если какое либо чувство остается и послѣ погребенія, призраки Сармата не наводятъ страха на мою тѣнь. Слыша это можетъ быть тронутъ духъ Цезаря, если только прежде будетъ тронутъ твой, Максимъ, духъ. Умоляю — пусть твой голосъ за меня умягчитъ уши Августа, твой голосъ, обыкновенно приносящій помощь трепещущимъ отъ робости подсудимымъ. Свойственной тебѣ сладостью ученаго языка смягчи сердце человѣка, котораго должно равнять съ богами. Просить тебѣ прійдется не Теромедона, не суроваго (кровожаднаго) Атрея и не того, который сдѣлалъ людей пищею своихъ коней; но неохотливый къ наказаніямъ государь, а награждать быстрый, онъ скорбитъ каждый разъ, когда вынужденъ быть строгимъ (немилосерднымъ), онъ постоянно побѣждаетъ съ тѣмъ чтобы имѣть возможность оказывать пощаду побѣжденнымъ, вѣчный запоръ положилъ онъ на междуусобныя войны, многое сдерживаетъ онъ страхомъ наказанія, а наказаніемъ немногое и рѣдко и противъ воли бросаетъ онъ перуны (молніи). А потому то ораторъ (представитель, заступникъ, посланный къ умамъ столь кроткимъ, моли, чтобы мѣсто ссылки моей было ближе къ отечеству. Я тотъ, кто чтилъ тебя, кого обыкновенно праздничный столъ видѣлъ въ числѣ твоихъ гостей (собесѣдниковъ), я тотъ, кто велъ Гименея къ вашимъ огнямъ и пѣлъ стихи, достойныя благословенной постели, чьи сочиненія, какъ я припоминаю, ты обыкновенно хвалилъ, кромѣ тѣхъ, которыя повредили ихъ хозяину, которому полному удивленія ты не разъ читалъ написанное тобою, я тотъ, кому дана жена изъ вашего дома. Ее одобряетъ и, постоянно съ перваго времени, Марція считала въ чис-

лѣ своихъ приближенныхъ, а прежде въ числѣ своихъ имѣла тетка Цезаря; сужденіемъ же ихъ если какая одобрена то вѣрно заслуживаетъ одобренія. Даже сама Клавдія, которая была лучше общаго о ней мнѣнія, бывъ похвалена, или не нуждалась бы въ божественной помощи; да и мы провели прошедшіе годы безъ порицанія (пятна), а ближайшую часть жизни мнѣ надобно перескочить. Но пусть о себя я буду молчать, моя жена— ваша забота; не можешь отъ того уклониться, если сохранилъ вѣрность. Она искала прибѣжища у васъ, ваши обнимаетъ алтари, по праву каждый приходитъ къ чтимымъ имъ богамъ. Со слезами проситъ, чтобы Цезарь былъ умилостивленъ вашими мольбами, и чтобы послѣдніе остатки ея мужа стали къ ней ближе.

Посланіе 3-е, Руфину.

Это привѣтствіе посылаетъ тебѣ, Руфинъ, твой Назонъ, твой если только тотъ, кто въ несчастіи можетъ быть для кого либо своимъ; недавно утѣшенія, тобою оказанныя смущенному разсудку, принесли помощь и надежду мнѣ среди моихъ бѣдствій. И какъ Пэантійскій герой почувствовалъ врачебную помощь, когда рана смягчилась (ослабѣла) передъ искусствомъ Махаона, такъ я, ниспровергнутый духомъ, пораженный жестокимъ ударомъ, началъ быть тверже отъ твоего внушенія и уже изнемогая, на твои слова ожилъ такъ, какъ жила обыкновенно начинаетъ вновь биться отъ налитаго внутрь вина. Но и краснорѣчіе не дало такихъ силъ, чтобы раны груди моей залѣчились отъ твоихъ словъ. Какъ ни много вынулъ ты изъ пучины нашей заботы, не меньше исчерпаннаго будетъ то, что осталось. Въ теченіи долгаго времени можетъ быть затянетъ рану, но еще свѣжія (точащія кровь) раны страшатся придвинутыхъ рукъ. Не всегда зависитъ отъ медика, чтобы поднялся его больной; иногда зло имѣетъ силы больше искусства. Ты видишь, какъ кровь, отхарканная изъ нѣжнаго легкаго, вѣрною тропинкою ведетъ къ Стигійскимъ водамъ. Пусть хоть самъ Епидаврій приноситъ священныя травы никакими средствами не излѣчитъ онъ ранъ сердца. Не умѣетъ медицина уничтожать узловатую подагру и не находитъ помощи въ самихъ наводящихъ страхъ водахъ. Да и забота иногда неизлѣчима никакимъ искусствомъ, или если и излѣчима, то не

иначе, какъ прежде облегченная долгимъ промежуткомъ времени. Когда хорошо укрѣпили ниспроверженный (павшій) духъ твои наставленія, когда я грудью моею принялъ твое оружіе, опять любовь къ отечеству, сильнѣе всякихъ доводовъ распустила работу, которую соткали твои сочиненія. Захочешь ли ты назвать это набожнымъ или женственнымъ; сознаюсь, что у меня бѣднаго мягкое сердце. Не сомнительно благоразуміе Итака, но все же онъ желаетъ имѣть возможность видѣть дымъ съ отцовскихъ очаговъ. Не знаю, какою-то прелестью очаровавъ, родная почва влечетъ и не допускаетъ утратить память о себѣ. Что лучше Рима? Что хуже Скиѳскаго берега? А впрочемъ сюда изъ того города дикарь бѣжалъ. Какъ ни хорошо запертой въ клѣткѣ дочери Пандіона, все же она порывается вернуться въ свои лѣса. Быки ищутъ имъ привычныхъ ущельевъ, а львы—и дикость имъ въ томъ не мѣшаетъ, пещеръ, а ты во всякомъ случаѣ надѣешься, что мученія ссылки могутъ удалиться изъ моего сердца вслѣдствіе моихъ утѣшеній. Сдѣлай же, чтобы вы сами были для меня не столь дорогими, а такими, что потерять васъ было бы не столь великимъ бѣдствіемъ, а полагаю я, что лишенный земли, на которой родился, найду же я гдѣ нибудь мѣсто человѣческое. Лежу брошенный на пескахъ самаго отдаленнаго края земнаго круга гдѣ заваленная земля носитъ вѣчные снѣга. Поле не производитъ здѣсь ни плодовъ, ни сладкаго винограда, на берегахъ нѣтъ ивняку, на горахъ дубовъ. Да и море не болѣе земли заслуживаетъ похвалъ: море, лишенное солнца, постоянно вздымается отъ неистовства вѣтровъ. Куда бы ты ни взглянулъ, лежатъ поля, неимѣющія воздѣлывателей и обширныя пространства земель, на которыя никто не заявляетъ права собственности. Является непріятель и его равно нужно опасаться и съ правой и съ лѣвой стороны, сосѣднею (близкою) грозою страшитъ онъ тотъ и другой бокъ: одна сторона должна почувствовать Бистонійскія копья, а другая дротики (стрѣлы) брошенные Сарматскою рукою. Иди же теперь и приводи намъ примѣры старинныхъ мужей, которые судьбу переносили съ твердымъ духомъ; удивляйся важной твердости великодушнаго Рутила, не воспользовавшагося правомъ возвращенія, предоставленнымъ ему условно. Смирна задержала мужа, а не Понтъ и враждебная земля—Смирна, стремиться въ которую понятно столько

же сколько и во всякую другую мѣстность. Циникъ Синопей не скорбѣлъ, что далеко отъ отечества, потому что мѣстопребываніемъ выбралъ онъ тебя, Аттическая земля. Неокловъ сынъ, сразившій оружіе Персовъ своимъ, первую ссылку почувствовалъ въ городѣ Арголидскомъ.

Изгнанный изъ отечества, Аристидъ бѣжалъ въ Лакедемонъ, а изъ этихъ двухъ городовъ (Аѳинъ и Спарты), который первый, не рѣшено было. Патроклъ, отрокомъ совершивъ убійство, оставилъ Опунтъ и удалилъ въ Ѳессалію, гостемъ Ахилла. Изгнанникомъ удалился отъ Гемонійскихъ водъ къ Пиренидскимъ тотъ, подъ чьимъ водительствомъ священное дерево бѣжало къ Колхидскимъ водамъ. Агеноровъ сынъ, Кадмъ оставилъ Сидонскія стѣны, чтобы поставить стѣны на лучшемъ мѣстѣ, пришелъ къ Адрасту Тидей, выгнанный изъ Калидона, и Тевкра приняла земля пріятная Венерѣ. Зачѣмъ буду я приводить старинныхъ Римлянъ, у которыхъ самое отдаленное мѣсто ссыльнымъ было Тибуръ? Если я пересчитаю всѣхъ изгнанниковъ, то во всѣ вѣка ни одному не было назначено мѣста, столь далекаго отъ отечества и болѣе ужаснаго. Тѣмъ болѣе пусть проститъ ваша мудрость страждущему (скорбящему), который не такъ много дѣлаетъ изъ твоихъ словъ, и впрочемъ не стану скрывать, что если бы могли зажить наши раны, то могли бы только твоимъ наставленіемъ, но опасаюсь, какъ бы ты меня не тщетно пытался сохранить и что мнѣ, больному и гибнущему, никакой пользы не принесетъ приложенная помощь. И это говорю не потому, чтобы благоразуміе у меня было больше, но потому что я лучше знать могу самъ себя, чѣмъ докторъ. Но пусть бы это и такъ было, твое расположеніе, какъ великій даръ, ко мнѣ достигло и твоя забота къ моему же добру (къ лучшему).

Посланіе 4-е, женѣ.

Уже мнѣ худшая (поздняя) пора жизни примѣшала сѣдины, уже лицо мое изрыли старческія морщины, уже нѣтъ бодрости, и въ потрясенномъ тѣлѣ слабѣютъ силы и какіе игры (забавы) нравились молодому человѣку, уже не нравятся. И но могла бы ты меня узнать, если бы вдругъ увидала: такое разрушеніе постигло мой возрастъ! Сознаюсь, что дѣлаютъ это годы, но есть

и другая причина—тревога души, постоянный трудъ, страданіе. И дѣйствительно, если бы кто мои бѣдствія распредѣлилъ по длиннымъ годамъ, повѣрь мнѣ, былъ-бы я старше Пилосскаго Нестора. Ты видишь, какъ на жесткихъ — а что крѣпче быка — нивахъ сильныя тѣла быковъ сокрушаетъ работа. Земля, которая пріобыкла—никогда не оставаться въ покоѣ, утомленная, старѣетъ отъ постоянныхъ плодовъ. Падетъ конь, который на состязаніяхъ цирка будетъ стремиться непрерывнымъ (незнающимъ отдохновенія) бѣгомъ. Какъ бы ни былъ крѣпокъ корабль, но разрушился бы въ морѣ онъ, если бы, никогда обсыхая, все оставался бы во влажныхъ водахъ, и меня ослабляетъ безконечный рядъ бѣдствій и вынуждаетъ, прежде назначеннаго для меня времени, быть старикомъ. Спокойствіе питаетъ (поддерживаетъ) тѣло, да и самый духъ питаетъ оно же, напротивъ неумѣренный трудъ подрываетъ то и другое. Вникни, рожденный Эзономъ, за то что достигъ въ эти страны, какую похвалу стяжалъ отъ поздняго потомства, а трудъ его и легче и меньше моего, если только великое имя не условливаетъ несправедливости. Онъ отправился въ Понтъ, бывъ посланъ Пеліемъ, котораго едва ли и въ предѣлахъ Θессаліи боялись, а мнѣ повредилъ гнѣвъ Цезаря, передъ которымъ отъ восхода солнца и до заката та и другая земля трепещутъ. Гемонія ближе къ печальному Понту, чѣмъ Римъ и болѣе краткій, чѣмъ я, онъ совершилъ путь. Онъ имѣлъ сопутниками первыхъ людей земли Ахивской, а мою ссылку всѣ покинули. Я обширное море пересѣкалъ на ломкомъ суднѣ, а корабль, несшій Эзонида (Эзонова сына) былъ крѣпкій. Не было у меня кормчимъ Тифиса и рожденный Агеноромъ не научилъ—какой слѣдовать дорогѣ и отъ какой удаляться. Того оберегала царственная Юнона вмѣстѣ съ Палладою, а мою голову не защищало ни одно божество. Тому помогло скрыто плутовское искусство Купидона, которому я хотѣлъ бы, чтобы не у меня научися влюбленный. Тотъ возвратится домой, а я умру въ этихъ поляхъ, если только будетъ упорствовать тяжкое раздраженіе оскорбленнаго божества. А потому, вѣрнѣйшая супруга, мое бремя тяжеле того, которое поднялъ (понесъ) рожденный Эзономъ и ты съ своей стороны, кого я молодою оставилъ, удаляясь изъ города, постарѣла — по крайней мѣрѣ это вѣроятно—отъ моихъ бѣдствій. О еслибы сдѣлали боги, что я могъ видѣть тебя такою и дорогіе

(милые) поцѣлуи напечатлѣть на измѣнившихся щекахъ, обнять не жирное тѣло моими руками и сказать: его худымъ сдѣлала забота обо мнѣ; самъ я плачущій тебѣ плачущей буду разсказывать про свои страданія и наслаждаться бесѣдою, которой я никогда уже не надѣялся, памятливою рукою несть должный ѳиміамъ истиннымъ богамъ Цезарямъ съ супругою Цезаря. О если бы государь умилостивился и мать Мемнона, какъ можно скорѣе розовыми устами вызвала бы этотъ день!

Посланіе 5-е, Максиму.

Тотъ, когда-то непослѣдній среди твоихъ друзей, Назонъ проситъ тебя прочесть его слова. Оставь мысль — отыскивать въ нихъ мое дарованіе, чтобы не показаться незнающимъ о моей ссылкѣ. Ты видишь, какъ бездѣйствіе вредитъ лѣнивому (праздному) тѣлу, какъ воды портятся, если не находятся въ движеніи. И у меня, если какая и была, привычка выводить стихи, то она мнѣ измѣняетъ и стала меньше отъ состоянія недѣятельности. Да и это, что читаете, повѣришь ли мнѣ, Максимъ, пишу я противъ воли и съ трудомъ, вынужденною рукою. Нѣтъ охоты напрягать силы духа на такія заботы, и муза и по зову не идетъ къ суровымъ Гетамъ. Впрочемъ, какъ видишь самъ, усиливаюсь вывести стихъ, но онъ выходитъ не мягче (не нѣжнѣе) моей судьбы. Когда перечитываю, стыжусь что написалъ. Такъ какъ я усматриваю очень многое что, по моему собственному сужденію, заслуживаетъ быть замараннымъ. И впрочемъ не исправлю: трудъ этотъ больше чѣмъ написать и больной умъ не въ состояніи вынести ничего труднаго. Дотого-ли мнѣ, чтобы начинать дѣйствовать строже (тщательнѣе, *рѣзче*) пилою и каждое слово подвергать осужденію? И безъ того мало-ли мучитъ меня судьба, если Нилъ не сольется съ Гебромъ, и Аѳонъ не присоединитъ къ Альпамъ свой лиственой уборъ. Нужно щадить духъ, имѣющій достойную жалости рану; и волы потертыя шеи вытаскиваютъ изъ ярма. Но, полагаю, готовъ плодъ, справедливѣйшая причина трудовъ и посѣянное, съ большимъ барышомъ, возвращаетъ поле. Мнѣ ни разу, хотя бы все привесть на память, время (проведенное въ этихъ занятіяхъ) не принесло пользы, о если-бы хоть не повредило. А почему же я пишу? Станешь

удивляться; удивляюсь я и самъ и самъ себя спрашиваю, что я отъ того извлекаю? Или, можетъ быть, народъ основательно говоритъ, что не въ своемъ умѣ поэты и лучшимъ подтвержденіемъ справедливости этихъ словъ не я ли? Я, который будучи столько разъ обманутъ безплоднымъ полемъ, продолжаю скрывать сѣмена въ убыточную почву. Конечно, каждый имѣетъ страсть къ своимъ занятіямъ и нравится ему, терять время на привычное искусство. Раненный гладіаторъ клянется, что не пойдетъ больше на бой, но онъ же, забывъ старую рану, берется за оружіе. Потерпѣвшій крушеніе говоритъ, что онъ не будетъ уже имѣть ничего общаго съ волнами моря, вслѣдъ за тѣмъ двигаетъ веслами въ водѣ, въ которой недавно плавалъ (спасался въ плавь). Такъ я постоянно пеняю на свое безполезное занятіе и опять стремлюсь къ богинямъ, которыхъ жалѣю, что чтилъ. Да что же лучшее буду я дѣлать? Я не таковъ, чтобы проводить время въ праздности: время, проведенное въ бездѣйствіи мнѣ кажется смертью, не нравится мнѣ до свѣту предаваться пьянству и ласковая (заманчивая) шашка не занимаетъ невѣрныхъ рукъ. Когда я отдалъ сну часы, какіе требовало тѣло, какимъ образомъ, бодрствуя, буду проводить продолжительное время? Или, забывъ отеческій обычай, буду учиться натягивать Сарматскій лукъ и буду плѣненъ (увлеченъ) мѣстнымъ искусствомъ? И за это занятіе взяться – препятствуютъ мнѣ силы и мысль моя здоровѣе моего исхудалаго тѣла. Когда ты хорошенько изслѣдуешь, что мнѣ дѣлать—то ничего нѣтъ для меня болѣе полезнаго тѣхъ искусствъ, которыя не имѣютъ ничего пользы; ими достигаю я забвенія того, что случилось со мною. Достаточно если и эту жатву производитъ моя почва. Пусть слава васъ подстрекаетъ, бодрствуйте вы для Піерійскихъ хоровъ, чтобы прочитанныя стихотворенія заслуживали одобреніе. А мнѣ достаточно слагать то, что легко приходитъ и чуждъ поводъ къ слишкомъ усиленному труду. Зачѣмъ я тщательно и заботливо буду обдѣлывать мои стихотворенія? Или буду опасаться какъ бы ихъ не одобрилъ Гетъ? Можетъ быть смѣло дѣлаю, но горжусь, что Истръ не имѣетъ ни одного дарованія больше моего. Въ этомъ полѣ гдѣ нужно жить, довольно, если я достигну—что есть поэтъ среди безчеловѣчныхъ Гетовъ. Зачѣмъ мнѣ навязываться славою на (далеко лежащій) отдаленный край земли? То мѣсто,

которое мнѣ дала судьба, пусть будетъ для меня Римомъ. Моя несчастная муза довольна этимъ театромъ, такъ я заслужилъ, такъ великіе захотѣли боги. Да и я не полагаю, чтобы отсюда туда былъ для моихъ книжекъ путь, куда и Борей прилетаетъ на выбившихся изъ силъ крыльяхъ. Мы раздѣлены всѣмъ пространствомъ неба, и Медвѣдица, которая далека отъ города Квиринова, видитъ близко косматыхъ Гетовъ. Едва могъ бы я повѣрить, чтобы черезъ столько земель и водъ могло перелетѣть извѣстіе о моемъ занятіи. Но вообрази, что читаютъ и, что удивительно, вообрази, что нравятся—автору во всякомъ случаѣ дѣло это ничего не поможетъ. Что тебѣ, если будутъ хвалить живущаго въ теплой Сіенѣ, или гдѣ Индійская вода опоясываетъ Тапробану. Угодно идти выше? Если тебя будутъ хвалить находящіеся далеко знаки Плеядъ, что оттого получишь? Но не достигну посредственными сочиненіями туда, и слава бѣжала изъ города съ своимъ хозяиномъ. А вы, для которыхъ я погибъ тогда когда моя слава похоронена, я полагаю, храните теперь молчаніе о моей смерти.

Посланіе 6-е, Грецину.

Скажи-же—когда ты услыхалъ о постигшемъ меня случаѣ, а тебя держала отдаленная земля — печально было твое сердце? Притворствуешь, хотя опасаешься, Грецинъ, сознаться, если я хорошо тебя зналъ, то ясно, что сердце твое печально? Нелюбезная суровость (безчувственность) не соотвѣтствуетъ этимъ нравамъ и на столько далека она отъ твоихъ наклонностей. Отъ изящныхъ искусствъ, забота о которыхъ для тебя главная, сердце становится нѣжнѣе и бѣжитъ суровость, и никто съ большимъ довѣріемъ не предается имъ, насколько позволяютъ занятія по должности и труды военные. Конечно я, какъ только могъ чувствовать (понимать) что я такое сталъ, былъ такъ пораженъ, что надолго утратилъ всякое соображеніе; я почувствовалъ и въ томъ ударъ судьбы, что нѣтъ тебя, друга, тебя, которой былъ бы для меня великою защитою (опорою). Съ тобою въ то время отсутствовали утѣшенія больнаго разсудка, большая часть души и моего совѣта (обсужденія). А теперь, что остается, молю, окажи (подай) издали единственную помощь, и твоею бесѣдою облегчи мою грудь, а ее, если ты въ чемъ либо вѣримь другу, непревыкшему лгать, при-

лично болѣе назвать глупою чѣмъ преступною. Не легко и не безопасно писать—какое начало согрѣшенія; мои раны страшатся каждаго прикосновенія. Какимъ бы то ни было способомъ это случилось со мною, спрашивать перестань; не раздражай, если хочешь, чтобы что срослось. Чтобы это ни было, не преступленіемъ, но виною должно быть названо. Неужели всякая вина въ отношеніи къ великимъ богамъ, есть преступленіе? А потому-то Грецинъ, не вовсе въ мысляхъ моихъ изсякла надежда въ облегченіи наказанія. Эта богиня, когда божества бѣжали съ преступной земли, одна осталась на, богамъ ненавистной, почвѣ. Она дѣлаетъ, что живетъ и связанный кандалами рудокопъ и мнитъ, что въ будущемъ его ноги будутъ свободны отъ желѣза. Она дѣлаетъ, что не видя со всѣхъ сторонъ нигдѣ земли, потерпѣвшій крушеніе работаетъ руками среди водъ. Часто кого нибудь оставляла дѣятельная забота врачей и надежда у него не падала съ упадкомъ пульса. Говорятъ, что запертые въ тюрьмѣ надѣются на спасеніе и кто нибудь, вися на крестѣ, дѣлаетъ обѣты (имѣетъ еще пожеланія). Эта богиня сколь многихъ, петлею свою шею связывавшихъ, не допустила погибнуть задуманною (предположенною) смертью! Да и меня, пытавшагося мечемъ окончить страданія, удержала наброшенною рукою (ухвативъ рукою). Что ты дѣлаешь? — сказала она — нужны слезы, а не кровь; часто черезъ нихъ обыкновенно гнѣвъ государя умилостивляется. А потому, хотя и не довлѣетъ она нашимъ заслугамъ, но великая надежда намъ въ благости бога. Моли его, Грецинъ, чтобы онъ не былъ немилостивъ ко мнѣ и ты слова направляй къ моему же желанію и пусть лягу я схороненный въ Томитанскомъ пескѣ, если не ясно что твое желаніе такое-же И дѣйствительно, прежде начнутъ голубки избѣгать башенъ, гротовъ — звѣри, скотъ — пастбищъ, нырокъ—водъ, чѣмъ Грецинъ окажетъ себя дурнымъ для стариннаго друга, не до такой же степени измѣнилось все въ моей судьбѣ.

Посланіе 7-е, Мессалину.

Письмо вмѣсто словъ тебѣ, Мессалинъ, привѣтствіе, которое читаешь, принесло изъ отдаленной земли. Указываетъ на автора мѣстность или иначе, какъ прочитавъ, имя нельзя узнать, что я, Назонъ, написалъ эти слова. Развѣ кто либо изъ твоихъ нахо-

дится брошеннымъ на краю земли, за исключеніемъ впрочемъ меня, а я молю быть твоимъ. Пусть боги захотятъ, чтобы знакомство съ этимъ народомъ далеко было ото всѣхъ, которые тебя чтутъ и любятъ. Достаточно, что я живу среди льдовъ и Скиѳскихъ стрѣлъ—если только считать за жизнь родъ смерти. Меня тѣснитъ или земля войною или холодомъ небо, суровый Гетъ—оружіемъ, градомъ зима поражаетъ. Нахожусь я въ странѣ, которая не производитъ ни яблокъ, ни винограда, и которой ни одна сторона не спокойна (защищена) отъ непріятеля. Пусть остальная толпа твоихъ читателей будетъ невредима, среди ихъ, какъ народа, и я былъ малою частью. О я несчастный, если ты оскорбишься этими словами, и станешь отрицать, чтобы я какою нибудь долею былъ твоимъ. И пусть бы это было и справедливымъ, ты долженъ простить вымыслу; слава моя нисколько не уменьшаетъ твоей похвалы. Кто не вымышляетъ, что онъ другъ и знакомый Цезарямъ. Дай прощеніе сознавшемуся, ты для меня будешь Цезарь. И впрочемъ, я не врываюсь куда не слѣдуетъ идти и достаточно, если ты не станешь отрицать, что твоя передняя была мнѣ доступна. И пусть у тебя со мною не было ничего болѣе, во всякомъ случаѣ привѣтствуешь ты одними устами менѣе чѣмъ прежде. Родитель твой не стыдился имѣть меня другомъ; онъ совѣтникъ, поводъ и факелъ для моихъ занятій. Ему я и слезы—послѣднее на похоронахъ приношеніе, и сочиненія далъ для пѣнія на серединѣ площади. Присоедини, что братъ соединенъ съ тобою столь великою любовью, какая была въ Атридахъ и Тиндаридахъ. Тотъ не пренебрегалъ мною ни какъ сопутникомъ, ни какъ другомъ, если впрочемъ полагаешь, что это ему не повредитъ, а если повредитъ, то сознаюсь, что я въ этомъ отношеніи лгу, пусть лучше для меня будетъ запертъ вовсе этотъ домъ, но и не нужно запирать и никакое могущество не можетъ дать силъ, чтобы въ чемъ нибудь не провинился (согрѣшилъ) пріятель (другъ). И впрочемъ какъ бы я ни желалъ имѣть возможность отрицать самую вину, такъ каждому извѣстно, что я не чуждъ преступленія. Если бы часть вины не была доступна извиненію, малымъ наказаніемъ была бы ссылка, но самъ это видѣлъ Цезарь, который прозираетъ все, что мою вину можно назвать глупостью. На сколько я допустилъ, и на сколько позволила сущность дѣла, пощадилъ, и умѣренно употребилъ въ дѣло мол-

нiи своего перуна; онъ не отнялъ ни жизни, ни состоянiя, ни возможности возвращенiя, если только ваши мольбы могутъ побѣдить его раздраженiе. Но тяжело я упалъ: чтоже удивительнаго если кто, будучи пораженъ Юпитеромъ, имѣетъ не тяжкую рану? Хоть свои силы и сталъ бы сдерживать Ахиллъ, но брошенное Пелiево копье наносило тяжкiе удары. Такимъ образомъ, когда намъ сужденiе мстителя *) на лицо, нѣтъ повода — почему бы твоя дверь отрицала бы знакомство со мною. Сознаюсь, что я ухаживалъ за нею болѣе чѣмъ должно было, но полагаю, что это такъ уже было мнѣ суждено. И впрочемъ ни одна не чувствовала столько ухаживанiя со стороны меня, тамъ-ли сямъ-ли я постоянно находился подъ твоимъ Ларомъ (т. е. подъ покровомъ твоихъ божковъ хранителей) и каково бы ни было твое чувство—пусть тебя самаго и не чтитъ, но нѣкоторое право на тебя имѣетъ другъ брата. Какъ! Если постоянно должна быть оказываема благодарность заслугамъ, такъ не въ твоей ли судьбѣ еще разъ заслужить ее (благодарность)? Если ты позволяешь мнѣ посовѣтовать — чего тебѣ желать: моли боговъ, чтобы ты болѣе давалъ, чѣмъ возвращалъ. Такъ ты и поступаешь и насколько можно припомнить, ты имѣлъ обыкновенiе для многихъ служить поводомъ къ одолженiю. Въ какомъ бы то ни было числѣ (разрядѣ) меня, Мессалинъ, положи, лишь бы я былъ не чужою частью твоего дома. И такъ какъ Назонъ повидимому заслужилъ несчастiе, то пожалѣй хоть не о томъ, что онъ несетъ, а хоть о томъ, что заслужилъ.

Посланiе 8-е, Северу **).

Отъ любимаго тобою Назона прiйми посылаемое привѣтствiе, Северъ, *большая часть души моей и не спрашивай, что я дѣлаю;* если изложу все подробно, заплачешь. Пусть будетъ тебѣ достаточно ознакомиться съ сущностью постигшихъ меня бѣдствiй. Чуждые мира живемъ мы среди постоянныхъ военныхъ дѣйствiй, когда снабженный колчаномъ Гетъ постоянно возобновляетъ незнающую жалости войну. Изо столькихъ изгнанниковъ я одинъ въ изгнан-

*) Мстителя — то-есть: того кто имѣетъ и право и обязанность мстить за что нибудь.

**) Это посланiе считаютъ не Овидiя самого, а подъ его тонъ поддѣланнымъ.

никѣ воинъ; безопасно—и не завидую—лежитъ остальная толпа и чтобы ты болѣе удостоивалъ извиненія мои книжки, сообрази что ты читаешь стихи, сочиненныя во время приготовленій къ бою. Стоитъ старинный городъ, сосѣдній берегу Истра о двухъ названіяхъ, въ мѣстности едва доступной стѣнами и положеніемъ. Каспій Эгипсосъ — о нихъ (жителяхъ) если мы повѣримъ имъ самимъ—построилъ, и свое произведеніе назвалъ своимъ собственнымъ именемъ. Его—неожиданнымъ нападеніемъ истребивъ Одризіевъ, суровый Гетъ взялъ и противъ царя поднялъ оружіе. Тотъ, помня великій родъ, къ которому присоединялось и мужество, явился тотчасъ же окруженный безчисленными воинами и не прежде удалился какъ заслуженнымъ истребленіемъ провинившихся, слишкомъ за себя отомстилъ и явился самъ виновнымъ. А тебѣ, царь храбрѣйшій нашего вѣка, пусть будетъ дано всегда держать скипетръ досточтимой рукою, и тебя—что и дѣлается—а чего полнѣе (болѣе) могу я тебѣ пожелать, Марсовъ Римъ съ великимъ Цезаремъ тебя одобрятъ. Но помня откуда я ушелъ, жалуюсь, о сладкій (пріятный) товарищъ, что къ моей бѣдѣ присоединяется еще жестокая война съ тѣхъ поръ, какъ лишась васъ, будучи сброшенъ на Стигійскіе берега, Плеяда своимъ восходомъ ужь четыре осени совершила. И ты не полагай, что Назонъ ищетъ удобствъ городской жизни, конечно онъ и въ нихъ чувствуетъ недостатокъ. То васъ, мои сладкіе друзья, въ душѣ припоминаю, то приходитъ мнѣ на мысль дочь и дорогая жена. Выйдя изъ дому, я обращаюсь къ мѣстностямъ прекраснаго города и все это мысль видитъ съ своими глазами: то приходятъ на память форумы, то храмы, то мраморомъ крытые театры, то портики съ выровненною землею, то зелень поля оканчивающагося прекрасными садами, то пруды Еврипа и дѣвственный источникъ; а полагаю, у меня бѣднаго, такъ исторгнуто наслажденіе Городомъ (Римомъ) чтобы по крайней мѣрѣ какой либо деревнею была возможность наслаждаться. Душа моя не желаетъ утраченныхъ полей, ни деревень, которыя виднѣются на Пелигнской почвѣ, ни садовъ, которые будучи расположены по холмамъ, производящимъ сосны, обращены къ Клодіевой дорогѣ тамъ, гдѣ она соединяется съ Фламиніевою. Не знаю, для кого я выростилъ эти сады, въ которыхъ я имѣлъ обыкновеніе — и не стыжусь — поливать самъ посѣянное родниковою водою. Есть тамъ, если

только остались въ живыхъ, нѣсколько плодовитыхъ деревьевъ, плоды съ которыхъ прійдется собирать не моимъ рукамъ. О еслибы мнѣ за все это утраченное могъ достаться хоть здѣсь кусокъ земли для обработанія! Самъ бы я, будь только возможно— висящихъ со скалъ дикихъ козъ и овецъ, стерегъ бы облокотясь на палку. Самъ я, чтобы сердце не предавалось обычнымъ заботамъ, повелъ бы обработывающихъ поле быковъ подъ широкое (растянутое) ярмо. Выучу слова знакомые Гетійскимъ воламъ и къ нимъ присоединю привычныя (для нихъ) угрозы; самъ, придерживая рукою за ручку вонзеннаго плуга, буду дѣлать опытъ— разсѣвать зерна по взвороченной землѣ, нисколько не усумнюсь длинными мотыками очищать поле и давать воду, которой напьется жаждущій садъ; но откуда будетъ это мнѣ, котораго и отъ непріятеля чуть отдѣляютъ стѣна и запертые ворота; а тебѣ, когда ты родился — чему я радуюсь отъ всего сердца—богини судьбы спряли крѣпкія нити. Ты, то находишься въ полѣ, то въ портикѣ съ густою (плотною) тѣнью, то въ форумѣ, на что впрочемъ отдаешь не многія минуты. Умбрія теперь отзываетъ назадъ и когда ты отправляешься на Албанскія нивы, Аппія ведетъ тебя и твои разгорающіяся колеса. Можетъ быть, желаешь ты, чтобы Цезарь подавилъ справедливое раздраженіе, и чтобы твоя вилла сдѣлалась моимъ убѣжищемъ. Ахъ, слишкомъ многаго желаешь ты, мой другъ, проси болѣе умѣреннаго и умоляю—стяни паруса твоихъ пожеланій. Желалъ бы я, чтобы мнѣ отведена была земля поближе, не затронутая никакой войною; хорошая (значительная) доля моихъ бѣдствій тогда убудетъ.

Посланіе 9-е, Максиму.

Твое письмо, которое пришло ко мнѣ объ утратѣ Цельса, тотчасъ же сдѣлалось влажнымъ отъ моихъ слезъ и что не прилично высказать, что я считалъ невозможнымъ на дѣлѣ, глаза мои противъ воли прочли это письмо и съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ Понтѣ, ничего (суровѣе) непріятнѣе не достигало моего слуха, и молю чтобы не достигало. Передъ моими глазами образъ его, какъ бы на лицо находящагося, пребываетъ и любовь воображаетъ, что онъ живъ и умершій. Часто въ умѣ припоминаешь шутки, чуждыя важности, часто совершенное и важ-

ное съ прозрачною вѣрностью. Впрочемъ никакія времена не приходятъ мнѣ на мысль чаще тѣхъ, о которыхъ я хотѣлъ бы, чтобы они были послѣднія моей жизни. Когда вдругъ мой домъ, постигнутый громаднымъ разрушеніемъ, палъ и обрушился на голову хозяина. Не оставлялъ меня онъ, когда большая часть меня покинула, Максимъ, и самъ не слѣдовалъ за (судьбою) счастіемъ. Я видѣлъ, что онъ не иначе оплакивалъ (мое несчастіе) мои похороны, какъ если-бы ему приходилось брата класть на огонь. Прильнувъ обнялъ, утѣшалъ лежащаго и съ моими слезами смѣшалъ самъ свои. О сколько разъ, ненавистный сторожъ горькой жизни удержалъ руки, готовыя на мою гибель! О сколько разъ говорилъ: гнѣвъ боговъ легко умилостивимъ, живи и не отрицай возможности для тебя прощенія. Впрочемъ чаще всего повторялъ онъ: припомни сколько долженъ помочь тебѣ Максимъ. Максимъ употребитъ всѣ усилія и съ тѣмъ чувствомъ, какое онъ имѣетъ, будетъ просить, чтобы гнѣвъ Цезаря не былъ до конца упоренъ: вмѣстѣ съ своими братьями приложитъ онъ силы и испытаетъ всѣ средства чтобы ты меньше скорбѣлъ. Эти слова уменьшили для меня скуку (бремя) несчастной жизни, а ты Максимъ, остерегись, какъ бы это ожиданіе не было пустымъ. Онъ обыкновенно клялся, что сюда пріидетъ, если только ты предоставишь ему право на столь дальное странствованіе; твою святыню не другимъ чтилъ онъ обрядомъ, когда ты самъ чтишь повелителей земли—боговъ. Повѣрь мнѣ, между тѣмъ какъ ты, достойный того, многихъ имѣешь друзей, изъ многихъ онъ не былъ никого не меньше, если только не цензъ (состояніе) и не славное имя предковъ, но честность и умъ дѣлаютъ великими. А потому-то основательно посвящаю я слезы утратѣ Цельса, слезы, которыя принесъ онъ мнѣ, когда я отправлялся въ ссылку. Основательно (по праву) приношу я стихотвореніе, свидѣтельствующее о рѣдкихъ нравахъ, чтобы имя твое, Цельсъ, читали и будущія поколѣнія. Это есть, что я могу послать тебѣ отъ Гетическихъ полей; это одно есть тутъ, чему дозволено быть моимъ. Не могъ я ни сопровождать похоронъ, ни мазать тѣло, и цѣлымъ земнымъ кругомъ отдѣленъ отъ твоихъ костровъ. Кто былъ въ состояніи, кого ты въ живыхъ считалъ за божество, Максимъ оказалъ тебѣ всю услугу (весь долгъ). Онъ тебѣ (сдѣлалъ) устроилъ выносъ и съ боль-

шимъ почетомъ похороны, онъ на холодную грудь лилъ благовонія. Печальный ливнемъ слезъ размочилъ онъ благовонныя мази и убранныя (въ сосудъ) кости схоронилъ въ сосѣдней землѣ. Итакъ какъ онъ исполняетъ долгъ относительно друзей отшедшихъ (умершихъ), то и насъ можетъ причислить къ отшедшимъ (умершимъ).

Посланіе 10-е, Флакку.

Назонъ, изгнанникъ, посылаетъ тебѣ, Флаккъ, своему—привѣтствіе (здоровье), если только кто нибудь можетъ посылать то, чего самъ лишенъ. Продолжительная слабость въ тѣлѣ, поврежденномъ горькими заботами, не допускаетъ имѣть своихъ (настоящихъ) силъ. Нѣтъ никакой боли, не сжетъ меня палящее дыханіе горячки, и пульсъ обьется обыкновеннымъ (свойственнымъ) ему образомъ. Но во рту нѣтъ вкуса; накрытый столъ вызываетъ отвращеніе и жалуюсь когда наступаетъ часъ ненавистной пищи. Клади передо мною все, что производитъ море, земля, воздухъ, не найдется ничего, чтобы вызвало мой аппетитъ. Пусть красивая богиня молодости (Гебе) принесетъ мнѣ въ своихъ милыхъ ручкахъ нектаръ и амброзію, пищу и напитокъ боговъ, но и ихъ вкусъ не раздражитъ (не вызоветъ) онѣмѣвшее небо, и долго будетъ оставаться въ желудкѣ безполезнымъ бременемъ. Это я не дерзнулъ бы, хотя было-бы и высшей степени справедливо, каждому написать, чтобы мое бѣдствіе не назвали наслажденіемъ. Неужели мое положеніе таково, таковъ видъ моихъ обстоятельствъ, чтобы возможно было мѣсто наслажденію. Молю, чтобы наслажденіе это досталось тому, если кто опасается, какъ бы раздраженіе Цезаря въ отношеніи ко мнѣ не сдѣлалось меньше. Даже сонъ, служащій пищею изнуренному тѣлу, не поддерживаетъ тѣла ослабѣвшаго. Но бодрствую, бодрствуютъ мои безконечныя страданія, и самая мѣстность доставляетъ имъ матеріалъ. А потому съ трудомъ могъ бы ты узнать видѣнное тобою лицо, и ты спросилъ бы, куда удалился цвѣтъ, который былъ прежде. Небольшое количество соку достигаетъ мнѣ въ исхудалые члены и они блѣднѣе новаго (свѣжаго) воску. Это—не вредныя послѣдствія неумѣреннаго употребленія вина, ты знаешь, что я пью почти одну воду. Не обремeнню я себя

обжорствомъ, да если бы я и былъ охотникъ поѣсть, то во всякомъ случаѣ не представляютъ въ томъ вовсе избытка Гетскіе края. И не вредное наслажденіе Венеры отняло силы; не имѣетъ обыкновенія она посѣщать печальную постель. Вода и мѣстность вредятъ, а причина вреднѣе всѣхъ — забота души, а она всегда со мною. Ее—если ты, одновременно съ подобнымъ тебѣ братомъ, не облегчалъ бы, съ трудомъ печальный духъ снесъ бы тяжесть горя. Вы—не жесткая почва для ломкаго челнока и хоть многіе отрицаютъ, вы мнѣ оказываете помощь. Оказывайте, умоляю, постоянно, потому что постоянно я буду нуждаться въ ней, пока раздражено будетъ противъ меня божество Цезаря. А онъ пусть заслуженное мною раздраженіе уменьшитъ, а не покончитъ, усердно каждый молите вашихъ боговъ.

ПИСЕМЪ ИЗЪ ПОНТА.

КНИГА ВТОРАЯ.

Письмо 1-е, къ Германику:

И сюда достигла слава Цезарева тріумфа, куда едва достигаетъ слабое дуновеніе утомленнаго Нота. А я полагалъ, что мнѣ въ Скиѳской сторонѣ ничего не будетъ пріятнаго; уже меньше ненавистно это мѣсто, чѣмъ было прежде. Наконецъ увидалъ я что-нибудь яснаго и облако заботъ прогнано; я восторжествовалъ надъ моею судьбою. Пусть и не хочетъ Цезарь, чтобы меня постигла какая-нибудь радость, а эта одна радость можетъ достаться каждому. Да и боги, чтобы быть чтимыми отъ всѣхъ съ веселымъ набожнымъ чувствомъ, повелѣваютъ отлагать печаль въ свои праздничные дни. Наконецъ—и вѣрное безуміе въ томъ дерзнуть сознаться, этой я радостью — запрещай онъ и самъ—буду наслаждаться. Юпитеръ каждый разъ, какъ полезными дождями помогаетъ полямъ, упорная сорная трава (lappa) обыкновенно растетъ, примѣшанная къ жатвѣ. Да и я, трава безполезная, чувствую плодотворное божество и часто пользуюсь благами (помощью) противъ ихъ воли. Радость Цезарева духа, насколько и я мужчина (гражданинъ) есть и моя: частнаго не имѣетъ ничего тотъ домъ. Благодарю тебя, молва; ею видѣлъ я пышную процессію тріумфа, я, замкнутый въ серединѣ Гетовъ. По твоему показанію узналъ я, что недавно безчисленные народы собрались видѣть лицо своего государя и Римъ, въ обширныхъ стѣнахъ заключающій необъятный міръ, едва имѣлъ достаточно мѣста для гостей. Ты (молва) мнѣ разсказала, когда, въ продолженіи многихъ дней передъ тѣмъ, туманный Австеръ лилъ непрерыв-

ныя воды, свѣтомъ небеснымъ блеснуло солнце на чистомъ небѣ и день соотвѣтствовалъ наружности (внѣшнему виду) населенія и такимъ образомъ побѣдитель съ большимъ почетомъ голоса военные дары раздавалъ похваленнымъ мужамъ и собираясь облечься въ блестящее отличіе—разрисованную одежду — сначала ѳиміамъ положилъ на священные очаги. Чистый умилостивлялъ онъ справедливость своего родителя тою грудью, которая постоянно имѣетъ въ себѣ храмъ. И куда бы онъ ни шелъ, счастливое предвѣстіе присоединяется къ рукоплесканіямъ, и камень сдѣлался краснымъ отъ брошенныхъ розъ. Вслѣдъ за тѣмъ несли подобія (изображенія) городовъ изъ серебра съ ниспровергнутыми стѣнами и побѣжденными жителями: рѣкъ, горъ, пастьбищъ въ глубинѣ лѣсовъ, и оружіе ихъ съ стрѣлами перемѣшанное въ одной кучѣ, и отъ позлащенной колесницы тріумфа, на которой отражалось солнце, позлащенными казались крыши Римскаго форума. Столько вождей несли цѣпи на плѣнныхъ шеяхъ, что ихъ однихъ достаточно было враговъ; большая часть ихъ получили жизнь и прощеніе, въ числѣ ихъ глава и сущность войны, Бато. Почему же стану отрицать возможность уменьшенія и ко мнѣ раздраженія божества, видя, что боги милосерды и ко врагамъ? Таже молва принесла мнѣ, что города шли подъ титуломъ твоего, Германикъ, имени и что они противъ тебя ни громадою стѣнъ, ни оружіемъ, ни свойствомъ мѣстности не были достаточно безопасны. Пусть боги дадутъ тебѣ года, а остальное возьмешь ты самъ отъ себя; пусть будутъ только продолжительны времена твоей доблести. О чемъ молю, пусть сбудется; есть же какія-то прорицанія оракуловъ, такъ какъ богъ далъ благопріятные знаки на пожеланія. И тебя также побѣдителемъ, восходящаго на Тарпейскія твердыни на увѣнчанныхъ коняхъ, увидитъ веселый Римъ, отецъ будетъ любоваться на созрѣвшія почести своего сына, наслаждаясь радостью, которую самъ далъ своимъ. Уже теперь замѣть ты, величайшій изъ молодыхъ людей на войнѣ и въ мирѣ, что я тебѣ высказалъ пророчески, прозирая въ будущее. Можетъ быть я и этотъ тріумфъ изложу въ стихахъ, если только жизни моей хватитъ на мои бѣдствія, если я прежде самъ не напою (своею кровью) Скиѳскія стрѣлы, и не отниметъ эту голову мечомъ суровый Гетъ и если я, будучи сохраненъ, принесу тебѣ въ храмъ лавръ, то скажешь, что мои предвѣстія были вдвойнѣ справедливы.

Посланіе 2-е, Мессалину.

Онъ, чтитель вашего дома отъ первыхъ лѣтъ, Назонъ, изгнанный на лѣвый берегъ Эвксинскаго моря, шлетъ тебѣ, Мессалинъ, это привѣтствіе, которое прежде имѣлъ обыкновеніе самъ тебѣ приносить, отъ неукротимыхъ (неусмиренныхъ) Гетовъ. Увы мнѣ если, по прочтеніи имени, лицо твое не то, что было и если ты колеблешься остальное прочитать! Прочти, и со мною одновременно не подвергай ссылкѣ моихъ словъ; въ вашемъ городѣ (Римѣ) дозволено быть моимъ стихамъ. Не задумалъ я, если бы Осса вынесла Пеліонъ — того, чтобы мои руки могли достать свѣтлыя созвѣздія; а также я не пошелъ въ лагерь безумнаго Енцелада и не поднималъ оружія противъ повелителей всего существующаго — боговъ. И я не такъ какъ Тидидесъ (Діомедъ), котораго дерзская рука посягнула на это, оружія моего не поднималъ ни противъ какого божества. Моя вина тяжела, но она дерзнула меня погубить одного, и не посягнула ни на какое преступленіе больше. Никакъ иначе не могу быть я названъ, какъ неумнымъ и робкимъ; вотъ два настояшія (дѣйствительныя) названія для моего духа (характера, расположенія). Сознаюсь конечно, что послѣ заслуженнаго раздраженія Цезаря основательно и ты будешь труденъ для моихъ просьбъ, и какъ велика твоя привязанность ко всему, что носитъ имя Юліевъ, то ты полагаешь, что оскорбленіе, нанесенное кому либо изъ нихъ, тебѣ нанесено; но хоть бы ты оружіе несъ и грозилъ бы жестокими ранами, и то все же не достигнешь, чтобы я сталъ тебя бояться. Корабль Троянскій принялъ Ахеменида Грека; принесло пользу и Мизскому вождю Пеліево копье. Искалъ убѣжища не разъ оскорбитель храма у жертвенника, и не страшится просить помощи оскорбленнаго божества. Кто-нибудь скажетъ, что это небезопасно, сознаемся; но судно мое идетъ не по тихимъ водамъ. Безопаснаго пусть домогаются другіе, а бѣдственное положеніе самое безопасное; нѣтъ уже опасенія возможности болѣе худшаго положенія. Кого увлекаетъ судьба, на кого ему сѣтовать кромѣ на судьбу? Часто острыя колючки (шипы) творятъ мягкія (нѣжныя) розы. Уносимый пѣнящеюся волною, протягиваетъ руки къ скаламъ и хватаетъ колючки и жесткіе камни. Опасаясь коршуна, птица съ дрожащими крыльями дерзаетъ, утомленная, заходить

въ пазуху человѣка и не колеблется ввѣрить себя сосѣднему жилищу (крову) лань, бѣгущая отъ враждебныхъ собакъ. Дай молю, ты, самый кроткій, доступъ моимъ слезамъ и передъ робкимъ голосомъ не затворяй суровую дверь; слова наши благоволя отнеси къ Римскимъ божествамъ, которыхъ ты чтишь не меньше Тарпейского громовержца; уполномоченный, пріими дѣло мною порученное, хотя ни одно дѣло отъ моего имени не хорошо. Уже почти схороненный, во всякомъ случаѣ уже охладѣвшій, съ трудомъ сохраняемый тобою, если только ты сохранишь. Теперь твоя (благосклонность) милость пусть усиливается (старается) за мои падающія дѣла (обстоятельства), милость, которую тебѣ вѣчно оказываетъ любовь Государя. Теперь тебѣ пусть будетъ присущъ и тотъ домашній блескъ изреченія, которымъ ты въ состояніи быть полезнымъ трепещущимъ подсудимымъ. Живетъ въ васъ языкъ краснорѣчиваго родителя и то дѣло нашло своего наслѣдника. Его (этотъ языкъ) я теперь чту не съ тѣмъ, чтобы онъ пытался защищать меня; нельзя защищать подсудимаго, сознавшагося въ своей винѣ. Разсмотри впрочемъ, можешь ли ты извинить случившееся образомъ (видомъ) ошибки, или нѣтъ никакой пользы такъ вызывать. Это родъ раны, которая, между тѣмъ какъ неизлѣчима, безопаснѣе я полагалъ бы не трогать ее вовсе, Языкъ, молчи; нѣтъ ничего далѣе (за тѣмъ) чтобы можно было разсказывать; желалъ бы я имѣть возможность самъ завалить мой прахъ. Такимъ образомъ, какъ будто бы меня никакое не увлекло заблужденіе, дѣйствуй словомъ, чтобы я наслаждался жизнью, какую онъ далъ самъ. И когда онъ будетъ ясенъ (веселъ), когда исчезнетъ съ лица то выраженіе, которое вмѣстѣ съ собою приводитъ въ движеніе и земли и все государство (имперію), пусть не допуститъ, чтобы я сдѣлался маловажною добычею Гетовъ и пусть дастъ болѣе ласковую почву моей ссылкѣ. Время теперь удобное для мольбы, самъ здравствуетъ и видитъ, что силы твои, Римъ, имъ же созданныя, находятся въ цвѣтущемъ положеніи. Невредимая супруга охраняетъ домашнюю святыню; сынъ все далѣе распространяетъ Авзонское владычество. Самъ Германикъ опередилъ свои года духомъ, и энергія Друза не уступаетъ его благородству. Присоедини невѣстокъ, набожныхъ внучекъ, дорогихъ внуковъ и прочіе члены Августова дома здравствуютъ. Присоедини Пэоновъ, надъ которыми недавно былъ тріумфъ,

присоедини вынужденныя къ покою руки горной Далмаціи и отбросивъ оружіе, Иллирія не сочла для себя униженіемъ на порабощенную голову принять Цезареву ногу. Самъ на колесницѣ, обращая всѣхъ вниманіе милостивымъ лицомъ, несетъ голову увѣнчанную дѣвицею Аполлона (лавромъ). Его вмѣстѣ съ вами провожало любящее семейство, достойное своего родителя и наименованій (титуловъ имъ данныхъ), подобный братьямъ, которыхъ занимающими ближайшіе храмы божественный Юлій видитъ съ своего возвышеннаго чертога. Этимъ—Мессалинъ, которымъ все должно уступать, не отрицаетъ, что принадлежитъ первое мѣсто радости. Что отъ нихъ остается, приходить на состязаніе любви; въ этомъ отношеніи не уступишь ты никому изъ людей. Его чтишь, по чьей милости ты конечно, заслуживъ это, получилъ прежде времени лавровый вѣнокъ, достойный почтенныхъ волосъ. Счастливы, кому возможно было смотрѣть на эти тріумфы, и наслаждаться голосомъ предводителя, равняющагося съ богами. А мнѣ приходится смотрѣть вмѣсто лица Цезарева на Савроматовъ, на землю чуждую мира (покоя), на воду скрѣпленную морозомъ. Если впрочемъ это слышишь и голосъ мой достигаетъ туда, пусть будетъ твоя милость столь благосклонна, чтобы перемѣнить мѣсто ссылки. Онъ—проситъ этого твой отецъ, котораго я чтилъ съ самого ранняго возраста, если только имѣетъ какое-либо чувство краснорѣчивая тѣнь. О томъ же проситъ и братъ, хотя, можетъ быть, опасается, какъ бы забота о сохраненіи меня не повредила тебѣ самому. Тронутый (весь) домъ проситъ о томъ же и ты не можешь самъ отрицать, что и я составлялъ часть твоей свиты. Вѣрно то, что ты, за исключеніемъ искусства (любить), одобрялъ мое дарованіе, которое, что я употреблялъ дурно, то почувствовалъ. И жизнь моя, если только отнимешь послѣднее согрѣшеніе, не такова, чтобы могла быть въ стыдъ твоему дому. Такимъ образомъ пусть благоденствуетъ домашняя святыня твоего рода и пусть и небожители и Цезари пекутся о тебѣ. Чти милостивое и заслуженно противъ меня раздраженное божество и пусть оно избавитъ меня изъ дикой мѣстности Скиѳіи. Признаюсь—трудно, но стремится на трудное доблесть, и признательность за такую услугу будетъ тѣмъ сильнѣе, и впрочемъ не Полифемъ въ обширномъ гротѣ Этны, и не Антифатъ будетъ принимать твои слова, но снисходительный и ласковый

родитель, готовый на прощеніе, онъ, который часто гремитъ, только безъ молніеноснаго перуна. Онъ, который, опредѣливъ что-либо грустное, и самъ становится грустнымъ, и для кого—называть почти самому наказаніе. И впрочемъ и такое милосердіе побѣждено моею виною, и вынужденно раздраженіе должно было прибѣгнуть къ силѣ и такъ какъ я на цѣлый земной кругъ удаленъ отъ отечества и невозможно мнѣ самому пасть къ ногамъ боговъ, ты, жрецъ, отнеси эти порученія къ высшимъ силамъ, которыя чтишь и къ моимъ словамъ присоедини и собственныя просьбы. Впрочемъ такъ это пробуй, если полагаешь, что не повредитъ; прости, потерпѣвъ крушеніе, страшусь всякаго моря.

Посланіе 3-е, Максиму.

Максимъ, котораго добрые качества равняются знатности, ты не допускаешь, чтобы твои дарованія уступили благородству происхожденія, чтимый мною (насколько это положеніе различается отъ смерти?) до послѣдней минуты моей жизни. Ты, не отвращаясь друга въ несчастіи, дѣлаешь дѣло, рѣже котораго нѣтъ никакого въ твоемъ вѣкѣ. Позорно конечно говорить, но если только сознаться въ правдѣ, большинство оправдываетъ (одобряетъ) дружественныя связи пользою. Забота о томъ, что полезно, впереди заботы, о томъ, что честно и съ счастіемъ вмѣстѣ (стоитъ) держится и падаетъ вѣрность, и не легко найдешь во многихъ тысячахъ одного, который въ добродѣтели видѣлъ бы себѣ награду. Сама прелесть честнаго, если нѣтъ награды за хорошо сдѣланное не трогаетъ и жалко даромъ быть честнымъ. Только то, что приноситъ пользу, и мило. Иди, отними у мысли надежду жаднаго барыша, и никто не будетъ предметомъ домогательства (исканія). Уже каждый любитъ только свои доходы и заботливо подводитъ счета, на сколько ему что принесетъ пользу. То, нѣкогда столь почтенное наименованіе дружбы, продажно и изъ барыша сидитъ какъ общедоступная женщина. Тѣмъ болѣе удивляюсь, что и ты не увлеченъ заразительнымъ примѣромъ общаго порока, какъ стремительнымъ потокомъ. Никого не любятъ кромѣ тѣхъ, кому благопріятствуетъ счастіе, а какъ только раздался ударъ грома, то всѣ ближайшіе бѣгутъ. Вотъ и я, окруженный нѣкогда не малымъ числомъ друзей, пока дулъ благопріятный вѣтеръ въ мои

паруса, какъ суровое море вздымилось отъ дождевыхъ облаковъ, остаюсь съ разбитымъ кораблемъ въ серединѣ воды. Другіе не хотятъ и показать виду, будто они меня знали; едва два или три оказали помощь брошенному и изъ нихъ ты главный: и дѣйствительно ты достоинъ былъ не слѣдовать за другими, но быть творцомъ, не искать примѣра, но давать. Тебѣ, который ничего не требовалъ кромѣ сознанія, что я согрѣшилъ, пусть по собственному призванію помогутъ честность и обязанность (сознаніе долга). По твоему сужденію не нужно награды и сама по себѣ добродѣтель должна быть предметомъ искательства, будь она и несопровождаема внѣшними благами. Позорнымъ считаешь бросать друга, потому что онъ предметъ жалости и считать его уже не твоимъ, потому что онъ постигнутъ несчастіемъ. Болѣе доброты, утомленному подбородку подложить палецъ, чѣмъ лицо плавающаго топить въ прозрачной водѣ. Взгляни, насколько полезенъ и послѣ смерти Эацидесъ другу, будь того убѣжденія, что такая жизнь есть подобіе смерти. Тезей провожалъ Пиритоя до Стигійскихъ водъ: насколько жребій мой отстоитъ отъ Стигійскихъ водъ! При безумномъ Орестѣ находился юноша Фокейскій, и моя вина заключаетъ не менѣе безумія. Ты также допусти похвалы великихъ людей и какъ дѣлаешь павшему, какую можешь, окажи помощь. Если хорошо тебя зналъ, если каковъ ты обыкновенно былъ прежде, и теперь ты таковъ и духъ твой не пришелъ въ упадокъ, чѣмъ судьба больше свирѣпствуетъ, тѣмъ больше самъ сопротивляешься и, какъ прилично, остерегаешься, какъ бы тебя не побѣдила и хорошо сражающійся непріятель дѣлаетъ то, чтобы ты самъ хорошо сражался. Такимъ образомъ одно и тоже дѣло и приноситъ мнѣ пользу и вредитъ. Конечно недостойнымъ себя считаешь ты, самый рѣдкій изъ молодыхъ людей, чтобы и тебѣ примкнуть къ свитѣ стоящей на колесѣ богини. Ты твердъ и такъ какъ не таковы они, какими бы ты хотѣлъ, чтобы они были, паруса, управляешь ты ими, каковы они ни есть—паруса расшатавшагося судна. И моя развалина до того потрясенная, что предполагали непремѣнное паденіе стоитъ опершись на твои плеча. Конечно, сначала гнѣвъ твой былъ справедливъ и не менѣе былъ онъ гнѣва того человѣка, который основательно былъ мною оскорбленъ; и какая скорбь коснулась (сердца) груди великаго Цезаря, та, ты

поклялся, вслѣдъ затѣмъ твоя. Но когда услыхалъ ты о происхожденіи моего несчастія, говорятъ, вздохнулъ о моемъ проступкѣ. Тогда-то въ первый разъ твое письмо стало меня утѣшать и подавать надежду, что можетъ быть умилостивлено оскорбленное божество. Подѣйствовало тогда на тебя постоянство долговременной дружбы, которая началась для меня еще прежде твоего восхода (возвышенія). И если для другихъ ты сдѣлался другомъ, то для меня и родился имъ. Тебѣ въ колыбели давалъ я первые поцѣлуи и какъ вашъ домъ постоянно, отъ самихъ нѣжныхъ лѣтъ много былъ чтимъ, вынужденъ я быть для тебя теперь старымъ бременемъ. Меня твой отецъ (краснорѣчіе латинскаго языка), и дарованіе его было не ниже знатности—первый, чтобы я осмѣлился стихи мои ввѣрить молвѣ, понудилъ; онъ былъ руководителемъ моего дарованія. Да я утверждаю, что и братъ твой не можетъ сказать, съ какого начала времени сдѣлался онъ для меня предметомъ ухаживанья; но тебя въ особенности болѣе всѣхъ я чтилъ, чтобы ты одинъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, былъ ко мнѣ милостивъ. Берегъ Италіи послѣдній видѣлъ меня съ тобою и принялъ слезы, падавшія съ печальныхъ щекъ. Когда на твои вопросы — справедливо ли это извѣстіе, извѣстіе о винѣ моей, принесенное злою (недоброжелательною) молвою, я находился въ смятеніи на половину сознавая, на половину отрицая, страхъ высказывался въ ясныхъ признакахъ, по примѣру снѣга, разрѣшающагося передъ (водянистымъ) обильнымъ водою Австрамъ; капля (слезъ) появясь катилась по пораженнымъ (удивленіемъ) щекамъ. Припоминая самъ собою это, видишь, что моя вина первоначальнаго заблужденія можетъ быть скрыта прощеніемъ; оглянись на стараго друга въ разстроенныхъ обстоятельствахъ и къ ранѣ моей приложи твой бальзамъ. За это, если только мнѣ будетъ предоставлена возможность желанія, буду молить о тысячѣ выгодахъ для столь заслужившаго. Но если мнѣ будутъ даны только твои обѣты (пожеланія)—буду молить, чтобы для тебя сохраненъ былъ и Цезарь и мать. Припоминаю я, что ты каждый разъ какъ сыпалъ щедрою рукою ѳиміамъ на олтарь, прежде всего объ этомъ имѣлъ обыкновеніе просить боговъ.

Посланіе 4-е, Аттику.

Пріими бесѣду Назона отъ льдистаго Истра, Аттикъ, по моему сужденію въ тебѣ нельзя сомнѣваться. Остаешься ли ты до сихъ поръ помнящимъ несчастнаго друга? Или ослабѣвшая забота оставляетъ свое дѣло? Не до такой степени боги мнѣ грустны, чтобы я могъ повѣрить и полагалъ бы приличнымъ, что ты уже не помнишь обо мнѣ. Передъ моими глазами твой стоитъ, твой постоянно образъ и мнѣ кажется, что я мыслью прозираю твое лицо. Я вспоминаю, что я съ тобою многое обобщалъ и серьозное, и не малое время посвящалъ пріятнымъ играмъ. Часто въ продолжительныхъ разговорахъ быстрыми казались часы, часто день былъ короче моихъ словъ; часто только что сдѣланное стихотвореніе достигало твоего слуха и новая муза подчинена твоему сужденію. Что ты хвалилъ, полагалъ я что понравится и народу; это была пріятная награда за свѣжую (недавною) заботу, и чтобы моя книжка подчищена была пилочкою друга, не разъ по твоему совѣту сдѣлана подчистка. Насъ вмѣстѣ видали форумы, каждый портикъ, улицы, въ изогнутыхъ театрахъ мы сидѣли рядомъ. Наконецъ такая любовь была у насъ, милѣйшій, постоянно, какова была въ Эацидахъ и Акторидѣ. Я, если бы ты даже выпилъ чашу безопасной Леты, то и тогда, я полагаю, не могло бы все это изгладиться изъ твоего сердца. Длинный день скорѣе зимняго созвѣздія, и ночь лѣтняя медленнѣе зимней. Вавилонъ не будетъ мѣстопребываніемъ зноя, и Понтъ холода, и ноготки побѣдятъ своимъ запахомъ розы Пэстума, чѣмъ на тебя найдетъ забвеніе нашихъ отношеній, не до такой же степени нѣтъ вовсе свѣтлой стороны въ моей судьбѣ. Берегись, чтобы такая моя увѣренность не могла назваться лживою, а моя довѣрчивость глупою; постоянствомъ вѣрности оберегай стараго товарища на сколько возможно, и на сколько не буду въ тягость.

Посланіе 5-е, Солану.

Составленныя неровными размѣрами, я Назонъ—Солану посылаю слова, во главѣ которыхъ стоитъ мое привѣтствіе. Желаю, чтобы оно было дѣйствительно и дѣломъ подтвердило предзнаменованіе и молю, чтобы ты, другъ, могъ читать его отъ спасеннаго.

Твое чистосердечіе, качество почти вымершее въ этомъ вѣкѣ, требуетъ, чтобы я дѣлалъ такіе обѣты. Хотя знакомъ я былъ тебѣ и не частымъ обращеніемъ, — говорятъ, ты вздохнулъ о моемъ изгнаніи и когда читалъ ты стихи, присланные изъ отдаленнаго Понта, каковы бы они ни были, имъ оказала помощь твоя благосклонность. Ты желалъ, чтобы кратковременно было противъ тебя раздраженіе благополучнаго Цезаря, а если онъ знаетъ, что это предметъ пожеланій, то самъ допускаетъ. Согласно съ твоею нравственностью (характеромъ), высказалъ ты столь кроткія пожеланія и тѣмъ не менѣе вслѣдствіе того они мнѣ пріятны; и чѣмъ болѣе ты, ученѣйшій, трогаешься нашими бѣдствіями, то вѣроятно принимая въ соображеніе условія мѣстности. Повѣрь мнѣ, что едва ли на всемъ земномъ кругѣ найдется страна, которая менѣе наслаждалась бы Августовымъ миромъ. Впрочемъ, ты эти стихи, (устроенные), составленные среди незнающихъ жалости сраженій, и читаешь и прочтенные благосклонными устами одобряешь. Рукоплещешь ты моему дарованію, которое течетъ еще скуднымъ источникомъ, и изъ ручья дѣлаешь великую рѣку. Конечно пріятны моему духу эти сужденія, когда думаешь, что несчастнымъ нѣтъ возможности и понравиться. Впрочемъ, пока я въ маловажныхъ предметахъ пробую свои силы стихами, на бѣдность содержанія достаточно способностей. Но когда недавно достигъ сюда слухъ о великомъ тріумфѣ, дерзнулъ я взяться за дѣло столь громадное. Смѣлаго подавили и важность и блескъ предметовъ, и не смогъ я вынести тягость моего начинанія. Тамъ будетъ услужливая готовность, которую ты хвалишь, остальное лежитъ какъ матеріалъ, утратившій силу (значеніе). И если книга эта случайно достигнетъ твоего слуха, то поручаю, чтобы она почувствовала твою опеку. Конечно ты это сдѣлаешь, хотя бы я и не просилъ, но какъ легкій прибавокъ присоединится мое расположеніе. Не меня должно хвалить, но твое сердце бѣлѣе молока и нетоптаннаго снѣгу; ты выражаешь другимъ свое удивленіе, когда ты самъ достоинъ удивленія, и не скрыты твое искусство и выраженіе. Тебя — старѣйшій изъ молодыхъ людей, которому Германія даетъ наименованіе, Цезарь обыкновенно беретъ соучастникомъ своихъ занятій, ты древній товарищъ, связанный со мною (дружбою) съ первыхъ лѣтъ, имѣя нравственность, соотвѣтствующую дарованіямъ

нравишься. Когда ты говоришь прежде, то и у него тотчасъ является порывъ, и онъ имѣетъ тебя, который его слова вызываешь твоими. Когда ты пересталъ (покончилъ) и успокоились уста смертныя и сомкнулись, замолкли они не на долгое время, встаетъ молодой человѣкъ, достойный прозванія Юліевъ, встаетъ какъ Люциферъ, когда онъ поднимается изъ Эойскихъ водъ. Пока онъ стоитъ въ молчаніи, положеніе и лицо краснорѣчиваго и полная приличія, одежда, подаютъ надежду ученаго голоса. Вслѣдъ за тѣмъ, когда промедленіе кончилось и открылись небесныя уста, поклялся бы ты, что именно такъ говорятъ небожители. Ты сказалъ бы: вотъ краснорѣчіе достойное Государя. Столько благородства въ выраженіи! И между тѣмъ, какъ ты такому человѣку нравишься и макушкою касаешься звѣздъ, все же считаешь ты необходимымъ имѣть стихи сосланнаго поэта. Конечно, есть же какое-нибудь согласіе въ соединенныхъ дарованіяхъ и каждый хранитъ договорныя условія своихъ занятій. Житель деревни земледѣльца, воинъ—того, кто ведетъ незнающія жалости войны, морякъ любитъ того, кто управляетъ колеблющимся судномъ. Да и ты, старательный, съ своей стороны любишь занятіе Піеридами (Музами) и благосклоненъ къ моему дарованію. Различны наши труды, но исходятъ отъ однихъ и тѣхъ же источниковъ и мы, тотъ и другой, поклонники изящнаго искусства. Вы носите тирсъ, а мы лавръ, но тѣмъ и другимъ необходимо имѣть жаръ (поэтическое вдохновеніе) и какъ моимъ размѣрамъ твое краснорѣчіе придаетъ силы, такъ отъ насъ переходитъ въ твои слова блескъ. Такимъ образомъ основательно мои стихи сопредѣльны вашему занятію и ты того мнѣнія, что нужно оберегать святыню сотрудничества. За это молю, чтобы оставался тебѣ другъ, который тебя цѣнитъ до крайняго предѣла твоей жизни и, чтобы онъ, руководимый тобою, сдѣлался повелителемъ земнаго круга, и со мною вмѣстѣ обѣты народа молятъ о томъ же.

Посланіе 6-е, Грецину.

Стихотвореніемъ—Грецина, тотъ, который имѣлъ обыкновеніе лично голосомъ, (печальный), грустный Назонъ привѣтствуетъ отъ Евксинскихъ водъ. То голосъ изгнанника: даютъ мнѣ языкъ письмена и не будь возможности писать, былъ бы я нѣмымъ.

Пеняешь ты, какъ и должно, проступки безразсуднаго товарища, внушаешь и учишь, что я переношу бѣдствія меньше того, что заслужилъ. Справедливо, но поздно обличаешь ты мою вину; оставь строгія слова въ отношеніи къ сознавшемуся подсудимому. Когда я былъ еще въ состояніи прямыми парусами миновать Церавніи, тогда-то нужно было внушить, чтобы я избѣгъ незнающихъ жалости утесовъ, а что же мнѣ пользы теперь, когда кораблекрушеніе совершилось, узнать по какой стезѣ должна была бѣжать моя лодья? Дай же лучше ухватиться за твои руки утомленному пловцу и не тяготись подложить руку подъ мой подбородокъ. Ты такъ поступаешь, умоляю и поступай; тогда мать и жена, братья твои и весь твой домъ да благоденствуютъ и о чемъ ты постоянно молишь и въ мысляхъ и голосомъ, пусть всѣ твои дѣйствія заслуживаютъ одобреніе Цезарей. Постыдно тебѣ будетъ твоему старинному другу, въ его несчастныхъ обстоятельствахъ, не оказать помощи ни съ какой стороны. Позорно отступать назадъ и не стоять твердымъ шагомъ, позорно оставить корабль въ опасности. Постыдно слѣдовать за случаемъ и уступать судьбѣ и отказываться отъ своего друга, если онъ несчастливъ. Не такъ жили рожденные Строфіемъ и Агамемнономъ, не такова вѣрность Эгида (Тезея) и Пиритоя. Дивились имъ прежніе вѣка, будутъ дивиться и послѣдующіе, отъ рукоплесканій имъ звучитъ весь театръ. Да и ты, сохранивъ друга въ трудное время, достоинъ имѣть имя въ ряду такихъ (столь великихъ) людей. Достоинъ ты и такъ, какъ похвалу заслуживаешь твоимъ нѣжнымъ чувствомъ, не останется глухою благодарность за твои услуги. Только пожалуйста оставайся, Грецинъ, вѣрнымъ павшему и пусть это стремленіе остается на долгое время. Повѣрь мнѣ, если стихи мои не постигнетъ смерть, то имя твое часто будетъ въ устахъ потомства. Дѣлай ты дѣло съ своей стороны, а я буду употреблять въ дѣло весло и дуновеніе вѣтра нисколько не вредитъ подстрекать шпорами пущеннаго въ (галопъ) коня.

Посланіе 7-е, Аттику.

Прежде всего привѣтствовать тебя желаетъ мое письмо, посланное изъ земли плохо усмиренныхъ Гетовъ. Непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ желаніе узнать, что ты дѣлаешь и чтобы ты ни дѣлалъ, есть ли у тебя забота обо мнѣ. Не сомнѣваюсь, что есть, но самое опасеніе бѣдствій вынуждаетъ часто имѣть излишнюю робость. Прошу, дай прощеніе и неумѣренному извини страху. Потерпѣвшій крушеніе страшится даже спокойныхъ водъ. Рыба, разъ пострадавшая отъ обманчиваго крючка, думаетъ, что въ каждой пищѣ находится мѣдь; часто издалека увидавъ собаку, бѣжитъ ягненокъ, думая, что то волкъ и въ невѣдѣніи уклоняясь отъ своего защитника. Раненные (больные) члены опасаются даже мягкаго (нѣжнаго) прикосновенія и пустая тѣнь наводитъ озабоченнымъ страхъ. Такъ я пронзенный стрѣлами несправедливой судьбы, только печальное принимаю въ мою грудь. Уже ясно для меня, что судьба моя сохраняетъ принятое теченіе и постоянно будетъ идти по привычной ей дорогѣ; боги наблюдаютъ, чтобы ничего со мною не случилось дружественнаго и я полагаю почти невозможнымъ восторжествовать надъ судьбою. Ей забота меня губить и она, обыкновенно непостоянная, съ постоянствомъ и полною увѣренностью вредитъ. Повѣрь мнѣ, если ты знаешь меня за правдиваго человѣка—а, при моихъ обстоятельствахъ, не можетъ имѣть мѣста обманъ,—скорѣе сочтешь ты колосья Цинифійской жатвы, и сколь много тиму цвѣтетъ на высокой Гиблѣ, и сколько птицъ, двигая перьями, держатся на воздухѣ и вѣрно будешь знать сколько рыбъ плаваетъ въ морѣ, чѣмъ возможно будетъ для тебя подвесть итогъ моихъ страданій, какія я вынесъ на сушѣ и на водѣ. На всемъ земномъ кругѣ нѣтъ народа, который превосходилъ бы Гетовъ звѣрствомъ, а и тѣ вздыхали при видѣ моихъ страданій. Если бы я попытался изложить ихъ тебѣ памятливымъ стихомъ, то длинна была бы Иліада (повѣсть) моей судьбы. А потому я не опасаюсь того, чтобы въ тебѣ видѣть предметъ опасеній, въ тебѣ, котораго любовь дала мнѣ тысячи залоговъ; но потому что всѣ бѣдственныя обстоятельства робки и давно заперта дверь моей веселости. Горе мое уже мнѣ за обычай, и какъ часто поражаемые камни выдалбливаются отъ слабыхъ водъ, такъ я несу

раны, постоянно поражаемый судьбою, и едва ли осталось во мнѣ мѣсто для новыхъ ранъ. И не болѣе плугъ стирается отъ постояннаго употребленія и не болѣе Аппіева дорога стирается изогнутыми колесами, какъ грудь моя истерзана безпрерывными страданіями и ничего я не нашелъ, чтобы мнѣ оказало помощь. Изящными искусствами многіе снискали себѣ славу; несчастный погибъ я самъ черезъ свои дарованія. Прежняя жизнь чужда порока (пятна) и проведена безукоризно; помощи мнѣ бѣдному ничего она не принесла. И важную вину часто прощаютъ по просьбамъ своихъ: за меня всякое заступничество осталось нѣмымъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ другимъ помогаетъ то, что они на лицо; отсутствовала эта голова, когда на нее обрушилась гроза. Кто не пришелъ бы въ ужасъ и передъ молчаливымъ раздраженіемъ Цезаря? Къ моему наказанію присоединились слова строгаго осужденія. Соображаясь съ временемъ (года) самая ссылка становится легче: выброшенный въ море вынесъ я Арктура и угрозы Плеядъ. Нерѣдко суда испытываютъ и снисходительную (несуровую) зиму, а едва ли для Итакскаго корабля волны были суровѣе. Прямота и вѣрность провожатыхъ могла облегчить мое бѣдствіе, вѣроломная толпа обогатилась тѣмъ, что меня ограбила. Споснѣе ссылку дѣлаетъ мѣстность, печальнѣе этой земли не лежитъ ни одной подъ обоими полюсами. Что-нибудь да значитъ — быть близкимъ къ предѣламъ отечества, а я живу въ самой отдаленной странѣ на краю земнаго шара. Доставляетъ изгнанникамъ миръ, твоя, Цезарь, лавровая вѣтвь, а земля Понтійская лежитъ возлѣ враждующаго непріятеля. Сладко проводить время въ обработываніи полей, но дикарь непріятель не допускаетъ пахать землю. Умѣренность климата поддерживаетъ и тѣло и духъ; берега Сарматіи коченѣютъ отъ постояннаго холода. Находится въ пріятной водѣ наслажденіе, не вызывающее зависти, а тутъ приходится пить болотную съ примѣсью морской соли. Во всемъ недостатокъ, но духъ все побѣждаетъ; онъ даже условливаетъ то, что и тѣло имѣетъ силы. Чтобы поддержать тяжесть, нужно всею силою голову выпрямить кверху, но если ты допустишь, чтобы нервы гнулись — упадетъ. Надежда, что отсрочка времени смягчитъ раздраженіе Государя, предостерегаетъ меня, что я хочу жить и не гибну. Да и вы немногіе, вѣрность которыхъ ясно обнаружилась моими

бѣдствіями, не малое доставляете мнѣ утѣшеніе. Прошу будь вѣренъ начинанію, и въ морѣ не покидай судна, и сохрани вмѣстѣ и меня и твое сужденіе (сужденіе о тебѣ? Твою добрую молву?)

Посланіе 8-е, Максиму Коттѣ.

Недавно вручили мнѣ Цезаря съ Цезаремъ, боговъ, которыхъ ты, Максимъ Котта, ко мнѣ прислалъ и чтобы твой даръ имѣлъ то число, которое должно, Ливія присоединена къ своимъ Цезарямъ. Счастливое серебро и блаженнѣе всякаго золота, такъ какъ бывъ прежде грубою цѣнностью, заключаетъ божество. Если-бы ты мнѣ далъ богатства, не могъ бы болѣе дать, пославъ трехъ небожителей для моего лицезрѣнія. Что нибудь дазначитъ видѣть боговъ и полагать, что они на лицо, и возможность говорить, какъ бы съ дѣйствительнымъ божествомъ. Что до меня я вернулся и меня уже держитъ самый отдаленный край земли, но какъ прежде, я невредимый нахожусь въ серединѣ города. Цезарево вижу лицо, какъ видѣлъ я и прежде, едва ли когда-нибудь была мнѣ надежда на исполненіе такого желанія и какъ привѣтствовалъ небесное божество, привѣтствую; я полагаю — если бы я и вернулся, то не имѣлъ бы ты ничего большаго мнѣ предложить. Чего же недостаетъ моимъ глазамъ кромѣ одного дворца. Да и то мѣсто, унеси Цезаря, будетъ ничтожнымъ. Когда я его вижу, кажется мнѣ, что я вижу Римъ, такъ какъ тотъ, Цезарь, поддерживаетъ лицо своего отечества. Ошибаюсь я?—или и въ изображеніи видится мнѣ гнѣвное лицо и сердитое выраженіе имѣетъ что-то грозящаго. Пощади человѣкъ, доблестями превосходящій необъятный міръ, и удержи справедливый бичъ твоего возмездія. Пощади, молю, неизгладимое украшеніе нашего вѣка, ты котораго попеченіе сдѣлало тебя господиномъ міра. Именемъ отечества, а оно тебѣ дороже тебя самого, богами никогда не глухими къ твоимъ обѣтамъ, подругою твоей постели, а она одна равная тебѣ нашлась, ей одной не въ тягость (подъ силу) твое величіе. Твоимъ сыномъ, твоимъ подобіемъ въ добродѣтели, по нравственности котораго можно признать, что онъ твой, твоими внуками достойными дѣда и отца, а они шествуютъ великими шагами согласно твоему желанію, на малѣйшую часть облегчи и сократи мое наказаніе и дай мѣсто, которое было бы далеко отъ Скиѳскаго врага. И твое, если толь-

ко такъ слѣдуетъ, Цезарь къ Цезарю ближайшій, божество пусть не будетъ враждебно мольбамъ моимъ. И пусть тогда суровая Германія, какъ можно скорѣе, съ робкимъ лицомъ, рабою будетъ влекома передъ конями тріумфатора; пусть отецъ проживетъ Пилосскіе (столько же сколько Пилосскій старикъ) года, а мать Кумейскіе, и могъ бы ты долго быть сыномъ. Да и ты супруга, соотвѣтствующая громадному мужу, пріими не суровымъ ухомъ мольбы просителя. Пусть здоровъ будетъ мужъ твой, пусть здоровы будутъ твое потомство и внуки и съ добрыми невѣстками, рожденныя ими дочери. Пусть Друзъ, котораго немилосердная похитила у тебя Германія, будетъ одинъ шаткая часть твоего порожденія. Пусть тебѣ, благопріятствуемый Марсомъ мститель за смерть брата, облеченный въ порфиру, сынъ стоитъ надъ бѣлоснѣжными конями Божества милосерднѣйшія, выразите ваше одобреніе робкимъ обѣтамъ. Пусть принесетъ же какую нибудь пользу видѣть боговъ лицомъ къ лицу. Съ приходомъ Цезаря гладіаторъ сходитъ съ безопасной арены и лицо (Цезаря) приноситъ ему не мало помощи. Да и я также пусть вижу лица ваши съ пользою для меня, насколько это возможно, вслѣдствіе того, что трое небожителей вошло въ одинъ домъ. Счастливы тѣ, которые не подобія, но самихъ тѣ, которые дѣйствительныя тѣла боговъ видятъ лицомъ къ лицу. А такъ какъ намъ не судила того безполезная судьба, то такихъ, какими дало искусство обѣтамъ (по желаніямъ), чту въ изображеніи. Такъ люди узнали боговъ, которыхъ крутой эѳиръ скрываетъ, и вмѣсто Юпитера чтутъ его подобіе. Наконецъ берегитесь, чтобы оно, это ваше изображеніе, которое есть со мною и будетъ безъ конца, не осталось въ этомъ ненавистномъ мѣстѣ. И дѣйствительно голова скорѣе отвалится отъ моей шеи и вынесу я, чтобы свѣтъ (глазъ) удалился со свалившихся щекъ, чѣмъ лишусь васъ, о общественныя божества, и дозволю васъ похитить у меня. Вы будете пристань и олтарь моей ссылки; васъ я обниму, если буду опоясанъ Гетическимъ оружіемъ; за вами послѣдую, какъ за моими орлами, какъ за моими значками, или я себя обманываю, и излишекъ страсти надо мною играетъ или вотъ уже на лицо надежда на болѣе удобную ссылку и дѣйствительно все менѣе и менѣе печально лицо на изображеніи и, повидимому согласіе на мои слова выразили уста. Молю о томъ, чтобы дѣйствительными стали пред-

чувствія робкаго духа и раздраженіе бога, хотя оно вполнѣ справедливо, пусть будетъ менѣе.

Посланіе 9-е, Котису царю.

Котисъ, потомокъ царей, чье благородное происхожденіе восходитъ даже до имени Евмолпа. Если болтливая молва достигла уже твоего слуха, молва о томъ, что я брошенъ на часть сосѣдней почвы. Ты, самый кроткій изъ молодыхъ людей, услышь голосъ молящаго о пощадѣ и какую можешь — а ты въ силахъ на то—бѣглецу окажи помощь. Меня тебѣ передала судьба, и я на нее не стану жаловаться; въ этомъ лишь одномъ она не была мнѣ враждебна. Прійми же мое потерпѣвшее крушеніе судно не на скалистый берегъ, и пусть волны не будутъ безопаснѣе твоей земли. Царственное, повѣрь мнѣ, дѣло помогать павшимъ, прилично и столь великому, каковъ ты есть, человѣку. Соотвѣтствуетъ это и такому высокому положенію, которое хотя и самое возвышенное, но едва можетъ стать въ уровень твоему духу. Ни въ чемъ съ лучшей стороны не открывается могущество, какъ если оно каждый разъ не оставляетъ безплодными обращенныя къ нему просьбы. Этого требуетъ онъ, блескъ твоего рода, это дѣло благородства, получившаго начало отъ высшихъ силъ. Это внушаетъ тебѣ и Евмолпъ, знаменитѣйшій родоначальникъ (виновникъ рода) и предшествовавшій Евмолпу Ерихтоній. Это обще у тебя съ божествомъ; и оно и ты обыкновенно несете помощь тѣмъ, которые обращаются къ вамъ съ мольбою о ней. Будетъ ли за что обычной почести удостоивать боговъ, если отнять у нихъ боговъ желаніе помогать. Если Юпитеръ останется глухъ къ молящему, то зачѣмъ же жертва падетъ пораженною передъ храмомъ Юпитера? Если мнѣ, совершающему путь — море не будетъ вовсе давать мира (спокойствія), зачѣмъ я буду безъ пользы приносить ѳиміамъ Нептуну? Если обманетъ надежды трудолюбиваго поселянина, зачѣмъ приметъ Церера въ жертву внутренности брюхатой (супоросной) свиньи? и не дастъ горла нестриженному Вакху жертвою козелъ, если отъ топтанія ногою не потечетъ виноградный сокъ. Мы молимъ такъ усердно, чтобы Цезарь управлялъ браздами правленія (государства, имперіи) затѣмъ, чтобы онъ хорошо заботился о своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ польза дѣлаетъ великими и людей и боговъ; каждый

расположенъ къ тѣмъ, на чью помощь надѣется. Ты, о Котисъ, съ своей стороны пособи брошенному внутрь твоего лагеря, Котисъ, потомокъ достойный твоего родителя. Самое достойное человѣка наслажденіе—сберечь (спасти) человѣка и никакимъ искусствомъ не снискивается лучше расположеніе. Кто не проклинаетъ Антифата Лестригона? Или кто не одобритъ привычекъ щедраго Алциноя? Не Кассандрей тебѣ отецъ, и не Кафарей родитель, и не тотъ ты, кто изобрѣтателя сжарилъ его же искусствомъ. Но какъ ты неукротимъ на войнѣ, какъ незнакомо тебѣ быть побѣжденнымъ оружіемъ, такъ по заключеніи мира никогда не былъ ты любителемъ крови. Присоедини, что—изучить вѣрно (основательно) изящныя искусства—смягчаетъ нравы и не даетъ (не допускаетъ) быть безжалостнымъ. Ни одинъ изъ царей не былъ болѣе знакомъ съ ними (изящными искусствами) и не посвящалъ болѣе времени кроткимъ (мирнымъ) занятіямъ. Свидѣтельствуютъ стихи, которыя, если твое имя отнять, ни за что не сказалъ бы я, что ихъ сочинилъ молодой человѣкъ Ѳракіецъ, и чтобы Орфей подъ этою полосой неба не былъ единственнымъ поэтомъ, Бистонская земля гордится твоимъ дарованіемъ. И какъ у тебя, когда требуетъ того сущность дѣла, является (смѣлость) духъ—брать оружіе и омочить руку убійствомъ непріятелей и какъ ты опытенъ размахомъ руки бросать дротикъ и ворочать шею быстраго коня, такъ, когда должное время посвящено отеческимъ занятіямъ и случится, что бремя свалится съ его плечъ, то, чтобы твое свободное время не пропадало въ бездѣйственномъ снѣ, къ блестящимъ звѣздамъ стремишься ты путемъ Піерійскимъ. И это обстоятельство представляетъ у меня съ тобою кое-что общаго (союзнаго); одного и того-же священнодѣйствія мы чтители, тотъ и другой. Къ поэту поэтъ протягиваю молящія руки, чтобы земля твоя была вѣрна мнѣ въ изгнаніи. Я пришелъ на берега Понтійскіе—не преступленіе убійства совершивъ, моя рука, не дѣлала смѣси жестокихъ ядовъ и не обличенъ я въ томъ, что приложивъ печать къ подложному документу, я сдѣлалъ обманчивую скрѣпу завѣщанію, ничего не совершилъ я такого, что бы законъ запрещалъ мнѣ дѣлать, и впрочемъ необходимо мнѣ сознаться въ винѣ, которая важностью своею превосходитъ все это. Не спрашивай—что это такое? Глупое написалъ я *искусство* (любить), оно-то (препятствуетъ) запрещаетъ

моимъ рукамъ быть невинными. Не распрашивай пожалуйста — погрѣшилъ ли я еще въ чемъ? Пусть явна будетъ одна вина моя въ искусствѣ. Какова бы ни была она, но гнѣвъ карающаго былъ во мнѣ умѣренный; кромѣ родной почвы ничего онъ у меня не отнялъ. Такъ какъ я лишенъ ее (родной почвы), то твое теперь сосѣдство пусть доставитъ возможность быть мнѣ безопаснымъ въ ненавистномъ мѣстѣ.

Посланіе 10-е, Макрону.

Узнаешь ли ты Мацеръ изъ подобія вдавленнаго перстня, что эти слова пишетъ тебѣ Назонъ? Если кольцо не послужитъ свидѣтелемъ за своего господина, то знакомы ли тебѣ эти письмена, сдѣланныя моею рукою? Или тебѣ знакомство съ этимъ отняла продолжительность времени? И твои глаза уже не узнаютъ старинныхъ знаковъ? Но пусть одновременно забылъ ты и печать и руку, лишь бы только не утратилъ ты заботу обо мнѣ. Она для тебя долгъ, какъ потому, что мы такъ долго жили вмѣстѣ, такъ и потому, что жена моя тебѣ не чужая и по занятіямъ, изъ которыхъ впрочемъ ты сдѣлалъ болѣе полезное чѣмъ я употребленіе и, какъ и слѣдовало, не сдѣлался ты вреднымъ никакимъ *искусствомъ*. Поешь ты то, что оставалось отъ вѣчнаго Гомера, чтобы войны Троянскія не остались недовершенными (безъ окончательной отдѣлки). Назонъ, мало благоразумный, между тѣмъ какъ передаетъ искусство любить, получаетъ печальную награду за преподаваніе своего ученія. Есть впрочемъ у поэтовъ общая для нихъ святыня, хотя каждый изъ насъ слѣдуетъ по различному пути. Догадываюсь, что ты помнишь объ этомъ, хоть я и нахожусь въ отсутствіи далеко, и что ты желаешь облегчить мою судьбу. Подъ твоимъ водительствомъ осмотрѣлъ я великолѣпные города Азіи; Тринакрисъ сдѣлалась мнѣ извѣстна по твоему же указанію. Видѣлъ я, какъ небо озарено было пламенемъ Этны, которое выбрасываетъ изъ устъ лежащій подъ нею гигантъ, Геннейскія озера, вонючія болота Палика и мѣста, гдѣ Анапъ примѣшиваетъ къ своимъ водамъ Ціане и не подалеку оттуда Нимфу, которая убѣгая отъ Елидской рѣки и теперь бѣжитъ, скрывъ свою воду подъ водою моря. Такъ я провелъ большую часть быстро протекшаго года. Увы! Какъ мѣстность эта различна отъ

страны Гетовъ! А сколь малая часть изъ предметовъ, которые мы видѣли оба, когда ты дѣлалъ мнѣ пріятнымъ путешествіе— на росписанномъ ли кораблѣ бороздили мы лазоревые воды, повозка ли перевозила насъ (дѣятельнымъ) быстрымъ колесомъ— часто коротокъ казался намъ путь во взаимныхъ бесѣдахъ и если бы счесть, то оказалось бы словъ больше чѣмъ шаговъ. Часто дня не доставало для разговоровъ и нерѣдко въ бесѣдѣ не доставало продолжительныхъ часовъ лѣтняго дня. Что нибудь да значитъ одновременно опасаться случайностей моря, и соединенные обѣты нести къ богамъ моря и быть въ состояніи, то дѣло вмѣстѣ дѣлать, то послѣ дѣла приводить и шутки, за которыя не стыдно. Если тебѣ это прійдетъ на мысль, хотя я и отсутствую, то во всѣ часы буду я передъ твоими глазами, какъ будто только что ты меня видѣлъ, а я между тѣмъ, находясь на самомъ дальнемъ краю міра, подъ звѣздою, которая постоянно поднимается выше прозрачныхъ водъ, а все я вижу тебя чѣмъ только могу, сердцемъ, и часто съ тобою бесѣдую подъ ледяною осью. Ты тутъ, самъ того не зная и находясь въ отсутствіи, очень часто здѣсь бываешь и приходишь отъ среды Рима на видъ Гетовъ. Отплати мнѣ тѣмъ же, и такъ какъ та сторона счастливѣе, то ты меня тамъ постоянно имѣй въ памятливой груди (сердцѣ).

Посланіе 9-е, Руфу.

Тебѣ, Руфъ, это сочиненіе, написанное поспѣшно въ короткое время, посылаетъ Назонъ, сочинитель мало благополучнаго *искусства*, и хотя мы далеко отдѣлены всѣмъ земнымъ кругомъ, впрочемъ ты могъ бы узнать, что я помню о тебѣ. Прежде найдетъ мнѣ забвеніе моего имени, чѣмъ чувство расположенія къ тебѣ изгладится (будетъ исторгнуто) изъ моего сердца, и прежде этотъ духъ испущу въ пустой воздухъ, чѣмъ будетъ недѣйствительна признательность за твою услугу. Великою заслугою называю я слезы, которыми орошалъ ты лицо, когда мое было сухимъ, сжатое печалью, называю великою заслугою утѣшеніе души печальной, когда одновременно ты давалъ его мнѣ и тебѣ. По собственному побужденію и сама по себѣ жена моя заслуживаетъ похвалы, впрочемъ твоимъ внушеніемъ она становится еще лучше. Радуюсь я, что ты для моей жены тоже,

что для Герміоны былъ Касторъ, для Юля — Гекторъ. Она старается, чтобы добросовѣстностью не отличаться отъ тебя и жизнью доказываетъ, что она твоей крови. Такимъ образомъ, что бы она сдѣлала безъ всякихъ подстрекательствъ, обильнѣе дѣлаетъ, найдя въ тебѣ виновника (примѣръ). Ретивый конь и самъ по себѣ долженствующій бѣжать изъ чести пальмовой вѣтви если ты его подстрекнешь, будетъ идти быстрѣе. Присоедини, что ты порученія отсутствующаго вѣрною заботливостью исполняешь, и не тяготишься переносить какое-либо бремя. Пусть отплатятъ тебѣ боги, такъ какъ я тебѣ не въ состояніи, боги, которые награждаютъ если видятъ добрыя дѣла. Пусть долго и силъ тѣла хватитъ на такіе нравы твоихъ, Руфъ, величайшая слава Фунданской почвы.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Письмо 1-е, женѣ.

Море, прежде поражаемое гребцами Язона, земля, не свободная ни отъ суроваго врага, ни отъ снѣгу. Будетъ ли когда нибудь время, когда я Назонъ васъ оставлю, получивъ приказанiе удалиться въ менѣе враждебную мѣстность? Не ужели всегда мнѣ жить въ этомъ дикомъ краю? Неужели необходимо, чтобы я былъ схороненъ въ Томитанской почвѣ? Съ миромъ твоимъ, если только есть какой-нибудь у тебя миръ, Понтiйская земля, которую топчетъ сосѣднiй врагъ быстрымъ конемъ—съ миромъ твоимъ желалъ бы я сказать въ жестокой ссылкѣ ты самая скверная доля; ты увеличиваешь мою бѣду, не чувствуешь ты ни весны опоясанной вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, не видишь ты обнаженныхъ тѣлъ жнецовъ, не простираетъ къ тебѣ осень лозъ, покрытыхъ кистями винограда, но постоянно имѣешь ты неумѣренный холодъ. Ты держишь море, скрѣпленное льдомъ и въ морѣ заключенная рыба часто плавала, въ покрытой корою льда, водѣ. Нѣтъ у тебя почти источниковъ, кромѣ морскихъ теченiй, а сомнительно—это питье утоляетъ ли жажду или ее поддерживаетъ. Рѣдкое, да и то несчастное, дерево виднѣется въ открытыхъ поляхъ и земля есть по виду какъ бы повторенiе моря; не слышно говора птицъ, развѣ которая въ отдаленныхъ лѣсахъ хриплымъ горломъ пьетъ морскiя воды. Печальный полынь торчитъ по пустыннымъ полямъ, и горькое растенiе соотвѣтствуетъ своему мѣсту. Присоедини опасенiе и то, что въ стѣну поражаетъ непрiятель; окрашенная смертоноснымъ ядомъ стрѣла, влажна; то, что страна эта далеко, въ сторонѣ отъ всякаго движенiя, гдѣ безопасно не пойдетъ никто ни пѣшкомъ, ни на суднѣ. Такимъ об-

разомъ не удивительно, если я, ища конца всему этому, самъ прошу какой нибудь другой почвы. Болѣе удивительно, что ты, жена, не можешь этого выхлопотать и въ состояніи при моихъ бѣдствіяхъ удержать слезы. Что же мнѣ дѣлать? — спросишь. Спроси это самое у себя самой — найдешь дѣйствительно если хочешь найдти. Желать мало: необходимо страстно желать, чтобы достигнуть желаемаго, и эта забота пусть дѣлаетъ тебѣ кратковременнымъ сонъ. Я полагаю, что имѣютъ это желаніе многіе; по истинѣ кто же ко мнѣ такъ несправедливъ, желать чтобы изгнаніе мое было чуждо мира? Всею грудью и всѣми силами нужно тебѣ налечь на то и усиливаться за меня день и ночь. Пусть помогаютъ и другіе, а ты, жена, должна побѣдить друзей и первая прійдти къ твоему участку (къ тому что тебѣ слѣдуетъ). Великую личность придали мнѣ твои сочиненія, говорятъ о тебѣ, какъ о примѣрѣ доброй жены. Берегись же чтобы не измѣнить тому и пусть похвала моя будетъ справедлива и вѣрна на дѣлѣ и сбереги дѣло доброй молвы. Пусть самъ я и не буду жаловаться, но если и буду молчать, молва за меня будетъ жаловаться, если ты не будешь обо мнѣ заботиться такъ какъ должно. Судьба моя выставила меня на видъ народа, и придала болѣе извѣстности чѣмъ сколько было прежде. Извѣстнѣе сталъ Капаней, бывъ пораженъ молніею, извѣстенъ Амфіарай, поглощенными землею конями. Менѣе извѣстенъ былъ бы Улиссъ, если бы скитался менѣе, велика слава Филоктета его раною. Если среди (такихъ) столь великихъ именъ есть какое нибудь мѣсто малымъ, то и меня мое паденіе сдѣлало виднымъ. И не допускаетъ тебѣ оставаться въ неизвѣстности моя страница; ею ты имѣешь имя не меньшее Баттиды Коосской. А потому чтобы ты не дѣлала, ты обращаешь на себя глаза всѣхъ на великой сценѣ, и нѣжною женою будешь не при малочисленныхъ свидѣтеляхъ. Повѣрь мнѣ; каждый разъ, какъ тебя будутъ хвалить мои стихи, кто прочтетъ, спроситъ, заслужила ли она эти похвалы? И хотя я полагаю, что гораздо большее число будетъ сочувствовать этимъ добродѣтелямъ, однако не мало и такихъ, которыя захотятъ строго разобрать твои дѣйствія. А потому сдѣлай же такъ, чтобы зависть не могла сказать, какъ она медлительна для спасенія достойнаго жалости мужа. И когда я изнемогаю и не въ состояніи править колесницею, сдѣлай, чтобы ты одна поддержала

ослабѣвшее ярмо. Смотрю къ лѣкарю, больной, изнемогая силами (собственно: убѣвающими жилами, изъ жилъ удаляется кровь); прійди, пока остается мнѣ послѣдняя доля души и что бы сдѣлалъ, еслибы болѣе тебя былъ здоровъ, то мнѣ ты сама окажи, когда теперь ты имѣешь болѣе меня силъ. Того требуетъ союзъ любви, брачный договоръ, того же требуетъ самая нравственность твоя, жена. Ты должна тому дому, изъ котораго происходишь—на столькоже угодливостью на сколько честностью ты его чти. Что бы ты ни дѣлала, но если ты не будешь женою заслуживающею похвалы, то нельзя повѣрить, чтобы Марція была предметомъ твоего почитанія. Да, и я не недостоинъ и, если хочешь сознаться въ справедливомъ не вовсе чужды благодарности должны быть мои заслуги. Да ее намъ и оказываютъ да и съ великимъ процентомъ, и къ тебѣ зависть, если бы и хотѣла задѣть, придраться не можетъ. Впрочемъ къ прежнимъ дѣйствіямъ присоедини одно: будь ты искательна за мои бѣдствія. Старайся чтобы я находился въ краю менѣе непріязненномъ, и чтобы ни одна доля твоей обязанности не хромала. Прошу о значительномъ, но не о томъ, что можно бы поставить въ вину просящему, и хоть бы ты не получила, но отказъ безо всякой для тебя опасности. Да и на меня не сердись, если я, только разъ въ своемъ стихотвореніи прошу тебя дѣлать то, что ты дѣлаешь и подражать тебѣ же самой. И трубачь обыкновенно на пользу храбрымъ, и вождь своимъ голосомъ возбуждаетъ хорошо сражающихся воиновъ. Извѣстна честность твоя и засвидѣтельствована во все время, но пусть и добродѣтель будетъ не менѣе честности. Тебѣ не брать за меня сѣкиры Амазонокъ, ни несть легкою рукою вырѣзной (съ выемкою) щитъ. Нужно кланяться божеству не о томъ, чтобы оно пріязнено было мнѣ, но чтобы оно менѣе было раздражено чѣмъ прежде. Если нѣтъ никакой милости, то слезы дадутъ тебѣ милость; этою или никакою стороною можешь тронуть боговъ. А въ слезахъ тебѣ недостатка не будетъ, хорошо на этотъ счетъ предусмотрѣно моими бѣдствіями, и богатый неистощимый поводъ оплакивать меня, мужа. Каковы мои обстоятельства, то я полагаю, ты ихъ будешь постоянно во всякое время оплакивать; эти средства доставляетъ тебѣ моя судьба. Если бы моя смерть могла быть, чего съ ужасомъ отвращаюсь, твоею искуплена, то имѣла бы примѣръ, которому слѣдовать, въ

супругѣ Адмета. Соперницею Пенелопы сдѣлалась бы ты, если бы стыдливымъ обманомъ ты замужняя женщина захотѣла обмануть жениховъ. Захочешь ли ты искать подруги слѣдовать за тѣнью отшедшаго мужа, то твоею путеводительницею можетъ быть Лаодамія. Нужно помѣстить бы тебѣ передъ глазами Ифіасъ, если ты можетъ быть пожелаешь броситься тѣломъ на зажженный костеръ. Вовсе не нужно тутъ смерти, ни въ ткани Икаровой дочери, но обрати твои уста съ мольбою къ супругѣ Цезаря, она своею добродѣтелью дѣлаетъ, что и отдаленная древность не можетъ упрекнуть нашъ вѣкъ въ отношеніи стыдливости. Она, имѣя красоту Венеры, нравственность Юноны, одна нашлась достойною небесной постели. Чего робѣешь (трепещешь)? чего боишься подойдти? Голосомъ твоимъ должна ты подѣйствовать не на нечестивую Прокне, и не на дочь Эеты, и не на невѣстку Эгипта, ни на суровую жену Агамемнона, ни на Сциллу, которая пахомъ приводитъ въ ужасъ Сицилійскія воды, ни на родительницу Телегона, рожденную для обращенія въ различные виды и не Медуза, которой волосы перевязаны змѣями; но женщина государыня, и счастіе само радо ею любоваться и ложно обвиненіе въ томъ, будто бы оно слѣпо. Свѣтлѣе ея ничего на земляхъ до заката солнца отъ восхода, исключая Цезаря, не имѣетъ (не представляетъ) міръ. Выбери время, лови случай, часто просить, чтобы твой корабль не вышелъ изъ пристани при противныхъ (враждебныхъ) водахъ. И оракулы не постоянно произносятъ священные отвѣты, и самые храмы открыты не во всякое время. Когда положеніе города будетъ таково, каково оно теперь, какъ я догадываюсь, и никакое горе не будетъ коробить лицъ народа, когда домъ Августа, который нужно чтить на подобіе Капитолія—веселымъ какъ есть, пусть остается и будетъ полонъ мира. Тутъ-то пусть дадутъ тебѣ боги возможность подойдти и полагай, что слова твои принесутъ тогда какую либо пользу. Если онъ будетъ дѣлать что нибудь болѣе значительное, отложи твое начинаніе, и берегись подвергнуть опасности мою надежду твоею торопливостью. И съ другой стороны не велю ее отыскивать между тѣмъ какъ она вполнѣ свободна; едва она имѣетъ свободнаго времени для того, чтобы заняться собою (туалетомъ). Когда курія (зданіе сената) будетъ тѣсно наполнена достопочтенными сенаторами, необходимо и тебѣ идти

черезъ дѣловую толпу. Когда тебѣ придется достигнуть лицезрѣнія Юноны, помни о личности, которую тебѣ необходимо защищать. Дѣло мое не оправдывай, о дурномъ дѣлѣ лучше молчать. Слова твои пусть будутъ только усильныя просьбы. Тогда нужно дать полную волю слезамъ и распростершись на землю, протягивай руки къ несмертнымъ ногамъ. Тутъ проси не иного чего какъ, чтобы мнѣ удалиться отъ незнающаго жалости непріятеля; достаточно, что судьба мнѣ врагъ. Болѣе конечно приходитъ на мысль, но уже, смущенная страхомъ, и это едва въ состояніи будешь высказать дрожащими устами. Подозрѣваю, что это не будетъ тебѣ во вредъ; пойметъ та, что ты оробѣла передъ ея величіемъ. Да и не повредитъ, если слова твои будутъ прерываемы рыданіями; иногда слезы имѣютъ вѣсъ словъ. Сдѣлай, чтобы день былъ благопріятенъ начинаніямъ, приличный часъ и предвѣстія благополучны; но прежде, положивъ огонь на священные олтари, неси къ великимъ богамъ ладонъ и чистое вино. Изъ нихъ прежде всѣхъ почти имя Августа, его набожное потомство и соучастницу его постели. О если бы они тебѣ были снисходительны согласно своему обычаю, и пусть видятъ твои слезы не съ суровымъ лицомъ.

Письмо 2-е, Коттѣ.

Которое читаешь отъ меня тебѣ посылаемое пожеланіе здоровья, молю — пусть дѣйствительно будетъ послано и достигнетъ назначенія. Ты, будучи невредимъ, много отъ моихъ мученій отнимаешь и дѣлаешь то, чтобы порядочная часть меня была здорова (спасена) и между тѣмъ, какъ другіе отпадаютъ, бросаютъ терзаемые паруса, ты остаешься единственнымъ якоремъ разбитаго судна. А потому съ признательностью принимаю твое нѣжное чувство; прощаю тѣмъ, которые за одно съ счастіемъ пустились бѣжать. Громъ, поразивъ одного, ужасъ наводитъ не на одного и толпа, находившаяся рядомъ съ пораженнымъ, обыкновенно робѣетъ и когда стѣна дастъ признаки будущаго паденія, въ тревожномъ страхѣ то мѣсто дѣлается пустымъ (пустѣетъ, всѣ удаляются). Кто изъ робкихъ не уклоняется отъ прикосновенія больнаго, чтобы близкой болѣзни не захватить и себѣ? Да и меня нѣкоторые друзья мои покинули отъ крайняго

ужаса и опасеній, а не отъ ненависти. Ни въ чувствѣ привязанности, ни въ желаніи служить, не было у нихъ недостатка, устрашились враждебныхъ боговъ, и скорѣе они могутъ показаться слишкомъ осторожными и робкими, но не заслуживаютъ названія *дурныхъ* (злыхъ). А мое (чистосердечіе) простодушіе такъ извиняетъ дорогихъ друзей, и я такъ расположенъ къ нимъ, что не признаю за ними никакой вины въ отношеніи ко мнѣ. Пусть же довольны этимъ прощеніемъ и дозволено имъ подписать, что сдѣланное имъ извиняется, и что я самъ въ томъ свидѣтельствую. А лучше та часть изъ васъ—а таковыхъ немного—которые считаютъ постыднымъ не оказать мнѣ никакой помощи въ тѣсныхъ обстоятельствахъ. А потому тогда только умретъ признательность за вашу заслугу, когда исчезнетъ тѣло и останусь я одинъ (пепелъ) прахъ. Ошибаюсь; она — моя признательность — перейдетъ за предѣлы моей жизни, если только меня будетъ читать памятливое потомство. Печальнымъ кострамъ принадлежатъ тѣла, изъ которыхъ удалилась кровь, но имя (извѣстность) и честь ускользаютъ отъ воздвигнутыхъ костровъ. Палъ и Тезей и тотъ, кто сопровождалъ Ореста, а впрочемъ и тотъ и другой живутъ въ похвалахъ имъ. Да и васъ часто будутъ хвалить поздніе внуки, и полна блеска будетъ слава ваша моими сочиненіями. И здѣсь уже узнали о васъ Сарматы и Геты, и такое расположеніе духа одобряетъ даже толпа дикарей, и когда я недавно излагалъ о вашей честности — выучился я говорить по Гетски и по Сарматски— случилось, что старикъ одинъ, стоявшій въ томъ собраніи, на мои слова отвѣчалъ такими: и мы, гость нашъ, хорошо знаемъ наименованіе дружбы, мы, которыхъ отдѣляетъ отъ васъ холодный Истръ. Есть мѣсто въ Скиѳіи, Таврами прозвали его предки и не такъ далеко находится оно отъ страны Гетовъ; вотъ изъ той-то земли происхожу я и не раскаиваюсь въ томъ (не стыжусь); тамъ народъ чтитъ богинею сестру Феба. Стоитъ и по нынѣ храмъ, упирающійся на громадныхъ колоннахъ, и доступъ къ нему по сорока ступенькамъ. Молва говоритъ: тамъ было небесное изображеніе и чтобы меньше всего могъ ты въ томъ сомнѣваться стоитъ пьедесталъ, оставленный богинею. Жертвенникъ, сдѣланный изъ бѣлаго отъ природы камня, измѣнивъ цвѣтъ, краснѣетъ, омоченный политою на него кровью. Священ-

нодѣйствіе совершаетъ женщина, незнакомая съ брачными факелами, превосходящая знатностью происхожденія всѣхъ молодыхъ Скиѳскихъ женщинъ. Родъ жертвоприношенія — такъ установили предки — чтобы пришлецъ падалъ пронзенный мечемъ дѣвственницы. Царствомъ владѣлъ Тоасъ, извѣстный на берегахъ Меотиды, и по Евксинскимъ водамъ не было никого другаго болѣе извѣстнаго. Когда онъ держалъ скипетръ, по прозрачному воздуху, не знаю какая-то Ифигенія, нашла себѣ путь. Полагаютъ, что ее Фебе, перевезя въ облакѣ по воздуху легкими вѣтрами, оставила въ этихъ мѣстахъ. Она въ теченіи многихъ лѣтъ была по установленію начальницею во храмѣ, совершая грустные священные обряды не охотною рукою, когда двое молодыхъ людей прибыли на несомомъ парусами суднѣ и ступили ногами на нашъ берегъ. Равны были ихъ лѣта и привязанность; одного изъ нихъ звали Орестомъ, а другаго Пиладомъ; слава сохранила ихъ имена. Тотчасъ ведутъ ихъ къ незнающему жалости жертвеннику Тривіи; обѣ руки связаны были у нихъ на спинахъ. Греческая жрица окропляетъ водою очищенія схваченныхъ (въ плѣнъ) съ тѣмъ, чтобы потомъ длинною повязкою окружить свѣтлорусые волосы и въ приготовленіяхъ къ священнодѣйствію, покрывая головы повязками, старается найдти поводы къ большему замедленію. „Молодые люди, говоритъ она, я не жестока, совершаю жертвы болѣе дикіе чѣмъ самая мѣстность. Таковъ обычай народа, а изъ какого впрочемъ города вы пришли? И куда мало благополучнымъ судномъ стремились въ путь? Сказала и благочестивая дѣва услыхала имя отечества и узнала, что они одного съ нею города. Пусть, говоритъ, одинъ изъ васъ падетъ жертвою святыни, а другой отправится вѣстникомъ въ жилище отцовъ. Пиладъ, готовясь погибнуть, повелѣваетъ уходить Оресту; тотъ отказывается и наперерывъ тотъ и другой желаетъ умереть. Этотъ предметъ одинъ былъ, относительно котораго не могли согласиться, въ остальномъ были согласны и никакихъ споровъ у нихъ не было. Между тѣмъ, какъ красавцы молодые люди совершаютъ это состязаніе любви (привязанности), та (жрица) пишетъ письмо къ брату, даетъ порученія къ брату, а кому они давались — смотри на случайность дѣлъ человѣческихъ — былъ братъ. Не медлятъ, изъ храма похищаютъ изображеніе Діаны и тайно несутся на кораблѣ по

необъятнымъ водамъ. Удивительна любовь молодыхъ людей, хотя миновало столько лѣтъ, но великую извѣстность имѣетъ она въ Скиѳіи. Когда старикъ окончилъ этотъ хорошо извѣстный разсказъ, всѣ похвалили случившееся и набожную вѣрность. Такимъ образомъ даже на этихъ берегахъ, суровѣе которыхъ нѣтъ ничего, имя дружбы трогаетъ сердца дикарей. Что же должны вы дѣлать рожденные въ Авзонійскомъ городѣ, когда такія дѣйствія трогаютъ незнающихъ жалости Гетовъ? Присоедини, что тебѣ всегда кротокъ духъ и нравы выказываютъ старинное благородство; ихъ узналъ бы Волезъ, виновникъ отцовскаго наименованія; ихъ Нума материнскій (родня со стороны матери) не отвергъ бы, какъ ему принадлежащія. Они одобряютъ, что къ родовому (наслѣдственному) имени присоединено прозваніе Котты, если бы тебя не было, и самый домъ (родъ) погибъ (окончился, прекратился) бы. Мужъ, достойный такого ряда предковъ—помочь павшему другу полагай соотвѣтствующимъ этимъ нравамъ.

Письмо 3-е, Фабію Максиму.

Если ты праздень (свободенъ) дать немного времени ссыльному другу, явись, о созвѣздіе Фабіева рода: пока я тебѣ, что я видѣлъ, доложу: тѣнь ли то тѣла, или правды подобіе, или то было усыпленіе. Была ночь, и луна входила въ двустворчатыя окна такою, какою она обыкновенно свѣтитъ примѣрно около половины мѣсяца. Мною владѣлъ сонъ, каждому доступное отдохновеніе отъ заботъ, и ослабѣвшіе члены раскинулись по всей постели, когда вдругъ крыльями приведенный въ движеніе зашевелился воздухъ; окно пришло въ движеніи и застонало (заскрипѣло) легкимъ звукомъ. Приведенный въ ужасъ, приподнимаю мои члены на лѣвый локоть и удаляется сонъ, изгнанный изъ трепещущей груди. Стоялъ купидонъ (любовь) съ лицомъ не съ такимъ, съ какимъ обыкновенно былъ прежде; печальный держалъ онъ въ лѣвой рукѣ кленовую палочку; на шеѣ не было ожерелья, въ волосахъ не было булавки, и они не были какъ обыкновенно расположены въ порядкѣ и причесаны. Мягкіе волосы опускались на разстроенное лицо; глаза мои увидали его измятые крылья въ такомъ видѣ, въ какомъ бываютъ на зади воздушной голубки, которой касались многія руки вертя ее (балуясь). Къ нему—

разомъ я его узналъ—да и мнѣ нѣтъ никого знакомѣе—вольный языкъ обратился съ такими звуками: о дитя, причина ссылки для обманутаго тобою учителя, полезнѣе было бы для меня не принимать отъ тебя уроковъ. Ты тоже пришелъ сюда, гдѣ никогда не бываетъ мира и дикарь Истръ сковалъ льдомъ свои воды? Какой тебѣ поводъ пути, кромѣ видѣть наши бѣдствія? Они, если тебѣ неизвѣстно, обратились къ твоему осужденію. Ты мнѣ первый продиктовалъ юношескія стихотворенія, приложилъ я, старикъ, подъ твоимъ водительствомъ пять стопъ. Ты не допустилъ, чтобы я возвысился до Меонійскаго стиха и изложилъ бы дѣянія великихъ вождей. Можетъ быть малыя, но все же какія нибудь силы моего воображенія умалили твои лукъ и огонь (факелъ). И дѣйствительно, пока я воспѣваю твое царство и твоей родительницы, мысль моя не имѣла времени ни на какое великое дѣло (произведеніе). И этого не было достаточно; безразсудный я сочинилъ даже стихи съ тѣмъ, чтобы ты моимъ искусствомъ былъ общедоступнѣе. За это бѣдному мнѣ наградою послужила ссылка, и притомъ въ самой отдаленной и лишенной мира мѣстности. Но Хіонидесъ (Хіонiевъ сынъ) Евмолпъ не былъ таковымъ относительно Орфея, не таковъ былъ Олимпъ относительно Сатира Фригійца, и не такую награду Хиронъ получилъ отъ Ахилла; да и по разсказамъ Нума не былъ во вредъ Пиѳагору и чтобы мнѣ не (повторять) исчислять имена, собранныя въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ—одинъ я погибъ самъ отъ моего ученика. Между тѣмъ, какъ я даю тебѣ оружіе, между тѣмъ, какъ я тебя, рѣзвый, учу, вотъ какіе дары отъ тебя ученика имѣетъ учитель. Впрочемъ знаешь и чистосердечно можешь высказать подъ присягою, что законныхъ не трогалъ постелей. Писалъ я для тѣхъ, которыхъ волосъ ни связываетъ стыдливо повязка и длинное платье не закрываетъ ногъ. Скажи, молю, училъ ли я тебя обманывать замужнихъ и по моему приказанію дѣлать незаконными дѣтей? Не строго ли устранена ото всѣхъ этихъ книжекъ каждая, которой не велитъ законъ имѣть украдкою мужей? Но что пользы въ томъ, если по строгому опредѣленію считаютъ, что я сочинилъ наставленіе въ незаконныхъ связяхъ? А ты — и подъ этимъ условіемъ (тогда) имѣй ты все поражающія стрѣлы, такъ пусть никогда факелы твои не будутъ лишены быстраго (стремительнаго) огня; такъ пусть правитъ государ-

ствомъ, пусть всѣ земли сдерживаетъ Цезарь, онъ тебѣ племянникъ по Энею брату; сдѣлай, чтобы ко мнѣ не незнающимъ умилостивленія было его раздраженіе, чтобы я несъ наказаніе вмѣстѣ болѣе удобномъ. Мнѣ видѣлось, что я такъ говорилъ быстрокрылому ребенку; мнѣ видѣлось, что онъ отвѣчалъ на это такими звуками: Клянусь моимъ оружіемъ, а мое оружіе—стрѣлы, клянусь матерью и головою Цезаря, ничего кромѣ дозволеннаго я не выучилъ подъ твоимъ руководствомъ и никакой нѣтъ вины въ твоемъ искусствѣ, и какъ это, такъ о если бы могъ ты защищать прочее! Знаешь иное что тебѣ повредило и что гораздо болѣе значительно, чтобы это ни было—а скорбь не должна этого повторять — не можешь ты сказать, чтобы ты былъ чуждъ твоей вины. Хотя ты и усиливаешься затмить вину видомъ заблужденія (ошибки), гнѣвъ мстителя былъ не тяжеле заслуги. А впрочемъ, чтобы видѣть и утѣшить брошеннаго, крылья мои пролетѣли необъятное пространство. Эти мѣста увидалъ я въ первый разъ тогда, когда по просьбѣ матери, Фазійская дѣвушка пронзена моими стрѣлами; а чтобы мнѣ увидать снова эти мѣста послѣ длиннаго ряда вѣковъ, то дѣлаешь (условливаешь) ты, о воинъ, пріятель моимъ лагерямъ. Потому-то отложи страхъ, смягчится раздраженіе Цезаря и наступитъ болѣе благопріятный часъ твоимъ обѣтамъ. Не бойся продолжительности, наступаетъ время, котораго ищетъ; тріумфъ представляетъ все полнымъ радости, когда радуются и домъ, и дѣти, и мать Ливія, между тѣмъ, какъ радуешься ты, великій отецъ отечества и вождя, между тѣмъ, какъ тебя поздравляетъ народъ и по всему городу (Риму) каждый жертвенникъ пылаетъ благовонными огнями, когда легкій доступъ открываетъ достойный почтенія храмъ, нужно надѣяться, что наши мольбы могутъ имѣть силу. Сказалъ, и или онъ разошелся въ тонкій воздухъ или мои чувства стали бодрствовать. Если я усумнюсь, что ты, Максимъ, благопріятствуешь этимъ словамъ, то я могу прійдти къ убѣжденію, что лебеди, одного съ Мемнономъ цвѣта; но и не измѣняется въ черную смолу жидкость молочная и, бывъ прежде ослѣпительной бѣлизны, слоновая кость не становится терпентиномъ. Соотвѣтствующій духу у тебя и родъ; имѣешь ты благородное сердце и Геркулесовой простоты. Зависть, порокъ недѣятельный (праздный), не достигаетъ (касается) высокихъ нравовъ и какъ скрывающаяся ящерица пол-

зетъ по самой землѣ. Высокой твой умъ (мысль, расположеніе духа) возвышается надъ самимъ родомъ и тебѣ имя принадлежитъ не больше твоихъ дарованій. А потому пусть другіе вредятъ несчастнымъ и желаютъ, чтобы ихъ опасались; пусть другіе несутъ жала, напоенныя ѣдкою желчью; а твой домъ привыкъ помогать просителямъ; молю, чтобы ты захотѣлъ и меня считать въ ихъ числѣ.

Письмо 4-е, Руфину.

Эти слова, несущія тебѣ не пустое привѣтствіе, твой Назонъ посылаетъ изъ Томитанскаго города и проситъ тебя, Руфинъ, быть благосклоннымъ къ его *тріумфу*, если впрочемъ достигъ онъ вашихъ рукъ. Сочиненіе это не велико, не соотвѣтствуетъ обширнымъ приготовленіямъ (задуманному плану); впрочемъ прошу, каково оно ни есть, пріими подъ свое покровительство. То, что крѣпко, имѣетъ силу само по себѣ и не нуждается ни въ какомъ Махаонѣ, а сомнѣвающійся больной прибѣгаетъ къ врачебной помощи. Великіе поэты не нуждаются въ снисходительности читателей; противъ воли самаго упрямаго. А я, котораго (способности) дарованія умалились отъ долговременныхъ страданій — да можетъ быть и прежде ихъ (дарованій) не было вовсе—силами слабый, получаю силу отъ вашего простодушія (снисхожденія), если ты его у тебя отнимешь, то сочту, что все отнято. Между тѣмъ, какъ все мое опирается на снисходительной ласкѣ, въ особенности эта книга имѣетъ право на извиненіе (прощеніе). Другіе поэты описывали тріумфъ, видѣнный ими; что нибудь да значитъ видѣнное записать памятливою рукою, а я писалъ то, что жадно схватилъ на лету по слухамъ народнымъ и молва была мои глаза. Но развѣ однѣ и тѣ же ощущенія или одни и тѣ же порывы происходятъ какъ отъ слышанныхъ, такъ и отъ видѣнныхъ предметовъ? И жалуюсь я не на то, что не могъ я видѣть блескъ серебра, вами видѣнный, золота и порфиры (багряницы), но на мѣстность, племена, представлявшія тысячи образовъ и самыя битвы дали бы пищу моему стихотворенію и лица царей, вѣрнѣйшіе залоги расположенія духа, можетъ быть помогли бы въ какомъ нибудь отношеніи этому сочиненію. Вслѣдствіе самихъ рукоплесканій народа, веселаго бла-

говоленія, каждый умъ можетъ воспламениться. И я отъ такихъ звуковъ заимствовалъ бы такую же бодрость, какъ новый воинъ, услыхавъ звукъ трубы, воспламеняется на бой. Пусть сердце будетъ у меня хоть холоднѣе льда и снѣгу, холоднѣе того самого мѣста, которое терплю, но видъ вождя, стоящаго на колесницѣ изъ слоновой кости, вытрясъ бы весь холодъ изъ моихъ членовъ. Лишенный всего этого, пользуясь сомнительными разкасчиками, основательно прибѣгаю къ содѣйствію вашей благосклонности. Не извѣстны мнѣ ни имена вождей, ни названія мѣстностей: содержаніе едва имѣли руки. Какая часть стольких дѣлъ была та, которую узнать по слуху или о которой кто нибудь могъ намъ написать? Тѣмъ болѣе долженъ ты, читатель, извинить, если я въ чемъ нибудь ошибся или что нибудь пропустилъ. Присоедини, что настроенная на постоянно жалобный тонъ хозяина, моя лира съ трудомъ могла быть обращена на болѣе веселое стихотвореніе. Послѣ стольких жалобъ съ трудомъ приходили на мысль слова хорошія, и чему нибудь радоваться казалось для меня дѣломъ вовсе новымъ. И какъ глаза боятся солнца, къ которому не привыкли, такъ къ радости мой духъ оказался вовсе лѣнивъ. Изо всѣхъ предметовъ новость есть для насъ пріятнѣйшій: не слѣдуетъ признательности за услугу, по времени опоздавшую. Прочее, писанное о великомъ тріумфѣ, я догадываюсь уже давно читано наперерывъ устами народа. Тотъ бокалъ пилъ читатель жаждущій, а этотъ, уже утоливъ жажду; та вода выпита свѣжею, а моя уже нагрѣлась. Не оставался я празднымъ и не отъ недѣятельности опоздалъ, но я нахожусь на самомъ отдаленномъ берегу обширнаго моря. Пока достигъ сюда слухъ и на скорую руку сочиняется стихотвореніе, сочиненное прійдетъ къ вамъ, легко можетъ миновать годъ. И не мало значенія имѣетъ—нетронутый ли розовый кустъ ты первый обрываешь или опоздавшею рукою срываешь почти брошенныя розы. Что удивительнаго — если въ саду, изъ котораго уже выбрали лучшія цвѣты, не могъ быть сдѣланъ вѣнокъ, достойный своего вождя? Умоляю — пусть не думаетъ никто изъ поэтовъ, что это сказано противъ его стихотвореній: муза моя говорила за себя. У меня съ вами, поэты, обще священное служеніе, если только дозволено несчастнымъ находиться въ вашемъ хорѣ; большая часть души, жили вы друзья со мною и въ этомъ отношеніи я

также не отсутствующихъ васъ чту. А потому пусть будутъ мои стихи ввѣрены вашей благосклонности; за нихъ говорить не въ состояніи я самъ. Почти всегда нравятся сочиненія умершихъ, такъ какъ зависть обыкновенно оскорбляетъ и терзаетъ несправедливо зубами живыхъ. Но если видъ смерти—жить дурно, если меня уже ждетъ земля и только гроба недостаетъ для моего конца (для довершенія моей судьбы). Наконецъ — пусть плодъ моихъ трудовъ со всѣхъ сторонъ терпитъ порицаніе, никого не найдется, кто бы могъ поставить мнѣ въ вину мою услужливость. Если нѣтъ силъ, то самое расположеніе должно заслуживать похвалу и догадываюсь я, что имъ довольны боги. Это условливаетъ, что и бѣднякъ приходитъ пріятнымъ къ жертвеннику, и ягненокъ угоденъ не меньше зарѣзаннаго быка. Да и предметъ былъ такъ великъ, что совладать (стать подъ уровень ему) было бы великимъ бременемъ для геніальнаго пѣвца Энеиды. Притомъ нѣжные элегическіе стихи не могли вынести на столь неровныхъ (разнокалиберныхъ, неодинаковой мѣры) колесахъ столь обширный грузъ тріумфа. Какимъ размѣромъ теперь мнѣ пользоваться, нахожусь въ недоумѣніи; вотъ уже готовъ другой тріумфъ надъ тобою, Рейнъ. Не обманчивы предвѣстія правдивыхъ поэтовъ; нужно Юпитеру дать лавръ, пока первый тотъ еще зеленъ. И читаешь слова не мои — я удаленъ къ Истру, рѣкѣ, изъ которой пьютъ не совсѣмъ хорошо усмиренные Геты. Голосъ этотъ бога: богъ находится въ груди моей; это произношу и предсказываю подъ водительствомъ бога. Ливія, что медлишь готовить колесницу и процессію тріумфа? Война не даетъ уже тебѣ никакой отсрочки (промедленія). Вѣроломная Германія бросаетъ осужденныя копья; скажешь, что предвѣстіе мое уже имѣетъ значеніе. Повѣрь — и скоро и вѣрно это исполнится — удвоитъ почесть сынъ и какъ прежде поѣдетъ на запряженныхъ коняхъ. Бери порфиру, которую набросишь на плеча похитителей; самъ вѣнокъ можетъ узнать ему знакомую голову. Щиты и шлемы заблещутъ драгоцѣнными каменьями и золотомъ, и надломленные (обрубленные) трофеи будутъ возвышаться (стоять) надъ связанными людьми. Города изъ слоновой кости пусть опояшутся стѣнами съ башнями, и вымышленное дѣло сочтутъ, какъ бы за дѣйствительно совершающееся. Обезображенный Рейнъ съ волосами, распущенными подъ сломаннымъ тростникомъ, несетъ

воды, оскверненныя кровью. Уже взятые въ плѣнъ цари требуютъ свои грубыя отличія (знаки своего достоинства) и ткани, которыя дороже теперешняго ихъ положенія, и что сверхъ того непобѣдимая доблесть твоихъ дѣлала часто готовымъ тебѣ, часто и впередъ будетъ приготовлять. Боги, по внушенію которыхъ будетъ говорить будущее (то что случится), молю, слова мои подтвердите скорымъ и вѣрнымъ исполненіемъ.

Письмо 5-е, Максиму Коттѣ.

Спросишь ты — откуда прислано тебѣ письмо, которое читаешь? Оттуда, гдѣ Истръ сливается съ лазоревыми водами (моря). Какъ только названа страна, долженъ прійдти на память и сочинитель—поэтъ Назонъ, понесшій вредъ отъ собственнаго таланта (дарованія). Онъ тебѣ, Максимъ Котта, привѣтствіе, которое предпочелъ бы принесть лично, посылаетъ отъ косматыхъ Гетовъ. Читалъ я твою, молодой человѣкъ, неизмѣнившій дару слова отца, краснорѣчивую рѣчь, произнесенную на полномъ народа форумѣ, и хотя я читалъ, и то торопясь языкомъ въ продолженіи довольно многихъ часовъ, но жалуюсь, что ихъ было мало. Увеличилъ ихъ число, часто перечитывая, но никогда она мнѣ не понравилась болѣе того, какъ въ первый разъ, хотя она, будучи столько разъ читана, не утрачиваетъ своей прелести и нравится (своими силами) собственнымъ достоинствомъ, а не новостью. Счастливы, которымъ довелось ознакомиться съ этимъ при самомъ исполненіи и насладиться столь пріятнымъ изложеніемъ! И дѣйствительно, хотя пріятенъ вкусъ и принесенной воды, но съ большимъ еще удовольствіемъ пьютъ воду изъ самаго источника. Болѣе нравится сорвать яблоко съ наклоненной вѣтви, чѣмъ взять съ рѣзнаго блюда. А если бы я не провинился, если бы не сослала меня моя муза, сочиненіе, теперь прочитанное, тогда выслушалъ бы изъ твоихъ устъ, и какъ я привыкъ, можетъ быть, сидѣлъ бы я однимъ изъ сотни судей твоихъ словъ и большее наслажденіе наполнило бы мою грудь, когда увлеченный твоими словами, я выразилъ бы тебѣ одобреніе; но такъ какъ судьба признала за лучшее, чтобы я, оставивъ васъ и отечество, находился среди безчеловѣчныхъ Гетовъ; что одно возможно, чтобы мнѣ читая казалось, что я съ тобою нахожусь, то

умоляю, почаще присылай (залоги) плоды твоихъ занятій. Пользуйся моимъ примѣромъ, если это само не пренебрежешь, а правильнѣе ты мнѣ самъ могъ бы подать примѣръ. И дѣйствительно я, погибнувъ уже прежде для васъ, Максимъ, усиливаюсь не погибнуть моимъ дарованіемъ. Отплати взаимностью и пусть мои руки не рѣдко принимаютъ памятники твоего труда, которые мнѣ будутъ столь пріятными. Скажи впрочемъ юноша, полный моихъ занятій, они самыя напоминаютъ ли сколько-нибудь обо мнѣ? Когда ты или читаешь друзьямъ только что сочиненное стихотвореніе, или, что нерѣдко имѣешь въ обычаѣ, требуешь, чтобы они читали, иногда не ищетъ ли твоя мысль — что такое она забыла? Во всякомъ случаѣ вѣрно ощущаетъ, что чего-то недостаетъ тебѣ и какъ ты обыкновенно говорилъ обо мнѣ много, когда я былъ тамъ на лицо, и теперь не также ли имя Назона въ устахъ твоихъ? Что же до меня касается, то пусть я погибну пораженный изъ Гетскаго лука — а ты видишь, какъ близко наказаніе можетъ послѣдовать за клятвопреступленіемъ— если я почти во всѣ минуты не вижу тебя заочно. Благодаря богамъ, мыслью можно переноситься куда угодно. Ею, когда я достигъ, невидимый никому, въ городъ (Римъ), часто говорю съ тобою, часто говорящимъ наслаждаюсь. Тогда мнѣ трудно высказать какъ хорошо, какъ по моему мнѣнію счастливы тѣ часы; тогда я—повѣрь мнѣ въ томъ—подозрѣваю, что я нахожусь съ блаженными богами. А когда снова сюда возвращаюсь — оставляю небо и высшія силы, да и Понтійская страна не далеко находится отъ Стикса. И если я усиливаюсь возвратиться оттуда противу запрещающей судьбы, то ты, Максимъ, безполезную надежду отними у меня.

Письмо 6-е, одному изъ друзей.

Назонъ—своему товарищу—его имя я почти поставилъ—посылаетъ это коротенькое стихотвореніе отъ Евксинскихъ водъ, а можетъ быть, напиши онъ недовольно осторожною рукою, кто ты есть, можетъ быть услугою снискалъ бы я только поводъ къ жалобѣ на меня. Почему же однако, между тѣмъ, какъ другіе считаютъ это безопаснымъ, одинъ ты просишь, чтобы мои стихи тебя не называли? Какъ велика кротость Цезаря среди са-

мого раздраженія, изъ меня (моего примѣра) если не знаешь, можешь увѣриться. Отъ этого наказанія, которое я терплю, не могъ бы я ничего убавить, будь я вынужденъ стать судьею того, что заслужилъ. Не запрещаетъ онъ кому-либо помнить своего товарища и не препятствуетъ мнѣ писать тебѣ, а тебѣ мнѣ. И не преступленіе совершишь ты, если станешь утѣшать друга и ласковыми словами облегчать суровую участь. Зачѣмъ, опасаясь безопаснаго, дѣлаешь, что такая осторожность вызываетъ ненависть противъ Августовъ боговъ? Видимъ, что иногда остаются въ живыхъ тѣ, которыхъ коснулись стрѣлы молніи, видѣли, что и оправлялись и Юпитеръ тому не препятствовалъ. И потому, что Нептунъ растерзалъ корабль Улисса, Левкотоя не отказалась подать помощь плавающему. Повѣрь мнѣ — несчастныхъ щадятъ небесныя божества, не постоянно (оскорбляютъ) преслѣдуютъ и не безъ конца гнетутъ. Ни одинъ богъ не имѣетъ болѣе умѣренности нашего государя; справедливостью умѣряетъ онъ свои силы. Недавно ее Цезарь, сдѣлавъ изъ мрамора храмъ, гораздо прежде помѣстилъ ее въ храмъ своего духа. Юпитеръ бросаетъ молніи необдуманно во многихъ, которые не заслужили наказанія соотвѣтствующею виною. Когда богъ моря поглотитъ столькихъ незнающими жалости волнами, у нихъ которая часть заслуживала быть потопленною? Между тѣмъ, какъ въ сраженіи погибаютъ самые храбрые, по его самого (Августа ли или Марса сужденію), выборомъ Марсъ будетъ несправедливъ. Но если (случайно) можетъ быть хочешь вникнуть въ то, что до насъ т. е. меня и подобно мнѣ заслужившихъ гнѣва и наказанія отъ Цезаря, касается, никого нѣтъ, кто сталъ бы отрицать, что онъ заслужилъ то, что терпитъ. Присоедини, что погибшихъ или водою, или Марсомъ (въ полѣ битвы) или огнемъ, возвратить снова къ жизни не можетъ уже никакой день. Возстановилъ (возвратилъ) многихъ или облегчилъ мѣру наказанія Цезарь, и молю, чтобы онъ захотѣлъ включить и меня въ число этихъ многихъ. Или ты, когда мы—народъ,—живемъ подъ властью такого государя, полагаешь, что есть опасеніе говорить съ ссыльнымъ? Можетъ быть основательно опасаться сталъ бы этого подъ властью Бузирида или того, кто имѣлъ обычай жечь людей въ мѣди (мѣдномъ быкѣ); перестань кроткій духъ безславить пустымъ опасеніемъ; не знающихъ жалости, скалъ зачѣмъ будешь

опасаться въ тихихъ водахъ? Самъ я, если писалъ къ вамъ сначала безъ имени, едва, какъ мнѣ кажется, могу быть извиненъ; но страхъ у пораженнаго отнялъ употребленіе разсудка; всякое соображеніе удалилось передъ новыми (неслыханными) бѣдствіями. Робѣя передъ собственною судьбою, а не передъ раздраженіемъ мстителя, приводимъ я былъ въ ужасъ самъ начертаніемъ моего имени. Настолько предупрежденный дозволь памятливому поэту—въ его сочиненія помѣщать дорогія ему имена. Постыдно будетъ обоимъ, если тотъ, кто близокъ былъ ко мнѣ долговременнымъ обращеніемъ (знакомствомъ) не будетъ упомянутъ ни въ какой части моей книги. А чтобы впрочемъ это опасеніе не могло нарушать сонъ твой, я, не болѣе какъ желаешь, буду услужливъ, скрою—кто ты, развѣ когда ты позволишь самъ, никто пусть насильно не пользуется моимъ одолженіемъ; только ты того, котораго могъ бы ты и открыто любить и безопасно, если дѣло обоюдное (сопряженное съ рискомъ), люби открытно.

Письмо 7-е, друзьямъ.

Недостаетъ словъ мнѣ просящему объ одномъ и тамъ же столь часто, и уже стыдно, что нѣтъ конца (безплоднымъ) пустымъ мольбамъ. Скука приходитъ вамъ отъ стиховъ одинъ на одинъ похожихъ и полагаю, что всѣ вы уже заучили, чего я прошу. Что посылаемое принесетъ, вы уже знаете впередъ, хотя хартія еще не освобождена отъ ея перевязокъ (не развязана). А потому пусть измѣнится содержаніе моего сочиненія, чтобы не идти столько разъ противъ теченія воды. Простите же мнѣ, друзья, что я хорошаго отъ васъ надѣялся; конечно, впередъ ужь я болѣе въ этомъ не провинюсь и не скажутъ, что я надоѣдаю (не даю покоя) женѣ, а она конечно, относительно меня, на сколько честна, на столько же робка и мало опытна. И это, Назонъ, перенеси; вѣдь хуже этого переносилъ ты, теперь уже нечувствителенъ сталъ ты ко всякой тягости. Приведенный изъ стада быкъ уклоняется отъ плуга, и устраняетъ новую (неиспытавшую) шею отъ твердаго ярма; а я, которымъ судьба привыкла жестоко тѣшиться, уже давно не новичокъ относительно всякихъ бѣдствій. Прибылъ я въ предѣлы Гетовъ, и умру въ нихъ же и парка моя пойдетъ до конца тою же дорогою, какою начала. Прі-

ятно питать надежду, она не помогаетъ, постоянно безплодная и если желаешь чтобы случилось что нибудь, считай что сбудется. Ближайшая къ этому степень—вполнѣ отчаяться въ спасеніи и знать съ полнымъ убѣжденіемъ, что погибъ разъ на всегда. Ты видишь, что нѣкоторыя раны отъ леченія становятся больше (значительнѣе), и лучше было бы ихъ не трогать (оставить въ покоѣ). Легче погибъ тотъ, кто погрузился разомъ въ воду, чѣмъ тотъ, кто (безплодно)— утомляетъ руки въ бушующихъ волнахъ. Зачѣмъ пришла мнѣ мысль, что я могу Скиѳскихъ лишиться предѣловъ и наслаждаться болѣе благопріятной землею? Зачѣмъ когда нибудь я питалъ надежду, что участь моя смягчится? Или такъ знакомо было мнѣ мое счастіе? Вотъ я только мучусь сильнѣе; возобновленный въ памяти видъ мѣстности обновляетъ печальное изгнаніе и дѣлаетъ его свѣжимъ. Впрочемъ полезнѣе, чтобы прекратились усердные хлопоты моихъ, чѣмъ остаться безъ дѣйствія ихъ просьбамъ. Велико конечно дѣло, на какое не осмѣливаетесь, друзья; но если бы кто попросилъ, то нашелся бы, кто захотѣлъ бы дать. Лишь бы не вамъ въ этомъ отказало раздраженіе Цезаря, съ твердостью умру я на водахъ Евксинскихъ.

Письмо 8-е, Максиму.

Разыскивалъ я—какія тебѣ дары, которые свидѣтельствовали бы о памятливой заботѣ, могло бы послать Томитанское поле. Достоинъ ты серебра, еще достойнѣе яркаго золота, но тебѣ самому нравится дарить ихъ. Впрочемъ эти мѣста не имѣютъ вовсе дорогихъ металловъ; непріятель едва едва даетъ возможность копать и земледѣльцу. Блестящая багряница часто отмѣчала твою одежду, но красится она не Сарматской рукою. Грубыя руна (шерсти) приносятъ овцы, а Томитанскія женщины не знакомы съ искусствомъ Паллады. Вмѣсто шерсти женщина мелетъ дары Цереры и тяжелую воду несетъ, подставивъ голову. Не здѣсь илимъ одѣтъ виноградными лозами; никакіе плоды своею тяжестью не обременяютъ вѣтвей. Безобразныя поля производятъ лишь печальный полынь и земля даетъ знать изъ произведенія какъ горька почва. Такимъ образомъ во всей странѣ лѣваго (неблагополучнаго) Понта не было ничего, что могло бы тебѣ по-

слать мое усердіе. Впрочемъ послалъ я тебѣ Скиѳскія стрѣлы, заключенныя въ колчанѣ; молю, чтобы онѣ обагрились кровью враговъ твоихъ. Вотъ какія трости (для писанія), вотъ какія книжки имѣетъ этотъ берегъ; вотъ какая Муза процвѣтаетъ въ нашихъ, Максимъ, мѣстахъ. Хотя мнѣ стыдно послать это, потому что оно кажется незначительнымъ, но ты во всякомъ случаѣ прошу, прійми благосклонно посланное.

Письмо 9-е, Бруту.

Ты, Брутъ, даешь мнѣ знать, что, не знаю, кто-то порицаетъ мои стихи за однообразность содержанія: что молю только все о болѣе близкомъ мѣстѣ ссылки и жалуюсь, какъ тѣсно окруженъ я непріятелемъ. О сколь изъ многихъ одинъ получаетъ осужденіе недостатокъ! Хорошо, если только одно грѣшитъ моя Муза; самъ я вижу недостатки моихъ (книгъ) сочиненій, такъ какъ свои стихи каждый одобряетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Сочинитель хвалитъ свое произведеніе; такъ, можетъ быть, когда-то Агрій говорилъ, что и Терзитъ пріятенъ лицомъ. Впрочемъ такого рода заблужденіе не увлекаетъ мое сужденіе и, что я произвелъ, не преслѣдую моею любовью вслѣдъ же за тѣмъ. Въ чемъ же мой проступокъ, если я вижу самъ что ошибся? — Ты спросишь: и терпишь ты, что въ сочиненіи остается вина (проступокъ)? но вѣдь не одно и тоже—чувствовать боль и прекратить ее? Чувство присуще всѣмъ, а уничтожается зло искусствомъ. Часто, желая измѣнить какое-нибудь слово, оставляю; мои сужденія и силы оставляютъ меня. Нерѣдко надоѣдаетъ—почему я усумнюсь признаться тебѣ въ правдѣ? — поправлять и несть бремя долговременнаго труда. Пишущему нравится самое расположеніе, уменьшаетъ трудъ, и растущее дѣло кипитъ точно такъ, какъ и жаръ въ груди. А исправлять дѣло на столько же болѣе трудное, на сколько великій Гомеръ былъ больше Аристарха. Такъ оно оскорбляетъ духъ медленнымъ холодомъ заботъ, какъ всадникъ уздою удерживаетъ горячаго коня. Такимъ образомъ пусть милосердые боги уменьшатъ раздраженіе ко мнѣ Цезаря, и пусть мои кости будутъ покрыты мирною землею, такъ мнѣ, въ попыткахъ иногда заняться усердно, препятствуетъ суровый видъ моей судьбы. Что я сочиняю стихи, за то я самъ себѣ кажусь

не въ здравомъ умѣ, а я буду еще заботиться ихъ исправить въ землѣ дикихъ Гетовъ! Впрочемъ въ моихъ сочиненіяхъ нѣтъ ничего, что заслуживало бы болѣе извиненія (снисхожденія) какъ то что смыслъ (содержаніе) у всѣхъ почти одинъ и тотъ же. Веселый—и пѣлъ я веселое, печальный—пою печальное. Время то и другое соотвѣтствуетъ его занятіямъ. Что же я буду писать если о недостаткѣ горькой страны? И умолять, чтобы дали мнѣ умереть въ мѣстѣ болѣе удобномъ? И столько разъ высказывая это, едва ли я кѣмъ нибудь услышанъ и слова, умышленно не понятыя, никакого дѣйствія не производятъ. И впрочемъ хотя это одно и тоже, но пишу не однимъ и тѣмъ же, и одинъ мой голосъ пытается найдти помощь черезъ многихъ. Или чтобы читатель не нашелъ два раза одного и того же смысла, нужно было просить только одного изъ друзей, Брутъ? Но не стоило того; ученые простите сознавшемуся; слава моего произведенія маловажнѣе для меня моего спасенія. Наконецъ, поэтъ—содержаніе, которое себѣ придумалъ, можетъ разнообразить по своему произволу (усмотрѣнію). Муза моя есть слишкомъ вѣрный разскасчикъ моихъ бѣдствій и свидѣтельница имѣетъ значеніе неподкупной и не съ тѣмъ, чтобы возникла книга, но чтобы каждый получилъ слѣдующее ему письмо—таковы намѣреніе и забота мои были. Потомъ собранныя, какъ они были въ безпорядкѣ, соединилъ и не подумай случайно, что въ этомъ случаѣ я дѣлалъ выборъ. Будь же снисходителенъ къ сочиненіямъ, для которыхъ поводомъ была мнѣ не слава, но польза и долгъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Письмо 1-е, Сексту Помпею.

Помпей, прійми стихотвореніе, происшедшее отъ того, кто тебѣ, Секстъ, обязанъ своею жизнью. И если ты не препятствуешь, что я ставлю твое имя, то это еще увеличиваетъ итогъ (массу) твоихъ заслугъ. Но если ты наморщишь лицо, я сознаюсь, что поступилъ дурно, но поводъ моего проступка заслуживаетъ одобреніе: мысль моя не могла быть удержанною, чтобы не выразить свою признательность, молю — пусть не тяжко будетъ раздраженіе на услугу, внушенную нѣжностью чувства. О сколько разъ казался я себѣ въ этихъ книгахъ безбожнымъ, потому что твое имя не читалось ни въ одномъ мѣстѣ. О сколько разъ, когда я другое хотѣлъ написать имя, правая рука безсознательно выводила на воскѣ твое. При такихъ ошибкахъ нравилось мнѣ самое заблужденіе, и поправку дѣлалъ я почти неохотною рукою. „Пусть же, сказалъ я — увидитъ онъ до конца, хоть самъ и жалуется; стыдно мнѣ, что такой немилости не заслужилъ прежде. Дай мнѣ, если только есть (существуетъ) она, Лете, дѣлающую сердце безчувственнымъ; и впрочемъ я не буду въ состояніи забыть тебя. Умоляю — позволь это; не отвергай съ пренебреженіемъ слова и не думай, чтобы въ желаніи услужить была вина. И не значительная благодарность приносится за такія услуги; если же не такъ, то и противъ воли твоей, а все же буду признательнымъ. Никогда лѣнивымъ не было твое расположеніе въ моихъ дѣлахъ, и сундукъ твой никогда не отказывалъ мнѣ въ щедрой помощи. Да и теперь милосердіе твое, нисколько не застращанное постигшими меня внезапно бѣдствіями, приноситъ моей жизни помощь и принесетъ еще. Откуда—можетъ быть спросишь —

берется у тебя такая увѣренность въ будущемъ? Дѣло, имъ сдѣланное, каждый оберегаетъ свое дѣло (то, что сдѣлалъ самъ). Какъ Венера есть трудъ и слава Коосскаго художника, та Венера, которая жметъ волосы намокшія отъ дождя, какъ богиня, воинственная хранительница крѣпости Актейской (Аѳинской, Акрополиса) стоитъ сдѣланная рукою Фидія или изъ слоновой кости или изъ мѣди, какъ Каламисъ выражаетъ притязаніе на славу за сдѣланныхъ имъ коней, какъ корова, произведеніе Мирона, похоже на дѣйствительную (настоящую), такъ и я не послѣдняя часть твоихъ, Секстъ, дѣлъ, и хвалюсь, что я даръ и произведеніе твоего попечительства.

Письмо 2-е, Северу.

То, что ты, Северъ, величайшій поэтъ великихъ царей, читаешь, идетъ изъ земли нестриженныхъ Гетовъ; а что до сихъ поръ книжки мои умалчивали о твоемъ имени, то, если только позволишь сказать правду, стыдно. Но письмо, лишенное (чуждое) размѣровъ (писанное прозою, не стихами) никогда не переставало ходить въ отвѣтъ на твои, какъ выраженіе моего долга; только не было тебѣ дано стиховъ, которые свидѣтельствовали бы о памятливой заботѣ; зачѣмъ было мнѣ давать тебѣ то, что производишь самъ? Кто сталъ бы давать медъ Аристею, Вакху Фалернскому — вина, Триптолему — произведенія земли, Алциною—плоды. Плодородную грудь ты имѣешь и среди Геликона никому жатва этого рода не возникаетъ обильнѣе. Къ такому посылать стихи значило бы листья таскать въ лѣсъ; вотъ причина моей, въ этомъ отношеніи, медленности. Да и дарованіе мое отвѣчаетъ мнѣ теперь не такъ какъ прежде, но сухой берегъ пашу безплоднымъ плугомъ. Точно такъ илъ затягиваетъ жилы въ водахъ и оскорбленная вода останавливается подъ давимымъ источникомъ, такъ моя грудь повреждена иломъ бѣдствій и стихотворный даръ течетъ бѣдною струйкою. Если бы кто въ этой землѣ помѣстилъ бы самого Гомера, сдѣлался бы онъ, повѣрь мнѣ, и самъ Гетомъ. Даруй прощеніе сознавшемуся, отпустилъ я поводья и собственнымъ занятіямъ, и рѣдко мои пальцы выводятъ буквы. Тотъ священный порывъ, который питаетъ груди (сердца) поэтовъ, онъ, который прежде обыкновенно во мнѣ на-

ходился, отсутствуетъ. Съ трудомъ приходитъ, какъ участница занятій, Муза и почти вынужденно прилагаетъ лѣнивыя руки ко взятой табличкѣ. Малое, хоть не скажу, чтобы вовсе его не было, наслажденіе мнѣ писать и не плѣняетъ болѣе слова связывать размѣромъ или потому, что не только не извлекъ я изъ того никакой пользы, но это занятіе было началомъ постигшихъ меня бѣдствій, или потому, что писать стихотвореніе, которое читать не кому, все равно, что множество шаговъ дѣлать въ потемкахъ. Слушатель возбуждаетъ усердіе, отъ похвалы доброе качество растетъ и слава есть громадное поощреніе. А здѣсь кому прочесть мои сочиненія, нѣтъ никого кромѣ бѣлокурыхъ Кораллововъ и какія другія племена имѣетъ дикарь Истръ? Но что же я одинъ буду дѣлать? Въ какомъ занятіи буду проводить мое несчастное свободное время и сокращать день? Не занимаюсь я ни виномъ, ни обманчивою шашкою, а въ нихъ обыкновенно проводятъ украдкою молчаливое время. Да и меня — хотя я и желалъ бы того, если бы возможно было отъ незнающей жалости войны — не (занимаетъ) тѣшитъ обработкою ея обновленная (вспаханная вновь) земля. Что же остается кромѣ Піеридъ, холоднаго утѣшенія, богинь, которые мнѣ услужили плохо. А ты, который пьешь счастливый Аонійскій источникъ, люби занятіе, которое тебѣ приноситъ пользу, заслуженно чти священнодѣйствія Музъ и сюда пришли мнѣ прочитать какое-нибудь произведеніе недавнихъ трудовъ.

Посланіе 3-е, другу непостоянному.

Жаловаться ли мнѣ или молчать? Изложить вину не называя? Или пожелаю, чтобы всѣмъ было извѣстно — кто ты? Именемъ не воспользуюсь, чтобы самою жалобою не придать тебѣ извѣстности, и чтобы моимъ стихотвореніямъ не снискать тебѣ же славы. Пока корабль мой былъ крѣпокъ, твердо сдѣланнымъ килемъ, ты былъ первый, который хотѣлъ бы пуститься со мною въ путь; теперь, когда судьба свела лицо (поморщилась), удаляешься, когда знаешь, что нужна твоя помощь. Притворяешься и дѣлаешь видъ, будто ты меня и не зналъ, и услыхавъ мое имя— Назонъ—спрашиваешь, кто это такой? А я, хотя не желаешь слушать, тотъ, кто съ тобою, почти ребенокъ съ ребенкомъ, свя-

занъ былъ давнишнею дружбою; я тотъ, кто первый, кто обыкновенно узнавалъ и важное въ твоихъ дѣлахъ и всегда первый находился съ тобою въ пріятныхъ забавахъ, я—твой однокашникъ, домашній человѣкъ по частому обращенію; я—муза единственная по твоему сужденію, я—тотъ самый, о которомъ ты, вѣроломный теперь не знаешь — живъ ли я, о комъ спросить, не было тебѣ никакой заботы. Если я не былъ тебѣ никогда дорогъ, то ты сознаешься въ притворствѣ, а если ты не притворялся то оказываешься легкомысленнымъ. Скажи, скажи же пожалуйста какое либо раздраженіе, которое тебя могло измѣнить и дѣйствительно, если не справедлива твоя жалоба, то моя справедлива. Какое обстоятельство запрещаетъ тебѣ теперь быть похожимъ на прежняго? Или преступленіемъ называешь то, что я началъ быть несчастнымъ. Если ты мнѣ не подалъ никакой помощи ни вещами (предметами) ни дѣйствіями, пусть бы пришла хартія, намѣченная хотя бы тремя словами. Конечно съ трудомъ я вѣрю, но молва доноситъ слухъ, будто ты даже нападалъ на лежачего и не пощадилъ словами. Что дѣлаешь о безумный! Почему, если счастіе (измѣнитъ) удалится, то ты твое крушеніе лишаешь слезъ? Богиня эта не постояннымъ кругомъ сознается какъ она вѣтренна, и все самое высокое имѣетъ подъ колеблющеюся ногою; она вѣрна (тверда) менѣе листа, менѣе каждаго дуновенія вѣтерка; на нее походитъ только твое, безсовѣстный, непостоянство. Все человѣческое виситъ на тонкой нити, разомъ и нечаянно падаетъ то, что имѣло силу. Кто не слыхалъ о роскоши богатаго Креза? А онъ же взятый въ плѣнъ непріятелемъ, обязанъ былъ жизнью ему какъ даромъ. Тотъ, кто не задолго передъ тѣмъ былъ грозою города Сиракузъ, едва защищалъ себя отъ суроваго голода низкимъ искусствомъ. Что было больше великаго (Помпея)? А и тотъ бѣглецомъ просилъ покорнымъ (тихимъ) голосомъ своего кліента о помощи и тотъ же человѣкъ, которому повиновался весь кругъ земной, самъ во всемъ сдѣлался нуждающимся болѣе другихъ. Тотъ—славный тріумфомъ надъ Югуртою, и Кимврами, въ консульство котораго Римъ былъ столько разъ побѣдителемъ, въ грязи болота прятался Марій и въ болотномъ тростникѣ перенесъ многое постыдное для такого (столь великаго) человѣка. Могущество божеское тѣшится человѣческими дѣлами и настоящій часъ едва

имѣетъ полную вѣрность. Если бы кто мнѣ сказалъ: ты пойдешь къ Евксинскому берегу и будешь опасаться какъ бы тебя не поразилъ лукъ Гета. „Иди — отвѣтилъ бы я — пей очищающіе грудь соки, сколько ихъ рождается во всей Антицирѣ. Впрочемъ вынесъ же я это, да и если бы я могъ остеречься отъ смертныхъ, то не могъ бы остеречься отъ стрѣлъ верховнаго божества. Да и ты пожалуйста берегись и считай, что кажущееся теперь тебѣ веселымъ, пока говоришь, можетъ сдѣлаться печальнымъ.

Посланіе 4-е, Секту Помпею.

Нѣтъ ни одного дня до того влажнаго, южнымъ вѣтромъ нагнанными, облаками, чтобы лился дождь непрерывными потоками и ни одно мѣсто не до того безплодно, чтобы не было въ немъ какой-нибудь полезной травы, примѣшанной къ жесткому и колючему кустарнику. И тяжкая судьба сдѣлала не до того все бѣдственнымъ, чтобы какая-нибудь доля радости не уменьшила бѣду. Вотъ я, лишенный дома, отечества, глазъ, т. е. лицезрѣнія, моихъ, потерпѣвъ крушеніе, (загнанъ) брошенъ въ воды Гетскаго берега. Впрочемъ я могъ найдти и тамъ поводъ проясниться лицомъ и не вспомнить о моей судьбѣ. Такъ мнѣ, когда я прогуливался печальный по желтому песку, показалось, что сзади раздался шумъ перьевъ. Оглядываюсь, да и не было тѣло, которое я могъ бы видѣть, но такія слова схвачены моимъ слухомъ: вотъ я прихожу къ тебѣ вѣстницею веселыхъ обстоятельствъ, молва, пройдя по воздуху необъятное пространство пути. Консуломъ Помпеемъ, котораго другаго нѣтъ тебѣ дороже, блестящъ и счастливъ будетъ ближайшій годъ. Сказала, и какъ веселымъ звукомъ наполнила Понтъ, оттуда богиня направила путь къ другимъ народамъ, а у меня, котораго тяжелыя думы разошлись отъ новой радости, вышла изъ памяти несправедливая суровость этого мѣста. Такимъ образомъ когда, Янъ двуглавый, ты отворишь двери длинному году, и священнымъ мѣсяцемъ изгнанъ будетъ Декабрь, порфира высшей почести облечетъ Помпея для того чтобы онъ ничего не былъ въ долгу никакимъ титуломъ. Мнѣ кажется я уже вижу, какъ врывается толпа внутрь зданія и какъ, за неимѣніемъ мѣста, люди давятъ другъ друга. Сначала идешь ты въ храмы Тарпейскаго жилища, и боги дѣлаются снисходи-

тельными къ твоимъ обѣтамъ. Бѣлоснѣжные быки подставляютъ шеи вѣрному топору, быки, которыхъ Фалиская трава питала на своихъ поляхъ и какъ всѣ боги, такъ и тѣ, благосклонности которыхъ въ особенности ты желаешь, съ Юпитеромъ будетъ Цезарь. Приметъ тебя курія и сенаторы по обычаю созванные, напрягутъ свой слухъ къ твоимъ словамъ. Когда ихъ развеселитъ твой голосъ краснорѣчивыми устами и, какъ обыкновенно, день принесетъ благополучныя слова, выразишь ты высшимъ силамъ вмѣстѣ съ Цезаремъ заслуженную признательность, а онъ подастъ поводъ, чтобы тебѣ такъ часто дѣлать: оттуда отправишься ты въ домъ въ сопровожденіи всего сената, едва домъ сможетъ вмѣстить всѣхъ пришедшихъ тебѣ на поклонъ. О я несчастный, что меня не видно въ той толпѣ, и глаза мои не будутъ имѣть возможность наслаждаться этимъ! Хотя отсутствующаго, чѣмъ только могу—мыслью могу видѣть; она увидитъ лицо ея консула. Пусть сдѣлаютъ боги, чтобы когда нибудь пришло бы тебѣ на память и мое имя и скажешь: увы, что подѣлываетъ тотъ бѣднякъ! Если бы кто донесъ ко мнѣ эти твои слова, признаюсь, что тотчасъ же смягчится для меня моя ссылка.

Письмо 5-е, къ тому же Сексту Помпею, уже консулу.

Отправляйтесь, легкія элегіи, къ ученому слуху консула и несите слова, которые должно читать почтенному человѣку. Путь далекъ, да и идете вы неровными стопами; прикрытая зимнимъ снѣгомъ не виднѣется земля. Когда пройдете ледяную Ѳракію, покрытый облаками Гемонъ и воды Іонійскаго моря, и если не торопясь совершите путь, то менѣе чѣмъ на десятый день придете въ городъ, царицу міра. Немедленно по прибытіи, отправитесь вы въ домъ Помпеевъ; ни одного нѣтъ ближе къ Августовой площади. Если кто изъ народа спросилъ бы васъ — кто вы и откуда, то пусть услышитъ какія-нибудь вымышленныя имена. Хоть я полагаю, что не было бы опасности и сознаться, но во всякомъ случаѣ подъ вымышленнымъ именемъ меньше будете ощущать робости. Да, хотя никто и не запретитъ, но видѣть вамъ консула не легко будетъ, когда вы и достигнете его порога: онъ или будетъ править своими квиритами, оказывая имъ судъ и расправу, давя (своею) тяжестью своего тѣла высокое

кресло изъ слоновой кости, видное рѣзьбою, или доходы народные будетъ устроивать у поставленнаго копья (отдавать съ публичныхъ торговъ) и не допуститъ, чтобы уменьшались богатства великаго города; или когда сенаторы соберутся въ храмъ Юліевъ, будетъ толковать о предметахъ достойныхъ такого консула, или понесетъ обычное привѣтствіе Августу и его сыну и будетъ совѣтоваться объ обязанностяхъ, не совсѣмъ еще хорошо ему извѣстныхъ. Все свободное ото всего этого время унесетъ Германикъ; его чтитъ тотъ болѣе всего за великими богами. Но когда впрочемъ отдохнетъ отъ такой массы дѣлъ, къ вамъ протянетъ онъ свои снисходительныя (умилосердныя) руки и можетъ быть спроситъ, что дѣлаю я, вашъ родитель. Хотѣлъ бы я, чтобы вы передали ему такія слова: живетъ еще сознавая, что тебѣ одолженъ жизнью, которую прежде имѣетъ, какъ даръ милосерднаго Цезаря. Памятливыми имѣетъ онъ обычай устами излагать, что ты ему, когда онъ отправлялся въ ссылку, сдѣлалъ дороги въ дикомъ краю безопасными, и если онъ теплою своею кровью не напоилъ Бистонскій мечъ, то сдѣлалось заботою твоей груди. Кромѣ того присоединилъ ты много даровъ для поддержанія жизни, чтобы собственныхъ не разстроилъ онъ средствъ; а чтобы за эти заслуги отплатить должною благодарностью, клянется, что онъ на все время будетъ рабомъ твоимъ. Прежде горы лишатся тѣнистыхъ деревьевъ и на моряхъ не будетъ летящихъ парусами судовъ, рѣки, повернувшись, побѣгутъ назадъ къ своимъ источникамъ, чѣмъ можетъ изсякнуть признательность за твои заслуги. Высказавъ это—просите, чтобы онъ сохранилъ свои дары и такимъ образомъ вы изложите поводъ вашего странствованія.

Письмо 6-е, Бруту.

Письмо, которое ты, Брутъ, читаешь, идетъ изъ мѣстъ, въ которыхъ, чтобы находился Назонъ, ты бы не захотѣлъ. Но чего бы ты не захотѣлъ, пожелала бѣдственная судьба. Горе мнѣ—на сколько сильнѣе она твоихъ пожеланій! Въ Скиѳіи провелъ я уже пятилѣтнюю Олимпіаду, и время переходитъ въ другую; но настаиваетъ на своемъ упорная судьба и коварная, нашимъ обѣтамъ подставляетъ злонамѣренно ногу. Максимъ, слава Фабіева рода, ты рѣшился за меня говорить въ качествѣ проси-

теля божественному Августу, но погибъ прежде мольбы; я считаю, что я поводъ твоей, Максимъ, смерти, хоть далеко того не стоилъ. Теперь ужь я опасаюсь ввѣрить кому-нибудь мое спасеніе; твоею смертью пала самая помощь. Начиналъ Августъ прощать винѣ по заблужденію, но вмѣстѣ покинулъ надежду нашу и землю. Какое впрочемъ могъ о недавнемъ жителѣ неба, я, столь далеко находясь, далъ въ твои, Брутъ, уста стихотвореніе. О если бы эта набожность принесла мнѣ пользу, и пусть будетъ уже предѣлъ бѣдствій, и умѣреннѣе раздраженіе священнаго дома. Могу я вѣрно дать клятву, что о томъ же умоляешь и ты, Брутъ, извѣстный мнѣ несомнительнымъ образомъ мыслей (расположеніемъ). Ты мнѣ оказывалъ постоянно истинную любовь, а теперь она при несчастіи усилилась и тотъ, кто увидалъ бы одновременно твои и мои слезы, подумалъ бы, что наказаніе несутъ двое. Природа произвела тебя милостивымъ къ несчастнымъ, и никому кромѣ тебя не дала болѣе кроткаго расположенія духа, такъ что, кто не знаетъ сколько значишь ты въ схваткахъ форума, едва повѣритъ, чтобы уста твои могли уличать подсудимаго. Такимъ образомъ въ одномъ человѣкѣ соединено то, что повидимому борется одно съ другимъ—снисходительный къ молящимъ, къ виновнымъ ты строгъ и когда тебѣ приходится быть мстителемъ строгаго закона, то каждое слово имѣетъ такую силу, какъ бы оно пропитано было ядомъ. Пусть врагамъ достанется почувствовать — какъ ты силенъ въ оружіи и испытать остріе твоего языка; оно такъ тонко изощрено твоимъ стараніемъ, что всѣ стали бы отрицать, что таково расположеніе твоего тѣла. А если ты увидишь, что кого-нибудь обижаетъ несправедливая судьба, то нѣжнѣе тебя, духомъ не найдется ни одной женщины. Это я въ особенности почувствовалъ, когда большая часть моихъ отказалась отъ самого знакомства со мною. Непомня ихъ, васъ никогда не забываю, васъ, которые заботливо облегчали мои бѣдствія. И прежде, увы, мнѣ слишкомъ близкій Истръ отъ Евксинскаго моря обратитъ свое теченіе къ источникамъ, и какъ будто бы возвратятся времена Тіестеева пиршества, колесница солнца станетъ двигаться къ водамъ Эойскимъ (востока), какъ кто-нибудь изъ васъ, которые скорбѣли о моей утратѣ, уличитъ меня, что я неблагодарный, не помню о немъ.

Письмо 7-е, Весталису.

Такъ какъ ты, Весталисъ, посланъ къ Евксинскимъ водамъ, чтобы оказывать судъ и расправу въ мѣстахъ расположенныхъ подъ осью, теперь ты уже собственными глазами видишь—въ какомъ находимся краю и не будешь мнѣ свидѣтелемъ въ томъ, будто бы я имѣю обыкновеніе ложно жаловаться. Присоединится голосу моему черезъ тебя, молодой человѣкъ, происходящій отъ Альпійскихъ царей, не безплодное (пустое) довѣріе. Конечно, видишь ты самъ, какъ льдомъ покрываетъ Понтъ, самъ видишь, какъ твердымъ становится застывшее отъ холода вино. Самъ видишь, какъ суровый Погонщикъ воловъ Язигъ ведетъ по серединѣ водъ Истра, тяжело нагруженныя телѣги. И если бы эта часть была для тебя только предметомъ зрѣлища, а не знакома была бы тебѣ собственнымъ военнымъ трудомъ. Черезъ чащу опасностей стремитесь къ первымъ рядамъ (къ первой ротѣ), и недавняя почесть досталась тебѣ по заслугамъ. Пусть этотъ титулъ и громаденъ будетъ для тебя избыткомъ хорошимъ послѣдствій (собственно плодовъ), но самая твоя доблесть (добродѣтель) была больше обыкновенной. Не отрицаетъ этого Истръ, котораго воду когда-то твоя рука сдѣлала багровою отъ Гетской крови. Не отрицаетъ Эгипсосъ; съ твоимъ приходомъ, городъ этотъ взятый снова, понялъ, что нѣтъ никакой помощи въ свойствѣ мѣстности. Сомнительно, лучше ли положеніемъ или руками защищенъ былъ городъ, на вершинѣ горы равной высотою съ облаками. Дикій непріятель отнялъ его у царя Ситонія и побѣдителемъ имѣлъ отнятыя средства (имущества, достатка) пока Вителлій, высадивъ воиновъ, внесъ значки, спущенные по теченію рѣки, въ ряды Гетовъ. А тебѣ, храбрѣйшій потомокъ стариннаго Давна, пришелъ порывъ идти прямо на встрѣчу враговъ. И не медля, видный далеко блистающимъ оружіемъ, предусматриваешь, чтобы храбрые поступки не могли скрываться. Громадными шагами выступаешь ты противъ желѣза, мѣстности и камней болѣе многочисленныхъ, чѣмъ градъ въ зимнее время; тебя не задерживаетъ бросаемая сверху чаща дротиковъ, ни стрѣлы, влажныя отъ крови змѣй. Стрѣлы торчатъ въ шлемѣ, вмѣстѣ съ раскрашенными перьями и на щитѣ нѣтъ почти мѣста, которое не было бы тронуто (ранено). И тѣло уклонилось счастливо не отъ

всѣхъ ударовъ, но боль менѣе сильна, чѣмъ ретивая любовь къ похваламъ. Таковъ у Трои за корабли Данайскіе Аяксъ, какъ говорятъ, выдерживалъ Гекторовы факелы. Когда сошлись ближе и схватились правая рука съ правою и дѣло могло совершаться въ близи безжалостнымъ мечемъ, трудно сказать, что совершилъ твой Марсъ (твое военное дарованіе) тамъ, сколькихъ ты предалъ смерти, сколькихъ ты попиралъ ногами, мечемъ твоимъ сдѣланные груды и много Гетовъ находилось тогда подъ твоими ногами. Сражается по примѣру первой роты слѣдующая за ней по порядку; много ранъ получаетъ воинъ и много наноситъ. Но мужество твое на столько обходитъ впередъ всѣхъ, на сколько Пегазъ опережалъ быстрыхъ коней. Побѣжденъ Египсосъ и твои, Весталисъ, дѣйствія остались на все будущее время засвидѣтельствованы моимъ стихотвореніемъ.

Письмо 8-е, Суиллію.

Хоть поздно твое, образованный ученіемъ Суиллій, письмо твое пришло сюда, но во всякомъ случаѣ мнѣ пріятное. Въ немъ говоришь ты, что если только набожное чувство признательности будетъ имѣть силу смягчить высшія существа просьбою, то ты мнѣ принесешь помощь. Но если ты даже ничего не исполнишь и то я должникъ твой, за твое дружеское расположеніе и самое желаніе помочь называю заслугою, лишь бы твое побужденіе продолжалось на долгое время и пусть твое чувство усердія не утомится отъ моихъ бѣдствій. Нѣкоторое право даютъ связи родства, и молю пусть они останутся навсегда не ослабленными. Жена твоя почти мнѣ дочь, а та, которая тебя зятемъ, меня зоветъ мужемъ. Увы мнѣ, если ты прочитавъ эти стихи, сморщишь лицо и если тебѣ стыдно будетъ имѣть меня роднымъ. Но тутъ не найдешь ты ничего заслуживающаго стыдъ, кромѣ (судьбы) счастія, а оно въ отношеніи ко мнѣ было слѣпо; станешь ли ты доискиваться до рода, найдешь, что съ самаго начала рядомъ безчисленныхъ предковъ, мы были всадническаго сословія. Захочешь ли ты изслѣдовать, какова моя нравственная сторона, увидишь, что она, исключивъ заблужденіе (ошибку) несчастнаго чужда пятна. Только ты, если будешь надѣяться, что можешь чего либо достигнуть мольбою, голосомъ умиленія обратись къ

богамъ, тобою чтимымъ. Боги твои, это молодой Цезарь; умилостиви твои божества; конечно, извѣстнѣе этого жертвенника нѣтъ тебѣ никакого другаго. Не допуститъ онъ когда-либо, чтобы мольбы предстоящаго передъ нимъ оставались тщетными (пустыми); вотъ тутъ-то (съ этой-то стороны) ищи помощи моимъ дѣламъ. Пусть бы малѣйшее дуновеніе оттуда помогло бы намъ, затопленная лодка поднимется изъ середины водъ. Тогда я понесу ѳиміамъ, какой обыкновенно приносятъ всепожирающему пламени; я буду свидѣтелемъ на сколько имѣютъ силы божества. И не воздвигну я тебѣ, Германикъ, храма изъ Паросскаго мрамора, это паденіе подорвало мое состояніе. Пусть воздвигаютъ вамъ храмы счастливые дома и города; Назонъ будетъ признателенъ тѣмъ, чѣмъ богатъ—стихотвореніемъ. Сознаюсь, что я за большіе, несу малые дары, предлагая слова, за исполненіе моего спасенія. Но обильно (достаточно) признателенъ тотъ, который даетъ все, что имѣетъ наибольшаго и нѣжное чувство достигаетъ тутъ своего конца. И не менѣе передъ богами имѣетъ силы ладанъ, приносимый бѣднякомъ въ маленькой курительницѣ, какъ и принесенный на большомъ блюдѣ. И такъ же молочный (сосущій) еще ягненокъ какъ и жертва, вскормленная травою Фалисскою, одинаково, брошенныя наполняютъ собою Тарпейскіе (алтари) жертвенники. И впрочемъ ничто такъ не непріятно людямъ могущественнымъ, какъ услуги поэтовъ въ ихъ стихотвореніяхъ. Стихи распространяютъ славу вашихъ похвальныхъ дѣяній и дѣлаютъ то, чтобы не скоро приходяща была слава вашихъ подвиговъ. Стихами (добродѣтель) доблесть живуча бываетъ: чуждая гробницы, она становится извѣстна позднѣйшему потомству. Сокрушающая (ѣдкая) древность стираетъ желѣзо и камень, и ни одинъ предметъ не имѣетъ силъ больше времени (силами превышаетъ время). Написанное переноситъ года, изъ писаннаго узналъ ты Агамемнона и всѣхъ, кто противъ него или съ ними за одно носилъ оружіе. Кто зналъ бы Ѳивы и семь вождей безъ стихотворенія и что послѣ этого, что и прежде этого было? Да и боги, если только прилично сказать это, становятся стихотвореніями, и такое величіе нуждается въ устахъ поющаго. Такъ узнали мы, что хаосъ изъ той громады первоначально существующаго, будучи распредѣленъ, имѣетъ свои части; такъ узнаемъ, что гиганты, домогавшіеся царства на небѣ, отправлены

въ Стиксъ, принесеннымъ въ облакѣ огнемъ Карателя (метателя). Такъ побѣдитель Либеръ извлекъ похвалу отъ покоренія Индовъ, а Алкидесъ отъ взятія Эхаліи. И не давно, Цезарь, твоего дѣда, котораго доблесть присоединила къ звѣздамъ, до нѣкоторой доли освятили стихотворенія. Такъ, если что еще живаго остается въ моемъ дарованіи, пусть все служитъ тебѣ, Германикъ. Ты поэтъ не можешьпренебрегать услугою поэта; по твоему сужденію, дѣло это имѣетъ цѣну. Если бы тебѣ такое божество не призвало къ большему, то ты былъ бы высшею славою Піеридовъ не но давать намъ содержаніе стихотвореній, чѣмъ стихотворенія предпочитаешь и впрочемъ оставить ихъ вовсе, ты не можешь. И то войны ведешь, то слова втискиваешь въ размѣры и что для другихъ трудъ, для тебя будетъ игрою. И какъ не лѣнивъ Аполлонъ ни на гитару ни на лукъ, но священныя руки имѣютъ достаточно силы для того и другаго, такъ тебѣ не чужды ученыя искусства ни наука власти (государя); въ твоей душѣ Муза соединилась съ Юпитеромъ; а такъ какъ и меня не удалила она отъ той воды, которую вызвало въ углубленіи копыто Горгонскаго коня, пусть же она приноситъ пользу, подаетъ помощь—оберегать общую святыню и приложить руки къ однимъ и тѣмъ же занятіямъ; пусть я уйду наконецъ отъ береговъ слишкомъ подвластныхъ Кораламъ и отъ жестокихъ Гетовъ. Если несчастному заперто отечество, то пусть помѣщенъ я буду въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, но которое меньше отстояло бы отъ Авзонійскаго города, откуда имѣлъ бы я возможность прославлять твои недавнія (свѣжія) похвалы и великіе подвиги излагать какъ можно съ меньшимъ промедленіемъ. Чтобы этотъ обѣтъ тронулъ небесныя божества, то ты, дорогой Суиллій, моли за того, кто почти твой тесть.

Письмо 9-е, Грецину.

Откуда можно, а не откуда пріятно—это привѣтствіе посылаетъ тебѣ, Грецинъ, Назонъ отъ Евксинскихъ водъ. И пусть боги сдѣлаютъ, что бы оно пришло къ тому разсвѣту, который тебѣ первый дастъ два раза шесть пуковъ. И такъ какъ ты консуломъ безъ меня коснешься Капитолія и я не буду участникомъ твоей толпы (свиты), то пусть замѣнитъ (господина) хозяина и исполнитъ въ назначенный день мое письмо долгъ друга. И я

будь рожденъ при лучшей судьбѣ и если бы колесо мое (катилось) вертѣлось на здоровой (крѣпкой) оси, то языкъ мой исполнилъ бы тотъ же долгъ привѣтствія, который теперь рука моя исполняетъ на письмѣ. Поздравивъ, вмѣстѣ съ сладкими словами далъ бы я поцѣлуи и неменьше моя, какъ и твоя, была бы то почесть. Сознаюсь, что я такъ гордился бы тѣмъ днемъ, что едва домъ мой вмѣстилъ бы мою напыщенность. И между тѣмъ, какъ тебя опоясываетъ по сторонамъ толпа священнаго сената, меня всадника увидятъ, что я иду непосредственно впереди консула. И хотя сильно желалъ бы быть къ тебѣ ближе всѣхъ, радовался бы, что нѣтъ мнѣ мѣста рядомъ съ тобою. Не сталъ бы я жаловаться, хотя бы меня давила толпа, но было бы мнѣ тогда пріятно быть тѣснимымъ народомъ. Радуясь смотрѣлъ бы я впередъ, каковъ порядокъ хода и густая толпа сколь долгій должна совершить путь. И что бы яснѣе зналъ какія мелочныя подробности меня трогаютъ, я разсматривалъ бы, какая порфира тебя покрываетъ, разбиралъ бы я знаки, изображенные на курульномъ креслѣ и все скульптурное дѣло нумидскаго зуба (рѣзца). А когда отведенъ ты будешь на Тарпейскія высоты, между тѣмъ, какъ по твоему приказанію падетъ священная жертва, то и меня, въ тайнѣ ему приносящаго благодарность, услыхалъ бы великій богъ, который сидитъ въ серединѣ храма. Принесъ бы я ѳиміама полную скорѣе голову мою чѣмъ блюдо—втрое, вчетверо обрадованный почестью твоей власти (почетною данною тебѣ властью). Тамъ я считался бы въ числѣ наличныхъ друзей, если бы только болѣе милостивая судьба дала мнѣ право находиться въ городѣ. И какое только одно доступно теперь мнѣ наслажденіе мыслью, тогда могло бы совершиться и глазами. Не такъ показалось небожителямъ и, можетъ быть, по справедливости. Мыслью впрочемъ, а она одна не отправилась въ ссылку, съ того мѣста (изъ Рима) — буду пользоваться и увижу твое праздничное одѣяніе и твои пуки. Она увидитъ тебя, то оказывающимъ судъ и расправу населенію и вообразитъ, что она находится даже въ тайныхъ мѣстахъ; то увидитъ, какъ ты отдаешь съ торговъ доходы длиннаго пятилѣтія и все совершаешь съ точностью и вѣрностью; то, краснорѣчивый, произносишь слова въ серединѣ сената, имѣя предметомъ изслѣдовать, чего требуетъ общественная польза. То за Цезарей опредѣляешь высшимъ силамъ признательность и

поражаешь бѣлыя шеи упитанныхъ быковъ. И о если бы, когда ты изложилъ въ мольбахъ болѣе важное, сталъ бы просить, чтобы ко мнѣ умилостивилось раздраженіе божества. Подымется на этотъ голосъ (набожный) благочестивый огонь отъ полнаго (алтаря) жертвенника и свѣтло (ярко) блеснувъ къ верху, подастъ хорошее предвѣстіе обѣту (пожеланію). Между тѣмъ, въ какомъ отношеніи возможно — чтобы не все же жаловаться—и здѣсь я буду праздновать то время, когда ты дѣлаешься консуломъ. Другая будетъ причина радости, не уступающая первой—братъ наслѣдникъ столь великой почести. Правленіе для тебя, Грецинъ, оканчивающееся вмѣстѣ съ Декабремъ, тотъ приметъ въ день Яна и при томъ нѣжномъ чувствѣ, какое вы питаете другъ ко другу, вы поочередно будете чувствовать радость, ты пуками брата, а онъ твоими. Такъ ты два раза былъ консулъ, два раза и тотъ, и двойная въ домѣ усмотрѣна будетъ почесть, хотя она громадна и Марсовъ Римъ не видѣлъ еще никакой власти выше верховнаго консула; но важность виновника еще усугубляетъ эту почесть и данный предметъ имѣетъ за собою величіе дающаго. А потому пусть возможно будетъ и Флакку и тебѣ сужденіями такими пользоваться на все время Августа. Впрочемъ, когда вамъ будетъ время свободное отъ болѣе близкой заботы о дѣлахъ, то, молю, обѣты ваши присоедините къ моимъ и если только какое-нибудь дуновеніе станетъ наполнять парусъ, попустите веревки, чтобы мой корабль вышелъ изъ Стигійскихъ водъ. Грецинъ, еще недавно въ этихъ мѣстахъ начальствовалъ Флаккъ и подъ его правленіемъ безопасенъ былъ суровый берегъ Истра. Онъ держалъ Мизійскія племена въ вѣрномъ мирѣ; онъ мечемъ былъ грозенъ Гетамъ, надѣющимся на луки. Онъ взятый Тросмисъ быстро возвратилъ назадъ доблестью и окрасилъ Дунай кровью дикарей. Разсмотри видъ мѣстности и неудобства Скиѳскаго неба и спроси сколь близкій непріятель приводитъ меня въ ужасъ— намазаны ли печенью змѣи тонкія стрѣлы, не приносится ли омерзительною жертвою человѣческая голова? Лгу ли я или скрѣпляется, затвердѣвъ отъ холода, Понтъ и ледъ захватываетъ большое пространство (много десятинъ) моря. Когда онъ это разскажетъ, спроси и о томъ, какова молва обо мнѣ и какимъ образомъ провожу я тяжелое время. Меня здѣсь не ненавидятъ, да я и не заслужилъ того, и расположеніе духа моего не из-

мѣнилось съ судьбою. То спокойствіе духа, которое ты обыкновенно хвалилъ, та старинная стыдливость остаются на обычномъ лицѣ. Таковъ я и далеко отъ васъ, таковъ я здѣсь, гдѣ дикарь непріятель дѣлаетъ то, что суровое оружіе имѣетъ силы болѣе законовъ. Въ теченіи столькихъ лѣтъ ни женщина, ни мужчина, ни ребенокъ не могутъ ни въ чемъ на меня пожаловаться. Это условливаетъ то, что бѣдному благопріятствуютъ и помогаютъ Томиты, такъ какъ мнѣ приходится брать въ свидѣтели эту землю. Они именно потому что охотно видятъ, лучше предпочитаютъ, чтобы я удалился, а по отношенію къ себѣ сильно желаютъ, чтобы я оставался здѣсь. И ты мнѣ не повѣришь: есть общественные декреты, гдѣ на воскѣ (изображена) начертана мнѣ похвала и свобода ото всѣхъ повинностей. И хотя такая слава не соотвѣтствуетъ несчастнымъ и ближайшіе города не приносятъ намъ тотъ же даръ. И мое набожное чувство не безъизвѣстно: видитъ гостепріимная земля, что святыня Цезарева находится и въ нашемъ домѣ. Стоятъ рядомъ благочестивый сынъ, супруга жрица, божества уже не менѣе значущія сдѣлавшагося богомъ. И чтобы не отсутствовала никакая часть дому, стоитъ и тотъ и другой изъ внуковъ, этотъ самый близкій къ боку бабки, а тотъ отца. Имъ я приношу съ ѳиміамомъ слова мольбы каждый разъ, какъ только восходитъ день отъ края Востока. Вся, ну хоть изслѣдуй, Понтійская земля свидѣтельница моего усерднаго служенія. Обо мнѣ Понтійская земля знаетъ, что я— день рожденія Бога праздную играми, какими только могу на этомъ берегу и такое набожное чувство не менѣе извѣстно гостямъ, если какихъ длинная Пропонтида посылаетъ въ эти воды. Да и тотъ, подъ чьимъ начальствомъ былъ лѣвый (лежащій на лѣво) Понтъ, братъ твой, можетъ быть о томъ слышалъ. Состояніе не соотвѣтствуетъ расположенію ума, и я охотно такимъ приношеніемъ уменьшаю и безъ того небольшія средства. И это я, будучи вдали отъ города, непоказываю (на показъ дѣлаю) вашимъ глазамъ, но довольствуюсь молчаливою набожностью. И впрочемъ это когда-нибудь тронетъ слухъ Цезаря: отъ него не скрывается ничто изъ того, что происходитъ на всемъ земномъ кругѣ. Ты, причисленный къ божествамъ, Цезарь, конечно знаешь это и видишь, такъ какъ вся земля находится передъ твоими глазами. Ты, помѣщенный среди выпуклыхъ (находящихся на выпуклости

неба) созвѣздій, выслушай мольбы, которыя приносимъ озабоченными устами. Можетъ быть достигнутъ туда и тѣ стихотворенія, которыя я послалъ тебѣ, сочиненныя о новомъ небожителѣ. Догадываюсь (предчувствую), что они умилостивятъ твое божество и ты не незаслуженно имѣешь кроткое имя родителя.

Письмо 10-е, Альбиновану.

Вотъ уже шестое лѣто проходитъ для меня на Киммерійскомъ берегу, которое приходится проводить среди покрытыхъ кожами Гетовъ. Дрожайшій Альбинованъ, можешь ли ты сравнить мою крѣпость съ кремнемъ или желѣзомъ? Капля долбитъ камень; кольцо сглаживается (становится тоньше) отъ употребленія, и искривленный плугъ стирается вдавливаемый въ землю. Такимъ образомъ все пожирающее время все ли погубитъ кромѣ насъ? И смерть уступаетъ побѣжденная моею твердостью. Примѣръ духа слишкомъ терпѣливаго—Улиссъ, въ теченіи двухъ пятилѣтій перебрасываемый по (колеблющемуся) непостоянному морю. Впрочемъ не всѣ онъ перенесъ (времена) условія тревожной судьбы и часто были его остановки спокойны. Развѣ тяжело было въ теченіи шести лѣтъ ласкать красавицу Калипсо и лежать вмѣстѣ съ богинею моря? Принялъ его Гиппотадесъ (сынъ Гиппотаса), который даетъ вмѣсто даровъ вѣтры, чтобы полезное дуновеніе изогнуло паруса, пораженныя имъ; и не трудно слушать хорошо поющихъ дѣвушекъ и не горекъ былъ на вкусъ Лотосъ, который они отвѣдали. Эти я соки, которые заставляютъ забывать отечество, купилъ бы, если бы только мнѣ дали, долею моей жизни, да и городъ Лестригона никогда несравнилъ бы ты съ племенами, которыхъ Истръ обходитъ вкось водою. И Циклопъ не побѣдитъ звѣрствомъ жестокаго Фіака, а онъ сколь малая доля обыкновенно моей грозы (моихъ опасеній). И хоть у отрубленнаго паха Сциллы лаютъ злыя чудовища, но морякамъ еще болѣе вреда сдѣлали Геніохскія суда. И не можешь сравнить ты Харибду съ враждебными Ахейцами, хотя бы она три раза извергала воду, три раза ею же поглощенную. Хотя они свободнѣе блуждаютъ на правой сторонѣ, но не позволяютъ оставаться въ безопасности и этой стороны. Здѣсь поля безъ листьевъ, здѣсь дротики, омоченные въ ядъ, здѣсь зима открываетъ путь по морю

даже пѣшему, такъ что тамъ же, гдѣ недавно путь пролагало весло, поражая воды, путникъ идетъ сухой (по суху) пренебрегая кораблемъ. Тѣ, которые приходятъ оттуда, говорятъ, что вы едва этому вѣрите, какъ несчастенъ тотъ, кто переноситъ то, что суровѣе чѣмъ можно повѣрить (вѣроятія). Но повѣрь, во всякомъ случаѣ и не допустимъ тебя, не знать причинъ, почему суровая зима дѣлаетъ твердымъ Сарматское море. Ближайшія къ намъ — форму (видъ) телѣги представляющія созвѣздія, имѣющія въ особенности холодъ. Отсюда восходитъ Бореасъ; онъ этому берегу домашній и заимствуетъ силы отъ ближайшаго мѣста. А Нотъ, который теплотою вѣетъ съ противуположной оси, далеко и приходитъ рѣдкимъ и болѣе слабымъ. Присоедини, что здѣсь рѣки примѣшиваются къ замкнутому Понту, и море теряетъ много силы своей отъ рѣки. Сюда вливаются Ликъ, Сагарисъ, Пеніусъ, Гипанисъ, Кратесъ, изверченный частыми стремнинами Галисъ, стремительный Партеній, вращающій камни Цинапесъ впадаетъ и Тирасъ, который неуступаетъ никакой рѣкѣ въ быстротѣ теченія. И ты Термодонъ, извѣстный женской толпѣ *) и Фазисъ, къ которому нѣкогда стремились Греческіе (мужи) воители, Дираспесъ, отличающійся прозрачностью воды вмѣстѣ съ рѣкою Бористеномъ и Мелантъ, молчаливо совершающій тихій путь и та рѣка, которая отдѣляетъ двѣ земли—Азію и сестру Кадма и совершаетъ бѣгъ между обѣими. Несчетныя другія и самый большій изо всѣхъ ихъ Дунай отказывается уступить тебѣ, Нилъ. Такое множество прѣсной воды, приращая море, портитъ воду и не допускаетъ его волнамъ имѣть надлежащую силу. Это море похоже на озеро или стоячее болото, и цвѣтъ его разведенный едва походитъ на лазоревой. По верху моря плаваетъ прѣсная вода, такъ какъ она легче морской, которая имѣетъ особую, ей свойственную, тяжесть отъ примѣси соли. Еслибы кто спросилъ, зачѣмъ разсказываешь ты это пѣшему (т. е. тому, кто пѣшкомъ идетъ по замерзшему морю) и что пользы высказывать это въ извѣстныхъ (стихотворныхъ) размѣрахъ. Отвѣтилъ бы я: провожу время и забыться стараюсь отъ моихъ тяжелыхъ мыслей; такой плодъ приноситъ мнѣ настоящій часъ. Пока это пишу, забываю обычное горе и не чувствую, что я нахожусь въ средѣ

---

*) Амазонокъ.

Гетовъ. А ты, не сомнѣваюсь, когда въ стихахъ хвалишь Тезея, найдешь основаніе оправдать такое содержаніе. Ты подражаешь тому человѣку, котораго жизнь излагаешь; а тотъ во всякомъ случаѣ запрещаетъ—вѣрности быть товарищемъ спокойнаго времени. И хотя онъ громаденъ дѣяніями и изображенъ тобою такимъ, будучи воспѣтъ какими и надлежало устами. Впрочемъ есть въ немъ кое-что, чему и мы можемъ подражать и относительно вѣрности каждый можетъ быть Тезеемъ. Нѣтъ тебѣ враговъ усмирять желѣзомъ и палицею, враговъ, черезъ которыхъ едвали кому доступенъ (проходимъ) былъ Истмъ, но нужно оказывать любовь; дѣло не трудное желающему; а что за трудъ не нарушать чистой вѣры? Не подумай, чтобы я жалующимся языкомъ высказалъ это тебѣ, который неуклонно продолжаешь заступать друга.

Письмо 11-е, Галліону.

Галліонъ, неизвинительнымъ преступленіемъ было бы для меня если бы мои стихи не заключали въ себѣ твоего имени. Я припоминаю, что ты твоими слезами лелѣялъ рану, нанесенную небеснымъ копьемъ. И о еслибы огорченный потерею отнятого друга, не почувствовалъ бы ты ничего болѣе, на что бы тебѣ пришлось жаловаться. Не такъ заблагоразсудилась богамъ, и они жестокіе несочли нечестивымъ лишить тебя стыдливой супруги. Съ совѣстью объ этой горестной потерѣ недавно пришло ко мнѣ письмо и твоя утрата прочитана мною со слезами. Но ни благоразумнаго утѣшать я болѣе глупый не дерзнулъ бы, и повторить тебѣ извѣстныя слова людей ученыхъ (опытныхъ) и полагаю, что твое горе уже давно окончилось если не отъ убѣжденій, то отъ самой продолжительности времени. Пока твое письмо пришло, пока мое, отправляясь туда въ отвѣтъ, перейдетъ столько морей и земель—истечетъ годъ. Высказывать утѣшенія есть обязанность извѣстнаго времени; пока скорбь въ ходу, страждущій ею нуждается въ помощи. А когда много дней уже успокоило раны разсудка, кто не своевременно касается ихъ, обновляетъ. Присоедини, что и пусть тебѣ правдивымъ прійдетъ это извѣстіе—уже можешь быть счастливъ ты новымъ супружествомъ.

Письмо 12-е, Тутикану.

Если ты, другъ, не помѣщенъ въ моихъ (сочиненіяхъ) книжонкахъ, то это условлено твоимъ именемъ. А я другаго не прежде удостоилъ бы этой почести, если только мое стихотвореніе есть только какая либо почесть. Законы стопы и условіе имени препятствуютъ и нѣтъ какого пути, какимъ бы тебѣ войдти въ мои размѣры. Стыдно раздѣлить имя на два стиха такъ, чтобы начало было въ одномъ (меньшемъ) а конецъ въ другомъ. И стыдно было бы, если бы я, сокративъ то, гдѣ замедляется слогъ, назвалъ бы Тутиканомъ, да и не можешь ты войдти въ стихъ, какъ Тутиканъ, чтобы первый слогъ сдѣлался изъ длиннаго короткимъ, или протянулся, который теперь выходитъ сокращеннѣе и пусть будетъ протяженъ долгимъ замедленіемъ второй. Такими поврежденіями если бы я дерзнулъ испортить имя, насмѣялись бы надо мною и сказали бы, что въ правду я не имѣю сердца. Вотъ это то былъ поводъ къ тому, что я отлагалъ такое приношеніе, и пусть теперь воздастъ его мое поле съ присоединеніемъ избытка (барыша) и буду тебя пѣть, какими бы то ни было замѣтками: тебѣ пошлю стихотвореніе, ты который почти ребенкомъ сталъ мнѣ знакомъ ребенку и въ теченіи ряда столькихъ годовъ, сколько имѣемъ мы тотъ и другой, ты мною любимъ былъ не менѣе какъ братъ братомъ. Ты—добрымъ совѣтникомъ, ты руководителемъ и товарищемъ былъ, когда новою (непривычною) уздечкою правилъ я нѣжною рукою. Часто я по твоему указанію исправлялъ мои книжки, часто по моему внушенію и ты у себя дѣлалъ поправки, когда тебя твои Піериды наставили (написать) Феакиду достойную найдти себѣ мѣсто въ бумагахъ (сочиненіяхъ) Меонійскаго пѣвца. Такія отношенія, такое согласіе, начавшееся въ (зеленой) ранней молодости, неизмѣнясь пришло и къ сѣдѣющимъ волосамъ. И если все это тебя не трогаетъ, то я подумаю, что сердце твое заковано твердымъ желѣзомъ или непобѣдимою сталью. Но прежде чужды будутъ и война и стужа землѣ этой, а ими двумя богатъ ненавистный мнѣ Понтъ, Борей будетъ теплымъ, а Австръ, Южный вѣтеръ, прехолоднымъ, и скорѣе смягчиться можетъ судьба моя, чѣмъ сердце твое останется нечувствительнымъ къ павшему товарищу. Пусть же не будетъ, да и нѣтъ

его—этого довершенія моихъ бѣдствій. Только ты черезъ высшія существа, изъ коихъ тотъ вѣрнѣе всѣхъ, подъ чьимъ правленіемъ постоянно росла твоя почесть. Соверши, постояннымъ расположеніемъ защищая ссыльнаго, чтобы то дуновеніе, какого я надѣюсь, не оставило моего судна. Ты спросишь: что же я поручу? Пусть я погибну, если только могу высказать, и если можетъ еще погибнуть тотъ, кто уже и такъ погибъ. Не нахожу я что дѣлать и чего хотѣть и не хотѣть, и моя же польза мнѣ недостаточно извѣстна. Повѣрь мнѣ — несчастныхъ оставляетъ прежде всего благоразуміе, и вмѣстѣ съ сущностью дѣла ускользаютъ и смыслъ, и разсужденіе. Самъ, молю, изслѣдуй, въ какомъ отношеніи можешь ты мнѣ помочь, и какимъ бродомъ совершишь ты путь къ моимъ обѣтамъ.

Письмо 13-е, Кару.

О ты, Каръ, о которомъ мнѣ приходится упоминать въ числѣ пріятелей, вѣрность которыхъ внѣ сомнѣнія, ты который основательно и носишь имя *Кара* (дорогаго), здраствуй. Откуда тебѣ это привѣтствіе, этотъ (оттѣнокъ) цвѣтъ уже самый тебѣ указатель и составъ моего стихотворенія. Не потому, чтобы онъ былъ какой нибудь особенный, но и не обще-употребительный; впрочемъ какой бы онъ ни былъ, нескрывается что мой. И ты съ своей стороны хоть бы сорвалъ надпись съ заголовка сочиненія, во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, могъ бы я сказать, что это мое сочиненіе, какъ бы въ числѣ многихъ другихъ книгъ ни лежали твои сочиненія, нашелъ бы я тебя по замѣченнымъ примѣтамъ. Выдаютъ сочинителя силы, а о нихъ мы знаемъ, что они достойны Геркулеса и равны тому кого поешь. И моя муза можетъ высказать себя собственнымъ цвѣтомъ, и даже быть примѣтною своими недостатками. Самое безобразіе недавало скрываться Терзиту, а Нерей былъ всѣмъ замѣтенъ красивою наружностью. И не слѣдуетъ тебѣ удивляться, если полны недостатковъ стихи, которые сочиняю я поэтъ почти Гетъ. Ахъ, стыдно (и сказать) я написалъ книжку Гетскимъ языкомъ, слова дикарей устроены въ наши размѣры. И понравился я—поздравь меня — и началъ я носить имя поэта и среди безчеловѣчныхъ Гетовъ. Спросишь о содержаніи? Похвалы Цезарю высказалъ и

и моей неопытности помогло благосклонное божество. Я внушалъ тамъ, что тѣло Августа было смертнымъ, а божество отправилось въ эѳирныя жилища, что равенъ доблестью отцу тотъ, кто вынужденный принялъ бразды правленія, отъ котораго не разъ отказывался, что ты, Ливія, Веста полныхъ стыдливости матерей и трудно рѣшить кого она достойнѣе—сына или мужа. Есть два молодыхъ человѣка, твердыя опоры родителя; они обнаружили вѣрные задатки своихъ способностей. Когда я прочелъ это сочиненіе, писанное не отечественной Каменою, и пальцы мои коснулись до конца бумаги, всѣ задвигали и головами и полными колчанами и долгій ропотъ былъ въ устахъ Гетовъ. Кто-то изъ нихъ сказалъ: „такъ ты пишешь это о Цезарѣ, слѣдовало бы тебя возвратить подъ власть Цезарей.“ Онъ хотя и сказалъ, но меня уже, Каръ, шестая зима видитъ сосланнымъ подъ снѣжную ось. Никакой пользы не приносятъ стихи, когда то стихи повредили и были первымъ поводомъ къ столь бѣдственной ссылкѣ. А ты общимъ союзомъ священнаго занятія, не пренебреженнымъ тобою именемъ дружбы — тогда Германикъ пусть врагомъ взятымъ въ цѣпяхъ доставитъ матеріалъ вашему воображенію; подъ этимъ условіемъ пусть будутъ здоровы дѣти, общій обѣтъ боговъ, дѣти, которыхъ воспитаніе что тебѣ ввѣрено, составляетъ великую похвалу. — Насколько можешь доставь возможность къ моему спасенію, а оно невозможно безъ перемѣны мѣста.

Письмо 14-е, Тутикану:

Это посылается тебѣ, относительно котораго я недавно жаловался въ стихахъ, что ты имѣешь имя, которое не укладывается въ мои размѣры (собственно: негодное для моихъ размѣровъ). Въ нихъ за исключеніемъ того, что я до сихъ поръ кое какъ здоровъ, не найдешь ты кромѣ того ничего, чтобы тебѣ понравилось. Самое здоровье мнѣ ненавистно и послѣдніе обѣты—куда нибудь удалиться изъ этихъ мѣстъ. Нѣтъ мнѣ никакой заботы, кромѣ какъ нибудь перемѣнить эту землю и этой, какую вижу, всякая будетъ пріятнѣе. Пошлите паруса мои въ середину Сиртовъ, въ середину Харибдисъ, лишь бы только я могъ отрѣшиться отъ теперешней почвы. Самый Стиксъ, если только онъ есть, хорошо бы можно смѣнять на Истръ и если еще что ни-

будь хуже Стикса имѣетъ міръ. Не такъ ненавистны воздѣланному полю—бурьянъ, ласточкѣ—холодъ—какъ Назону мѣста ближайшія къ почитателямъ Марса-Гетамъ. За такія слова сердятся на меня Томиты и общественное раздраженіе вызвано моими стихами. И такъ я никогда не перестану терпѣть оскорбленія за мои стихотворенія? И постоянно буду платиться за мой неосторожный даръ слова? Зачѣмъ медлю я надрѣзать пальцы, чтобы не писать, и до сихъ поръ безумный слѣдую за оружіемъ, которое повредило? Къ стариннымъ скаламъ снова обращаюсь, къ тѣмъ водамъ, въ которыхъ пострадало потерпѣвшее крушеніе судно, но я ничего дурнаго не сдѣлалъ. Нѣтъ ни какой моей вины жители Томъ; возненавидѣвъ ваши мѣста, васъ я люблю. Кто бы ни сталъ разсматривать памятники моего труда (моихъ страданій), въ писанномъ мною не содержится никакой на васъ жалобы. Я жалуюсь на стужу, на набѣги, которыхъ нужно опасаться со всѣхъ сторонъ, и на то, что въ стѣны стучиться непріятель. Высказалъ самыя справедливыя объясненія на мѣста, а не на людей; вы и сами винили не разъ вашу почву. Муза земледѣльца старца осмѣлилась высказать—на сколько онъ долженъ постоянно избѣгать своей Аскры [1]). А между тѣмъ тотъ, кто писалъ, самъ родился въ той землѣ и все же Аскра не сердилась на своего поэта. Кто больше Улисса любилъ усердно отечество? А впрочемъ изъ его же собственнаго описанія извѣстна суровость мѣстности [2]) Не мѣстность, но Авзонійскіе нравы горькими поносилъ словами Скепсій и Римъ у него былъ обвиненнымъ. Впрочемъ ложныя обвиненія перенесъ онъ равнодушно и автору не былъ во вредъ его грубый языкъ. Но плохой истолкователь вызываетъ раздраженіе населенія и призываетъ мои стихи къ новому обвиненію! О если бы я былъ столько же счастливъ, сколько чистъ сердцемъ. Нѣтъ до сихъ поръ никого, кто былъ бы оскорбленъ моими устами. Присоедини, что и будь я чернѣе Иллирійской смолы, не приходилось бы мнѣ кусать толпу вѣрную мнѣ. Ласково вами, Томиты, принятъ мой жребій; такая доброта показываетъ дѣйствительно, что они люди грече-

---

[1]) Тутъ говориться о Гезіодѣ, сочинителѣ поэмы: „труды и дни“, уроженцѣ города Аскры въ Беотіи.

[2]) Итаки, отечества и владѣнія Улиссова.

скаго происхожденія. Мое племя Пелигны, домашняя сторона Сульмо — немогли бы оказать болѣе участія къ моимъ бѣдствіямъ. Почесть, какую едвали бы вы дали кому нибудь невредимому и благополучному, та дана вами недавно мнѣ. До сихъ поръ на вашихъ берегахъ освобожденъ ото всѣхъ повинностей и тяжестей одинъ я кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ это по дару закона. Виски мои прикрыты посвященнымъ вѣнкомъ, который надѣла на меня противъ воли благосклонность общества. Итакъ сколько Латонѣ пріятна Делосская земля, которая одна дала безопасное мѣсто блуждающей, настолько дороги мнѣ Томы; мнѣ, сосланному изъ мѣста жительства отцовъ моихъ, до этого времени городъ остается для меня вѣрнымъ (гостепріимнымъ) хозяиномъ; пусть бы только сдѣлали боги, чтобы этотъ городъ могъ имѣть надежду тихаго мира и далѣе бы находился отъ ледяной оси (отъ полюса).

Письмо 15-е, Сексту Помпею.

Если только есть еще гдѣ нибудь не забывшій меня и тотъ спросилъ бы—что дѣлаетъ сосланный Назонъ?—Пусть знаетъ, что Цезарямъ одолженъ я жизнью, а Сексту—безопасностью: послѣ боговъ онъ для меня первый. И дѣйствительно какъ ни окину я взоромъ все время этой жалкой жизни, ни одна ея часть не освобождена отъ заслугъ его. Числомъ они таковы, сколько въ саду плодоносной почвы подъ тягучею корою находится красныхъ зеренъ, сколько Африка—жатвъ, Тмолійская земля—виноградниковъ, Сикіонъ—маслинъ, Гибла производитъ сотовъ. Признаюсь, хоть сошлись на меня. Замѣтьте Квириты; никакой нѣтъ надобности въ силѣ законовъ—я самъ говорю. И меня, малозначительный предметъ, помѣсти въ отеческомъ достояніи; я составляю хотя малѣйшую долю твоего имущества. Какъ твои Тринакрія и земля, которою правилъ Филиппъ, какъ твой домъ, который тянется до Августова форума, какъ твоя Кампанія—помѣстье, пріятное глазамъ хозяина, какъ все твое, что имѣешь тебѣ оставленнаго или купленнаго, также точно и я твой и, благодаря тому не можешь сказать, чтобы въ печальномъ Понтѣ ничего твоего не было. И о еслибы возможно было и привѣтливѣе почва дарована была бы, и то, что принадлежитъ тебѣ,

помѣстилъ бы ты въ лучшее мѣсто. А такъ какъ это отъ боговъ зависитъ, то попытайся смягчить мольбою божества, которыя ты чтишь постоянною (неутомимою) набожностью. Трудно различить — болѣе ли ты доказательство моего заблужденія или помощь. И не сомнѣваясь молю: но часто и по теченію рѣки веслами увеличиваютъ быстроту несущейся воды. И стыдно и опасаюсь постоянно объ одномъ и томъ же молить, какъ бы и въ правду не наскучить твоему духу. Но что же мнѣ дѣлать? Страсть есть предметъ, не знающій умѣренности. Снисходительный другъ, дай же прощеніе моему недостатку. Часто желая писать другое, схожу на то же; сами письмена мои просятся на то же мѣсто. Но осуществится ли ожидаемая милость или мнѣ незнающая жалости Парка велитъ умереть подъ ледянымъ полюсомъ, постоянно незнающею забвенія мыслью, буду (повторять) припоминать твои дары и моя земля услышитъ, что я твой. Услышитъ и та, которая находится подъ тѣмъ небомъ, если только моя Муза пройдетъ (минуетъ) суровыхъ Гетовъ, кто ты причина и сохранитель моей безопасности, и что я твой болѣе чѣмъ вѣсомъ и мѣдью (чѣмъ я купленъ былъ бы на вѣсъ денегъ).

Письмо 16-е, къ завистнику.

Завистникъ, зачѣмъ терзаешь стихи похищеннаго Назона? Послѣдній день обыкновенно не вредитъ талантамъ и послѣ праха наступаетъ большая извѣстность, а мнѣ уже и тогда было имя, когда я былъ причисляемъ къ живымъ, между тѣмъ какъ были и Марсъ [1]), Рабирій—волшебный устами, Макръ Илійскій [2]), звѣздный (блистательный) Педо [3]), Каръ [4]), который затронулъ бы (оскорбилъ бы) Юнону въ Геркулесѣ не будь ужъ тотъ зятемъ Юноны, Северъ, который далъ Лаціуму царственное стихотвореніе [5]) тотъ и другой Прискъ съ остроумнымъ Нумою [6]), Мон-

---

[1]) *Марсъ* Домицій былъ однимъ изъ знаменитыхъ поэтовъ времени Августова, какъ думаютъ, эпическихъ.

[2]) *Емилій Мацеръ* писалъ о Троянской войнѣ.

[3]) Педону Альбиновану Овидій писалъ письмо, помѣщенное 10-мъ въ 4-й книгѣ.

[4]) *Каръ*—къ нему Овидій написалъ письмо 13-е этой книги. Каръ сочинилъ Геракленду, поэму въ честь Геркулеса.

[5]) Carmen regale—въ тѣсномъ смыслѣ о трагедіяхъ, содержаніе которыхъ дѣянія царей.

[6]) Три поэта неизвѣстныхъ.

танъ [1]), котораго хватаетъ и на неровные размѣры и на ровные и двойнымъ стихотвореніемъ имѣешь имя и Сабинъ, который заставилъ скитавшагося въ теченіи двухпятилѣтій по суровымъ морямъ Улисса отвѣчать письмами Пенелопѣ, и скоро застигнутый смертью покинулъ свою Трезену и не довершенное сочиненіе дней; Ларгъ (обильный) получившій названіе отъ плодовитости своего таланта, онъ, который Фригійскаго старика [2]) повелъ въ Галльскія поля — Камеринъ, который воспѣлъ Трою, усмиренную Геркулесомъ и Тускъ [3]), имѣющій извѣстность его Филлидою, поэтъ усѣяннаго парусами моря тотъ, о которомъ ты могъ бы повѣрить, что стихи ему сочинили лазоревые боги и тотъ, кто описалъ Либійскія сраженія и Римскія битвы и Марій, ловкій писатель во всѣхъ родахъ, Тринакріецъ—авторъ его Персеиды и Лупъ, авторъ возвращенія Танталовой дочери и Тиндарида и тотъ, кто переложилъ Меонійскую Феакиду, и ты, Руфъ, одна изъ струнъ Пиндаровой лиры, Муза Туррана, опирающагося на трагическихъ котурнахъ и твоя, Мелиссъ, муза легенькая въ туфелькахъ. Между тѣмъ какъ Варъ и Гракхъ влагали суровыя слова тираннамъ, Каллимаха Прокулъ шелъ (мягкимъ) пріятнымъ путемъ и былъ Титиръ, который велъ стадо пастись по старинной травѣ, и Грацій давалъ охотнику приспособленное оружіе, Фонтанъ пѣлъ Наидъ любимыхъ Сатирами, Капелла замыкалъ слова не равными размѣрами. И между тѣмъ какъ были другіе, всѣ имена которыхъ мнѣ приводить нужно было бы много времени, а стихотворенія ихъ въ рукахъ народа. Нашлись бы и молодые люди, которыхъ труды такъ какъ не изданы, то я не имѣю никакого права называть ихъ. Впрочемъ въ этой толпѣ не дерзнулъ бы я умолчать о тебѣ, Котта, свѣтъ Піеридъ и опора форума, онъ — кому величайшее благородство двойное придали со стороны матери предками Котты, а со стороны отца Мессалы. Если только высказать прилично моя Муза съ знаменитымъ именемъ и была въ числѣ столь многихъ изъ тѣхъ, которыя читались. А потому-то зависть, перестань терзать удаленнаго изъ отечества и, кровожадная, не развѣвай моего праха. Все я утра-

---

[1]) Юлій Монтанъ—поэтъ и пріятель Тиберія.

[2]) Антенора, прибывшаго въ Италію по взятіи Трои и основавшаго Падую.

[3]) Тускъ—о немъ ничего неизвѣстно, а нѣкоторые даже читаютъ *Фускъ*.

лилъ; одна лишь только жизнь осталась доставить сознаніе (чувство) и пищу (содержаніе) бѣдствіемъ. Что пользы (толку) вонзить желѣзо въ безжизненные члены? Относительно меня новый ударъ уже не имѣетъ себѣ мѣста.

Утѣшеніе Ливіи Августѣ, въ смерти Друза Нерона, ея сына.

Ты, которая долго казалось счастливою, которую недавно называли матерью Нероновъ, уже отсутствуетъ тебѣ половина этого наименованія. Уже читаешь, Ливія, о Друзѣ полное жалости стихотвореніе; уже одного только имѣешь, который скажетъ тебѣ: мать. Уже твое чувство любви родительской не будетъ простираться на двоихъ и когда назовутъ сына, не спросишь который? И осмѣлится кто нибудь высказать тебѣ законы (условія) оплакиванія? И кто нибудь сможетъ своимъ голосомъ сдержать твои слезы? Увы мнѣ! Какъ легко, хотя это случается со всѣми, въ горѣ другаго высказывать слова твердости. Конечно поражена ты небольшимъ ударомъ молніи (тверже), крѣпче самимъ горемъ твоимъ. Палъ молодой человѣкъ, достоуважаемый примѣръ нравственности, онъ — величайшій въ оружіи, величайшій въ тогѣ. Онъ только что отнялъ у враговъ Альпы, полные закоулковъ (скрытныхъ мѣстъ) и принесъ славное названіе войною вмѣстѣ съ вождемъ братомъ. Онъ поразилъ ретивое племя Свевовъ и неукротимыхъ Сигамбровъ и обратилъ въ бѣгство дикарей. Онъ заслужилъ неизвѣстный тебѣ, Римлянинъ, тріумфъ и на новыя земли распространилъ владычество. Исполнить обѣты Юпитеру, не зная о твоей судьбѣ, исполнить обѣты носящей оружіе богинѣ и отца Градива — готовилась ты наполнить дарами всѣхъ боговъ какихъ справедливо и набожно чтить; материнскою мыслью уже представляла ты себѣ священные тріумфы: можетъ быть уже тебѣ забота была о колесницѣ. Пришлось тебѣ весть похоронную процессію вмѣсто священныхъ тріумфовъ, и могила имѣетъ Друза вмѣсто высотъ Юпитера. Ты его представляла себѣ возвратившимся; ты въ мысляхъ радовалась заранѣе и уже побѣдителемъ былъ онъ передъ твоими глазами. Уже прійдетъ; уже толпа увидитъ меня поздравляющею съ возвращеніемъ; уже нужно мнѣ несть дары за моего Друза. Выйду я впередъ на встрѣчу и

счастливою буду называться по городамъ; къ шеѣ и глазамъ его прикоснусь этими устами. Таковъ онъ будетъ; такъ встрѣтитъ, такъ сольется поцѣлуемъ; это мнѣ разскажетъ, такъ первая сама стану говорить. Тщетною ласкаешь ты себя радостью; жалости достойная въ высшей степени, отложи ложную надежду; перестань веселое припоминать о твоемъ Друзѣ. Это дѣло Цезаря, другая часть вашего обѣта, пало; распусти, Ливія, не заслужившіе того волосы. Какую теперь приносятъ тебѣ пользу добрые нравы и то, что ты стыдливо провела всю жизнь, то, что ты понравилась такому мужу? И что въ стыдливости, не нарушенной среди столькихъ благъ, если она остается послѣднею среди твоихъ похвалъ? Что пользы сохранить духъ правымъ, вопреки своего вѣка, и голову поднять выше пороковъ? Имѣть (случай) возможность вредить и никому не повредить? И то, что никто не боялся твоей силы? Не блуждали по полю и форуму твои силы, онѣ оставались внѣ какого бы то ни было дома (не нарушали спокойствія никакого частнаго дома). Вѣдь этими самыми нравами царствуетъ, обида Фортуны (богини счастія) и тутъ она упирается въ невѣрное колесо. И тутъ она даетъ себя знать, свирѣпствуетъ, чтобы ничего, безсовѣстная, не оставить въ покоѣ. Разумѣется, еслибы одна Ливія была чужда плача, то меньше было бы господство Фортуны (счастія). Какъ, еслибы она вела себя не такъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы ея блага не были предметомъ зависти? Присоедини домъ Цезаря и онъ конечно чуждый похоронъ, долженствовалъ быть выше человѣческихъ бѣдствій. Онъ стражъ, онъ священный, помѣщенный на верху крѣпости (Капитолія) достоинъ былъ на дѣла людей взирать съ безопаснаго мѣста, не быть оплакиваемымъ своими и никого не оплакивать своихъ и не терпѣть самъ того же, что терпимъ мы обыкновенные люди. Видимъ печальнаго вслѣдствіе потери потомства сестры; общественный былъ плачъ тогда какъ теперь о Друзѣ. Скрылъ Агриппу въ ту же могилу, въ какую тебя Марцеллъ, и то мѣсто приняло обоихъ зятьевъ. Едва положенъ Агриппа и хорошенько закрыта дверь могилы, вотъ сама сестра потребовала долга похоронъ. Вотъ послѣ трехъ данныхъ (принесенныхъ) похоронъ Друзъ, ближайшая по времени потеря, четвертый получаетъ отъ великаго Цезаря слезы. Заприте уже Парки слишкомъ часто отворенные гроба, заприте; болѣе над-

лежащаго уже просторенъ этотъ домъ. Удаляется Друзъ и вотще высятся твои прозванія. Пусть же будетъ это сущность твоей послѣдней жалобы на судьбу. Горе это можетъ наполнить даже цѣлые вѣка и дать мѣсто великому плачу. Въ тебѣ много утраченныхъ, да и ты былъ не одинъ, кому достались такое множество благъ, и вся эта доблесть. Ни одна изъ матерей не была плодовитѣе твоей родительницы, которая одна, родивъ два раза, произвела столько благъ. Увы! Гдѣ теперь эта пара, равная столькими добродѣтелями? Единодушное нѣжное чувство и любовь внѣ сомнѣнія. Мы видѣли Нерона пораженнаго смертью брата плачущаго, и по блѣдному лицу разбросаны были въ безпорядкѣ, самъ на себя не походилъ онъ, на лицѣ выражалась печаль; увы мнѣ! какое горе высказывалось во всей его наружности. Ты впрочемъ и въ послѣднее время видѣлъ умиравшаго брата; видѣлъ и онъ твои слезы, умирая чувствовалъ какъ твоя грудь прижималась къ его и держалъ глаза, устремленные на твое лицо, лазоревые глаза, въ которыхъ уже отражалась смерть, глаза, которые скоро должна была закрыть братнина рука; а достойная жалости родительница даже не давала послѣднихъ поцѣлуевъ, и не могла трепещущею грудью отогрѣвать холодные члены. Не приняла она убѣгавшей души приложеннымъ открытымъ ртомъ и не влекла по твоимъ членамъ отрѣзанныхъ волосъ; похищенъ ты, Друзъ, между тѣмъ какъ тебя задерживали незнающія жалости войны, болѣе полезный отсутствующему отечеству, чѣмъ тебѣ самому. Разливается слезами, подобно тому, какъ съ теплою волною таетъ нѣжный снѣгъ, поражаемый зефирами и солнечными лучами, жалѣетъ о тебѣ, винитъ бѣдственный случай и съ горькою насмѣшкою винитъ свои годы, какъ слишкомъ продолжительные. Такою-то, въ тѣнистыхъ лѣсахъ теперь-то наконецъ сдѣлавшись смирною, Давлійская птица оплакиваетъ Ѳракійскаго Итиса. Такими жалобами Гальціоны по полнымъ вѣтровъ морямъ тонкимъ голосомъ звучатъ у глухихъ водъ; такъ поражая покрытую перьями грудь новыми крыльями, вы, вдругъ сдѣлавшись птицами, воспѣли Энидеса. Такъ плакала Климене, такъ и ея дочери, когда молодой человѣкъ упалъ пораженный съ отцовскихъ коней. Иногда слезы сдерживаетъ, терпитъ и глазъ съ твердостью гонитъ ихъ внутрь повисшія. Вырываются и снова ложатся тяжело на грудь, ниспадая обиль-

ными ручьями по щекамъ. Сдержаніе плача только увеличило его силы; полнѣе течетъ вода, если она задержана хоть малою остановкою. Наконецъ, когда отъ слезъ было возможно, такъ начала она горькая и всхлыпыванія прерывали слова на половинѣ: „сынъ, недолговѣчный плодъ, другая доля двойныхъ родовъ, слова твоей довершенной матери, гдѣ ты? Но уже не двойныхъ и уже не другая доля родовъ, слава довершенной и теперь еще матери, гдѣ ты? Увы! Несутъ тебя въ могилу и къ огню. Такіе-то дары нужно было готовить къ твоему возвращенію. Такъ ли ты заслуживалъ попасться на встрѣчу глазамъ матери? Такъ видѣть тебя возвратившимся достойна я была? Цезаря женѣ, если только прилично произносить такія слова, уже сомнѣваюсь—считать ли мнѣ, что существуютъ великіе боги. И дѣйствительно—что же я себѣ позволила? Какія высшія существа и божества могли быть недостаточно почтены моимъ обожаніемъ? Такая-то честь за набожность? Члены обнимаю бездыханные; огонь костра пожираетъ эти самыя внутренности. Я, преступная, вынесу ли видѣть тебя положеннымъ, могутъ ли тебя, сынъ, мои помазать руки. Теперь я тебя, несчастная, послѣдній разъ обнимаю и вижу, жму руки, уста прикладываю къ устамъ. Теперь въ первый разъ на тебя консула и побѣдителя должна взирать мать? Такъ-то ты мнѣ, несчастной, напоминаешь столь великія прозванія (титла). Какіе видѣла въ первый разъ пуки, видѣла на похоронахъ и видѣла опрокинутыми книзу, признакъ бѣды. Кто бы повѣрилъ? Матери этотъ день наступилъ самый послѣдній, въ который видѣла она своего сына въ высшей почести. Я ли уже не несчастлива? Уже часть у меня похищена Нероновъ, Друзъ, славный именемъ материнскаго дѣда? Ужели онъ не мой и не меня сдѣлалъ онъ родительницею! Ужели была я матерью Друза и самъ былъ? И когда скажутъ, что вотъ побѣдитель Неронъ, то я уже не смогу сказать: „какой это, старшій или другой? Дошла я до крайности: право матери имѣю на одного, по милости одного скажутъ что я еще сирота несовсѣмъ. О я несчастная! Ужасъ овладѣлъ мною и по костямъ пробѣжалъ холодъ; теперь уже я ничего болѣе не могу съ увѣренностью называть своимъ. Вотъ онъ былъ моимъ; но онъ же теперь заставляетъ опасаться за брата, всего я уже боюсь: прежде была крѣпче. По крайней мѣрѣ

умру и при жизни твоей Неронъ, ты мнѣ закроешь глаза и душу эту примешь набожными устами. И о еслибы одна рука Друза, а другая его брата закрыли бы и сжали мои глаза! Что возможно, вѣрно мы будемъ положены въ одной могилѣ, Друзъ и не пойдешь искать прiюта между старинными предками, прахъ я смѣшаюсь съ прахомъ и кости съ костьми. Пусть день этотъ спрядетъ Парка поспѣшно веретеномъ! Это и больше высказываетъ: слезы слѣдуютъ за ея словами и текутъ черезъ уста, такъ недавно тщетно произносившiя жалобы. Даже и тѣло, матери едва едва назадъ отосланное, было почти лишено, Ливiя своихъ похоронъ; такъ какъ все войско было увѣрено, что вождя предастъ огню на томъ оружiи, среди котораго онъ погибъ. Унесъ у нежелающихъ достойное почтенiя тѣло братъ и отдалъ Друза отечеству, какъ и слѣдовало. По городамъ Римскимъ ведутъ погребальную процессiю Друза—о злодѣйство, по городамъ, по которымъ пройдти побѣдителемъ надлежало ему, по которымъ шелъ онъ, уничтоживъ вооруженiе Ретовъ, увы мнѣ! Какъ то шествiе не походило на это. Консулъ вошелъ въ печальный городъ съ сломленными пуками; что сдѣлалъ бы побѣжденный, если такъ вошелъ побѣдитель? Печальный домъ оглашенъ плачемъ, домъ, въ которомъ далъ обѣтъ веселый хозяинъ прибить оружiе, снисканное его рукою. Городъ стонетъ и, достойный жалости облекается въ одну и ту же наружность. Молю, чтобы такой видъ былъ враждебнымъ намъ народомъ! Въ неизвѣстности запираютъ дома и несутся съ шумомъ по городу; тамъ и сямъ оробѣвшiе тайно и явно скорбятъ. Правосудiе молчитъ и нѣмые неслышны безъ мстителя законы; по всему форуму не видно нигдѣ багряницы, и боги скрываются во храмахъ; они не обращаютъ глазъ на эти возмутительно несправедливые похороны и не требуютъ, чтобы несены были къ костру куренiя. Скрывающихся вмѣщаютъ храмы: стыдно смотрѣть имъ въ лица поклонниковъ изъ опасенiя заслуженнаго негодованiя. И кто нибудь изъ простаго народа набожный за бѣднаго сына поднялъ робкiя руки къ высокимъ звѣздамъ и уже готовъ былъ онъ произнесть слова мольбы, какъ произнесъ: „зачѣмъ же я, легковѣрный, буду брать на себя безплодные обѣты относительно боговъ, которыхъ нѣтъ (или которые ничего не значатъ). Ливiя, сама Ливiя не могла ихъ тронуть за Друза, а мы будемъ ве-

личайшею заботою великому Юпитеру. Сказалъ и разсерженный оставилъ обѣты неисполненными, ожесточилъ духъ и оставилъ мольбы. Толпы стремятся на встрѣчу; слезы льются, а уста произносятъ, что потеря консула есть общественное несчастіе. Всѣмъ одни и тѣ же глаза; одинаково единодушіе къ плачу. При похоронной процессіи присутствуемъ мы всѣ всадники. Каждый возрастъ имѣетъ тутъ своихъ представителей въ печали и молодые люди и старики, Авзонійскія матери и Авзонійскія невѣстки, и на печальномъ изображеніи его виновника несутъ впереди лавръ побѣды, который слѣдовалъ храмамъ. Спорятъ другъ передъ другомъ лучшихъ родовъ молодые люди о чести несть катафалкъ, и желая (услужить) показать свою готовность, усердіе, спѣшатъ на перерывъ подставлять свои шеи. И голосомъ, и слезами ты, Цезарь, хвалилъ воспитанника, между тѣмъ, какъ грустное начало прерывалось въ срединѣ горемъ.—Ты—и боги отвратились отъ этого предзнаменованія—желалъ смерти такой же себѣ, если только судьба твоя допустила бы тебя умереть; но тебѣ должно небо; тебя приметъ богатый молніями великій дворецъ любящаго тебя страстно Юпитера. Что просилъ, получилъ тотъ: чтобы его дѣйствія понравились тебѣ ; и получивъ похвалу имѣетъ великую награду смерти и по обычаю вооруженныя когорты въ большемъ числѣ обступили костеръ; и пѣшіе и конные воины отдаютъ послѣдній долгъ погребенія вождю. Тебя кличемъ призываютъ и не разъ повторяя, но звуки голоса отражась въ находящихся напротивъ холмахъ возвращаются. Самъ отецъ Тиберинъ вздулся къ верху своими желтыми водами и пасмурный поднялъ голову изъ средины рѣки; тутъ онъ волосы, переплетенные ивнякомъ, мхомъ и камышемъ, огромною рукою приподнялъ съ лазореваго лица и плодоносными (обильными) глазами испустилъ потоки слезъ; глубокое русло едва вмѣщаетъ прибавившуюся воду; уже увѣренъ онъ былъ, что зальетъ пламя костра стремленіемъ (ударомъ) водъ и возьметъ тѣло неповрежденнымъ. Поддерживалъ воды и останавливалъ бѣгъ коней, чтобы въ состояніи быть всею рѣкою залить костеръ, но Марсъ, близкій храмамъ и сосѣдъ Поля, сказалъ такія слова, имѣя и самъ не сухія щеки: „хотя раздраженіе и идетъ рѣкамъ, но ты, Тиберинъ, оставайся въ покоѣ, ни тебѣ и никому не дастся побѣдить судьбу. Это погибъ мой, погибъ сре-

ди оружія и мечей и вождь за отечество; поводъ (причина) лежитъ въ самомъ погребеніи. Что я могъ сдѣлать, далъ,—побѣда снискана. Виновникъ удалился дѣла, а дѣло все еще существуетъ. Когда-то пытался я у Клото и двухъ сестеръ, которыя вѣрнымъ пальцемъ тянутъ суровую пряжу, чтобы Ремъ сынъ Иліи и братъ строитель города, избѣжали бы какимъ-нибудь путемъ глубокихъ озеръ. Изъ трехъ одна мнѣ сказала: „пріими часть дара, которая тебѣ дается; изъ тѣхъ одинъ будетъ тѣмъ, что просишь, этотъ тебѣ, а вслѣдъ за тѣмъ Венерѣ Цезарь обѣщанъ тотъ и другой; ихъ однихъ Марсовъ Римъ долженъ считать богами. Такъ воспѣли богини и ты, Тиберинъ, не спорь противъ этого по напрасну, и потокомъ твоимъ не задерживай пламени. Не разоряй послѣдней почести уже положеннаго молодаго человѣка. Пожалуста удались и теки прямо, давъ волю водамъ своимъ. Повинуется и въ длину простираетъ просторныя воды, входитъ подъ кровъ, устроенный изъ висячей пемзы. Долго медлило пламя коснуться священной головы и медленно блуждало подъ поставленнымъ катафалкомъ, но когда охватило дрова и набралось силы, то поднялось къ звѣздамъ эѳира отъ подбрасываемыхъ листьевъ. Таковъ же былъ костеръ, каковъ засвѣтился на холмахъ Геркулесовой Эты, когда сожженны члены возложеннаго бога. Увы, говоритъ, та красота мужа, благородная наружность и ласковое лицо. Гдѣ, говоритъ, та прелесть! Побѣдоносныя руки, краснорѣчивыя уста Государя, грудь и великое и помѣстительное жилище ума. И надежды многихъ сгараютъ въ томъ же пламени; этотъ костеръ содержитъ внутренности несчастной матери. Пусть живутъ дѣянія вождя и слава, стоившая не мало труда, поступковъ (дѣлъ) она остается, она одна убѣгаетъ отъ жадныхъ костровъ. Часть будетъ исторіи и читаться во всякомъ вѣкѣ, представитъ себя предметомъ творчеству и стихотвореніямъ. Будешь стоять и на рострахъ замѣтный почетною надписью и будетъ выражено, что мы для тебя, Друзъ, причина смерти. За тобою, Германія, не останется никакого права на прощеніе, вотъ скоро ты, дикарка, будешь наказана смертью; увижу я шеи царей посинѣвшими отъ цѣпей и суровые оковы, скрѣпленные жестокими руками, и наконецъ трепещущія лица и по суровымъ щекамъ противъ ихъ воли текутъ слезы. Духъ тотъ грозящій и смертью Друза надменный

испустишь ты въ печальной тюрьмѣ отъ руки палача. Остановлюсь и радостными глазами не торопясь окину обнаженныя тѣла, разбросанныя по оскверненнымъ дорогамъ. Этотъ день, приносящій такое зрѣлище, пусть какъ можно скорѣе окропленная росою Аврора принесетъ на желтошафранныхъ коняхъ. Присоедини Ледовыхъ, согласныя созвѣздія, братьевъ и храмы, которые виднѣются на Римскомъ форумѣ. Какъ въ малый вѣкъ исполнилъ онъ обязанности Государя, а заслугами относительно отечества окончилъ жизнь старцемъ. О я несчастный, Друзъ не увидитъ имъ совершеннаго и не прочтетъ своего имени передъ фронтономъ храма. Не разъ Назонъ заплакавъ скажетъ тихимъ голосомъ: „зачѣмъ братья божества, увы, безъ брата". Друзъ, ты зналъ вѣрно, что никогда не возвратишься иначе, какъ побѣдителемъ. Это время должно было тебя возвратить: ты былъ побѣдителемъ. Мы лишились консула, вождя и вождя уже побѣдителя: вотъ по всему городу нашла себѣ мѣсто печаль. А спутниковъ печальны лица и волосы въ безпорядкѣ; несчастлива свита Друза, но высказываетъ къ нему привязанность. И кто нибудь изъ нихъ, протягивая къ тебѣ руки, скажетъ: „зачѣмъ безъ меня, зачѣмъ такъ безъ провожатыхъ удаляешься"? Что же мнѣ сказать о тебѣ, супругѣ достойнѣйшей Друза, и также о невѣсткѣ, достойной ея матери. Пара самымъ лучшимъ образомъ составленная: одинъ самый храбрый изъ молодыхъ людей, другой—взаимная забота столь храброму мужу. Ты—женщина государыня; ты—дочь Цезаря, а тому ты казалась не менѣе великой супруги Юпитера. Ты была для него дозволенною страстью, единственною и послѣднею его привязанностью, пріятнымъ отдохновеніемъ утомленному трудами. Умирая, въ послѣднихъ словахъ жаловался онъ, что тебя нѣтъ, хладѣющій языкъ еще ворочался для твоего имени. Несчастная, принимаешь ты не того, кого обѣщалъ онъ самъ, и возвратился онъ и не тотъ, кто былъ посланъ, и не твой, не сможетъ ужь онъ разсказать объ истребленіи Сигамбровъ и о томъ, что Свевы передъ мечами (Римлянъ) обернули тылъ. О рѣкахъ, горахъ и великихъ названіяхъ мѣстностей и что только видѣлъ чудеснаго въ новомъ краю земли. Холоднымъ тебѣ его тѣломъ приносятъ бездыханнымъ и вотъ стелятъ ему постель, на которой онъ лежитъ безъ тебя. Куда несешься, терзая волосы, неистовой подобная? Куда

стремишься? Зачѣмъ рукою обезумѣвшею поражаешь лицо? Такова была Андромаха, когда мужъ, привязанный къ оси, ужасалъ окровавленный пущенныхъ во всю прыть коней. Такова была Евадне тогда, когда Капаней безстрашное лицо подставилъ блестящимъ (сверкающимъ) молніямъ. Зачѣмъ печальная просишь себѣ смерти? Обнявъ дѣтей держишь единственные залоги оставшіеся тебѣ отъ Друза. То во снѣ тревожитъ тебя ложное подобіе и тебѣ вѣрится, будто ты имѣешь Друза у себя на груди. Вдругъ ты пробуешь рукою, надѣясь, что вотъ онъ вернулся, и ищешь его въ той части, теперь опустѣвшей постели, гдѣ онъ былъ обыкновенно. А онъ, если не опрометчиво въ то вѣрованіе, на (набожномъ) благочестивомъ полѣ будетъ принятъ въ рядъ почетныхъ дѣдовъ, славный предками со стороны матери, равно славный со стороны отца, весь блистая золотомъ, отправится на четвернѣ коней, въ царственной одеждѣ, гордо стоя на колесницѣ изъ слоновой кости, по вискамъ обвитъ будетъ побѣдною вѣтвью. Примутъ молодаго человѣка, несущаго Германскіе значки, замѣтнаго высокою почестью консульской власти. Будутъ радоваться заслуженнымъ ихъ родомъ прозваніемъ, а его одно побѣдитель унесъ отъ усмиреннаго непріятеля. Едва повѣрятъ, чтобы такъ много дѣяній совершилось во столько лѣтъ; широкое мѣсто разъискивать великія дѣянія мужа. Они его понесутъ (поднимутъ) высоко; это, превосходная мать, должно было бы уменьшить твой плачъ, женщина достойная тѣхъ, какихъ производилъ золотой вѣкъ, достойная дѣтей Государей, мужа Государя. Всмотрись, что прилично матери Друза и матери Нерона, всмотрись, съ какой ты каждое утро встаешь съ постели. Не одно и тоже прилично народу и (украшенію) свѣтиламъ государства; на этомъ домѣ (семействѣ) лежитъ особенная обязанность. Высоко помѣстило тебя, Ливія, счастіе и повелѣло хранить почетное мѣсто; сноси же бремя. Къ тебѣ влечешь ты глаза и уши всѣхъ; твои дѣянія замѣчаемъ и вылетѣвшее изъ устъ высокаго лица слово не можетъ быть скрыто. Оставайся же высокою, поднимись же надъ твоею печалью и во чтобы то ни стало сохрани, что и можешь, несокрушимый духъ. Не лучшаго ли примѣра добродѣтелей будемъ искать черезъ тебя, когда ты совершаешь дѣло (обязанности) Римской Государыни? Всѣ остаются жертвою судьбы; всѣхъ ждетъ жадный привратникъ и

едва достаточно одного парома для многолюдной толпы. Всѣ туда направляемъ шаги и стремимся къ одной цѣли; своимъ законамъ мрачная смерть все подчиняетъ. Уничтоженіе грозитъ небу, землѣ и морю и предвѣщаетъ, что падетъ тройное твореніе. Иди же теперь и, при такомъ грозящемъ разрушеніи всего существующаго, обрати глаза на одну тебя и твои утраты. А тотъ, конечно величайшій изъ молодыхъ людей, надежда общественная, жилъ, съ тѣхъ поръ какъ родился, величайшею славою дома; но онъ былъ смертный, да и ты не была безопасна, когда твое потомство вело войны требующія твердости. Жизнь дана, чтобы ею пользоваться; дана она намъ взаймы безъ процентовъ и срокъ уплаты положительно не назначенъ. Судьба вездѣ распредѣляетъ время по своему усмотрѣнію; она увлекаетъ молодыхъ людей и поддерживаетъ стариковъ, а куда стремится какъ бѣшеная, по всему земному кругу бросаетъ перуны и слѣпая торжествуетъ на слѣпыхъ коняхъ. Берегись же раздражать жалобами власть богини, не знающей жалости, берегись тревожить духъ могущественной хозяйки; впрочемъ только въ это одно время тебѣ причинивъ печаль, не разъ она же самая благопріятствовала въ твоихъ дѣлахъ, что ты родилась высоко, что имѣла двухъ сыновей, то, что ты сдѣлалась подругою великаго Юпитера, что постоянно возвращался къ тебѣ Цезарь отъ умиреннаго земнаго шара и непобѣдимою рукою велъ благополучныя войны, что надежды и материнскіе обѣты исполнили Нероны, что врагъ былъ столько разъ поражаемъ тѣмъ и другимъ вождемъ. Свидѣтели Рейнъ, Альпійскія долины и Везургъ, котораго вода окрасилась черною кровью враговъ, Дунай стремительный, Дакійскій Апулъ въ отдаленномъ краю земли; этому врагу самый краткій путь Понтъ и Армянинъ, вынужденный къ бѣгству, и наконецъ Далмація, молившая о пощадѣ, Паннонцы, разсѣянные по вершинамъ горнаго хребта, Германскій міръ, только недавно ставшій извѣстнымъ Римлянамъ. Всмотрись, какъ противъ столькихъ заслугъ незначительна одна вина, присоедини и то, что онъ умеръ отсутствующимъ, и твои глаза не вынуждены были видѣть полуумирающіе глаза сына и какая скорбь мягче другихъ дѣйствуетъ на больной (разстроенный) духъ, вынуждена ты была по слуху узнать о твоей горестной потерѣ. Опасеніе за дальнія опасности готовило возможность

печальнаго событія и при слухѣ объ опасностяхъ ты уже тревожилась духомъ. Не вдругъ посѣтило горе твое сердце, но постепенно и переходъ этотъ готовило опасеніе. Юпитеръ прежде далъ зловѣщіе признаки кровавой участи, когда онъ рукою, носящею молніи, коснулся трехъ храмовъ, и въ грозную ночь поражены громомъ жилища Юноны, безстрашной Минервы и священный домъ необъятнаго Цезаря. Передаютъ, что даже бѣжали звѣзды съ неба и что Люциферъ оставилъ обычные пути; На всемъ земномъ кругѣ Люциферъ не показался никому и наступилъ день, а звѣзда ему не предшествовала. Такое исчезновеніе свѣтила предвѣщало грозное для земли и что въ водѣ Стигійской сокроется благородное свѣтило. А ты, который остаешься утѣшеніемъ печальной матери, моля, чтобы ей пришлось видѣть тебя старикомъ, и чтобы ты долго и долго провелъ года и твои и братнины, и чтобы мать старуха жила со старикомъ сыномъ. Молю о томъ, что случится, да и божество, желая, чтобы ему извинили прежнее, дастъ отъ Друза прочее все только веселое. Но тебѣ достало смѣлости вполнѣ предаться печали, такъ что ты — увы! твердая не кстати не хотѣла уже болѣе принимать пищи, когда Цезарь подалъ тебѣ помощь противъ воли. Присоединилъ просьбы и право примѣшалъ къ нимъ, и сухое горло омочилъ, вливъ воды и не менѣе сыну заботы сохранить родительницу, онъ пускаетъ въ ходъ ласковыя, и не безъ основанія, мольбы. Заслуга супруга и сына достигла всѣхъ (досталось всѣмъ). Ты, Ливія, осталась живою, благодаря содѣйствію супруги и сына. Удержи слезы, ими не возвратишь того, кого разъ корабельщикъ повезъ на носящемъ тѣни челнокѣ. Гектора оплакали столько братьевъ и столько сестеръ и отецъ и ребенокъ Астіанаксъ и долговѣчная родительница, впрочемъ тотъ выкупленъ для огня, и все же тѣнь его вовсе не переправилась обратно, черезъ Стигійскія воды. Это же случилось еще и Ѳетидѣ, опустошитель Ахиллесъ сожженными костями бременитъ Иліонскія поля; для него (по немъ) Панопе, тетка по матери, распустила лазоревые волосы и необъятныя воды пріумножила (увеличила) плачемъ. Съ нею подруги ея сто богинь, долговѣчная подруга великаго Океана и отецъ Океанъ, а передо всѣми Тетисъ, но ни сама Ѳетисъ, ни всѣ (божества) не перемѣнили печальныхъ правъ ненасытнаго бога. Что же я буду повторять

тутъ старинное: Октавія оплакала Марцелла, а Цезарь всенародно оплакалъ ихъ обоихъ, но неумолимо и неизбѣжно право смерти; опредѣленное судьбою твердо (неизмѣняемо) и оборванную нить не подниметъ прясть ни одна рука. И самъ онъ выпущенный, если бы то было возможно, съ берега, покрытаго туманами Аверна, громкимъ голосомъ произнесъ бы къ тебѣ такія слова: зачѣмъ ты считаешь года? Я жилъ поспѣшнѣе (скорѣе) лѣтъ. Дѣянія дѣлаютъ старика; ихъ нужно считать. Ими вѣкъ должно наполнить, а не рядомъ недѣятельныхъ лѣтъ. Это внушали мнѣ мои предки и прадѣды Нероны, а оба они вождями сломили (Карфагенскія) Пуническія войны. Этому учитъ домъ высокаго Цезаря, черезъ тебя мой. Таковъ, мать моя, долженъ былъ быть мой исходъ. Да тѣ и заслуги, хотя они и болѣе плѣняютъ, не лишены, мать, почести; видишь имена полные титуловъ, обо мнѣ читаютъ: консулъ и Германикъ побѣдитель невѣдомаго края земнаго, которому, увы, общественное дѣло было причиною смерти; побѣдные виски опоясываютъ Аполлоновымъ лавромъ и самъ ощутилъ процессію моихъ похоронъ; сбѣжались люди мнѣ извѣстные, цари приносили дары, и имена всѣхъ городовъ можно было прочесть тамъ написанными и съ какою готовностью меня несла та молодежь, которая, столь благородная, была передъ моимъ катафалкомъ. Наконецъ я заслужилъ похвалу, изъ священныхъ устъ Цезаря и вызвалъ у божества слезы. И для кого нибудь я буду предметомъ жалости? Уже сдержи плачъ: объ этомъ прошу я, который для тебя причиною плача. Такъ чувствуетъ Друзъ, если только что-нибудь чувствуетъ тѣнью, и ты не вѣрь меньшему о такомъ (столь великомъ) человѣкѣ; у тебя есть и молю, чтобы и оставался сынъ на подобіе многихъ и пусть будетъ тебѣ первая доля твоихъ родовъ невредима. Есть супругъ попечитель людей, и пока онъ здравъ, вашему, Ливія, дому неслѣдуетъ быть печальнымъ.

Ибисъ.

По сіе время — а уже десять пятилѣтій прожилъ я — все стихотвореніе моей музы было безоружно и, среди столькихъ тысячъ писаній, Назона нѣтъ ни одной буквы, которая полна была бы крови и мои книжки не сдѣлали вреда никому, кромѣ меня са-

мого между тѣмъ какъ голова художника погибла его же искусствомъ. Одинъ—и это самое есть уже великая обида—не допускаетъ, чтобы постоянною оставалась заслуга моего добродушія. Кто онъ ни есть, а имя еще я во всякомъ случаѣ умолчу — вынуждаетъ непріученныя руки взять оружіе. Онъ — сосланнаго къ ледянымъ (восходамъ) началамъ Аквилона — не допускаетъ скрываться въ мѣстѣ его изгнанія, безжалостный шевелитъ онъ рану, ищущую спокойствія, и мои имена отдаетъ на жертву всему форуму и соединенную со мною постояннымъ союзомъ постели не допускаетъ оплакивать похоронъ жалкаго мужа и, между тѣмъ какъ я обнимаю растрясенные члены моего корабля, усиливается имѣть доски моего крушенія и тотъ, который долженъ былъ бы тушить нечаянно вспыхнувшее пламя, онъ же похитителемъ ищетъ добычи изъ середины огня. Усиливается, чтобы не было пищи старику бѣглецу, увы! На сколько самъ достойнѣе моихъ бѣдствій! Боги да избавятъ, а изъ нихъ самый великій для меня тотъ, который не захотѣлъ, чтобы мое странствованіе было безъ средствъ. А потому, ему заслуженную признательность вездѣ, гдѣ только будетъ возможно, за столь ласковое (нѣжное) чувство всегда буду оказывать. Пусть услышитъ это Понтъ; онъ же можетъ быть сдѣлаетъ и то, что мнѣ прійдется сослаться на землю болѣе близкую, какъ на свидѣтеля; а тебѣ, кто меня, полный насилія, попиралъ лежащаго, какъ бы ты ни былъ несчастнымъ, должнымъ врагомъ буду. Перестанетъ прежде влага быть враждебною огню, и свѣтъ луны соединится со свѣтомъ солнца; одна и таже часть неба выпуститъ и Зефировъ и Евровъ, и теплый Нотъ подуетъ отъ ледяной оси, и наступитъ небывалое соединеніе дыма братьевъ, которыхъ старинное раздраженіе дѣлитъ даже зажженный костеръ, весна соединится съ осенью, къ зимѣ примѣшается лѣто, одна и таже страна будетъ Востокъ и Западъ, чѣмъ мнѣ съ тобою, положивъ взятое мною оружіе, будетъ пріязнь, разорванная твоими начинаніями, чѣмъ эта скорбь сможетъ когда нибудь испариться отъ времени и продолжительность часовъ и времени будетъ въ состояніи (смягчить) уменьшить мою ненавистъ. У меня съ тобою, пока жизнь останется, будетъ такой миръ какъ у слабой (безсильной) скотины съ волкомъ. Первое сраженіе завяжу я начатымъ стихомъ, хотя этимъ размѣромъ обыкновенно не ведутъ войнъ, и какъ сначала копье еще

не разгоряченнаго боемъ воина (велита) вонзается въ почву желтѣющаго песку, такъ и я не брошу еще въ тебя острія желѣза и копье не тотчасъ полетитъ въ ненавистную голову и въ этой книжкѣ не выскажу я ни имени твоего, ни поступковъ, и позволю, чтобы ты на короткое время скрылъ каковъ ты есть. А послѣ этого, если ты будешь продолжать, пущу я въ тебя вольнымъ ямбомъ, какъ оружіемъ омоченнымъ въ крови Ликамба. А теперь какимъ размѣромъ Баттовъ сынъ проклинаетъ врага своего Ибиса, этимъ же размѣромъ я проклинаю тебя и твоихъ, и какъ тотъ стихами облеку туманный (не ясный) разсказъ, хотя я и не имѣю въ обычаѣ слѣдовать самъ этому роду. Скажутъ, что я въ Ибисѣ подражаю его иносказаніямъ, забывъ мои собственныя привычки и мнѣнія. Итакъ какъ я еще не высказываю спрашивающимъ кто ты, то и ты покамѣстъ носи имя Ибиса, и какъ мои стихи будутъ имѣть нѣсколько темноты, такъ вся послѣдовательность жизни твоей пусть будетъ мрачною. И сдѣлаю такъ, что это тебѣ кто нибудь не лживыми устами прочтетъ въ день твоего рожденія въ Январскія Календы. Божества моря и земли и вы, которые занимаете вмѣстѣ съ Юпитеромъ царства лучше этихъ между различныхъ полюсовъ. Сюда молю, сюда обратите все ваше вниманіе и допустите, чтобы вѣсъ былъ моимъ желаніямъ. И ты сама земля, самое съ волнами море, самъ, превыспренный эфиръ, пріими мои мольбы, созвѣздія и лучами окруженный образъ солнца, луна, которая никогда не свѣтишься тѣмъ же ликомъ что прежде, ночь, внушающая опасенія твоими потемками и тѣ, которыя тремя пальцами прядете работу опредѣленную судьбою, и ты, который съ заставляющимъ содрогаться ропотомъ, течешь черезъ адскія долины потокъ, которымъ нельзя ложно клясться и тѣ, о которыхъ разсказываютъ, что они съ волосами, перевязанными вьющимися змѣями, сидятъ передъ мрачными дверьми тюрьмы и въ низшій классъ божествъ Фавны, Сатиры, Лары, Рѣки, Нимфы, полубоговъ племя, наконецъ отъ древняго хаоса божества и старые и новые всѣ явитесь къ назначенному мною сроку, между тѣмъ какъ я буду пѣть стихи обреченія на злонамѣренную голову, и исполняютъ свою роль раздраженіе и горе. Всѣ по порядку будьте благосклонны къ моимъ обѣтамъ и чтобы ни одна доля моихъ пожеланій не оказалась тщетною въ чемъ молю, пусть сбудется. Пусть онъ сочтетъ

что то были не мои слова, но что они изречены зятемъ Пазифаи и казни, которыя я пройду, пусть потерпитъ и онъ: пусть мѣра его несчастій превзойдетъ мое воображеніе. И пусть не менѣе силы имѣютъ обѣты, проклятію обрекающіе вымышленное имя, пусть они не менѣе имѣютъ силы у великихъ боговъ. Я обрекаю того, кого я разумѣю въ мысляхъ, Ибиса, который самъ знаетъ о себѣ, что поступками своими заслужилъ эти мольбы. Никакого замедленія во мнѣ нѣтъ; я жрецъ исполню обѣты какъ слѣдуетъ и вы, кто ни присутствуете при моемъ священнодѣйствіи, благопріятствуйте вашими устами. Кто ни присутствуете при священнодѣйствіи, произносите зловѣщія слова и подойдите къ Ибису съ щеками омоченными слезами, спѣшите при дурныхъ предзнаменованіяхъ лѣвою (неблагополучною) ногою и пусть тѣло ваше покрываютъ черныя одежды. Да и ты зачѣмъ колеблешься принять похоронныя повязки? Уже стоитъ, какъ самъ видишь, жертвенникъ твоихъ похоронъ. Процессія тебѣ приготовлена; пусть не будетъ никакого замедленія печальнымъ обѣтамъ; жертва, обреченная на гибель, подставь горло моему ножу. Пусть откажутъ тебѣ земля въ своихъ произведеніяхъ, потокъ въ водахъ и вѣтеръ пусть откажетъ тебѣ въ твоемъ дуновеніи. Пусть не будетъ тебѣ солнце блистать, пусть не будетъ свѣтить тебѣ Фебе, ясныя созвѣздія пусть оставятъ глаза твои (т. е. свѣтятъ да не для тебя). Пусть не даютъ тебѣ себя ни Вулканъ, ни воздухъ; пусть ни земля, ни море не даютъ тебѣ пути изгнанникомъ, нищимъ скитайся, обходи чужіе пороги и трепещущими устами выпрашивай небольшаго количества пищи. Ни тѣло, ни больной умъ пусть не буду свободны отъ полныхъ жалобъ и страданій, пусть ночь будетъ тебѣ тяжеле дня, а день— ночи. Пусть ты будешь постоянно несчастенъ, пусть ты никому не будешь внушать жалости; пусть и женщины и мущины радуются твоимъ бѣдамъ. Пусть присоединится къ слезамъ ненависть и пусть тебя считаютъ достойнымъ, хотя ты перенесешь и очень много бѣдствій, терпѣть еще болѣе и пусть будетъ что рѣдко, ненавистный видъ твоего бѣдствія чуждъ обычнаго состраданія. И пусть не будетъ тебѣ недостатка въ проводахъ къ смерти, а пусть не будетъ для тебя возможности умереть; вынужденно жизнь избѣжитъ желаннаго конца, и пусть послѣ долгой борьбы духъ покинетъ измученные члены, и прежде въ

теченіи долгаго времени будетъ терзаться страданіями. Все это сбудется; сейчасъ самъ Фебъ подалъ мнѣ знакъ будущаго, и птица печали полетѣла съ лѣвой стороны. Вѣрно, что я — на какой предметъ даю обѣтъ — увѣренъ, что подѣйствую на боговъ и надеждою твоей, клятвопреступникъ, смерти постоянно буду питаться. Пусть окончится тотъ день, который когда-то тебя отъ меня увлечетъ, пусть кончится тотъ день, который для меня наступаетъ поздно, и пусть прежде эту душу, которой ты слишкомъ часто домогался, унесетъ тотъ день, который для меня поздно наступаетъ, чѣмъ скорбь эта можетъ когда нибудь испариться отъ времени и ненависть мою смягчитъ время и часъ. До тѣхъ поръ, пока Фракійцы будутъ сражаться дротиками, Язиги—лукомъ, пока Гангесъ будетъ теплымъ, а Истръ холоднымъ, пока на горахъ будутъ дубы, въ поляхъ нѣжныя (мягкія) пастбища, пока Тибръ Этрусскій (текущій изъ Этруріи) будетъ имѣть желтую воду, буду вести съ тобою войну и смертью не окончится мое раздраженіе, но безжалостное оно и тѣни дастъ оружіе на тѣнь. Даже и тогда, когда я разойдусь въ пустомъ воздухѣ, безжизненная тѣнь будетъ ненавидѣть твои нравы (твой характеръ). И тогда тѣнью прійду я, помня о твоихъ поступкахъ и однимъ скелетомъ изъ костей буду преслѣдовать твою наружность, ослабѣю ли я — чего бы я не хотѣлъ — отъ длиннаго рода лѣтъ, или погибну смертью рукою нанесенною, потерпѣвъ крушеніе, буду ли я носиться по необъятнымъ водамъ и дальная рыба будетъ изъѣдать мои внутренности, чужестранныя ли птицы будутъ терзать мои члены, окрасятъ ли моею кровью волки свои морды, или удостоитъ кто нибудь схоронить въ землю и предать безжизненное тѣло плебейскому костру. Чѣмъ бы я ни былъ, но постараюсь вырваться отъ береговъ Стигійскихъ и мстителемъ протяну къ лицу твоему оледенѣвшія руки. И бодрствуя будешь меня видѣть, и во мракѣ молчаливой ночи отрясу съ тебя сонъ, показавшись что я тутъ. Наконецъ, чтобы ты ни дѣлалъ, буду летать передъ лицомъ и глазами, жаловаться и ни въ какомъ мѣстѣ не найдешь ты себѣ покоя. Извиваясь бичи будутъ издавать звукъ; факелы, оплетенные змѣями, постоянно будутъ дымиться передъ лицомъ твоимъ, сознающимъ вину. Этими фуріями будешь ты терзаемъ живой; ими же — и когда умрешь, и жизнь твоя будетъ короче наказанія; не будутъ твоимъ удѣ-

ломъ ни честные похороны, ни слезы твоихъ близкихъ, неоплаканною будетъ брошена голова. Тебя, среди рукоплесканій народа, повлечетъ толпа; въ твои кости будетъ вонзенъ крюкъ. Самое пламя, которое все охватываетъ, отъ тебя бѣжитъ; праведная земля отброситъ ненавистный трупъ; когтями и носомъ извлечетъ кишки медлительный коршунъ, и жадные собаки разорвутъ вѣроломное сердце и о твоемъ тѣлѣ—такою похвалою пусть будетъ возможно тебѣ хвалиться,—произойдетъ споръ у ненасытныхъ волковъ. Въ мѣста, далекія отъ Елисейскихъ полей, ты будешь сосланъ и поселишься тамъ, гдѣ имѣетъ свое мѣстопребываніе толпа злодѣевъ. Тамъ Сизифъ, который катитъ камень и его догоняетъ, тамъ тотъ, который связанный влечется въ кругу быстраго колеса; тамъ дочери Бела, которыя несутъ на плечахъ имѣющую исчезнуть воду, покрытая кровью толпа, невѣстки изгнанника Египта. Отецъ Пелопса ищетъ яблокъ тутъ же находящихся; онъ же постоянно нуждается, и постоянно имѣетъ избытокъ въ прозрачной водѣ, и тотъ кто отъ низу до верху растянулся на девять (десятинъ) пашень, и постоянно свои обреченныя внутренности подставляетъ птицѣ. Тамъ тебѣ одна изъ фурій разрѣжетъ бокъ бичемъ, чтобы ты сознался въ твоихъ многочисленныхъ преступленіяхъ, другая—разрубленныя члены отдастъ змѣямъ Тартара, третья будетъ варить на огнѣ твои дымящіяся щеки. Твоя преступная тѣнь будетъ терзаема на тысячу способовъ, и Эакъ будетъ изобрѣтателенъ на твое наказаніе, на тебя перенесетъ пытки (мученія) старинныхъ преступниковъ, и древнимъ тѣнямъ будешь ты причиною спокойствія. Сизифъ, будешь ты имѣть кому передать твое катящееся бремя, быстрыя колеса теперь повлекутъ новые члены. Онъ же будетъ тщетно ловить и вѣтви и воду; онъ будетъ кормить птицу своими неистощимыми внутренностями, и другая смерть не положитъ конца наказаніямъ этой смерти и вовсе не будетъ послѣдняго часа такимъ бѣдствіямъ. Оттого я немногое стану пѣть: какъ еслибы кто сорвалъ листьевъ на Идѣ, или почерпнулъ бы сверху воды съ Ливійскаго моря. Невозможно сказать — сколько цвѣтовъ родится на Сицилійской Гиблѣ, сколько земля Киликійская производитъ шафрану, а также когда печальная зима принесется на крыльяхъ Аквилона, сколь большимъ количествомъ града забѣлѣетъ Аѳонъ. Да и всѣ твои бѣдствія не могутъ быть

изложены моимъ голосомъ, хотя бы ты далъ мнѣ не одни (а много) уста. Столько тебѣ несчастному пусть придетъ и такихъ раззореній, что какъ я полагаю и я буду въ состояніи невольно пролить о тебѣ слезы. Эти слезы сдѣлаютъ меня безъ конца блаженнымъ; этотъ плачъ будетъ тогда для меня пріятнѣе смѣха. Родился ты несчастнымъ; такъ захотѣли боги и когда ты родился, ни одна звѣзда не была тебѣ благопріятна и счастлива. Въ тотъ часъ не свѣтила ни Венера, ни Юпитеръ; не находились ни солнце, ни луна въ благопріятномъ мѣстѣ; не достаточно полезно положенные, тебѣ представилъ огни тотъ, котораго свѣтлая Мая родила великому Юпитеру. На тебѣ гнетъ суровыхъ, и ничего тихаго не обѣщающихъ созвѣздій Марса и несущаго косу старика. Да и день рожденія (позоренъ) гнусенъ, чтобы ты не видалъ ничего, кромѣ печальнаго; мраченъ былъ онъ отъ нашедшихъ облаковъ. Тотъ же день, которому въ Фастахъ (лѣтописцѣ) даетъ названіе тяжкая Аллія, онъ же произвелъ Ибиса, общественное зло и онъ какъ только выползъ изъ нечистаго чрева матери, гнуснымъ тѣломъ придавилъ Цинифійскую почву. На находившейся напротивъ высотѣ сидѣлъ ночной филинъ, и изъ сулящаго смерть горла испустилъ тяжкіе звуки Тотчасъ же Евмениды обмыли болотнымъ камышемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ текла вода ущельемъ изъ Стигійскаго потока; грудь помазали печенью Эребовой змѣи, и три раза ударили окровавленными руками; дѣтское горлышко напоили собачьимъ молокомъ; такова была первая пища, проникшая въ уста ребенка; всосалъ вслѣдствіе того бѣшенство своей кормилицы питомецъ и лаетъ собачьи слова по всему форуму; члены спеленали покрытыми ржавчиною перевязками, вытащенными изъ плохо оставленнаго костра. А чтобы не лежалъ онъ безъ изголовья на голой землѣ, нѣжную головку положили на каменья и уже удаляясь, придвинули къ глазамъ подъ самое лицо факелъ, сдѣланный изъ зеленаго (сыраго) полѣна, и когда до ребенка достигъ горькій дымъ, тогда одна изъ трехъ сестеръ проговорила такъ: „на безконечное время завѣщаемъ мы тебѣ эти слезы, и пусть они безпрестанно падаютъ отъ достаточныхъ причинъ. Сказала, а Клото повелѣла, чтобы обѣщанное имѣло силу, и черную пряжу (пряжу несчастія) начала зловѣщею рукою и чтобы не занять долгихъ часовъ своимъ предсказаніемъ, сказала: „будетъ поэтъ, который воспоетъ твою судьбу.“ Вотъ я тотъ по-

этъ; отъ меня узнаешь ты твои раны, лишь бы только боги дали свои силы на мои слова (т. е. своею силою подтвердили ихъ). Стихамъ моимъ пусть прибавится вѣсъ событій и ихъ дѣйствительность испытаешь ты твоимъ плачемъ. И пусть не умрешь ты безъ примѣровъ прежняго вѣка, пусть твои бѣдствія будутъ не менѣе Троянскихъ. Какія Пеантій [1], наслѣдникъ носившаго палицу Геркулеса, такіе раны будешь ты носить на отравленной голени. И не легче страдай того, кто пилъ сосцы лани [2], отъ вооруженнаго принялъ рану, отъ обезоруженнаго помощь [3], который съ коня стремглавъ упалъ въ Алейскіе поля, кому красота лица его была почти на гибель. Пусть видишь ты тоже, что Аминторидесъ [4]) и, лишенный зрѣнія, дрожа, ты палкою будешь отыскивать себѣ путь, пусть не видишь ты больше того, котораго вела его дочь, котораго преступленіе испытали оба его родители [5], каковымъ сталъ послѣ того какъ избранъ былъ судьею въ шуточномъ спорѣ [6]) старикъ, заслужившій себѣ извѣстность въ Аполлоновомъ искусствѣ, каковъ былъ и тотъ, по чьему наставленію данъ голубь, какъ провожатый и путеводитель Палладіева судна. И тотъ, кто лишился глазъ, которыми (дурно) къ своему несчастію видѣлъ золото, глазами, которые осиротѣвшая мать принесла въ (могильную) похоронную жертву сыну; какъ Этнейскій пастухъ, которому заранѣе то, что случит-

[1]) Филоктетъ, сынъ Пэана, ему достались стрѣлы Геркулеса въ наслѣдство.

[2]) Телефъ, сына Геркулеса и Авге, дочери Алеевой; лань была его кормилицею.

[3]) Телефъ раненъ Ахилломъ и имъ же излѣченъ.

[4]) Фениксъ, Аминторовъ сынъ; отецъ ему выкололъ глаза за то, что онъ хотѣлъ изнасиловать одну изъ его наложницъ. Хиронъ вылѣчилъ его и поручилъ ему Ахилла; этому Фениксу приписываютъ изобрѣтеніе греческаго алфавита.

[5]) Эдипъ, сынъ Лайя и Юкасты; не зная своихъ родителей, онъ убилъ отца и женился на матери.

[6]) Тирезіасъ; Юпитеръ поспорилъ съ Юноною кто при любовномъ совокупленіи испытываетъ больше наслажденія — мущина или женщина, взялъ въ судьи спора Тирезіаса какъ человѣка компетентнаго въ этомъ дѣлѣ потому, что онъ въ мущину превращенъ былъ изъ женщины. Тирезіасъ рѣшилъ, что удовольствіе, испытываемое женщиною при соитіи, сильнѣе того, которое чувствуетъ мущина. Юнона разсердилась за то, что выдали тайну женщинъ и откровеннаго не кстати старика лишила зрѣнія. Любопытно, какъ скромный переводчикъ Овидія на французскомъ языкѣ разказалъ эту исторію: Юнона де лишила Тирезіаса зрѣнія за его рѣшеніе по вопросу; „кто болѣе влюбчивъ (amoureux) мущина или женщина.“ Вѣрно!

ся въ будущемъ напророчилъ Телемъ Евримедесъ и два Финида, у которыхъ тотъ же отнялъ зрѣніе, кто далъ, какъ Тамиры и Демодока голова. Пусть кто нибудь отрубитъ твои члены, какъ Сатурнъ подрубилъ тѣ части, изъ которыхъ онъ родился. И пусть не лучше будетъ для тебя Нептунъ въ разбушевавшихся волнахъ, какъ для того, у котораго братъ и сестра вдругъ стали птицами, или для того находчиваго мужа, надъ которымъ, державшимся за обломки разбившагося судна, сжалилась сестра Семелы. Или пусть твои внутренности, чтобы этотъ родъ наказанія узналъ не одинъ, будутъ унесены растерзанныя въ разныя стороны. Или вытерпи самъ то, что вынесъ отъ Пуническаго вождя тотъ, кто за постыдное считалъ для Римлянина быть выкупленнымъ. И пусть тебѣ не будетъ въ помощь присутствующее божество, какъ и тому, кому не принесъ никакой пользы жертвенникъ Герцейскаго Юпитера, и какъ Тессалъ сдѣлалъ прыжокъ съ вершины Оссы, такъ и ты пусть будешь сброшенъ со скалистой горы или какъ Евріаловы, который отъ него (Тессала) принялъ скипетръ, такъ и твои члены пусть будутъ пищею жаднымъ (ненасытнымъ) змѣямъ или твою, какъ и Миносову, гибель пусть ускоритъ кипящая влага, вылитой на голову воды; или какъ прикованный, и не безнаказанно, Прометей своею, не слишкомъ кроткою, кровью напитаешь воздушныхъ птицъ; или какъ Этрацидесъ, отъ великаго Геркулеса три раза пятый, убитый пусть ты будешь брошенъ въ необъятное море; или, какъ Аминтіадеса — позорною любимый страстью, пусть возненавидитъ, и безжалостнымъ мечемъ пусть ранитъ мальчикъ, и пусть для тебя въ чашѣ составятъ смѣсь не болѣе надежную, какъ для того, кто родился отъ украшеннаго рогами Юпитера; или пусть ты погибнешь по образу (собственно: обычаю) взятаго въ плѣнъ Ахейца, а онъ, несчастный, повѣшенъ въ виду золотоносной воды, или пусть, какъ знаменитаго родственнымъ именемъ Ахиллида (сына Ахиллова), задавитъ тебя черепица, брошенная враждебною рукою. И пусть кости твои будутъ въ покоѣ не благополучнѣе Пирра, а его кости лежали разбросанными по Амбракійскимъ дорогамъ. И пусть, ты, какъ Эацидова дочь, умрешь отъ вонзенныхъ дротиковъ — невозможно Церерѣ скрыть это преступленіе — и какъ внукъ, только что упомянутаго въ нашемъ стихотвореніи, царя, выпьешь ты соки испанскихъ мухъ,

данные тебѣ родительницею, и пусть благочестивою твоимъ убійствомъ назовется нарушительница супружеской вѣрности, какъ благочестивою названа, отъ чьей мстительной руки палъ Левконъ, и въ костеръ съ тобою пошлешь самые дорогіе залоги, какой конецъ жизни имѣетъ Сарданапалъ. И пусть гонимый Нотомъ песокъ покроетъ лицо твое какъ тѣхъ, которые готовились сдѣлать насиліе Ливійскому храму Юпитера, и подобно тому какъ лица убитыхъ вторымъ Дареемъ, пусть и твое лицо пожретъ напавшій пепелъ или какъ когда-то высланному изъ маслины приносящаго Сикіона, пусть поводомъ къ смерти твоей будутъ холодъ и голодъ, или, какъ Атарнитесъ, зашитый въ кожу быка, позорною добычею будешь отнесенъ къ твоему господину, и пусть ты въ твоей спальнѣ будешь зарѣзанъ такимъ же образомъ какъ Ферей, который преданъ смерти мечемъ своей супруги — и тѣхъ, которыхъ ты считаешь вѣрными, какъ Ларисссейскій Алевасъ, испытай невѣрными твоею раною. И какъ Милонъ, подъ тираніею котораго мучилась Пиза, живой пусть ты будешь брошенъ въ сокрытыя воды, и пусть стремятся въ тебя тѣ стрѣлы, которыя пришли отъ Юпитера въ Адиманта, владѣвшаго Фліазійскимъ царствомъ: или какъ нѣкогда Леней отъ Амастріакскихъ береговъ, обнаженный, пусть будешь брошенъ на Ахиллесовой почвѣ; или какъ Евридамасъ три раза около могилы Тразилла влекомъ былъ врагомъ на Ларисссейскихъ колесахъ, или тотъ, кто не долговѣчныя стѣны, которые нерѣдко оберегалъ своимъ тѣломъ, обмѣрилъ имъ же и какъ новый родъ наказанія понесла Гиппоменеиде и по разсказамъ соблазнитель былъ тащимъ по Актейской почвѣ; такъ, когда ненавистная жизнь оставитъ твои члены, мстители кони пусть унесутъ гнусный трупъ. Пусть члены твои вонзятся на какой нибудь скалѣ какъ нѣкогда члены Грековъ остались въ Евбейскомъ заливѣ. И какъ безжалостный погибъ и отъ молніи и отъ моря похититель, такъ — тебя имѣющимъ поглотить—водамъ пусть поможетъ огонь и мысль твоя слабая пусть такъ волнуется фуріями, какъ у того, у кого все тѣло цѣльною раною и какъ Дріантидѣ, владѣвшему Родоновымъ царствомъ, у котораго одна нога была не такъ устроена какъ другая, и какъ нѣкогда случилось Этею, зятю драконовъ, Тизамену отцу и мужу Каллирои. И пусть женою достанется тебѣ не стыдливѣе той, за которую, какъ за невѣстку, могъ краснѣть

и Тидей, та, которая совокупилась страстью съ братомъ мужа, скрывъ убійствомъ рабы Локріянки. Пусть боги совершатъ, чтобы ты могъ радоваться столь вѣрною супругою, какъ зять Талая и Тиндарея и каковы были дочери Бела, дерзнувшія приготовить смерть своимъ племянникамъ и которыхъ шеи постоянно сдавлены бременемъ несомой ими воды. Пусть она пылаетъ, что и дѣлаетъ, огнемъ Библиды и Канацеи, и пусть сестра извѣстна будетъ тебѣ не иначе какъ преступленіемъ. Дочь если будетъ пусть будетъ то же, что Пелопея — Тіесту, Мирра — своему отцу, Никтемене—своему, и пусть не болѣе будетъ нѣжна къ отцу и не болѣе вѣрна ему, какъ была тебѣ Птерелай или тебѣ, Низъ, и какъ та, которая своимъ преступнымъ именемъ сдѣлала позорнымъ мѣсто преступленія и колесами проѣхала по членамъ отца. Погибни, какъ молодые люди, которыхъ нѣкогда лица (головы) торчали на Пизейскихъ воротахъ; какъ тотъ, кто — облитую не разъ кровью несчастныхъ жениховъ — почву самъ своею кровью омочилъ лучше, какъ погибъ возница, предатель жестокаго тиранна, тотъ, который далъ новое имя Миртоевой водѣ: какъ тѣ которые тщетно стремились за быстроногою дѣвушкою, между тѣмъ какъ позднѣе она была плѣнена тремя яблоками; какъ тѣ, которые вошли подъ кровлю, скрывавшую видъ новаго чудовища, подъ кровлю слѣпаго (темнаго), откуда нѣтъ возврата, дома; какъ тѣ, которыхъ Эацидесъ раздраженный бросилъ на высокіе костры шесть тѣлъ, да еще шесть; какъ тѣ, о которыхъ мы читаемъ, что они погибли жестокою смертью отъ Сфинкса, обманутые двусмысленностями непонятнаго (темнаго) голоса; какъ тѣ, которые пали въ храмѣ Бистонійской Минервы, вслѣдствіе чего и теперь покрыто лицо богини; какъ тѣ, которые нѣкогда стойла Ѳракійскаго царя сдѣлали окровавленными, ставъ сами, пищею; какъ тѣ, которые испытали Теродамантскихъ львовъ и Таврическія священнодѣйствія Тоантейской богини; какъ тѣ, которыхъ прожорливая Сцилла, и Сциллѣ противуположная Харибдисъ, исторгли оробѣвшихъ съ Дулихійскаго корабля, какъ тѣ, которыхъ Полифемъ опустилъ въ свое просторное брюхо; какъ тѣ, которые испытали на себѣ Лестригоновы руки; какъ тѣ, которыхъ Пуническій вождь потопилъ въ водахъ колодца, и брошеннымъ прахомъ сдѣлалъ воды бѣлыми, какъ два раза шесть Икаровой дочери служанокъ погибло и жениховъ, а также и тотъ

кто давалъ оружіе женихамъ на голову господина. Какъ лежитъ борецъ, поваленный Аонійскимъ гостемъ, который, удивленіе! сраженный снова былъ побѣдителемъ; какъ тѣ, которыхъ сдавили крѣпкія руки Антея, и которыхъ безжалостной смерти предала Лемносская толпа, и тотъ, который, послѣ долгаго времени показатель неправеднаго священнослуженія, сраженный жертвою вызвалъ дожжевыя воды, какъ братъ Антея омочилъ, какъ и слѣдовало, кровью олтарь и самъ погибъ отъ своего примѣра; какъ тотъ несчастный, который человѣческими внутренности напиталъ вмѣсто сѣмена носящей травы страшныхъ коней; какъ двое погибшіе въ разное время, но отъ одного и того же мстителя— Нессъ и зять Дексамена, какъ твой, Сатурнъ, правнукъ, котораго испускавшимъ дыханіе жизни самъ Коронидесъ видѣлъ отъ своего города, какъ Синисъ, и Сциросъ и съ Полипемономъ сынъ и тотъ, кто частью былъ человѣкъ, частью быкъ, и кто деревья пригнуты къ землѣ выбрасывалъ на воздухъ, смотря на воды того или другаго моря, и тѣло Церціона, которое погибшимъ отъ Тезеевой руки Церера видѣла съ веселымъ лицомъ. Пусть всѣ эти, или не легче этихъ, бѣды постигнутъ тебя, котораго заслуженными мольбами мой обрекаетъ проклятію гнѣвъ. Каковъ былъ Ахеменидесъ, покинутый на Сицилійской Этнѣ, когда увидалъ, что идутъ Троянскіе паруса. Пусть состояніе твое будетъ таково какъ Ира о двухъ именахъ, пусть оно будетъ хуже положенія тѣхъ, которые стоятъ на мосту. Пусть навсегда тщетно любишь ты сына Цэрерова и какъ бы ты за нимъ ни гонялся, пусть оставитъ безъ помощи твои дѣла, и какъ приливомъ и отливомъ катящейся воды уничтожается мягкій песокъ изъ подъ давящей его ноги, такъ пусть твое состояніе не знаю куда постоянно таетъ и, ускользая, исчезаетъ изъ среды рукъ и какъ отецъ той, которая имѣла въ обычаѣ измѣнять разныя фигуры, насыщаясь будешь страдать отъ неутолимаго голода. И чтобы не противно было тебѣ человѣческое мясо, какою долею можешь, будь Тидеемъ этого времени, и соверши что нибудь такое, чтобы испуганные кони солнца бросились бѣжать назадъ отъ запада на востокъ, повтори гнусное пиршество Ликаонова стола и попытайся обманомъ въ пищѣ ввесть въ заблужденіе самого Юпитера; желаю, чтобы кто нибудь испыталъ насиліе—божеству тебя предложивъ въ пищу, чтобы ты былъ и сыномъ Тантала и сы-

номъ мальчикомъ Терея, и пусть члены твои такъ будутъ разбросаны по широкимъ полямъ, какъ тѣ, которые задерживали отца на пути; чтобы ты, заключенный въ мѣдномъ быкѣ Перилловомъ, подражалъ настоящимъ быкамъ, испуская звуки, соотвѣтствующіе наружности быка, и пусть какъ жестокій Фаларисъ, съ языкомъ прежде отсѣченнымъ, мечемъ замычалъ бы ты подобно быку въ Паѳоскомъ мѣдномъ произведеніи. И пусть ты, желая возвратиться къ лѣтамъ лучшаго возраста, будешь обманутъ какъ старикъ тесть Адмета, и пусть всадникомъ потонешь ты въ пучинѣ грязи, лишь бы гибель твоя не придала тебѣ никакой извѣстности и о еслибы ты погибъ, какъ изъ зубовъ происшедшіе брошенныя Сидонскою рукою по Греческимъ полямъ. И пусть на твою обрушатся голову зловѣщіе обѣты, какіе дѣлалъ Пентидесъ и братъ Медузы и которымъ маленькою книжкою обречена птица, которая свое же тѣло очищаетъ выпущенною изъ себя водою. Пусть понесешь ты столько ранъ, сколько говорятъ перенесъ тотъ, отъ поминовенія по которомъ обыкновенно удаляютъ ножъ. Пусть пораженный безуміемъ отрѣжешь ты члены подобно тѣмъ, которыхъ опозоренные члены Цибилейская мать возбуждаетъ къ Фригійскимъ (мотивамъ) размѣрамъ, и изъ мущины пусть будешь ты ни женщина, ни мущина, какъ Аттисъ и пусть трясешь ты изнѣженною рукою хриплый бубенъ, и пусть вдругъ обратишься ты въ скотъ великой родительницы, какъ случилось съ побѣдителемъ и тою, которая побѣждена быстротою ногъ, и пусть не одна Лимоне почувствуетъ то наказаніе, и твои внутренности пусть жестокимъ зубомъ терзаетъ конь. Или какъ Кассандрей, не болѣе смирный того господина, раненный, пусть ты будешь схороненъ подъ набросанною землею, или какъ Абантіадесъ, или какъ Цикнеевъ герой, запертымъ пусть будешь ты заколонъ у священныхъ олтарей, какъ Теодотъ, принявшій смерть отъ незнающаго жалости непріятеля, или пусть обречетъ себя Абдера въ извѣстные дни, и пусть камни въ большемъ числѣ, чѣмъ градъ, обрушатся на твою голову; или пусть онъ будетъ пораженъ молніею о трехъ зубцахъ враждебнаго Юпитера, какъ рожденный отъ Гиппоноя Дозифеевъ отецъ, какъ сестра Автонои, которой тетка по матери Майя, какъ тотъ кто плохо управлялъ конями, которыми необдуманно пожелалъ править. Какъ суровый Эолидесъ (сынъ Эола), какъ рожденный

отъ той же крови, отъ какой родилась Арктосъ, чуждая прозрачныхъ водъ; какъ Македонянинъ вмѣстѣ съ женою пораженъ быстрымъ (стремительнымъ) пламенемъ, такъ молю, чтобы ты палъ отъ огня эфирнаго мстители. Пусть будешь ты добычею тѣмъ, которымъ недоступенъ Латоновъ Делосъ вслѣдствіе прежде временнаго похищенія Тазоса, тѣмъ, которые растерзали увидавшаго купавшеюся стыдливую Діану, и Кротопіадеса (внука Кротопа) Линона. И пусть ты не легче будешь пораженъ ядовитою змѣею, какъ невѣстка старика Евагра, и Калліопесъ, какъ мальчикъ Гипсипилесъ, какъ тотъ, кто первый острымъ копьемъ пронзилъ крѣпко сложенные бока подозрительнаго коня, и не осторожнѣе Елпенора подойди къ высокимъ ступенькамъ и чтобы ты снесъ силу вина такъ какъ онъ снесъ; чтобы ты палъ усмиренный такъ, какъ каждый Дріопсъ помогавшій безчеловѣчному Тіодаманту, когда онъ призывалъ къ оружію; какъ погибъ жестокій Какусъ, умерщвленный въ своей же пещерѣ, выданный голосомъ запертой коровы, какъ тотъ, который понесъ дары, намазанные Лернейскимъ ядомъ и своею кровью омочилъ Евбейскія воды, или пусть прійдешь ты въ Тартаръ съ обрывистой скалы, какъ тотъ, который прочелъ сочиненіе Сократово о смерти, какъ тотъ, кто видѣлъ обманчивые паруса *Тезеева судна*, какъ мальчикъ, посланный отъ Иліакской крѣпости, какъ кормилица, она же тетка по матери нѣжнаго Вакха, какъ тотъ, кому поводомъ къ смерти было открытіе имъ пилы, какъ Лидійская дѣвушка, бросившаяся съ высокихъ скалъ, та, которая произнесла дурныя слова противъ воли божества, и пусть твоя землячка, беременная львица, встрѣтитъ тебя на отеческимъ полѣ и будетъ для тебя поводомъ той же смерти, какая постигла Фаилла. И пусть кабанъ, умертвившій Ликургова сына и смѣлаго Идмона, родившагося отъ дерева, и тебя прошибетъ. И пусть онъ, бездыханный, нанесетъ тебѣ рану, какъ тому, которому на голову упала повѣшенная свинья, или какъ тотъ, котораго подобною же смертью умертвила сосна, пусть будешь ты Фриксъ и охотникъ Берецинтіады. Если твое судно коснется Миноева берега и, пусть Крессова толпа, т. е. жители Крита, сочтетъ тебя за жителя Корциры; пусть взойдешь ты въ домъ, грозящій паденіемъ, какъкровь Алевы, когда звѣзда была благопріятна для мущины, сына Леопреписа, или какъ Евенъ, потопленный въ стре-

мительномъ потокѣ, или какъ Тиберинъ дашь имя быстрой водѣ и голова твоя, подобно головѣ сына Астакова, отрѣзанная отъ обезображеннаго трупа, достойная звѣрей, пусть будетъ пищею человѣку. И что, какъ разсказываютъ, сдѣлалъ Бротеасъ, страстно желая смерти, отдай твои члены для сожженія на пылающемъ кострѣ; запертый въ подвалѣ, как тотъ сочинитель исторіи себѣ не на пользу, и какъ обратилось во вредъ изобрѣтателю воинственного ямба, такъ пусть дерзскій языкъ будетъ тебѣ на гибель и какъ тотъ, который недолговѣчнымъ (а также: плохаго размѣра) стихотвореніемъ оскорбилъ Аѳины — пусть погибнешь ненавистный отъ недостатка пищи. И какъ разсказываютъ погибъ поэтъ суровой лиры, пусть раненная правая рука будетъ причиною твоей смерти, и какъ змѣй нанесъ рану Агамемнонову Оресту, и ты также падешь отъ укушенія имѣющаго ядъ. Пусть для тебя первая ночь брака будетъ послѣдняя жизни, такъ погибли Евполисъ и его новобрачная. И какъ разсказываютъ палъ Ликофронъ, обутый въ котурны, пусть въ твоихъ жилахъ засядетъ вонзенная стрѣла, или, растерзанный въ лѣсу, будешь ты разбросанъ руками твоихъ, какъ разбросанъ въ Ѳивахъ рожденный отъ дѣда змѣя. И пусть по суровымъ (непривѣтливымъ) горамъ будешь ты влекомъ стремительнымъ быкомъ, какъ влекома была повелительная (гордая) жена Лика; и что вытерпѣла та, которая противъ воли сдѣлалась соперницею сестры, пусть отрѣзанный языкъ падетъ къ ногамъ твоимъ; и какъ построитель лѣнивой Цирры, Блезъ по прозванію, найдись въ безчисленныхъ мѣстахъ земнаго круга. И пусть въ твои глаза художница пчела — это сдѣлала она съ пѣвцомъ Ахивскимъ — вонзитъ вредное жало и пусть у тебя, прикованнаго къ жесткимъ утесамъ, будутъ терзаемы внутренности, какъ у того, чьего брата дочь была Пирра, и пусть, какъ мальчикъ сынъ Гарпага, напомнишь примѣръ Тіеста и пусть зарѣзанный отправишься ты во внутренности отца, и пусть носишь ты члены, изуродованные незнающимъ жалости мечемъ, каковы, какъ говорятъ, были члены Мимнерма. Пусть подобно тому, какъ у Сиракузскаго поэта, было перетянуто горло, пусть твоего дыханія путь будетъ перехваченъ веревкою, пусть совлеченная съ тебя кожа откроетъ обнаженныя внутренности, какъ тотъ, чье имя имѣетъ Фригійская рѣка. Пусть увидишь ты, несчастный, лицо обращающей въ камень

Медузы, которая одна многихъ изъ Цефеновъ предала смерти. Подобно Главку испытай укушенія Потніадскихъ кобылъ и, какъ другой Главкъ, спрыгни въ воды моря. Или какъ у того, который нося имя одно съ двумя только что упомянутыми, пусть Гнозійскій медъ залѣпитъ путь жизни. И пусть трепещущими устами выпьешь ты тоже, что выпилъ нисколько несмущенный (неоробѣвъ) ученѣйшій человѣкъ, жертва обвиненія Анита. И пусть тебѣ, если ты кого полюбишь, случится не счастливѣе Гемона, и пусть ты своей настолько же владѣешь, насколько Макарей. Пусть видишь ты то, что уже, когда все было объято пламенемъ, видѣлъ Гекторовъ сынъ съ отцовской крѣпости. Кровью смывай позоръ, какъ рожденный дѣдомъ родителемъ, которому вслѣдствіе преступленія сестра была родительницею, и пусть въ кости твои вонзится тотъ родъ оружія, какимъ по преданію палъ зять Икара и какъ болтливое горло задушено въ кленовомъ конѣ, такъ тебѣ пальцами пусть будетъ запертъ путь голоса. Или пусть какъ Анаксархусъ будешь ты истолченъ въ глубокой ступкѣ, и кости твои поражаемыя пусть издаютъ звукъ вмѣсто обычныхъ плодовъ, и какъ Псаматесъ отца, тебя пусть Фебъ скроетъ во глубинѣ Тартара, что онъ и дѣлалъ съ своею дочерью. И пусть идетъ на твоихъ та язва, которую побѣдила правая рука Хореба, и оказала пособіе бѣднымъ жителямъ Арголиды; и какъ внукъ Этры, осужденный на гибель гнѣвомъ Венеры, изгнанникомъ будешь ты сброшенъ испуганными конями. И какъ пріятель погубилъ воспитанника за огромныя богатства, пусть твой пріятель погубитъ тебя за ничтожную сумму, и какъ разсказываютъ съ Дамазихтономъ были умерщвлены его шесть братьевъ, такъ пусть погибнетъ съ тобою весь твой родъ. И какъ игрокъ на лирѣ за смертью бѣдныхъ дѣтей *умеръ самъ*, такъ тебѣ пусть по справедливости надоѣстъ твоя жизнь. И подобно сестрѣ Пелопса затвердѣешь ты, покрытый камнемъ подобно Батту, который пострадалъ за свой языкъ. Если тебѣ прійдется бросить въ пустой воздухъ дискъ, (кружокъ) пусть, имъ пораженный какъ мальчикъ Эбалидесъ, (сынъ Эбала) падешь. Если когда ты будешь поражать попеременно то тою, то другою воду, всякая вода пусть будетъ тебѣ хуже Абиденской. Какъ комикъ плывя погибъ среди волнъ, и твой ротъ пусть такъ захлебнется Стигійскою влагою. Или

когда, потерпѣвъ крушеніе, будешь ты бороться съ моремъ, волнуемымъ вѣтрами, пусть ты какъ Палинуръ погибнешь, коснувшись земли. И какъ поэта въ котурнахъ пусть стая бодрствующихъ собакъ, охрана Діаны, растерзаетъ тебя. Или ты, какъ Тринакріецъ пусть взойдешь на лицо гигантской Сицилійской Этны извергающей всего болѣе пламени. Пусть растерзаютъ твои члены безумными ногтями Стримоновы матери, полагая, что это Орѳеѳвы. И какъ сынъ Алтеи горѣлъ далекимъ огнемъ, такъ пусть твой костеръ пылаетъ огнемъ полѣна. И какъ новобрачная охвачена Фазійскимъ вѣнкомъ (погибла отъ него), отецъ ея и съ отцомъ весь домъ, какъ впитавшись въ кровь пошелъ по жиламъ Геркулеса, такъ твое тѣло пусть изъѣстъ смертоносный ядъ. И та рана, новымъ (небывалымъ) оружіемъ, которою потомство Пентида Ликурга отмстила за него, пусть останется и тебѣ и какъ Милонъ пусть ты, усиливаясь раздвинуть надколотое дерево, не будешь въ состояніи вынуть оттуда захваченныя руки. Пусть пострадаешь ты отъ твоихъ собственныхъ подарковъ какъ Икаръ, на котораго пьяная толпа подняла вооруженныя руки, и то, что нѣжнолюбившая дочь сдѣлала отъ горя вслѣдствіе смерти отца, и ты сдѣлай такъ, чтобы веревка окруживъ твое горло, его сдавила. Пусть терпишь ты голодъ въ жилищѣ твоемъ съ заваленною дверью, какъ тотъ, кому условіе наказанія дала сама родительница. Пусть оэпаменуешь ты образъ Діаны по примѣру того, кто легкій повернулъ путь отъ пристани Авлиды. И пусть, точно такъ Навпліадъ, понесешь ты наказаніе за мнимое (вымышленное) преступленіе, и пусть нисколько не будетъ тебѣ на пользу то, что ты его не заслужилъ. И какъ (гость), странникъ Изиды, лишилъ жизни Эталіона и его, помня это то и теперь отстраняетъ отъ священнодѣйствій Іонъ; и какъ Мелантея, скрывшагося во мракѣ отъ убійства выдала родительница, лишенная зрѣнія; такъ твоя грудь пусть будетъ пронзена брошенными стрѣлами, такъ, молю, то, что назначено тебѣ помочь, пусть обратится во вредъ. Какую ночь провелъ робкій Фригіецъ, договорившись о коняхъ, которыхъ погонялъ храбрый Ахиллъ, такая ночь пусть будетъ тебѣ. И пусть ты наслаждаешься нелучшимъ сномъ, какъ спутники Реза — въ то время гибели, а прежде жизни, или тѣ, которые вмѣстѣ съ Рутуломъ Рамнетомъ предали смерти неутомимый

Гиртацидесъ (Гиртаковъ сынъ) и его товарищъ; и пусть по примѣру Клиніадеса, окруженный черными огнями, понесешь полусожженные члены Стигійскому судну, и пусть как для Рема дерзнувшаго перескочить только что возводимыя стѣны, пусть и твоей головѣ на гибель будутъ сельскія орудія. Молю наконецъ, чтобы тебѣ пришлось жить и умереть въ этихъ мѣстахъ среди Сарматскихъ и Гетскихъ стрѣлъ. Пусть это тебѣ только на первый разъ будетъ послано въ набросанномъ на скорую руку сочиненіи для того, чтобы ты не жаловался, будто я о тебѣ не помню. Сознаюсь, что это не много, но боги пусть дадутъ болѣе прошеннаго и своею милостью помножатъ въ нѣсколько разъ мои обѣты. Впослѣдствіи прочтешь больше подъ твоимъ настоящимъ именемъ, и размѣромъ, какимъ должны быть ведены жестокія войны.

Орѣшникъ.

Я — орѣшникъ, находясь подлѣ дороги, незная за собою никакого преступленія въ жизни, терплю отъ проходящаго народа, бросающаго въ меня камни. Заваливать каменьями, это наказаніе для явно виновныхъ, когда раздраженіе народное не терпитъ замедленія. Ни въ чемъ я не повиненъ, развѣ если назовутъ виною каждый годъ приносить плоды тому, кто меня воздѣлываетъ. Прежде когда были времена лучшія, между деревьями было состязаніе въ плодородіи, тогда наши памятливые хозяева обыкновенно украшали, при удачныхъ плодахъ, вѣнками боговъ, живущихъ въ поляхъ. Часто такимъ образомъ ты, Либеръ, дивился на твои грозды, часто Минерва любовалась своими маслинами, и плоды обратились бы во вредъ матери, если бы длинная разсоха, будучи подставлена, неоказала помощи страдающей вѣткѣ. Даже и женщина родила по примѣру нашего плодородія и въ то время не было ни одной не матери. А послѣ того какъ платанамъ, дающимъ безплодную тѣнь, большая чѣмъ какому либо другому дереву досталась почесть, то и мы, приносящія плодъ деревья, если только я, орѣшникъ, могу быть отнесенъ къ нимъ, начали рости пышно роскошно и въ вѣтвистыхъ вершинахъ. А теперь и плоды родятся не каждый годъ къ ряду и въ домъ приходятъ и грозды и маслины поврежденными. Теперь утробу свою портитъ, которая желаетъ казаться хорошенькою, и въ нынѣшній

вѣкъ рѣдко встрѣтишь ту, которая пожелала бы быть матерью. Конечно и я, не будь никогда матерью, было бы безопаснѣе. Такая жалоба была достойна Клитемнестры. Знай это виноградная лоза, она уничтожила бы завязывающіеся грозды, и дерево Паллады (маслина) знай это, было бы одинокимъ (бездѣтнымъ, непроизводительнымъ). Это да будетъ извѣстно яблоку и грушѣ, тѣ и другіе плоды оставили бы свои лѣса и вишневое дерево, плоды котораго отличаются разнообразными цвѣтами, если бы услышало это, осталось бы безплоднымъ стволомъ. Конечно я не завидую, но впрочемъ — бросаютъ ли хоть въ одно дерево каменьями, которое, не принося плодовъ, отличается только густою вершиною. Посмотрите, вотъ чисты всѣ по порядку стволы, которые не имѣютъ ничего, за что бы ихъ бить. А мнѣ, которому ломаютъ сучья, наносятъ вредъ жестокіе раны и вслѣдствіе сорванія коры, виднѣется обнаженное дерево. И это происходитъ не отъ ненависти, но отъ возникшей надежды похищенія. Пусть другія деревья несутъ плоды; жалоба ихъ будетъ таже. Такъ почти всегда виновенъ тотъ, побѣда надъ которымъ можетъ быть выгодною, а у кого нѣтъ ничего, того и преслѣдовать не станетъ. Такъ и путникъ, который знаетъ, что несетъ что нибудь, за что бояться, ощущаетъ робость; а не имѣя ничего идетъ безопасно въ путь. Такъ я одинъ — предметомъ нападокъ, потому что у меня у одного есть причина за что нападать; нетронутыми листьями зеленѣетъ все прочее множество деревьевъ. А то, что кусты ближайшіе ко мнѣ представляютъ иногда также обломки и много лежитъ сломаннаго хвороста, то кустамъ вредитъ не то, чтобы они что нибудь сдѣлали, но во вредъ имъ сосѣдство; они принимаютъ въ себя камни, брошенные въ меня и отскочившіе. Этому трудно было бы повѣрить, если бы тѣ, которые находятся по далѣе, не сохранили не поврежденные природной красоты. Такимъ образомъ, если бы они понимали и за понятіемъ слѣдовали бы слова, то все, что наиболѣе близко ко мнѣ, проклинало бы самую тѣнь мою; но предполагаю, велика забота обо мнѣ трудолюбиваго поселянина! Найдешь, что онъ ничего не даетъ мнѣ кромѣ почвы. Самъ собою не прихотливый, рожусь я въ брошенномъ (пренебрежномъ) полѣ и часть мѣста, на которомъ нахожусь, почти общественная дорога; меня, чтобы я не вредилъ посѣвамъ, а говорятъ будто

бы я врежу имъ, имѣетъ самый отдаленный уголокъ на краю поля. Сатурнова коса не обрѣзываетъ мнѣ лишнихъ вѣтвей и затвердѣвшую почву не возобновляетъ мнѣ копатель и хотя бы я гибнулъ, страдая отъ солнца и жажды вслѣдствіе засухи, не дадутъ для моей поливки ни одной струи воды. А когда новый орѣхъ поспѣвъ дастъ трещины въ расколовшейся кожѣ, жестокій шестъ принимается за свое дѣло, онъ не милостивыя раны наноситъ полнымъ вѣтвямъ, чтобы я не могъ жаловаться на удары только камней. Падаютъ плоды, которымъ не отказываютъ въ доступѣ за второю перемѣною столовъ и ты, бережливый поселянинъ, прячешь собранные орѣхи. Ихъ мальчикъ или стоя прямо вѣрнымъ раздробляетъ ударомъ или наклонясь два ли одинъ ли разъ, касается пальцемъ. Въ четырехъ орѣхахъ, не болѣе вся игра заключается и при этомъ одинъ орѣхъ прикладывается къ положеннымъ пониже тремъ. По наклону дощечки катиться приказываетъ другой и желаетъ, чтобы его одинъ орѣхъ коснулся бы какого нибудь изъ многихъ. Также кто нибудь долженъ сказать, четъ или нечетъ, чтобы загадавшій получилъ ту прибыль, на какую загадалъ. Также дѣлается опредѣленная фигура, та, какую представляетъ небесное созвѣздіе и четвертая буква греческаго алфавита. Эта фигура раздѣлена черточками и палочка, разъ попавъ внутрь, столько оттуда вытаскиваетъ орѣховъ, до сколькихъ коснулась. Также нерѣдко ставится въ нѣкоторомъ разстояніи пустая чашка съ тѣмъ, чтобы одинъ орѣхъ, брошенный легкою рукою, попалъ туда.

Счастливо дерево, которое родилось на отдѣльномъ (уединенномъ) полѣ и можетъ оно приносить дань одному господину; не слышитъ оно шума людей и колесъ, не покрывается пылью отъ сосѣдней дороги. Оно — своему, сколько бы ни принесло, поселянину даетъ дары и онъ считаетъ полные дары. А мнѣ никогда невозможно (отдать) произвесть зрѣлыя плоды и ранѣе срока мои сбиваютъ плоды, между тѣмъ, какъ подъ тонкою корою, заключающееся внутри еще съ нѣжнымъ молокомъ зерно, и мои страданія не будутъ никому на пользу. А уже нахожу тѣхъ, которые въ меня бросаютъ и, поторопясь ударомъ, получаютъ не имѣющій значенія даръ. Если бы счесть то, что похищено, и то, что осталось, то оказалось бы, что твоя, прохожій, доля была бы больше чѣмъ хозяина. Часто кто нибудь, видя вершину, обнаженную

отъ листьевъ, полагаетъ, что это печальное дѣло неистоваго Борея, одинъ думаетъ, что я пострадалъ такъ отъ жаровъ, другой отъ стужи, а найдется и такой, который подумаетъ, что въ томъ виноватъ градъ. А мнѣ не были во вредъ ни градъ, ненавистный терпѣливымъ поселянамъ, ни вѣтеръ, ни солнце и не стужа; мнѣ во вредъ плоды мои, вредно то, что я производителенъ, что я плодоносенъ и добыча многимъ, и мнѣ въ томъ числѣ, была во вредъ. Добыча была во вредъ тебѣ, Полидоръ, добыча послала на войну Іонійскаго мужа нечестивой супруги. Безопасны были бы сады Гесперійскаго царя, но одно дерево заключало несмѣтныя сокровища. А крыжовникъ и терновникъ, которые родятся только задирать, и всѣ прочіе колючіе кустарники, безопасны самимъ вредомъ имъ наносимымъ, а меня, такъ какъ я не дѣлаю вреда и не скрываю себя за густыми крючками, жадныя руки бросаютъ въ меня дерзскіе камни. Что же если бы не давалъ тѣни, весьма пригодной избѣгающимъ солнца, когда земля трескается отъ Икаровой собаки? Что же было бы, не будь пріютомъ для убѣгающихъ отъ дождя, когда неожиданно водою ниспадаетъ дождь? И между тѣмъ, какъ исполняю все, когда — заботливый — всѣмъ оказываю услуги, въ меня же, за мою готовность служить, бросаютъ каменьями. Мнѣ достается, а приходится терпѣть и господину; я, причиною, почему поле обильно каменьями и между тѣмъ, какъ онъ очищаетъ землю и отбрасываетъ собравъ каменья, постоянно готово на дорогѣ оружіе для меня. Такимъ образомъ, ненавистные другимъ, только мнѣ одному холода на пользу. Въ то время зима доставляетъ мнѣ безопасность. Конечно я тогда обнаженъ, но для меня на пользу быть обнаженнымъ, и врагъ не имѣетъ добычи, какой бы отъ меня домогаться. Но какъ только одѣнутся вѣтви мои даннымъ имъ украшеніемъ, камни въ большемъ количествѣ стремятся къ новымъ плодамъ. Можетъ быть тутъ кто нибудь скажетъ: дозволено рвать съ того, что касается общественнаго мѣста, таково уже условіе (право) дороги. Если же это дозволено, то срывайте маслины, срѣзайте жатву и ты, безсовѣстный прохожій, бери близкій къ тебѣ овощь, и пусть такая же дерзость проникнетъ и за городскія ворота, и пусть для твоихъ стѣнъ будетъ то желаемое право. Пусть кто нибудь уноситъ серебро, лежащее на виду въ лавкѣ, и пусть кто нибудь другой отправится за

драгоцѣнными каменьями. Этотъ пусть уноситъ золото, а тотъ иноземные камешки, и до какихъ только могутъ коснуться богатствъ, пусть ихъ возьмутъ. Но не берутъ же, и пока всѣмъ управляетъ Цезарь, не будетъ (невредимымъ) безопаснымъ похититель при такомъ охранителѣ. А тотъ богъ заключилъ миръ не внутри стѣнъ только, но помощь свою разсѣялъ по всему земному кругу. Впрочемъ, что же пользы, ежели середи дня и явно меня бьютъ, и невозможно мнѣ быть безопаснымъ? А потому то ты не увидишь ни на листьяхъ гнѣздъ и никакой птицы сидящей на моихъ вѣтвяхъ. А камень, какъ попалъ на какую нибудь раздвоившуюся вѣтку, завязнувъ остается, какъ побѣдитель во взятой крѣпости. Впрочемъ часто (не рѣдко) другія преступленія допускали возможность отказаться (отречься) и ночь прикрывала вину. Моя обида отмѣчаетъ пальцы темныя сокомъ и кора мараетъ прикоснувшіяся до ней руки. То—моя кровь; правая рука, запачканная тою кровью безъ пользы, будетъ мыта водою. О сколько разъ мнѣ наскучила продолжительная жизнь и я желаю засохнуть и умереть. Сколько разъ желалъ я, чтобы меня исторгъ слѣпой вихрь, или чтобы меня коснулся сильный огонь брошенной молніи. И о еслибы внезапная буря похитила (отрясла) мои плоды или самъ бы я могъ сбросить ихъ съ себя! Такъ когда отъ тебя отняли поводъ къ опасности — то, что остается—ты, Понтійскій бобръ, имѣешь безопаснымъ. Каково мнѣ на душѣ, когда прохожій беретъ камень и прежде выбираетъ глазами мѣсто для удара, и движеніемъ ствола невозможно избѣгнуть безжалостнаго удара, такъ какъ подъ землею крѣпкою привязью держитъ меня корень. Тѣло подставляю ударамъ какъ часто стрѣлами, когда народъ запрещаетъ сложить оковы или когда бѣлая корова видитъ, что надъ нею поднимаютъ тяжелый топоръ, или извлекаютъ ножи надъ ея шеею. Часто вы думали, что мои листья трепетали отъ вѣтру, но причиною трепета во мнѣ былъ страхъ. Если я заслужилъ и кажусь вреднымъ, положите въ огонь и мои члены сожгите на дымныхъ очагахъ. Если же вы не имѣете, за что меня жечь и рубить, то пощадите: и тогда довершите начатой путь.

Эпиграммы: на его же Овидія, „любовныя стихотворенія“.

Насъ — книжекъ Назона, которыхъ недавно было пять, теперь три, это твореніе предпочелъ авторъ тому и пусть не будетъ уже тебѣ никакого наказанія читать, а во всякомъ случаѣ меньше *(легче)* будетъ наказаніе двумя книгами.

На книги превращеній.

Каждый кто до тронется до свертковъ (книгъ), осиротѣвшихъ родителемъ, хоть имъ покрайней мѣрѣ дай мѣсто въ вашемъ городѣ. А что бы ты болѣе былъ благосклоненъ, они не изданы имъ, но какъ бы выхвачены изъ похоронъ ихъ хозяина. А потому сколько недостатковъ ни представитъ неотдѣланное стихотвореніе, исправилъ бы онъ (авторъ), будь къ тому возможность.

Перевелъ
Александръ Клевановъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

